

9 (4) 1
6565

Фридрихъ фонъ Бецольдъ.

1949 г.

ИСТОРИЯ РЕФОРМАЦИИ

ВЪ

ГЕРМАНИИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣева.

1900.

Каб. Ксенофобии
9 48 10

Карль V и протестантство.

ГЛАВА I.

Борьба изъ-за Италіи.

Когда великія историческія личности вступаютъ между собою какъ бы въ единоборство въ качествѣ представителей по призванію борющихся силъ, получается величественное зрѣлище. Но истинная трагика исторической жизни начинается все же лишь тогда, когда отдѣльная личность вступаетъ въ борьбу съ безличнымъ, съ неувимымъ духомъ своей эпохи, въ ту роковую борьбу, которая наперекоръ всѣмъ одержаннымъ побѣдамъ можетъ закончиться лишь пораженіемъ единичной воли. Какъ бы разрушительно ни дѣйствовалъ подобный борецъ на свое и послѣдующія поколѣнія, какимъ бы мощнымъ тормозомъ ни былъ онъ, ему отказано въ благодати созидательства, ибо то, что онъ стремится создать, было и останется мечтой, хотя бы для осуществленія его онъ напрягалъ и расточалъ всѣ средства, какія только существуютъ въ дѣйствительности.

Такимъ борцомъ и былъ Карль V. Ибо, хотя его соперничество съ Францискомъ I и носитъ по временамъ совершенно личный характеръ, хотя подъ конецъ его жизненнаго поприща, послѣ того, какъ онъ раздавилъ своихъ не равныхъ по силѣ противниковъ, Морицъ Саксонскій снова дерзаетъ помѣряться съ непомѣрными силами побѣдителя, все же собственно задачей всей жизни послѣдняго средневѣковаго императора была недостижимая цѣль, и онъ до крайности напрягалъ всѣ свои силы въ борьбѣ съ неодолимымъ врагомъ. Если мы называемъ этого врага протестантствомъ, не слѣдуетъ подъ этимъ разумѣть лишь кругъ идей и приверженцевъ протестантскаго вѣроученія. Ранке обозначаетъ въ одномъ мѣстѣ оппозицію ново-исторической Европы стремленіямъ Карла V названіемъ «милитарно-политическаго протестантства». Эта оппозиція слагалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ и довольно часто представляла противоестественное съ виду смѣшеніе исключительно мірскихъ стремленій

съ религіозными. Но, несмотря на это, есть и общая черта въ борьбѣ нѣмецкой реформаціи и національныхъ государствъ противъ идеала объединеннаго и одинаково направляемаго христіанства, который цѣлые вѣка царилъ надъ умами и нашелъ себѣ наиболѣе величественное воплощеніе въ международномъ владычествѣ папства и Священной римской имперіи. Невозможность такого міроуправленія была уже давно доказана, понятіе бл. Августина о царствѣ Божіемъ на землѣ было вытѣснено созерцаніемъ дѣйствительнаго государства съ его направленною на «здѣшнее» дѣятельностью, и вотъ теперь, какъ разъ когда церковное единство западной Европы распадалось, снова должна была возродиться къ жизни всемірная монархія Священной римской имперіи. Ибо не можетъ быть никакого сомнѣнія, что этотъ молчаливый Габсбургъ, обладавшій могуществомъ, которое дѣйствительно напоминало *orbis terrarum* цезарей, всецѣло проникнутъ былъ идеями древней римской имперіи. Корона Карла Великаго пріобрѣтала между тѣмъ совсѣмъ особенное значеніе на главѣ государя, во владѣніяхъ котораго солнце никогда не заходило, и слово котораго было приказомъ въ Мадридѣ и Вѣнѣ, въ Антверпенѣ и Мексикѣ, въ Неаполѣ и Лимѣ. Правнукъ Карла Смѣлаго, наслѣдникъ бургундской и габсбургской политики, не имѣвшій истинной родины при всемъ изобиліи своихъ многоязычныхъ земель и подданныхъ, Карлъ только и могъ найти неподвижное средоточіе для своей многосложной дѣятельности правителя въ мірообъемлющей идеѣ имперіи. Только въ ней соприкасались неисчислимыя задачи государственнаго и церковнаго характера, единовременно охватить ихъ возможно было только интернаціональному, слѣдовательно, антинаціональному государственному политику. При такихъ колоссальныхъ размѣрахъ монархіи не могло быть и рѣчи о точномъ разграниченіи, всюду замѣшаны были интересы императора, и онъ постоянно долженъ былъ загадывать все далѣе и далѣе впередъ, постоянно думать объ увеличеніи своего могущества, чтобы предустранить всякую возможность умаленія его. Исконный обычай и сущность его положенія неразрывно связывали его съ католическою церковью, всю свою жизнь онъ чувствовалъ себя и дѣйствовалъ въ санѣ блюстителя Церкви, съ кѣмъ бы ни приходилось ему имѣть дѣло: съ послѣдователями Магомета, съ язычниками-индѣйцами, съ нѣмецкими еретиками, или съ папскимъ дворомъ. «Никогда уже сама мысль эта не представлялась опять такъ живо человѣческому уму, какъ ее мыслилъ Карлъ V», говоритъ Ранке.

Но противъ этого возобновленія полу-теократическаго имперіализма должно было возмущаться все, что только могло заявлять притязанія на независимость. Уже замыслы Гогенштауфеновъ о міровомъ владычествѣ вызвали полу-безсознательный отпоръ національнаго чувства, и это въ та-

кое время, когда едва и въ теоріи зарождалось сомнѣніе насчетъ того, чтобы міромъ могъ управлять всего одинъ человѣкъ. Въ то время во главѣ враждебныхъ императору элементовъ стало папство, чтобы на мѣстѣ всемірной свѣтской монархіи воздвигнуть свою собственную. Папы XVI вѣка не думали уже заявлять такихъ обширныхъ притязаній; они интриговали и боролись отчасти въ качествѣ итальянскихъ династовъ, отчасти въ качествѣ наслѣдниковъ и хранителей церковнаго строя, послѣдовательное завершеніе котораго опять подвергалось опасности совсѣмъ остановиться подъ вліяніемъ столь непомѣрно могущественнаго блюстителя Церкви. Они въ своемъ противодѣйствіи этому преданійшему сыну Церкви порой самымъ удивительнымъ образомъ поддерживали не только честолюбивые замыслы своихъ давнишнихъ союзниковъ, французскихъ королей, но и стремленія османовъ и лютеранъ въ Германіи. Въ этой борьбѣ, тянувшейся десятки лѣтъ, самыя ужасныя потери понесла Италія, затѣмъ Германія. И та и другая перешли политически и духовно разслабленными въ состояніе продолжительнаго, тяжкаго, смертельно изнурительнаго недомоганія. Но именно это роковое стремленіе Карла V къ всемірной имперіи и привело неизбѣжно къ тому, что реформація,—величайшій подвигъ клонившагося къ упадку нѣмецкаго народа,—могла устоять въ бурѣ временъ и пустить глубокіе корни. Его чудовищнаго гнета было, конечно, достаточно, чтобы ростъ церковнаго движенія обратить въ прозябаніе; но гнетъ этотъ тяготилъ не менѣе сильно и остальную Европу, такъ что общее озлобленіе сплотило толпу союзниковъ, которые забывали даже самыя священныя обязанности свои изъ-за самообороны отъ великаго врага. Міръ пресытился уже идеями среднихъ вѣковъ, и послѣдній великій поборникъ ихъ умеръ побѣжденнымъ.

Войнѣ между Карломъ V и Францискомъ I, которая составляла продолженіе прежняго соперничества французской короны съ Бургундіей и Испаніей, предшествовала продолжительная дипломатическая борьба. Нужно было заручиться союзниками для предстоящаго состязанія, и усилія обоихъ противниковъ привлечь на свою сторону важнѣйшія изъ нейтральныхъ державъ: Англію, папу, Швейцарскій союзъ, только лѣтомъ 1521 года привели къ рѣшительнымъ результатамъ. Левъ X давно уже съ нетерпѣніемъ желалъ открытія враждебныхъ дѣйствій и до самой послѣдней минуты сохранилъ себѣ возможность стать либо на ту, либо на другую сторону. Окончательно повліяло на его рѣшеніе, повидимому, заключеніе союза между Франціей и смертельнымъ врагомъ его Феррарой (ср. т. I, стр. 329); 29-го мая онъ подписалъ условія оборонительнаго и наступательнаго союза, въ которыхъ обѣ «высшихъ власти въ христіанствѣ» уговорились раздѣлить между

собою Италію; договоръ этотъ завершился тотчасъ же тѣмъ, что папа далъ императору инвеституру на Неаполь (ср. т. I, стр. 197). Папа увѣрялъ, разумѣется, что исполненіе папскаго долга и духовные вопросы для него важнѣе мірскихъ интересовъ, но суть дѣла для него заключалась собственно въ томъ, чтобы обезпечить за собою владѣніе Феррарою, Пармою и Пьяченцею; къ этому присоединялось еще обѣщаніе императорской охраны фамиліи Медичи и ея положенія во Флоренціи. Передъ самымъ заключеніемъ этого союза съ Римомъ имперскіе чины въ Германіи стали на сторону императора противъ Франціи и согласились выставить вспомогательное войско (т. I, стр. 353), положимъ, только въ будущемъ году. Въ Швейцаріи, за которою всѣ ухаживали, перевѣсъ сначала склонился, наоборотъ, на сторону Франціи; несмотря на сопротивленіе цюрихцевъ, 5-го мая 1521 года въ Люцернѣ заключенъ былъ союзный договоръ остальныхъ кантоновъ съ Францискомъ I, которымъ за повышеніе пенсіоновъ ему разрѣшалось вербовать швейцарскихъ наемниковъ на случай оборонительной войны съ кѣмъ бы то ни было. Но, такъ какъ Левъ X еще раньше успѣлъ на вербовать небольшое войско швейцарцевъ, а папское и императорское золото проторило пути кардиналу зиттенскому, давно уже доказавшему свое знакомство со швейцарскими дѣлами, то первоначальный успѣхъ Франціи вскорѣ оказался опять сомнительнымъ; бернцы отдѣлились отъ французскаго войска, чтобы не сражаться противъ своихъ отцовъ, братьевъ, родственниковъ и друзей, французы же не сдерживались въ выраженіи своей досады на этихъ «предателей мужиковъ».

Въ видѣ прелюдіи къ войнѣ Робертъ фонъ деръ Маркъ (т. I, стр. 345). недовольный императоромъ и начавшій было дѣйствовать по наущенію Франциска I, когда послѣдній отрекся отъ него, долженъ былъ вскорѣ отступить; разрывъ между Испаніей и Франціей послѣдовалъ собственно только послѣ вторженія французской арміи въ Наварру, законный владѣтель которой, Генрихъ д'Альбрэ, не получилъ вознагражденія за нее отъ Карла V и, по толкованію Франциска I, имѣлъ согласно договору право на поддержку съ его стороны. Получивъ извѣстіе объ этомъ нарушеніи своей границы, Карлъ V далъ обѣтъ предъ Богомъ, что онъ отомститъ за себя французскому королю, какъ онъ самъ рассказывалъ одному изъ англійскихъ пословъ. И это были не пустые слова въ устахъ властелина, о непримиримости котораго тогда уже хорошо знали его приближенные. А когда въ довершеніе всего получились вѣсти объ успѣхахъ императорскаго оружія какъ изъ Наварры, такъ и изъ Нидерландовъ, когда революція въ Кастиліи была повержена въ прахъ, и папа рѣшилъ стать на сторону императора, тогда юный властелинъ могъ радоваться этой справедливой войнѣ, которая только еще болѣе возвеличитъ его; онъ вслухъ высказалъ, что скоро или онъ ста-

нетъ бѣднымъ императоромъ, или Францискъ — бѣднымъ королемъ. Со смертью Шьевра умолкъ наиболѣе вліятельный голосъ, который высказывался за миръ вблизи Карла, и немаловажнымъ успѣхомъ императорской политики было то, что даже величайшій противникъ войны, кардиналъ Вольсей, не могъ уже соблюдать нейтралитета въ своей политикѣ. Мы знаемъ уже (т. I, стр. 327), какую оппозицію вызвали даже въ самой Англіи его миролюбивыя наклонности; королева Екатерина, тетка императора, давно уже дѣйствовала противъ постоянно вновь возникавшихъ попытокъ сближенія съ Франціей, да и настроеніе англійскаго народа было приподнятое, когда кардиналъ встрѣтился съ Карломъ V въ Брюгге. Юный императоръ, цѣлыхъ полтора часа прождавши кардинала передъ городскими воротами, привѣтствовалъ этого перваго политика во всей Европѣ совсѣмъ какъ самодержавнаго государя, обнаживши голову, «съ сѣдла къ сѣдлу»: въ церкви они оба рядомъ преклонили колѣни на одной скамейкѣ и подъ однимъ балдахиномъ. Королю датскому пришлось помириться съ тѣмъ, что онъ самъ долженъ отправиться къ кардиналу, такъ какъ тотъ, подъ предлогомъ охраненія достоинства своего государя, не хотѣлъ потрудиться даже только спуститься въ садъ, чтобы встрѣтить его. И все же этотъ гордый человѣкъ потерпѣлъ весьма чувствительное пораженіе въ политикѣ и при свиданіи въ Брюгге и во время послѣдовавшихъ переговоровъ, хотя неблагопріятный оборотъ нидерландскаго похода, а особенно неудача императорской арміи, бывшей подъ начальствомъ Генриха Нассаускаго и Зиккингена, подъ Мезьеромъ, который защищалъ Байяръ, нѣкоторое время заставляли самого Карла V склоняться къ заключенію перемирія. Но безтолковое веденіе войны французами, которые не сумѣли воспользоваться своими успѣхами въ Нидерландахъ, и отказъ ихъ выдать завоеванную пограничную крѣпость Фуэнтэррабіа, скоро снова уничтожили всѣ надежды на благопріятное продолженіе англійскихъ попытокъ къ посредничеству. Вольсей еще въ Брюгге испыталъ, что онъ имѣетъ дѣло съ государемъ, который умѣетъ «хладнокровно и осмотрительно» подмѣчать свои выгоды. Пробуждающееся у юнаго государя сознаніе своихъ силъ вполнѣ ясно выразилось въ его пригласительномъ посланіи кардиналу: «Вы и я, мы въ одинъ день достигнемъ большаго, чѣмъ мои послы въ продолженіе мѣсяца». При всемъ тонко разсчитанномъ проявленіи своего почтенія онъ вовсе не намѣренъ былъ позволить Вольсею руководить собою; когда кардиналъ началъ было рѣзко осуждать «плохо освѣдомленную» политику императора, Карлъ, оскорбленный въ своей гордости, вспылилъ и сказалъ, что, если кардиналъ думаетъ, что онъ можетъ обращаться съ нимъ, словно съ плѣнникомъ Англіи, то онъ не на того напалъ. Въ виду того, что его обрученіе съ малолѣтней дочерью Генриха VIII Ма-

ріей составляло главную статью этихъ переговоровъ, онъ прибавилъ еще, что женъ онъ найдетъ себѣ достаточно и не за такую дорогую цѣну. Во время этихъ переговоровъ въ Кале и проявилась впервые фантастическая сторона политики императора; изумляешься, когда канцлеръ Гаттинара, упорный противникъ кардинала, развиваетъ требованія о тройкой реституціи: о возстановленіи владѣній бургундской династіи, испанской короны и имперіи, требованія, въ которыхъ включены были, кромѣ герцогства бургундскаго и земель по Сомѣ, ни болѣе, ни менѣе, бывшее арелатское королевство съ Провансомъ, Дофинэ и Ліономъ, остальная южная Франція вплоть до Наварры и графства Шампань и Бри. По закону, полагали представители императора, они вѣдь имѣютъ право требовать возвращенія всего французскаго королевства, такъ какъ папа Бонифацій VIII отнялъ его у Филиппа Красиваго и отдалъ въ ленъ королю Альбрехту Габсбургу. Но въ этой-то именно чудовищности замысловъ и заключались точки соприкосновенія между Карломъ V и Генрихомъ VIII, пренебрегать которыми совѣмъ не слѣдуетъ; Генриху VIII отчаянно смѣлая воинственная политика и воспоминанія о томъ, что предки его носили корону Франціи, въ сущности были гораздо болѣе по душѣ, чѣмъ положеніе нейтральнаго третейскаго судьи, котораго добивался Вольсей. Отъ этой должности третейскаго судьи Вольсей для виду пока отказался, потому что при враждебномъ настроеніи сторонъ она все болѣе и болѣе утрачивала значеніе, и 25-го августа заключилъ въ Брюгге союзъ съ императоромъ противъ Франціи, а затѣмъ 24-го ноября возобновилъ его въ Кале, включивши въ него и папу. Но этотъ мастеръ политической игры все еще не считалъ свое дѣло окончательно потеряннымъ, какъ на это указываетъ уже условіе, что Англія только въ случаѣ посѣщенія императора должна объявить войну Франціи и начать военныя дѣйствія. Положимъ, старанія Вольсея оттянуть это посѣщеніе и разрывъ съ Франціей по возможности дольше прерваны были потомъ, когда императорскія войска одержали первую большую побѣду въ Италіи. Но все же этотъ союзъ Карла съ Англіей, по опредѣленію Буша, былъ неискрененъ въ самой сущности своей, «ибо не было ни малѣйшаго слѣда взаимнаго довѣрія у обѣихъ союзныхъ державъ, и руководящій министръ одной изъ нихъ былъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ союза». Помимо политическихъ соображеній, у него были на это еще особыя причины вполне личнаго характера, какъ мы это вскорѣ увидимъ.

Во всякомъ случаѣ для императора былъ въ высшей степени выгоденъ уже одинъ слухъ о присоединеніи Англіи; въ Римѣ, какъ сообщаютъ англійскіе послы, полагали, что этимъ обезпечено неизбежное пораженіе Франціи. Ибо французское владычество въ сѣверной Италіи было

весьма непрочна, какъ это и доказало внезапное паденіе его, когда поздней осенью 1521 года на вербованные для папы наперекоръ желанію своихъ правительствъ швейцарцы согласились открыто принять участіе въ войнѣ противъ Франциска I, и соединенныя войска папы и императора подъ предводительствомъ Просперо Колонны и маркиза Пескары явились (19 ноября) подъ Миланомъ. Городское населеніе, раздраженное до крайности суровостью французскаго намѣстника Лотрека, возстало, подъ покровомъ бурной дождливой ночи французамъ удалось ускользнуть изъ города, и тотчасъ же Павія, Пьяченца, Парма, почти всѣ миланскія крѣпости свергли ненавистное имъ чужеземнаго владычества. Вскорѣ (2 декабря) послѣдовала сдача Турнэ императорскимъ войскамъ. Но въ то же время неожиданная смерть папы грозила похѣрить всѣ расчеты императора. Среди разгара ликованій по поводу побѣдной вѣсти изъ Милана Левъ X заболѣлъ; немного дней спустя, вечеромъ 1 декабря, этотъ жизнерадостный Медичи скончался, но имени его суждено жить въ связи съ именами Рафаеля и Микельанджело. Впрочемъ, этотъ баловень счастья и виртуозъ наслажденій, «исповѣдавшись, принялъ христіанскую и благую кончину», по сообщенію очевидца; а злостныя эпиграммы и пасквили римлянъ говорятъ, наоборотъ, что онъ издохъ какъ собака. Вздохнули его мелкіе враги; только что недавно сильно стѣсненный Альфонсъ, герцогъ феррарскій, приказалъ выбить медаль въ память своего избавленія съ надписью: *ab ungue leonis*, «отъ когтей Льва»; затѣмъ онъ, Ровере, Бальони и другіе династы поспѣшили отобрать все, чего они лишились въ пользу церкви. Въ то время какъ союзный швейцарскій сеймъ, и безъ того возмущенный тѣмъ, что папа воспользовался упомянутыми швейцарскими наемниками противъ Франціи, снова обѣщалъ Франциску I помощь федератовъ, императоръ убѣдился, что однимъ ударомъ разбиты всѣ финансовыя и военныя выгоды союза, заключеннаго имъ съ Львомъ X, и что будущность войны въ Италіи оказалась въ зависимости отъ сомнительнаго исхода папскихъ выборовъ.

Никогда, быть можетъ, конклавъ не возбуждалъ еще столь напряженныхъ ожиданій и не приводилъ потомъ къ такому совсѣмъ неожиданному результату. Самый могущественный изъ кардиналовъ, Вольсей, отклонилъ сначала предложеніе императора возвести его при первомъ удобномъ случаѣ на престолъ св. Петра. Несмотря на это, Карлъ V повторилъ свое предложеніе при свиданіи съ нимъ въ Брюгге, и вотъ, теперь, когда такъ неожиданно скоро представился благопріятный случай, сдержанность Вольсея разомъ исчезла; онъ дошелъ даже до того, что подговаривался, нельзя ли произвести давленіе на избирателей при помощи императорскихъ войскъ. Со всѣмъ своимъ честолюбіемъ ухватился теперь этотъ гордый прелать

за это желаніе, которое Карлъ старался поддерживать въ немъ, не намѣреваясь въ самомъ дѣлѣ содѣйствовать его исполненію. И императоръ и посолъ его въ Римѣ, старикъ Мануэль, отлично знали, что Вольсей въ глубинѣ души склонялся гораздо болѣе на сторону Франціи; Мануэль, полагавшій, что и въ самомъ аду нѣтъ столько ненависти и столько дѣволовъ, какъ среди кардиналовъ, вовсе не упоминаетъ въ своихъ письмахъ по поводу конклава о Вольсеѣ, хотя послѣднему удалось однажды получить семь голосовъ. Такъ какъ нельзя было наперекоръ французской партіи провести Юлія Медичи, который былъ собственно кандидатомъ императора, то Мануэль направилъ вниманіе на тортозскаго кардинала, Адріана изъ Утрехта, воспитателя Карла V. Дѣйствительно при одиннадцатомъ голосованіи 9 января 1522 года избранъ былъ этотъ совершенно неизвѣстный въ Римѣ прелатъ, когда кардиналамъ надоѣла уже эта продолжительная борьба, въ которой прибѣгали ко всякимъ средствамъ, даже къ нарушенію тайны исповѣди. Францискъ I заявилъ, что, если выберутъ Медичи, Франція откажетъ въ своемъ послушаніи папскому престолу; онъ тотчасъ же апеллировалъ къ безпристрастію новаго папы, который къ удовольствію французовъ лишь спустя не мало времени могъ прибыть въ Римъ, и который сверхъ того питалъ твердое намѣреніе не унижаться до положенія креатуры своего бывшего воспитанника. Глубоко должно было оскорблять его гордость какъ главы Церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ честнаго человѣка, когда Мануэль прямо таки тономъ директора внушалъ ему сугубый долгъ благодарности передъ Богомъ и императоромъ, по милости которыхъ онъ удостоился такого благодѣянія, и воли которыхъ были такъ сказать въ полномъ согласіи между собою. Такая поистинѣ византійская наглость была совсѣмъ неумѣстна относительно человѣка съ такимъ характеромъ какъ Адріанъ: «Я очень радъ», писалъ онъ своему царственному воспитаннику, «что этимъ избраніемъ я не обязанъ Вашимъ ходатайствамъ». Мы уже видѣли, какъ онъ въ качествѣ реформатора на престолѣ св. Петра тщетно пытался лишить нѣмецкую ересь почвы откровеннымъ признаніемъ испорченности церкви; цѣлью политики этого папы было возстановленіе мира между христіанскими державами, чтобы получить возможность дать сильный отпоръ дѣйствительно грозному расширенію державы османовъ, и папа требовалъ отъ императора, чтобы онъ согласился на перемиріе, такъ какъ-де, по дошедшимъ до него слухамъ, король Францискъ склоненъ заключить миръ.

Но той порой вслѣдствіе военныхъ событій въ Италіи положеніе императора въ корнѣ измѣнилось, а нѣкоторое время подъ вліяніемъ страшной нужды въ деньгахъ онъ дѣйствительно склоненъ былъ, повидимому, предупредительно отнестись къ желаніямъ Адріана. Хотя Франція и могла вос-

пользоваться боевыми силами Швейцарскаго союза, но надъ этими грозными сынами горъ одержали верхъ нѣмецкіе ландскнехты, какъ нѣкогда въ битвѣ при Мариньяно; подъ предводительствомъ своего «отца», швабскаго рыцаря Георга фонъ Фрундсберга, они проложили себѣ путь черезъ занесенные снѣгомъ альпійскіе проходы; когда они соединились съ Колонной и герцогомъ Франческо Сфорца, котораго съ торжествомъ встрѣтили его миланцы, дѣло дошло до первой настоящей битвы, вслѣдствіе того, что швейцарцы принудили Лотрека напасть 27 апрѣля на крѣпкую позицію противниковъ близъ Вилла-Бикокка. Какъ и во всѣхъ почти войнахъ того времени, здѣсь сошлись боевыя силы самыхъ различныхъ національностей: французы, швейцарцы, итальянцы, испанцы, нѣмцы; но особенно выдѣлялся антагонизмъ между давнишними соперниками, между нѣмецкимъ «братомъ Валентиномъ (Veit)» и швейцарскимъ Генрихомъ («Heini»), прямо таки эпически воплотившійся въ вызывающихъ рѣчахъ и личномъ поединкѣ между мощнымъ Фрундсбергомъ и его прежнимъ товарищемъ по оружію Винкельридомъ. За этой блестящей побѣдой императорскихъ войскъ послѣдовало занятіе Генуи, запоздавшее на цѣлый мѣсяцъ вслѣдствіе присущаго ландскнехтамъ отсутствія дисциплины. Это и заставило наконецъ Англію выкинуть открыто свой флагъ; въ концѣ мая Карлъ V высадился въ Дуврѣ, и, пока оба монарха неустанно выражали свои чувства объятіями, англійскій герольдъ прибылъ ко двору Франциска I въ Ліонѣ съ объявленіемъ войны отъ своего государя. Въ этомъ договорѣ о союзѣ (Виндзоръ, 19 іюня) между Карломъ V и Генрихомъ VIII Франція выставляется препятствіемъ для войны противъ турокъ, честолюбивымъ нарушителемъ мира, у котораго слѣдуетъ стнять всѣ сдѣланныя имъ завоеванія; они собирались привлечь къ своему союзу папу, Венецію, Швейцарскую федерацію, но обѣтъ союзныхъ монарховъ, что въ случаѣ нарушенія договора они подчиняются отлученію отъ церкви и интердикту, далеко не ручался за прочность союза. Руководящіе политики ни на минуту не забывали взаимнаго глубокаго недовѣрія; Вольсей вскорѣ уже сталъ жаловаться на имперіалистическія вождельнія Гаттинары, а у императорскихъ совѣтниковъ было достаточно поводовъ говорить о безграничномъ высокомеріи кардинала, который все еще не прочь былъ изображать изъ себя третейскаго судью въ Европѣ. Между прочимъ, онъ со своей обычной грубостью пытался запугать Венецію, чтобы принудить ее ко вступленію въ союзъ противъ французовъ, которыхъ, какъ онъ выразился, надо истребить съ корнемъ.

Какъ ни ничтожны были первыя послѣдствія виндзорскаго союза въ военномъ отношеніи—они ограничились тѣмъ, что «была выжжена до тла» обширная область въ сѣверо-западной Франціи,—какъ ни скоро Вольсей снова сталъ

подумывать о томъ, чтобы возобновить сношенія съ Франціей, или, по крайней мѣрѣ, употребить военныя силы Англіи лучше противъ Шотландіи, а не на материкѣ: но близорукость французскаго правительства сама содѣйствовала тому, что союзъ Карла съ Англіей не только не разстроился, а могъ даже разрастись въ европейскую лигу противъ Франціи. Франциска I оцѣнивалъ въ молодости боевая слава побѣды при Мариньяно, и онъ не привыкъ достигать великихъ цѣлей тяжкимъ многолѣтнимъ трудомъ; повседневныя заботы управленія этотъ остроумный и черезчуръ уже жизнерадостный король предоставилъ своей матери, Луизѣ Савойской. Онъ, правда, порой мѣтко и рѣзко выражалъ свое возбужденное состояніе по поводу политическихъ вопросовъ. Такъ во время переговоровъ съ Львомъ X онъ выразился, что онъ именуется первороднымъ сыномъ Церкви, но, если папа будетъ противиться ему, онъ станетъ первымъ діаволомъ; такъ, одному изъ англійскихъ пословъ онъ заявилъ, что для защиты своей онъ не нуждается ни въ чьей помощи, и между прочимъ никогда впредь не будетъ полагаться ни на одного князя и даетъ передъ Богомъ обѣтъ, что, если король Генрихъ покинетъ его теперь, ему уже никогда не удастся привлечь его къ себѣ. Онъ и парижскій парламентъ увѣрялъ однажды, что готовъ вступить въ борьбу со всей Европой, и ему нечего бояться ни одного изъ своихъ противниковъ. Но эти порывы скоро проходили. Карлъ V, получивши дурныя вѣсти, забывалъ за государственными трудами про ѣду и сонъ. Францискъ I и дни и ночи проводилъ въ маскарадахъ въ то время, когда его войска въ Италіи терпѣли пораженія. А его мать, хотя она и доказала уже не разъ свою способность вести интриги въ пользу своего «государя и цезаря», но какъ разъ теперь самымъ пагубнымъ образомъ воспользовалась своимъ вліяніемъ, доведя до открытой вражды давно уже существовавшую натянутость отношеній между французской короной и самымъ могущественнымъ изъ ея вассаловъ. Карлъ, герцогъ Бурбонскій, женатый на внучкѣ Людовика XI, великій камерарій и конетабль Франціи, былъ первымъ человѣкомъ послѣ короля не только по своимъ истинно княжескимъ владѣніямъ, но и какъ личность; ему, казалось, удавалось все, за что онъ ни брался, и онъ съ гордостью говорилъ, что не нарушитъ вѣрности своему государю и за королевство, развѣ только если тотъ оскорбитъ его. Его рѣшающее участіе въ побѣдѣ при Мариньяно, уваженіе, которымъ онъ пользовался въ войскахъ, несмотря на свою строгую дисциплину, впервые внушили недовѣріе къ нему; а та манера, съ которой онъ переносилъ немилость двора, подмывала Франциска I унижать его еще больше и все чувствительнѣе. Неудивительно, что лояльность вассала уже не выдержала, когда послѣ смерти его жены на все ея наслѣдство, а слѣдовательно, и на основаніе его мо-

гущества, заявили притязанія отчасти король, отчасти королева-мать. Луиза будто бы подумывала вступить въ бракъ съ герцогомъ, который былъ гораздо моложе ея, а тотъ пренебрегъ ею; несомнѣнно одно, что дѣло дошло до процесса, и Бурбонъ въ виду опасности, грозившей самому существованію его, ухватился за протянутую ему императоромъ руку. Въ іюлѣ 1523 г. онъ заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ Карломъ V, а немного спустя и съ Генрихомъ VIII; въ силу этого договора онъ получалъ руку сестры императора и обязывался поддерживать открытымъ возстаніемъ вторженіе союзниковъ во Францію. Бурбонъ, забывши совершенно, что онъ не только вассалъ, но и французъ, говорилъ о дурномъ правленіи чувственного короля, объ обнищаніи и разореніи королевства; онъ утверждалъ, будто можетъ рассчитывать на то, что къ нему присоединятся двѣ тысячи дворянъ. Въ то время, когда Францискъ, лишь позднѣе сообразившій свою ошибку и обѣщавшій исправить ее, двинулся на югъ, Бурбонъ бѣжалъ за границу въ Безансонъ. Король сдѣлалъ важное упущеніе, не заключивши подъ надежную стражу своего смертельнаго врага, который былъ вполнѣ въ его рукахъ со всеѣми своими тайнами. А французское дворянство, вмѣсто того, чтобы послѣдовать за нимъ, за ничтожными исключеніями, съ омерзѣніемъ отвернулось отъ измѣнника.

Неудавшійся планъ Бурбона поднять возстаніе возбудилъ въ Генрихѣ VIII такое сильное вожелѣніе на французскую корону (ср. стр. 6), что онъ, вмѣсто того, чтобы отдѣлиться отъ лиги, напротивъ, принялъ все мѣры къ тому, чтобы посильно исполнить свою роль при задуманномъ совмѣстномъ нападеніи на Францію; и онъ предпочелъ бы тотчасъ же устроить своему царственному брату Франциску засаду при посредствѣ Бурбона. А политика императора, казалось, восторжествуетъ и въ Италіи; когда императорскіе военачальники не удержали за собою цитадель Милана, которую французы очистили наконецъ, а передали ее Сфорцѣ, это способствовало рѣшенію Венеціи присоединиться къ врагамъ Франціи (29 іюля); да и нейтралитетъ папы поколебался, когда онъ сдѣлалъ открытіе, что кардиналъ Содерини, одинъ изъ немногихъ людей, которымъ онъ довѣрялъ въ Римѣ, возбуждалъ Франциска I къ походу на Италію. Слѣдствіемъ ареста этого интригана былъ выѣздъ изъ Рима французскаго посла, а папское повелѣніе заключить перемиріе подъ страхомъ отлученія вызвало рѣзкій отвѣтъ Франциска, въ которомъ много говорилось о привилегіяхъ Франціи и напоминалось даже объ участи Бонифація VIII. Бѣдный Адріанъ привыкъ уже къ рѣзкимъ письмамъ; вѣдь какія поученія читали ему представители императора, Мануэль и Гаттинара, за его холодность къ Карлу V, за его доступность внушеніямъ духа злобы! Самъ юный

императоръ однажды написалъ своему послу въ Римѣ, что, стоило ему только дать волю своей досадѣ на Адріана, тотъ давно уже изъ папы сдѣлался бы просто священникомъ церкви св. Петра. Такова была уже трагическая судьба этого папы, что этотъ старецъ, воодушевленный самымъ священнымъ рвеніемъ, проливавшій слезы о стѣсненномъ положеніи Родоса, долженъ былъ расплачиваться за расточительность своего предшественника; Левъ X оставилъ послѣ себя долговъ гораздо больше чѣмъ на миллионъ дукатовъ, и Адріанъ колебался объявить себя противникомъ Франціи, «потому что», писалъ онъ, «въ тотъ же день прекратился бы притокъ денегъ изъ Франціи, на которыя главнымъ образомъ и содержится мой дворъ». Ему пришлось видѣть, какъ рушились всѣ его идеалы: Родосъ перешелъ въ руки турокъ, лютеранская ересь, думая о которой у него едва ли хватало еще времени, утвердилась въ Германіи, папа, мечтавшій стать выше всѣхъ партій, вынужденъ былъ сдѣлаться союзникомъ императора. О присоединеніи своемъ къ союзу онъ объявилъ 3-го августа; а за нѣсколько дней передъ тѣмъ присоединились и венеціанцы, эти «архи-французы», какъ ихъ называли при императорскомъ дворѣ. Но уже 14 сентября Адріанъ сошелъ въ могилу, напутствуемый проклятіями и издѣвательствами нравственно пропащаго поколѣнія, которое увѣшало вѣнками дверь его врача. *Vana sine viribus ira* (напрасенъ безсильный гнѣвъ), говаривалъ со вздохомъ въ послѣднее печальное время этотъ папа стараго закала; а вполне заслуженная имъ надгробная надпись гласила: «Здѣсь покоится Адріанъ VI, величайшимъ несчастіемъ въ жизни котораго было то, что онъ достигъ высшей власти».

А между тѣмъ въ сущности виноватъ былъ Карлъ V; что, несмотря на благопріятное политическое положеніе, столь жалкимъ образомъ потерпѣло неудачу задуманное совокупное нападеніе на Францію. Въ то время какъ англійская армія въ сѣверной Франціи могла справедливо жаловаться на «разслабленность бургундцевъ» и почти что ничего не достигла, въ то время какъ на востокъ ландскнехты Бурбона, который поговаривалъ уже о взятіи Парижа, скоро опять разбѣжались, императоръ все откладывалъ съ мѣсяца на мѣсяць свое наступленіе изъ Испаніи на южную Францію, такъ что англійскіе послы стали сообщать домой, что онъ не въ состояніи помочь ни себѣ самому, ни своимъ друзьямъ, и намѣренъ водить ихъ лишь для того, чтобы заключить миръ и привести въ порядокъ свои собственные владѣнія. Единственнымъ стоящимъ упоминанія послѣдствіемъ запоздалаго зимняго похода испанцевъ было отнятіе у французовъ Фуэнтеррабін. Та медлительность, которая составляетъ отличительное свойство Карла V во всѣхъ вообще его рѣшеніяхъ и движеніяхъ, стала замѣчаться уже и тогда; она происходила отчасти отъ

непрестанно накоплявшейся массы самыхъ разнородныхъ неотложныхъ задачъ, отчасти вслѣдствіе невѣроятной медленности и небезопасности сообщеній, особенно же вслѣдствіе хронической нужды въ деньгахъ, которая представляла вопіющее противорѣчіе съ огромными требованіями его воинственной политики и пышнаго дворцоваго хозяйства. «При своемъ прибытіи сюда», пишетъ онъ изъ Испаніи, «я нашелъ, что всѣ мои доходы израсходованы и растрочены». Но и всѣхъ этихъ причинъ недостаточно, чтобы объяснить странное колебаніе Карла въ продолженіе войны 1523 и 1524 гг., тѣмъ болѣе, что онъ сумѣлъ создать себѣ обильный источникъ доходовъ изъ штрафовъ испанскихъ мятежниковъ. Тщетно увѣщевали его смиловаться самые опытные знатоки обстоятельствъ, тщетно убѣждалъ его герцогъ Альба. Юный властелинъ тутъ впервые оправдалъ оставшееся за нимъ навсегда мнѣніе объ его непримиримости; вопреки торжественно объявленной амнистіи еще цѣлые годы продолжались казни и конфискаціи, и лучше всего характеризуетъ этого будущаго великаго презирателя людей та безсердечная расчетливость, съ которою онъ умѣлъ сперва успокоить особенно заслуживавшіе наказанія элементы, чтобы тѣмъ ужаснѣе наказать ихъ впослѣдствіи. Еще въ 1525 году одинъ благочестивый монахъ заклиналъ его отпраздновать побѣду при Павіи помилованіемъ изгнанныхъ и бѣжавшихъ мятежниковъ и не допускать болѣе гибнуть въ нуждѣ ихъ неповиннымъ женамъ и дѣтямъ. Но еще гнуснѣе безсердечія этого короля-судьи было то, что Карлъ V прибѣгалъ къ самому подлому обману, которымъ онъ не побрезговалъ воспользоваться, напр., противъ революціонеровъ на о. Майоркѣ. Разумѣется, и въ политикѣ Карлъ нимало не колеблясь прибѣгалъ къ такимъ средствамъ; такъ, послѣ смерти Адріана, онъ думалъ во второй разъ провести Вольсея тѣмъ, что, давши уже приказаніе своему послу въ Римѣ дѣйствовать въ пользу избранія Юлія Медичи, онъ написалъ ему письмо въ пользу Вольсея, но велѣлъ задержать его въ Барселонѣ до тѣхъ поръ, пока не получилъ извѣстія объ избраніи Медичи. На этотъ разъ Медичи рѣшился пріобрѣсти папскую тиару или для себя, или для человѣка по своему выбору, «хоть бы они тамъ всѣ издохли въ конклавѣ». Римляне требовали папы изъ туземцевъ, хотя бы это былъ идіотъ. Сохранилось извѣстіе, что кардиналъ Фарнезе совсѣмъ взаправду пытался купить благорасположеніе императора, предложивши ему огромную сумму денегъ. Но жестоко ошибался посолъ Карла, заявивши, что Медичи, избранный 19 ноября 1523 года, креатура и безпрекословное орудіе его государя. Климентъ VII, названный самымъ несчастнымъ изъ всѣхъ папъ, хотя предшественникомъ его былъ Адріанъ VI, разумѣется, пріобрѣлъ этотъ высшій санъ въ христіанствѣ въ качествѣ сторонника императора, но потомъ онъ сдѣлалъ рѣшительную попытку об-

лечься въ новаго челоѣка соотвѣтственно этому новому своему положенію. Цѣли его политики были въ сущности тѣ же самыя, что и у Адріана VI: миръ между христіанскими державами, всеевропейская война противъ турокъ, искорененіе ереси; только въ Климентѣ VII опять таки сказывается и вмѣшивается итальянскій князь со всѣми его территоріальными и династическими интересами. И Климентъ, конечно, велъ себя въ своей частной жизни съ гораздо большимъ приличіемъ и болѣе соотвѣтственно духовному сану, чѣмъ его родственникъ Левъ X, онъ щедро раздавалъ милостыню, вмѣсто того, чтобы одарять музыкантовъ и шутовъ, но возвышеннаго образа мыслей Адріана у преемника его не было и слѣда, онъ съ самаго начала предпочиталъ ходить окольными путями и всегда старался выждать сперва, куда повернется дѣло. Поддерживая тайкомъ деньгами императорскую армію въ сѣверной Италіи, онъ тотчасъ же послѣ избранія тоже подъ величайшимъ секретомъ сообщилъ венеціанской синьоріи, что его задушевное намѣреніе быть дѣйствительно папой, а не холопомъ, какъ былъ Адріанъ, и отстаивать независимость Италіи какъ отъ Франціи, такъ и отъ императора.

Представители императора изображали ему папу истымъ итальянцемъ и зависимымъ отъ окружающихъ, послѣ того какъ улеглось первое радостное ликованіе по поводу кажущейся побѣды на выборахъ. Но уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя при испанскомъ дворѣ находили, что его святѣйшество былъ въ сущности больше на своемъ мѣстѣ въ санѣ кардинала, чѣмъ на папскомъ престолѣ. Положимъ, странно было бы требовать, чтобы итальянскіе князья и народы безусловно отождествляли интересы чужеземнаго государя со своими собственными. Если папа и считалъ, можетъ быть, одно время возможнымъ дружественный союзъ съ императоромъ сѣверной и средней Италіи, то это его желаніе болѣе всего согласовалось съ мыслью канцлера Гаттинары, который предпочелъ бы охотнѣе всего совсѣмъ устранить французскихъ «варваровъ» отъ Италіи и сохраненіемъ самостоятельнаго миланскаго герцогства привязать итальянскія государства къ Карлу, какъ естественному охранителю ихъ. Во всякомъ случаѣ, на ряду съ испанскими и нѣмецкими войсками преимущественно итальянскія войска подъ предводительствомъ Просперо Колонны, а по смерти его подъ начальствомъ новаго императорскаго намѣстника Бурбона держались зиму 1523—1524 года противъ превосходившаго ихъ численностью войска Франциска I и въ концѣ концовъ обратили его въ бѣгство. Населеніе Милана еще не позабыло своего ропота на скотскую грубость французскаго владычества и сгорало желаніемъ помѣряться силами съ ненавистными врагами, которые осаждали городъ. Во время отступленія французовъ былъ раненъ ихъ предводитель адмиралъ Бонниве (Воп-

nivet), а знаменитый Байяръ, «рыцарь безъ страха и упрека», былъ смертельно раненъ пулею пѣхотнаго ландскнехта, только что успѣвши отбить обратно у преслѣдователей два орудія. Бурбонъ, снова тотчасъ же принявшійся за свой излюбленный проектъ завоеванія Франціи, изловчился ради этого принести Генриху VIII, если и не форменную присягу, то клятву на вѣрность, чтобы получить англійскія субсидіи для похода, предпринятаго изъ личной мести; онъ рассчитывалъ еще до праздника Всѣхъ Святыхъ овладѣть Парижемъ. Но недостатокъ въ деньгахъ и противодѣйствіе Пескары задержали вторженіе въ южную Францію до іюля, и, хотя города Прованса почти безъ сопротивленія отворили свои ворота, но все предпріятіе рушилось подъ стѣнами превосходно укрѣпленнаго Марсея, жители котораго сами помогали разрушать предмѣстья и со слезами на глазахъ переносили прахъ своихъ умершихъ и свои святыни изъ сламываемыхъ церквей подъ защиту городскихъ стѣнъ. Женщины всѣхъ сословій, въ смертельномъ ужасѣ передъ дикимъ Бурбономъ и его наемниками, принимали участіе въ шанцевыхъ работахъ, и въ трои сутки возникли такимъ образомъ *tranchées des dames*. Въ лагерь осаждавшихъ знали, что осажденные приготовили нападающимъ «щедрое угощеніе»; Бурбонъ тщетно побуждалъ къ приступу, Пескара крикнулъ въ то же время своимъ испанцамъ, что, если они желаютъ поужинать на томъ свѣтѣ, пусть идутъ на приступъ. А той порой всѣ надежды на возстаніе противъ Франциска I оказались совершенно пустыми; приходилось имѣть дѣло не съ ненавидимымъ королемъ и съ истощеннымъ и ропщущимъ народомъ, а съ крѣпко сплоченнымъ національнымъ государствомъ, въ которомъ, несмотря на явно дурное хозяйничаніе, казалось, дни нужды вели къ открытію постоянно все новыхъ вспомогательныхъ средствъ. Съ полнымъ правомъ итальянскіе наблюдатели пришли къ заключенію, что французы никогда не покинутъ своего короля ради императора или Генриха VIII; послѣ всѣхъ прискорбныхъ испытаній, которыя пришлось перетерпѣть въ послѣдніе годы влѣдствіе безразсудной расточительности двора и недостойной торговли правительства судейскими мѣстами, во время ужасной дороговизны Францискъ I былъ въ состояніи осенью 1524 года выставить прекрасную армію, которая двинулась черезъ Альпы подъ его предводительствомъ одновременно съ отступавшими отъ Марсея императорскими войсками. Недавно еще Бурбонъ писалъ императору, что онъ будетъ величайшимъ изъ когда либо бывшихъ людей и можетъ предписывать законы всему христіанству; а теперь 26 октября французы вступили въ Миланъ. Францискъ I, послѣ давнихъ дней вновь сѣвшій на боевого коня, чтобы, какъ онъ говорилъ, «потрудиться немного» для спасенія Франціи, тотчасъ же приступилъ къ осадѣ Павіи. Но комендантъ этой крѣпости,

Антоніо де Лейва (Leuva) сумѣлъ воодушевить не только солдатъ, но и населеніе къ той же стойкости, какую проявили марсельцы; и въ Павіи знатныя дамы тоже помогали носить землю рабочимъ при возведеніи укрѣпленій.

Для могущества Габсбурговъ тогда наступилъ тяжкій переломъ. Въ Миланѣ—французы, въ Германіи—взрывъ революціи; Англія вмѣсто того, чтобы усиленно помогать, готовилась уже тайкомъ къ отпаденію; Венеція, Феррара, папа—заодно съ Франціей, герцогъ Сфорца внушалъ сильныя подозрѣнія, какъ ни усиленно онъ признавалъ себя креатурой императора; шурина императора, датскій король Христіанъ, былъ изгнанъ изъ своего королевства; братъ императора, Фердинандъ, зарился на герцогство миланское, при чемъ онъ получилъ рекомендацію даже съ французской стороны; шурина императора, Людвигу Венгерскому, грозила сугубая опасность: возстаніе магнатовъ и турецкое нашествіе—вотъ изъ какого тяжкаго испытанія суждено было выйти побѣдителемъ двадцатипятилѣтнему императору благодаря его непоколебимости. Ибо то, что не разъ наносило тяжкій ущербъ его политикѣ, его тяжелый на подъемъ, порой граничащій съ апатіей образъ дѣйствія помогалъ ему все же и не теряться въ трудныхъ положеніяхъ и послѣ упущенія благоприятнаго случая. Онъ, подобно своему предку, Фридриху III, обладалъ способностью ждать; «придетъ время свести счеты и съ другомъ и съ недругомъ», писалъ онъ своему послу въ Римѣ, «а до тѣхъ поръ слѣдуетъ относиться съ притворнымъ дружелюбіемъ и показнымъ довѣріемъ и къ тѣмъ, которые всего менѣе заслуживаютъ этого». И въ самомъ дѣлѣ едва-ли можно было найти лучшую школу недовѣрія и притворства, чѣмъ тогдашнія дипломатическія сношенія съ итальянскими государствами, а особенно съ куріей, да и Вольсей какъ разъ въ это самое время со всей свойственной ему наглостью отрицалъ свои переговоры съ матерью Франциска I и старался скрасить прекращеніе англійскихъ субсидій. Не диво, что императоръ не всегда одинаково умѣлъ разобратся въ этомъ лабиринтѣ обмановъ и порой жалѣлъ, что у него нѣтъ теперь надежнаго руководства такого человѣка, какимъ былъ для него Шьевръ. Ибо хотя Гаттинара и былъ необходимъ уже по своей рѣдкой дѣловитости, но не могъ похвалиться, что молодой властелинъ дѣйствительно въ его власти, потому что Карлъ становился все самостоятельнѣе и при своей любви къ труду только по временамъ подавался подъ гнетомъ физическаго переутомленія. Такъ въ эти тяжелыя времена Карлу пришлось какъ разъ постоянно бороться съ многократными приступами лихорадки, а его попытки пересилить и побороть болѣзнь верховой ѣздой и охотой только ухудшали его состояніе. Быть можетъ, отъ этого недомоганія его и зависѣла его поразительная бездѣя-

тельность въ продолженіе войны съ Франціей. Но вся страсть, на которую способна была эта столь замкнутая натура, разразилась, когда не осталось уже никакого сомнѣнія относительно союза Климента VII съ Франціей, который скрѣпленъ былъ тайнымъ договоромъ еще въ ноябрѣ 1524 г. Онъ горько жаловался, что вѣдь при его помощи Климентъ сдѣлался папою; что только Климентъ въ бытность свою кардиналомъ побудилъ его къ войнѣ съ Франціей. Въ кругу своихъ придворныхъ онъ не задумался заявить, что двинется на Италію и отомститъ за себя тѣмъ, которые его оскорбили, «а особенно этому бабѣ-папѣ; не сегодня, завтра Мартинъ Лютеръ, можетъ быть, окажется драгоцѣннымъ человѣкомъ».

Для судьбы нѣмецкой реформаціи едва ли какое либо другое событіе приобрѣло такое значеніе, какъ этотъ разрывъ между императоромъ и папою. Дѣйствительно вышло такъ, какъ говорилъ Адріанъ VI: отъ спокойствія или волненій въ Италиі зависѣло спокойствіе или волненіе всего міра. Если гигантская борьба между Франціей и Испаніей разгорѣлась главнымъ образомъ изъ-за этой драгоцѣннѣйшей добычи, возбуждавшей вождельнія чужеземцевъ, то папство, проникнутое интересами Италиі и Церковной области, и не могло не сосредоточить все свое вниманіе и силу на превратностяхъ этой борьбы, отъ исхода которой зависѣло прямо-таки самое существованіе его. Да и гдѣ въ тогдашней Европѣ оно могло бы найти возможность независимаго существованія? Мы не имѣемъ никакого права взваливать отвѣтственность за такое безысходное положеніе, основаніе котораго лежитъ глубоко въ исторіи, на личность Климента VII, какъ бы отвратительна ни была для насъ обычная политическая безнравственность того времени какъ разъ именно у главы Церкви. Но ни на кого изъ его предшественниковъ это противорѣчіе между задачами намѣстника Христа и итальянскаго князя не оказывало такого пагубнаго вліянія, какъ на Климента VII, и въ этомъ смыслѣ можно сказать вмѣстѣ съ Мауренбрехеромъ, что нѣмецкое протестантство «всегда должно причислять его съ благодарной памятью къ числу величайшихъ благодѣтелей и пособниковъ своихъ».

Сначала конечно казалось, что въ 1525 г. всего однимъ мощнымъ ударомъ дѣло рѣшено въ пользу императора. Между тѣмъ какъ Францискъ I вынужденъ былъ вслѣдствіе стойкой защиты Павіи превратить осаду въ блокаду, черезъ Альпы перешли ландскнехты, на вербованные Бурбономъ, подъ начальствомъ Маркса Зиттиха изъ Эмса и старика Фрундсберга, сынъ котораго находился въ осажденномъ городѣ. Такимъ образомъ составилось войско, шедшее на выручку Павіи, численностью болѣе чѣмъ въ двадцать тысячъ пѣхоты и около двухъ тысячъ конницы; сила его заключалась безспорно въ нѣмецкихъ ландскнехтахъ и испанскихъ аркебузчикахъ,

которые слѣпо повиновались своему обожаемому вождю Пескарѣ. Ему именно и выпала трудная задача сохранить армію при полномъ отсутствіи денегъ. Прежде всего онъ обратился къ своимъ испанцамъ; тѣ готовы были продать даже своихъ коней, свои плащи и рубахи, чтобы добыть денегъ или пріобрѣсти предметы первой необходимости. Несговорчивѣе всего, какъ и всегда, оказались нѣмцы; испанцамъ и итальянцамъ поручили задѣть ихъ чувство чести, но часть изъ нихъ все таки только подъ условіемъ уплатить впередъ въ зачетъ жалованья согласилась двинуться въ походъ подъ Павію, между тѣмъ какъ ландскнехты Фрундеберга готовы были скорѣе умереть, чѣмъ вернуться. Перевѣсъ въ численности все еще былъ на сторонѣ Франциска I, онъ былъ и лучше снабженъ артиллеріей и тяжелой кавалеріей и занималъ превосходную позицію; предводители императорскихъ войскъ, вынужденные возрастающимъ бѣдствіемъ гарнизона Павіи и отсутствіемъ средствъ для уплаты жалованья своимъ солдатамъ, рѣшились дать рѣшительное сраженіе. Ихъ люди, писалъ аббатъ Нахера (Najera), воодушевлены лучшими стремленіями, «словно каждый изъ нихъ въ отдѣльности увѣренъ, что онъ нанесетъ королю рану и возьметъ его въ плѣнъ». Комендантъ Павіи, Карль де Ланнуа (Lannoy), вице-король неаполитанскій, писалъ 21 февраля послу въ Римъ, что дня черезъ три, четыре или его не будетъ уже въ живыхъ, или онъ будетъ побѣдителемъ. И оба эти заявленія оказались вполнѣ пророческими: 24 февраля произошла битва при Павіи. Около полуночи авангардъ императорскихъ войскъ началъ нападеніе на обведенный стѣною паркъ, къ которому примыкалъ лагерь короля; послѣ разсвѣта обѣ арміи сошлись въ самомъ паркѣ, и Францискъ, введенный въ заблужденіе успѣшнымъ въ началѣ дѣйствіемъ огня своей артиллеріи и натиска своей тяжелой кавалеріи (*hommes d'armes*), считалъ уже побѣду въ своихъ рукахъ, когда мѣткія пули стрѣлковъ Пескары разстроили эскадроны его латниковъ, а его нѣмецкіе наемники подались подъ напоромъ своихъ земляковъ въ императорскомъ войскѣ, его швейцарцы не выдержали бурнаго натиска испанцевъ. А той порой Лейва произвелъ вылазку изъ города, и пораженіе французовъ превратилось въ полное уничтоженіе. Король, бросившійся въ самую горячую свалку конницы, увидѣлъ вдругъ, что его швейцарцы обратились въ безпорядочное бѣгство; онъ предпочелъ съ цвѣтомъ своего рыцарства искать смерти и только благодаря счастливой случайности не истекъ кровью подъ ударами побѣдителей, подобно многимъ своимъ спутникамъ, когда его убитая лошадь увлекла его съ собою при паденіи; испанцы не давали пощады. Но еще во время успѣли призвать Ланнуа, которому Францискъ и отдалъ свою шпагу. «У меня остались изъ всего только честь и жизнь», писалъ онъ своей матери.

Впечатлѣніе во всей Европѣ получилось огромное; на ряду съ громкими ликованіями сторонниковъ императора почти всюду однако проявлялось чувство тоскливой тревоги, какъ будто «императоръ самою судьбою предназначенъ былъ стать властелиномъ», какъ говоритъ Ранке. Суевѣрное ожиданіе наступленія всемірнаго владычества закопошилось въ головахъ многихъ великихъ и маленькихъ людей, возбуждая гдѣ страхъ, гдѣ надежду. Самъ Карлъ V выказалъ, положимъ, при этомъ неожиданномъ извѣстіи о побѣдѣ такую сдержанность, которая столь же не согласовалась съ его годами, какъ и съ его твердымъ намѣреніемъ использовать вполнѣ этотъ успѣхъ. Въмѣсто того, чтобы выразить свою радость, онъ ушелъ въ свою спальню и бросился на колѣни предъ образомъ Пресв. Дѣвы Маріи; вмѣсто блестящаго торжества онъ устроилъ церковныя процессіи. Но кого же въ тогдашней Европѣ могли успокоить его благочестивыя фразы о Божьей милости и о священномъ долгѣ вести войну съ турками? Миръ въ христіанствѣ, какъ онъ желалъ его возстановить, обусловливался ослабленіемъ Франціи до послѣдней степени, порабощеніемъ Италіи, уничтоженіемъ нѣмецкой ереси. Тогда только онъ дѣйствительно могъ, по выраженію Нахеры, предписывать по произволу законы христіанамъ и туркамъ. Самымъ важнымъ камнемъ преткновенія прежде всего была несомнѣнно Англія. Вольсей только что обошелся такъ оскорбительно дерзко съ нелюбимымъ имъ императорскимъ посломъ въ Лондонѣ, что это можно было въ сущности объяснить лишь намѣреніемъ вызвать разрывъ. Несмотря на то, Карлъ V отнесся къ этому неслыханному оскорбленію съ столь же безиримѣрной снисходительностью, а Вольсей продолжалъ испытывать его терпѣніе предложеніями, которыя должны были бы показаться прямо сумасбродными, если бы желаніе кардинала добиться разрыва между своимъ государемъ и императоромъ не составляло ясно различимой задней мысли. Англія требовала ни болѣе ни менѣе, чтобы побѣдитель низложилъ съ престола династію Валуа и добылъ Генриху VIII французскую корону; тогда Генрихъ будетъ сопровождать его въ Римъ, на коронацію, и кромѣ того все французско-англійское наслѣдіе достанется въ будущемъ императору вмѣстѣ съ рукою малолѣтней Маріи, такимъ образомъ онъ дѣйствительно станетъ государемъ и собственникомъ всего христіанства. Девятилѣтняя принцесса должна была засвидѣтельствовать «свою любовь, усиленную ревностью», пославши кольцо своему жениху-императору, который только что готовился закончить свои переговоры съ Португаліей о бракѣ. Но, такъ какъ португальцы требовали отреченія англичанъ отъ даннаго имъ раньше Карломъ обѣщанія вступить въ бракъ съ Маріей, то императоръ, сильно задолжавшій кромѣ того Генриху VIII, вынужденъ былъ по многимъ основаніямъ оттягивать разрывъ съ этимъ неудобнымъ союзникомъ. Вольсей, наобо-

ротъ, дѣлалъ все, чтобы побудить его сдѣлать первый шагъ; онъ позволилъ себѣ такое выраженіе, что Карлъ—лжець, тетка его Маргарита—распутная женщина, братъ его Фердинандъ—ребенокъ, а Бурбонъ—измѣнникъ. Еще лѣтомъ 1525 года кардиналъ, только что отвлекшій на себя недовольство англичанъ неудачной попыткой Генриха ввести ненавистный налогъ, былъ могущественнѣе чѣмъ когда либо у своего короля, и былъ въ добромъ согласіи съ папою; тогда вмѣстѣ съ поворотомъ въ политикѣ Генриха VIII начались его извѣстные мучительства надъ своей супругой-испанкой, которыя выразились сначала въ зазорномъ отличіи одного изъ побочных сыновей короля. Этого маленькаго герцога Ричмонда дерзнули даже предложить въ герцоги миланскіе и въ супруги испанской инфантѣ. И тогда какъ робкій Климентъ VII еще весною 1525 года заключилъ оборонительный и наступательный союзъ съ императоромъ и Генрихомъ VIII, въ Италіи, Франціи и Англіи уже были завязаны нити къ образованію европейской лиги противъ побѣдителя при Павіи. 30-го августа Англія заключила миръ съ Франціей, который доставилъ этому островному государству вѣрной прибыли болѣе полутора милліона кронъ, а всемогущему министру его огромную взятку во сто тридцать тысячъ кронъ.

Чтобы оцѣнить по заслугамъ политическую дѣятельность Вольсея, припомнимъ, что онъ добивался и достигъ своихъ цѣлей наперекоръ личнымъ склонностямъ короля Генриха VIII. Англія впервые подъ его управленіемъ исполняла должность, которою она гордится: охранять Европу отъ грозящаго ей владычества одного человѣка, отъ универсальной монархіи, какъ тогда выражались. Впрочемъ, вопросъ еще, не создало ли молодому императору особыхъ затрудненій вмѣстѣ съ непрестаннымъ противодѣйствіемъ Вольсея то именно обстоятельство, что въ его власти находился французскій король. Вѣдь такъ легко было придать слишкомъ большое значеніе той выгодѣ, которую счастье дало прямо въ руки побѣдителю: вмѣсто того, чтобы продолжать войну, на что едва ли бы удалось добыть средства, добиться всего, чего хотѣлось, при помощи давленія на самого плѣннаго короля. При этомъ рѣшеніи перваго важнаго вопроса, который представился Карлу какъ политику, тотчасъ же весьма сильно сказались его чисто династическія воззрѣнія и его неспособность цѣнить силы, заключающіяся въ чувствѣ соплеменности. Когда императоръ впервые изложилъ свои требованія:—уступка герцогства Бургундіи и французскихъ участковъ графства Артуа, полная независимость владѣній Бурбона, къ которымъ присоединялся Провансъ,—то онъ дѣйствовалъ прямо въ качествѣ бургундскаго принца и вмѣстѣ съ тѣмъ международнаго императора, въ глазахъ котораго нація была лишь географическимъ понятіемъ. Луиза въ качествѣ правительницы дала гордый отвѣтъ, что никогда она не уступитъ ни одной даже пяди французской

земли, и что все королевство въ этомъ единодушно съ нею. И въ самомъ дѣлѣ Франція своимъ неустрашимымъ и патріотическимъ поведеніемъ блестяще доказала, что ея объединенныя области стали, по выраженію Минье, единымъ государствомъ, и ея населеніе народомъ; Парижъ первый подалъ примѣръ своими рѣшительными мѣрами обезпеченія безопасности, и правительница могла, не встрѣчая нигдѣ непослушанія, принять свои политическія, военныя и финансовыя мѣры. Францискъ I со своей стороны обнародовалъ, что онъ предпочтетъ всю жизнь оставаться въ плѣну, чѣмъ причинить ущербъ своей странѣ. Положимъ, этого геройскаго настроенія ему хватило не на долго, въ особенности, послѣ того, какъ по собственному его желанію Ланнуа отправилъ его въ Испанію, и онъ ясно здѣсь убѣдился, что его противникъ, вмѣсто личныхъ переговоровъ съ нимъ, рѣшился напротивъ воспользоваться несчастіемъ побѣжденнаго для достиженія того, что онъ называлъ своимъ правомъ. Послѣ радостной и почетной встрѣчи, которую ему устроили въ Испаніи, — въ Барселонѣ ему тотчасъ же представились двадцать двѣ знатныхъ дамы, — послѣдовали мѣсяцы томительнаго и тщетнаго ожиданія; императоръ вообще отказался видѣться съ Францискомъ, и только смертельно-опасная болѣзнь плѣнника заставила его поспѣшить въ Мадридъ, гдѣ востомившійся до смерти Францискъ первый выразилъ ему свой привѣтъ, какъ его рабъ и покорный слуга. Карлъ пытался утѣшать «своего добраго друга и брата», но, когда наступилъ, казалось, послѣдній часъ его, онъ утѣшалъ себя почти кощунственнымъ примѣненіемъ къ себѣ словъ Іова: «Господь далъ, Господь и взялъ». И сестрѣ короля, премилой, только что овдовѣвшей Маргаритѣ Алансонской, одинаково не посчастливилось ни въ роли посредницы, ни при попыткѣ освободить плѣнника; эта прославленная «Минерва Франціи», которой Эразмъ отправилъ въ Испанію утѣшительное посланіе, нашла, что Карлъ «очень холоденъ» и въ послѣдствіи горько жаловалась, что ей пришлось имѣть дѣло съ величайшими лицомѣрами, «съ людьми, у которыхъ донельзя мало чувства чести». Изнурительная смѣна покорности судьбѣ и отчаянія, которая выражается въ стихотвореніяхъ плѣннаго короля, довела его въ концѣ концовъ до того, что онъ готовъ былъ купить себѣ свободу во что бы то ни стало, даже цѣною своей чести. Еще въ Италіи онъ вполне откровенно высказалъ свое намѣреніе: нарушить послѣ освобожденія своего тѣ невыносимыя условія, которыя могутъ вынудить у него продленіемъ его плѣна; въ Мадридѣ онъ приказалъ изготавить форменный протестъ противъ законности вынужденнаго договора, и подъ нимъ подписалось нѣсколько его приближенныхъ. Гаттинара, самый рьяный поборникъ рѣшительно враждебной Франціи политики, ручался за то, что никакимъ договоромъ нельзя связать ко-

роля, разъ онъ получить свободу. Несмотря на это, 13 января 1526 г. въ Мадридѣ заключенъ былъ миръ, который, по выраженію Баумгартена, «дѣлалъ короля Франціи подчиненнымъ императора». Бургундія, въ тѣхъ предѣлахъ, какими владѣлъ Карлъ Смѣлый, должна быть уступлена, Франція отказывается отъ всѣхъ своихъ притязаній на Италію и Нидерланды, Бурбонъ возстановляется въ своихъ правахъ, весь французскій флотъ предоставляется въ распоряженіе Карла V. Францискъ I обручился съ сестрою императора, вдовствующей королевой португальской, и обѣщалъ какъ благородный человѣкъ вернуться въ заключеніе, если эти условія не будутъ исполнены въ теченіе шести недѣль послѣ его освобожденія. Оба сына его остались въ качествѣ заложниковъ. Но наканунѣ дня своей торжественной клятвы на евангеліи Францискъ повторилъ передъ французскими свидѣтелями вышеупомянутое заявленіе о незаконности вынужденныхъ условій. При разставаніи Карлъ снова попросилъ своего «брата» сказать ему по совѣсти, нѣтъ ли какихъ препятствій. Францискъ отвѣтилъ: «Я намѣренъ исполнить все и знаю, что никто въ моемъ королевствѣ мнѣ не помѣшаетъ въ этомъ. Если же вы испытаете что либо иное отъ меня, вы можете считать меня подлымъ негодяемъ».

Вслѣдствіе всѣхъ своихъ колебаній и упрямой непреклонности Карлъ привелъ дѣло лишь къ тому, что у него изъ рукъ ускользнула вся выгода, которую онъ мечталъ извлечь изъ побѣды подъ Павіей. Кто нахватаетъ слишкомъ много, тотъ не можетъ держать крѣпко, говоритъ итальянская пословица. Императоръ выражалъ глубокое негодованіе по поводу вѣроломства Франциска I; онъ жаловался, что король поступилъ не какъ истинно благородный человѣкъ и истый рыцарь, а какъ торгашъ. Не безъ умысла, конечно, онъ употребилъ именно это выраженіе въ разговорѣ съ венеціанскимъ посломъ. Но самъ-то императоръ, развѣ сдержалъ бы онъ свое слово въ подобномъ случаѣ? Мы имѣемъ, пожалуй, право усумниться въ этомъ, если обратимъ вниманіе на предательскую игру, которую какъ разъ въ этомъ самомъ 1525 году велъ съ его вѣдома его первый полководецъ въ Италіи. «Изъ опыта нашего времени видно», говорится у Макіавелли, «что великія дѣла совершали тѣ князья, которые мало беспокоились насчетъ вѣрности и добросовѣстности, а умѣли своимъ лукавствомъ провести людей, и въ концѣ концовъ они одолѣли тѣхъ людей, которые возлагали свою надежду на законность». Ученіе свое, что выигрываетъ тотъ, кто лучше всего сумѣетъ сыграть роль лисы, этотъ великій флорентинецъ имѣлъ полное право выводить изъ политической практики своей эпохи; Карлъ V, во всякомъ случаѣ, дорого заплатилъ за науку этимъ мадридскимъ миромъ, да и его итальянскіе противники въ то же время перемудрили и запутались въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ.

Если эта попытка войны за освобожденіе Италіи подъ предводительствомъ папы окончилась тогда столь жалкой неудачей, то болѣе глубокое основаніе этого лежало именно въ томъ необузданномъ индивидуализмѣ, который составляетъ отличительный признакъ всей культуры Возрожденія, и который дѣйствовалъ на государственную жизнь Италіи почти что только разлагающимъ образомъ. Допустимъ даже, что это освобожденіе удалось бы, все же никогда итальянскіе династы XVI в. не приобрѣли бы даже и той низкой степени чувства общности, которая, напр., препятствовала, по крайней мѣрѣ, полному распаду Германской имперіи. Тутъ все-таки существовала исконная, хотя постоянно все болѣе ослабѣвавшая связь между безчисленными отдѣльными политическими единицами, и изумительный строй Священной имперіи, несмотря на всю свою ветхость, возбуждалъ еще порой нѣкоторое чувство глубокаго уваженія у княжескихъ и республиканскихъ властей, когда онѣ расшатывали или чинили его. Италія же, какъ ни сильно заставляло волноваться многія сердца имя общаго славнаго отечества, не имѣла никакого обще-народнаго прошлаго, никакихъ политическихъ традицій, и наиболѣе даровитые изъ сыновъ ея, прямо въ противоположность своимъ высокопревозносимымъ римскимъ предкамъ, знали и примѣняли только верховное право отдѣльной личности, а не цѣлаго. Но даже и тому, чтобы хотъ отдѣльная личность дѣйствительно отважилась на высшее, у большинства итальянскихъ государственныхъ людей мѣшала ихъ дурная привычка къ роли лисы, которая приводила къ политикѣ мелочныхъ выгадываній и къ малодушію. «Эти неподобные по проицательности счетчики», говоритъ Баумгартенъ, «обладали такимъ ясновидѣніемъ, что они, правда, замѣчали всякую возможность, но и всякое затрудненіе. Прежде всего они такъ отлично знали другъ друга, что каждый изъ нихъ опасался всего самаго сквернаго со стороны другого». Такъ и тутъ мы видимъ, что въ ту пору, когда Франція и Англія готовы были протянуть руку помощи Италіи, а крестьянская война въ альпійскихъ областяхъ дѣлала невозможнымъ вмѣшательство Фердинанда, наиболѣе заинтересованные участники вмѣсто того, чтобы смѣло приняться за дѣло, занимались мелочными, трусливыми происками и вмѣсто того, чтобы обратиться къ чувству народнаго озлобленія, строили хитроумные расчеты на человѣческихъ слабостяхъ значительнаго человѣка, котораго старались соблазнить, лишь бы только не пришлось драться съ нимъ. Сознаніе, что наступилъ великій моментъ, существовало; «дѣло идетъ о спасеніи или о вѣчномъ рабствѣ всей Италіи», писалъ Жиберти, довѣренное лицо папы. Какъ нельзя болѣе благопріятны были для возстанія надменность императорскихъ генераловъ и распущенность ихъ не получавшихъ жалованья и разбросанныхъ по гарнизонамъ отрядовъ, которые въ мелкихъ размѣрахъ

подражали системѣ вымогательства своихъ предводителей. Нахера настоятельно совѣтовалъ, пусть ужъ лучше императоръ продолжаетъ свой походъ, но не допускаетъ долѣе стонать бѣдный народъ подъ этимъ гнетомъ, который уже то тутъ, то тамъ вызывалъ открытыя насилія противъ чужеземныхъ наемниковъ. Именно недоразумѣнія между самими военачальниками императора и въ особенности неблагодарность, которою отплатилъ Карлъ V за заслуги Пескары, истиннаго побѣдителя при Павіи, и дали поводъ къ вышеупомянутой замѣчательной попыткѣ подкупа этого оскорбленнаго полководца, на которую дерзнулъ миланскій канцлеръ Мороне по соглашенію съ папой. Мороне, испытанный дипломатъ и знатокъ людей, котораго его государь хвалилъ какъ «человѣка годнаго во всякую пору дня», забылъ, что самъ же онъ называлъ раньше этого великаго полководца образцомъ коварства и вѣроломства, и рассчитывалъ пробудить въ Пескарѣ чувства итальянца, а между тѣмъ Пескара, хотя онъ и родился въ Неаполѣ, происходилъ съ отцовской и съ материнской стороны отъ самой благородной испанской крови. Пескара, получившій первыя свои раны при Равеннѣ, а послѣднія при Павіи и умѣвшій какъ никто держать въ своей власти сердца своихъ испанцевъ, рѣшился соблюсти вѣрность императору; невозможно дознаться достоверно, не поколебалась ли хоть на короткое время его вѣрность, когда ему подали надежду на неаполитанское королевство. Герой, ничѣмъ до сихъ поръ не запятнавшій себя въ жизни, обожаемый своей женой, Витторія Колонна, первой женщиной Италіи, опозорилъ послѣднее время своей жизни—онъ умеръ въ декабрѣ 1525 г.—тѣмъ, что мастерски сыгралъ роль шпіона; онъ далъ честное слово солдата, полководца и благороднаго человѣка своему искустителю и «въ качествѣ недовольнаго итальянца» предложилъ папѣ принять его въ союзъ противъ императора; а между тѣмъ онъ въ то же время все это выдавалъ Карлу V, хотя, какъ онъ писалъ, со стыдомъ въ глубинѣ души, «ибо не могу же я не сознавать, что я нарушилъ кое-кому данное слово». Онъ завершилъ этотъ обманъ, тянувшійся цѣлые мѣсяцы, тѣмъ, что повторными увѣреніями заманилъ въ Павію Мороне, который сталъ недовѣрчивѣе, и приказалъ его арестовать. Поручая самымъ настоятельнымъ образомъ въ своемъ завѣщаніи милости императора своего узника, онъ надѣялся этимъ облегчить передъ смертью свою обремененную совѣсть. Мы и въ самомъ дѣлѣ находимъ годъ спустя этого Мороне, какъ человѣка способнаго, на службѣ императора.

Папа долго еще колебался между обѣими партіями, и онъ всеѣмъ не довѣрялъ, да и за нимъ все слѣдили съ основательнымъ подозрѣніемъ; трусость его и непостоянство его кажутся сугубо безобразными въ такое критическое время. Тогда какъ венеціанцы давно уже рѣшились обороняться, «хоть бы имъ пришлось вызывать чертей изъ ада», для Климента всякая отсрочка была

выгодой; самым жалкимъ образомъ наемкнулъ онъ самъ представителямъ императора на возможность своего отпаденія, а потомъ опять заявилъ, что и онъ наравнѣ съ остальными итальянскими князьями спокойно потерпитъ мученичество покоренія. Впрочемъ и колебанія Франциска I и осмотрительная сдержанность Вольсея тоже повліяли на то, что было упущено драгоцѣнное для Италіи время, и лишь 22 мая 1526 года безъ присоединенія, но подъ покровительствомъ Англіи состоялся союзъ между Франціей, папою, Венеціей, Флоренціей и Миланомъ. Эта «священнѣйшая» лига, заключенная въ Коньякѣ, намѣревалась принудить императора покинуть занятое имъ въ сѣверной Италіи положеніе и возвратить французскому королю его сыновей, но, предвидя, что Карлъ не подчинится этому, она намѣтила и изгнаніе его изъ Неаполя. Францискъ I сохранилъ за собою лишь права свои на Асти и Геную, но Климентъ не задумываясь предложилъ ему Миланъ, когда цитадель его, въ которой Сфорца осажденъ былъ императорскими войсками, послѣ тщетной попытки возстанія миланцевъ, доведенныхъ до отчаянія, все-таки въ концѣ концовъ должна была сдаться на капитуляцію. Вообще весь способъ итальянцевъ вести войну производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто, несмотря на самыя пламенные декламации о свободѣ отечества и о тираніи испанцевъ, имъ не хватало ни искренней вѣры въ свое дѣло, ни необходимой увѣренности въ собственныхъ силахъ, иначе они конечно справились бы съ непріятельскими войсками, которыя состояли всего изъ десяти-двѣнадцати тысячъ чело-вѣкъ, лишились своего геніальнаго вождя, не могли ожидать ни подкрѣплений, ни денегъ отъ императора и окружены были исполненнымъ ненавистью къ нимъ населеніемъ. Но робкая осмотрительность венеціанскаго главнокомандующаго, Франческо Урбино, который боялся перейти Адду или Ольо, «словно это былъ Индъ или Гангъ», испортила все, что, быть можетъ, исправило бы рвеніе папскихъ предводителей. Однажды ему удалось въ три дня совершить переходъ въ три часа пути. Понятно презрѣніе къ такимъ противникамъ одичавшихъ, но испытанныхъ въ бояхъ императорскихъ войскъ.

Пока эти храбрецы, избавившись отъ крайней опасности благодаря вялости итальянцевъ и легкомыслію французскаго короля, высоко держали знамя своего императора, этотъ властелинъ, только что женившійся, поживалъ себѣ уютно въ Испаніи, и казалось, отдаленный гулъ войны почти нисколько не мѣшаетъ блеску и привольности его жизни. Карлъ дѣйствительно могъ считать себя баловнемъ счастья, ибо рѣдко когда либо монархъ въ самый разгаръ чудовищной борьбы, потрясавшей полміра, предоставлялъ столько игрѣ случайностей и при столь осмотрительномъ обереганіи своей собственной особы все же умѣлъ такъ привязать къ себѣ своихъ слугъ, что они, и не встрѣчая съ его стороны ни

поддержки, ни благодарности, не жалѣли своихъ послѣднихъ силъ ради этого самаго высококомѣрнаго изъ всѣхъ государей. Какъ испанская, такъ и нѣмецкая революція были подавлены совсѣмъ безъ его содѣйствія; другіе проливали за него свою кровь при Павіи и одерживали побѣды, и не по его повелѣнію плѣнный король былъ доставленъ къ нему въ Испанію. Теперь итальянская лига обнажила мечъ, а тамъ въ Германіи ересь все болѣе и болѣе укрѣплялась, и въ то же время побѣдоносныя полчища султана надвигались на покинутую Венгрію. Карлъ V (3 марта 1526 г.) праздновалъ свою свадьбу съ миловидной Изабеллой Португальской, и на его глазахъ богатство Испаніи и Вестъ-Индіи расточалось на устройство цѣлаго ряда торжествъ, вмѣсто того, чтобы послужить на пользу его умирившей отъ нужды арміи въ Италіи. И какъ Пескару онъ не вознаградилъ за его заслуги, какъ бы за нѣчто само собою разумѣющееся, такъ и теперь, въ минуту крайней опасности, онъ дерзнулъ жестоко оскорбить наиболѣе выдающагося изъ своихъ полководцевъ, Антоніо де Лейва, упрекомъ въ утайкѣ денегъ.

А между тѣмъ едва можно понять, какъ это у императора не хватало денегъ даже на самыя настоятельныя потребности для веденія войны, если принять въ расчетъ только то, что онъ получилъ съ одной Испаніи за эти годы. Кортесы Кастиліи въ 1523, 1524 и 1525 гг. каждый разъ утверждали чрезвычайный налогъ (*servicios*) отъ трехъ до четырехъ сотъ тысячъ дукатовъ, затѣмъ доходъ отъ конфискацій оцѣнивался въ два милліона, Изабелла принесла ему въ приданое милліонъ; къ этому лѣтомъ 1526 г. присоединился еще налогъ на пользу крестоваго похода (*crusada*), который Карлъ сейчасъ же заложилъ за восемьсотъ тысячъ дукатовъ, отъ мавровъ Гранады получено восемьдесятъ тысячъ дукатовъ, не говоря уже о щедрыхъ дарахъ клира и о за-океанскихъ доходахъ, которые со времени завоеванія Мексики возрастали ежегодно на сто и до двухсотъ тысячъ дукатовъ. Положимъ, уже въ 1527 и 1528 гг. кастильскіе кортесы заявили, что средства народа совершенно истощились, средніе и низшіе классы его въ особенности тяжело страдали отъ пошлыны со всякой продажи (*alcabala*). Хотя и нельзя не засвидѣтельствовать, что въ правленіе Карла V были изданы нѣкоторыя разумныя распоряженія для поддержанія торговли и промышленности, и правительство старалось заботиться даже о подъемѣ сельскаго хозяйства, хотя число испанскихъ купеческихъ кораблей выражалось сотнями, и въ одной Севильѣ тысячи станковъ ткали шелковыя ткани, все-таки десятилѣтія непрерывной воинственной политики и непрестанная убыль рабочихъ силъ въ колоніи вліяли весьма неблагопріятно на экономическое положеніе Испаніи; богатая Севилья во время своей монополіи на торговлю съ Индіей «была слабо населена и

находилась почти въ рукахъ женщинъ». Недавно сдѣлано было указаніе, будто бы Карлъ V вовсе не ставилъ себѣ цѣлью намѣренно подавлять сословныя вольности. Но, если онъ вообще старался оставаться на почвѣ существующаго права, это вполне согласуется съ «практическимъ» абсолютизмомъ XVI вѣка, который отличался отъ «принципіальнаго» абсолютизма слѣдующихъ столѣтій именно своимъ бережнымъ отношеніемъ къ нѣкоторымъ ограниченіямъ государственнаго права, какъ это превосходно выяснилъ Козеръ. Впрочемъ и въ теоріи государства кастильскихъ кортесовъ неудача революціи произвела перемѣну, какъ это показываетъ сравненіе кортесовъ 1518 года, которые называли короля чиновникомъ народа (т. I, стр. 324), съ собраніемъ кортесовъ 1523 года, городскіе участники котораго, привѣтствуя Карла V какъ вѣстника золотого вѣка и воплощеніе закона, выставляютъ ученіе, что «законы и обычаи подчинены королямъ, которые по своему произволу могутъ создавать или отмѣнять ихъ». Въ то время началъ совершаться тотъ переворотъ, вслѣдствіе котораго городскія общественныя должности все болѣе и болѣе дѣлались исключительнымъ достояніемъ необезпеченнаго низшаго дворянства. Кабальеро и гидальго (*hijosdalgo*) уже жаловались, что сочленамъ ихъ сословія въ столицѣ приходится сидѣть въ одной и той же тюрьмѣ съ чернымъ народомъ; уже выражено было желаніе, чтобы каждый испанецъ имѣлъ право носить шпагу. Такимъ-то склонностямъ и потворствовалъ Карлъ V, внушая испанцамъ, а особенно кастильцамъ, какъ онъ любитъ эти свои королевства «за ихъ высокое величіе (*grandeza*) и за ихъ благородство» болѣе всѣхъ остальныхъ своихъ владѣній, какъ вся его политика служить славѣ и благоденствію Испаніи, но также и то, какъ и Испанія должна со своей стороны считать священнымъ долгомъ своимъ помогать ему охранять «Господа Бога нашего и христіанскую религію». Карлъ, Габсбургъ по крови, нидерландецъ по происхожденію, такъ сжился за эти годы со своими испанцами, благодаря сильному внутреннему сродству съ ними, что съ тѣхъ поръ онъ казался естественнымъ верховнымъ государемъ столь благородной и столь правовѣрной націи. И для испанцевъ оказалось новымъ источникомъ гордости, что они могли въ лицѣ своего короля въ то же время чтить, по собственнымъ словамъ Карла, избраннаго «намѣстника Бога во всемъ христіанствѣ».

Менѣе утѣшительно для большинства испанцевъ было конечно то, что въ 1526 г. между обоими намѣстниками Бога разгорѣлась открытая война. Баумгартенъ съ полнымъ правомъ налегаетъ на то, что упрекъ въ полномъ почти пренебреженіи къ лютеранскому и турецкому вопросамъ относится не къ одному только папѣ, а въ той же мѣрѣ и къ императору, который цѣлые годы изливалъ на словахъ свою ненависть къ ереси

и желаніе войны противъ турокъ. Климентъ VII посылалъ по крайней мѣрѣ сколько нибудь денегъ въ Венгрію, но обѣ главы христіанства весьма далеки были отъ желанія отречься отъ своихъ честолюбивыхъ плановъ и отчасти право-таки ясныхъ предрасположеній въ виду опасности, грозившей всѣмъ христіанскимъ и западно-европейскимъ жизненнымъ интересамъ. Съ папской стороны особенно усердно настаивали на возвращеніи Реджіо и Рубьеры, которыя герцогъ феррарскій отнялъ у Церковной области, а императоръ дерзнулъ взять подъ свою защиту этого ненавистнаго противника рода Медичи. Все яснѣе и яснѣе становились угрозы съ обѣихъ сторонъ; герцогъ Сесса, испанскій посолъ въ Римѣ, увѣщевалъ папу подумать о Германіи и Венгріи, а именно о постоянныхъ усиліяхъ побудить императора, какъ призваннаго на то государя, сократить Церковную область и самостоятельно приступить къ реформѣ Церкви. На вопросъ посла, вѣрны ли слухи о войнѣ, папа отвѣтилъ, что, когда начнется война, объ этомъ слышно будетъ по трубнымъ громамъ. Тогда какъ Карлъ V сдѣлалъ еще одну послѣднюю попытку склонить папу переименовать свое намѣреніе путемъ широкихъ уступокъ, пославши съ чрезвычайной миссіей Гуго де Монкада, этотъ въ другихъ случаяхъ столь нерѣшительный Медичи вполнѣ сознательно добивался открытаго разрыва для освобожденія Италіи—«общаго отечества всѣхъ народовъ», какъ онъ торжественно провозгласилъ. Онъ посмѣялся надъ запоздалыми предложеніями Монкады; зато страстный Сесса, уѣзжая послѣ рѣшительной аудіенціи, посадилъ на коня себѣ за спину шута, который строилъ рожи римлянамъ. Папа обнародовалъ рѣзкое брѣве противъ императора, что онъ-де по наущенію своихъ дурныхъ совѣтниковъ дошелъ до непомѣрнаго властолюбія; но этотъ воинственный пылъ папы, положимъ, вскорѣ остылъ, въ особенности, когда въ непосредственной близости его словно изъ земли выросла опасность. Воинственный и честолюбивый кардиналъ Помпео Колонна, призывавшій римскій народъ къ свободѣ еще въ правленіе Юлія II, сталъ во враждебныя отношенія и съ Климентомъ VII, и, какъ въ былые вѣка, члены рода Колонна, совсѣмъ въ духѣ своихъ предковъ-гибеллиновъ, вмѣстѣ съ прочими мѣстными магнатами двинулись противъ враждебнаго императору Рима. Монкада получилъ отъ императора приказаніе въ случаѣ крайности оказать тайкомъ поддержку этимъ господамъ; по его указаніямъ, они заключили для виду договоръ съ папою, который дѣйствительно попалъ въ эту ловушку и распустилъ свои войска, сохранивши всего какихъ нибудь сотни двѣ солдатъ. Такимъ образомъ 20 сентября они могли захватить врасплохъ почти безоружнаго обманутаго врага, и Римъ, населеніе котораго и пальцемъ не пошевелило, пережилъ въ видѣ предвѣстника своей грядущей судьбы дикое разграбленіе: не пощадили и священныхъ

сокровищъ храма св. Петра. Клименту удалось благополучно добраться до замка св. Ангела, и онъ сначала заявилъ было, что намѣренъ умереть какъ папа, хотя съ этимъ плохо согласовалось его выраженіе, что у него хватитъ мужества защищаться съ пикою въ рукахъ на ряду съ любымъ солдатомъ. Но уже къ вечеру онъ вступилъ въ переговоры съ Монкадой, который возвратилъ ему съ ханжескими извиненіями его украденную тиару и присовокупилъ увѣщаніе заключить миръ съ императоромъ, «побѣдоносному оружію котораго и сами небесныя воинства не могутъ противиться безнаказанно».

Хотя одновременно съ этимъ внушительнымъ урокомъ получено было потрясающее извѣстіе объ уничтоженіи венгерской арміи при Могачѣ, папа тайкомъ объявлялъ, что считаетъ этотъ вынужденный договоръ не имѣющимъ силы, и прежде всего, вопреки данной амнистіи, оплатилъ роду Колонна за ихъ коварство страшнымъ опустошеніемъ ихъ владѣній. «Лучше умереть, чѣмъ жить долѣе въ такомъ позорѣ», воскликнулъ этотъ страстный верховный пастырь Церкви, всѣ помысленія и предпріятія котораго сосредоточены были на побѣдѣ и мести. Императору нельзя было поставить въ упрекъ, если онъ въ свою защиту въ своемъ пространномъ отвѣтѣ отъ 17-го сентября 1526 г. на вызовъ въ вышеупомянутомъ бреве далъ убійственную характеристику римской политики, какъ она становилась ему поперекъ дороги со дней избранія императора. Карлъ предпочитаетъ не придавать вѣры утвержденію, будто бы папа разрѣшилъ французскаго короля отъ данной имъ въ Мадридѣ клятвы, но онъ поддерживаетъ напротивъ тяжкія обвиненія Пескары, который называлъ папу главою заговорщиковъ противъ императора и получилъ отъ римскихъ авторитетовъ рѣшеніе, что онъ можетъ нарушить вѣрность императору безо всякаго ущерба для своей чести. Съ ироніей, напоминающей Гуттена, императоръ заявляетъ, что едва ли мыслимо, чтобы намѣстникъ Христа на землѣ согласился пролить хоть единую каплю крови ради мірскаго достоянія. А въ заключеніи, словно грома страшнаго суда, раздавалось въ ушахъ римскихъ слушателей: если папа вмѣсто того, чтобы заключить миръ, будетъ поступать не какъ отецъ, а какъ глава партіи, не какъ пастырь, а какъ разбойникъ, тогда императоръ апеллируетъ къ суду вселенскаго собора. Въ позднѣйшемъ посланіи онъ возлагаетъ на кардиналовъ отвѣтственность за возможно скорое созваніе собора, который онъ обѣщалъ нѣмцамъ; въ противномъ случаѣ, онъ «по мѣрѣ возможности прибѣгнетъ ко всякому спасительному средству» въ силу своего императорскаго сана.

Еще лѣтомъ при дворѣ императора задавались вопросомъ, не слѣдуетъ ли временной снисходительностью къ нѣмецкимъ еретикамъ купить успо-

коеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сильную помощь имперіи. Карлъ послалъ по этому поводу письменный запросъ брату своему Фердинанду; онъ былъ весьма далекъ отъ того, чтобы въ самомъ дѣлѣ вступать, напр., въ соглашеніе съ лютеранами. Но для него въ этомъ и надобности не оказалось; достаточно было того несомнѣннаго событія, что императоръ враждуетъ съ папою, чтобы придать этому итальянскому походу совсѣмъ особое значеніе въ глазахъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ, которые собирались подъ знамена Фрундсберга. Здѣсь впервые политика Карла V согласовалась съ преобладающимъ настроеніемъ нѣмецкаго народа. Обратимъ вниманіе на то, какъ въ одной изъ пѣсенъ о битвѣ при Павіи, сложенной ландскнехтомъ Фрундсберга, поэтъ, искренній приверженецъ императора, не преминулъ задѣть разомъ и папу и доктора Экка: «Папа вотъ какъ пасетъ овецъ: онъ называетъ себя святѣйшимъ отцомъ, а между тѣмъ первый же начинаетъ помогать избивать христіанъ, какъ я вамъ говорю. Развѣ это не горькая обида?»

Воспоминаніе о битвѣ при Павіи все таки не могло не возбудить въ умахъ этихъ дикихъ воителей и болѣе благороднаго чувства; еще въ XVII вѣкѣ нѣмцы пѣли про смѣлыхъ ландскнехтовъ, которымъ «пришлось тогда бродить выше щиколотки въ крови», и къ насмѣшкѣ надъ своими давнишними соперниками, швейцарцами, — «я полагаю, мы разсчитались съ ними начисто при Павіи въ паркѣ», — примѣшивалась патріотическая мысль о мести за издѣвательства французовъ и гнѣвъ противъ измѣнниковъ-земляковъ, которые сражались за деньги на сторонѣ Франциска I: «Колите, колите ихъ смѣлѣе, отважные ландскнехты, вѣдь это — настоящіе французы».

Совсѣмъ такого образа мыслей держался ихъ далеко прославившійся вождь, простой швабскій рыцарь, который, по словамъ одного восторженнаго современника, «сдѣлалъ Германію грозною всему земному кругу»; говорили, что король французскій счелъ бы переходъ одного этого человека на его сторону равносильнымъ пріобрѣтенію всей Священной римской имперіи. Фрундсбергъ, «въ рыцарственной душѣ и сердцѣ котораго святое евангеліе водворилось и утвердилось», отправился въ этотъ послѣдній походъ свой со всей ненавистью нѣмца къ враждебному имперіи папству. Говорятъ, онъ высказалъ, что, если онъ доберется до Рима, онъ намѣренъ повѣсить папу. Заложивши кромѣ присланныхъ Фердинандомъ драгоценностей и свои помѣстья и украшенія своей жены, онъ получилъ возможность въ началѣ ноября устроить въ долинѣ Эча смотръ своей отборной пѣхотѣ въ числѣ около одиннадцати тысячъ человекъ; четыре тысячи изъ нихъ служили безъ жалованья. Непроходимыми тропинками перешли они черезъ Альпы, состарившемуся полководцу ландскнехты его помогали своими длинными

копьями и переносили его на рукахъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Въ концѣ декабря онъ извѣстилъ герцога Бурбона о своемъ прибытіи подъ Пьяченцу: «черезъ высокія горы и глубокія воды, окруженный отовсюду врагами, терпя голодъ, нужду и бѣдность; что намъ дѣлать?»

Это былъ одинъ изъ самыхъ изумительныхъ походовъ, влѣдствіе котораго послѣ мѣсяцевъ бездѣйствія императорскіе отряды очутились подъ стѣнами Вѣчнаго города. Пока герцогъ Урбино отчасти въ интересахъ Венеціи, отчасти изъ личной злобы на родъ Медичи донелзя вяло и неохотно велъ дѣла союзниковъ, папа смѣнялъ не разъ переговоры съ Ланнуа о мирѣ на непродолжительные приступы дѣйствительной воинственной политики. Съ другой стороны Бурбону понадобилось немало времени, пока онъ могъ соединить съ нѣмцами Фрундсберга своихъ наемниковъ, которымъ онъ плохо платилъ; «дня не проходило безъ мелкихъ бунтовъ», говоритъ Баумгартенъ, «а потомъ мѣшала погода». Рѣшительное вліяніе на движеніе впередъ этой все болѣе и болѣе дичавшей толпы оказала помощь герцога феррарскаго; но и его жертвы деньгами, жизненными припасами и предметами военной надобности не могли устранить того, что недовольство перешло въ половинѣ марта 1527 года въ форменный бунтъ сначала среди испанцевъ, а потомъ и среди нѣмцевъ. Бурбонъ едва-едва успѣлъ спастись изъ своей квартиры, которую разъяренные испанцы въ поискахъ за нимъ перешарили до послѣдняго уголка, а нѣмцы разграбили дочиста. Самъ Фрундсбергъ, явившійся на кругъ ландскнехтовъ, чтобы какъ бывало успокоить буйныхъ дѣтей своихъ, не могъ уже ничего подѣлать; денегъ, денегъ! закричали бунтовщики и направили свои копья противъ своего достойнаго уваженія вождя; такого потрясающаго и возмутительнаго впечатлѣнія онъ уже не въ силахъ былъ перенести; ударъ свалилъ его на одръ болѣзни, и только послѣ долгихъ страданій онъ вернулся на родину, чтобы тамъ навѣкъ смежить свои очи. А войско повалило сквозь снѣжные ураганы и ливни впередъ, увлекая за собою вождей, не признавая перемирія между папою и императоромъ, производя грабежи и пожары; испанцы, «побратавшіяся» съ нѣмцами ради общаго похода на Римъ, взяли съ собою на восемь дней провіанта, чтобы не задерживаться въ пути. Всего и пѣхоты и конницы вмѣстѣ насчитывалось около двадцати тысячъ человѣкъ; половину изъ нихъ составляли нѣмцы. Когда они возвысили цѣну за свое возвращеніе до трехсотъ тысячъ дукатовъ, Климентъ VII нарушилъ свой договоръ съ Ланнуа и опять примкнулъ къ лигѣ. Словно такова была ужъ судьба; одинъ юродивый выразилъ жуткое настроеніе въ Римѣ, взобравшись голышомъ на статую св. ап. Павла и предрекая бѣды папѣ: «Ты, зачатый во блудѣ содомитъ, за грѣхи твои погибнетъ Римъ; покайся и обратись!» Впрочемъ въ

Римъ разсчитывали, что ихъ выручить Урбино, шедшій по слѣдамъ императорскихъ войскъ, да и сами римляне рѣшились на этотъ разъ обороняться лучше, чѣмъ прошлой осенью; 4-го мая, за день до появленія непріятеля, папа объявилъ призывъ къ священной войнѣ противъ этихъ лютеранъ и маррановъ. А на слѣдующій день вечеромъ Бурбонъ держалъ свой военный совѣтъ въ маленькой церкви расположеннаго на высотахъ монастыря Сантъ-Онофріо; его войско увеличилось чуть не вдвое вслѣдствіе того, что къ нему пристали и итальянскіе военные отряды. Эти изголодавшіеся и жаждавшіе денегъ полчища бросили въ концѣ концовъ свою артиллерію и дѣлали отъ двадцати до двадцати четырехъ итальянскихъ миль въ сутки. И вотъ желанная добыча лежала передъ ними, составляя для нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ ненависти и презрѣнія. Гуттенъ возликовалъ бы, если бы ему довелось дожить до этихъ ужасныхъ майскихъ дней 1527 года; среди истыхъ нѣмцевъ — все равно, будь то католики, или протестанты — не нашлось бы почти ни одного, который вмѣстѣ съ Лютеромъ не считалъ бы тогдашній Римъ «бѣсовскимъ гнѣздилищемъ». И межъ тѣмъ какъ у иного ландскнехта пробудились, можетъ быть, воспоминанія о давнишнихъ предсказаніяхъ о наказаніи развращенной столицы христіанства, испанцы не менѣе того проникнуты были убѣжденіемъ, что Римъ вмѣстилище всѣхъ пороковъ, не глава, а клоака міра. Презрѣніе нападающихъ къ обабившимся понамъ и поповскимъ холопамъ придало имъ духу спокойно пойти на приступъ, который начался на разсвѣтѣ 6 мая безо всякой артиллеріи. Огонь защитниковъ, большею частью не оказывавшій никакого дѣйствія вслѣдствіе густого тумана, произвелъ, казалось одну минуту, рѣшительную перемѣну, когда Бурбонъ, стоя на штурмовой лѣстницѣ и давая своимъ знаки слѣдовать за нимъ, получилъ смертельную рану. Но ландскнехты и испанцы съ удвоеннымъ презрѣніемъ къ смерти возобновили нападеніе; къ вечеру весь городъ, за исключеніемъ замка св. Ангела, былъ во власти этихъ дикихъ ордъ, которыя, лишившись своего вождя, не знали уже ни удержу, ни состраданія.

Такихъ ужасныхъ дней Вѣчный городъ не переживалъ съ 1084 года, когда въ него ворвались норманны. Цѣлые дни и недѣли въ стѣнахъ его не прекращались возмутительныя зрѣлища жестокости, сладострастія, алчности и пьянаго разгула. Намъ понятно, что не только очевидцы, но и современные намъ историки не въ силахъ еще превозмочь чувства отвращенія при изложеніи такихъ событій. И все-таки въ сущности только великіе размѣры и имя Рима заставляютъ казаться столь особенно ужасными бѣдствія этого хозяйничанья солдатчины; въ теченіе вѣковъ, пока существовали наемныя войска, несчетное множество менѣе знаменитыхъ городовъ перенесли тѣ же

самые ужасы, но участь ихъ отступаетъ на задній планъ передъ поруганіемъ священнаго Рима, гробницъ апостоловъ, Ватикана. Среди самыхъ омерзительныхъ зрѣлищъ истязаній и оргій насъ заставляетъ вспомнить про великую борьбу того времени, когда ландскнехты, нарядившись кардиналами, провозглашаютъ Лютера папой передъ замкомъ св. Ангела. Съ трепетомъ ужаса сообщаетъ одинъ испанецъ-очевидецъ, какія кощунства совершались надъ св. дарами и мощами, а утонченныя истязанія, которымъ подвергались клирики всякаго чина, ясно указываютъ и на глубокое потрясеніе всякаго церковнаго авторитета. Прежній противникъ Лютера въ Аугсбургѣ, кардиналъ Кастанъ, былъ наряженъ ландскнехтами въ позорное одѣяніе, и потомъ его таскали въ немъ по улицамъ; одного изъ его сотоварищей они пронесли въ гробу по городу, распѣвая ему отходную, и сдѣлали видъ, что собираются опустить свою ношу въ могилу, чтобы вынудить у него обѣщаніе огромнаго выкупа. Совершенно, положимъ, несправедливо приписываютъ этимъ побѣдителямъ массовое истребленіе произведеній искусства; въ этомъ отношеніи, какъ говоритъ Грегоровіусъ, они были все-таки лучше тѣхъ вандаловъ, которые разрушили Гейдельбергскій замокъ и соборъ въ Шпейерѣ. Но они такъ основательно опустошили городъ, что этотъ очевидецъ-испанецъ писалъ Гаттинарѣ, что и въ пятьсотъ лѣтъ Римъ не оправится отъ такого удара, и что столько ужасовъ творилось въ немъ, «что не хватаетъ ни времени, ни памяти, ни чернилъ, ни бумаги, чтобы описать ихъ». Еще цѣлый мѣсяцъ держался Климентъ VII въ замкѣ св. Ангела, но, такъ какъ все его покинули, ему ничего больше не оставалось, какъ сдаться на капитуляцію (5 іюня) и отправиться въ плѣнъ къ императору. Вступившіе въ замокъ ландскнехты, какъ рассказываетъ Себастьянъ Шертлинъ, одинъ изъ ихъ предводителей, нашли въ небольшомъ залѣ папу съ двѣнадцатью кардиналами; «они ужасно все горевали и плакали много; мы все разбогатѣли». Иной рядовой сразу получилъ сумму въ двадцать и даже въ сорокъ тысячъ дукатовъ; съ торжествомъ укрѣпилъ одинъ изъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ остріе священнаго копья на древкѣ своей пики, и Шертлинъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи прихватить на память на свою родину въ Швабіи вмѣстѣ съ завоеванными сокровищами и огромную веревку, на которой повѣсился Іуда. А испанцы, издѣваясь надъ ограбленными римлянами, говорили, что они вѣчно будутъ за нихъ молиться какъ за отцовъ родныхъ, ибо они получили отъ нихъ больше добра, чѣмъ отъ своихъ родителей.

Въ высшей степени замѣчательно, что и среди итальянцевъ раздался голосъ, обвинявшій и самихъ римлянъ въ ихъ ужасной судьбѣ. Флорентинецъ Веттори изумляется вялому отпору, который дало мужское насе-

леніе, насчитывавшее по меньшей мѣрѣ тридцать тысячъ человекъ, способныхъ владѣть оружіемъ, и въ числѣ ихъ «было много отчаянныхъ головорѣзовъ съ бородами по поясъ, привыкшихъ къ постояннымъ схваткамъ». Но они доказали, что «гордые, алчные, ненавистливые, похотливые и лицемерные люди не могутъ долго устоять; Богъ часто наказываетъ тѣхъ, кто имѣетъ пороки эти, при помощи Своихъ собственныхъ враговъ и даже еще болѣе зловредныхъ преступниковъ. А нельзя отрицать, что жители Рима, а въ особенности мѣстные уроженцы, заражены всѣми вышеупомянутыми пороками и даже худшими, чѣмъ эти». Это впечатлѣніе суда Божьяго, вполне заслуженнаго наказанія выносили не одни только нѣмцы, напр., которыхъ даже не особенно удивляло исполненіе издавна ходившихъ среди нихъ предсказаній, но прямо и сами итальянцы и строго католическіе и склонные къ реформѣ испанцы. Такія различныя по самому существу своему натуры, какъ благочестивый кардиналъ Каетанъ и свѣтскій скептикъ Гвиччардини, вполне согласны между собою въ осужденіи позорнаго римскаго управленія; но, тогда какъ первый изъ нихъ видитъ въ этомъ бѣдствіи разграбленія божественное правосудіе, остроумный флорентинецъ со всей откровенностью, на которую такъ способны были люди эпохи Возрожденія, признается, что онъ служилъ папамъ не по убѣжденію, а только ради собственной своей выгоды; «не будь этихъ соображеній, я полюбилъ бы Лютера какъ самого себя», конечно,—прибавляетъ онъ,—не для того, чтобы отрѣшиться отъ завѣщанныхъ намъ преданіемъ христіанскихъ законовъ, а скорѣе для того только, «чтобы указать этой толпѣ негодяевъ ихъ надлежащія границы, такъ, чтобы они должны были жить или безъ пороковъ, или безъ власти». Подобные взгляды на необходимость церковной реформы, которая прежде всего должна устранить свѣтскую власть папъ, мы находимъ еще болѣе настойчиво развиваемыми у цѣлаго ряда высокопоставленныхъ испанцевъ. Лопе де Сорія, посолъ Карла V при генуэзской республикѣ, еще лѣтомъ 1526 г. внушалъ императору, что ему одному только принадлежитъ власть строжайше наказывать папу, забывшаго свой долгъ, что это—угодное Богу дѣло и послужить предостерегающимъ примѣромъ для будущихъ папъ. Тотъ же самый дипломатъ, заявившій на основаніи своего многолѣтняго знакомства съ итальянскими дѣлами, что папы—единственная причина смутъ въ христіанствѣ, совѣтовалъ послѣ завоеванія Рима, чтобы императоръ въ качествѣ верховнаго владыки на землѣ преобразовалъ церковь, ограничивши власть папъ ихъ чисто духовными обязанностями. И Бартоломмео Гаттинара, племянникъ канцлера, ведшій переговоры со взятымъ въ плѣнъ папой, писалъ 24 мая 1527 г. изъ Рима: «Мы ожидаемъ скорыхъ распоряженій Вашего Величества относительно управленія Римомъ, именно, слѣдуетъ ли оставить въ этомъ го-

родъ въ томъ или иномъ видѣ апостольскій престолъ, или нѣтъ». Судъ Божій, реформація, вотъ что слышится въ письмахъ испанцевъ, жившихъ въ Италіи; одинъ изъ нихъ, не могшій удержаться отъ слезъ при видѣ плѣннаго папы, все же думаетъ, что всѣ эти бѣдствія вознаградятся щедро грядущею реформою церкви, которая теперь вполнѣ во власти императора и испанскихъ прелатовъ.

Нельзя сказать, что голоса эти не нашли себѣ отзвука при императорскомъ дворѣ. Карлъ самъ распорядился, чтобы была обнародована переписка его съ папою (стр. 29); нападки, содержащіяся въ этой книжечкѣ, произвели на одного венеціанскаго посла впечатлѣніе чисто лютеровской рѣзкости. Гораздо дальше еще зашли два писанія, положимъ, не прямо оффиціальныя, но исходившія все-таки изъ круговъ, близкихъ къ Карлу; авторами ихъ называютъ того самаго Альфонса Вальдеса, секретаря Гаттинары, который написалъ апологію отъ 17 сентября 1526 г., и его брата Хуана. Отъ этихъ писаній вѣетъ духомъ Эразма, да и самъ императоръ и высшее духовенство Испаніи какъ разъ въ это время взяли подъ свою защиту Эразма противъ обвиненій въ ереси, поднятыхъ монахами. Первый изъ этихъ діалоговъ заканчивается надеждой на императорскую реформацію; во всѣ грядущіе вѣка будутъ говорить: І. Христосъ основалъ церковь, Карлъ V возстановилъ ее. Но то, что здѣсь говорится сверхъ этого не только противъ папы, но и противъ безбрачія духовенства, противъ суетнаго и чрезмѣрнаго почитанія иконъ и мощей, противъ насильственного обращенія,—это, разумѣется, не имѣло уже ничего общаго съ воззрѣніями императора. Карлъ V, повидимому, пользовался, по крайней мѣрѣ въ первое время, боевымъ кличемъ о церковной реформациі и вселенскомъ соборѣ больше въ качествѣ средства для политическихъ цѣлей, какъ это постоянно дѣлалось со временъ великихъ соборовъ XII вѣка (т. I, стр. 15). Во всякомъ случаѣ, къ рѣшенію самаго великаго вопроса въ своей жизни онъ приступилъ не съ тѣмъ религіознымъ рвеніемъ, котораго должно было ожидать отъ ученика Адріана. Его поведеніе передъ катастрофой было довольно-таки двусмысленно; несмотря на то, что Лануа заключилъ перемиріе, Карлъ, сильно недовольный этимъ договоромъ, далъ свое согласіе и содѣйствовалъ Бурбону въ его наступленіи. Когда очень поздно, во второй половинѣ іюня, пришла къ нему вѣсть о взятіи Рима, онъ сначала не хотѣлъ даже прекращать торжествъ, которыми праздновались крестины его первенца; онъ самъ принялъ еще участіе въ турнирѣ. Но ему усердно внушали, что онъ долженъ сообразоваться съ чувствами націи, которая ревностиѣ папы относится къ католичеству. Духовные и свѣтскіе вельможи выражали свое негодованіе по поводу происшествій въ Римѣ такъ откровенно, «что иные полагаютъ, высказано

было больше, чѣмъ слѣдовало», а генераль францисканцевъ, Квиньонесъ, дерзнулъ высказать Карлу прямо въ лицо, что, если онъ не исполнитъ своего долга передъ папою, онъ не можетъ впредь носить имя императора, а долженъ именоваться лишь главнокомандующимъ Лютера. Всѣ вліятельные люди жалѣли о случившемся, сообщаетъ изъ Вальядолида венеціанскій посолъ, радуются этому только нѣсколько нидерландцевъ да нѣкоторые «банкруты». Какъ разъ въ то время Гаттинара былъ въ немилости и около полугода былъ удаленъ отъ двора, и это оказывало несомнѣнно замедляющее вліяніе на политику его государя, прирожденная нерѣшительность котораго и очень даже нуждалась въ подстрекателѣ, а политики второстепенные и третъестепенные не въ состояніи были поколебать ея при всей своей энергіи. Быть можетъ, Карлъ V принялъ бы совсѣмъ иное рѣшеніе, будь онъ лично на мѣстѣ происшествій, а не въ своемъ испанскомъ уединеніи, въ которомъ зачастую лишь недѣли или мѣсяцы спустя становилось извѣстнымъ, что произошло во внѣшнемъ мірѣ. Съ полнымъ правомъ писалъ ему Лейва изъ Милана, что, пока императорскія распоряженія достигнутъ мѣста назначенія, той порой тамъ можетъ быть уже все потеряно, и что императору не слѣдуетъ черезчуръ полагаться на свою счастливую звѣзду, вѣдь «не каждый день Богъ творитъ чудеса».

Намѣренная волокита, которую Карлъ V примѣнялъ какъ къ этому, такъ и къ другимъ жгучимъ вопросамъ, снова и не въ послѣдній разъ лишила его плодовъ побѣды. Хотя и онъ говорилъ официально о судѣ Божіемъ, о преобразованіи церкви и о соборѣ,—этотъ послѣдній особенно настойчиво ему совѣтовалъ братъ его Фердинандъ,—хотя онъ въ одномъ изъ своихъ наказовъ по поводу освобожденія папы пояснилъ, что свобода эта касается лишь духовнаго сана папы, а все-таки въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ вполнѣ возстановить и свѣтскую власть его. Ибо эта волокита его привела лишь къ тому, что и состояніе императорской арміи, и общеевропейское политическое положеніе измѣнились весьма невыгодно для императора. Грозный гарнизонъ Рима, изгнанный на время чумою и голодомъ, скоро опять вернулся въ несчастный городъ, въ ихъ Римъ, какъ они говорили, и «онъ разграбленъ былъ еще чище», по увѣренію Шертлина. Опасались, какъ бы по наущенію кардинала Колонны лавдекнехты не убили папы; несмотря на это, одинъ изъ испанскихъ предводителей отказался доставить это «тѣло Бога» въ Неаполь, какъ ему было приказано. Не разъ знатныхъ заложниковъ, данныхъ папой, на веревкѣ приводили на бурныя совѣщанія этого военного сброда; не разъ имъ грозила близкая смерть. Наконецъ, 31 октября, пришли къ соглашенію, и только 26 ноября къ письменному заключенію договора, который обезпе-

чивалъ папѣ свободу и Церковную область подѣ условіемъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ и уплатить императорскому войску жалованье. Климентъ VII не сталъ дожидаться срока своего освобожденія, а въ ночь наканунѣ его бѣжалъ въ Орвіето при помощи нѣсколькихъ итальянцевъ, бывшихъ на службѣ императора, въ томъ числѣ и Мороне. И сами представители императора, ведшіе переговоры съ папою, предполагали, что онъ нарушитъ при первой возможности свои обѣщанія и вернется къ лигѣ; «мы всѣ были бы весьма изумлены, если бы онъ поступилъ наоборотъ», нишетъ Перець. А между тѣмъ торговавшееся и бунтовавшее въ Римѣ войско пришло въ крайнее разстройство, оно не было уже той готовой дать отпоръ силой, которая нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ могла еще справиться со всякой военной задачей.

Непростительно было бы, если бы французы не воспользовались выгодой, которую имъ предоставляла пагубная медлительность императора. И Францискъ I тоже довольно долго выказывалъ равнодушіе къ итальянскимъ дѣламъ, которое только и можно объяснить его легкомысліемъ; недостатка въ мощныхъ словахъ не было, положимъ, «но, какъ только потомъ рѣчь заходила объ охотѣ или другихъ развлеченіяхъ, король словно перерождался». Болѣе, чѣмъ когда-либо послѣ своего возвращенія изъ Испаніи онъ былъ поглощенъ своею любовью къ Аннѣ де Писслѣ (*Anne de Pisseleu*, впоследствии герцогиня д'Этампъ, *d'Etampes*), которой онъ шлетъ изъ лагеря, какъ и изъ заключенія своего, поэтическія посланія, которой онъ далъ клятву, что никогда не обратится въ бѣгство отъ враговъ. Его переговоры о союзѣ съ Англіей все-таки только послѣ занятія Рима пошли нѣсколько болѣе ускореннымъ темпомъ; собраніе не взятыхъ въ плѣнъ кардиналовъ въ Авиньонѣ, какъ предлагалъ Вольсей, чтобы создать нѣчто въ родѣ независимаго церковнаго правленія и протестовать при случаѣ противъ нѣкоторыхъ вынужденныхъ уступокъ папы, не состоялось, но, когда Вольсей лично доставилъ отказъ своего короля отъ французской короны и заключилъ (въ Амьенѣ 18 авг. 1527 г.) окончательный миръ между обоими государствами, французскія войска подѣ начальствомъ Лотрека стояли уже въ сѣверной Италіи; не только Павія и цѣлый рядъ ломбардскихъ городовъ, но и важная Генуя, «ворота Италіи», отворили передъ ними свои ворота. Пока Лейва, совершенно покинутый императоромъ и главной арміей, писалъ въ Испанію, что онъ на свои неотложные запросы не получалъ уже четыре мѣсяца ни одного отвѣта, и что его маленькій отрядъ умираетъ съ голоду, Лотрекъ двинулся на Неаполь; отъ императора отложились Альфонсо феррарскій и Федерико мантуанскій, хотя послѣдній и увѣрялъ втайнѣ, что въ душѣ онъ остается приверженцемъ императора.

Въ послѣдній разъ тогда Вольсей вполне упивался обманчивымъ сознаниемъ, что въ его власти склонить чашу вѣсовъ въ этой великой борьбѣ. Съ царственной пышностью явился онъ во Францію, гдѣ Францискъ I оказывалъ ему совершенно такія же почести, какъ самодержавному монарху; при его вступленіи, какъ онъ пишетъ, орудія такъ грохотали, что его мулъ совсѣмъ впалъ въ меланхолію. Францискъ I предоставлялъ ему даже королевское право помилованія преступниковъ. Впрочемъ и Карлъ въ то же самое время продолжалъ свои старанія пріобрѣсти расположеніе величайшаго изъ своихъ противниковъ, но какъ же могли представители императора вѣзправду разсчитывать, что имъ удастся подкупить такого человѣка, какъ Вольсей, ежегодною пенсіею во столько-то тысячъ дукатовъ или немного уже затаस्कанными надеждами на папскій престолъ? А политика Вольсея вступила уже на ту покатую плоскость, которая неизбѣжно должна была привести его къ паденію; всѣ интересы Генриха VIII сосредоточены были не на его отношеніяхъ къ Франціи или къ императору, а на желаніи добиться развода со своей супругой-испанкой и жениться на Аннѣ Болейнъ. Испанскій посолъ въ Лондонѣ ясно разглядѣлъ коварную политику англійскихъ противниковъ Вольсея, которые разсчитывали на то, что, поощряя съ виду его враждебную императору политику, особенно въ вопросѣ о разводѣ, они достигнутъ паденія этого давно ненавидимаго министра. Ибо для англичанъ Карлъ V былъ гораздо важнѣе короля французскаго уже вслѣдствіе одного того, что онъ былъ государемъ Нидерландовъ, и попытка Вольсея перенести англійскую торговлю изъ Антверпена въ Кале усилила нелюбовь къ нему не менѣе, чѣмъ безплодная, повидимому, издержки и помѣхи въ торговыхъ сношеніяхъ вслѣдствіе союза съ Франціей. «Онъ ведетъ опасную игру,—пишетъ одинъ французскій посолъ,—ибо я полагаю, что онъ единственный англичанинъ, который желаетъ войны съ Фландріей». Упадокъ отечественной ткацкой промышленности, неурожай, вздорожаніе хлѣба и мяса, ужасная повальная болѣзнь такъ называемаго «англійскаго пота», къ тому же возрастаніе числа безработныхъ рабочихъ и негодныхъ къ службѣ солдатъ—все соединилось вмѣстѣ, чтобы вызвать въ низшихъ классахъ народа опасное настроеніе; среди голодающихъ раздавались уже угрозы, что они пустятъ кардинала въ дырявой лодкѣ въ открытое море. Нарушеніе экономическихъ интересовъ Англіи, съ которыми Вольсей прежде столь благоразумно соображался въ своей политикѣ (т. I, стр. 327), раздражало противъ него народъ, а въ то же время невозможность склонить Римъ согласиться на разводъ короля должна была въ довольно непродолжительномъ времени охладить къ нему его государя и защитника. Совсѣмъ теперь не время было Англіи рѣшительно вмѣшиваться въ борьбу француз-

скаго и императорскаго оружія. Но, несмотря на это, опять-таки благодаря счастью, а не собственной заслугѣ Карла V ему удалось въ концѣ концовъ выйти побѣдителемъ изъ тяжкаго кризиса 1528 г. Ибо съ конца апрѣля Лотрекъ дѣйствительно осаждалъ Неаполь съ суши, а съ моря за-пиралъ его генуэзскій флотъ; въ несчастливой битвѣ съ послѣднимъ скон-чался смертью моряка вице-король Монкада, незадолго передъ тѣмъ на-значенный преемникомъ Ланнуа. Филибертъ, принцъ Оранскій, больше стремившійся взять въ свои руки по смерти Бурбона своего рода глав-ное командованіе, чѣмъ дѣйствительно пользовавшійся имъ, теперь въ ми-нуту этой страшной нужды встрѣтилъ больше повиновенія среди своихъ войскъ, чѣмъ прежде, въ разгаръ беспорядковъ въ Римѣ; даже ландскнехты готовы были довольствоваться хлѣбомъ и водою, чтобы никогда не гово-рили потомъ, будто нѣмцы сдали такой городъ вслѣдствіе недостатка въ винѣ. Но положеніе ихъ было все таки отчаянное, и виды на будущее императора были тогда такъ плохи, какъ ни въ одинъ годъ этой не-скончаемой войны. При англійскомъ дворѣ говорили уже, что тяжело оскорбленный папа можетъ низложить Карла V, а Вольсей клялся фран-цузскому послу, что онъ будетъ изо всѣхъ силъ хлопотать объ этомъ. Во время одного торжества, устроеннаго Вольсеемъ, праздновалось осво-божденіе папы изъ рукъ злыхъ людей, которые хуже турокъ, и, хотя имя императора и не упоминалось, все-же намекалось, что всѣ бѣдствія происходятъ отъ неутолимой алчности одного человѣка, кото-рый стремится покорить себѣ весь міръ. И венеціанцы въ самомъ дѣлѣ хлопотали въ Портѣ объ энергичномъ нападеніи на австрійскія земли, какъ Максимиліанъ въ свое время натравлялъ турокъ на Венецію. По-нятно, что теперь Фердинандъ, сдѣлавшись венгерскимъ королемъ, отсту-пился отъ своихъ прежнихъ возжелѣній на герцогство миланское, и вмѣсто того, чтобы по желанію брата двинуться въ Италію, онъ, вполне понимая опас-ность, которая грозила ему съ востока, убѣждалъ наоборотъ Карла заклю-чить миръ съ Франціей. Положимъ, весною 1528 года до сѣверной Италіи дошелъ съ нѣмецкой арміей герцогъ брауншвейгскій Генрихъ, но этотъ «цвѣтъ Германіи», въ томъ числѣ множество дворянъ, казалось, ду-малъ только о деньгахъ, подобно своимъ предшественникамъ, и, когда они едва не убили герцога, своего вождя, одинъ испанецъ въ негодованіи обозвалъ ихъ «самой гнусной шайкой еретиковъ», какая когда-либо вступала въ Италію. Такимъ образомъ не военнымъ успѣхамъ своихъ армій обязанъ былъ Карлъ V внезапнымъ поворотомъ вещей, а чумѣ, свирѣпствовавшей во французскомъ лагерѣ подъ Неаполемъ, жертвой которой на ряду съ значительной частью арміи палъ и ея главно-командующій Лотрекъ, а затѣмъ, пожалуй еще болѣе того, жестокому

промаху французской политики. Францискъ I не позаботился удовлетворить Андрея Дорію, морского героя Генуи, флотъ которой и далъ въ сущности рѣшительный перевѣсъ къ невыгодѣ императора. Полу-личная, полу-патріотическая досада побудила этого морского кондоттьера къ отпадению отъ монарха, который недостаточно вознаградилъ его за заслуги и отказался возратить его родному городу Савону. Еще въ началѣ іюля племянникъ его снялъ блокаду Неаполя, а 12-го сентября Андреа явился въ Геную подъ флагомъ императора. Вскорѣ затѣмъ подъ прикрытіемъ императорскихъ войскъ вернулся въ Римъ Климентъ VII, у котораго оказалось достаточно благоразумія, чтобы пообождать съ новымъ присоединеніемъ къ лигѣ. Тщетно венеціанскій посолъ, благородный Контарини, заклиналъ его вспомнить о свободѣ Италіи и своемъ высокомъ санѣ; «Вы, Ваше Святѣйшество, не думайте, что благоденствіе Церкви Христовой связано съ этой маленькой Церковной областью; и до пріобрѣтенія ея существовала церковь и при томъ самая лучшая изъ всѣхъ; церковь есть совокупность всѣхъ христіанъ, а это государство не болѣе любого изъ прочихъ итальянскихъ княжествъ». Но Климентъ возразилъ на это, что, если кто захочетъ въ этомъ мірѣ итти правымъ путемъ, съ тѣмъ обращаются, какъ со скотиной. Онъ не забылъ, что венеціанцы не согласились возратить ему Равенну и Червію, и что Францискъ I выдалъ свою свояченицу Ренэ за сына герцога феррарскаго. При такомъ обращеніи онъ готовъ былъ, какъ пишетъ одинъ изъ довѣренныхъ его, предаться не только императору, а и самому сатанѣ, лишь бы избавиться впредь отъ этихъ издѣвательствъ и мученій. Глубокая пропасть между обмірщившейся куріей и истинно благочестивыми сынами церкви вполне ясно выступаетъ передъ нами, если мы сопоставимъ съ вышеприведенными словами Контарини эти легкомысленныя слова епископа въ Байѣ. «Окончательно погибши какъ папа, онъ спасся какъ Медичи», такъ выражаетъ Брошъ свой приговоръ надъ этимъ уничиженнымъ, но не исправленнымъ главою церкви, мысли котораго отнынѣ все болѣе и болѣе посвящались заботамъ о своемъ родѣ и его будущности.

Не при одномъ только папскомъ дворѣ, а почти всюду страстно желали мира. Какъ и въ Англіи, во Франціи тоже наступила дороговизна и волненія; Нидерланды тоже были истощены, а сопротивленіе въ особенности прелатовъ и городовъ непрестаннымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ихъ податной силѣ, приводило уже къ небезопаснымъ столкновениямъ съ правительствомъ. Маргарита въ качествѣ намѣстницы прибѣгала къ самымъ крайнимъ мѣрамъ; такъ, напр., она отобрала въ казну *temporalia* (доходы) брабантскихъ прелатовъ и безъ дальнихъ разсужденій измѣнила городовое положеніе объ управленіи Брюсселемъ; ей приписы-

вали даже намѣреніе перетопить мятежное духовенство. Но она довольно рада была, когда Англія первая заговорила о перемиріи, которое она и заключила одновременно съ Франціей въ іюнѣ 1528 г., не испросивши согласія императора. Въ то время между Францискомъ I и Карломъ V разыгрался изумительный вопросъ о дѣлѣ чести, «скорѣе комическій, чѣмъ трагическій пеходъ» котораго можно было, разумѣется, предвидѣть заранее, несмотря на то, что императоръ принималъ важный видъ. Лѣтомъ 1527 года Карлъ заявилъ одному изъ французскихъ пословъ, что государь его поступилъ съ нимъ не по-рыцарски, а какъ негодяй, какъ трусъ, и что онъ предпочелъ бы охотнѣе всего покончить ихъ споръ лицомъ къ лицу. Такъ какъ онъ настаивалъ на томъ, чтобы до свѣдѣнія Франциска I довели объ этомъ оскорбленіи, которое нѣсколько времени замалчивали, то королю ничего больше не оставалось какъ со своей стороны отвѣтить вызовомъ, въ которомъ говорилось, что императоръ лжетъ безсовѣстно, и что король проситъ его назначить мѣсто поединка. Естественно, что уговориться о всѣхъ подробностяхъ никакъ не удавалось, но императоръ не постыдился дать почувствовать свой гнѣвъ дѣтямъ соперника, которыя жили въ Испаніи въ качествѣ заложниковъ, подвергая ихъ болѣе суровому обращенію. Несмотря на эту личную вражду, дамамъ этихъ королевскихъ фамилій удалось въ концѣ концовъ исполнить ихъ «естественное призваніе», какъ выразилась мать Франциска I, и установить желанный миръ. Еще раньше король обратился тайно къ своей невѣстѣ, Элеонорѣ португальской, и она, носившая уже титулъ королевы Франціи, выразила свою готовность служить посредницей передъ своимъ братомъ. Но главная заслуга въ заключеніи этого мира, съ полнымъ правомъ носящаго названіе «дамскаго мира», принадлежитъ теткѣ императора, Маргаритѣ. Еще Максимилианъ, ея отецъ, подготовилъ и сдѣлалъ ее ближайшей участницей во всѣхъ политическихъ вопросахъ, теперь она предварительно вывѣдала намѣренія французскаго двора и встрѣтила со стороны матери Франциска I желаемую предупредительность. Но еще прежде, чѣмъ обѣ эти посредницы, преодолевши великія затрудненія, встрѣтились въ Камбрѣ, папа, за которымъ все еще ухаживали и други и недруги, неожиданно заключилъ дѣйствительно миръ съ императоромъ, до самаго конца поддерживавши съ честью свою давнишнюю славу непостижимаго, но при томъ «алчнаго на золото и до крайности низкаго» человѣка, какъ говорить о немъ одинъ изъ представителей Карла. Просто изумительно, какъ это Климентъ при своей страстности переносилъ обращеніе этихъ столь надменныхъ испанцевъ. Но они могли ему много предложить и успокоили его въ особенности насчетъ собора, будто бы и самъ императоръ далеко не вполне сочувствуетъ этому, такъ какъ соборъ можетъ стать источни-

комъ «новшествъ и опасностей». И Климентъ съ своей стороны все еще охотнѣе сдѣлалъ бы лютеранамъ нѣкоторыя «менѣе скандальныя» уступки. Такимъ образомъ въ Барселонѣ 29 іюня 1529 года подписанъ былъ мирный договоръ, который обезпечивалъ папѣ возвращеніе кусковъ Церковной области, отнятыхъ Венеціей и Феррарой, а главное возстановленіе Медичи во Флоренціи; судьбу Милана, если будетъ доказана вина Сфорцы, должны рѣшить сообща императоръ и папа. Незадолго до этого (21 іюня) побѣда Лейвы при Ландріано уничтожила послѣднюю армію, которую выслала Франція за Альпы. Эти успѣхи были еще превзойдены, если только это возможно, дипломатической побѣдой, которую Маргарита одержала въ Камбрѣ. Еще въ іюнѣ Францискъ торжественно заявилъ итальянскимъ посламъ, что онъ ради блага своихъ союзниковъ принесетъ въ жертву даже свою собственную жизнь и свободу своихъ дѣтей. А 5-го августа, при заключеніи мира въ Камбрѣ, онъ вмѣсто того принесъ въ жертву своихъ итальянскихъ союзниковъ, удовольствовавшись тѣмъ, что императоръ отказался отъ своего требованія передачи ему Бургундіи, но при этомъ Карлъ прямо оговорилъ, что онъ оставляетъ за собою притязанія на нее и право искать ихъ удовлетворенія судебнымъ порядкомъ. Выкупъ за французскихъ принцевъ въ размѣрѣ двухъ милліоновъ золотыхъ талеровъ долженъ былъ создать императору, властелину Европы, финансовое основаніе его могущества, недостатокъ котораго отзывался столь прискорбно; еще незадолго передъ тѣмъ онъ отчаивался, удастся ли ему набрать тысячъ двѣсти дукатовъ для путешествія въ Италію. Когда онъ покинулъ, наконецъ, свое испанское уединеніе, чтобы устроить будущность Италіи и Германіи, онъ шелъ не на великую борьбу своей жизни, какъ девять лѣтъ тому назадъ, а въ полномъ сознаніи успѣха. И самъ онъ сталъ инымъ, возмужалъ, сдѣлался самъ своимъ первымъ министромъ; «онъ уже не хочетъ, чтобы имъ управляли», полагаетъ одинъ нѣмецкій наблюдатель. Приближенные его распознали, конечно, горячее желаніе своего замкнутого государя «показать всему свѣту то, о чемъ давно знали его слуги: какое у него великодушное сердце». Счастье служило ему, пока онъ поживалъ себѣ спокойно въ Испаніи; оно сопровождало теперь побѣдителя, когда онъ, наперекоръ всѣмъ предостереженіямъ, готовился слѣдовать своему собственному убѣжденію и самъ хотѣлъ справиться съ папой и съ Лютеромъ. Страшная опасность турецкаго нашествія, сверхъ всякаго ожиданія, скоро миновала; вскорѣ послѣ того какъ Сулейманъ снялъ осаду Вѣны, папѣ и государственный челоуѣкъ Англіи, бдительности котораго все еще удавалось до сихъ поръ не давать ходу имперіализму Габсбурговъ.

Личность Карла V выигрываетъ въ величіи, если его сопоставить съ такими позабывшими свой долгъ государями, какъ Францискъ I или Ген-

рихъ VIII. Но и игривое легкомысліе французскаго короля и его расточительность на своихъ фаворитокъ все еще кажутся безобидными въ сравненіи съ совѣмъ неукротимой, деспотической натурой Тюдора, который во всю свою жизнь едва-ли когда задавался иными цѣлями, кромѣ своихъ чисто личныхъ прихотей. Непомѣрное тщеславіе, усиленное еще скорѣе блестящимъ, чѣмъ глубокимъ образованіемъ, составляло сущность его характера; въ юные годы короля оно проявлялось ребячески, когда онъ всюду старался щегольнуть своими физическими преимуществами и заставилъ, напр., одного венеціанскаго посла дивиться красотѣ его ноги. Впослѣдствіи ему пришло въ голову отгнать свое положеніе въ Европѣ съ такимъ самодовольствомъ, что оно почти граничило съ маніей величія. Но нигдѣ духовная и нравственная скудость этого грубаго эгоиста не выступаютъ такъ рѣзко, какъ въ побужденіи и ходѣ его отдѣленія отъ папства, которое повлекло за собою и паденіе его вѣрнѣйшаго совѣтника. Вспоминается пресловутое изреченіе о малыхъ причинахъ и великихъ дѣйствіяхъ, когда видишь какъ прихоть влюбленнаго Генриха VIII привела къ величайшимъ политическимъ и церковнымъ переменамъ. Ибо не династическія соображенія, не запросы совѣти заставили его сдѣлать главной цѣлью политики Англіи разводъ короля съ королевой-испанкой, а сила чувственной страсти, предметомъ которой была кокетливая Анна Болейнъ; при своихъ прекрасныхъ темныхъ очахъ и волнистыхъ черныхъ волосахъ она еще въдобавокъ настолько владела собою, что могла оказывать упорное сопротивленіе своему бурному обожателю. Она не желала быть наложницей, подобно своей старшей сестрѣ, которая теперь получила отставку. Тщетно Вольсей настойчиво заклиналъ своего государя отказаться отъ этого плана развода; ему самому приходилось хлопотать въ Римѣ объ этомъ дѣлѣ, если онъ не хотѣлъ сразу признать борьбу безнадежною. Съ іюня 1527 года Генрихъ на дѣлѣ разлучился со своей супругой; мѣсяца два спустя, когда кардиналъ возвращался изъ Франціи, Анна Болейнъ велѣла уже передать ему, что онъ долженъ отправиться туда, гдѣ находится король. Несмотря на это, Вольсей пытался вступить въ союзъ съ этой опасной женщиной, тогда какъ Генрихъ малодушно попытался добиться въ Римѣ за спиною своего министра разрѣшенія или на разводъ, или на двоеженство. Это послѣднее позорное требованіе Вольсей сумѣлъ, однако, еще устранить, но у Климента VII нельзя было добиться и развода, потому что при тогдашнемъ своемъ положеніи онъ не хотѣлъ брать на себя тяжелой политической отвѣтственности за подобный шагъ, хотя кардиналъ еще въ концѣ 1527 г. обратилъ его вниманіе на непреклонную волю короля и на презрѣніе къ папской власти, которое и безъ того носится въ воздухѣ. Рѣшеніе выпало собственно на поляхъ битвъ въ Италіи; послѣ того какъ рушилось предпріятіе фран-

цузовъ противъ Неаполя, для Англіи исчезла всякая надежда на уступчивость папы, который, по его собственнымъ словамъ, очутившись «между молотомъ и наковальней» затягивалъ дѣло при посредствѣ своего легата Кампеджи и въ концѣ концовъ перенесъ въ іюль 1529 г. все это дѣло въ Римъ. А вслѣдствіе этого и положеніе Вольсея сдѣлалось совсѣмъ шаткимъ, такъ какъ, по его словамъ, ему нужна была «страшная алхимія», чтобы устоять противъ своихъ противниковъ. За спиною Анны Болейнъ стояли его давнишніе враги изъ среды англійской аристократіи, а при коренной неудачѣ его враждебной императору политики министръ, который держался лишь благоволеніемъ своего короля наперекоръ своей страшной непопулярности, потерялъ послѣднее имѣвшее значеніе притязаніе на эту охрану. Въ октябрѣ 1529 года начался процессъ противъ него, у него отобрали государственную печать; этотъ нѣкогда всемогущій министръ обратился къ своему государю «въ качествѣ весьма угнетеннаго бѣднаго капеллана, креатуры и молитвенника Его Величества, вопія и взывая о прощеніи и помилованіи». Несмотря на это, когда помилованіе дѣйствительно послѣдовало, онъ не оставилъ надежды завоевать себѣ снова свое прежнее положеніе при помощи Франціи, а то и императора. Но его сношенія съ иноземными послами не остались въ тайнѣ; 4-го ноября 1530 года онъ былъ арестованъ и скончался на пути въ аббатствѣ Лейчестеръ, какъ разъ въ то время, когда его должны были перевести въ Тоуэръ. «Если бы я», сказалъ онъ коменданту Тоуэра, «такъ же ревностно служилъ Богу, какъ королю, Онъ бы меня не покинулъ въ моей старости». До послѣдняго издыханія онъ заботился о судьбѣ своего государя, онъ поручилъ еще передать ему свое предостереженіе противъ опаснаго для государства духа лютеранской ереси. Смерть избавила этого великаго государственнаго человѣка отъ топора палача, который немного лѣтъ спустя опустился на шею его прекрасной и коварной ненавистницы. Міръ не зналъ еще тогда истиннаго характера Генриха VIII настолько, насколько Вольсей давно уже выглядѣлъ его насквозь, когда ему не разъ по цѣлымъ часамъ приходилось на колѣняхъ умолять своего государя и все же не удавалось поколебать его страшнаго упрямства. Теперь отпаденіе Англіи отъ римскаго престола, предсказанное кардиналомъ, пошло своимъ ходомъ, тогда какъ къ выгодѣ Карла V иностранная политика королевства отступила на задній планъ изъ-за смуты церковнаго переворота. Францискъ I и Карлъ V стали отзываться о Генрихѣ VIII какъ о безумцѣ, на котораго невозможно положиться. Но, какъ вполне справедливо говоритъ Брьюэръ (Brewer), черта величія, которую внесъ въ англійскую политику Вольсей въ качествѣ выдающейся личности, осталась живою и порою возвышала даже такого человѣка какъ Генрихъ VIII надъ его собственной жалкой личностью.

Когда 12-го августа 1529 г. Карлъ V высадился въ Генуѣ, война въ Италіи еще не совсѣмъ кончилась, и страхъ турецкаго нашествія настоятельно требовалъ возстановленія мира. Послѣднее сопротивленіе оказывали Венеція, Миланъ, Феррара и Флоренція, между тѣмъ какъ Климентъ VII выступилъ посредникомъ по крайней мѣрѣ за первыхъ двухъ, не поступаясь ничѣмъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ собственныхъ требованіяхъ отъ Венеціи. Въ городѣ лагунъ считали, разумѣется, что папа заслуживаетъ скорѣе названія архіеретика, чѣмъ главы христіанства. Однако же онъ въ собственныхъ интересахъ находилъ желательнымъ сохраненіе цѣлости этой могущественной республики и итальянскаго герцогства въ Миланѣ. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, которые императоръ и папа прожили вмѣстѣ въ Болоньѣ—ихъ раздѣляла только дверь—они упорядочили отношенія въ Италіи пожалуй гораздо болѣе къ выгодѣ папы и рода Медичи, чѣмъ въ интересахъ императора. Карлъ V постоянно носилъ съ собою письменныя замѣтки, чтобы не упустить чего-нибудь при переговорахъ наединѣ съ этимъ лукавымъ флорентійцемъ. Теперь пришлось отказаться отъ далеко распространившагося взгляда, будто Карлъ V либо тупоуменъ, либо сонливъ; «можно сказать», полагаетъ одинъ венеціанецъ, «что онъ разомъ и совсѣмъ неожиданно пробудился и сталъ оживленнымъ, отчаянно смѣлымъ и мужественнымъ». А по правдѣ-то онъ держался все того же пріема: хорошо взвѣшивать свои слова и неуклонно проводить свои замыслы, который давно уже обратилъ на себя вниманіе болѣе проницательныхъ наблюдателей. Естественно ему и въ голову не приходило дать себя обмануть Франциску I, который въ красивыхъ фразахъ сулилъ ему «моря и горы»; онъ вынесъ изъ нихъ лишь предостереженіе, «что этотъ господинъ король не утратилъ еще вкуса къ Италіи». Какъ онъ умѣлъ прибѣгнуть во время то къ рѣзкости, то къ любезной предупредительности! Чтобы настроить его милостиво, лучшимъ средствомъ было безъ оглядки «броситься въ объятія его безпредѣльнаго милосердія», какъ это съ хорошимъ успѣхомъ попытались сдѣлать находившійся въ большой опасности герцогъ Франческо Сфорца и Альфонсо феррарскій. Благодаря личнымъ трудамъ въ политикѣ Карлъ заключилъ тогда миръ со своими итальянскими противниками и оборонительный союзъ (22 декабря 1529 г.), членами котораго, кромѣ императора, папы и короля венгерскаго, были: Венеція, Миланъ, Савойя, Монферратъ, Мантуя, Генуя, Сьена и Лукка. Послѣ провозглашенія этого мира въ день новаго 1530 г. послѣдовало самое странное коронованіе императора, какое только видѣлъ міръ; дѣло имѣло такой видъ, какъ будто теперь Священная римская имперія перешла отъ нѣмцевъ къ романцамъ, какъ нѣкогда отъ грековъ она перешла къ нѣмцамъ; ибо вмѣсто германскихъ курфюрстовъ и князей

властелина окружали испанскіе гранды и итальянскіе династы, когда онъ, 24-го февраля, въ день своего рожденія и побѣды при Павіи, короновался въ болонскомъ соборѣ короною Карла Великаго. Карлъ V нарушилъ исконный обычай коронованія въ Римѣ, лишь бы поскорѣе предстать передъ еретиками въ Германіи. Въ качествѣ блюстителя и защитника Церкви онъ поклялся по мѣрѣ умѣнія и возможности охранять достоинствѣ, честь и права папы и римской церкви. Но Климентъ VII такъ глубоко вздыхалъ во время этого обряда, что замѣтно было, какъ подымалась и опускалась его тяжелая великолѣпная мантия; вполне точно Брошъ уподобилъ это послѣднее коронованіе римскаго императора коронованію Наполеона униженнымъ папою. Пока еще на глазахъ всего міра эти древнія іерархически-теократическія власти, императоръ и папа, находились въ единодушій, когда новый покровитель церкви двинулся на сѣверъ, чтобы снова подчинить своему игу строптивыхъ нѣмцевъ. Въ дѣйствительности же папа испытывалъ не меньше ужаса передъ соборомъ, котораго требовалъ Карлъ, чѣмъ лютеране передъ грозными ожиданіями насильственныхъ мѣръ со стороны императора.

Императоръ-побѣдитель покидалъ Италію, которая истекала кровью изъ тысячи ранъ, какъ бы служа устрашающимъ примѣромъ сломленного сопротивленія. Что было пользы въ томъ, что флорентійцы, изгнавъ въ послѣдній разъ въ 1527 г. Медичи и провозгласивъ І. Христа своимъ королемъ, возобновили религіозно-политическія стремленія Савонаролы и рѣшились съ античной готовностью къ жертвамъ «не останавливаться передъ разореніемъ своей страны, потерю своего достоинства и самой жизни» лишь бы отстоять свою свободу? Предоставленные вполне своимъ собственнымъ силамъ, они сдались послѣ продолжительной осады войскамъ, которыя императоръ предоставилъ въ распоряженіе мстительнаго папы. 12-го августа 1530 г. несчастный городъ сдался на капитуляцію и смѣнилъ свое гордое республиканское прошлое на владычество незаконнорожденного потомка Медичи, которому покровительствовалъ императоръ. Малатеста Бальони, главнокомандующій флорентійцевъ, оказался измѣнникомъ, но для упадка нравственности тогдашней Италіи еще знаменательнѣе то внезапное малодушіе, которое напало на одного изъ величайшихъ и благороднѣйшихъ сыновъ Флоренціи, на Микельанджело Буонаротти; оно заставило его бросить порученныя ему оборонительныя работы и бѣжать изъ обреченнаго на гибель родного города. Паденіемъ Флоренціи завершилась работа разрушенія, которая началась три года передъ тѣмъ разграбленіемъ Рима; цвѣтъ итальянскаго Возрожденія былъ растоптанъ, и знаменитая «Ночь» Микельанджело, которая въ своемъ окаменѣломъ снѣ не чувствуетъ скорби и позора своего времени, могла служить вѣрнымъ

символомъ печальной будущности не одной только Флоренціи, а и всей Италіи. Въ Неаполѣ испанское владычество было снова упрочено кровавыми казнями. Герцогъ миланскій былъ больной человѣкъ, и переходъ его государства къ императору былъ лишь вопросомъ времени; Алессандро Медичи, новый властелинъ Флоренціи, былъ избранъ въ супруги одной изъ побочныхъ дочерей императора. Послы итальянскихъ князей и республикъ уже въ Болоньѣ спорили о первенствѣ при торжествѣ коронованія, которое запечатлѣвало для всѣхъ нихъ владычество чужеземцевъ, «смердное владычество варваровъ», какъ выразился однажды въ письмѣ Маккіавелли. Высшая культура, ослабленная политической разрозненностью и нравственнымъ одичаніемъ, покорена была болѣе грубыми по складу, но привыкшими къ высшимъ государственнымъ отношеніямъ и къ твердой дисциплинѣ испанцами. «Настоящее принадлежало покорителю,—говоритъ Бушъ,—будущее, хотя и далекое будущее, покореннымъ».

Надпись, которою увѣковѣчено совмѣстное пребываніе обѣихъ главъ въ папскомъ дворцѣ въ Болоньѣ, гласитъ, что императоръ отправляется въ Германію «для подавленія безбожныхъ замысловъ мятежниковъ» и для окончанія войны съ турками. Во всякомъ случаѣ, въ глубинѣ души императоръ таилъ мысль о вселенскомъ соборѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ о руководствѣ великимъ христіанскимъ предпріятіемъ противъ османовъ, эту давнишнюю мечту своего дѣда Максимилиана. Но пока что гораздо болѣе близко касавшіеся его вопросы ждали еще своего разрѣшенія. Императоръ долженъ былъ сосредоточить все вниманіе на двухъ великихъ событіяхъ, на которыя онъ много лѣтъ не обращалъ вниманія. Во-первыхъ, лютеранская ересь, вступивши въ чреватый послѣдствіями союзъ съ княжескими властями въ имперіи, получила болѣе прочную политическую форму и черезъ это приобрѣла и значеніе, опасное для соображеній неустанно разсчитывающей политики. Затѣмъ, брату императора досталось такое множество земель, а между тѣмъ сохранить ихъ въ совокупности можно было лишь въ союзѣ съ имперіей и ея военными силами. Программа императора сводилась къ полюбовному или насильственному улаженію дѣла съ лютеранами и къ приобретенію римской короны для государя того новаго международнаго союза государствъ, изъ котораго суждено было вырасти Австріи будущаго. Но онъ не зналъ еще, какія силы развились въ Германіи во время его продолжительнаго отсутствія. Изъ лютеранъ образовались протестанты.

ГЛАВА II.

Возникновеніе нѣмецкаго протестантства и австрійскаго государства.

Реформація Лютера давно уже вступила въ ту стадію, при которой становилось неотвратимымъ требованіемъ, чтобы она разобралась съ политическими силами націи. Положимъ, тяжелый на ходу механизмъ имперскаго представительства до сихъ поръ еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію, но зато рыцарскія смуты, а особенно крестьянская революція тѣмъ настоятельнѣе напоминали о необходимости найти гдѣ-нибудь убѣжище для евангеличества, которому приходилось теперь дѣйствовать на мѣрѣ и въ міру. Выдающееся значеніе государства проявляется разительнѣе всего, быть можетъ, въ томъ именно, что безъ него и наиболѣе свободныя по существу своему дѣятельности человѣческаго духа не могутъ пріобрѣсти себѣ обезпеченнаго существованія. Немного лишь найдется людей дѣла, которые по самому внутреннему существу своему стояли бы такъ далеко отъ государственныхъ вопросовъ и съ такимъ жаромъ отстаивали бы полную независимость личности въ вопросахъ религіи, какъ Лютеръ. Можетъ быть, онъ такъ скоро и обманулся въ осуществимости своихъ идеаловъ потому именно, что при своемъ тонкомъ пониманіи новаго строя и окраски соціальной жизни онъ относился къ государству и его дѣятельности съ самымъ искреннимъ уваженіемъ, но далеко не достаточнымъ пониманіемъ. Такимъ образомъ онъ и былъ вовлеченъ въ то непрестанно усиливавшееся движеніе, которое еще съ XV в. стремилось передать въ руки территоріальнаго государства на ряду съ прочими атрибутами верховной власти и власть надъ церковью (т. I, стр. 92). «Лютеръ могъ основать религію,—говоритъ Дёллингеръ,—но не могъ основать церкви». Несмотря на это, въ послѣднія десятилѣтія своей жизни онъ оказывается невольнымъ основателемъ церкви и церковнымъ владыкою надъ большей частью Германіи. Онъ не былъ уже національнымъ героемъ первыхъ лѣтъ, и намъ понятно, что на него все чаще находили часы унынія и озлобленія подъ вліяніемъ тяжелой борьбы съ трудомъ, для котораго всеѣмъ не подходили его гениальные приемы. И тѣмъ болѣе мы должны поставить ему въ заслугу, что онъ не утратилъ все-таки «дружелюбность и благожелательность» своего природнаго характера и сдѣлался вождемъ своего народа также и въ вопросахъ, касающихся дома и семьи. Какъ ни скуднымъ кажется церковное строеніе, воздвигнутое имъ по нуждѣ, рядомъ съ прочнымъ и способнымъ постоять за себя созданіемъ Кальвина, но примѣръ который оставилъ своимъ дорогимъ нѣмцамъ этотъ добросердечный и великій человѣкъ, именно какъ человѣкъ, оказывается богатымъ и неоцѣнимымъ.

Нельзя сказать, что онъ предвосхитилъ въ своей семейной жизни, напр., то наиболѣе благородное, что старались выработать много поколѣній послѣ него. Въ бракѣ Лютера нельзя не замѣтить той здоровой грубости, которая была свойственна лучшимъ нѣмцамъ того времени, и его бравая хозяйка, Екатерина фонъ Бора, которая «служила ему какъ раба», по его собственному свидѣтельству, едва ли имѣетъ что-либо общее съ тѣмъ цвѣтомъ благородныхъ итальянскихъ женщинъ, каковы были Изабелла Гонзага или Витторія Колонна. Но уже самое событіе, что опальный монахъ 13 іюня 1525 года женился на бѣглой монахинѣ, было довольно многозначительно; свѣтъ могъ ожидать этого шага отъ явнаго противника монашескаго идеала, и конечно такъ же съ торжествомъ указывалъ бы на Лютера, если бы онъ отложилъ надолго исполненіе его, какъ онъ разразился на всѣ лады нравственнаго негодованія и грязнаго злорадства по поводу этого «антихристовъ» союза. Вѣдь даже обидчивый Меланхтонъ, котораго не спросились, не удержался, чтобы не изложить въ интимномъ письмѣ, какъ великій другъ его женолюбивъ и самонадѣянъ, и что бракъ его глупость. Лютеръ былъ вполне правъ, полагая, что онъ сдѣлался теперь такимъ ничтожнымъ и презрѣннымъ, что «ангелы смѣются, а всѣ діаволы плачутъ». Но всѣ и понынѣ не смолкающія грязныя сплетни съ избыткомъ покрываются истиннымъ образомъ Лютера какъ отца семейства, когда онъ, какъ ребенокъ, играетъ со своими дѣтьми, когда онъ обучаетъ чисто нѣмецкому искусству облагораживать жизнь и при скромныхъ средствахъ и наслаждаться ею, когда онъ, не пренебрегая и матеріальными утѣхами бытія, не въ силахъ копить деньги и отказать въ чемъ-либо просящему. Въ обращеніи съ своимъ «господиномъ Катей», съ друзьями и застольниками онъ раскрывалъ всю сокровищницу своего юмора и остроумія, которыми онъ такъ и сыпалъ, шутя, не опасаясь исчерпать его; положимъ, непомѣрно рьяные поклонники его, старавшіеся запомнить каждое слово учителя и передать его потомству, принесли больше ущербъ, чѣмъ чести реформатору, пока въ наши дни путемъ болѣе близкаго знакомства со вполне подлинными первоначальными записями не была открыта вся сомнительность, а въ особенности множество грязныхъ вставокъ, «Застольныхъ бесѣдъ» Лютера, которыя до сихъ поръ ходили въ переработанномъ видѣ. Но и тутъ еще остается много грубостей, безъ которыхъ въ тѣ времена не могли обойтись; но, стоитъ лишь сопоставить съ этими крѣпкими, но никогда не пошлыми выраженіями мочной натуры знаменитое письмо реформатора къ своему «сыночку Гансику», и, читая его, нельзя не полюбить писавшаго его. Іоганнъ Кеслеръ сообщаетъ: «Серьезность до такой степени перемѣшана въ немъ съ радостью и дружелюбіемъ, что такъ и хочется жить съ

нимъ, словно Богу угодно было доказать благость и обиліе радости въ его евангеліи не только его ученіемъ, но и поступками его». Тотъ же самый человѣкъ, который въ литературной схваткѣ наносилъ удары съ яростью настоящаго берсеркера, не могъ себѣ представить большаго горя, какъ если его Гансикъ озлобится на него; скорѣе черезчуръ мягкій, чѣмъ слишкомъ строгій въ семьѣ, онъ въ такія минуты отдыха готовъ былъ утѣшаться всѣмъ, что представлялось его взору: своими дѣтьми, этими самыми прелестными потѣшными птичками, смотрѣньемъ въ окно, прогулкой пѣшкомъ или поѣздкой за городъ, птицами, собаками, безъ которыхъ онъ не могъ себѣ представить даже и будущей жизни, стрѣляньемъ въ цѣль и игрой въ кегли, своей музыкой, и не послѣднюю утѣху составляла для него изрядная выпивка, да не поставитъ ему этого Богъ во грѣхъ. Въ томъ простодушіи, съ которымъ онъ любовался «тварями», не осталось ничего отъ монашескаго страха передъ міромъ, и оно нисколько не напоминаетъ полу-поэтическую, полу-мистическую мечтательность, съ которою Францискъ Ассизскій любовно привѣтствуетъ своего брата солнце, брата воздухъ, сестеръ своихъ птичекъ. Я примѣнилъ бы къ этой прелестной, уютной, тихой жизни великаго человѣка слова, которыя употребилъ Фридрихъ Фишеръ (Vischer) въ своей характеристикѣ нѣмецкой реформаціи, слова о «здоровомъ филистерствѣ нѣмецкой натуры».

Эта національная черта вліяла, разумѣется, совсѣмъ иначе въ области церковной политики, чѣмъ въ семейномъ царствѣ сердца и мѣщанскаго благодушествованія. Я не хочу этимъ сказать, что въ первоначальныхъ идеяхъ реформатора не было высокаго и свободного полета. Напротивъ, Лютеръ былъ даже черезчуръ идеалистомъ, такъ что не могъ напередъ обдумать практическую организацію своего евангеличества, а идеаль церкви, который носился предъ нимъ, былъ слишкомъ возвышенъ, чтобы выдержать перенесеніе въ дѣйствительность.

Мы видѣли, какъ онъ исходилъ изъ основныхъ положеній о всеобщемъ священствѣ и полной свободѣ совѣсти, которыя естественно должны были привести къ общинному началу. Во всякомъ случаѣ, онъ напередъ уже не задавался никакимъ намѣреніемъ или даже твердо установленнымъ планомъ основанія новой церкви, какъ и въ вѣроученіи онъ желалъ лишь возвратиться къ первобытнымъ временамъ христіанства и не устранять ничего, кромѣ позднѣйшихъ искаженій его. Одно время онъ носился съ мыслью отдѣлить истинныхъ христіанъ отъ остальныхъ въ нѣчто въ родѣ общины тайной вечери, однако, никогда не сдѣлалъ даже и попытки учредить такую «общину святыхъ». Онъ говоритъ: «Ecclesia (т. е. церковь) значитъ: святой христіанскій народъ не только временъ апостоловъ, но и до скончанія міра». Наоборотъ, дѣйствительно то тутъ, то тамъ

позагалось начало церковному самоуправленію общинъ, которыя по сочиненію Лютера, вышедшему въ 1523 г., имѣютъ право и власть «обсуждать всякое вѣроученіе, приглашать, утверждать и низлагать учителей». Сначала виттенбержцы еще въ отсутствіе Лютера самовольно начали вводить это (т. I, стр. 377). Затѣмъ совершенно подобныя же учрежденія возникли въ Лейснигѣ на Мульдѣ (1523) и въ Магдебургѣ (1524); основною отличительной чертой ихъ Э. Л. Рихтеръ считаетъ «полнѣйшее смѣшеніе мірской и духовной общины въ одну христіанскую общину»; церковные доходы, складываемые въ «общій ящикъ», должны были одинаково употребляться и на расходы по призрѣнію бѣдныхъ и на обученіе; завѣдываніе ими поручалось избраннымъ настоятелямъ и провѣрялось всею совокупностью членовъ. Впрочемъ, самъ Лютеръ, какъ это доказываетъ его посланіе къ городскому совѣту въ Прагѣ (1523), не придавалъ особаго значенія тому, вся ли община, или же начальство въ качествѣ ея представителя пользуется этими правами. Вѣдь въ сущности отождествленіе гражданской общины съ церковной вообще не соответствовало его идеалу; въ томъ же самомъ 1523 году онъ высказался за принципиальное раздѣленіе Царствія Божія отъ земного царства, въ томъ смыслѣ, что это послѣднее «имѣетъ законы, которые простираются не далѣе того, что касается жизни и достоянія и всего внѣшняго на землѣ». А когда въ довершеніе всего не только опыты въ Лейснигѣ и Магдебургѣ дали печальные плоды, но и крестьянская революція выставила на первый планъ въ своихъ требованіяхъ свободное избраніе проповѣдника, тогда Лютеръ сталъ все болѣе и болѣе позабывать свои вольнолюбивые порывы, хотя онъ и согласенъ былъ предоставить крестьянамъ, по крайней мѣрѣ при извѣстныхъ условіяхъ, право избранія. А въ то же время отчасти отвращеніе къ революціи, отчасти опыты иного рода привели его къ тому, что онъ призналъ въ государствѣ, каково оно было въ его время, единственнаго помощника въ нуждѣ.

Во всѣхъ столкновеніяхъ въ Германіи того времени государственный партикуляризмъ въ концѣ концовъ оказывается въ выигрышѣ. Такъ и крестьянская война только еще болѣе усилила побѣдоносныя территориальныя власти, тогда какъ имперія какъ таковая такъ же не могла справиться съ крестьянами, какъ передъ тѣмъ съ рыцарями или съ церковнымъ движеніемъ. Имперія неспособна была къ рѣшительному шагу, и сверхъ того большинство представителей въ ней составляли духовные князья и господа, императоръ къ великому счастью все еще отсутствовалъ, а онъ былъ явнымъ смертельнымъ врагомъ реформаціи; нѣмецкая демократія, которую Лютеръ самъ оттолкнулъ отъ себя, была раздавлена и повергнута въ прахъ. Куда же иначе оставалось реформатору обратиться

какъ не къ тѣмъ властямъ, которыя однѣ только готовы были и обладали достаточной силой немедленно выступить для защиты его дѣла, дѣла Божьяго? Самъ онъ подразумѣвалъ подъ этимъ не вооруженное заступничество за евангеличество — съ этой мыслью онъ могъ свыкнуться лишь гораздо позднѣе, да и то она была не по душѣ ему, — нѣтъ, онъ думалъ при этомъ о постепенномъ прочномъ созданіи упорядоченныхъ церковныхъ отношеній, сначала въ тѣсномъ кругу княжескихъ или городскихъ областей, которыя оказывались доступными его ученію. Ибо, хотя надежда на реформацію всей церкви и на соборное улаженіе всего великаго спора долго еще сохранялась и среди евангеликовъ, все же надо было принять то или иное рѣшеніе въ отдѣльныхъ мелкихъ вопросахъ, въ непосредственной близости и въ крайне настоятельныхъ случаяхъ, а потомъ эти рѣшенія пріобрѣтали руководящее значеніе для будущаго или обязательную силу. Быть можетъ, всего лучше свидѣтельствуется объ этомъ положеніи крайней необходимости та партизанская война, которую Лютеръ велъ противъ канониковъ церкви Всѣхъ Святыхъ въ Виттенбергѣ (т. I, стр. 381). Его первоначальная терпимость къ «слабымъ» оказалась не очень продолжительной; еще въ 1523 году прекратилось въ приходской церкви причащеніе подъ однимъ видомъ, а когда каноники, опираясь на прямое распоряженіе курфюрста, продолжали совершать «мерзость тихой *) мессы», возмущенный реформаторъ прибѣгъ къ угрозамъ и принудительнымъ мѣрамъ. Любопытенъ при этомъ переходъ его отъ положеній о полной вѣротерпимости и церковной независимости къ принужденію совѣсти и къ помощи государства. Въ 1523 г. онъ какъ нельзя болѣе рѣзко отвергъ ссылку канониковъ на курфюрста. «Что намъ спрашивать его? Онъ можетъ распоряжаться лишь въ мірскихъ дѣлахъ, а если онъ вздумаетъ вмѣшиваться и дальше, тогда мы отвѣтимъ ему: Милостивый Государь, вѣдайте свое правленіе; Богу должно больше повиноваться, нежели чело-вѣкамъ». А въ концѣ 1524 года онъ самъ потребовалъ вмѣшательства государства противъ богохульцевъ; на то-де и дана Богомъ начальству власть меча. Нисколько не помогло, когда Фридрихъ Мудрый напомнилъ ему его собственное выраженіе, что слѣдуетъ только предоставить слову бороться самому за себя. Лютеръ такъ воспользовался властью слова съ церковной кафедры, что и послѣдніе немногіе изъ оставшихся въ соборѣ папистовъ, съ которыми университетъ и городъ отказались имѣть какое либо общеніе, принуждены были отступить. Это было прежнее ужасное воззрѣніе, что государство обязано искоренять такъ называемое безбожіе; уже Спалатинъ въ сочиненіи, назначенномъ для умирающаго курфюрста,

*) Тихой мессой называлась месса, когда ее служилъ одинъ священникъ съ помощникомъ, и одинъ только онъ пріобщался безъ молящихся. *Пер.*

ссылался на строгое внушеніе этого долга въ моисеевомъ законѣ, совсѣмъ такъ, какъ это было въ средневѣковой папской церкви. То же самое іерархическое начало, примѣненіе котораго къ исповѣдникамъ новаго ученія отвергали съ негодованіемъ, восторжествовало теперь надъ однимъ изъ самыхъ благородныхъ основныхъ положеній реформаціи.

Былъ еще и другой сильный мотивъ, понуждавшій призвать на помощь государство, именно, жгучій вопросъ о секуляризаціи. Кто же долженъ распоряжаться церковными владѣніями, массовая секвестрація которыхъ шла руку объ руку съ побѣднымъ шествіемъ реформаціи. Согласно съ одной глубокомысленной средневѣковой легендой можно было сказать, что, какъ въ древнее христіанство «излился ядъ», когда оно вступило въ союзъ съ римскимъ государствомъ, приобрѣло могущество и собственность, такъ повторилось и теперь съ юной евангелической церковью. Съ полнымъ правомъ новѣйшіе историки указывали на то, что прежде слишкомъ мало придавали значенія экономическому двигателю, который безпорно внесъ и свою долю при распространеніи и утвержденіи нѣмецкой реформаціи. Какъ безстыдное расточительство іерархіи дало первый толчокъ, а уничтоженіе цѣлаго ряда обременительныхъ приношеній на церковь служило сильной поддержкой новому ученію объ оправданіи одною вѣрою, такъ для многихъ правительствъ было нѣчто весьма соблазнительное въ надеждѣ на секуляризацію. Да эта мысль не была чѣмъ-то новымъ, она только приблизилась къ своему осуществленію гораздо болѣе, чѣмъ когда либо до сихъ поръ, вслѣдствіе церковныхъ и политическихъ движеній послѣднихъ годовъ. Не касаясь вовсе революціонеровъ, радикальныя стремленія которыхъ звучатъ еще своеобразно въ мемуарѣ 1525 г., требующемъ полной секуляризаціи нѣмецкихъ земель и обезпеченія юнаго дворянства мѣстами въ арміи, мы видимъ, что и строго католическіе князья, напр., австрійскій и баварскіе герцоги, проявляютъ вождельнія къ секуляризаціи во время крестьянской войны. Мы видѣли (стр. 34), какъ въ 1527 году и на сторонѣ императора разбиралась возможность секуляризаціи Церковной области. Еще въ 1529 году, въ то время, когда при англійскомъ дворѣ «лютеранскія» сочиненія съ тѣми же стремленіями не безъ удовольствія принимались королемъ къ свѣдѣнію, Маргарита, намѣстница въ Нидерландахъ, предложила императору, что папа долженъ отчудить нѣкоторую часть всѣхъ духовныхъ владѣній на надобности турецкой войны; тѣмъ болѣе, что охотниковъ на нихъ найдется достаточно среди лютеранскихъ нѣмецкихъ князей. Слѣдовательно, повсюду носилось въ воздухѣ то, что совершали евангелическія власти въ успокоительномъ убѣжденіи, что этимъ они разомъ оказываютъ услугу и религіознымъ и государственнымъ интересамъ; а вмѣстѣ съ помѣстями и другими по-

жертвованіями въ церковь вполнѣ естественно къ нимъ переходила и значительная часть тѣхъ общепользныхъ работъ, которыя до сихъ поръ пыталась исполнять церковь. Безъ вмѣшательства государства вся эта богатая добыча была бы жалкимъ образомъ растрачена по мелочамъ, ибо и безъ того уже то тутъ, то тамъ дворяне-помѣщики сумѣли упредить въ этомъ свои правительства. Въ высшей степени наивно проявляется это отношеніе дворянства къ секуляризаціи въ Помераніи, гдѣ дворяне сначала содѣйствовали введенію реформаціи, а нѣсколько лѣтъ спустя, когда имъ показалось, что, по ихъ расчетамъ, на ихъ долю приходится слишкомъ мало изъ отбираемыхъ церковныхъ помѣстій, они стали противодѣйствовать новшеству. Даже папистскіе дворянчики, замѣтилъ какъ-то Лютеръ, въ этомъ пунктѣ были истыми лютеранами. Созданное этимъ затруднительное положеніе становится наиболѣе нагляднымъ при чтеніи увѣщанія, которое Лютеръ послалъ еще въ 1526 году курфюрсту саксонскому Іоганну: чтобы онъ по долгу правителя устроилъ порядокъ при прекращеніи всякой духовной юрисдикціи и уничтоженіи всѣхъ монастырей и капитуловъ канониковъ, «ибо никто другой не берется, не можетъ взяться за это, да и не долженъ».

Затруднительное положеніе реформатора чувствуется не менѣе того и въ его предисловіи къ руководству для саксонскихъ визитаторовъ (1528 г.), гдѣ онъ еще подробнѣе выясняетъ, какъ имъ хотѣлось сначала возстановить прежній истинный санъ епископа, но, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не чувствовалъ въ себѣ призванія къ этому или яснаго повелѣнія, они, чтобы дѣйствовать съ увѣренностью, обратились къ своей богоустановленной свѣтской власти, хотя послѣдняя сама по себѣ не обязана къ исполненію такихъ задачъ. Не обошлось и безъ упоминанія объ императорѣ Константинѣ и никейскомъ соборѣ. Мы видимъ, какъ Лютеръ лишь неохотно отказывается отъ своего прежняго раздѣленія духовнаго отъ мірскаго; вѣдь онъ наперекоръ даже ясно выраженной волѣ курфюрста внесъ въ эту книгу, по крайней мѣрѣ на время, допустимость для желающихъ обряда причащенія мірянъ по прежнему католическому чину, и обосновывалъ это своимъ—давно уже, положимъ, не примѣняемымъ на дѣлѣ—воззрѣніемъ, «что не должно никого принуждать къ вѣрѣ насиліемъ или понуждать къ вѣрѣ невѣрующихъ приказами и силою». Довольно часто Лютера прославляли какъ освободителя Государства отъ владычества Церкви; безспорно, его твердое убѣжденіе въ томъ, что свѣтская власть даже въ самомъ несовершенномъ проявленіи своемъ не только освящена человѣческими правовыми установленіями, но есть богоустановленный порядокъ, облегчило для него допустимость перенесенія высшаго управленія Церковью на князей. Но, какъ онъ называлъ «епископами по нуждѣ»

евангелическихъ государей, такъ изъ множества его выраженій мы достаточно убѣждаемся, что ни на комъ, можетъ быть, не отзывалась такъ больно, какъ на немъ, эта новая зависимость, въ которую подъ вліяніемъ обстоятельствъ и неполитического характера реформатора начала становиться религіозная и церковная жизнь нѣмцевъ. Онъ, правда, всю свою жизнь смотрѣлъ на своихъ государей глазами искренно преданнаго вѣрноподданнаго, но ихъ совѣтники изъ бюргеровъ и дворянства, эти юркіе и азычные «дармоѣды» двора, высокомерные, издавна не внушавшіе ему довѣрія юристы возбуждали въ немъ самыя горькія жалобы. А между тѣмъ, какъ выразился Меланхтонъ: «всѣ наши рѣшенія только Платоновы законы, если дворъ не станетъ охранять ихъ». У него-то это уваженіе Лютера къ государству выродилось уже прямо въ холопство, и его обращеніе къ князьямъ какъ къ богамъ, его требованіе, чтобы подданные считали власти справедливыми и мудрыми, значить, отказались бы отъ всякой критики, чтобы всякіе приказы господъ исполнялись какъ божественныя установленія, напоминаютъ уже позднѣйшія времена, когда благодаря совокупнымъ усиліямъ территоріальнаго государства и мѣстной государственной церкви прежняя непокорность нѣмцевъ смѣнилась рабскимъ послушаніемъ.

Вообще можно сказать, что то приращеніе власти государства, къ которому привелъ ходъ реформаціи въ Германіи, всюду примыкаетъ къ уже существовавшимъ начаткамъ, какъ и вообще нельзя отрицать весьма консервативной черты въ созданіи Лютера. Припомнимъ, что уже въ XV в. съ папскаго соизволенія нѣкоторые нѣмецкія княжества: Бранденбургъ, Клеве, Саксонія и др. распространили верховную власть государей и на церковныя отношенія. Тогда уже отчасти и заботы объ обученіи дѣтей и о призрѣніи бѣдныхъ, именно въ нѣмецкихъ городахъ, перешли въ вѣдѣніе государства. Весьма своеобразно изображаетъ, напр., уставъ 1525 года о призрѣніи бѣдныхъ въ Нюрнбергѣ эту связь новыхъ стремленій съ прежними; въ немъ выступаютъ ясныя слѣды евангелическихъ взглядовъ на ряду съ издавна признанными соціально-экономическими основаніями упорядоченія призрѣнія бѣдныхъ и рядомъ съ остатками заботы о спасеніи душъ благотворителей въ духѣ прежняго католичества. Съ полнымъ проведеніемъ реформаціи и государственнаго управленія церковью естественно соединялась затѣмъ необходимость употребить большую или меньшую часть бывшихъ до сихъ поръ духовными имѣній и пожертвованныхъ церкви имуществъ не на тѣ цѣли, на которыя они первоначально предназначались; такъ, какъ разъ въ Нюрнбергѣ на пользу духовенства тратилась едва десятая часть отобраннаго достоянія церкви, а значительная часть этой такъ называемой «милостыни» употребля-

лась на чисто мірскія цѣли. Это была весьма понятная реакція, когда отъ прежней расточительности денегъ и имѣній на пользу церкви теперь зачастую бросались въ другую крайность, такъ что нерѣдко бѣдные евангелическіе пасторы не знали, чѣмъ имъ жить. Но въ общемъ одно даже единообразіе новаго управленія было шагомъ впередъ противъ прежняго, и при всей неурядицѣ, которую вызвалъ этотъ переходъ, нельзя отказать нововѣрнымъ правительствамъ во свидѣтельствѣ, что они, сознавая свои расширенныя права и обязанности, ревностно стремились возстановить порядокъ въ отношеніяхъ. Какимъ благодѣяніемъ была уже одна окончательная отмѣна духовной юрисдикціи и ея непрестанныхъ столкновеній съ гражданскимъ правомъ! А юное евангелическое государство пользовалось полиціею нравовъ съ такою строгостью, какою безспорно не могла похвастаться Церковь на исходѣ среднихъ вѣковъ; усердіе представителей этого надзора конечно приносило зачастую больше напрасныхъ хлопотъ, чѣмъ замѣтныхъ успѣховъ, но все же оно, повидимому, основывалось на похвальномъ искреннемъ стремленіи къ нравственности. Столкновеній съ своимъ духовенствомъ не избѣгли естественно и евангелическія власти; нюрнбергскій совѣтъ уже въ 1528 году вынужденъ былъ, какъ пишетъ Лазарь Шпенглеръ, сдерживать черезчуръ рьяныхъ проповѣдниковъ своихъ, чтобы они «подъ покровомъ слова Божія и христіанской свободы не переворачивали разомъ всѣхъ мѣстныхъ обычаевъ, гражданскихъ уставовъ и порядковъ, которые не идутъ прямо въ разрѣзъ со св. Писаніемъ». Но борьба съ такими подчиненными, какъ бы высоко ни заносились они порою, все же была гораздо безопаснѣе тѣхъ прежнихъ столкновеній, когда помазанники Божіи имѣли за себя и общую вѣру въ ихъ высшее посвященіе и силы и опирались еще на владычествующую надъ всѣмъ міромъ организацію.

Трейчке сопоставляетъ въ одномъ мѣстѣ Лютера и Макіавелли какъ союзниковъ въ борьбѣ; оба они хотѣли отдѣлить Государство отъ Церкви. Но, тогда какъ великій итальянецъ въ своемъ ученіи о государствѣ былъ ученикомъ античныхъ язычниковъ и своего собственнаго богатаго опыта, нѣмецкій теологъ возвращается къ теоріи своего учителя, бл. Августина, возставая противъ того, что іерархія низвела государство на степенъ чисто человѣческаго и даже діавольскаго изобрѣтенія. Онъ похваляется, что «никто изъ учителей со временъ апостольскихъ, кромѣ развѣ бл. Августина», не писалъ возвышеннѣе и полезнѣе его о свѣтской власти и ея обязанностяхъ. Такимъ образомъ, по объясненію Гундесгагена, государство становится въ его глазахъ воспитательнымъ учрежденіемъ, тѣмъ болѣе, что крушеніе владычества Церкви образовало вмѣстѣ съ тѣмъ огромный пробѣлъ и грозило повлечь за собою ужаснѣйшую нравствен-

ную и социальную смуту. Та же самая потребность устранить существующій въ настоящую минуту безпорядокъ и предупредить дальнѣйшее разложеніе повліяла и на созданія реформатора въ области внутренней церковной жизни. И здѣсь мы встрѣчаемъ ту же самую противоположность между его идеаломъ и требованіями дѣйствительности, какъ и при установленіи общиннаго начала. Въ борьбѣ противъ церкви, которая все сводила къ внѣшнимъ проявленіямъ благочестія, въ которой уже самое слово «богослуженіе» невольно возбуждало мысль о звонѣ колоколовъ, кадильномъ ѳиміамѣ, блескѣ свѣчей, шелковыхъ и златотканыхъ ризахъ, образахъ, звукахъ органа и прочемъ великолѣпнѣйшей символики, онъ первоначально отстаивалъ полную свободу и безразличіе всѣхъ внѣшнихъ вопросовъ богослуженія, какъ-то: времени, мѣста, лицъ и формъ. Вѣрующій можетъ избрать любой день для празднованія, и слово Божіе можетъ всюду раздаваться, «будь то въ лѣсу и на водѣ, или гдѣ бы ни пришлось». Но эту возвышенность надъ всякими формами и правилами нельзя было естественно провести на дѣлѣ просто уже въ виду огромнаго большинства «слабыхъ». Такимъ образомъ Лютеръ, все еще будучи въ полномъ убѣжденіи, что это—учрежденія чисто временныя, и не имѣя никакихъ притязаній на созданіе прочныхъ или даже неизмѣнныхъ нормъ, пришелъ къ тому, чтобы придать богослуженію преимущественно поучительный характеръ, принимая въ соображеніе главнымъ образомъ своихъ послѣдователей, какъ еще готовящихся стать христіанами, когда при рѣшительно евангелическомъ наслѣдникѣ Фридриха Мудраго «вытравлялись всѣ слѣды папизма». Положимъ, вытравленіе это производилось съ такой осмотрительностью, которая приводитъ въ изумленіе, и даже еще въ 1540 г. Лютеръ могъ утверждать, что міряне или иностранцы, не понимавшіе проповѣди, должны были отъ его богослуженія получить впечатлѣніе, «что это настоящая папская церковь, и разницы нѣтъ почти никакой, или же лишь очень небольшая разница отъ того, что они сами совершаютъ на родинѣ». Но это воскресное богослуженіе лютеранъ, отправленіе котораго на нѣмецкомъ языкѣ введено было въ Виттенбергѣ впервые лишь осенью 1526 года, стало лишь просто оболочкой для новой сущности богослуженія,—для проповѣди, вслѣдствіе того, что выкинута была самая суть мессы,—принесеніе безкровной жертвы. Намѣреніе Лютера явно состояло въ томъ, чтобы дѣйствовать воспитательно «на юношество и на простыхъ людей»; онъ и слышать не хотѣлъ о безусловной обязательности подобныхъ установленій; наоборотъ, для него всякій порядокъ былъ «внѣшней вещью, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, онъ можетъ обратиться въ злоупотребленіе», послѣ чего его тотчасъ же слѣдуетъ отмѣнить и замѣнить новымъ. Во всякомъ случаѣ, была неосуществима излюбленная идея этого усерднаго молитвен-

ника, который въ тяжелой нуждѣ обращался къ Господу Богу, «указывая Ему на свою нищету и неустанно напоминая Ему о всѣхъ Его обѣтованіяхъ»; ему хотѣлось именно, «чтобы во всякой общинѣ мессу совершали такъ, чтобы къ Богу возносился общій искренній вопль сердца всего народа». Такое соборное моленіе замѣнялось до нѣкоторой степени пѣніемъ гимновъ всей общиной, которое такъ развилось подъ умѣлымъ руководствомъ поэтически и музыкально даровитаго реформатора; это пѣніе и служить всего болѣе отличительнымъ признакомъ новой церкви, демократическое происхожденіе которой продолжаетъ сказываться въ мощныхъ звукахъ этого народнаго пѣснопѣнія. Съ 1523 года Лютеръ создалъ сокровищницу духовныхъ пѣснопѣній, положивши въ основаніе ихъ большею частью псалмы и католическіе гимны; по языку и напѣву ихъ можно назвать народными пѣснями въ самомъ благородномъ смыслѣ слова. Ему помогали Павелъ Сператусъ и другіе; уже въ 1524 г. вышли первыя евангелическія «собранія церковныхъ пѣснопѣній» (*Gesangbüchlein*), въ томъ числѣ и сборникъ, изданный самимъ Лютеромъ въ Виттенбергѣ. Благодаря этому реформація получила новое и чрезвычайно дѣйствительное средство воздѣйствовать на умы. Эти пѣснопѣнія, можетъ быть, еще сильнѣе самой проповѣди содѣйствовали распространенію реформаціи; они легко проникали въ народъ и, передаваясь сначала изъ устъ въ уста, потомъ разомъ провозвѣщали внутреннюю перемѣну цѣлой толпы народа на открытой площади или въ церкви. Впрочемъ и при церковномъ пѣснопѣніи Лютеръ никогда вполне не забывалъ той воспитательной цѣли, которой всецѣло должны были служить его большой и малый катихизисы (1529). Первый изъ нихъ вышелъ подъ заглавіемъ: «*Deutsch Katechismus*» и предназначался для наставленія «юнаго народа» и «грубыхъ крестьянъ», слѣдовательно, главнымъ образомъ для духовенства, а второй, изложенный болѣе кратко, прямо былъ обязателенъ для каждаго домохозяина и отца семейства, чтобы онъ заставлялъ домочадцевъ и дѣтей, въ случаѣ надобности даже путемъ наказаній, заучивать наизусть главные отдѣлы его: десять заповѣдей и т. д., а кто не хотѣлъ учиться, того «слѣдовало предоставить прямо папѣ и его оффиціаламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самому сатанѣ». Можно смѣло сказать, что никогда еще задача сжато и общепонятно изложить основанія христіанства не была рѣшена удачнѣе, чѣмъ въ этомъ маленькомъ катихизисѣ, «дитятею и ученикомъ» котораго называлъ себя самъ его авторъ; у него было даже обыкновеніе прочитывать вслухъ заповѣди, символъ вѣры, библейскія изреченія, «все, что исполняютъ дѣти», чтобы «разогрѣть» свое сердце для молитвы.

Мысль о воспитаніи народа при посредствѣ государства, церкви и школы господствуетъ надъ организаторскою дѣятельностью реформатора,

который прежде всего ясно распозналъ огромное значеніе обученія юношества и въ своемъ сочиненіи «Объ учрежденіи и поддержаніи христіанскихъ школъ» (1524 г.) внушалъ это бургомистрамъ и членамъ совѣтовъ всѣхъ городовъ Германіи. Онъ былъ одинаково непоколебимо убѣжденъ какъ въ томъ, что твердое основаніе новому нѣмецкому образованію прежде всего должно быть положено бюргерствомъ, такъ и въ томъ, что гуманистическій характеръ новой школы долженъ остаться неприкосновеннымъ; онъ имѣлъ полное основаніе брать языки подъ свою защиту противъ различныхъ противниковъ образованія, и приверженцевъ новой вѣры въ томъ числѣ, ибо языки, это — «ножны, въ которыхъ хранится мечъ духовный, евангеліе». Самымъ блестящимъ результатомъ этого воззванія къ городскимъ властямъ было открытіе въ 1526 году гимназій въ Нюрнбергѣ, при освященіи которой Меланхтонъ произнесъ рѣчь, и въ числѣ первыхъ преподавателей которой находились такіе люди, какъ Іоахимъ Камерарій и Эобанъ Гессъ. Такимъ образомъ начали «вышколивать» нѣмецкій гуманизмъ; послѣ того, какъ неозвратно миновала для него пора борьбы и геніальной необузданности, оказалось возможнымъ ввести его какъ въ высшей степени цѣнный элементъ въ дѣло преподаванія, которое реформація или вызвала вновь, или продолжала развивать. Истиннымъ героемъ этой новой фазы гуманизма, въ противоположность прежнимъ «поэтамъ» и странствующимъ апостоламъ, былъ Меланхтонъ, *praesceptor Germaniae*, который выразился, что наука нужнѣе ремеслъ и земледѣлія, нужнѣе даже свѣта солнца. И въ скромномъ образѣ почтенныхъ профессоровъ и школьных учителей гуманисты продолжали свою прежнюю борьбу противъ варварства, иной разъ весьма странными средствами; такъ, напр., Валентинъ Троцендорфъ, своеобразный человѣкъ, ввелъ среди своихъ школьниковъ въ Гольдбергѣ въ Силезіи республиканскій строй и заставлялъ говорить по-латински даже прислугу. Очевидный подъемъ, который получило школьное дѣло подъ вліяніемъ евангеличества, побудилъ даже чрезвычайно пессимистически въ остальномъ настроеннаго Лютера въ 1530 году обратить вниманіе курфюрста саксонскаго на то какъ теперь нѣжное дѣтство подрастаетъ настолько хорошо подготовленное катихизисомъ и св. Писаніемъ, «что я радуюсь въ глубинѣ души при видѣ того, какъ теперь маленькіе мальчики и дѣвочки гораздо болѣе молятся, вѣруютъ и могутъ говорить о Богѣ, о І. Христѣ, чѣмъ могли бы раньше да и теперь еще всѣ капитулы, монастыри и школы». Гораздо хуже, напротивъ, обстояло дѣло съ богослуженіемъ и попеченіемъ о душѣ въ деревняхъ, гдѣ, вмѣсто попеченій городскихъ властей, церковью и духовенствомъ распоряжалось грубое и своекорыстное дворянство, и въ самой рѣзкой противоположности съ религіозно-воспріимчивымъ и настроеннымъ бюр-

герствомъ крестьяне, страшно озлобленные и одичавшіе, видѣли въ реформациі Лютера только лишь союзницу своихъ угнетателей (т. I, стр. 530 сл.). Сообщенія визитаторовъ въ курфюршество саксонскомъ на ряду съ этимъ плачевнымъ положеніемъ довольно ясно указываютъ, впрочемъ, и на трудность удовлетворить потребности въ подходящихъ пасторахъ. Недостатокъ въ нихъ доходилъ до того, что, напр., въ качествѣ кандидата на приходъ дерзнулъ выступить столяръ, не знавшій даже десяти заповѣдей; въ другомъ мѣстѣ обязанности проповѣдника исполнялъ ткачъ за годовой доходъ въ два гульдена. Даже въ болѣе позднемъ (послѣ 1537 г.) списокѣ кандидатовъ въ Виттенбергѣ встрѣчаются въ качествѣ долженствующихъ быть посвященными рядомъ съ теологами и канторами не только городской писарь, наборщикъ и печатникъ, но и переплетчикъ, башмачникъ, портной и другіе ремесленники. Въ такомъ жалкомъ видѣ евангелическое духовенство дѣйствительно на первыхъ порахъ оказывалось только представителемъ общины, «устами всѣхъ насъ», какъ выразился Лютеръ, а должность проповѣдника и раздаятеля св. даровъ — «истеченіемъ всеобщаго священства», права и обязанности котораго не могли совершать всѣ разомъ по практическимъ основаніямъ. Лютеръ отказался отъ посвященія епископовъ и того, что называется преемствомъ отъ апостоловъ духовенства; да и форменное посвященіе въ видѣ возложенія рукъ утвердилось лишь исподволь. Но, несмотря на это, въ воззрѣніи, что со званіемъ проповѣдника при установленномъ введеніи его въ санъ все же соединены власть и повелѣніе Божіе, скрывался двигатель, облегчившій возможность развитія новыхъ священнослужительскихъ вождедѣній; Готшикъ обстоятельно выяснилъ, какъ различіе между единственно дѣйствующимъ пасторомъ и чисто пассивной ролью прочихъ вѣрующихъ привело не у самого Лютера, а у преемниковъ его къ «попятному движенію въ католическомъ направленіи въ развитіи понятія этой должности».

Лютеръ въ качествѣ организатора церкви взялъ на себя огромное количество работы, не упуская изъ-за нея своихъ обычныхъ обязанностей по призванію и своей никогда не пріостанавливавшейся литературной дѣятельности. Человѣкъ, къ словамъ котораго почтительно прислушивались правящіе и образованные люди половины Германіи, не считалъ ниже своего достоинства посѣщать больныхъ и утѣшать осужденныхъ на казнь передъ ихъ послѣдней путиной; среди ужасовъ чумы не разъ онъ мужественно оставался среди своихъ виттенбержцевъ, и его бодрая неустрашимость служить къ глубокому посрамленію Кальвина за его трусливое поведеніе въ томъ же самомъ положеніи. Къ тому же при своемъ разстроенномъ здоровьѣ, среди семейныхъ заботъ, онъ больше всего страдалъ отъ возврата своихъ прежнихъ ужасныхъ искушеній; «внѣ борьба, внутри

страхъ», такъ изобразилъ онъ однажды свое состояніе. Какъ прежде въ монастырѣ онъ снова извивался, «словно жалкій червь», отъ мучительныхъ припадковъ ужаса; крѣпкими канатами, какъ онъ жалуется, привязался къ нему сатана и пытается увлечь его въ бездну. Онъ снова сталъ отчаиваться въ милости Божіей, хотя и старался со всей своей энергіей бороться противъ этого самаго тяжкаго изъ всѣхъ искушеній; «если явится тебѣ І. Христосъ, — высказалъ онъ однажды, — и станетъ говорить съ тобою въ духѣ моисеева закона: что ты сдѣлалъ? убей его до смерти, если же онъ заговоритъ съ тобою какъ Богъ и Спаситель твой (Salvator tuus), тогда напряги весь твой слухъ». Еще сильнѣе чѣмъ при первомъ его выступленіи должно было подѣйствовать на него страшное разрушеніе, крушеніе стараго, отовсюду окружавшее его; Фрейтагъ судить вполне правильно, что «затаенная скорбь, даже раскаяніе всякаго великаго историческаго характера» въ своемъ собственномъ созданіи многіе перечувствовали такъ глубоко, какъ Лютеръ. Довольно часто онъ указывалъ на прошлыя времена, какъ на лучшія времена, находилъ, что теперь все въ десять разъ хуже, чѣмъ было при папствѣ, а то даже съ пессимизмомъ, свойственнымъ старости, выразился и такъ: «всѣ вкупѣ, и бюргеры и крестьяне, мужчины и женщины, дѣти и слуги, князья, чиновники и подданные—всѣ ни къ чорту не годны». Но все это возроставшее бремя жизни не могло сокрушить ни его работоспособности, ни его мужества, хотя онъ и выразился разъ, что послѣ его смерти увидятъ, какимъ совсѣмъ маленькимъ сдѣлалось его сердце, «иссохшее отъ великихъ мучительныхъ думъ».

Положимъ, теперь и въ трудѣ и въ искушеніяхъ онъ былъ уже не одинокимъ, какъ прежде; внушительная толпа друзей и помощниковъ, такъ сказать главный штабъ изъ наиболѣе дѣльныхъ приверженцевъ окружалъ своего вождя, который и въ самомъ дѣлѣ сталъ все болѣе и болѣе желать, чтобы на каждое его слово смотрѣли какъ на приказъ. Меланхтонъ, которому дѣйствительно пришлось пережить и перетерпѣть немало столкновеній въ сношеніяхъ съ Лютеромъ, говорить, что любовь вышестоящихъ къ своимъ подчиненнымъ больше, чѣмъ обратно. Лютеръ, охотно находившій и признававшій въ Меланхтонѣ и другихъ сотрудникахъ то, чего ему самому не дано было, вполне открыто и наивно выказывалъ передъ своими друзьями и свое выдающееся величіе, и свою сердечную откровенность; тогда какъ такой, напр., человѣкъ, какъ Меланхтонъ, не могъ избавиться отъ сознанія, что онъ слабѣе этого мощнаго человѣка и зачастую бываетъ вынужденъ противъ своей воли позволять ему господствовать надъ собою. Гораздо искреннѣе привязаны были къ Лютеру менѣе выдающіяся личности, какъ-то: Николай Амдорфъ или легко восторгавшійся Юстъ Іонасъ,

который впоследствии возставалъ противъ причисленія Лютера въ ряды выдающихся проповѣдниковъ, «ибо это былъ совсѣмъ иной человѣкъ». Амсдорфъ служить представителемъ самаго строгаго направленія новаго евангеличества; онъ добровольно соблюдалъ безбрачіе, и по смерти Лютера ревнители вѣры считали его истиннымъ Елисеємъ вознесшагося на небо Іліи. «Мой духъ почиетъ на моемъ Амсдорфѣ», выразился Лютеръ о своемъ другѣ, который превосходилъ даже и его своей непримиримостью въ теологической борьбѣ и соглашался съ Бугенгагеномъ, когда тотъ еще въ 1522 году выступилъ противъ взгляда Лютера за защиту евангеличества мечомъ. Въ совершенно особенномъ сердечномъ отношеніи къ Лютеру стоялъ Бугенгагенъ, этотъ дѣловитый, независимый *doctor Romanius*, «истый епископъ», какъ называетъ его Лютеръ, настоящій сѣверно-нѣмецкій характеръ, который со своимъ грубымъ юморомъ вторилъ своему великому другу за обѣденнымъ столомъ въ Виттенбергѣ, а въ тяжкія минуты умѣлъ также, въ качествѣ духовнаго отца; справляться съ припадками отчаянія Лютера. Неоспоримое дарованіе къ дѣятельности организатора и администратора помогло этому пастору виттенбергскаго прихода сдѣлаться основателемъ евангелическаго церковнаго управленія для значительной части сѣверной Германіи; онъ сдѣлалъ также лютерову библію доступной своимъ соплеменникамъ, переведя ее на ниже-саксонское нарѣчіе. Дѣятельность Бугенгагена простиралась вплоть до Даніи; не только для Бугенгагена какъ человѣка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для новаго высокаго положенія подобныхъ простыхъ теологовъ въ высшей степени характерна его игривая переписка съ Христіаномъ III, королемъ датскимъ, который охотнѣе всего предпочелъ бы совсѣмъ переманить этого «старого померанца и салоѣда» въ свое королевство. Столь же задушевные были, напр., сношенія Юста Іонаса съ ангальтскими князьями. Прежній посредникъ между Лютеромъ и Фридрихомъ Мудрымъ, Спалатинъ, точно такъ же принадлежитъ къ этому кружку приближенныхъ; хотя съ 1525 года, сдѣлавшись суперъ-интендентомъ въ Альтенбургѣ, онъ дальше стоялъ отъ придворной жизни, но все таки во всѣхъ важныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ являться на помощь со своей ловкостью и знаніемъ дѣлъ, а особенно часто нарушала желанный для него покой его обязанность постоянно сопровождать Іоганна Фридриха въ его путешествіяхъ, пока и онъ, совсѣмъ изнуренный болѣзнью и трудомъ, подобно Лютеру, только еще раньше его (въ 1545 г.) не смежилъ своихъ очей. Изъ болѣе юныхъ силъ особенно близко къ великому вождю стоялъ изящный и многосторонне образованный Каспаръ Круцигеръ изъ Лейпцига; въ двадцать лѣтъ (1527) онъ былъ уже ректоромъ въ Магдебургѣ, а въ двадцать четыре—профессоромъ и проповѣдникомъ въ Виттенбергѣ и былъ однимъ изъ преданнѣйшихъ литературныхъ помощниковъ Лютера; затѣмъ

живой Фейтъ (Витъ) Дитрихъ изъ Нюрнберга, не съ миромъ разставшійся съ Лютеромъ послѣ многолѣтней дружеской совмѣстной жизни; впослѣдствіи (съ 1535 г.) въ качествѣ проповѣдника въ своемъ родномъ городѣ онъ лучше употребилъ избытокъ своей энергіи на борьбу съ движеніями въ духѣ католичества. Землякъ Лютера, Іоганнъ Агрикола, родомъ изъ Эйслебена, оказался даровитымъ, но не особенно надежнымъ элементомъ. «Meister Grickel», какъ называлъ его Лютеръ, впервые внесъ серьезный раздоръ въ кружокъ виттенбергскихъ реформаторовъ, яростно напавши въ 1527 г. на Меланхтона, какъ на отступника отъ евангелическаго вѣроученія о благодати. Его рвеніе противъ всякой проповѣди закона привело его впослѣдствіи (съ 1537 г.) къ еще болѣе рѣзкому столкновенію съ самимъ Лютеромъ, при чемъ дѣло кончилось процессомъ противъ этой безпокойной головы и бѣгствомъ Агриколы изъ Виттенберга. Въ общемъ все-же можно утверждать, что тѣ теологи, которые ближе всего стояли и принимали участіе въ борьбѣ великаго нѣмецкаго реформатора, никогда не измѣняли чувству общности передъ противниками. Положимъ, тогда приходилось уже имѣть дѣло не съ одними папистами, какъ было въ началѣ; на ряду съ евангелическимъ радикализмомъ уже около половины двадцатыхъ годовъ образовался въ высшей степени пагубный расколъ между сѣверно-германской и южно-германской реформаціей.

Обозрѣвая князей, приверженцевъ Лютера, около этого времени, мы не можемъ отрицать, что среди нихъ встрѣчаются и южно-германскіе князья, которые болѣе или менѣе открыто склоняются къ евангеличеству. Но самый значительный изъ нихъ, Казимиръ, маркграфъ бранденбургскій, былъ лишь умнымъ, ни передъ чѣмъ не останавливавшимся борцомъ за умноженіе своей княжеской власти; какъ онъ старался возвыситься при помощи Габсбурговъ и не отказывался окончательно даже отъ мысли воспользоваться для своихъ цѣлей революціей, какъ онъ создалъ себѣ милицію изъ способныхъ носить оружіе подданныхъ и нарядилъ ее въ одинаковые чернобѣлые мундиры, чтобы стать независимѣе отъ своего дворянства, такъ ухватился онъ при удобномъ случаѣ и за евангелическую мысль, чтобы въ качествѣ «богоустановленной власти» покрѣпче прибрать къ своимъ рукамъ своихъ поповъ и ослабить ненавистное могущество епископовъ. Братъ его, Георгъ, напротивъ, былъ искренно преданъ евангеличеству; онъ началъ удаляться въ Егерндорфъ, въ свои новыя силезскія владѣнія, не желая оставаться въ своемъ странномъ положеніи при венгерскомъ дворѣ. Однако же не могло быть и рѣчи о рѣшительномъ вліяніи этихъ незначительныхъ государей или, напр., рѣшительно перешедшаго въ лютеранство пфальцграфа Людвигъ ф. Фельденцъ, или благосклоннаго къ реформѣ маркграфа Филиппа баденскаго. На дальнѣйшую судьбу реформаціи рѣ-

шительное вліяніе пока оказало поведеніе нѣкоторыхъ сѣверно-германскихъ князей, главнымъ образомъ курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго. Ландграфъ Филиппъ, далеко превосходившій всѣхъ своихъ товарищей въ имперіи политическимъ дарованіемъ и свѣжестью ума, со всѣмъ пыломъ юности—онъ родился въ 1504 году—отдался дѣлу Лютера какъ своему собственному. Онъ самъ впоследствии разсказалъ, какъ онъ, будучи ревностнымъ папистомъ, сначала изгонялъ евангелическихъ проповѣдниковъ, съ какими угрызеніями совѣсти съѣлъ однажды во время поста пару утокъ, добычу своей охоты; къ разрыву съ католической церковью привело его совѣмъ не мірское побужденіе, а искреннее стремленіе составить собственное свое мнѣніе въ великомъ религіозномъ вопросѣ на основаніи личнаго изученія библіи, благодаря бесѣдѣ съ Меланхтономъ во время случайной встрѣчи и путемъ чтенія полемическихъ сочиненій. Его не могли смутить ни увѣщанія матери, ни негодованіе его тестя, Георга, герцога саксонскаго, котораго онъ тотчасъ же попытался тоже обратить въ евангелиство; еще весною 1525 года онъ заявилъ Іоганну, тогда еще герцогу саксонскому, и его сыну, «что онъ готовъ скорѣе лишиться жизни и своего государства, чѣмъ отступить отъ слова Божія». Несмотря на свои молодые годы, Филиппъ уже много пережилъ и не разъ обнажалъ свой мечъ; его маленькая, но крѣпкосложенная и стройная фигура тоже очень выгодно выдѣлялась среди большинства грузныхъ и неуклюжихъ нѣмецкихъ князей, а вызывающая смѣлость, которою свѣтились его глаза, какъ бы создана была для того, чтобы будить ихъ отъ привычной сонливости. Мы видѣли (т. I, стр. 334, 343), что онъ пытался завязать тѣсныя сношенія еще съ Фридрихомъ Мудрымъ, что еще до смерти курфюрста онъ уговаривался съ его будущими преемниками. Тщетно Іоахимъ бранденбургскій и особенно Георгъ саксонскій надѣялись вернуть на правый путь своихъ зараженныхъ лютеранствомъ союзниковъ, послѣ того какъ они сообща перенесли бѣдствія крестьянской войны, которая, по ихъ взгляду, естественно произошла только вслѣдствіе этой ереси. Попытки эти привели, наоборотъ, къ тому, что съ лѣта 1525 года выступили другъ противъ друга форменные союзы лютеранскихъ и анти-лютеранскихъ имперскихъ чиновъ. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ десятилѣтій Германіи пришлось жить подъ гнетомъ предстоящей религіозной войны, пока наконецъ императоръ рѣшилъ, что пришелъ часъ дать ей полную волю.

Начатки подобныхъ союзовъ появились уже въ 1524 году, когда послѣ закрытія нюрнбергскаго сейма первый примѣръ подалъ вышеупомянутый (т. I, стр. 453 сл.) съѣздъ католическихъ князей въ Регенсбургъ, а съ другой стороны южно-германскіе города уговорились между собою и съ евангелическими рейнскими графами на случай крайности. Въ то же время

Альбрехтъ, графъ мансфельдскій, старался воспользоваться явно грозившей курфюрсту саксонскому опасностью, чтобы пока что склонить прежде всего герцога Іоганна къ мысли о союзѣ евангелическихъ князей. Но дѣйстви-тельно жгучимъ сдѣлался этотъ вопросъ, когда въ іюлѣ 1525 года Георгъ саксонскій, собственно и бывший душой католической партіи, на съѣздѣ въ Дессау сталъ совѣщаться съ братьями-курфюрстами, Іоахимомъ и Альбрехтомъ, а также съ Эрихомъ и Генрихомъ брауншвейгскими о томъ, чтобы подъ предлогомъ заглушить источникъ только что подавленной революціи искоренить «проклятую лютеранскую секту», когда герцогъ Генрихъ самъ отправился въ Испанію, чтобы заручиться содѣйствіемъ императора, а собраніе представителей всѣхъ викаріевъ майнцкой епархіи точно такъ же постановило выхлопотать у императора полномочія противъ лютеранскихъ властей. Мадридскій миръ, явно выраженное намѣреніе императора прибыть въ имперію, все болѣе и болѣе подозрительнымъ становившееся поведеніе герцога Георга—все это побуждало принять къ сердцу еще ранѣе высказанную Мансфельдомъ истину, что нельзя отговариваться тѣмъ, что Богъ-де все устроитъ, ибо Богу, наоборотъ, угодно дѣйствовать черезъ людей какъ свои орудія. Только самая крайняя необходимость могла вынудить вступить на путь насильственной самозащиты столь миролюбиваго и политически бездарнаго государя, какъ дряхлѣющій саксонскій курфюрстъ Іоганнъ; «вѣдь я же никому ничего не дѣлаю», жаловался онъ тогда одному изъ дружественныхъ князей, «я только вѣрую въ Бога болѣе, чѣмъ въ людей, а они этого терпѣть не могутъ». Ландграфъ Филиппъ съ самаго начала тотчасъ же прибѣгъ къ смѣлому приему: онъ возбудилъ вопросъ о союзѣ не только между князьями единомышленниками, но и съ лютеранскими городами, несмотря на всѣ прискорбныя недоразумѣнія между княжескими и республиканскими элементами имперіи, которыя накопились даже за послѣднее время. Это была мысль, легшая впослѣдствіи въ основаніе Шмалькальденскаго союза. Ландграфъ рассчитывалъ, что путь для обоюднаго соглашенія между князьями и въ особенности между большими городами проторить не одно только евангеличество, а и противодѣйствіе опасности, что санъ императора станетъ наслѣдственнымъ въ родѣ Габсбурговъ. Но сначала старанія его и саксонскаго курфюрста всюду встрѣчали боязливую сдержанность, даже у города Нюрнберга, на содѣйствіе котораго рассчитывали почти навѣрное. И то уже было рѣшительнымъ успѣхомъ, что осмотнительный и въ высшей степени добросовѣстный вейтинецъ все таки твердо держался своего болѣе отважнаго товарища; при заключеніи договора о союзѣ (въ Готѣ въ февралѣ и мартѣ 1526 года, договорная грамота окончательно утверждена лишь въ маѣ въ Торгау), въ которомъ эти оба князя обязуются взаимно помогать другъ другу

всеми силами противъ всякаго нападенія, они стояли еще одинокими, но на съѣздѣ въ Магдебургѣ (12 іюня) къ нимъ присоединился цѣлый рядъ сѣверно-германскихъ государей: Эрнстъ люнебургскій, Филиппъ грубенгагенскій, Генрихъ мекленбургскій, Вольфгангъ ангальтскій, Альбрехтъ мансфельдскій, и на ряду съ ними воинственный противникъ своего архіепископа, городъ Магдебургъ. Союзу весьма было кстати, что можно было предъявить инструкцію императора Генриху брауншвейгскому, которому прямо было дано порученіе пока что образовать союзъ всѣхъ враждебныхъ лютеранамъ князей и графовъ.

Если евангелики обратились за помощью и къ чешскому дворянству, то это указываетъ на ихъ рѣшимость всякими мѣрами усилить собственные ничтожныя боевыя силы. А затѣмъ земли Нѣмецкаго ордена не принадлежали уже къ имперіи, такъ какъ съ 10 апрѣля 1525 года онѣ обращены были въ наслѣдственное герцогство подъ сюзеренною властью Польши. Маркграфъ Альбрехтъ, стѣсненный до крайности вслѣдствіе дружественной Ягеллонамъ политики Габсбурговъ (т. I, стр. 69; 412), совершенно покинутый имперіей, угрожаемый со стороны Польши возобновленіемъ войны, которая могла окончиться лишь полнымъ изгнаніемъ ордена изъ области, не вполнѣ еще пока перешедшей къ Польшѣ,—въ этой страшной нуждѣ онъ какъ гохмейстеръ ордена тѣмъ охотнѣе предпочелъ признать сюзеренную власть Польши и произвести секуляризацию, что въ душѣ онъ уже склонялся къ новому ученію и былъ увѣренъ въ согласіи обоихъ епископовъ замландскаго (т. I, стр. 386) и помезанскаго. Въ послѣдніе годы постороннія соображенія относительно папы соблазняли еще его вести возмутительную двуличную игру; однажды онъ почти одновременно писалъ папѣ Адріану VI, чтобы донести ему о пагубномъ вліяніи на свой орденъ «лютерова яда», а Лютеру для того, чтобы попросить его совѣтовъ насчетъ преобразованія ордена. Теперь, послѣ того какъ новый герцогъ принесъ ленную присягу въ Краковѣ, явилась возможность полунезависимаго существованія для восточно-прусскихъ земель, и это было въ то же время первымъ примѣромъ секуляризації въ крупныхъ размѣрахъ. Положимъ, отъ перехода въ лютеранство гохмейстера, который обѣщалъ выставить всего сто всадниковъ, непосредственно не получилось сильнаго подкрѣпленія для союза евангеликовъ, а скорѣе отъ его женитьбы на дочери Фридриха, короля датскаго; не только Данія, но и Густавъ, король шведскій, выказывалъ склонность присоединиться къ союзу. Горизонтъ союзниковъ быстро расширялся; то, что столѣтіемъ позже должно было послужить спасеніемъ нѣмецкому протестантству, тогда уже заявляло о себѣ во всевозможныхъ комбинаціяхъ.

Самымъ надежнымъ союзникомъ евангеликовъ оставалась все еще не-

нависть къ Габсбургамъ, которая то вызывала раздоръ среди католиковъ въ имперіи, то за границей самыя разнородныя силы приводила въ движеніе противъ преобладанія императора. Знаменательно, что одно время евангелики разсчитывали склонить на свою сторону курфюрста трирскаго, благорасположеннаго къ Франціи. Но особенно сильное противодѣйствіе австрійской политикѣ оказывалъ родъ Виттельсбаховъ, особенно въ баварской его линіи, которая, кажется, замышляла даже прямо-таки возвести герцога Вильгельма въ римскіе короли. Ихъ родственники въ Пфальцѣ постарались, положимъ, вскорѣ опять сблизиться съ императоромъ, и даже курфюрстъ трирскій, состоявшій съ октября 1535 года въ союзѣ съ ландграфомъ Филиппомъ, считалъ умѣстнымъ получать пенсіи и отъ Карла и отъ Фердинанда. Но отъ этого происки противъ избранія опять Габсбурга въ римскіе короли далеко еще не прекратились въ имперіи. И въ то время, какъ Карлъ V снова долженъ былъ отказаться отъ намѣренія отправиться въ Германію въ виду неотложныхъ требованій своей обширной внѣшней политики, взоры его брата все болѣе и болѣе обращались въ сторону Венгріи, гдѣ почти съ увѣренностью слѣдовало ожидать, что владычество христіанъ рушится. Не забудемъ, что кромѣ того въ наслѣдственныхъ земляхъ еще не совсѣмъ была подавлена революція. При такихъ обстоятельствахъ еще разъ была сдѣлана попытка рѣшить религіозный вопросъ на собраніи имперскаго сейма.

Этотъ сеймъ, пользующійся не совсѣмъ, быть можетъ, заслуженной славой, былъ назначенъ на 1-ое мая 1526 г. въ Шпейеръ послѣ безплоднаго исхода черезчуръ малолюднаго аугсбургскаго сейма, и, послѣ того, какъ Фердинандъ довольно долго колебался, слѣдуетъ ли ему ускорить, или отсрочить его собраніе, онъ былъ открытъ 25 іюня. То поразительное явленіе, что не явился ни одинъ изъ князей-вожаковъ католической партіи, можно разумѣется объяснить лишь нѣкоторымъ пренебреженіемъ, внушеннымъ безплодными предшествовавшими сеймами. Да и теперь дѣло опять пошло почти такъ же, какъ и до сихъ поръ. Большинство неизмѣнно состояло и раньше того и послѣ того изъ приверженцевъ старой церкви, право городовъ на представительство оспаривалось, предложеніе императора какъ всегда клонилось къ исполненію вормесскаго постановленія впредь до вселенскаго собора. Напротивъ не осталось все таки безъ вліянія, что явные вожаки евангелической партіи, курфюрстъ Іоганнъ и ландграфъ Филиппъ, явились лично и при огромномъ стеченіи народа дозволили своимъ проповѣдникамъ провозглашать ученіе о спасеніи единою вѣрою; противники приняли какъ смѣлый вызовъ съ ихъ стороны, кромѣ того, и то, что они уже не соблюдали постовъ. Нельзя было сказать, что города, въ которыхъ реформація насчитывала всего больше приверженцевъ, такъ безъ

дальнихъ разсужденій и присоединились къ князьямъ, своимъ единовѣрцамъ; вѣдь недавно еще, во время крестьянской войны, цѣлый рядъ городовъ подвергся насилію со стороны князей, въ томъ числѣ имперскій городъ Мюльгаузенъ пострадалъ именно отъ курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго. Но все же сознаніе религіознаго единства оказалось на сеймѣ могущественнѣе всѣхъ разъединяющихъ побужденій. Города подали первый примѣръ, потребовавши въ своей жалобѣ ни болѣе ни менѣе, чтобы впредь до собора свѣтскимъ властямъ было предоставлено право свободнаго распоряженія въ вопросахъ о церковныхъ обрядахъ и злоупотребленіяхъ и во всемъ церковномъ управленіи. Нюрнбергъ принялъ уже въ соображеніе, что въ случаѣ, если большинство въ сеймѣ окажется неуступчивымъ, должно заявить протестъ; свое прежнее рѣшительно отрицательное отношеніе къ предложеніямъ союза со стороны Филиппа гессенскаго онъ измѣнилъ въ томъ смыслѣ, что оставилъ за собою на будущее время полную свободу дѣйствовать. По настоянію городовъ избрана была комиссія изъ восьми членовъ, чтобы выработать главнымъ образомъ предложенія по церковному вопросу. Среди свѣтскихъ членовъ ея было трое рѣшительныхъ евангеликовъ и одинъ католикъ, сторонникъ реформы; нельзя не замѣтить, что общеевропейское положеніе, открытая война между императоромъ и папою, повліяло на настроеніе въ Шпейерѣ, и неудивительно, если въ комиссіи полагали возможнымъ согласиться на компромиссъ, въ которомъ даже предоставлено было мірянамъ причащеніе подъ обоими видами, а священникамъ право вступать въ бракъ, но съ другой стороны требовалось признаніе семи таинствъ, соблюденіе постовъ, многочисленныхъ церковныхъ праздниковъ, а также признаніе Вульгаты основоположительнымъ текстомъ Библіи. Казалось, что положеніе принимаетъ еще болѣе благопріятный для евангеликовъ оборотъ, когда при выборѣ общей сословной комиссіи, въ которой и городамъ предоставлено было право имѣть двухъ представителей, большинство голосовъ свѣтскихъ князей-избирателей пало на ландграфа. Среди совѣтниковъ этихъ князей, по сообщенію одного нюрнбержца, было именно «много благочестивыхъ христіанъ», и Спалатинъ какъ общее мнѣніе высказываетъ, что полагаютъ, «что ни на одномъ еще сеймѣ до сихъ поръ не высказывались такъ свободно, такъ смѣло и такъ дерзко передъ папою, противъ папы, о папѣ, епископахъ и прочемъ духовенствѣ, какъ на этомъ».

Тогда вмѣшался эрцгерцогъ Фердинандъ, сообщивши содержаніе императорской инструкціи, которое онъ до тѣхъ поръ держалъ втайнѣ. Эта грамота, помѣченная 23-мъ марта, гласила, что императоръ условится въ Италіи съ папою относительно вселенскаго собора и требуетъ, чтобы

до тѣхъ поръ, или до его прибытія въ Германію имперскіе чины не принимали и не постановляли ничего такого, что несогласно съ христіанскимъ вѣроученіемъ или исконными обычаями Церкви, а напротивъ они должны руководиться вормскими и нюрнбергскими постановленіями. Намѣреніе эрцгерцога сводилось къ тому, чтобы сдѣлать невозможными всѣ дальнѣйшіе шаги въ религіозномъ вопросѣ, а вмѣсто того понудить имперскіе чины главнымъ образомъ поскорѣе согласиться на помощь противъ турокъ. Несмотря на общее почти негодованіе—подозрѣвали даже обманъ—Фердинандъ, отчасти по крайней мѣрѣ, достигъ своей цѣли. Положимъ, ему не удалось добиться простого признанія вормскаго эдикта; исполненіе его какъ прежде, такъ и теперь города объявили совершенно невозможнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они указали на то, что во время составленія этой инструкціи папа и императоръ были еще заодно, тогда какъ теперь папскія войска выступили въ походъ противъ императора. Тѣмъ временемъ совѣтъ курфюрстовъ нашелъ выходъ, которымъ дѣйствительно и воспользовались, именно: чтобы въ дѣлахъ религіи каждый поступалъ такъ, какъ онъ считаетъ себя отвѣтственнымъ передъ Богомъ, императоромъ и имперіей. Архіепископъ трирскій первый далъ указаніе своимъ замѣчаніемъ, что всякій воленъ повиноваться императору, или нѣтъ. Замѣчательное совпаденіе, что какъ разъ въ то время въ Гранадѣ обсуждался вопросъ, не слѣдуетъ ли по крайней мѣрѣ отмѣнить наказанія, установленныя вормскимъ эдиктомъ, чтобы дать Фердинанду возможность лично вмѣшаться въ итальянскія дѣла. И рѣчи не было о томъ, чтобы форменно противопоставить Лютера папѣ, какъ на это подавало раньше надежду одно сорвавшееся въ гнѣвѣ слово императора (стр. 17), Карлъ и по поводу вышеприведенной уступки съ ея оговорками сначала еще разъ сдѣлалъ запросъ своему брату. Но это письмо императора (отъ 27 іюля) не оказало вліянія на рѣшенія Фердинанда, какъ ошибочно полагали прежде, потому что оно получено было имъ очевидно только послѣ закрытія сейма. Имперскіе чины сошлись на томъ, чтобы отправить къ императору посольство съ порученіемъ хлопотать объ ускореніи созванія вселенскаго или національнаго собора, а окончательное постановленіе сейма при его закрытіи 27 августа сводилось къ вышеупомянутому предложенію совѣта курфюрстовъ, что впредь до собора въ дѣлахъ, относящихся къ вормскому эдикту, слѣдуетъ поступать, управлять и вести себя такъ, «какъ каждый надѣется и полагаетъ возможнымъ оправдаться передъ Богомъ и его императорскимъ величествомъ».

Въ этомъ совѣтѣ не двусмысленномъ компромиссѣ думали найти, по выраженію Ранке, «законное основаніе для развитія территоріальныхъ церквей въ Германіи». Весьма несправедливо, ибо отвѣтственность пе-

редъ императоромъ оказывается ничуть не подчиненной отвѣтственности предъ Богомъ, а между тѣмъ у имперскихъ чиновъ едва ли могло быть хоть какое-нибудь сомнѣніе относительно истиннаго мнѣнія императора, развѣ только если они прибѣгали къ фикціи, предложенной въ одномъ летучемъ листкѣ 1526 года, будто бы невозможно, чтобы благочестивый, кроткій, богобоязненный императоръ могъ повелѣть что-либо противное слову Божию и общему благу. Но вѣдь во введеніи къ самому постановленію сейма довольно ясно воспроизведена воля императора, согласно данной имъ инструкціи: въ вопросахъ вѣры не должно вводить и устанавливать никакихъ новшествъ. Слѣдовательно, не соответствовало ни буквѣ, ни смыслу постановленія шпейерскаго сейма, когда тотчасъ послѣ него ландграфъ, а впослѣдствіи и прочіе евангелическіе чины пытались вывести изъ него право основывать мѣстныя евангелическія церкви; да нѣкоторые изъ нихъ непосредственно послѣ утвержденія этихъ постановленій выражались въ такой формѣ, что незамѣтно было еще и слѣда подобнаго истолкованія ихъ. Но развѣ при великихъ переворотахъ соображаются вообще со статьями закона? Нѣмецкая реформація носила свое право такъ сказать въ самой себѣ; если она въ концѣ концовъ достигла легальнаго существованія въ предѣлахъ имперіи, то этимъ она, по правдѣ говоря, обязана не пути закона, а силѣ и счастью протестантскаго оружія, предъ которыми должны были склониться упорные защитники буквы закона. Тутъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, нѣмецкій партикуляризмъ одержалъ въ концѣ концовъ побѣду надъ имперіей, которая въ совокупности своей всюду и всегда оказывалась неспособной справиться съ великими преобразовательными задачами. Такъ и сеймъ 1526 г. опять только отодвинулъ рѣшеніе и этимъ разумѣется еще разъ подтвердилъ право самоопредѣленія отдѣльныхъ имперскихъ чиновъ, которымъ они давно уже привыкли пользоваться на дѣлѣ, какъ бы ни противорѣчило такому поведенію ихъ словесное выраженіе ихъ постановленій. Снова были выиграны драгоцѣнные годы для распространенія и утвержденія нѣмецкой реформаціи, и въ то же время въ лицѣ ландграфа она нашла свѣтскаго героя и передового бойца своего; въ одной евангелической пѣснѣ пастеры, горько разочаровавшись исходомъ сейма, жалуются:

«ein ime rik, de is nich old,
heft unse donde vernichtet,
he steit bi godes word mit macht,
den düvel, pawest noch kaisers acht
deit mit den sinen nich forchten»

(«вѣчное царство, явившееся въ недавнія времена, уничтожило всѣ наши

громы; оно мощно стоитъ за слово Божіе, не страшится со своими ни діавола, ни папы, ни опалы императора»).

Пока въ Италіи заканчивалась борьба за владычество чужеземцевъ, и Германія, благодаря этому, успѣла спасти по крайней мѣрѣ часть своихъ великихъ національныхъ стремленій отъ полного уничтоженія, на востокѣ совершилось политическое преобразование, благодаря которому на нѣсколько вѣковъ впредь рѣшенъ былъ исконный спорный вопросъ. 1527 годъ есть годъ рожденія австрійской монархіи; подъ державою Габсбурговъ сложилось это промежуточное государство, которое не разъ затѣвалось и временно осуществлялось, созданія котораго давно уже настоятельно требовала, повидимому, охрана западной Европы отъ грозившей ей великой опасности. И тутъ, какъ и въ другихъ вопросахъ, дальновидная политика Максимилиана восторжествовала лишь послѣ его смерти.

Древняя Австрія Бабенберговъ и мощная колонизація на востокъ отъ Эльбы, которая отъ XII до XIV в. распространила нѣмецкую культуру и владычество нѣмцевъ за Одеръ и по берегу Балтійскаго моря вплоть до Лифляндіи, — всѣ эти завоеванія германцевъ смѣнились въ исходѣ среднихъ вѣковъ мощнымъ подъемомъ славянскихъ народовъ и были отчасти отняты обратно. Національный отпоръ натиску германизаціи сильнѣе всего проявился въ Чехіи, главнымъ образомъ противъ процвѣтавшаго тамъ нѣмецкаго городского сословія; вѣдь гуситская революція направлена была не только противъ владычества церкви, но настолько же и противъ привилегированнаго положенія, котораго добилось нѣмецкое населеніе благодаря главнымъ образомъ покровительству чисто чешской династіи Пржемысловичей. Но и въ Польшѣ и въ Венгріи дошло до ожесточенной борьбы противъ нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ; и здѣсь, какъ и въ Чехіи, къ національной ненависти къ чужеземцамъ присоединились соціальныя и политическія страсти и желанія. Ибо въ этихъ восточныхъ государствахъ на развалинахъ монархическихъ учрежденій и народной свободы дворянство съ истинно сокрушительной энергіей прокладывало себѣ путь къ полному обладанію и пользованію государственною властью. Даже изъ гуситскаго движенія, какъ извѣстно, чешская аристократія вышла побѣдительницей послѣ кратковременнаго преобладанія демократическихъ элементовъ; король Георгій Подебрадь, возвысившійся изъ ихъ же среды, вынужденъ былъ самую тяжкую борьбу въ свое правленіе вести противъ этихъ непокорныхъ вельможъ, а къ обоимъ его преемникамъ они стояли въ такихъ отношеніяхъ, которыя выражаются словами: «Ты — нашъ король, а мы — твои господа». Высшую точку этого развитія обозначаетъ до

нѣкоторой степени въ Чехіи Владиславоу земское уложеніе 1500 года, а въ Польшѣ знаменитая конституція 1496 г.; польская шляхта, какъ представительница демократіи въ дворянствѣ, запретила вовсе бюргерамъ пріобрѣтеніе и владѣніе недвижимой собственностью, а крестьянъ лишила свободы передвиженія, и захватила еще сверхъ того почти всѣ духовныя должности въ свое распоряженіе. И въ Венгріи низшее дворянство сумѣло наряду съ магнатами достигъ вліятельнаго участія въ весьма бурныхъ ландтагахъ и въ государственномъ совѣтѣ, а аграрная революція 1514 г. дала желанный предлогъ для введенія самой строгой крѣпостной зависимости.

Не говоря уже о пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя отражались на внутренней жизни этихъ трехъ государствъ, эти стремленія многократно вліяли и на ходъ ихъ внѣшней политики. Но тутъ преобладанію чисто національнаго теченія становилась поперекъ дороги давнишняя и все снова возникавшая идея обширнаго международнаго государства. Еще въ XIV вѣкѣ король Людовикъ Великій соединилъ подъ своею властью на короткое время Венгрію и Польшу; потомъ Сигизмундъ изъ Люксембургской династіи соединилъ Чехію и Венгрію, а между тѣмъ гуситская революція пробудила въ то же время сознаніе соплеменности между чехами и поляками и вызвала попытки къ политическому объединенію. Польское государство особенно живо почувствовало потребность создать себѣ лучшія границы, главнымъ образомъ посредствомъ завоеванія владѣній Нѣмецкаго ордена стать твердою ногою на Балтійскомъ морѣ, а посредствомъ уніи съ Литвою помѣшать полной самостоятельности этого опаснаго восточнаго сосѣда. Но планы расширенія Польши на этомъ еще не останавливались: казалось, что Чехію, Венгрію и земли по нижнему Дунаю тоже можно будетъ пріобрѣсти, особенно когда расцвѣтъ національной монархіи у чеховъ и мадьяръ оказался скоропреходящимъ. Георгій Подебрадъ обращалъ больше вниманія на нѣмецкія и западно-европейскія дѣла, а его болѣе великій преемникъ, зять его, Матвѣй Корвинъ, тщетно пытавшійся вырвать изъ его рукъ чешскую корону, точно такъ же упустилъ изъ виду естественныя задачи Венгріи на нижнемъ Дунаѣ, сосредоточивши всѣ свои силы для основанія государства, которое дѣйствительно и было впоследствии создано Габсбургами. Случай установить связь съ Чернымъ моремъ, онъ упустилъ, а нѣсколько позднѣе (1497 г.) это не удалось сдѣлать и польскому королю Яну Альбрехту; распущенная шляхетская армія его представила ясное доказательство, насколько неспособна эта самовольная аристократія къ тяжкимъ трудамъ войны. А между тѣмъ казалось, что ближайшее будущее потребуетъ больше чѣмъ когда либо такой работы. Быстро одна за другой возникли двѣ великихъ восточно-европейскихъ дер-

жавы, позднѣйшее соперничество которыхъ тогда еще не проявлялось. Древняя Византія сдѣлалась средоточіемъ военной монархіи османовъ, а изъ освободившагося отъ татарскаго ига великаго княжества Московскаго создалась своего рода замѣна павшей восточной римской имперіи; и тамъ и тутъ царило глубоко укоренившееся отвращеніе къ религіи и культурѣ западной Европы. Ближайшей крупной цѣлью нападенія для Турціи служила Венгрія, а для православной Руси—Польша.

Императоръ Максимилианъ продолжалъ лишь традиціи своего дома, заключая брачныя связи съ Ягеллонами (т. I, стр. 69, 71). Ядвига, наслѣдница Пястовъ, была обручена съ Вильгельмомъ австрійскимъ, прежде чѣмъ она оказалась вынужденной отдать свою руку Владиславу Ягелло, великому князю литовскому. Потомъ подъ властью короля Альбрехта II и его рано умершаго сына Владислава Австрія, Чехія и Венгрія въ продолженіе двухъ десятилѣтій (1437—1457) находились въ личной уніи, а когда потомъ освобождались короны Венгріи и Чехіи, Габсбурги не забывали предъявлять свои притязанія, основанныя на договорѣ (1364 г.) о взаимномъ наслѣдованіи съ Люксембургскимъ домомъ, однако, все же земскіе чины обоихъ королевствъ со своей стороны неоднократно оказывались въ состояніи рѣшительно отстоять свое право свободного выбора. Договоръ между императоромъ Фридрихомъ и королемъ Матвѣемъ (1463 г.), по которому послѣдній обѣщалъ императору или которому нибудь изъ его сыновей престолонаслѣдіе въ Венгріи, въ случаѣ если Матвѣй не оставитъ законнорожденнаго сына, послѣ смерти великаго короля (1490 г.) тоже послужилъ лишь новымъ основаніемъ для венгерцевъ, чтобы отклонить мнимыя права Максимилиана на ихъ престолъ. Въ то время выборъ палъ на Владислава Ягеллона, который уже съ 1471 года былъ королемъ чешскимъ. Этому образцу безсилія государя, который говорилъ лишь рѣдко, да и то всегда поддакивалъ, пришлось пережить, какъ венгерскій сеймъ 1504 года, нарочито заявивши, что теперешній упадокъ королевства происходитъ отъ управленія чужеземныхъ королей, постановилъ, что, въ случаѣ если Владиславъ или одинъ изъ послѣдующихъ королей умретъ, не оставивши мужского потомства, избрать на престолъ уже не чужеземца, а лишь венгерца. Чины не обратили никакого вниманія на то, что по Пресбургскому миру 1491 года порядокъ престолонаслѣдія по договору 1463 г. былъ опять возобновленъ въ пользу Максимилиана и его потомковъ. Нужна была та чисто габсбургская цѣпкость, которою обладалъ даже и Максимилианъ при всей своей безпокойной натурѣ, чтобы, несмотря на это, при помощи условленнаго еще въ 1507 г. и окончательно рѣшеннаго въ 1515 г. двойного брака обезпечить за своимъ домомъ виды на приобрѣтеніе обѣихъ коронъ или, по крайней мѣрѣ, то, что по сосѣд-

ству будетъ тѣсно связанная дружбой династія. Бракъ между этими обрученными, вслѣдствіе ихъ крайней юности, былъ заключенъ лишь нѣсколько лѣтъ спустя; въ маѣ 1521 г. эрцгерцогъ Фердинандъ обвѣнчался съ Анной, дочерью Владислава, а братъ ея, король венгерскій Людовикъ II (род. 1506 г.), въ январѣ 1522 г. праздновалъ свою свадьбу съ инфантой Маріей.

Исполненіе самыхъ смѣлыхъ ожиданій Габсбурговъ наступило сверхъ всякаго ожиданія скоро. Слабое королевство Ягеллоновъ еще болѣе пострадало отъ того, что Людовикъ послѣ смерти своего отца (1516 г.) остался еще несовершеннолѣтнимъ, да этотъ послѣдній представитель династіи и не могъ сообщить ему новыхъ силъ. Въ то время, какъ въ Чехіи къ сословной враждѣ присоединились и религіозные раздоры, ожившіе подъ вѣяніемъ нѣмецкой реформаціи, въ Венгріи почти совсѣмъ анархическое состояніе вело прямо къ катастрофѣ. Юный король прежде всего желалъ наслаждаться жизнью; его проницательная и энергичная супруга не боялась вызвать озлобленіе мадьяровъ, окружая себя нѣмцами и выказывая открыто сочувствіе нѣмецкой ереси. Ибо въ Венгріи проповѣдь евангеличества раздавалась съ 1522 года, особенно въ Семиградіи среди саксонскихъ колонистовъ, а также и въ Эденбургѣ (Ödenburg) и въ верхней Венгріи. При дворѣ за новое вѣроученіе стояли маркграфъ Георгъ, бывшій воспитатель короля, а также и императорскій посолъ, и королева Марія сдѣлала своимъ проповѣдникомъ страстнаго австрійца Кордуса, который впослѣдствіи былъ такимъ частымъ гостемъ въ домѣ Лютера. Тѣмъ бурнѣе возстала туземная знать, къ значительному большинству которой вполне примѣнимы были слова папскаго нунція, что они никогда не отвергнутъ того, что отвергають нѣмцы. Первымъ чело-вѣкомъ среди этой «патріотической» аристократіи былъ семиградскій воевода Іоаннъ Заполя, который создалъ себѣ имя жестокимъ подавленіемъ революціи 1514 года (т. I, стр. 162) и надѣялся одно время получить руку принцессы Анны. Цѣлью его была венгерская корона, орудіемъ ему служило легко поддававшееся впечатлѣніямъ низшее дворянство, и всего поразительнѣе пожалуй обрисовывается настроеніе этихъ круговъ, постоянно заигрывающихъ съ революціей, когда даже польскіе послы находятъ, что у нихъ положеніе можно назвать все еще благополучнымъ сравнительно съ положеніемъ дѣлъ въ Венгріи. Они полагають, что это зло можетъ устранить только или возстаніе, или нападеніе иностранной державы.

Но зло это не было устранено, оно лишь проявилось во всемъ своемъ безобразіи, когда дѣйствительно послѣдовало давно ожидавшееся нашествіе турецкой силы на Венгрію. Когда въ официальныхъ заявленіяхъ папъ и

великихъ европейскихъ державъ уже въ продолженіе многихъ лѣтъ играли столь значительную роль турецкая бѣда и необходимость защититься отъ нея, то это были не пустые слова, хотя порой и сами писавшіе ихъ не особенно много задумывались надъ ними. При Селимѣ I воинственная политика турокъ, безъ которой не можетъ существовать чисто военный деспотизмъ, обратилась противъ востока, отторгла кусокъ отъ Персіи и, уничтоживши государство мамелюковъ въ Египтѣ (1517 г.), добыла этимъ падишаху въ Стамбулѣ и санъ калифа, а потомъ, со вступленіемъ на престолъ Сулеймана II (1520 г.) начался рядъ нашествій на Европу. Уже въ 1521 году венгерцы, оскорбившіе личность турецкаго посла, испытали месть юнаго султана; самыя важныя пограничныя крѣпости ихъ, Шабачъ и Бѣлградъ, перешли въ руки турокъ. Въ слѣдующемъ году происходила геройская защита іоаннитами сильной крѣпости Родоса; послѣ двадцати тщетныхъ приступовъ и страшныхъ потерь, турки, благодаря своей настойчивости, достигли все-таки своей цѣли, и 21 декабря 1522 г. гресмейстеръ іоаннитовъ сдался на капитуляцію и переселился со своими рыцарями сначала въ Критъ, а потомъ въ Италію, и наконецъ, впоследствии (въ 1530 г.) орденъ нашелъ себѣ новое постоянное мѣстопробываніе на о. Мальтѣ. Отъ вниманія Порты не ускользнуло, что религіозная и политическая рознь на западѣ даетъ ей самый благопріятный случай для наступательной политики; въ Константинополѣ паши говорили о новомъ анти-папѣ, Мартинѣ Лютерѣ, который, какъ и ихъ религія, не терпитъ образовъ въ храмахъ, и еще де битвы при Павіи завязались сношенія между Франціей и турками, тогда еще подъ большимъ секретомъ. Одинъ изъ хорватскихъ вельможъ, Христофоръ Франгепанъ, долженъ былъ, по порученію Франциска I, вторгнуться вмѣстѣ съ боснійскимъ пашой въ Штирію и Каринтію. Когда Францискъ попалъ въ плѣнъ, мать его обратилась къ султану, и Францискъ изъ Испаніи присоединилъ свои просьбы о помощи; въ отвѣтъ на это Сулейманъ прислалъ ему утѣшительное письмо съ такими увѣреніями: «День и ночь стоитъ нашъ конь осѣдланъ, и сабля наша опоясана». Весною 1526 года онъ выступилъ на покореніе Венгріи; обладаніе Пештомъ (Офеномъ), говорили въ его военномъ совѣтѣ, необходимо для безопасности османскаго государства. «Если придетъ турокъ», писалъ нунцій въ Римъ, «то Вы, Ваше Святѣйшество, можете считать Венгрію потерянною». Юный король выступилъ съ войскомъ отъ двадцати до тридцати тысячъ человѣкъ противъ огромной, быть можетъ, въ десять разъ превосходившей численностью арміи непріятеля; Заполья, которому приписывали желаніе унижить свою родину, стоялъ со своими войсками въ сторонѣ, когда 29 августа на болотистой равнинѣ Могача маленькое венгерское войско, не дожидаясь подкрѣпленій,

произвело безумно смѣлое нападеніе и было раздавлено перевѣсомъ въ числѣ и огнемъ трехсотъ орудій противника. Два архіепископа, пять епископовъ, большое число магнатовъ, тысячи бойцовъ погибли на полѣ битвы; передъ шатромъ султана было сложено въ видѣ трофея двѣ тысячи головъ христіанъ. Самъ король Людовикъ во время бѣгства нашелъ себѣ смерть въ водахъ одного разливагося потока. Далеко вокругъ нагнали страха и ужаса отряды турецкой конницы своими набѣгами и опустошеніями огнемъ и мечомъ; Сулейманъ отпраздновалъ малый байрамъ въ Пештѣ, но опять вернулся къ себѣ, не обезпечивши за собой обладаніе этой страной. Это было какъ бы одно изъ тѣхъ ужасныхъ нашествій, которыя много вѣковъ передъ тѣмъ впервые сдѣлали грознымъ имя язычниковъ-венгровъ въ Германіи и даже вплоть до самой Италіи.

Тотчасъ же начались страстные происки и борьба изъ-за обѣихъ освободившихся коронъ. Въ Венгріи дѣло обстояло довольно просто, такъ какъ тутъ напередъ были возможны лишь два соперника: Фердинандъ и Заполья. Чехія, напротивъ, уже по самому географическому положенію своему издавна возбуждала честолюбивыя вождельнія различныхъ крупныхъ и мелкихъ сосѣдей своихъ; такъ и на этотъ разъ рядомъ съ Сигизмундомъ, королемъ польскимъ, упоминается цѣлый рядъ нѣмецкихъ претендентовъ: Іоахимъ бранденбургскій, Іоганнъ саксонскій, сынъ его Іоганнъ Фридрихъ, герцогъ Георгъ, баварскіе герцоги, Вильгельмъ и Людвигъ. Новому герцогу прусскому Альбрехту Фридрихъ фонъ Лигницъ, сторонникъ реформаціи, совѣтовалъ добиваться для себя этого королевства, но онъ старался по крайней мѣрѣ мѣшать избранію Фердинанда и помочь своему сюзерену, королю польскому, пріобрѣсти чешскую корону въ качествѣ законнаго наслѣдника. Дѣйствительно опасными соперниками Фердинанду были только Виттельсбахи, агентъ которыхъ насчитывалъ на своей «шафранной» грамоткѣ для «смазки» чешскихъ избирателей гораздо болѣе двухсотъ тысячъ гульденовъ и дѣйствовалъ заодно съ посломъ тоже предложеннаго въ кандидаты короля французскаго. Виттельсбахи въ то время весьма послѣдовательно и при всякомъ удобномъ случаѣ выступали противъ основанія великой габсбургской державы въ предѣлахъ имперіи и рядомъ съ нею; въ то же время они не упускали изъ виду и римской и чешской коронъ. «Никогда», по выраженію Ранке, «не составлялось предпріятія, болѣе опаснаго для развитія могущества австрійскаго дома». Однако же въ сущности благодаря превосходству въ ловкости австрійскихъ пословъ къ величайшему изумленію баварцевъ 23 октября 1526 года выборъ палъ на эрцгерцога. Баумгартенъ съ полнымъ правомъ указываетъ на тотъ роковой промахъ Франциска I, что онъ, какъ и во время борьбы за римскую корону, такъ и теперь изъ-за личнаго

претендентства упустилъ случай энергично поддержать нѣмецкаго соперника Габсбурговъ. «Въ то время въ Прагѣ рѣшились судьбы не только Австріи, но и Европы», говоритъ Альфонсъ Губеръ.

Фердинандъ привлекъ къ себѣ чеховъ не уступками въ религіозныхъ дѣлахъ, какъ принимали прежде. Ибо тамъ, несмотря на то, что рано завязались сношенія нѣкоторыхъ уtrakвистовъ и постоянно угнетаемыхъ чешскихъ братьевъ съ «саксонскимъ Гусомъ», все таки не могло быть рѣчи о скорой побѣдѣ реформаціи; наоборотъ, именно въ эти послѣдніе годы наступило снова значительное сближеніе между католиками и уtrakвистами; Лютеру пришлось пережить, какъ одинъ честолюбецъ изъ духовенства, Галлъ Кахера (Саheга), лично обратившійся къ нему и содѣйствовавшій одно время въ Прагѣ евангелическому движенію, сдѣлался въ качествѣ уtrakвистскаго администратора орудіемъ этой реакціи. Точно такъ же и статьи, предложенныя чинами избранному ими королю, требовали только одинаковаго правосудія для католиковъ и уtrakвистовъ, тогда какъ бракъ священниковъ, нарушеніе постовъ и поруганіе святыхъ были прямо запрещены. Фердинандъ, проявившій большую стойкость, когда чины попытались навязать ему весьма далеко заходившую въ требованіяхъ выборную грамоту, обѣщаль, что выхлопочетъ компактатамъ (т. I, стр. 16) полную законную силу и, если можно будетъ, утвержденіе ихъ папою; то же самое обѣщали и Владиславъ и Людовикъ. Онъ призналъ также, что онъ избранъ по доброй волѣ чиновъ, но съ полнымъ успѣхомъ воспротивился цѣлому ряду статей, заключавшихъ въ себѣ существенное умаленіе королевской власти. Враги его надѣялись уже, что за это упорство онъ еще, пожалуй, заплатится короной, но 24-го февраля 1527 г. совершено было торжественное коронованіе его въ Прагѣ. Въ сосѣднихъ земляхъ: Моравіи, Силезіи и Лужицахъ, которыя не были привлечены къ выборамъ, признаніе Фердинанда послѣдовало прямо на основаніи права наслѣдованія его супруги, которое отвергали чехи. Этимъ правомъ эрцгерцога думалъ было воспользоваться и въ Венгріи, но здѣсь при разгарѣ національныхъ страстей, которыми особенно одушевлено было низшее дворянство, ничего нельзя было достигъ не только при помощи этого весьма сомнительнаго притязанія, но и на основаніи прежнихъ договоровъ о престолонаслѣдіи (стр. 73). Одинъ польскій наблюдатель вынесъ такое впечатлѣніе, что изъ одной только ненависти къ нѣмцамъ здѣсь готовы вступить въ союзъ даже съ турками. 10 ноября 1526 г. Іоаннъ Заполья былъ провозглашенъ въ Штульвейсенбургѣ королемъ и на слѣдующій день коронованъ. «И сами боги», замѣчаетъ этотъ полякъ, «не смогли бы побудить мадьяръ избрать чужеземнаго князя». Составленъ былъ планъ устроить бракъ Запольи со вдовствующей королевой Маріей, но эта смѣлая пред-

ставительница рода Габсбурговъ дѣлала, напротивъ, все, чтобы доставить корону своему брату. Чисто по-габсбургски, больше путемъ обѣщаній, чѣмъ дѣйствительныхъ одолженій, она все таки сумѣла составить партію и созвать въ Пресбургъ очень, положимъ, малолюдный сеймъ, который 17 декабря избралъ Фердинанда въ король. Ибо, какъ ни непоколебимо Фердинандъ настаивалъ на своемъ правѣ на корону, послы его все же оказались настолько благоразумными, что въ рѣшительную минуту выдвинули на первый планъ народное избраніе.

Честолюбіе династїи, которая ничего не считала слишкомъ далекимъ или слишкомъ высокимъ для себя, воплощено было не менѣе, чѣмъ въ Карлъ V, и въ его младшемъ братѣ. Къ чему только онъ ни стремился въ эти послѣдніе годы! Кромѣ избранія въ римскіе король, на которое онъ имѣлъ пока съ 1525 г. согласіе императора, его серьезно занимала мысль о пріобрѣтеніи герцогства миланскаго, и еще при жизни своего венгерскаго шурина онъ сталъ твердою ногою въ Хорватіи, чины которой признали его съ титуломъ протектора; мысли его шли уже дальше: о королевствѣ Босніи. Теперь Чехія была обезпечена за нимъ, но, чтобы дѣйствительно сдѣлаться королемъ въ Венгріи, онъ долженъ былъ обнажить мечъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, въ такую минуту, когда на сторону его противника Запольи наперебой спѣшили перейти Франція, папа, Венеція, Польша и баварскіе герцоги. «Чѣмъ сильнѣе травить короля венгерскаго, въ лицѣ эрцгерцога, тѣмъ будетъ лучше», писалъ Эрккъ герцогу Вильгельму. Но непонятная вялость Запольи, который, вмѣсто того, чтобы воспользоваться выгодами своего положенія, далъ противнику время вооружиться, согласившись на пріостановку военныхъ дѣйствій, и далъ ему возможность захватить себя врасплохъ; лѣтомъ 1527 года Фердинандъ двинулся во главѣ небольшой, но превосходной по качествамъ арміи, такъ что Заполья принужденъ былъ поспѣшно отступить до самаго Семиградія. Сеймъ, созванный въ Пештѣ, призналъ Габсбурга законнымъ королемъ, и 3 ноября послѣдовало коронованіе его въ Штульвейсенбургѣ. Величественная перемѣна, совершившаяся съ безсильнымъ почти прежде намѣстникомъ далекаго императора, должна была оказать непосредственно вліяніе въ двухъ направленіяхъ. Во-первыхъ, для самого императора весьма неудобно было то обстоятельство, что вниманіе его брата къ рѣшительной борьбѣ въ Италіи было отклонено столь кореннымъ образомъ, и Фердинандъ сталъ передъ нимъ ревностно стоять за заключеніе мира. Затѣмъ этотъ носитель двухъ королевскихъ коронъ, владѣнія котораго простирались отнынѣ почти непрерывно отъ верхняго Эльзаса до венгерской низменности и отъ Адриатическаго моря вплоть до Одера, сталъ въ иные отношенія, чѣмъ раньше, къ имперскимъ чинамъ. Положимъ, власть его въ Венгріи покоилась пока

еще на очень слабыхъ устояхъ, а въ имперіи оппозиція Виттельсбаховъ не только не оробѣла, а теперь-то именно еще болѣе обострилась, вслѣдствіе счастья ихъ соперника. Несмотря на все это, основаніе новой великой державы Габсбурговъ было и осталось двигателемъ, который долженъ былъ еще усилить и безъ того существовавшее возбужденіе обѣихъ религіозныхъ партій въ Германіи. Казалось, что уже близится не турецкая война, а религіозная.

А между тѣмъ самостоятельное упорядоченіе религіознаго вопроса, выпавшее на долю отдѣльныхъ имперскихъ чиновъ вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія императора и безсилія имперскихъ органовъ, проявилось весьма различно у приверженцевъ стараго и новаго вѣроученія. Дѣйствительно вѣротерпимости нельзя было замѣтить ни на той, ни на другой сторонѣ, но нельзя не признать, что евангелики, церковные революціонеры, обыкновенно поступали гораздо умѣреннѣе съ католиками, чѣмъ тѣ съ ними. Положимъ, религіозные указы, напр., герцога прусскаго (іюль 1525 г.) и брата его, маркграфа Казимира (августъ 1525 г.), угрожали суровымъ наказаніемъ за всякое уклоненіе отъ чистой и ясной проповѣди евангелія; въ Пруссіи, гдѣ герцогъ ссылался на данную ему Богомъ власть меча, дѣйствительно дѣло дошло будто бы до того, что казнили двухъ «суетвѣровъ». Но въ общемъ все же евангелическое государство проявляло такую снисходительность, какой не знала старая церковь. Для мирнаго сожителства бокъ о бокъ на одной и той же территоріи обѣихъ на смерть враждовавшихъ направленій въ то время не было еще никакой возможности: едва-ли можно было въ уваженіи къ убѣжденію пойти дальше ландграфа Филиппа, который на синодѣ въ Гомбергѣ (окт. 1526 г.) далъ католикамъ еще разъ возможность открыто отстаивать свои взгляды. Не могло быть, разумѣется, и рѣчи о томъ, что исходъ подобнаго «свободнаго» религіознаго собесѣдованія могъ быть сомнительнымъ, что при убѣжденіи большинства евангеликовъ въ пораженіи меньшинства послѣднее могло рассчитывать на дальнѣйшее уваженіе ихъ уклоняющихся воззрѣній. Ландграфъ былъ проникнутъ, можетъ быть, сильнѣе всѣхъ единовѣрныхъ съ нимъ князей первоначальными идеалами религіознаго движенія; церковное устройство, которое выработалъ послѣ гомбергскаго синода пылкій Францискъ Ламберъ, уроженецъ южной Франціи и бывший миноритъ, стремилось провести своеобразную идею Лютера о выдѣленіи истинной общины святыхъ, при помощи нѣкотораго рода плебисцита, при помощи переписи всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, которые были согласны съ новыми порядками; на этомъ основаніи Ламберъ пытался воздвигнуть пресвитеріальный строй, въ которомъ государю страны и дворянству предо-

ставлялось лишь нѣкоторое участіе въ демократически организованномъ управленіи церковью. Положимъ, этотъ смѣлый проектъ никогда не былъ проведенъ въ жизнь, и очень скоро, подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, критики Лютера на «эту огромную груду законовъ съ такими громкими словами», Филиппъ перешелъ на болѣе удобный путь съ саномъ высшаго епископа. Все таки эти міряне-епископы довольствовались тѣмъ, что запрещали упорнымъ приверженцамъ старой церкви отправлять богослуженіе и въ крайнемъ случаѣ вынуждали ихъ къ выселенію. Въ Нюрнбергѣ, напр., монастырь доминиканцевъ былъ распущенъ лишь въ 1543 году, а монастырь босоногихъ продержался еще долѣе, до 1562 г., когда умеръ послѣдній монахъ; само собою разумѣется, что ихъ привлекли къ несенію общихъ гражданскихъ повинностей. Въ Гессенѣ монахи и монахини, вышедшіе изъ монастырей, получали содержаніе отчасти наличными деньгами, отчасти имъ обезпечивались пожизненные доходы натурою. Для сословія священниковъ наступилъ рѣзкій переходъ отъ обладанія самыми широкими правами и полномочіями къ такому жалкому прозябанію, да и то давалось ему съ нѣкоторымъ сострадательнымъ презрѣніемъ. Однако это все же не была та полная религіозная революція, которая, какъ, напр., въ Чехіи во времена гуситовъ, требовала крови «идолослужителей». Когда читаешь ужасныя, убійственныя обвиненія, которыя изливаются на «красную блудницу» и ея служителей въ сочиненіяхъ Лютера и другихъ реформаторовъ, приходится только удивляться, что при преобразованіи церковнаго строя евангелическіе князья и города не прибѣгали на дѣлѣ къ болѣе насильственнымъ мѣрамъ и все еще признавали до нѣкоторой степени долгомъ возмѣщеніе убытковъ.

На сторонѣ католическихъ властей получается совсѣмъ иная картина. Программа ихъ была очень проста: истребленіе этой новой ереси, вотъ что Георгъ саксонскій внушалъ какъ первѣйшую и настоятельнѣйшую потребность собранію князей въ Эслингенѣ, созванному (въ декабрѣ 1526 г.) по поводу турецкой бѣды. Если уже исходъ крестьянской войны далъ столькимъ католическимъ господамъ поводъ къ примѣрному наказанію лютеранскихъ проповѣдниковъ, то теперь послѣ шпейерскаго сейма церковная реакція приняла такіе размѣры, что она до извѣстной степени не отставала отъ одновременно съ ней примѣнявшихся мѣропріятій евангеликовъ; только католики тотчасъ же стали прибѣгать къ топору палача и къ костру. Георгъ саксонскій, довольствовавшійся изгнаніемъ изъ своихъ владѣній, несмотря на то, что лично онъ былъ раздраженъ полемикой своей съ Лютеромъ, оказался самымъ милостивымъ изъ всѣхъ; указъ, изданный королемъ Фердинандомъ въ августѣ 1527 г., во время его венгерскаго похода, налагалъ изгнаніе уже за несогласную съ преданіемъ критику ученія

о молитвахъ за умершихъ, а за болѣе тяжкіе проступки угрожалъ огнемъ, мечомъ и водою. Повидимому, однако, строгому исполненію этого кроваваго указа весьма сильно препятствовало то, что сочувствіе къ новому ученію все болѣе и болѣе распространялось среди австрійскаго дворянства; тогда какъ уже въ 1524 году былъ обезглавленъ одинъ вѣнскій бюргеръ, Каспаръ Тауберъ, за принадлежность къ евангеличеству, въ годы послѣ изданія этого указа мы слышимъ лишь объ анабаптистскихъ, но не лютеранскихъ мученикахъ. Въ Баваріи, напротивъ, это была прискорбная истина: въ 1527 г. въ Мюнхенѣ сожгли Карпентаріуса и въ Шердингѣ далеко прославившагося Леонгарда Кезера, который вернулся на родину изъ Виттенберга, чтобы навѣстить своего умирающаго отца. Казни умножались въ ужасающей степени; такъ въ Ландсбергѣ присуждено было къ смерти на кострѣ десять человѣкъ, въ Мюнхенѣ утопили двадцать девять человѣкъ; знаменитый баварскій историкъ и воспитатель принцевъ Авентинъ по подозрѣнію въ ереси тоже принужденъ былъ просидѣть нѣсколько времени въ тюрьмѣ. Въ Мерсбургѣ, на Боденскомъ озерѣ, умеръ на кострѣ (1527 г.) проповѣдникъ Іоганнъ Гейглинъ; въ Кёльнѣ городской совѣтъ и инквизиція продержали незаконно нѣсколько лѣтъ въ заключеніи магистра Адольфа Кларенбаха, прежде чѣмъ возвели его на костеръ въ сентябрѣ 1529 г. вмѣстѣ со студентомъ Петромъ Флистеденомъ, который плюнулъ въ соборѣ во время возношенія св. даровъ. Радость и непоколебимость, съ которыми шли на смерть эти жертвы фанатизма, напомнили первыя времена христіанства и его языческихъ гонителей; преданіе ихъ едино-вѣрцевъ попыталось сохранить ихъ послѣднія слова какъ драгоценное наслѣдіе и окружило, напр., кончину Кезера чудесами. Но духъ преслѣдованія началъ уже проникать даже въ высшіе слои общества; Іоахимъ, курфюрстъ бранденбургскій, назначилъ въ 1527 году своей склонной къ новой вѣрѣ супругѣ срокъ для обращенія въ католичество и взаправду обсуждалъ, слѣдуетъ ли ему казнить ее смертью, или подвергнуть ее пожизненному заключенію; такъ что измученная женщина въ мартѣ 1528 г. бѣжала отъ угрозъ и недостойнаго обращенія своего страстнаго супруга къ дядѣ своему, курфюрсту саксонскому.

Въ эти годы испытанія Лютеръ, переживавшій тогда вмѣстѣ съ внѣшней борьбой и разнаго рода «внутренніе ужасы» (стр. 16 и сл.), воспѣлъ свою самую великую пѣснь, пѣснь пѣсней реформации *). Она вся цѣликомъ основана на его твердой вѣрѣ во всемогущество слова и ничтожность всякой обороны земными средствами, и все же, что-то слышится въ ея мощныхъ строфахъ, какъ будто трубные громы, и какъ будто раз-

*) «Господь наша крѣпость» и прочее.

дается лязгъ мечей гёзовъ и гугенотовъ, шведовъ Густава Адольфа, круглоголовыхъ Кромвелля. Лютеръ создалъ эту боевую пѣснь протестантства въ убѣжденіи, что онъ видитъ знаменія близости страшнаго суда; въ 1527 г. онъ написалъ предисловіе къ новому изданію предсказаній Лихтенбергера (т. I, стр. 152), не преминувши разумѣется выразить свое пренебреженіе къ астрологiи, а года два спустя онъ въ своихъ толкованіяхъ на книгу пророка Даніила назвалъ возрастающее могущество Карла V и ясное сіяніе евангелія послѣднею вспышкою угасающей свѣчи. А въ письмѣ къ другу своему Амсдорфу 1 ноября 1527 года онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что при всемъ неистовствѣ сатаны слово Божіе «спасаетъ души, если сатана и поглощаетъ тѣла». Такъ въ день десятилѣтія «современи уничтоженія индульгенцій», пишетъ онъ, «мы выпили въ воспоминаніе этого въ настоящій часъ». Все, что онъ лично испыталъ въ жестокой борьбѣ съ «княземъ вѣка сего», онъ вложилъ тогда въ благородныя и побѣдой звучащія слова своей пѣсни; строфа: «И если бы міръ былъ полонъ діаволовъ» напоминаетъ намъ объ его вѣздѣ въ Вормсѣ, между тѣмъ какъ въ заключительныхъ стихахъ звучитъ мужество передъ смертью вышеупомянутыхъ мучениковъ за евангеличество: «Пусть они лишаютъ насъ жизни, достоянія, чести, дѣтей и жены, пусть ихъ лишаютъ, этимъ они ничего не достигнутъ въ свою пользу, царство все-таки останется намъ». Что Лютеръ, несмотря на это, вовсе не намѣревался спускать своимъ врагамъ безнаказанно ихъ «безчинства», указываетъ борьба, въ которую онъ вступилъ еще въ 1527 году противъ одного позорнаго правонарушенія курфюрста бранденбургскаго. Іоакимъ взялъ себѣ въ наложницы жену нѣкоего Вольфа Горнунга и не только съ крайней грубостью изгналъ опозореннаго супруга изъ своихъ владѣній, но и помѣшалъ насильственно соблазненной женщинѣ вернуться къ мужу. Этотъ порфиноносный поборникъ католической церкви не постыдился довершить свою подлость пошлыми шутками. Естественнo его только еще болѣе озлобляло, когда Лютеръ въ качествѣ защитника оскорбленныхъ настойчиво преслѣдовалъ его и увѣщевалъ не сердиться, «если я сгребу за тулью вашу курфюршескую шляпу, такъ что волосы полетятъ во всѣ стороны».

Въ маѣ 1527 года курфюрстъ Іоакимъ, взявши съ собою въ мужскомъ платьѣ свою наложницу, отправился въ Бреславль на свиданіе съ двумя другими вождями католической партіи, королемъ Фердинандомъ и герцогомъ Георгомъ. При этомъ дѣло шло главнымъ образомъ о ленахъ Бранденбурга и Саксоніи въ Чехіи, но тотчасъ же послѣ этого пошли къ евангеликамъ, въ особенности курфюрсту саксонскому и ландграфу гессенскому, предостереженія даже со стороны князей насчетъ враждебныхъ замысловъ, относительно которыхъ будто бы условились въ Бреславлѣ. И

вотъ на основаніи этого существовавшего уже подозрѣнія Оттонъ ф. Паккъ, завѣдующій канцеляріей герцога Георга, и составилъ свое измышленіе о большомъ наступательномъ союзѣ католиковъ; чтобы сдѣлать его правдоподобнымъ въ глазахъ возбужденнаго ландграфа, онъ въ качествѣ искуснаго поддѣлывателя документовъ сумѣлъ предъявить въ подтвержденіе этого не подлинный договоръ, который будто бы куда-то завалился, а яко-бы точную копію съ него. Ибо выставленное съ католической стороны утвержденіе, будто виновникомъ самаго замысла этой поддѣлки былъ Филиппъ, оказалось послѣ обстоятельныхъ изслѣдованій Г. Шварца совершенно неосновательнымъ. А упрекъ въ легковѣріи примѣнимъ не къ одному только ландграфу, а и къ столь осмотрительному въ прочихъ дѣлахъ курфюрсту Іоганну, который тотчасъ же (9 марта 1528 г.) заключилъ съ нимъ новый союзъ въ Веймарѣ, съ явною цѣлью упредить нападеніе противниковъ. Хладнокровное соображеніе должно было бы привести къ заключенію, что союзъ между королемъ Фердинандомъ, баварскими герцогами, курфюрстомъ Іоахимомъ, герцогомъ Георгомъ, архіепископами майнцскимъ и зальцбургскимъ, епископами вюрцбургскимъ и бамбергскимъ—вещь невозможная. Но проявленія католической реакціи, которыя именно въ это послѣднее время были въ порядкѣ вещей, въ связи съ упомянутыми предостереженіями, привели къ тому, что показалось вполне естественнымъ даже противоестественное, каковымъ былъ бы союзъ Фердинанда съ его смертельными врагами, Виттельсбахами; согласно этому поддѣльному договору сначала предстояло изгнать Запольшу изъ Венгріи, затѣмъ курфюрста Іоганна и ландграфа изъ ихъ владѣній, а Магдебургъ привести въ послушаніе. Дѣйствительно, этотъ мужественный городъ былъ объявленъ въ опалѣ съ осени 1527 года, и исполненіе опалы было возложено на курфюрста Іоахима и герцога Георга. Едва ли можно сомнѣваться, что ландграфъ охотно воспользовался случаемъ перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; онъ вовсе не принадлежалъ къ числу сторонниковъ пассивнаго сопротивленія, и, не говоря уже объ его религіозномъ рвеніи, онъ въ качествѣ имперскаго князя былъ преисполненъ также и отвращенія къ монархическимъ стремленіямъ Габсбурговъ, къ «наслѣдственной имперіи». Съ 1526 года его занимала мысль вернуть Ульриха вюртембергскаго въ его государство; гогентвильскій опальный нашелъ себѣ безопасное убѣжище при гессенскомъ дворѣ. Во всякомъ случаѣ сначала нужно было лишь перейти въ наступательное положеніе раньше противниковъ; «такимъ теперь воздухомъ вѣетъ», пишетъ Филиппъ, «что можно съ Божьей помощью кое-что совершить, что потомъ окажется, пожалуй, невозможнымъ». Свои проекты союза онъ задумывалъ въ весьма крупномъ размѣрѣ; не одни только евангелическіе имперскіе чины, но и Запольша,

Франція, Данія, Польша должны были быть привлечены къ союзу, и гессенскіе послы были отправлены и къ семиградскому воеводѣ и къ королю Франциску, который еще раньше подбивалъ ландграфа напасть на Фердинанда, предполагая, что ландграфъ добивается короны римскаго короля. Мы видимъ, что этотъ молодой князь не колеблясь бросается въ великое европейское замѣшательство, которое именно тогда, весною 1528 г., грозило принять весьма опасный, повидимому, оборотъ для императора (стр. 39 и сл.). Кромѣ ополченія изъ своихъ подданныхъ онъ собралъ наемное войско, численностью около четырехъ тысячъ конницы и четырнадцати тысячъ пѣшихъ ландскнехтовъ, которое однако же не перешло гессенской границы; до вторженія въ вюрцбургскія владѣнія, какъ это раньше всѣ принимали, на самомъ дѣлѣ вовсе не дошло.

Впервые воля князя встрѣтила въ области политики сопротивленіе элемента, вмѣшательство котораго въ рѣшеніе вопроса о войнѣ или мирѣ вызвано было новою неразрывною связью религіозныхъ и государственныхъ интересовъ и дало ясное доказательство того, что еще очень далеко до настоящаго отдѣленія духовнаго отъ мірскаго. Курфюрстъ Іоганнъ, заразившись на мигъ пыломъ своего юнаго союзника, снова быстро отрезвился, и съ той поры въ вопросѣ совѣсти—такъ онъ смотрѣлъ на суть всего дѣла—онъ слѣдовалъ попросту совѣту своихъ теологовъ. Сохранилось не менѣе восьми письменныхъ докладовъ Лютера и Меланхтона; Лютеръ сначала самымъ рѣшительнымъ образомъ отстаивалъ право самозащиты противъ такихъ «князей-губителей» и «поповъ-возмутителей», но онъ ставитъ условіемъ, чтобы до начала дѣйствій силою еще разъ вступили въ переговоры съ противниками. Но мало по малу, подъ вліяніемъ, повидимому, Меланхтона, совѣты теологовъ начинаютъ становиться все болѣе и болѣе мирными, проявляется все болѣе и болѣе уваженія къ противникамъ, и тщетно ландграфъ старается той порой опровергать доводы, которымъ безусловно подчинялся курфюрстъ. Ландграфу почти только и оставалось принудить сосѣднихъ духовныхъ князей, которымъ онъ могъ угрожать прежде всѣхъ, возмѣстить ему по взаимному соглашенію по крайней мѣрѣ издержки на вооруженіе. Майнцъ и Вюрцбургъ обѣщали по сорока тысячъ гульденовъ каждый, Бамбергъ двадцать тысячъ; кромѣ того, майнцскій архіепископъ отказался отъ своей юрисдикціи въ Саксоніи и Гессенѣ. Такъ, безъ обнаженія меча кончился этотъ походъ, служившій какъ бы прообразомъ для будущности нѣмецкаго протестантства во многихъ отношеніяхъ: пагубное соперничество между ландграфомъ и членами эрнестинскаго дома, союзъ съ иноземными противниками Габсбурговъ, сама собой напрашивавшаяся мысль покончить прежде всего съ ветхими духовными государствами, существующая уже на заднемъ планѣ

мысль о возстановленіи на престолѣ Ульриха вюртембергскаго—все это повторяется въ исторіи Шмалькальденскаго союза, основателемъ котораго былъ вѣдь собственно тоже ландграфъ Филиппъ. Сначала онъ, можетъ быть, и раскаялся въ своей опрометчивости, когда католическіе князья, обвиненные безо всякаго основанія, съ великимъ негодованіемъ потребовали доказательствъ столь тяжкаго обвиненія, а когда этихъ доказательствъ не оказалось, потребовали указація и казни обманщика. По буквѣ закона можно, конечно, защищать ландграфа, что онъ отказался выдать своего жалкаго свидѣтеля герцогу Георгу или подвергнуть его строгому допросу подъ пыткою; но, такъ какъ въ тѣ времена не имѣли обыкновенія особенно стѣсняться съ подобными личностями, эта слишкомъ далеко зашедшая снисходительность ландграфа къ несчастному Пакку могла лишь усилить въ имперіи дурное впечатлѣніе всего этого дѣла. Паккъ, удаленный отъ гессенскаго двора, только много лѣтъ спустя былъ арестованъ въ Нидерландахъ и по настояніямъ герцога Георга обезглавленъ въ 1537 году. Между прочимъ, оказалось, до какой степени крѣпко сидитъ еще въ головахъ нѣмецкихъ властей ужасъ передъ революціей; какъ и при всякомъ политическомъ возбужденіи этихъ годовъ, такъ и при предпріятіи ландграфа полагали, что знамена ландграфа должны были оказывать величайшую притягательную силу на давнишнихъ враговъ духовенства, на бѣдныхъ людей. Положимъ, онъ и самъ говоритъ въ одномъ наказѣ, что къ нему благоволятъ всѣ простые люди изъ дворянства и изъ простолюдыя.

Предостереженіе, которое получили католическіе, особенно духовные имперскіе чины вслѣдствіе дѣла Пакка, принесло свои плоды, когда послѣ двухъ тщетныхъ попытокъ созвать сеймъ было назначено собраніе сейма въ Шпейерѣ на 21 февраля 1529 года. Вышеупомянутое посольство къ императору, которое постановили послать въ Шпейерѣ въ 1526 году, не состоялось; Карлъ V, напротивъ, запретилъ сноситься съ нимъ подобнымъ образомъ для сообщенія желаній или постановленій имперскаго сейма и заявилъ (20 мая 1527 года), что допустима единственно только подача письменныхъ заявленій. Теперь въ Шпейерѣ получили новые образцы, съ какими самодержавными пріемами Карлъ намѣревался пользоваться въ имперіи своимъ положеніемъ императора, но явившіеся въ большомъ числѣ католическіе чины не смутились произвольнымъ образомъ дѣйствія императора, потому что онъ былъ направленъ противъ евангеликовъ. Казалось, что этимъ послѣднимъ придется покориться соединеннымъ силамъ твердой воли главы имперіи и большинства имперскаго сейма. Они сразу почувствовали, что имъ измѣнили и продали ихъ; относительно курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго остальные князья уже не

соблюдали даже обычныхъ правилъ вѣжливости. «In summa», пишетъ страсбургецъ Яковъ Штурмъ, «Христосъ снова въ рукахъ Каіафы и Пилата». Благожелательный нейтралитетъ пфальцскихъ князей, на который до сихъ поръ разсчитывали, прекратился; братъ курфюрста, пфальцграфъ Фридрихъ, позволилъ склонить себя при помощи пустыхъ обѣщаній,—главнымъ образомъ надеждою получить руку вдовствующей королевы венгерской,—забыть прежнюю неблагодарность Габебурговъ и разыграть вновь свою прежнюю роль ихъ вѣрнаго оруженосца. вмѣстѣ съ королемъ Фердинандомъ и пфальцграфомъ комиссарами императора оказались Вильгельмъ баварскій, Эрхъ брауншвейгскій, Бернгардъ, епископъ тріентскій, и Балтазаръ Меркель, посолъ и вице-канцлеръ императора, особымъ порядкомъ избранный во епископы (Postulierter) гильдесгеймскіе, констанцскій коадьюторъ, но называемый большею частью вальдкирхскимъ пробстомъ. И генеральный викарій констанцскій Іоганнъ Фаберъ, въ качествѣ придворнаго проповѣдника Фердинанда и испытаннаго «молота на еретиковъ», тоже принадлежалъ къ самымъ вліятельнымъ личностямъ; онъ былъ когда-то другомъ Эразма, Меланхтона, Цвингли, но давно уже забылъ свою прежнюю борьбу противъ возмутительной торговли индульгенціями, ибо въ своихъ проповѣдяхъ въ Шпейерѣ онъ заявилъ, что лютеране хуже турокъ, а ученіе церкви надежнѣе самой библіи. Итакъ предложеніе 15 марта составлено было въ самой рѣзкой формѣ противъ церковныхъ новшествъ послѣднихъ годовъ. Императоръ запрещалъ подъ угрозой опалы впредь до предстоящаго собора всякія мѣры насилія противъ духовныхъ и свѣтскихъ властей, а также всякое совращеніе въ неправую вѣру, въ силу своего императорскаго полновластія отмѣнялъ пресловутую статью предшествовавшаго шпейерскаго сейма, такъ какъ-де она была произвольно истолкована, и вслѣдствіе этого произошло «великое безчинство и недоумѣніе», и повелѣвалъ чинамъ внести вмѣсто нея вышеприведенныя постановленія въ видѣ постановленія новаго сейма. Онъ говорилъ языкомъ самодержавнаго властелина, и нѣмецкіе чины Священной римской имперіи, навязавшіе когда-то этому самому главѣ имперіи свое соучастіе въ правленіи, оказались бы въ унижительномъ положеніи просто орудія для занесенія актовъ воли императора, если бы они повиновались безъ дальнихъ разсужденій. И вотъ избрана была конечно комиссія для обсужденія этого предложенія, но въ числѣ восемнадцати членовъ ея оказалось десять рьяныхъ католиковъ, пять, которыхъ во всякомъ случаѣ можно еще было склонить къ компромиссу, и только трое евангеликовъ: курфюрстъ Іоганнъ и оба представителя городовъ. Но какъ могли эти немногіе голоса провести свое мнѣніе, тѣмъ болѣе, что курфюрстъ совсѣмъ не обладалъ свойствами господствующей личности? Противная партія рас-

полагала, напротивъ, такими задорными и проворными на языкъ вожаками, какъ Матѳей, кардиналъ зальцбургскій, Леонгардъ фонъ Эккъ, Іоаннъ Фаберъ, тогда какъ отъ сторонниковъ компромисса въ родѣ, напр., курфюрста пфальцскаго, который «знать больше не хотѣлъ саксонцевъ», нечего было ожидать многого. Однако, дѣло не дошло до простого принятія императорскаго повелѣнія, а мнѣнія большинства комиссіи, которая смягчила предложеніе главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что рѣшено было не настаивать до собора на полной отмѣнѣ новшествъ, несмотря на это, евангелики не могли принять, если они не желали снова почти что вовсе пожертвовать своею только что приобрѣтенною независимостью въ церковныхъ дѣлахъ. Ибо, не говоря уже о безусловномъ воспрещеніи всѣхъ анабаптистскихъ и цвингліанскихъ ученій, католическая месса должна была быть терпимой и въ евангелическихъ областяхъ, а всякое вмѣшательство кого либо изъ имперскихъ чиновъ въ права, достоинствѣ и доходы другого тотчасъ же влекло за собою опалу. Здѣсь такимъ образомъ можно было возстановить юрисдикцію епископовъ и на отчужденныхъ у нихъ территоріяхъ; между тѣмъ какъ отъ евангеликовъ требовали терпимости католическаго богослуженія, статьи о соотвѣтствующей терпимости евангелической проповѣди съ католической стороны совсѣмъ не существовало. Напротивъ, чины должны были соблюдать и впредь Вормскій эдиктъ, если они соблюдали его до сихъ поръ, а евангелики—избѣгать со своей стороны всякихъ дальнѣйшихъ новшествъ. Это были постановленія, исполненіе которыхъ связало бы евангеликовъ по рукамъ и по ногамъ и, наоборотъ, дало бы полный просторъ для свободнаго наступленія католической реакціи.

Однако едва не дошло до того, что глубокорелигіозный, но умственно несамостоятельный курфюрстъ саксонскій чуть было не поддался искусной уловкѣ противниковъ, когда тѣ попытались воспользоваться несчастнымъ догматическимъ расколомъ среди евангеликовъ, о которомъ вскорѣ будетъ сказано подробнѣе, для того, чтобы отдѣлить строго-лютеранскіе элементы отъ болѣе склонныхъ къ цвингліанству южно-германскихъ городовъ. Меланхтонъ, сопровождавшій курфюрста и полагавшій, что теперь какъ разъ подходящее время для того, чтобы посвятить королю Фердинанду свое толкованіе на книгу пророка Даніила, считалъ, что выгоднѣе всего было бы теперь немедленно отречься отъ страсбуржцевъ. Но ландграфъ Филиппъ, уже тогда вполне поглощенный мыслью устроить единеніе между Лютеромъ и Цвингли, сплотилъ евангеликовъ въ виду грозившей имъ великой опасности. Все его поведеніе дышало увѣренностью и смѣлостью; онъ въѣхалъ въ Шпейеръ въ сопровожденіи двухъ сотъ латниковъ подъ звуки трубъ. Какъ и три года тому назадъ, и онъ и кур-

фюрст саксонскій раздражали католиковъ тѣмъ, что ѣли мясо въ постные дни, и что на проповѣди ихъ теологовъ стекалось необычайное множество народа. Но рѣшающую важность имѣло то, что Филиппъ никогда не упускалъ изъ виду своего прежняго проекта союза съ единовѣрными городами, и, несмотря на недовѣріе городовъ къ князьямъ и другъ къ другу, онъ предложилъ на съѣздѣ во Франкфуртѣ (апрѣль 1527 г.) представителямъ Нюрнберга, Аугсбурга, Страсбурга и Ульма проектъ договора, который одинъ изъ новѣйшихъ историковъ прямо называетъ «первымъ документомъ Шмалькальденскаго союза». Тогда не пришли еще ни къ какому заключенію, но въ 1528 г. мы находимъ однако нюрнбергскія войска и артиллерію уже въ лагерѣ ландграфа, а лѣтомъ того же года на съѣздѣ въ Эслингенѣ города, принадлежавшіе къ Швабскому союзу, совѣщались о необходимости сплотиться тѣснѣе, послѣ того какъ ихъ представитель, бургомистръ Меммингена, былъ устраненъ отъ участія въ совѣщаніяхъ союза въ Ульмѣ за евангелическія стремленія его города. Затѣмъ на сеймѣ въ Шпейерѣ страсбуржецъ Яковъ Штурмъ и нюрнбержецъ Теццель непоколебимо отстаивали постановленіе сейма 1526 года. Городской совѣтъ Нюрнберга еще въ мартѣ поручилъ своимъ теологамъ и юристамъ выработать докладную записку, въ которой онъ прямо высказывался за протестъ евангелическихъ чиновъ противъ всякаго недопустимаго по религіознымъ соображеніямъ постановленія большинства въ сеймѣ; евангеличество и папа,—полагали юристы,—это два противника, между которыми никакой компромиссъ невозможенъ. Можно было предвидѣть, что противная партія въ сознаніи своего подавляющаго большинства не пойдетъ уже дальше вышеупомянутаго смягченія императорскаго предложенія, «ибо насъ осиливаютъ духовные и тѣ, кто приверженъ къ нимъ», пишетъ одинъ страсбуржецъ. Кромѣ того, 12 апрѣля католикамъ удалось-таки разстроить единеніе городовъ, до тѣхъ поръ сохранявшееся, несмотря на религіозную рознь; затѣмъ въ тотъ же день евангелическіе князья представили подробное объясненіе, почему они не могутъ согласиться на этотъ проектъ сеймовой комиссіи. Когда императорскіе комиссары, не обращая никакого вниманія на эту жалобную грамоту, признали 19 апрѣля заключеніе большинства законнымъ постановленіемъ сейма и затѣмъ во время отдѣльнаго совѣщанія евангелическихъ князей удалились, эти послѣдніе предъявили остававшимся еще чинамъ уже заранѣе составленный сообща протестъ. Число этихъ князей было невелико: кромѣ курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго, участвовали еще маркграфъ Георгъ, Вольфгангъ, князь ангальтскій, и одинъ уполномоченный герцоговъ брауншвейгъ-люнебургскихъ Эрнста и Франца. Послѣ нихъ протестовали города, поскольку между ними нашлось еще

готовыхъ слѣдовать за князьями по этому столь опасному пути; такихъ хотя и далеко не равныхъ по значенію городскихъ общинъ оказалось четырнадцать, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ подписи всѣхъ протестовавшихъ подъ апелляціей: Страсбургъ, Нюрнбергъ, Ульмъ, Констанцъ, Линдау, Меммингенъ, Кемптенъ, Нёрдлингенъ, Гейльбронъ, Рэйтлингенъ, Исни, Сентъ-Галленъ, Вейсенбургъ и Виндсгеймъ. Первоначальный протестъ былъ снабженъ 20 апрѣля весьма пространными доказательствами. Юридически евангелики основывались на положеніи, что постановленіе сейма, утвержденное единогласнымъ рѣшеніемъ, только и можетъ быть снова измѣнено единогласнымъ же рѣшеніемъ, а не простымъ большинствомъ голосовъ. Но рѣшающее значеніе имѣла въ сущности все-таки ссылка на требованіе совѣсти; это-де вопросы, касающіеся чести Божіей и душевнаго спасенія каждаго отдѣльнаго человѣка, «въ нихъ мы должны и обязаны по Божіему повелѣнію и по совѣсти признавать прежде всего Господа Бога нашего царемъ царствующихъ и господомъ господствующихъ». Въ прочемъ отвергается какъ замыселъ католиковъ ввести терпимость только для своихъ сторонниковъ, а не обоюдно, такъ и мѣропріятія сейма противъ неправильнаго ученія о таинствѣ евхаристіи. Протестанты желаютъ оставаться при постановленіи 1526 года впредь до вселенскаго христіанскаго или національнаго собора.

Тщетно потомъ Генрихъ брауншвейгскій и Филиппъ баденскій пытались устроить компромиссъ на основаніи обоюдной терпимости; евангелическіе чины готовы были и теперь еще протянуть руку примиренія, но католики и не думали хотъ сколько-нибудь уступить еще. Такъ и осталось при этомъ раздѣленіи, при отдѣленіи протестантской Германіи отъ католической, котораго нельзя уже было поправить никакимъ соборомъ. Какъ Лютеръ въ Вормсѣ по требованію совѣсти отпалъ отъ вселенской церкви, такъ теперь евангелическое государство, угрожаемое въ своемъ только что начинавшемся существованіи, прибѣгло къ исконному средству защиты противъ невыносимаго принужденія и гнета мертвящей буквы закона. Широкообъемлющее положеніе, что Богу должно повиноваться болѣе, нежели человѣкамъ, было основной темой, которая постоянно повторяется и въ самомъ протестѣ, и въ прочихъ заявленіяхъ протестующихъ. «Если мы боимся опалы императора, то тѣмъ паче должны мы бояться гнѣва Божія», заявляютъ нюрнбергскіе теологи, а потому «дерзнемъ радостно въ надеждѣ на Его святое слово, хотя бы надъ нами разразились всѣ гоненія, какія только могутъ придумать враги Его божественнаго слова». Богъ сильнѣе міра,—пишетъ меммингенскій бургомистръ,—выберемъ же Его нашимъ верховнымъ вождемъ. Жалкое впечатлѣніе получается, когда мы въ противоположность съ этой величественной рѣши-

мостью прислушиваемся къ нытью Меланхтона объ опасности протеста; отъ ужаса онъ чувствовалъ себя совсѣмъ разслабленнымъ, полумертвымъ. Лютеръ былъ рѣшительнымъ противникомъ союза евангеликовъ, но не изъ страха, естественно, а вслѣдствіе глубокаго недовѣрія къ ландграфу и къ цвингліанскимъ городамъ; онъ думалъ, что со стороны папистовъ нечего опасаться. Но уже 22 апрѣля въ Шпейерѣ былъ заключенъ «тайный договоръ» между курфюрстомъ саксонскимъ, ландграфомъ гессенскимъ, Страсбургомъ, Ульмомъ и Нюрнбергомъ; они намѣрены были сообща защищаться отъ всякаго нападенія изъ-за слова Божія, будетъ ли оно исходить отъ Швабскаго союза, камеральнаго суда, или имперскаго правленія. Мысли ландграфа уносились уже далеко за предѣлы этого тѣснаго круга союзниковъ, онъ надѣялся еще преодолѣть всѣ богословскіе раздоры и возвысить евангеличество на степень великой державы.

А тѣмъ временемъ юное созданіе габсбургской политики снова подверглось испытанію вслѣдствіе давно уже съ ужасомъ жданнаго нашествія турокъ. Въ то самое время, когда султанъ наступалъ на Венгрію, среди курфюрстовъ происходили интриги баварскихъ Виттельсбаховъ, чтобы перенести на герцога Вильгельма корону римскаго короля, къ которой стремился Фердинандъ; Виттельсбахи поддерживали сношенія съ венгерскимъ анти-королемъ Запольей, и герцогъ Людвигъ рассчитывалъ получить руку одной польской принцессы. Стоитъ отмѣтить въ качествѣ признака все еще происходившаго въ Германіи броженія, что въ то время въ кругахъ южно-германскихъ анабаптистовъ снова оживо старое представленіе о султанѣ турецкомъ какъ о «мессіи» бѣдныхъ и угнетенныхъ людей, какъ о призванномъ мстителѣ ихъ развращеннымъ властямъ. Судьба міра, казалось, зависѣла отъ успѣховъ оружія Сулеймана.

Заполья, имѣвшій при Портѣ искуснаго дипломата, польскаго дворянина Іеронима Ласкаго, могъ уже впередъ рассчитывать на успѣхъ, но несмотря на всѣ его хлопоты, чтобы его признали королемъ-союзникомъ, а не вассаломъ-данникомъ Сулеймана, турецкое высокомеріе не отказывалось отъ представленія, что Венгрія принадлежитъ султану по праву завоеванія, хотя онъ и не предпринималъ ничего для подтвержденія этого. Попытки Фердинанда предъявить въ Портѣ свои права остались столь же безплодными, какъ и посольство императора къ персидскому шаху, отиравленное съ порученіемъ предложить ему совмѣстное нападеніе на державу османовъ. Съ другой стороны, Францискъ I не прекращалъ своихъ сношеній съ Портою и въ 1528 году заключилъ договоръ съ Запольею, который обѣщалъ при случаѣ оставить по на-

слѣдству венгерскій престолъ его сыну Генриху Орлеанскому. Венеціанцы прямо служили агентами на турецкой службѣ, своевременно извѣщая правительство Сулеймана о всѣхъ превратностяхъ итальянской войны; землякъ ихъ, ренегатъ Гритти, былъ весьма вліятельнымъ приближеннымъ великаго визиря. Изумительно, съ какимъ пренебреженіемъ говорятъ турки о своихъ христіанскихъ друзьяхъ и врагахъ, и съ какой наивностью Сулейманъ, «тѣнь Бога надъ обоими мірами», какъ онъ самъ называетъ себя, заявляетъ притязанія на полное право владычествовать надъ всѣмъ міромъ. Въ сущности же это только по восточному ярко окрашенное повтореніе той же самой теократической идеи мірового владычества, которая лежитъ въ основаніи и средневѣковой имперіи и стремленій послѣдняго ея отпрыска Карла V.

И вотъ весною 1529 года «истинный императоръ» двинулся изъ Стамбула, чтобы черезъ почти беззащитную Венгрію проникнуть въ самое сердце габсбургской державы. На полѣ битвы при Могачѣ Заполя принесть ему присягу, послѣ слабой защиты Офенъ сдался великому визирю Ибрагиму. 21 сентября подъ Вѣной показался пресловутый авангардъ турецкой арміи, «наѣзники и поджигатели», и вскорѣ весь городъ окруженъ былъ сотнями тысячъ воиновъ султана; а между тѣмъ Вѣна, по сообщенію австрійскихъ военачальниковъ, представлявшая и безъ того «широко-раскинувшуюся, слабоукрѣпленную, необстроенную деревню», была не снабжена въ достаточномъ количествѣ провіантомъ, и гарнизонъ ея насчитывалъ всего около двадцати тысячъ человѣкъ. Защитою руководили пфальцграфъ Филиппъ, братъ курфюрста, графъ Николай фонъ Зальмъ и другіе испытанные военачальники, геройство которыхъ вполнѣ справедливо вызываетъ съ той поры изумленіе. Ибо и въ самомъ дѣлѣ имъ пришлось имѣть дѣло не только съ огромнымъ превосходствомъ въ численности, но и съ отборными войсками османской державы. Это были тѣ спаги и янычары, которые набирались изъ христіанскихъ мальчиковъ и воспитывались въ строгой полу-монашеской дисциплинѣ для того, чтобы стать бойцами за вѣру мусульманскую; янычары были непобѣдимой пѣхотой, недаромъ изумлявшей своей желѣзной дисциплиной современниковъ вѣчно пьянствующихъ и бунтующихъ ландскнехтовъ; въ качествѣ главнаго оружія они пользовались аркебузами, а въ качествѣ украшенія носили султанъ на своихъ высокихъ бѣлыхъ войлочныхъ шляпахъ. Цѣлый рядъ счастливо отбитыхъ приступовъ показалъ имъ, однако, какая сила таится въ этихъ презрѣнныхъ «поганныхъ невѣрныхъ»; имъ стало не до смѣху, когда они увидѣли, съ какой легкостью двигается одинъ плѣнникъ въ своемъ панцырномъ вооруженіи, которое они сначала осмѣивали. Осажденные дѣйствительно превосходили своей артиллеріей; они умѣли также искусно вести

контръ-мины противъ турецкихъ подкоповъ. А потомъ осенью туркамъ сталъ мало по малу давать себя чувствовать суровый климатъ сѣвера; такъ какъ Германія, по словамъ одного турецкаго историка, «есть столица шаха зимы и родина мороза и холода», то «смутилась душа бойцовъ ислама». Щедро наградивши своихъ военачальниковъ и янычаръ, которые привѣтствовали его какъ побѣдителя, Сулейманъ 15 октября снялъ осаду и началъ отступать. Ни нелѣпое пустословіе турецкаго хвастовства, ни ужасы, совершенные отступающей арміей, не могли скрыть отъ свѣта пораженіе, которое впервые потерпѣлъ привыкшій къ побѣдамъ властелинъ.

Безспорно на ряду съ достославной защитой австрійской столицы на султана подѣйствовало отрезвляющимъ образомъ и усилившееся стремленіе къ миру въ христіанской Европѣ; предпріятіе султана было для соперничающихъ европейскихъ державъ такимъ увѣщаніемъ къ миру, котораго нельзя было пропускать мимо ушей. Имперія принимала лишь незначительное участіе въ защитѣ Вѣны; полководецъ ея, пфальцграфъ Фридрихъ, явился слишкомъ поздно и не могъ уже проникнуть въ осажденный городъ. Настроеніе въ Германіи, въ виду столь непосредственно близкой опасности, однако, измѣнилось. Самъ Лютеръ, не безъ причины питавшій прежде, на ряду съ очень многими другими, недовѣріе къ церковнымъ проектамъ крестоваго похода, отстаивалъ въ своемъ сочиненіи, выпущенномъ въ 1529 году, безусловную обязанность христіанина итти по призыву императора противъ турецкихъ разбойниковъ и нарушителей мирной жизни; знамя императора не простой кусокъ шелковой матеріи, а на немъ написана заповѣдь Божія: охрана благочестивымъ и казнь нечестивымъ. Во множествѣ жалобныхъ, увѣщательныхъ и, наконецъ, ликующихъ пѣсенъ отражается участіе, съ которымъ народъ слѣдилъ тогда за страшной опасностью и неожиданнымъ спасеніемъ своей юго-восточной марки отъ «собакъ-турокъ»; вспоминались предсказанія объ императорѣ Карлѣ, который долженъ одолѣть невѣрныхъ и черезъ море прибыть въ Іерусалимъ. И протестующіе чины не уклонились отъ оказанія помощи, хотя и отказали въ своемъ согласіи; Іоганнъ Фридрихъ саксонскій долженъ былъ лично стать во главѣ отряда, собраннаго его отцомъ.

Лютеръ нарочно посвятилъ вышеупомянутое сочиненіе ландграфу, котораго онъ не переставалъ отговаривать отъ непокорности князей императору, отъ «мятежа князей» и напоминать о сродствѣ его съ крестьянской революціей. Виттенбергцы напали на вѣрный слѣдъ, чуя что-то жуткое, революціонное въ дѣятельности этого молодого князя. Его высокочаносившіеся замыслы были существенно отличны отъ добродушной лойяльности Лютера и узкаго взгляда доктринера Меланхтона, ибо цѣлью ихъ было ни

болѣе ни менѣе преобразование имперіи и Европы. Конечно, больно отзывается на нашемъ теперешнемъ чувствѣ національности, когда мы видимъ, что самый даровитый изъ протестантскихъ князей того времени идетъ по пути, который слѣдуетъ назвать враждебнымъ имперіи, когда мы слышимъ, что онъ выражаетъ сожалѣніе объ отступленіи турокъ отъ Вѣны и надежду, что турки предпримутъ новый набѣгъ. Но развѣ хоть сколько-нибудь національно было, напр., правительство Карла V или система религіознаго преслѣдованія католическихъ имперскихъ чиновъ? Не были ли они, напротивъ, антинаціональны, развѣ не шли они прямо въ разрѣзъ съ новымъ духомъ, царившимъ въ огромныхъ массахъ народа? Еще въ продолженіе двухъ столѣтій влачилъ свое безславное существованіе этотъ чудовищный анахронизмъ, именуемый Священной римской имперіей нѣмецкой націи, чтобы болѣе чѣмъ достаточно доказать, насколько имперія уже не въ состояніи была собственными силами возродиться или хотъ бы только ускорить теченіе своей предсмертной борьбы. При такихъ обстоятельствахъ мысли о переворотѣ совсѣмъ не преступны, и несомнѣнно, что, если бы осуществилось соединеніе нѣмецкой и швейцарской реформаціи, къ которому стремился Филиппъ, эта «единая воля» отъ моря до Альповъ, это послужило бы лишь къ усиленію нѣмецкой народности. Но этой величайшей политической идеѣ, которую породила реформація, не суждено было созрѣть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ульрихъ Цвингли и ландграфъ Филиппъ.

Въ исторіи великихъ движеній не только совершеніе дѣла, но рядомъ съ нимъ и желаніе совершить его должны занять свое мѣсто; мы набросали бы самую невѣрную картину эпохи броженія, если бы мы ограничились только выдвиганіемъ того, что устояло въ концѣ концовъ среди толкотни и давки въ жестокой борьбѣ за существованіе. Къ числу самыхъ привлекательныхъ эпизодовъ эпохи реформаціи несомнѣнно принадлежитъ товарищескій союзъ республиканскаго героя Цвингли съ тѣмъ единственнымъ изъ протестантскихъ имперскихъ князей, который своимъ взглядомъ проникалъ то здѣсь, то тамъ сквозь стѣснительный сумракъ старыхъ и новыхъ предразсудковъ.

Бокъ о бокъ съ реформаціей въ Германіи, подъ ея мощнымъ вліяніемъ, но при полномъ сохраненіи своей самобытности совершилось освобожденіе отъ владычества католической церкви нѣсколькихъ швейцарскихъ кантоновъ. Образъ великаго передового бойца за это освобожденіе Швей-

царю долгое время терялъ отъ того, что его постоянно сопоставляли всякій разъ то съ Лютеромъ, то съ Кальвиномъ вмѣсто того, чтобы оцѣнить эту независимую личность по ея собственному достоинству. Оцѣнивая по достоинству крайне противоположные личные характеры виттенбергскаго и цюрихскаго реформаторовъ, нельзя, конечно, упускать изъ виду различія въ ходѣ ихъ развитія; кромѣ того, мы, новѣйшіе писатели, избавлены отъ опасности произнести подъ впечатлѣніемъ непосредственнаго успѣха односторонній приговоръ, который выпалъ бы далеко не въ пользу швейцарскаго реформатора, ибо, какъ говоритъ Штээлинъ, «изъ маленькой общины въ Цюрихѣ, которую реформировалъ Цвингли, создалась совокупность общинъ, охватывающая своими развѣтвленіями обширныя земли, даже цѣлыя части свѣта».

Мы видимъ, что уравновѣшенный и обеспеченный отъ всякихъ глубокихъ волненій страсти характеръ Ульриха Цвингли созрѣвалъ подъ вліяніемъ счастливаго дѣтства и юности. Цвингли родился 1-го января 1484 года въ альпійскомъ селѣ Вильдгаузѣ, въ тоггенбургскомъ округѣ; онъ, слѣдовательно, оказывается сыномъ крестьянина, какъ и Лютеръ, только въ болѣе прямомъ смыслѣ, потому что отецъ послѣдняго уже превратился въ мелкаго бюргера. Семейство Цвингли при всей скромности своего положенія пользовалось нѣкоторымъ уваженіемъ: отецъ былъ амманомъ (старостой) въ своей волости; одинъ изъ дядей былъ деканомъ; еще два родственника были аббатами сосѣднихъ монастырей. Ульрихъ, котораго рѣшили опредѣлить въ духовное званіе, вполнѣ отдался своимъ занятіямъ, не имѣя нужды подвергаться горькимъ опытамъ бѣднаго школьника; величіе античной культуры дѣйствовало во всей полнотѣ своей силы на даровитаго юношу, который слушалъ лекціи въ Вѣнскомъ университетѣ при Цельтисѣ, во время расцвѣта въ немъ гуманизма, и самъ потомъ выступилъ въ качествѣ преподавателя латинскаго языка въ Базелѣ. Не тонкостями схоластической теологіи, — съ нею онъ только поневолѣ старался познакомиться «въ качествѣ соглядатая неприятельскаго стана», — а Гомеромъ, Пиндаромъ, Платономъ питался этотъ жизнерадостный, возвышенный умъ, не испытывая въ себѣ и намека на ту душевную муку, которая тогда загнала въ монастырь его сверстника, впавшаго въ уныніе виттенбергскаго студента. Цвингли, для котораго классики остались спутниками на всю жизнь, даже и въ позднѣйшіе годы выражалъ надежду, что наиболѣе благородные изъ язычников сдѣлаются причастными вѣчному блаженству. Итакъ, сначала его склонность къ гуманизму завоевала ему мѣсто среди лучшихъ представителей швейцарскаго союза; одинъ черезчуръ восторженный почитатель провозглашаетъ его мастеромъ на лирѣ Аполлона и безспорнымъ Цицеро-

номъ новѣйшихъ временъ. Да и сдѣлавшись въ 1506 г. священникомъ въ Гларусъ, онъ только мало по малу началъ теологическіе интересы ставить на первый планъ. Вмѣстѣ съ возбужденіемъ къ изученію библіи и отцовъ церкви, которое онъ получилъ еще въ Базелѣ, благодаря Томасу Виттенбаху, уроженцу Били, въ особенности сильное вліяніе на этого клирика-полугуманиста оказала эразмовская теологія; не только предпочтеніе Іеронима и Оригена и пренебреженіе въ Августину, котораго Лютеръ ставилъ выше всѣхъ отцовъ церкви, но даже и происхожденіе позднѣйшаго ученія Цвингли о таинствѣ евхаристіи слѣдуетъ, на основаніи его собственнаго свидѣтельства, возводить къ сочиненіямъ Эразма, съ которымъ восторженный почитатель не преминулъ завязать письменное знакомство. Прежде придавали, пожалуй, слишкомъ ужъ большое значеніе вліянію на Цвингли Пико делла Мирандола, мистика на платоновской основѣ, но все же и Цвингли не вполне свободенъ отъ элементовъ мистицизма, что проявляется у него даже въ нѣкоторомъ интересѣ къ символикѣ чиселъ, хотя у него мистицизмъ далеко не пріобрѣтаетъ такого значенія, какъ у Лютера. При поверхностномъ обзорѣ Цвингли можно принять, пожалуй, за единомышленника Эразма, хотя, разумѣется, онъ нисколько не причастенъ тѣмъ чертамъ скептицизма и космополитическаго равнодушія, которыя свойственны его учителю. Ибо онъ отъ юности былъ всей душой преданъ интересамъ швейцарскаго союза, а въ Гларусѣ онъ окончательно вовлеченъ былъ въ бурную агитацію, вызванную тогдашнимъ нездоровымъ положеніемъ Швейцаріи въ роли великой державы, на которое Цвингли и другіе патріоты смотрѣли какъ на раковую опухоль своего народа. Во время различныхъ походовъ въ Италію, въ которыхъ онъ принималъ личное участіе въ качествѣ полковаго священника, Цвингли имѣлъ возможность изучить и воинскую силу своихъ соотечественниковъ, и развращающее вліяніе иностранной дипломатіи и чужеземнаго золота. Этотъ священникъ изъ Гларуса, извѣстный своими зажигательно-дѣйствовавшими на народъ рѣчами, былъ бѣльмомъ на глазу мѣстной французской партіи, потому что открыто боролся противъ чудовищной нелѣпости службы за деньги въ иностранныхъ войскахъ, противъ полученія кантонами постоянныхъ пенсій за разрѣшеніе вербовки, противъ этой бойкой торговли кровью швейцарскихъ наемниковъ; въ 1516 году онъ вынужденъ былъ удалиться и принять мѣсто священника—онъ принадлежалъ къ бѣлому духовенству—въ Эйзидельнѣ, знаменитомъ мѣстѣ паломничества. «Евангеліе Іисуса Христа», говорилъ онъ впоследствии, «я началъ проповѣдывать въ 1516 году, когда еще ни одинъ человѣкъ въ нашей мѣстности не слыхалъ даже и имени Лютера». Къ слѣдующему году относится тотъ собственноручный списокъ греческаго текста посланій ап. Павла, который, вмѣстѣ съ нѣко-

торыми книгами изъ библіотеки Цвингли, даетъ намъ возможность бросить взглядъ на умственную дѣятельность вырабатывающагося реформатора, благодаря его замѣткамъ на поляхъ этихъ книгъ. Старательно, шагъ за шагомъ, безъ опрометчивости онъ достигаетъ все болѣе и болѣе возрастающей независимости отъ толкователей текста священнаго писанія; однако, по его внѣшнимъ проявленіямъ, нельзя было почти вовсе подмѣтити рѣшительнаго противодѣйствія господствующей церкви, и еще въ 1518 году онъ выхлопоталъ себѣ званіе и пенсію придворнаго капеллана папы, и пенсію эту онъ получалъ до 1520 года; да и въ нравственномъ отношеніи онъ не разъ подавалъ поводъ къ соблазну, подобно многимъ другимъ собратіямъ своимъ по духовному званію. Эта «отсталость дѣланія отъ познанія», по выраженію Штээлина, замѣтна у него еще и тогда, когда его призывали въ Цюрихъ; въ то время, какъ Лютеръ наполняетъ уже весь міръ слухомъ о своей смѣлости, въ то время, какъ на сеймѣ въ Вормсѣ наступаетъ рѣшительный моментъ, мы видимъ, какъ «первый среди всѣхъ швейцарцевъ» трудится со свойственнымъ ему спокойствіемъ надъ медленнымъ, но кореннымъ преобразованіемъ государства и церкви и при этомъ постоянно снова и снова приглашаетъ къ содѣйствію своего начальника, епископа констанцскаго.

Въ томъ-то и сказывается тотчасъ же глубокая разница между реформаціей Лютера и реформаціей Цвингли, что этотъ послѣдній съ самаго начала ставитъ себѣ напередъ точно опредѣленную практическую задачу, и при началѣ своей дѣятельности въ главномъ цюрихскомъ соборѣ (съ января 1519 г.) онъ прежде всего открываетъ походъ противъ нравственной и политической испорченности этого «швейцарскаго Коринѳа». Ему благопріятствовало при этомъ враждебное Франціи направленіе правительства кантона и его традиціонное стремленіе распространить возможно шире свою верховную власть надъ церковью. Такъ и совѣтъ, и союзный сеймъ, и епископъ констанцскій дѣйствовали заодно для того, чтобы поскорѣе устранить безобразную торговлю индульгенціями, которую въ 1519 году итальянецъ Самсонъ хотѣлъ было ввести и въ Цюрихъ, и курія не воспротивилась этому. Мы видѣли (стр. 4), какъ Цюрихъ въ 1521 году занялъ особое положеніе въ вопросѣ о союзѣ съ Франціей, благодаря чему вліяніе Цвингли существенно упрочилось. Положимъ, несмотря на его отговариванія, кардиналу Шиннеру удалось на вербовать людей для папскихъ войскъ, но проповѣдникъ-патріотъ въ концѣ концовъ со слѣдующаго года сталъ превращаться въ церковнаго реформатора, нападаая на заповѣди о соблюденіи постовъ, о почитаніи святыхъ и на монастырскую жизнь. Какъ разъ въ это время въ Бернѣ давались представленія антипапистскихъ святочныхъ пьесъ Мануэля (т. I, стр. 361 и сл.). Между тѣмъ

какъ въ Саксоніи первыя буйныя пошты введенія новыхъ порядковъ въ церкви встрѣтили сопротивленіе со стороны правительства и самого Лютера, въ Цюрихѣ само начальство, привыкшее къ вмѣшательству въ вопросы подобнаго рода, устраивало религіозныя собесѣдованія, на которыхъ должна была рѣшиться борьба между старымъ и новымъ направленіемъ. На первое изъ этихъ собесѣдованій, которое состоялось 29-го января 1523 года подъ предсѣдательствомъ бургомистра, епископъ констанцскій прислалъ еще въ качествѣ своего представителя генеральнаго викарія Фабера (стр. 86), но его заявленіе, что собраніе это не имѣетъ права постановлять рѣшенія по такимъ вопросамъ, не имѣло успѣха. Цвингли сидѣлъ одинъ за отдѣльнымъ столомъ посрединѣ; передъ нимъ лежали еврейскій, греческій и латинскій тексты библіи, въ его «тезисахъ» содержалась въ крупныхъ чертахъ почти совсѣмъ законченная программа реформаціи, и онъ могъ со спокойнымъ сердцемъ кликнуть своимъ противникамъ: «Итакъ съ Божьей помощью начнемъ, я готовъ». Первые шаги въ Цюрихѣ были несравненно легче, чѣмъ въ Виттенбергѣ; непосредственно за ними, особенно послѣ второго собесѣдованія въ октябрѣ 1523 года, послѣдовало медленное, но неуклонное приведеніе реформъ въ исполненіе подъ постояннымъ руководствомъ властей. Насколько болѣе уважительно курія относилась къ Швейцаріи, чѣмъ къ Германіи, весьма ясно свидѣтельствуется тотъ фактъ, что, несмотря на рѣзкую оппозицію зараженному ересью Цюриху остальныхъ кантоновъ, Римъ наказалъ эту маленькую республику только тѣмъ, что не уплатилъ ей денегъ, которыя былъ долженъ, но ни противъ Цюриха, ни противъ самого Цвингли не прибѣгъ къ церковному отлученію. Этому обратившемуся въ евангеличество кантону было гораздо труднѣе справиться съ радикалами, чѣмъ съ папистами; для тѣхъ Цвингли все еще былъ «стриженое чудовище», такъ какъ онъ отказывался признавать ихъ яко-бы вдохновенное свыше толкованіе Библіи. Мы вернемся еще къ этой борьбѣ цюрихской реформаціи при связномъ изложеніи ученія и судьбы такъ называемыхъ анабаптистовъ. Какъ все развитіе созданія Цвингли предполагаетъ самое тѣсное соединеніе государственныхъ и религіозныхъ цѣлей, такъ и то обстоятельство, что преобразование церкви съ самаго начала совершалось правительствомъ,—по взгляду Цвингли, всей общиной чрезъ своихъ представителей, членовъ совѣта,—въ силу присущей ему верховной власти и возложенной на него обязанности, все это и привело къ сліянію церкви и государства, которое носило сильный оттѣнокъ теократіи, и къ быстро развившемуся стѣсненію свободы совѣсти, которое власти примѣняли съ явнымъ намѣреніемъ ввести «единообразіе» въ религіозныхъ дѣлахъ у всѣхъ своихъ подданныхъ. Совѣтъ двухсотъ, «вмѣсто всей церкви», пользовался правами верховной власти, которыя принадле-

жали въ сущности только всему народу въ совокупности; высылка, тяжкое тюремное заключеніе, даже смертная казнь грозили несогласнымъ съ господствующею церковью. Долго выжидалъ Цвингли, прежде чѣмъ дѣйствительно принялся, но зато тогда онъ счелъ бы прямо тяжкимъ беззаконіемъ прикрывать разрывъ съ прежней церковью бережнымъ сохраненіемъ, напр., привычныхъ виѣшнихъ обрядовъ. На этомъ яснѣе всего мы убѣждаемся, что Цвингли никогда не питалъ той привязанности къ церкви, какая была у Лютера, что нѣтъ ничего общаго между желѣзной твердостью, съ которою Цвингли проводилъ послѣдовательно въ жизнь проникающее его сознаніе лучшаго, и той неистовой ненависти, въ которую обратилась любовь Лютера. Въ области богослуженія онъ именно и устранилъ все, что связано было съ символикой прежнихъ временъ; «очищеніе» церквей отъ всего «идолослужебнаго» рѣшено было еще въ 1520 году и приведено въ исполненіе такъ основательно, что, не говоря уже объ «идолахъ» въ собственномъ смыслѣ, т. е. образахъ, не пощадили и алтарей, которые напоминали о католической мессѣ, и даже органовъ. Хотя самъ реформаторъ и былъ всегда восторженнымъ любителемъ и покровителемъ музыки въ частной жизни, но пѣніе и игра на органѣ въ церкви были въ его глазахъ профанаціей сверхчувственного въ угоду чувственности. Суровое и безцвѣтное новое богослуженіе ограничивалось молитвой и проповѣдью; исчезло и особое облаченіе для священнослужителей; Четыре раза въ годъ совершалось воспоминаніе о тайной вечери, въ самыхъ простыхъ формахъ, приблизительно такъ, какъ тогда представляли себѣ вечери любви древнѣйшихъ христіанъ; каждый самъ бралъ себѣ хлѣбъ съ блюда и чашу съ виномъ. Съ полнымъ правомъ порицали вандализмъ, съ которымъ заодно съ иконами уничтожали и драгоценныя книги и рукописи, а благородные металлы, содержащіеся въ церковной утвари, перечеканивали въ монету. Хотя Цвингли и высказываетъ при случаѣ, что свѣтская власть не властна надъ душою и совѣстью людей, тѣмъ не менѣе въ цюрихской государственной церкви, вооруженной правомъ подвергать цензурѣ и наказанію, подъ его собственнымъ руководствомъ осуществилось какъ разъ прямо противоположное этой теоріи. Строгія предписанія относительно образа жизни создали порядокъ надзора надъ общественной и домашней жизнью; имѣть образа въ своемъ собственномъ домѣ, или ѣсть по постнымъ днямъ рыбу, а не мясо стало не безопасно. Затѣмъ въ декабрѣ 1528 года само правительство, — большой и малый совѣты, — было очищено отъ всѣхъ «невѣрующихъ и безбожниковъ». Ветхозавѣтной суровостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и ветхозавѣтной силою проникнуто было это маленькое царство Божіе, пророкомъ котораго былъ простой священникъ главнаго собора. Тамъ чувствовали, что ихъ окру-

жасть враждебный міръ, и твердо рѣшились безпощадно воспользоваться каждой побѣдой. «Терпимость ихъ началась тамъ, — говорилъ Ленцъ о Цвингли и его сотрудникахъ по дѣламъ вѣры, — гдѣ кончилась ихъ сила. Они боролись не за терпимость, а за господство своей идеи».

Такимъ образомъ къ реформаціи присоединился новый элементъ, жизнеспособность котораго начала тотчасъ же проявляться въ дѣятельной и успѣшной пропагандѣ. Починъ Цюриха прежде всего взволновалъ швейцарскій союзъ; почти всюду въ восточной и сѣверной Швейцаріи зашевелились друзья евангелическаго вѣроисповѣданія, такіе люди какъ великій гуманистъ Іоахимъ ф. Ваттъ (Вадіанъ) и прямодушный Іоганнъ Кеслеръ въ С.-Галленѣ, какъ Эколампадій, проповѣдникъ, и Конрадъ Кюршнеръ (Пелликанъ), лекторъ ордена францисканцевъ въ Базелѣ. Новшество проложило себѣ дорогу раньше всего въ Аппенцелль; уже въ 1522 году нѣкоторыя общины отмѣнили мессу, на что даже въ самомъ Цюрихѣ рѣшились только въ 1525 году, а года два спустя областное собраніе общинъ предоставило отдѣльнымъ общинамъ полную религіозную свободу. Но значительное большинство правительствъ смотрѣло рѣшительно неблагоклонно на «обособленіе» Цюриха, а кантоны внутренней Швейцаріи, такъ называемое пятиградіе: Швицъ, Ури, Унтервальденъ, Люцернъ и Цугъ, гдѣ кромѣ католическаго образа мыслей оказывалъ вліяніе интересъ къ доходному ремеслу наемниковъ и къ обычаю получать пенсіи, тотчасъ попытались вызвать сначала вмѣшательство союзнаго правительства, а когда этого не удалось достигнуть, они старались вызвать войну. Цвингли, не испытывавшій сомнѣній, которыя тревожили совѣсть Лютера, составилъ еще въ 1525 году «Совѣтъ на случай войны съ пятиградіемъ». Тогда опасность еще миновала, не дошло и до лишенія Цюриха права участвовать въ собраніи представителей всего союза, но безплодные пренія въ Баденѣ (въ маѣ 1526 г.), на которыхъ Цвингли отказался присутствовать, только еще болѣе обострили существовавшія распри. Старый боецъ Эккъ одержалъ здѣсь снова одну изъ своихъ мнимыхъ побѣдъ, но представители реформаціи, на которыхъ большинство смотрѣло неблагоклонно, естественно не согласились признать обязательнымъ для себя исходъ этого шестнадцатидневнаго словопренія. Самымъ важнымъ послѣдствіемъ этого собесѣдованія несомнѣнно было то, что Бернъ устранился отъ поддержки дѣла католиковъ, вызванный на это нелѣпымъ отказомъ обнародовать акты диспута со стороны пяти внутреннихъ кантоновъ, а также Фрейбурга и Золотурна. Обнародованіе этихъ актовъ было поручено фанатику Мурнеру, автору «Календаря еретиковъ» и другихъ неистовыхъ ругательныхъ писаній, которыя вызваны были, впрочемъ, памфлетами сторонниковъ реформаціи. Эти новыя столкновенія оживили давнишнюю рознь между берн-

цами съ ихъ городской политикой и сельскими первоначальными кантонами, а предложеніе пяти кантоновъ перенести ихъ споръ съ Берномъ на рѣшеніе его же собственныхъ сельскихъ общинъ довело этотъ разрывъ почти до непоправимости. Давно уже въ Бернѣ съ успѣхомъ раздавались голоса отдѣльныхъ проповѣдниковъ новой вѣры, какъ-то: извѣстнаго учителя Цвингли Томаса Виттенбаха, медика Ангельма, остроумнаго Николая Мануэля, а въ особенности Берхтольда Галлера, уроженца Швабіи, который вступилъ въ самыя близкія сношенія съ Цвингли, когда сдѣлался въ 1520 году соборнымъ священникомъ. Теперь покушеніе католиковъ на верховныя права бернцевъ заставило послѣднихъ преобразовать совѣтъ въ демократическій и вполне примкнуть къ реформаціи; присоединеніе это, подготовленное преніями въ теченіе трехъ недѣль въ январѣ 1528 г., благодаря личному участию Цвингли, привело къ полному господству егерелигіозныхъ и политическихъ идей. Послѣдствіемъ этого союза обоихъ самыхъ могущественныхъ городовъ въ федераціи была побѣда новаго ученія въ нѣсколькихъ колебавшихся еще кантонахъ; въ 1528 и 1529 годахъ присоединились С. Галленъ, Гларусъ, Шаффгаузенъ и Базель. Въ этомъ послѣднемъ городѣ перемѣна совершилась путемъ революціи; именно въ февралѣ 1529 года цехи, которыхъ подбивалъ Эколампадій, взяли за оружіе противъ совѣта, состоявшаго еще отчасти изъ католиковъ, выдвинули артиллерію и завершили ниспроверженіе всего панизма неистовымъ иконоборствомъ.

А движеніе распространилось уже за предѣлы Швейцаріи. Какъ ни рѣшительно возставалъ Цвингли противъ указаннаго выше впутыванія швейцарской политики въ интересы воюющихъ иностранныхъ государей, однако, онъ отнюдь не склоненъ былъ отказаться отъ давнишняго излюбленнаго желанія швейцарскихъ политиковъ, отъ расширенія союза на счетъ имперіи, республиканскіе элементы которой преобладали какъ разъ на югѣ и среди родственныхъ по племени жителей Алеманіи. Такіе города, какъ Мюльгаузенъ въ Эльзасѣ и Роттвейль, только незадолго передъ тѣмъ заключили вѣчный союзъ съ тринадцатью кантонами. Цвингли вполне проникся гордымъ убѣжденіемъ, находившимъ сторонниковъ перѣдко даже и въ самой Германіи, что швейцарцы призваны быть «укротителями королей»; «я ничего такъ сильно не желаю,—пишетъ онъ однажды,—какъ того, чтобы республика процвѣтала, потому что по мѣрѣ того, какъ эта форма государства будетъ распространяться, она будетъ служить угрозой для самоволія тиранновъ». Неудивительно было, съ другой стороны, что нѣмецкіе города, подвергаясь довольно дурному обращенію со стороны князей, устремляли свои взоры на завидную независимость такихъ республикъ, какъ Цюрихъ, Бернъ или Базель. Этимъ-то политическимъ со-

чувствіемъ, которое, напр., какъ разъ въ это время (1524—1525) за-
 ставило Страсбургъ искать союза со Швейцаріей, и близкимъ сродствомъ
 швейцарцевъ и швабовъ по крови и складу жизни объясняется то явленіе,
 что цвингліанское направленіе реформаціи въ большинствѣ южно-герман-
 скихъ имперскихъ городовъ довольно быстро получило преобладаніе надъ
 лютеранскимъ. Такъ случилось въ Страсбургѣ, гдѣ Буццеръ и Капитонъ,
 вожаки движенія, занесеннаго сюда Целлемъ (т. I, стр. 390), обращали
 свои взоры на цюрихскаго «героя»; такъ же было въ Ульмѣ, гдѣ грубо-
 ватый Конрадъ Замъ, зычный голосъ котораго раздавался по всему
 огромному собору, былъ прикованъ къ Цвингли «несокрушимыми цѣ-
 пями любви»; такъ же было въ Констанцѣ, Линдау, Меммингенѣ, въ цѣ-
 ломъ рядѣ менѣе значительныхъ городовъ; не обходилось при этомъ безъ
 горячихъ стычекъ со швабскими приверженцами Лютера, которые сло-
 тились вокругъ Іоганна Бренца, проповѣдника въ Галлѣ (швабскомъ). На
 время удалось привлечь на сторону швейцарцевъ также Билликана въ
 Нёрдлингенѣ и Урбана Регія въ Аугсбургѣ, но они скоро обратились вспять.
 Но въ Аугсбургѣ, гдѣ къ цвингліанскому направленію примкнули ана-
 баптистскіе элементы, и гдѣ циничный проповѣдникъ Михаилъ Келлеръ
 употреблялъ всѣ мѣры, чтобы поддерживать возбужденное состояніе въ
 простонародьи, здѣсь-то и проявились въ крайне отвратительной формѣ
 послѣдствія продолжительной бесплодной борьбы между старой церковью,
 лютеранской и цвингліанской реформой и евангелическимъ радикализмомъ;
 Келлера и другихъ проповѣдниковъ выволокли за волосы изъ одной ка-
 толической церкви; за это Келлеръ разбилъ топоромъ одно особенно чтимое
 распятіе, а одинъ изъ его товарищей выбросилъ прямо на улицу
 свою священническую ризу и бросилъ въ нее еще камнемъ. Все усили-
 вающееся нравственное одичаніе и привычка взаимно осмѣивать и новые
 и старые обряды, представляла, конечно, рѣзкую противоположность со
 строгимъ общественнымъ порядкомъ цюрихской государственной церкви.
 Но знаменательно все-таки то, что почти повсюду въ Германіи проникнове-
 ніе цвингліанскаго ученія совпадаетъ съ сильно-демократическимъ броже-
 ніемъ; такъ это было и во Франкфуртѣ, гдѣ патриціанскіе члены совѣта
 состязались съ простымъ народомъ въ осмѣиваніи процессіи въ день празд-
 ника тѣла Христова, а въ 1528 году проповѣдники возбудили общину
 прибѣгнуть къ самопомощи, разъ совѣтъ дѣйствуетъ не по евангелически
 вяло. Во всякомъ случаѣ, это соотвѣтствовало взглядамъ Цвингли, кото-
 рый признавалъ за общиной право въ случаѣ послѣдней крайности низ-
 вергать правительство, оказавшееся безбожнымъ. Швейцарскій реформа-
 торъ вполне сжился со всѣми взглядами бюргерства въ той его формѣ,
 какъ оно представлялось ему на мѣстѣ его дѣятельности, въ качествѣ

носителя государственной власти и церковной реформы; онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о томъ, какъ, по свидѣтельству аѳинской, карфагенской, римской, а также и новѣйшей венгерской исторіи, почти всегда и вездѣ дворянство служило причиной политическаго упадка. Онъ не прочь былъ отъ мысли о присоединеніи республиканской южной Германіи въ качествѣ члена его родины, а это, въ свою очередь, обезпечило бы городскому элементу въ Швейцаріи подавляющій перевѣсъ надъ маленькими крестьянскими республиками. Цюрихъ сдѣлался бы центромъ реформатской области, которая и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи была бы отторгнута отъ лютеранства, а верхняя Германія снова рѣшительно отдѣлилась бы отъ нижней Германіи.

Мы увидимъ, какъ мысли Цвингли унеслись даже и за эту границу, какъ только сближеніе съ нимъ Филиппа гессенскаго позволило смотрѣть и на еще большее какъ на достижимое. Но ближайшимъ предметомъ подобныхъ желаній все-таки постоянно оставались города южной Германіи; уже въ 1524 году онъ выразилъ Пиркгеймеру увѣренность въ томъ, что когда-нибудь Нюрнбергъ и Цюрихъ соединятся въ одномъ союзѣ. Первое начало положено было заключеніемъ оборонительнаго и наступательнаго союза, съ взаимнымъ предоставленіемъ права гражданства, между Цюрихомъ и Констанцемъ (1527), къ которому присоединился потомъ еще цѣлый рядъ городовъ швейцарскаго союза: С. Галленъ (1528), Биль, Мюльгаузенъ, Базель (1529). Затѣмъ во время сейма въ Шпейерѣ къ Цвингли обратились представители Страсбурга и Меммингена; въ то же время въ самомъ Шпейерѣ представители Ульма завязали сношенія съ ландграфомъ, который съ радостью готовъ былъ протянуть руку швейцарцамъ. Филиппъ отправилъ 22-го апрѣля къ Цвингли приглашеніе на религіозное собесѣдованіе съ Лютеромъ и его единомышленниками, и реформаторъ безо всякихъ колебаній обѣщалъ «наисвященнѣйшему князю» явиться лично. А тѣмъ временемъ все увеличивающіеся успѣхи, а вмѣстѣ съ ними и захваты реформаціи въ областяхъ, находившихся въ общемъ владѣніи и составлявшихъ пріобрѣтеніе всего швейцарскаго союза, обращеніе въ евангеличество Тоггенбурга и С. Галлена, преданіе смертной казни въ Цюрихѣ одного враждебнаго ереси судебного пристава изъ Тургау,—все это довело до высшей степени озлобленія католиковъ, которые со своей стороны поддерживали мятежниковъ во время волненій въ бернскомъ Оберландѣ. «Блянусь Всемогущимъ, женщины яростиѣ мужчинъ», пишетъ Томасъ Мурнеръ. «Намъ скоро придется дѣлить вѣру при помощи длинныхъ копій и добрыхъ алебардъ, если они не передумаютъ». Пять первоначальныхъ кантоновъ (пятиградіе) заключили скорѣе реформатовъ свой союзъ съ иностранной державой, оборонительный «христіанскій союзъ» съ преж-

нимъ смертельнымъ врагомъ своимъ, съ Австріей (22 апрѣля 1529 г.), при чемъ была уже мысль привлечь въ союзъ Савойю, Лотарингію, пфальцграфа Фридриха, баварскихъ герцоговъ и другихъ иноземныхъ участниковъ. Но хроническая нужда въ деньгахъ короля Фердинанда и вторженіе турокъ въ Венгрію лишили этотъ союзъ почти что всякаго значенія для католическихъ кантоновъ, когда Цюрихъ и Бернъ упредили ихъ со своими ополченіями. Двухнедѣльный безкровный походъ привелъ къ миру въ Каппелѣ (25 іюня 1529 г.); въ договоръ были включены разомъ и постановленіе о равноправности въ союзѣ кантоновъ, какъ исповѣдующихъ старую, такъ и новую вѣру, и постановленіе о предоставленіи большинству голосовъ права выбора религіи въ областяхъ, находящихся въ общемъ владѣніи. Такимъ образомъ здѣсь впервые было примѣнено на дѣлѣ начало равноправности, тогда какъ Германія усвоила его себѣ только послѣ кровопролитной борьбы. Миръ этотъ былъ совсѣмъ не по душѣ Цвингли, котораго нельзя было удержать отъ личнаго участія въ походѣ съ аллебардой въ рукахъ; его намѣреніе было добиться свободнаго допущенія, а чрезъ это, какъ онъ предполагалъ, и полной побѣды евангелической вѣры въ католическихъ областяхъ и окончательнаго уничтоженія пенсіонерства. Договоръ о «христіанскомъ союзѣ» былъ, разумѣется, разорванъ, тогда какъ союзъ согражданства реформатовъ продолжалъ существовать, но отъ религіознаго завоеванія всей Швейцаріи послѣдніе все таки прямо и явно отказались. «Господи, теперь Ты самъ возьми на себя это бремя», такъ начинается одна пѣснь, сочиненная Цвингли въ это время. Усерднѣе, чѣмъ когда-либо прежде, принялся онъ теперь за политику, въ которой, въ качествѣ члена только что учрежденнаго въ Цюрихѣ тайнаго совѣта, онъ пользовался такой же неограниченной властью, какъ и въ церковныхъ дѣлахъ. Прежде всего важно было извлечь возможно больше пользы изъ многообѣщающаго сближенія съ ландграфомъ; во время религіознаго собесѣдованія, которое послѣдній устроилъ въ октябрѣ 1529 г. въ Марбургѣ, для Цвингли дѣло шло совсѣмъ не объ одномъ только разъясненіи спорныхъ догматовъ, хотя вопросъ объ евхаристіи уже не одинъ годъ служилъ признакомъ глубокаго и многообразнаго различія между швейцарской и нѣмецкой реформаціями.

Самостоятельно, не обращаясь за совѣтомъ въ Виттенбергъ, Цвингли началъ и довелъ до конца свое дѣло. Въ полѣ зрѣнія Лютера онъ появляется впервые (въ этомъ-то и была бѣда) въ качествѣ союзника Карльштадта, который давно находился въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Лютеромъ, и натянутость эта достигла своего апогея именно въ спорѣ о таинствѣ евхаристіи. Еще прежде чѣмъ нидерландскіе друзья Лютера выяснили ему въ 1521 году взглядъ на евхаристію Іоганна Весселя (т. I,

стр. 125 сл.), онъ въ борьбѣ противъ папства¹ самъ собирався нанести послѣднему «самый сильный ударъ», доказавши отъ писанія, что въ святыхъ дарахъ заключаются только обыкновенный хлѣбъ и обыкновенное вино. Но онъ никакъ не могъ обойти подлинныхъ словъ Иисуса Христа при учрежденіи таинства, которыя, по его мнѣнію, ненарушимы и допускаютъ только одно толкованіе; а изученіе схоластики навело его на обходной путь въ видѣ ученія о консубстанціаціи, представителями котораго еще раньше его были Петръ д'Айльи (d'Ailly) и Биль (Biel); ученіе это обходило ученіе церкви о пресуществленіи, котораго онъ не могъ принять, но вмѣстѣ съ тѣмъ не устраняло все-таки тайны, чуда непосредственного общенія отдѣльнаго человѣка съ Богомъ. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что тотъ же самый «братчикъ» Роде изъ Утрехта, который привезъ сочиненія Весселя въ Виттенбергъ, видѣлся въ 1523 году съ Эколампадіемъ и Цвингли, при чемъ послѣдній тогда впервые, да и то лишь по тайности, изложилъ свой собственный взглядъ на таинство евхаристіи. Положимъ, какъ относительно этого, такъ и другихъ догматовъ (напр., догмата о первородномъ грѣхѣ) Цвингли давно уже находился подъ вліяніемъ Эразмовой «Философіи Христа», какъ онъ и самъ намекаетъ на это въ своемъ выраженіи, что понимать учредительныя слова въ переносномъ смыслѣ онъ научился «изъ уваженія къ авторитету кое-кого другого». Эразмъ, не склонный самъ по себѣ ни вѣрить въ чудо, ни сдѣлать натяжку при истолкованіи библейскаго текста, по выраженію Устери, «читилъ таинство евхаристіи въ сущности какъ торжественное воспоминаніе о союзѣ и общеніи». Цвингли весьма далекъ былъ отъ того вполне трезваго разсудочнаго взгляда, которымъ смотрѣлъ на религіозные вопросы великій гуманистъ, но это устраненіе тайны въ евхаристіи, превращавшее это таинство только въ торжественное воспоминаніе тайной вечери, согласовалось не только съ его сведеніемъ основы христіанства къ соціальнымъ задачамъ, но даже и съ его представленіемъ о безпредѣльномъ величіи божества; на это требованіе тѣлеснаго присутствія Иисуса Христа во святыхъ дарахъ онъ смотрѣлъ какъ на униженіе Всевышняго, а въ почитаніи вишняго символа онъ видѣлъ возвращеніе къ іудейству. Но, тогда какъ Лютеръ готовъ былъ не допустить ни малѣйшаго содѣйствія разума въ рѣшеніи вопросовъ вѣры и, совсѣмъ какъ бл. Августинъ, относился съ предубѣжденіемъ ко всякому объясненію тайнъ религіи, которое согласовалось съ требованіями разума, Цвингли, оставаясь впрочемъ и со своей стороны исключительно на почвѣ писанія, не колебался все-таки допустить согласованіе между словомъ Божиимъ, законами природы, которые имѣютъ силу въ другихъ случаяхъ, и человеческимъ мышленіемъ, гдѣ такое согласованіе представлялось. Не въ

одномъ только вопросѣ объ евхаристіи, а также и въ его представленіи первороднаго грѣха въ видѣ слабости, не влекущей за собой осужденія, въ его ученіи объ откровеніи, которое послужитъ ко спасенію и язычниковъ, въ унитаріанской чертѣ его понятія о Богѣ, въ почти полномъ устраниніи представленія о діаволѣ, которое занимаетъ такое многозначительное мѣсто у Лютера,—во всемъ этомъ, какъ оказывается, дѣйствительно передъ нами проходитъ «почти современный намъ міръ идей». Цвингли опередилъ средневѣковое міровоззрѣніе далеко въ большей и иной мѣрѣ, сравнительно съ Лютеромъ.

Противоположность между ними была настолько глубока, что споръ объ евхаристіи, завязавшійся изъ-за страннаго толкованія учредительныхъ словъ, предложеннаго Карльштадтомъ въ 1524 году, въ самое короткое время привелъ къ непоправимому расколу. Цвингли не допускалъ, что Иисусъ Христосъ, произнося слова: «Сіе есть тѣло Мое», указывалъ на свое тѣло, а не на хлѣбъ, какъ это говорилъ Карльштадтъ; онъ истолковывалъ «есть» въ этихъ словахъ въ смыслѣ «обозначаетъ»; въ споръ онъ вмѣшался еще въ ноябрѣ 1524 года своимъ письмомъ къ рейтлингенскому проповѣднику Альберу. Полемику открыли прежде всего приверженцы новаго ученія; Цвингли, Эколампадій, Буццеръ заговорили прежде, чѣмъ самъ Лютеръ вышелъ изъ своего пренебрежительнаго спокойствія и съ 1526 года принялся наносить свои увѣсистые удары «раздорникамъ». Ибо онъ былъ непоколебимо увѣренъ какъ въ связи этого новшества съ домашнимъ своимъ евангелическимъ радикализмомъ, такъ и въ сатанинскомъ происхожденіи его; онъ пишетъ: «При папствѣ сатана былъ только плотью, чтобы и монашеская камилавка считалась священной, а теперь онъ предпочитаетъ быть только духомъ для того, чтобы тѣло и слово Христово также обратились въ ничто». Припомнимъ, что какъ разъ въ эти годы Лютеръ снова и сильнѣе, чѣмъ въ далекомъ прошломъ, подвергался «искушеніямъ», тѣмъ полутѣлеснымъ, полудушевымъ припадкамъ, на которые онъ смотрѣлъ какъ на борьбу съ нечистымъ духомъ лицомъ къ лицу (стр. 60). Поэтому онъ еще до своего личнаго участія въ этой полемикѣ поставилъ слѣдующую дилемму: «Въ концѣ концовъ, либо тѣ, либо другіе, либо мы, либо они должны оказаться слугами сатаны». Въ особенности, должно быть, его задѣло за сердце то, что Цвингли, подобно своему учителю, Эразму, въ нѣкоторыхъ своихъ «дружественныхъ» по заглавію объясненіяхъ обращался къ нимъ холодно и насмѣшливо. Не переходя въ шумливую брань своего противника, швейцарскій реформаторъ умѣлъ нанести гораздо болѣе глубокое оскорбленіе тѣмъ, что онъ становился къ Лютеру какъ бы въ положеніе бодрствующаго относительно грезящаго, въ положеніе врача относительно помѣшаннаго. И онъ тоже объявляетъ

упорствование въ воззрѣніяхъ противника безбожіемъ, тогда какъ побѣду своего ученія онъ считаетъ несомнѣнной, хотя, быть можетъ, побѣдителю придется и самому плакать.

Религіозное собесѣдованіе, на которое ландграфъ Филиппъ пригласилъ спорящія стороны съ ихъ предводителями во главѣ, при такихъ отношеніяхъ между послѣдними, напередъ можно сказать, не имѣло ни малѣйшихъ видовъ на успѣхъ. Цвингли, разумѣется, явился на него съ великою радостью, несмотря на то, что ему приходилось съ опасностью совершить часть пути по враждебной католической области; онъ выѣхалъ тайкомъ, не испросивши себѣ отпуска у цюрихскаго совѣта. Мы знаемъ, что въ Марбургъ его влекли не одни только теологическіе и церковные интересы. Тѣмъ строптивѣе зато оказались виттенбержцы. «Совершенно безплодно вести переговоры съ Цвингли», рѣшилъ Меланхтонъ; онъ предпочелъ бы имѣть дѣло съ Эколампадіемъ и не прочь былъ бы въ качествѣ безпристрастныхъ судей имѣть «также и нѣсколько ученыхъ и разумныхъ людей изъ числа папистовъ». Личныя сношенія ландграфа съ послѣдователями Цвингли и онъ, и Лютеръ считали весьма опасными, такъ какъ молодой князь и безъ того принадлежалъ, какъ выразился Лютеръ, къ числу «людей умничающихъ», т. е. склоненъ былъ руководиться доводами отъ человѣческаго разума. Если такимъ образомъ настроеніе на лютеранской сторонѣ было какъ нельзя болѣе неблагопріятно, то нечего было ожидать какой-либо склонности къ уступчивости въ этомъ вопросѣ и со стороны Цвингли. Кромѣ одного цюрихскаго гуманиста, его сопровождали два члена цюрихскаго и базельскаго совѣтовъ, страсбургскій государственный дѣятель Яковъ Штурмъ, Эколампадій, Будцеръ и внушавшій къ себѣ сердечное расположеніе Каспаръ Гедіонъ, подобно своему другу, Капитону, бывшій одно время придворнымъ проповѣдникомъ Альбрехта майнцаго, а потомъ примкнувшій къ кружку страсбургскихъ реформаторовъ. Лютеръ явился въ сопровожденіи болѣе многочисленныхъ теологическихъ сподвижниковъ; рядомъ съ Меланхтономъ мы видимъ старыхъ друзей Юста Іонаса и Круцигера, Фридриха Миковія изъ Готы, Осіандера изъ Нюрнберга, Бренца изъ Галля, Стефана Агриколу изъ Аугсбурга; Юста Менія, суперинтендента эйзенахскаго, который склоненъ былъ къ соединенію, и др. Послѣ предварительныхъ переговоровъ, во время которыхъ Меланхтонъ бесѣдовалъ съ Эколампадіемъ, а Лютеръ съ Цвингли, 2-го октября началась битва между обоими предводителями. Лютеръ написалъ мѣломъ на столѣ слова: «Сіе есть тѣло Мое» и одинъ разъ поднялъ бархатную скатерть, чтобы наглядно показать своимъ противникамъ то мѣсто, котораго онъ «поистинѣ не можетъ обойти». Несмотря на отдѣльныя рѣзкости, собесѣдованіе прошло съ соблюденіемъ достоинства, но давнымъ давно из-

вѣстные доводы, естественно, пропали безслѣдно для той и другой стороны; въ заключеніе Лютеръ объявилъ своимъ противникамъ, что онъ отступаетъ отъ нихъ и предоставляет ихъ праведному суду Божію; Эколампادی отвѣтилъ ему тѣмъ же. Ландграфъ все же добился по крайней мѣрѣ того, что Лютеръ 4-го октября составилъ пятнадцать статей, въ которыхъ выражено было согласіе обѣихъ сторонъ по всѣмъ основнымъ вопросамъ, за исключеніемъ одного только вопроса относительно тѣлеснаго присутствія Иисуса Христа во святыхъ дарахъ. Но Лютеръ ни за что не соглашался питать братскую любовь и разрѣшить обоюдное допущеніе къ причащенію, о чемъ самъ Цвингли умолялъ со слезами на глазахъ; Лютеръ допускалъ только христіанскую любовь, «насколько позволяетъ совѣсть cadaго», а для большей ясности онъ прибавилъ, что такою же любовью заповѣдано въ евангеліи любить враговъ своихъ. Онъ непоколебимо стоялъ на своемъ: «Вы иного духа, чѣмъ мы». Такъ и разстались, не заключивши мира. Основное правило Лютера: жертвовать всякими человѣческими соображеніями ради того, что онъ признавалъ истиною, снова восторжествовало въполнѣ; чтобы оцѣнить все величіе этой непоколебимости, мы должны припомнить, что именно эта самая неподкупность убѣжденій и непримиримость въ борьбѣ и развязала руки церковному движенію и привела его къ первымъ побѣдамъ. Человѣкъ, силою котораго разбиты были передъ тѣмъ римскія оковы, произвелъ теперь также и первую большую расщелину въ незаконченномъ и угрожаемомъ тяжкими потрясеніями зданіи реформаціи.

Теперь не могло быть больше и рѣчи о томъ, чтобы всѣ евангелики заодно предприняли открытую войну со смертельнымъ врагомъ своимъ, державою Габсбурговъ. Еще задолго до этого собесѣдованія въ Виттенбергѣ пытались возбудить подозрѣніе въ курфюрстѣ Іоганнѣ и у нюрнбержцевъ противъ стараній «гессенскаго безпокойнаго молодого человѣка» составить союзъ; и на самомъ дѣлѣ съѣзды въ Ротахѣ (въ іюнѣ), въ Швабахѣ (въ октябрѣ) и въ Шмалькальденѣ (въ ноябрѣ и декабрѣ), собиравшіеся для дополненія условій вышеупомянутаго шпейерскаго договора (стр. 90), привели въ концѣ концовъ лишь къ тому результату, что союзъ съ цвингліанскими имперскими городами и со швейцарцами, котораго желалъ ландграфъ гессенскій, такъ и не состоялся. Для съѣзда въ Швабахѣ Лютеръ составилъ семнадцать статей, въ которыхъ догматическія разногласія съ ученіемъ Цвингли выступали гораздо рѣзче, чѣмъ въ его марбургскихъ положеніяхъ. Цвингліанцы, впрочемъ, не совсѣмъ были неправы, видя въ Меланхтонѣ человѣка, который изъ-за своего глубокаго отвращенія старался поддержать и увеличить раздоръ даже гораздо больше, чѣмъ Лютеръ своей непреклонностью. Въ вопросѣ объ евхаристіи Меланхтонъ

только послѣ борьбы съ тяжкими сомнѣніями сталъ примѣняться къ своему мощному другу; меньше трудностей представляло для него произнести обвинительный приговоръ политикѣ людей, образъ мыслей которыхъ былъ враждебенъ императору и, по мнѣнію Меланхтона, стоялъ на одной почвѣ со стремленіями крестьянской войны; точно такъ же онъ снова началъ подогрѣвать извѣстныя подозрѣнія насчетъ революціонныхъ замысловъ имперскихъ городовъ (т. I, стр. 503). Но и Лютеръ въ различныхъ изложеніяхъ своихъ соображеній, представленныхъ имъ курфюрсту саксонскому, выступаетъ защитникомъ теоріи безусловнаго долга пассивнаго повиновенія противъ мнѣнія саксонскихъ юристовъ; онъ становится при этомъ на почву имперскаго государственнаго права и отрицаетъ всякое право на сопротивленіе отдѣльнаго князя имперіи, уподобляя въ одномъ мѣстѣ отношеніе между княземъ и императоромъ отношенію бургомистра къ государю страны; напротивъ, за совокупностью имперскихъ чиновъ онъ желалъ бы сохранить право низлагать императора. А въ сущности, руководящей его мыслью все еще остается, что въ дѣлахъ реформаціи во всемъ надо положиться на волю Божію и вообще не прибѣгать къ человѣческому мудрствованію и къ человѣческой помощи; «Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—писалъ онъ однажды курфюрсту,—чудеснымъ образомъ помогавшій до сихъ поръ Вашей курфюршеской милости и безъ ландграфа, а даже противъ ландграфа, не оставитъ, конечно, и впредь безъ помощи и вразумленія».

Это—такая сила убѣжденія и религіозной надежды, что едва ли можно отказать ей въ нѣкоторомъ трогательномъ величіи. Но то, что такъ естественно приличествуетъ Лютеру, становится глупостью и свидѣтельствомъ оскудѣнія у человѣка, стоящаго среди потока міровыхъ событій, и у государя. Неужели могъ политикъ по призванію вполне искренно успокаивать себя тѣмъ убѣжденіемъ, что Богъ не покинетъ своихъ, и что со стороны императора нечего опасаться? Однако, и на сторонѣ лютеранъ рядомъ съ саксонскими юристами мы слышимъ весьма вѣскій голосъ теолога, который, ссылаясь на Ветхій Заветъ, вмѣняетъ въ обязанность христіанскимъ государямъ защищать своихъ подданныхъ противъ насилія, направленаго противъ слова Божія. Бугенгагенъ полагалъ, что, если бы, напр., Саулъ захотѣлъ насильственно отвратить народъ еврейскій отъ слова Божія, «Самуилъ заколотъ бы его собственноручно, или же вмѣстѣ съ народомъ воспротивился бы ему силою». Впослѣдствіи и онъ, положимъ, присоединился къ мнѣнію Лютера. На послѣднемъ сеймѣ протестанты ограничились простой самозащитой, въ формѣ теологическихъ аргументовъ; если до сихъ поръ они въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ попирали ногами положительное право старой церкви и поступали наперекоръ ясно выражен-

ной волѣ императора, опираясь только на требованія божественнаго писанія, то и теперь они должны были готовиться или просто къ изъявленію покорности, или же къ отпору. Лютеръ въ одномъ изъ своихъ мнѣній ясно изложилъ послѣдствія сопротивленія; намъ придется тогда, полагаетъ онъ, «прогнать императора и самимъ сдѣлаться императоромъ, потому что императоръ будетъ обороняться, и это не прекратится до тѣхъ поръ, пока которая нибудь сторона не будетъ побѣждена». Вотъ оба марбургскіе союзника, Филиппъ и Цвингли, и рѣшились твердо на это. Для швейцарскаго реформатора освобожденіе отъ папскаго ига и освобожденіе отъ императорскаго ига были неразрывно связаны: «папство и имперія» — говорится въ одномъ изъ его писемъ — «оба исходятъ изъ Рима». Онъ не разъ задаетъ вопросъ: «да какое же дѣло Германіи до Рима». Его горячее сочувствіе распростиралось одинаково и на передовыхъ бойцовъ за республику въ Греціи и Римѣ и на боговдохновенныхъ героевъ и пророковъ Ветхаго Завѣта; самъ І. Христосъ, поясняетъ онъ, употребилъ насиліе противъ осквернителей храма, и мы въ случаѣ надобности «не задумаемся послѣдовать даже самымъ жестокимъ примѣрамъ». Естественно, что ландграфъ Филиппъ не могъ такъ окончательно утратить всякое чувство преданности императору и имперіи, но все же впервые-то при гессенскомъ дворѣ вошла въ плоть и кровь реформатора мысль: путемъ включенія всѣхъ безъ изъятія исповѣдниковъ евангелической вѣры въ одинъ большой союзъ враждебныхъ Габсбургамъ силъ способствовать спасенію и побѣдѣ дѣла реформаціи. Уже въ 1528 году Филиппъ пытался завязать сношенія съ половиною Европы, а съ тѣхъ поръ по мѣрѣ приближенія императора слухи о замыслахъ и союзахъ противъ еретиковъ все болѣе и болѣе накоплялись. Характерно для ландграфа то, что онъ даже и послѣ марбургскаго собесѣдованія заявилъ, что считаетъ раздѣленіе евангеликовъ сумасбродствомъ и безуміемъ. Не то, чтобы у него лично пропалъ всякій интересъ къ догматическимъ вопросамъ; онъ произвелъ на Лютера впечатлѣніе человѣка, который можетъ «какъ бы играючи связывать самыя трудныя мысли», и въ священномъ писаніи онъ былъ какъ дома, не хуже любого мірянина этого твердо знавшаго библію по колѣннѣ, но такая готовность Лютера «ради маловажныхъ спорныхъ вопросовъ» принести всю будущность реформаціи въ жертву совѣсти теолога была ужъ чрезчуръ не по совѣсти молодого государя какъ политика. Предоставляется на выборъ три пути, писалъ онъ Штурму, страсбургскому уполномоченному: во-первыхъ, отречься отъ Христа, во-вторыхъ, перетерпѣть, что бы ни случилось; «въ-третьихъ, начать намъ обороняться, на этомъ пути ждетъ счастье и надежда, на остальныхъ нечего ждать». Вотъ относительно этого пути и уговорились еще въ Марбургѣ Цвингли

и его другъ, ландграфъ, и нити, завязанныя тамъ, продолжали прясть въ писмахъ, тонъ которыхъ становится все болѣе и болѣе братски-задушевнымъ: «моему дорогому другу въ собственные руки», надписываетъ адресъ ландграфъ. Цвингли выражаетъ надежду, что Богъ «избралъ Вашу милость для великихъ дѣлъ, о которыхъ я могу только думать про себя, но не рѣшаюсь высказать». Ихъ планъ похода былъ задуманъ въ большомъ размѣрѣ, съ расчетомъ на объединеніе германскихъ и швейцарскихъ евангеликовъ, на союзъ съ Франціей, Венеціей, Даніей, Гельдерномъ; «тогда отъ океана и вплоть до нашей земли все было бы единымъ дѣломъ, единой помощью, единой волей», какъ выражается Цвингли. Возстановленіе Ульриха вюртембергскаго должно было послужить первымъ ударомъ могуществу короля Фердинанда, а союзъ съ Венеціей долженъ былъ запереть альпійскіе проходы для императора.

Но пора для осуществленія этой коалиціи противъ Габсбурговъ была выбрана какъ нельзя болѣе неудачно. Карлъ V заключилъ въ то время миръ со всѣми своими противниками, и Сулейманъ началъ свое отступленіе. Предложеніе союза, сдѣланное Венеціи черезъ посредство одного цюрихскаго профессора, произвело тамъ въ высшей степени странное впечатлѣніе. Какая была польза въ томъ, что старый революціонеръ Гайсмайръ подавалъ цюрихцамъ надежду на вторженіе въ Тироль. Французы не послѣдовали примѣру вѣжливости венеціанцевъ, они съ явнымъ издѣвательствомъ отвергли предложенія Цвингли, понять глубокій смыслъ которыхъ, какъ выразился одинъ изъ ихъ пословъ, у него не хватало разума. Что курфюрстъ саксонскій и его строго-лютеранскіе единомышленники поставили въ видѣ предварительнаго условія для заключенія союза подписаніе верхне-нѣмецкими реформатами швабахскихъ статей и получили на это отказъ—это нисколько не удивительно; вѣдь Лютеръ прямо совѣтовалъ курфюрсту сослаться передъ императоромъ какъ на свою заслугу, что онъ мѣшаетъ развитію секты сакраментаріевъ. Но и большинство даже верхне-нѣмецкихъ городовъ выказало вдругъ мало склонности разгнѣвать еще больше императора своимъ союзомъ со швейцарцами. Изъ всѣхъ обширныхъ плановъ Цвингли и ландграфа получился только договоръ со Страсбургомъ относительно взаимнаго христіанскаго предоставленія права согражданства (въ январѣ 1530 г.) да послѣ многихъ разнообразныхъ затрудненій такой же договоръ о правѣ согражданства между Гессеномъ и городами Цюрихомъ и Базелемъ (въ іюлѣ 1530 г.), тогда какъ Бернъ отказался присоединиться къ нимъ. Съ другой стороны Филиппъ старался способствовать своимъ планамъ относительно герцога вюртембергскаго посредствомъ союза съ католикомъ Генрихомъ брауншвейгъ-вольфенбюттельскимъ; Данія посулила также сотню

другую всадниковъ. И съ такими-то болѣе чѣмъ скромными средствами собирались начать съ Карломъ V войну?

Несоотвѣтствіе между политикой великой державы, о которой мечтали Цвингли и Филиппъ, и тѣсными предѣлами ихъ дѣйствительной силы обнаружилось съ полной ясностью. Эта неудача должна была привести Цвингли еще и совсѣмъ къ инымъ пагубнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ нѣмецкихъ протестантовъ; но и они собирались, повидимому, въ какомъ-то едва понятномъ ослѣпленіи сдаться безоружными на полную волю императора, дружественныя и миролюбивыя фразы котораго, шедшія прямо въ разрѣзъ со всѣмъ его прежнимъ обращеніемъ, были въ самомъ дѣлѣ прямо рассчитаны на эту политическую незрѣлость ихъ; онѣ впрочемъ не ввели никого въ заблужденіе. Самъ Лютеръ теперь былъ далеко не такъ страшенъ, какъ во время вормесскаго сейма; тогдашній герой свободы превратился для значительной части послѣдователей евангелическаго вѣроисповѣданія въ «новаго папу».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Аугсбургское вѣроисповѣданіе и Шмалькальденскій союзъ.

Въ одномъ дюрихскомъ наказѣ говорится, что императоръ идетъ въ Германію въ качествѣ «мессіи патеровъ». Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Карлъ V рѣшился такъ или иначе свести счеты съ протестантами въ Германіи; онъ и при заключеніи мира какъ съ папой, такъ и съ Франціей возбуждалъ къ устраненію ереси, а вмѣстѣ съ императорской короной онъ взялъ на себя и обязанности покровителя римско-католической церкви. Какое обращеніе пришлось испытать посламъ протестантовъ, когда они предъявили ему въ Италіи шпейерскій протестъ; ихъ нѣсколько времени содержали подъ стражей, а одинъ изъ нихъ, Михаилъ ф. Каденъ, вручившій императору по порученію ландграфа французскую брошюру реформатскаго направленія, только бѣгствомъ избавился отъ горшей участи. Еще во время пути черезъ Альпы Карлъ получилъ изъ рукъ легата Кампеджи писаніе совсѣмъ иного рода; это былъ пресловутый докладъ, въ которомъ предлагалось сначала попытаться кроткими мѣрами возвратить еретиковъ въ лоно церкви, а упорствующихъ истребить огнемъ и мечомъ. А насколько-де упорны были эти нѣмцы искони, лучше всего свидѣтельствуешь борьба Карла Великаго съ саксами; слѣдуетъ поэтому позаботиться о постепенномъ и основательномъ устраненіи всякой опасности

зараженія посредствомъ учрежденія инквизиціи по образцу испанской. И бывшій духовникъ Карла Гарсіа де Лоайса, который посланъ былъ тогда въ Римъ для наблюденія за папой, видѣлъ въ насиліи единственное средство спасенія, «настоящій ремень» отъ этой болѣзни. Замѣчательно при этомъ, что ретивый монахъ, который въ качествѣ духовника позволяетъ себѣ высказываться совершенно откровенно, упрекаетъ самаго работающаго изъ всѣхъ монарховъ въ лѣности и погонѣ за удовольствіями; «въ Васъ, Ваше Королевское Величество, постоянно боролись другъ съ другомъ лѣность и любовь къ славѣ». Онъ желаетъ, чтобы въ Германіи легче, чѣмъ это было до сихъ поръ, «Ваша любовь къ чести и славѣ Вашего имени преодолѣла Вашего природнаго врага, который заключается въ пирушкахъ и въ тратѣ лучшаго времени».

Примѣнить, или хотя бы даже лишь готовить тѣ сильныя средства, которыя ему совѣтовали, не сдѣлавши напередъ послѣдней попытки подчинить протестантовъ мирнымъ путемъ, было бы несогласно съ пріемами Карла V. Приглашеніе на сеймъ распространялось въ самомъ милостивомъ и дружелюбномъ тонѣ насчетъ намѣренія императора «выслушать отъ всякаго всѣ доводы, мнѣнія и соображенія любовно и благосклонно, вникнуть въ нихъ и взвѣсить, иное согласовать и привести къ единой христіанской истинѣ, а все, что съ той или другой стороны истолковано или сдѣлано не право, отмѣнить, при общемъ участіи всѣхъ насъ принять и соблюдать единую истинную вѣру и, какъ всѣ мы о единомъ Христѣ живемъ и воинствуемъ, такъ и жить всѣмъ въ единеніи, въ одной общинѣ, въ одной церкви». Тутъ слышалось что-то похожее на то, какъ будто императоръ свыкся съ мыслью о національномъ соборѣ, которую онъ рѣзко отвергалъ раньше; курфюрстъ саксонскій Іоаннъ выступилъ прямо-таки поборникомъ такого толкованія вопреки мнѣнію другихъ евангелическихъ князей. Впрочемъ, онъ уже съ давнихъ поръ велъ съ королемъ Фердинандомъ переговоры, которые возбудили недовѣріе къ нему въ ландграфѣ, какъ объ этомъ съ торжествомъ рассказывали при императорскомъ дворѣ; легатъ радуется, что въ еретиковъ вселился «духъ раздора» какъ по вопросамъ политики, такъ и въ вопросахъ вѣроученія. Тѣмъ болѣе многообѣщающимъ образомъ слагалось все для католической стороны; въ Инсбрукѣ, гдѣ императора привѣтствовали Георгъ саксонскій и баварскіе герцоги, возвратился изъ лютеранства въ лоно католической церкви изгнанный изъ Даніи Христіанъ II, шуринъ императора, а мюнхенскій дворъ выбивался изъ силъ, чтобы предупредительностью и всевозможными торжественными зрѣлищами заставить забыть про свои анти-австрійскія стремленія. Императоръ могъ въ самомъ дѣлѣ проникнуться убѣжденіемъ, что въ виду такого подавляющаго пере-

вѣса силъ, который получился отъ соединенія державы Габсбурговъ съ значительнымъ большинствомъ имперскихъ чиновъ, кучка еретическихъ князей и городовъ откажется отъ сопротивленія. Но и въ такомъ случаѣ онъ, конечно, не допустилъ бы, чтобы непокорность, которую они проявляли до сихъ поръ, сошла имъ безнаказанно; Фердинандъ высказалъ только задумшевую мысль своего брата, когда представилъ ему какъ-то, что есть много поводовъ проучить ихъ, «когда Вамъ будетъ угодно, на законномъ основаніи, такъ что Вамъ не будетъ надобности и упоминать о религіи». Но Карлъ рѣшился пока обращаться съ нѣмецкими князьями, даже и съ протестовавшими, самымъ благосклоннымъ образомъ. Совершенное незнаніе нѣмецкаго языка дѣлало, разумѣется, невозможными какія бы то ни было болѣе близкія сношенія, но онъ, несмотря на свою обычную недоступность, умѣлъ привлекать къ себѣ людей, если это было нужно ему. Курфюрстъ Іоганнъ, Меланхтонъ и другіе нѣмецкіе наблюдатели вынесли въ Аугсбургѣ такое впечатлѣніе, что они имѣютъ дѣло съ государемъ, который отъ природы кротокъ и благожелателенъ. Для Лютера онъ и впослѣдствіи оставался все еще «дорогимъ, благочестивымъ, неповиннымъ императоромъ», настоящимъ отцомъ Германіи, удивительные успѣхи котораго совершенно очевидно истекали отъ Бога; «у него, должно быть, добрый ангелъ-хранитель». Даже молчаливость его словоохотливый реформаторъ толковалъ въ хорошую сторону; «я полагаю, что онъ въ годъ не наговоритъ столько, сколько я въ одинъ день». Есть что-то трогательное въ томъ, какъ эти незнакомые со свѣтомъ, преисполненные преданности своему императору люди готовы отъ всего сердца любить его, именно, какъ они отгоняютъ отъ себя всякое подозрѣніе противъ его характера. Они и слышать не хотѣли, что онъ самъ и есть смертельный врагъ евангелической вѣры; во всемъ виноватъ былъ «рой» патеровъ, окружавшій его, или его ненавистный братъ, если «доброе сердце» Карла не могло проявиться. «Онъ безконечно далекъ отъ итальянскаго вѣроломства», пишетъ Іонасъ. Но и Карлъ не менѣе того заблуждался, когда рассчитывалъ на то, что ему удастся поколебать протестовавшихъ князей. Уже 15-го іюня, во время блестящаго торжественнаго вѣзда, Іоганнъ саксонскій продолжалъ стоять въ то время, когда остальные его сотоварищи-курфюрсты преклонили колѣни передъ благословляющей «перчаткой» легата. Еще вечеромъ въ день вѣзда императоръ велѣлъ ему вмѣстѣ съ остальными евангелическими князьями явиться въ свои апартаменты; король Фердинандъ служилъ переводчикомъ, чтобы объявить имъ, что они должны отнынѣ заставить замолчать своихъ проповѣдниковъ и на слѣдующій день участвовать въ процессіи тѣла Господня. Они отказались повиноваться. Маркграфъ Георгъ объявилъ напрямикъ, что онъ готовъ

скорѣе стать на колѣни и сложить свою голову на плахѣ, чѣмъ отступить отъ Бога и Его слова; а ландграфъ промолвилъ, что «совѣсть его императорскаго величества не господинъ и не уставщикъ для нашей совѣсти». Свое уклоненіе отъ участія въ процессіи, въ которой императоръ шелъ съ непокрытой головой подъ палящими лучами полуденнаго солнца, они потомъ въ высшей степени рѣзко основывали на томъ, что они считают это соблюденіе церковнаго праздника тѣла Христова «ужаснымъ злонамѣреннымъ грѣхомъ, дерзновеніемъ и легкомысліемъ». Никогда еще не приходилось Карлу V выслушивать такихъ рѣчей; это было буквальное подтвержденіе того, что обстоятельно изложилъ ему раньше Кампеджи, именно, что «еретики отъ природы до крайности упрямы». А если мы зададимъ себѣ вопросъ, да что же побудило этихъ нѣмецкихъ князей поступить такъ наперекоръ своему законному государю и при своихъ совершенно недостаточныхъ силахъ сдѣлать вызовъ цѣлому міру враговъ, то окажется возможнымъ только одинъ отвѣтъ, что они готовы были всѣмъ пожертвовать за свои религіозныя убѣжденія. Здѣсь они руководились чисто нравственными побужденіями; всякое разсудочное взвѣшиваніе внѣшнихъ выгодъ и невыгодъ должно было бы склонить ихъ къ уступчивости ясно выраженной волѣ императора.

Они, положимъ, въ то время далеко не совсѣмъ еще потеряли надежду оправдать занятое ими положеніе передъ императоромъ и даже передъ самой католической церковью. Согласно со своимъ взглядомъ на имперскій сеймъ какъ на національный соборъ, курфюрстъ Іоганнъ тотчасъ же по полученіи императорскаго приглашенія предложилъ своимъ теологамъ составить программу предстоящихъ въ Аугсбургѣ переговоровъ, въ которой на первый планъ выдвигалось насколько возможно согласіе по многимъ вопросамъ новаго ученія со старой церковью, а именно предлагались обширныя уступки въ области церковнаго устройства. Не удалось однако осуществить намѣренія поставить лично Лютера во главѣ самыхъ знаменитыхъ саксонскихъ теологовъ, отправленныхъ на сеймъ; онъ въ качествѣ опальнаго, которому нюрнбергскій совѣтъ отказалъ даже въ свободномъ пропускѣ для проѣзда черезъ свою область, вынужденъ былъ остаться въ укрѣпленномъ Кобургѣ и довольствоваться тѣмъ, что онъ слѣдилъ издали, нерѣдко съ большимъ возбужденіемъ, за ходомъ рѣшенія. Послѣ прибытія императора дѣло начало развиваться довольно быстро. Сеймъ открытъ былъ 20-го іюня торжественной литургіей, на которой присутствовали также и курфюрстъ саксонскій, приглашенный императоромъ по своему званію императорскаго меченосца, маркграфъ Георгъ и ландграфъ. Нунцій Пимпинелли, одинъ изъ шести присутствовавшихъ кардиналовъ, въ своей проповѣди воздержался упомянуть прямо имя Лютера, но сказалъ все-

таки, что, если не желаютъ почтительно уважать св. ап. Петра съ его ключами, св. ап. Павелъ вынужденъ будетъ вмѣшаться со своимъ мечомъ. Между тѣмъ споръ относительно права проповѣди улаженъ былъ императорскимъ распоряженіемъ, чтобы только назначенные императоромъ проповѣдники вступали на церковную кафедру и при томъ проповѣдывали бы только одно чистое слово Божіе, т. е. текстъ евангелій и посланій апостольскихъ. Какъ ни ревностно возбуждалъ тайно Кампеджи императора къ гоненію противъ еретиковъ, но при первомъ своемъ выступленіи передъ сеймомъ онъ говорилъ въ умѣренномъ тонѣ и, согласно съ большинствомъ имперскихъ чиновъ, стоялъ за то, чтобы религіозные вопросы были поставлены для обсужденія раньше всѣхъ остальныхъ вопросовъ. Евангелики должны были 24-го іюня прочесть передъ императоромъ и имперіей свое исповѣданіе вѣры, но ихъ остановили, повидимому, главнымъ образомъ, по настояніямъ короля Фердинанда, а такъ какъ они настаивали на этомъ прочтеніи, то ихъ и пригласили явиться на слѣдующій день въ помѣщеніе императора. Здѣсь 25-го іюня послѣ полудня въ одной изъ залъ епископскаго замка саксонскій канцлеръ Христіанъ Байеръ прочелъ по-нѣмецки «открыто и ясно, какъ что всѣ окружающіе могли хорошо слышать», тотъ документъ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ міровую извѣстность подъ именемъ «Аугсбургскаго исповѣданія вѣры». Императоръ, который будто бы впервые только на этомъ аугсбургскомъ сеймѣ выразилъ страстное сожалѣніе о своемъ незнаніи нѣмецкаго языка, принялъ эти статьи въ латинскомъ переводѣ и въ нѣмецкомъ подлинникѣ и обязалъ подписавшихся подъ ними имперскихъ чиновъ не предавать ихъ гласности путемъ печати. Это были тѣ же самыя князья, которые протестовали уже въ 1529 году: курфюрстъ Іоганнъ, вмѣстѣ съ которымъ подписался и сынъ его Іоганнъ Фридрихъ; маркграфъ Георгъ, Эрнстъ и Францъ люнебургскіе, ландграфъ Филиппъ, Вольфгангъ ангальтскій, кромѣ того, города Нюрнбергъ и Рейтлингенъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ заявленіяхъ высказывается все-таки чувство гордой удовлетворенности по поводу этого торжественнаго исповѣданія своей приверженности къ такому дѣлу, которое высшія власти тщетно преслѣдовали опалою и отлученіемъ; самъ Лютеръ «сильно радовался, что ему довелось пожить въ такое время».

Положимъ, это исповѣданіе вѣры вовсе не было его произведеніемъ въ собственномъ смыслѣ слова; онъ далъ только свое согласіе на то, что сдѣлалъ Меланхтонъ. «Работа его мнѣ почти вполнѣ по душѣ», высказался онъ 15-го мая, «и я не берусь ни исправлять, ни измѣнять что-либо въ ней, да и не подходящій я для этого человекъ, потому что я не умѣю выступать такъ тихо и безшумно». Лютеръ, который еще въ шва-

бахскихъ статьяхъ клеймилъ мессу, какъ мерзость изъ мерзостей, въ только что приведенныхъ словахъ превосходно отмѣтилъ противоположность между своей вызывающей откровенностью и изворотливостью теолога-дипломата. Ибо Меланхтонъ, подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ занявшій мѣсто Лютера, выказалъ себя дипломатомъ какъ въ изложеніи исповѣданія вѣры, такъ и во время переговоровъ въ Аугсбургѣ. Можно было бы пожалуй сказать, что эразмовскія черты въ этомъ ученомъ здѣсь впервые получили возможность развернуться какъ слѣдуетъ, такъ какъ онъ могъ выступить самостоятельно, пользуясь удаленностью отъ властнаго вліянія Лютера. Онъ прилагалъ всѣ усилія протянуть руку примиренія католикамъ еще въ томъ сочиненіи, которое задумано было первоначально не въ видѣ исповѣданія вѣры, а въ формѣ апологіи, оправданія противъ обвиненій съ католической стороны, при чемъ онъ насколько возможно налегалъ на связь со старой церковью, которую постоянно не колеблясь признавалъ и Лютеръ, а тѣ моменты, которые непоправимо вели къ отдѣленію, онъ или ставилъ на послѣдній планъ, или и вовсе проходилъ молчаніемъ. Такъ, напр., богоустановленное право папства, *character indelebilis* (неотъемлемость благодати) священства, признаваніе семи таинствъ такъ и остались безъ разъясненія, тогда какъ ученіе о таинствѣ свхаристіи изложено было въ такой двусмысленной формѣ, что католическіе теологи могли развѣ только пожаловаться на то, что не находятъ въ немъ прямого признанія пресуществленія. Ученіе о предопредѣленіи въ его строгой формѣ было вовсе опущено; въ ученіи объ оправданіи вѣрою и въ другихъ основныхъ евангелическихъ воззрѣніяхъ ссылки сдѣланы не только на свидѣтельства отъ священнаго писанія, но и на отцовъ церкви. Все направлено къ той цѣли, чтобы представить отлученіе отъ церкви послѣдователей новой вѣры какъ ничѣмъ не оправдываемое, а весь споръ свести къ безобиднымъ «недоразумѣніямъ изъ-за нѣкоторыхъ преданій и злоупотребленій». И, несмотря на это, Меланхтонъ все еще опасался, что «пожалуй иные будутъ смущены нашей откровенностью». Какъ будто можно было вообще избѣжать этого возмущенія противниковъ помимо прямого подчиненія! Ранке не совсѣмъ несправедливо высказываетъ такое мнѣніе: «Вѣроученіе въ той формѣ, какъ оно представлено здѣсь, оказывается еще произведеніемъ живого духа римско-католической церкви, такъ что оно не выходитъ даже за предѣлы этой церкви». Но, если бы даже доказана была подлинность выраженій нѣкоторыхъ изъ католическихъ князей и прелатовъ, которыя похожи на одобреніе, и о которыхъ сообщаетъ протестантское преданіе, все же было бы чудовищнымъ непониманіемъ сущности римско-католической церкви считать возможнымъ столкнуться съ нею какъ-нибудь иначе, а не такъ, какъ это обычно между побѣди-

телемъ и побѣжденнымъ. Меланхтонъ съ самаго начала преимущественно рассчитывалъ на то, что полное отреченіе отъ цвингліанцевъ не преминетъ произвести благопріятное впечатлѣніе на католиковъ, а въ особенности на императора. Лютеранскія проповѣди въ Аугсбургѣ, конецъ которымъ положило прибытіе императора, посвящены были большею частью борьбѣ съ «сакраментаріями» и «искажителями священнаго писанія», тогда какъ ландграфъ Филиппъ, къ великому огорченію лютеранъ, отдавалъ предпочтеніе цвингліанскому проповѣднику Михаилу Келлеру (стр. 101) и рѣзко отвергалъ попытки лютеранъ возбуждать подозрѣнія противъ реформатовъ, какъ партіи, склонной къ войнѣ и революціи; Меланхтону и Бренцу какъ «братья ихъ во Христѣ» онъ внушалъ, что именно ихъ натравливаніе можетъ повести къ кровопролитному преслѣдованію цвингліанъ и, пожалуй, даже къ войнѣ между императоромъ и князьями на одной сторонѣ, и швейцарцами, городами и крестьянами на другой. Цвингліане, несмотря на свои суровыя мѣры противъ анабаптистовъ, все-таки, въ глазахъ Меланхтона, были ихъ сотоварищами по положенію, и потому христіанскія власти должны были подавлять ихъ самыми крайними мѣрами; какъ разъ въ 1530 году онъ высказалъ убѣжденіе, что государство должно казнить смертью не только за призывъ къ возстанію, но и за богохульные ученія. Такимъ образомъ, несмотря на всѣ старанія Филиппа, который ревностно продолжалъ переписываться съ Цвингли, для реформатовъ «закрыты были въ Аугсбургѣ всѣ уши и двери», какъ на это жалуется Яковъ Штурмъ. Тщетно Буццеръ и Капитонъ пытались вступить въ личныя сношенія съ Меланхтономъ; онъ не захотѣлъ скомпрометировать себя сношеніями съ такими личностями, которыя пользовались дурной славой и въ религіозномъ и въ политическомъ отношеніи. Поэтому не-лютеранскіе города, которымъ приходилось отвѣчать заодно передъ императоромъ за свое участіе въ протестѣ, вынуждены были представить (11-го іюля) свое собственное исповѣданіе вѣры, наскоро составленное двумя теологами изъ Страсбурга; оно называется *Tetrapolitana*, потому что предъявлено было отъ четырехъ городовъ: Страсбурга, Констанца, Линдау и Меммингена: въ изложеніи ученія о таинствѣ евхаристіи въ немъ сдѣлала попытка приблизиться хотя бы по словоупотребленію къ саксонскому исповѣданію вѣры. Цвингли, совсѣмъ напротивъ, въ своей краткой апологіи, которою онъ лично отъ себя отправилъ тогда (3-го іюля) императору, а равно и въ нѣсколькихъ другихъ своихъ статьяхъ прямо нарочито подчеркиваетъ неизгладимое различіе между Цюрихомъ и Виттенбергомъ; «его можно въ самомъ дѣлѣ принять за сумасшедшаго», пишетъ Меланхтонъ Лютеру.

А тѣмъ временемъ Меланхтонъ, объявленный вождемъ лютеранъ, шелъ все дальше и дальше по избранному имъ съ самаго начала пути къ при-

мирению съ католиками, не смущаясь все болѣе и болѣе возраставшими сомнѣніями своихъ единовѣрцевъ. «Надо полагать, говоритъ Мауренбрехеръ, «пріемы и поступки Меланхтона въ Аугсбургѣ соотвѣтствовали гораздо больше совѣту Эразма, чѣмъ мнѣніямъ и убѣжденіямъ Лютера». Дѣйствительно, маститый царь науки, несмотря на то, что надежда его на то, что императоръ пригласитъ его въ Аугсбургъ, не исполнилась, по мѣрѣ силъ въ своихъ письмахъ увѣщевалъ къ миру какъ своего давнишняго почитателя Меланхтона, такъ и папскаго легата и другихъ католическихъ главарей. Не говоря уже о томъ, что среди присутствующихъ духовныхъ князей не мало было сторонниковъ такого примирительнаго направленія и противниковъ религіозной войны, даже лица, наиболѣе приближенные къ императору, были настроены вовсе не непримиримо. Съ протестантской стороны жалѣли о томъ, что еще до открытія сейма скончался Гаттинара, котораго, несмотря на то, что онъ только что передъ тѣмъ возведенъ былъ въ санъ кардинала, считали сторонникомъ мира и церковныхъ реформъ; однако, и духовникъ Карла, францисканецъ Хуанъ де Квинтана, и знакомый намъ секретарь Альфонсъ Вальдесъ (стр. 35) были люди, съ которыми можно было вести дѣло, какъ въ этомъ убѣдился Меланхтонъ къ великому своему удовольствію, когда онъ дерзнулъ обратиться къ «испанскимъ писцамъ». Во все не его заслуга, что протестантскіе князья не согласились, какъ онъ этого желалъ, въ угоду императору уладить «тишкомъ да тайкомъ» вопросъ объ исповѣданіи вѣры, а настояли на вышеупомянутомъ торжественномъ прочтеніи его. Но зато его проекты компромисса, врученные черезъ императора Кампеджи, дѣйствительно доставлены были въ Римъ; онъ требовалъ, кажется, кромѣ причащенія подъ обоими видами и разрѣшенія брака священникамъ, также измѣненій въ чинѣ литургіи и разъясненія на соборѣ остальныхъ спорныхъ вопросовъ. Эти требованія, несмотря на поддержку легата, были отвергнуты въ Римѣ въ то самое время, когда въ Аугсбургѣ Меланхтонъ старался привлечь на свою сторону представителя папы своей любезностью, доходившей прямо-таки до пресмыкательства. Вѣдь развѣ это не значило отречься отъ всякаго слѣда протестантскаго образа мыслей, когда онъ писалъ Кампеджи, что лютеране во всѣхъ догматахъ согласны съ католическою церковью и готовы повиноваться ей, если она «по милосердію своему, которое она оказывала во всѣ времена всѣмъ народомъ, согласится молча не замѣчать или попускать нѣкоторыя мелочи, которыхъ мы даже при всемъ нашемъ желаніи переимѣнить все равно уже не можемъ». Ему мало того, что онъ даетъ такія завѣренія одинъ разъ, онъ снова повторяетъ: «Мы почитаемъ власть римскаго папы и всю церковную іерархію съ полнымъ благоговѣніемъ, лишь бы только папа не отталкивалъ

насъ. Въ Германіи насъ только за то и ненавидятъ, что мы съ величайшею стойкостью защищаемъ ученія римской церкви». Это послѣднее предложеніе еще яснѣе становится благодаря одному письму Меланхтона къ Эгидію, проповѣднику императора, въ которомъ онъ заявляетъ, что такъ ревностно онъ хлопоталъ о мирѣ только для того, чтобы помѣшать грозящему совершиться соединенію лютеранъ съ цвингліанами.

Нечего удивляться, что такая политика компромисса не заслужила благодарности ни съ той, ни съ другой стороны. Въ то время, какъ папистамъ приходило въ голову, что уступчивый и обдѣленный земными благами виттенбергскій профессоръ—человѣкъ продажный, среди ревностныхъ евангеликовъ, и притомъ не только цвингліанскаго образа мыслей, стало распространяться глубокое озлобленіе противъ «уметвующаго, политиканящаго, робкаго Филиппа», который поглупѣлъ хуже малаго ребенка; онъ получалъ неоднократно предостереженія отъ одного италіанскаго приверженца евангелической вѣры изъ Венеціи, гдѣ читали письмо его къ Кампеджи. Но, какъ ни прискорбно было ему самому переживать всю эту борьбу и тревоги, противныя всему его существу, онъ все-таки упорно цѣплялся за надежду устроить это примиреніе, которое ему казалось единственнымъ спасеніемъ отъ угрожавшей религіозной войны. Даже и послѣ того, какъ прочитано было (3 августа) возраженіе на протестантское исповѣданіе вѣры, выработанное Эккомъ, Фаберомъ, Кохлеемъ и другими католическими теологами, и послѣ того, какъ императоръ призналъ его вполне достаточнымъ для опроверженія, присоединивши явную угрозу, что или протестанты должны присоединиться, или же императоръ вынужденъ будетъ исполнить свою обязанность защитника и блюстителя церкви,—даже и послѣ всего этого Меланхтонъ, поддерживаемый Бренцемъ и другими теологами, все еще повторялъ свои предложенія компромисса, которымъ едва ли можно отказать въ нѣкоторомъ сходствѣ съ интеримомъ, который впослѣдствіи повелѣлъ ввести Карлъ V. Самымъ значительнымъ предложеніемъ съ его стороны было возвращеніе протестантовъ подъ судебную власть епископовъ, тогда какъ вышеприведенныя требованія свои онъ готовъ былъ въ крайнемъ случаѣ отстаивать только въ видѣ временныхъ уступокъ впредь до собора. вмѣстѣ съ желаніемъ мира въ особенности несовершенства невзначай сложившагося управленія лютеранской церковью внушали ему мысль о сохраненіи епископской власти. Какъ разъ именно среди присутствовавшихъ нѣмецкихъ епископовъ и возникло тогда нѣкоторое противодѣйствіе тому, чтобы довести дѣло съ протестантами до крайности, какъ этого хотѣлось королю Фердинанду, курфюрсту бранденбургскому, герцогу Георгу, обоимъ братьямъ—баварскимъ герцогамъ, кардиналу зальцбургскому и нѣкоторымъ другимъ князьямъ.

Трое духовныхъ курфюрстовъ, епископы аугсбургскій и тріентскій отчасти находились подъ вліяніемъ эразмовскихъ стремленій, а отчасти не склонны были къ насильственному разрѣшенію по политическимъ соображеніямъ. Еще разъ 16-го августа составлена была коммиссія изъ четырнадцати представителей обѣихъ сторонъ, въ составъ которой вошли князья, юристы и теологи, чтобы сдѣлать невозможное возможнымъ. Меланхтонъ, Бренцъ и гессенскій проповѣдникъ Шнепфъ дѣйствительно въ рядѣ пунктовъ пришли къ соглашенію съ Эккомъ, Вимпиной и Кохлеемъ, и съ саксонской стороны ничего не имѣли противъ того, чтобы допустить даже и тайную исповѣдь и соблюденіе постовъ. Но разошлись въ вопросѣ о совершеніи таинства евхаристіи; католики предоставляли лютеранамъ, въ видѣ уступки впредь до собора, причащеніе подъ обоими видами съ разрѣшенія папы, но подъ условіемъ: чтобы съ евангелической стороны было нарочито заявлено, что и причащеніе подъ однимъ видомъ имѣетъ ту же силу, и что совершеніе таинства по тому или другому чину совершенно безразлично. Согласившись на это, евангелики сами пожертвовали бы одной изъ важныхъ составныхъ частей своего вѣроученія; какъ ни охотно отказался бы Меланхтонъ отъ полнаго освобожденія отъ внѣшняго господства іерархіи,—онъ вѣдь въ смертельномъ ужасѣ своемъ передъ обнаженнымъ уже будто бы мечомъ императора подчинился бы и болѣе тяжелымъ условіямъ,—но былъ все-таки предѣлъ, дальше котораго его единовѣрцы отказывались слѣдовать за нимъ. «До сихъ поръ мы стойко не уступали въ этомъ», пишетъ преданный ему Бренцъ, «помоги намъ Богъ и впредь остаться такими же стойкими». Меланхтонъ, несмотря на это, попытался еще разъ, въ болѣе тѣсной коммиссіи изъ шести членовъ, которая взялась сдѣлать окончательную попытку устроить соединеніе, провести свою излюбленную мысль о возстановленіи сана епископа. А между тѣмъ все мощнѣе и мощнѣе раздавались предостерегающіе оклики, которые разсылались изъ своего убѣжища въ Кобургъ своимъ друзьямъ и князьямъ Лютеръ, давно уже «наскучившій сеймомъ». Хотя онъ безусловно признаетъ добрую волю со стороны Меланхтона, но онъ вполне ясно видитъ насквозь и ту хитроумничающую «философію» своего «Филипушки», который подъ вліяніемъ то малодушныхъ, то оптимистическихъ соображеній своихъ вовсе неспособенъ былъ уже подняться до простого величія въ міросозерцаніи, или найти въ себѣ достаточно силы для окончательнаго рѣшенія. «Вы затѣяли совершить чудо», пишетъ Лютеръ Спалатину, «именно, устроить соглашеніе между папою и Лютеромъ. Но и папа не пожелаетъ, да и Лютеръ отказывается. Если вы достигнете этого наперекоръ имъ обоимъ, тогда и я послѣдую вашему примѣру и примирю Христа съ Веліаломъ». По его мнѣнію, судебная власть епископовъ окажется не

чѣмъ инымъ, какъ господствомъ палача. Онъ не можетъ обойтись безъ крѣпкаго нѣмецкаго словца, говоря объ итальянскихъ уловкахъ папы и его легата. А на случай, если его друзья въ Аугсбургѣ въ своихъ уступкахъ дойдутъ до противорѣчія съ евангеліемъ, онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что «Лютеръ свободенъ, свободенъ конечно и македонянинъ. Будьте смѣлы и дѣйствуйте мужественно».

Македонянинъ, о которомъ говорится въ письмахъ виттенбержцевъ, это — ландграфъ Филиппъ. А между тѣмъ твердость Филиппа и курфюрста Іоганна, по правдѣ говоря, поправила то, что старались испортить Меланхтонъ и его товарищи; Бренцъ пишетъ однажды: «Князья наши непоколебимы въ исповѣданіи евангелія, и, когда я подумаю объ ихъ стойкости, краска стыда выступаетъ на лицѣ моемъ, что мы, люди маленькіе, такъ сильно робѣемъ передъ императорскимъ величествомъ». Когда ландграфъ 6-го августа покинулъ тайно Аугсбургъ, не испросивши императорскаго позволенія уѣхать, это произвело сильное впечатлѣніе; непосредственно передъ этимъ онъ высказалъ императору въ лицо, что онъ останется при томъ исповѣданіи вѣры, которое вручено императору, хотя бы ему пришлось пожертвовать за это своей жизнью. «Мужайся, благочестивый пахарь, мужайся», ободрялъ Цвингли князя, своего союзника, который подавалъ ему надежду на походъ, какъ только снова «цвѣточки зацвѣтутъ». Хотя курфюрстъ саксонскій былъ прямой противоположностью страстному ландграфу, но въ рѣшимости постоять за евангелическую вѣру онъ едва ли хотъ сколько уступалъ ему. Одно время съ протестантской стороны побаивались, положимъ, какъ бы Меланхтонъ не совратилъ его, но, хотя этотъ старецъ, собственноручно сдѣлавшій списокъ съ малаго катихизиса Лютера, и не осмѣливался имѣть свое сужденіе въ религіозныхъ вопросахъ, какъ это случалось съ ландграфомъ, тѣмъ не менѣе онъ навѣрное никогда не приступилъ бы безъ согласія своего доктора Мартина къ рѣшенію будущности протестантства. Несмотря на всѣ «замысловатыя штуки» своихъ теологовъ, онъ смотрѣлъ на дѣло очень просто: «есть два пути, — говорилъ онъ, — отречься или отъ Бога, или отъ міра, пусть каждый разсудитъ, что лучше». Лютеръ въ послѣдствіи думалъ, что въ Аугсбургѣ самъ Св. Духъ обратилъ въ героя этого миролюбиваго государя. Меланхтонъ, разумѣется, находилъ непонятнымъ, какъ это протестантскіе князья «по какой-то оплошности и подъ вліяніемъ какого-то безмолвнаго негодованія» упустили случай задобрить въ пользу мира императора и умѣренныхъ католиковъ. Недостатка въ угрозахъ даже противъ самихъ князей, конечно, не было; холерикъ Іоахимъ бранденбургскій однажды будто бы выразился, что, если курфюрстъ саксонскій не отступитъ отъ новой вѣры, тогда императоръ отниметъ у него и его приверженцевъ владѣнія и под-

данныхъ, не щадя ихъ жизни, чести и достоянія, женъ и дѣтей. Но именно такія непомерныя притязанія противниковъ и вызвали отпоръ даже и со стороны наиболѣе миролюбивыхъ протестантовъ. Императоръ полагалъ, что, разъ они присоединились къ его хлопотамъ относительно созыва собора, имъ можно подать мысль возвратиться пока еще до открытія засѣданій собора къ старой вѣрѣ, тогда какъ они естественно имѣли въ виду сохраненіе настоящаго положенія дѣлъ. Переговоры тянулись еще большую часть сентября; курфюрстъ саксонскій не прочь былъ предоставить императору впредь до собора управленіе отобранными въ казну монастырскими имѣніями, но съ католической стороны на такую уступчивость сейчасъ же отвѣтили новыми требованіями, напр., возстановленія прежняго чина литургіи. До самаго конца Меланхтонъ все-таки не терялъ дорогой ему надежды, что удастся притти къ соглашенію, пожертвовавши рѣшительно сакраментаріями, но въ концѣ концовъ 22-го сентября императоръ и католическое большинство выступили съ такимъ проектомъ окончательнаго постановленія сейма, въ которомъ протестантамъ, такъ какъ-де ученіе ихъ было опровергнуто отъ св. писанія, данъ былъ до 15 апрѣля срокъ одуматься, согласны они, или нѣтъ подчиниться церкви впредь до собора относительно невыясненныхъ еще пунктовъ; сверхъ того, до этого же дня они должны были не распространять никакихъ новшествъ въ вѣроученіи, не препятствовать своимъ подданнымъ и не пріостанавливать отправленія богослуженія по обрядамъ старой церкви, принимать заодно съ императоромъ и имперіей мѣры противъ анабаптистовъ и сакраментаріевъ. Фиркъ (Vigck) говоритъ, что протестанты произнесли бы сами себѣ смертный приговоръ, согласившись на подобное постановленіе сейма, «исполненное лжи, обмана и коварства», по выраженію Спалатина. Они заявили верховному главѣ имперіи протестъ, подобно тому, какъ они протестовали передъ собраніемъ имперскихъ чиновъ въ 1529 году. Разрывъ былъ полный; со слезами на глазахъ, но безъ колебанія распростился курфюрстъ Іоганнъ со своимъ императоромъ. Впослѣдствіи въ Виттенбергѣ передавали слова саксонскаго канцлера Брюкка при окончательномъ рѣшеніи: «Пусть будетъ такъ, если нельзя иначе, мы все-таки знаемъ, что всѣ врата адовы ничего не могутъ сдѣлать противъ этого новаго ученія нашего»; императоръ услышалъ это и спросилъ, а что это такое «врата адовы».

Когда разѣхались евангелическіе князья, Карлъ V постарался запугать по крайней мѣрѣ города, разладъ между которыми увеличился въ Аугсбургѣ еще болѣе, чѣмъ за годъ передъ тѣмъ въ Шпейерѣ. Взаимное недовѣріе—ихъ давнишній коренной порокъ—получило еще новую пищу вслѣдствіе вѣроисповѣднаго раскола, но даже, напр., и между державшимися строго-цвингліанскаго направленія городами возникли почти непри-

миримыя противорѣчія, между тѣмъ какъ Нюрнбергъ и Рейтлингенъ скрывали нѣкоторое время свое присоединеніе къ саксонскому исповѣданію вѣры даже отъ родственниковъ по вѣрѣ лютеранскихъ городовъ. Бессереръ, представитель Ульма, держался въ высшей степени переменчивой и непроницаемой политики; Биберахъ снабдилъ своего посла такими инструкціями, чтобы онъ въ точности слѣдовалъ примѣру Ульма, и соотвѣтственно этому переходилъ на сторону католиковъ, лютеранъ или цвингліанъ. Меммингенъ, повидимому, рѣшился, несмотря на отпаденіе большихъ городовъ, оставаться всегда «Внѣеюмомъ» евангеличества; напротивъ, Нёрдлингенъ находился подъ руководствомъ безхарактернаго проповѣдника Билликана, который въ то время отрекся въ Аугсбургѣ передъ Кампеджи и однимъ изъ майнцскихъ инквизиторовъ отъ своихъ евангелическихъ заблужденій. Надо было бы ожидать, что въ виду подобнаго разброда грозныя слова императора, на которыя онъ не скупился, не преминутъ оказать свое дѣйствіе. Карлъ V выразился какъ-то, что на то и существуетъ кулакъ, а усердные переносчики предупреждали, что на эти слова нельзя смотрѣть какъ на пустыя угрозы; одно время даже и ландграфу Филиппу казалось, что нападеніе близко. Несмотря на это, цѣлый рядъ городовъ дерзнулъ все же въ концѣ концовъ на открытое сопротивленіе; въ числѣ ихъ, рядомъ съ Кемптенѣмъ, Гейльброномъ, Виндсгеймомъ и Вейсенбургѣмъ, которые были заодно съ нюрнбержцами, оказались: Франкфуртъ, Ульмъ, Галль и, къ прискорбному изумленію императора, даже самый Аугсбургъ. Рѣшеніе этого города, несмотря на то, что Карлъ V находился еще въ его стѣнахъ, а у самыхъ воротъ грозилъ смертельный врагъ—Баварія, изумило и самихъ евангеликовъ и придало имъ духу. А въ Ульмѣ противъ этого постановленія сейма высказалось значительное большинство цеховъ, послѣ того какъ Крафтъ, бургомистръ города, поставилъ на видъ собравшимся, что въ случаѣ уклоненія отъ постановленія сейма ихъ ждетъ смерть и разореніе, разрушеніе города, насилія надъ ихъ женами и дѣтьми; въ случаѣ же согласія на него, вопреки совѣсти, ожидаетъ гнѣвъ Божій и муки вѣчныя. Такимъ образомъ къ княжеской оппозиціи присоединились всѣ большіе имперскіе города южной Германіи. Императору не оставалось почти ничего другого, какъ со своей стороны высказаться со всей рѣзкостью, что онъ и сдѣлалъ въ обнародованномъ 19 ноября постановленіи сейма, составленномъ въ гораздо болѣе рѣшительномъ тонѣ, чѣмъ тотъ прежній проектъ. Вормсскій эдиктъ долженъ быть приведенъ въ исполненіе, духовная юрисдикція возстановлена вполнѣ, отобранныя церковныя имущества должны быть возвращены, а не тронутыя еще должны быть оставлены въ неприкосновенности, имперскій камеральный судъ обязанъ руководствоваться этимъ императорскимъ указомъ.

Такимъ образомъ этотъ сеймъ въ Аугсбургѣ завершился объявленіемъ войны отъ имени императора и имперіи протестантскимъ имперскимъ чинамъ. Если бы указъ этотъ дѣйствительно вступилъ въ силу, тогда исчезло бы послѣднее основаніе положенія, что каждый отдѣльный имперскій чинъ, вводя перемѣны въ церковныя дѣла, продолжаетъ оставаться на почвѣ права и можетъ оправдать свой образъ дѣйствій передъ императоромъ. Но дѣйствительно ли императоръ собирался тотчасъ же обнажить мечъ противъ непокорныхъ, это—другой вопросъ. Мы далеко не въ такомъ положеніи, чтобы могли отгадать истинныя намѣренія молчаливаго государя, но предположеніе, что онъ не прочь былъ оттянуть окончательное рѣшеніе, соотвѣтствуетъ болѣе всего его характеру, такъ какъ ему противны были всякіе быстрые порывы впередъ, а всякая отсрочка была ему по душѣ. Эта особенность Карла V вмѣстѣ съ многообразіемъ его задачъ и интересовъ была въ высшей степени выгодна для его противниковъ, и не менѣе того и для нѣмецкихъ протестантовъ. Да и кто же станетъ отрицать, что, помимо реформаціи и возведенія Фердинанда въ римскіе короли, не было и другихъ жгучихъ вопросовъ, которые отвлекали вниманіе императора и требовали тщательнаго изслѣдованія передъ каждымъ рѣшительнымъ шагомъ? Непрестанно грозила опасность новаго нашествія турокъ, и въ связи съ этимъ стоятъ тщетныя старанія Карла вступить въ дѣйствительно дружественныя отношенія съ своимъ давнишнимъ противникомъ, королемъ Францискомъ, который вернулъ себѣ, наконецъ, лѣтомъ 1530 года своихъ сыновей и женился на сестрѣ императора Элеонорѣ; переговоры относительно заключенія родственныхъ связей между обоими домами, начало которымъ положено было еще при заключеніи мира, продолжались, но и возвращеніе изъ Константинополя Ринкона, испанскаго эмигранта и вмѣстѣ французскаго агента, а также и неоднократныя волненія недовольныхъ элементовъ въ Италіи, прискорбное дѣло о разводѣ Генриха VIII,—все это постоянно давало новую пищу подозрительности противъ Франціи. Одинъ изъ пословъ короля Фердинанда слышалъ въ Римѣ, что Францискъ I усерднѣе чѣмъ когда-либо подумываетъ о приобрѣтеніи Милана; предложеніе его взять на себя руководство морской войной противъ османовъ возбудило сильнѣйшее недовѣріе. Существовало и еще одно дѣло, которое было очень близко сердцу императора, а между тѣмъ нельзя его было осуществить безъ согласія Франціи. Вселенскій соборъ, который въ настоящій моментъ, по его убѣжденію, былъ необходимѣе, чѣмъ когда-либо, естественно встрѣтилъ въ Римѣ затаенное, положимъ, но зато тѣмъ болѣе упорное сопротивленіе. Утверждали, будто бы Климентъ VII опасался собора изъ-за своей незаконнорожденности или по какимъ-то другимъ личнымъ побужденіямъ; но вѣдь подобное отвращеніе лежало вообще

въ самой природѣ папства, какъ оно развивалось въ послѣднее время, несмотря на довольно благопріятный опытъ съ послѣднимъ соборомъ. «Воспоминанія о флорентинскомъ и латеранскомъ соборахъ», говоритъ Мауренбрехеръ, «не могли изгладить тяжелыхъ воспоминаній о базельскомъ соборѣ». Представительныя учрежденія даже въ лучшемъ случаѣ всегда были и останутся неудобными для всякой силы, основанной на абсолютизмѣ. Такъ Климентъ VII, по сообщенію Лоайсы, столько же гнушался уже самымъ словомъ «соборъ», какъ и именемъ «нечистаго духа», а когда онъ узналъ твердое намѣреніе императора, сталъ все болѣе и болѣе склоняться на сторону Франціи, нерасположеніе которой къ императорскому проекту скоро явно обнаружилось. Поразительнѣе всего тотъ пріемъ убѣжденія, которымъ бывший духовникъ Карла, теперешній кардиналъ Лоайса, подкрѣпляетъ свой совѣтъ: въ крайнемъ случаѣ допустить просто терпимость ереси. Онъ убѣжденъ, что «этихъ еретиковъ можно исправить не иначе, какъ тѣми же мѣрами, которыми исправляли всѣхъ прежнихъ еретиковъ, съ тѣхъ поръ какъ умеръ Іисусъ Христосъ», именно, насильственнымъ путемъ. Но, такъ какъ въ настоящую минуту гораздо настоятельнѣе оказывается опасность со стороны турокъ, то онъ и совѣтуетъ императору, пусть онъ не перестаетъ пока смотрѣть на нихъ прежде всего какъ на еретиковъ и скотовъ и, несмотря на это, идетъ съ ними рука объ руку; Карлъ долженъ довольствоваться тѣмъ, что они будутъ служить ему вѣрой и правдой, «хотя бы они по отношенію къ Богу поступали хуже діавола»; ему нечего печалиться о томъ, что души ихъ пойдутъ во адъ, лишь бы только обратить тѣла ихъ къ покорности. Даже самъ папа Климентъ, въ то время какъ кардиналъ Кампеджи старался побудить императора къ войнѣ, намѣтилъ уже возможность сдѣлать нѣкоторыя уступки протестантамъ, которыя прежде онъ отвергалъ; одинъ изъ его довѣренныхъ заявилъ въ ноябрѣ 1530 года, что можно допустить бракъ священниковъ и причащеніе мірянъ подъ обоими видами. Стало быть считали, что все-таки гораздо легче перенести такое нарушеніе основныхъ положеній церкви, чѣмъ роковой соборъ.

Рядомъ съ этими затрудненіями, которыя проистекали изъ политическаго положенія, и отношенія императора къ католическимъ имперскимъ чинамъ были не такого рода, чтобы они прямо такъ-таки всѣ разомъ и послѣдовали за нимъ на религіозную войну. Съ одной стороны свѣтскіе князья возобновили опять свои прежнія жалобы сейму на Римъ и духовенство, чѣмъ и вызвали ужасъ Кампеджи передъ «бунтомъ» въ собственномъ лагерьѣ; съ другой стороны рядомъ съ далеко невоинственными склонностями епископовъ проявился и давнишній антагонизмъ между баварскими герцогами и Габсбургами; все это не благопріятствовало политикѣ

войны, искреннее рвеніе къ которой выказывали вѣдь въ сущности только курфюрстъ бренденбургскій да Георгъ саксонскій. Людвигъ, герцогъ баварскій, сблизился въ Аугсбургѣ съ саксонцами для того, чтобы заодно съ ними противодѣйствовать избранію Фердинанда въ римскіе короли. Избраніе это состоялось 5-го января 1531 г. въ Кёльнѣ, при чемъ голоса всѣхъ курфюрстовъ, за исключеніемъ саксонскаго, были куплены извѣстными средствами; Франкфуртъ сочли недостойнымъ присвоенной ему чести не только потому, что въ немъ стала распространяться моровая язва, но и за склонность его къ ереси. Карлъ еще въ Аугсбургѣ торжественно передалъ, наконецъ, въ видѣ лена своему брату австрійскія земли съ Вюртембергомъ включительно; онъ хотѣлъ нарочито внушить имперскимъ чинамъ, что «оба они—одно и то же», какъ онъ писалъ какъ-то разъ Фердинанду. Императоръ оставлялъ за собой право участія въ рѣшеніи только нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, какъ-то: при награжденіи ленами съ обязательствомъ выставять отрядъ войска, при разрѣшеніи монополій, при объявленіи имперской опалы и при заключеніи союзовъ. Протестъ курфюрста саксонскаго противъ этого избранія, заявленный въ Кёльнѣ черезъ Іоганна Фридриха, молодого герцога саксонскаго, не имѣлъ непосредственно никакого успѣха. Вопросъ объ исключеніи этого еретика изъ числа избирателей поднимался еще раньше на совѣщаніяхъ, и на этотъ случай Климентъ VII со своей стороны предоставилъ въ распоряженіе особую буллу, которая лишала еретика права избирательнаго голоса; предпочли, однако, воспользоваться другой буллой услужливаго папы, которую онъ прислалъ вмѣстѣ съ той, и въ которой признавалось право Іоганна быть допущеннымъ въ число избирателей. Послѣ того новый король въ своей выборной грамотѣ обязался руководиться постановленіемъ аугсбургскаго сейма и заключилъ съ пятью курфюрстами оборонительный союзъ на десять лѣтъ, при чемъ не забыли вставить и уговоръ насчетъ наказанія, если кто возстанетъ противъ этого избранія. Въ императорскомъ государственомъ совѣтѣ при обсужденіи коронованія въ Ахенѣ разбиралось и предложеніе распространить этотъ союзъ въ союзъ всѣхъ католическихъ имперскихъ чиновъ съ тѣмъ, «чтобы не только отвѣчать на нападеніе, но даже и упредить тѣхъ, кто станетъ уклоняться».

Но эти «уклоняющіеся» оказались на этотъ разъ болѣе проворными. Воинственный задоръ ландграфа мы уже знаемъ; знаемъ и объ его соединеніи съ Генрихомъ брауншвейгскимъ съ цѣлью возстановить Ульриха вюртембергскаго (стр. 110); онъ давно также завязалъ сношенія съ Леонардомъ Эккомъ, ибо, какъ ни враждебны были отношенія въ религіозныхъ вопросахъ, протестанты тѣмъ легче сошлись съ баварцами, что и тѣ всей душой стремились къ тому, «какъ бы ниспровергнуть это избра-

ніе и такъ запутать Фердинанда, чтобы онъ не достигъ единовластія въ имперіи». Однако же важнѣе всѣхъ этихъ замысловъ, которые возымѣли свое дѣйствіе только впослѣдствіи, былъ отказъ курфюрста саксонскаго отъ принципа пассивнаго повиновенія, котораго онъ твердо держался до сихъ поръ. Въ сущности Лютеръ произнесъ рѣшительное слово еще во время своего пребыванія въ Кобургѣ; 20 сентября 1530 года онъ писалъ Іонасу: «если изъ-за этого произойдетъ война, ну и пусть начнетъ война; довольно мы молились и хлопотали». Буццеръ какъ разъ въ это время былъ на пути къ Лютеру, чтобы, несмотря на непріятныя испытанія въ Аугсбургѣ, добиться все-таки примиренія путемъ личныхъ сношеній съ великимъ виттенбержцемъ. Лютеръ встрѣтилъ этого неутомимаго посредника изъ Марбурга, какъ «продувнаго плута», но Буццеръ, несмотря на это, все-жъ-таки достигъ того, что у противника его возбудилась надежда на возможность соглашенія; я готовъ трижды умереть, сказалъ онъ ему, ради прекращенія этого раскола; Буццеръ, разумѣется, далъ понять своимъ единомышленникамъ, что надо всему дѣлу придать такой видъ, какъ будто Лютеръ не уступилъ ни на йоту. Вскорѣ затѣмъ Альбрехтъ, графъ мансфельдскій, оставленный въ Аугсбургѣ курфюрстомъ Іоганномъ, вступилъ здѣсь въ тайные переговоры съ представителями Страсбурга насчетъ того, чтобы возобновить проектъ союза, не состоявшагося передъ тѣмъ въ Шмалькальденѣ (стр. 107); то, что прежде разлучало саксонцевъ отъ верхне-нѣмецкихъ городовъ, именно, соединеніе послѣднихъ со швейцарцами, теперь напротивъ послужило на пользу для евангелическаго союза, и уже начались разъясненія о томъ, что князья сѣверной Германіи могутъ помогать своимъ союзникамъ-городамъ конницей, а эти съ своей стороны помогать имъ пѣхотой. Какъ однако событія въ Аугсбургѣ вдругъ сразу стряхнули всѣ колебанія лютеранъ! Прежде всего самъ Лютеръ, хотя и неохотно, присоединился къ извѣстному взгляду саксонскихъ юристовъ, доказательства которыхъ всего годъ тому назадъ не производили на него никакого впечатлѣнія. Онъ не возражалъ уже имъ противъ того, что императоръ не есть самодержецъ въ полномъ значеніи этого слова, а состоитъ въ такихъ же отношеніяхъ къ имперскимъ чинамъ, въ какихъ консулы находились относительно римскаго сената въ древнее время; дожъ венеціанскій къ совѣту, или епископъ къ своему капитулу; еще меньше, понятно, могъ онъ представить имъ серьезныхъ возраженій противъ ихъ примѣненія процессуальныхъ нормъ гражданского права къ вопросамъ государственнаго права. Онъ совѣтовалъ все-таки курфюрсту принять лучше личное участіе въ избраніи Фердинанда и не поощрять воинственнаго задора ландграфа, но прибавилъ при этомъ со вздохомъ: «Боже Ты мой, какой я ребенокъ въ этихъ политическихъ дѣлахъ». А у Лютера, въ его

«Предупрежденіи дорогимъ моимъ нѣмцамъ насчетъ постановленія аугсбургскаго сейма» довольно ясно можно подмѣтить воздѣйствіе письма къ нему ландграфа, въ которомъ тотъ именно доказывалъ реформатору законность борьбы противъ императора. «Карлъ благородный», разумѣется, остается по прежнему въ его глазахъ «овечкой среди волковъ», но крайность оправдывала самозащиту противъ кровожадной стаи папистовъ. Совсѣмъ какъ ландграфъ въ этомъ своемъ письмѣ, и Лютеръ ссылается также на примѣры ветхозавѣтныхъ героевъ и гуситовъ, Іуды Маккавея и Жижки. Съ огнемъ первыхъ годовъ реформациі онъ восклицаетъ: «Итакъ радостно терпи и переноси самое худшее, будь то война, или возмущеніе, какъ это угодно будетъ Богу во гнѣвѣ Его». И вызывающе онъ именуетъ себя: «нѣмецкій пророкъ, готовый услужить и угодить моимъ папистамъ и осламъ».

Еще до избранія Фердинанда на собраніи въ Шмалькальденѣ протестантскихъ государей и пословъ отъ городовъ (отъ 22 до 31 декабря 1530 г.) заключенъ былъ евангелической союзъ, и при томъ въ основу его положенъ былъ составленный въ 1529 году проектъ договора между Гессеномъ и швейцарскими городами о взаимномъ предоставленіи правъ гражданства. Рѣшающимъ условіемъ было то, что въ этомъ договорѣ, заключенномъ на шесть лѣтъ, уже и для императора не было сдѣлано исключенія. Сказано было, положимъ, что «союзъ этотъ заключенъ не противъ императора или противъ кого бы то ни было другого», т. е., что это союзъ не наступательный, но собственно цѣль союза,—обязательство защищать противъ всякаго нападенія, которое предпринято будетъ явно изъ-за слова Божія, изъ-за евангелическаго вѣроученія, или вѣроисповѣданія или подъ какимъ-либо и другимъ предлогомъ противъ кого-нибудь изъ членовъ союза, — не допускаетъ никакихъ исключеній. Утвержденіе союза состоялось сначала между курфюрстомъ саксонскимъ, Гессеномъ, Люнебургомъ, Вольфгангомъ ангальтскимъ, двумя графами мансфельдскими и городами Магдебургомъ и Бременомъ. Малодушіе маркграфа Георга и нюрнбержцевъ, которые опять стали искать совѣта у своихъ теологовъ, выдѣлялось особенно рѣзко при смѣлости курфюрета саксонскаго, для которой верхне-нѣмецкіе города не находили достаточныхъ похвалъ; «немало есть людей, превосходныхъ и истинно-благочестивыхъ между прочимъ,—писалъ Буццеръ Цвингли,—которые изъ преувеличенной робости передъ непонятными мѣстами св. писанія подчиняются больше, чѣмъ слѣдуетъ, своимъ ученымъ». Да впрочемъ и верхне-нѣмецкіе города присоединились не сразу, такъ какъ въ Шмалькальденѣ съ лютеранской стороны поставили имъ въ видъ предварительнаго условія устраненіе при-скорбныхъ уклоненій въ церковныхъ обрядахъ. Необходимое завершеніе

Шмалькальденскаго союза зависѣло, можно сказать, отъ исхода борьбы, которую пришлось вести сѣверно-германскимъ лютеранамъ съ Цвингли за швабскіе имперскіе города. Ибо теперь, когда самъ курфюрстъ саксонскій желалъ привлеченія швейцарцевъ и протягивалъ имъ руку, лишь бы они присоединились къ исповѣданію вѣры четырехъ городовъ (Tetrapolitana, стр. 117), когда Лютеръ, Меланхтонъ, Іонасъ подавали своему курфюрсту надежду на соглашеніе, Цвингли оставался при прежнемъ своемъ мнѣніи, что съ лютеранами можно вступить въ союзъ только въ томъ видѣ, какъ они сами дѣйствуютъ заодно съ папистами противъ турокъ. Онъ заявилъ, что лютеранскій чинъ совершенія таинства евхаристіи, «пожалуй, еще болѣе отзывается католичествомъ, чѣмъ сама католическая месса», и отвергъ «недостойнымъ путемъ достигнутое соединеніе» Буццера, вслѣдствіе чего послѣдній прекратилъ всякія дальнѣйшія объясненія съ нимъ по этому дѣлу. Въ февралѣ 1531 года въ Базелѣ собраніе представителей швейцарскихъ городовъ, соединившихся на условіи согражданства, рѣшило противъ заключенія союза съ нѣмцами, совершенно въ духѣ Цвингли. Почти одновременно съ этимъ въ Меммингенѣ на съѣздѣ представителей совѣтовъ швабскихъ городовъ и духовенства составленъ былъ протестъ противъ вышеупомянутаго единообразія христіанскихъ церковныхъ обрядовъ, которое затѣвали ввести лютеране, и которое совершенно неизвѣстно было древней церкви, а установлено было впервые только въ угоду папѣ Карломъ Великимъ. Несмотря на это, Буццеру и его единомышленникамъ удалось сдѣлать возможнымъ соединеніе съ сѣверно-германскими князьями благодаря тому, что существующее разногласіе въ догматахъ постарались «изрядно утаить» отъ глазъ свѣта, а именно скрыли его даже отъ самихъ виттенбержцевъ формальнымъ приближеніемъ къ ихъ ученію объ евхаристіи. Даже Меланхтонъ, для котораго и ландграфъ былъ теперь уже не «македонянинъ», а «гераклидъ», настолько преодолѣлъ свое прежнее отвращеніе къ «прикрашенному и пропитанному ложью синкретизму», что написалъ дружественное письмо страсбургскому посреднику; нюрнбержцы продолжали и теперь, какъ и прежде, относиться съ глубочайшимъ недовѣріемъ къ этому «едва-ли не коварному человѣчку, Буццерику», но это ни къ чему не повело. Въ первомъ официальномъ документѣ,—можно пожалуй назвать его учредительной грамотой Шмалькальденскаго союза,—который данъ былъ курфюрстомъ саксонскимъ 27 февраля 1531 года, кромѣ уже выше названныхъ участниковъ, приведены еще не только Іоганнъ Фридрихъ, наслѣдникъ курфюрста саксонскаго, и герцоги брауншвейгскіе Филиппъ, Оттонъ и Францъ, но также и верхне-нѣмецкіе города: Страсбургъ, Ульмъ, Констанцъ, Рейтлингенъ, Меммингенъ, Линдау, Биберахъ, Исни и ганзейскій городъ Любекъ, хотя эти

послѣдніе только впослѣдствіи подписались подъ союзнымъ договоромъ. Еще прежде чѣмъ это совершилось, вторичное собраніе въ Шмалькальденѣ (въ концѣ марта и началѣ апрѣля) показало, что между князьями и верхне-нѣмецкими городами установилось доброе согласіе; Минквицъ, саксонскій посолъ, выразилъ передъ представителями городовъ желаніе, чтобы соглашеніе между Лютеромъ и Буццеромъ относительно таинства евхаристіи оглашено было проповѣдниками въ одинаковой формѣ всему народу и «распространено по всему свѣту». На одномъ изъ слѣдующихъ съѣздовъ союзниковъ во Франкфуртѣ (въ іюнѣ) присоединились города Брауншвейгъ и Гёттингенъ, а слѣдующею зимою Гозларъ и Эймбекъ. Хотя соединеніе въ союзъ исключительно только единовѣрныхъ государей и городовъ и отличается это новое примѣненіе издавна примѣнявшагося въ имперіи начала соединенія отъ прежнихъ подобныхъ союзовъ, а все-таки уже съ самаго начала являются и комбинаціи, имѣющія въ виду воспользоваться для евангеличества, благодаря нѣкоторымъ общимъ интересамъ, и помощью католическихъ державъ, какъ принадлежащихъ, такъ и не принадлежащихъ къ составу имперіи. Протестъ противъ постановленія аугсбургскаго сейма съ апелляціей къ свободному собору былъ посланъ во Францію и Англію; Францискъ I заявилъ, что онъ съ радостью готовъ заступиться въ качествѣ исконнаго «защитника нѣмецкой свободы». Въ августѣ 1531 года состоялось въ Гисенѣ свиданіе между Леонгардомъ Эккомъ и ландграфомъ. Это какъ разъ та же самая неразборчивая на средства политика, которую мы видѣли уже въ проектахъ, обсуждавшихся ландграфомъ гессенскимъ и швейцарцами въ 1529 году.

И въ Шмалькальденскомъ союзѣ, конечно, съ самаго начала стала обнаруживаться борьба между порывающимъ впередъ и осмотрительно задерживающимъ элементами. Отношеніе ландграфа къ курфюрсту саксонскому можно въ нѣкоторомъ смыслѣ уподобить отношенію Цюриха къ Берну. Филиппъ обратился весь въ огонь и пламя, когда союзъ дѣйствительно осуществился; онъ надумалъ тотчасъ же привести въ исполненіе свой излюбленный планъ возстановленія на престолѣ Ульриха вюртембергскаго, какъ только весною 1531 года пришло извѣстіе о новомъ вторженіи турокъ; не кто-нибудь, а самъ могущественный ренегатъ Гритти (стр. 91) предложилъ уже ему вступить въ союзъ съ султаномъ и Запольею противъ Фердинанда. На баварцевъ можно смѣло рассчитывать, думалъ Филиппъ; и они вѣдь не должны держаться въ сторонѣ, пишетъ онъ какъ-то Экку, «если они намѣрены добиваться королевской короны и себѣ свободы». Но при саксонскомъ дворѣ отвергли съ негодованіемъ эту нехристіанскую мысль воспользоваться бѣдетвеннымъ положеніемъ Фердинанда при турецкомъ нашествіи, тѣмъ болѣе, что опасеніе немед-

ленныхъ насильственныхъ мѣропріятій со стороны императора мало помалу ослабѣло. Карлъ V старался напротивъ съ весны 1531 года какимъ бы то ни было образомъ вступить временно въ сдѣлку съ протестантами, для чего онъ и разрѣшилъ курфюрстамъ майнцскому и пфальцскому попытаться устроить соглашеніе и назначилъ на осень новый созывъ сейма. Послѣ долгаго колебанія онъ согласился даже на одну уступку, которой настоятельно требовали протестанты, поддерживаемые въ этомъ Фердинандомъ. Именно, въ силу аугсбургскаго постановленія имперскій камеральный судъ открылъ, такъ сказать, юридическую войну противъ еретиковъ, затѣявши цѣлый рядъ процессовъ о возвращеніи секуляризованныхъ церковныхъ имѣній и возстановленіи отмѣненной судебной власти духовенства. Вотъ на пріостановленіе всѣхъ этихъ весьма обременительныхъ для протестантовъ процессовъ, по крайней мѣрѣ на ближайшее время, впредь до сейма и согласился Карлъ 8-го іюля. А то, что онъ узналъ отъ Корнелія Шеппера, совѣтника своего, котораго онъ отправилъ въ Германію, могло только еще болѣе утвердить его въ его миролюбивыхъ намѣреніяхъ, да, пожалуй, больше всего прочаго способствовали этому все болѣе и болѣе грозныя вѣсти о положеніи, принимаемомъ Франціей. Духовные князья, какъ-то Филиппъ шпейерскій и Христофоръ Стадіонъ аугсбургскій, съ жаромъ совѣтовали допустить терпимость, по крайней мѣрѣ, брака священниковъ и причащенія мірянъ подъ обоими видами. Стадіонъ полагалъ, что, стоитъ только привлечь къ себѣ лютеранъ, справиться съ цвингліанами будетъ ужъ легко. Шепперъ дерзалъ надѣяться, что ему лично удастся, можетъ быть, склонить Меланхтона и Іонаса. Не подлежитъ во всякомъ случаѣ никакому сомнѣнію, что склонность къ союзу со швейцарцами въ Саксоніи опять совершенно улетучилась. Ландграфу, который все еще крѣпко держался мысли о соединеніи съ Цвингли и о присоединеніи швейцарцевъ къ союзу, хотя бы изъ-за этого Саксонія отдѣлилась даже отъ союза, не удалось ни во время франкфуртскаго съѣзда, ни послѣ него осуществить это наперекоръ отвращенію саксонцевъ; 30-го іюля онъ жалуется, что это—слѣдствіе любезнаго отвѣта императора. Напротивъ, несмотря на Шмалькальденскій союзъ, отдѣленіе южно-германскихъ городовъ отъ вліянія виттенбержцевъ въ религіозной области казалось въ 1531 году почти что неизбѣжнымъ. Ибо цвингліанство подъ эгидой Страсбурга неудержимо распространялось въ швабскихъ городахъ. Еще до упомянутаго меммингенскаго съѣзда, который, между прочимъ, настаивалъ на введеніи строгой церковной дисциплины, рейтлингенцы удалили изъ своихъ церквей образа и алтари; лѣтомъ примѣру ихъ послѣдовалъ могущественный Ульмъ, гдѣ это «низверженіе антихриста» производилось подъ личнымъ руководствомъ Буццера, Бларера

и Эколампадія съ такимъ же вандализмомъ, какъ и въ Цюрихѣ, а въ соборѣ испорчены были даже знаменитыя деревянныя рѣзные работы Зирлина, и разрушены оба органа. Эти три реформатора отправились изъ Ульма въ Биберахъ и съ успѣхомъ продолжали свой походъ противъ «идоловъ и католической мессы». Блареръ, котораго Буццеръ называетъ «апостоломъ Швабіи въ предѣлахъ констанцской епархіи», потрудился еще въ томъ же духѣ и надъ преобразованиемъ церкви въ Эслингенѣ. А тѣмъ временемъ и въ Аугсбургѣ, давно уже раздираемомъ религіозными несогласіями, «буццеранство» одержало верхъ надъ лютеранствомъ, главные представители котораго вынуждены были удалиться и уступить мѣсто страсбургскимъ проповѣдникамъ. Самъ курфюрстъ саксонскій своей опять поднявшеюся неуступчивостью содѣйствовалъ тому, что верхне-нѣмецкіе города бросились въ объятія швейцарцевъ. Эшеръ говоритъ: «Для Цвингли это была такая пора, что благопріятнѣе ея едва ли можно было ожидать впереди: казалось ему безо всякаго труда, словно спѣлый плодъ, свалилось прямо въ руки то, что онъ самъ отодвинулъ, повидимому, еще дальше, чѣмъ было прежде, своимъ отказомъ въ февралѣ».

Но власть Цвингли была теперь уже не прежняя. Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться «верховнымъ блюстителемъ всего союза», какъ этого хотѣлось его приверженцамъ, онъ сталъ замѣчать, что даже въ самомъ Цюрихѣ, гдѣ одно время онъ, можно сказать, властвовалъ почти неограниченно, господству его серьезно угрожаетъ все возрастающая оппозиція. Не говоря уже о противодѣйствіи аристократическихъ элементовъ, которое никогда не было подавлено окончательно, даже и среди реформатовъ пробудилось республиканское недовольство такимъ исключительнымъ положеніемъ одного человека. Казалось, что народныя голосованія совсѣмъ исчезнутъ при правленіи Цвингли и самыхъ приближенныхъ членовъ его тайнаго совѣта. Неудачи его широкозадуманной активной политики евангеликовъ могли только усилить это недовольство, а Бернъ и безъ того вовсе не расположенъ былъ играть роль, которую не прочь былъ предназначить ему Цвингли, именно увлекать за собою вмѣстѣ съ Цюрихомъ весь швейцарскій союзъ, «словно пара воловъ, запряженныхъ въ одну телѣгу». Такъ онъ выражается въ своей программѣ преобразования заново швейцарскаго союза, въ которой онъ со своей теократической точки зрѣнія доходитъ почти до современной намъ идеи сильной государственной власти, распределяемой въ союзѣ соотвѣтственно количеству населенія въ отдѣльныхъ кантонахъ, для того, чтобы лишить католическіе кантоны съ ихъ сельскимъ населеніемъ того вліянія, которымъ они до сихъ поръ пользовались. Онъ высчитываетъ, что населеніе Цюриха и Берна относится къ населенію первоначальныхъ кантоновъ, какъ шесть къ единицѣ, и высказываетъ

напрямикъ, что, кто не можетъ быть господиномъ, тому, по всей справедливости, приходится быть слугой. Но вмѣсто единодушія, котораго онъ добивался, тяжкія испытанія 1531 года привели, напротивъ, подъ вліяніемъ соперничества къ отчужденію между обоими городами; «съ обѣихъ сторонъ опасались», говоритъ Вадіанъ, «что противная сторона сдѣлается чрезчуръ могущественной для нихъ». Не безъ вины со стороны цюрихской политики такъ называемая «война противъ Муссо» послужила тогда поводомъ къ катастрофѣ, которая едва не повела къ гибели всего дѣла реформаціи въ Швейцаріи. Владѣлецъ замка Муссо, авантюристъ изъ Милана, образовалъ изъ своего горнаго гнѣзда, которое господствовало надъ озеромъ Комо (Lago di Como), нѣчто въ родѣ тиранній прежнихъ кондотьеровъ; когда онъ въ своихъ враждебныхъ предпріятіяхъ противъ сосѣднихъ съ нимъ граубюнденцевъ дошелъ до того, что убилъ одного изъ ихъ пословъ и вторгся въ Вельтлинъ, тогда граубюнденцы обратились за помощью къ швейцарцамъ въ качествѣ союзниковъ ихъ. Такъ какъ владѣлецъ Муссо давно уже слылъ сторонникомъ императора, а отказъ католическихъ кантоновъ принять участіе въ войнѣ противъ него совпалъ съ много разъ уже приходившими предупрежденіями о воинственныхъ замыслахъ императора, то Цюрихъ и объявилъ это дѣло, въ которомъ, по мнѣнію большинства кантоновъ, «религія ни на волосъ не была задѣта», началомъ задуманной Карломъ V реакціи противъ евангелическаго движенія, а эти пять кантоновъ («пятиградіе») соучастниками въ замыслахъ Габсбурга. Однако, еще прежде чѣмъ походъ швейцарскихъ и миланскихъ войскъ покончилъ навсегда съ господствомъ владѣльца Муссо, въ Швейцаріи произошла кровопролитная рѣшительная развязка, на которую «пятиградіе» прямо-таки вызвано было постановленіемъ соединившихся на правахъ согражданства городовъ отрѣзать подвозъ къ нему съѣстныхъ припасовъ. Цвингли настоятельно, но безуспѣшно совѣтовалъ не прибѣгать къ этой ненавистной мѣрѣ; сознаніе, что вліяніе его ослабѣваетъ, заставило его просить въ іюлѣ объ увольненіи отъ занимаемыхъ имъ должностей, и, хотъ онъ и уступилъ просьбамъ цюрихцевъ остаться у нихъ, но его прежняго бодрого и рѣшающаго участія въ политическихъ трудахъ совсѣмъ какъ не бывало. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ желаніе швабскихъ городовъ плотнѣе примкнуть къ членамъ союза согражданства городовъ не встрѣтило со стороны послѣднихъ надлежащей готовности, что Цюрихъ только неохотно вступилъ въ переговоры съ Гессеномъ относительно предложенія послѣдняго по вюртембергскому дѣлу. Тѣмъ рѣшительнѣе оказались на-противъ пять кантоновъ, раздраженные до крайности, а не укрощенные этимъ прекращеніемъ всякаго подвоза. Ихъ попытки заручиться помощью папы, братьевъ Габсбурговъ, Милана и Савойи не достигли никакого до-

стойнаго упоминанія успѣха, тогда они рѣшились напасть съ однѣми своими силами. Одновременно съ объявленіемъ войны 9 октября авангардъ ихъ выступилъ въ походъ.

Цюрихцы, застигнутые совсѣмъ врасплохъ, могли выставить въ поле близъ Каппеля всего только около 1,200 человекъ, когда 11 октября главные силы непріятеля, состоявшія изъ 8,000 человекъ, стали надвигаться со стороны Цуга. Городской отрядъ, подъ знамена котораго на спѣхъ собралось тысячи полторы человекъ, соединился со слабымъ своимъ авангардомъ, между тѣмъ какъ противники, нисколько не подозрѣвая безсилія цюрихцевъ, ограничивались до сихъ поръ артиллерійской перестрѣлкой. Но, когда одинъ изъ лазутчиковъ арміи пяти кантоновъ подмѣтилъ малочисленность «еретиковъ и расхитителей церковныхъ сосудовъ», тогда исходъ не долго оставался нерѣшительнымъ, тѣмъ болѣе, что цюрихцы не догадались обезпечить себѣ отступленіе. Несмотря на свою отчаянную храбрость, они были подавлены перевѣсомъ въ числѣ непріятелей. Въ числѣ «храбрѣйшихъ и лучшихъ», которые сочли позорнымъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оказался самъ Цвингли. Онъ участвовалъ въ походѣ въ качествѣ полкового проповѣдника и стойко держался въ свалкѣ; дважды падалъ онъ на землю и снова поднимался на ноги, пока третій ударъ не сразилъ его. Еще живымъ нашли его на полѣ битвы; когда онъ отвѣтилъ отказомъ на предложеніе исповѣдаться, одинъ изъ начальниковъ наемныхъ войскъ, уроженецъ Унтервальдена, добилъ его. Непріятельскій военный судъ приговорилъ подвергнуть трупъ его четвертованію и сожженію. Такъ умеръ Цвингли за своего бога и родной городъ, подобно столькимъ героямъ ветхаго завѣта и античнаго міра. Ему выпалъ на долю жребій, который онъ въ былые годы воспѣлъ какъ лучшій:

Wann eerlich nieman hinneen ruckt,
Dann der in tapfrer that verzuckt.

(Никто не расстаётся съ жизнью съ такой честью, какъ человекъ, котораго смерть застигаетъ при совершеніи смѣлаго подвига).

И величайшаго изъ сыновъ Швейцаріи не миновала трагическая участь историческихъ героевъ. Вполнѣ основательно указывали на многочисленныя и вопіющія противорѣчія между почти современной намъ свободой мысли у Цвингли и его часто отталкивающей суровостью въ примѣненіи на дѣлѣ. Въ немъ сталкиваются ренессансъ и реформація, гуманистическія и теократическія склонности, любовь къ Швейцаріи и къ слову Божію. Въ своей личности онъ сумѣлъ для себя достичь совмѣщенія всѣхъ этихъ противоположностей при помощи высшаго объединяющаго начала; какъ въ его представленіи о царствіи небесномъ находили себѣ мѣсто не папы, поло-

жимъ, а Сократъ и Аристидъ, Катонъ и Сципіонъ, Гераклъ и Тезей, такъ онъ жилъ въ твердомъ убѣжденіи, что не можетъ быть, чтобы Швейцарія понесла какой-либо ущербъ отъ возстановленія въ ней слова Божія. Но опыты послѣднихъ лѣтъ его не оставили въ немъ никакого сомнѣнія, что попытка его поработить дѣйствительность служенію теократическому идеалу повела къ самымъ тяжкимъ замѣшательствамъ и разочарованіямъ. Онъ самымъ благороднымъ образомъ расплатился за свою долю виновности въ этой катастрофѣ. Но смерть Цвингли повела еще и къ тому, что стычка при Каппелѣ приобрѣла рѣшающее значеніе, далеко не соотвѣтствующее чисто-военному значенію ея. Ибо, хотя о полномъ уничтоженіи могущества Цюриха и рѣчи не могло быть, напротивъ, немного дней спустя городъ собралъ армію въ 12,000 человѣкъ, нравственное впечатлѣніе этого рокового дня какъ въ самомъ Цюрихѣ, такъ и за предѣлами его было подавляющее. Соединеніе съ отрядами бернцевъ не придало внутренней опоры военнымъ дѣйствіямъ реформатовъ; послѣ второго дѣйствительно позорнаго пораженія близъ Цуга они стали склоняться къ миру, который и былъ заключенъ Цюрихомъ 16 ноября, а Берномъ недѣлю спустя. Въ условіяхъ его выговорены были: прекращеніе союза согражданства между евангелическими городами, охрана католическаго меньшинства въ областяхъ, состоящихъ въ общемъ владѣніи, а въ остальномъ начало равноправности обоихъ вѣроисповѣданій сохранилось все-таки въ силѣ; старая вѣра была, положимъ, нарочно отличена при этомъ какъ «истинно христіанская вѣра». Въ цѣломъ рядѣ областей, состоявшихъ въ общемъ владѣніи, и въ вольныхъ волостяхъ насильственно возстановлено было католическое богослуженіе, реформаты изгнаны, нѣсколько человѣкъ убито. Реакція эта распространилась и на Золотурнъ и на С. Галленъ, въ которомъ только городъ и Тоггенбургскій округъ сохранили реформатское вѣроисповѣданіе, тогда какъ въ Гларусѣ первое время оба вѣроисповѣданія уживались еще мирно. Замыселъ обратить всю Швейцарію въ реформатство, какъ объ этомъ мечталъ Цвингли, рухнулъ до самаго основанія, религіозное раздвоеніе Швейцаріи совершилось непоправимо.

Однако, о полномъ возстановленіи старой вѣры не дерзали и думать болѣе благоразумные изъ побѣдителей. Какъ Цвингли тщетно рассчитывалъ на помощь Франціи, такъ и католическіе пять кантоновъ на дѣлѣ предоставлены были только своимъ собственнымъ силамъ, и искреннія старанія короля Фердинанда подговорить своего брата воспользоваться побѣдой католиковъ въ Швейцаріи остались почти что безуспѣшными; тщетно онъ не одинъ разъ указывалъ на то, что не только интересы религіи, но и интересы всего Габсбургскаго дома Австріи и Бургундіи требовали отъ императора какъ «главы и тѣла христіанской религіи» ухватиться за этотъ

безподобный благоприятный случай и положить конецъ религіозному раздору и самому сдѣлаться хозяиномъ въ Германіи. Карлъ V ограничился тѣмъ, что далъ пяти кантонамъ субсидіи; на это же рѣшился и папа, со своей стороны перепугавшійся при мысли о возможности побѣды реформатовъ и похода ихъ противъ Рима. При дворѣ императора, повидимому, не раздѣляли взгляда Фердинанда, что евангелики въ Германіи безъ помощи Швейцаріи, которая была для нихъ и головой и силой, останутся слабыми и безпомощными; тамъ, напротивъ, преобладало скорѣе стремленіе удержать нѣмецкихъ протестантовъ отъ участія въ швейцарской религіозной войнѣ, которая, какъ Карлу казалось, представляла большую опасность въ виду несомнѣнно враждебныхъ замысловъ Франціи и при склонности султана къ набѣгамъ. Вообще едва ли когда-либо политика Карла V была болѣе осмотрительной, чѣмъ въ эти годы, когда, по выраженію Ранке, судьба развязала ему руки на время, для того, чтобы устранить такъ или иначе религіозныя смуты. Переговоры съ вождями Шмалькальденскаго союза продолжались неумолчно черезъ посредство графовъ нассаускаго и нейнарскаго (Nuenar), но сближенія не произошло. Курфюрстъ Іоганнъ и слышать не хотѣлъ ничего насчетъ помощи противъ турокъ, если не будетъ заключенъ религіозный миръ, и даже свое появленіе на сеймѣ ставилъ въ зависимость отъ исполненія цѣлаго ряда условій, въ числѣ коихъ требованія свободы проповѣди и, въ особенности, охранной грамоты для Лютера, безъ совѣта котораго онъ-де не можетъ обойтись, должны были, конечно, показаться императору совсѣмъ уже «черезмѣрными и безстыдными». Протестанты имѣли въ виду вовсе не продолженіе препирательствъ о жгучихъ вопросахъ, а возстановленіе до собора мирныхъ отношеній между обѣими сторонами; и съ этой точки ихъ нельзя уже было сдвинуть.

Пока императоръ весьма осмотрительно подготавливалъ еще предварительныя условія для объединенія католическихъ имперскихъ чиновъ, до котораго было еще далеко, вполне успѣлъ создаться протестантскій союзъ подъ впечатлѣніемъ швейцарской катастрофы и ея послѣдствій. Лютеръ не могъ воздержаться отъ того, чтобы не выразить своего удовольствія по случаю гибели Цвингли, который умеръ, какъ убійца; какъ раньше, такъ и впослѣдствіи онъ ставилъ своего великаго соперника на одинъ уровень съ Карльштадтомъ и Мюнцеромъ. Битва при Каппелѣ въ его глазахъ была судомъ Божиимъ, Цвингли—осужденнымъ, развѣ только Богъ помилуетъ его *extra regulam* (въ видѣ исключенія), а побѣда швейцарскихъ католиковъ «не возбуждала въ немъ почти что радостнаго настроенія и не заслуживала такой громкой славы» потому только, что они все-таки не искоренили окончательно заблужденій сакраментаріевъ. Напротивъ, онъ видѣлъ въ этомъ ту существенную выгоду, что вслѣдствіе этихъ происшествій

ландграфъ, Страсбургъ и другіе нѣмецкіе евангелики были оторваны отъ швейцарцевъ. Вообще въ послѣднее время онъ началъ смотрѣть другими глазами на этого передового бойца нѣмецкаго протестантства: «я хвалю ландграфа за то», высказался онъ какъ-то въ кружкѣ близкихъ людей, «что теперь онъ не спрашиваетъ у насъ совѣта, какъ раньше, а думаетъ: ты, Лютеръ, говори проповѣди, а я тѣмъ временемъ присмотрю за тѣмъ, чтобы кони были осѣдланы». Филиппъ предложилъ страсбургцамъ немедленно сообща послать подкрѣпленіе цюрихцамъ въ случаѣ крайности и даже послѣ заключенія мира въ Цюрихѣ предлагалъ еще вспомогательный отрядъ въ 4,000 человекъ на случай, «если они надумаютъ отомстить и вознаградить себя за убытки и гнусное (въ первоначальномъ наброскѣ стоитъ «позорное») обращеніе, которое имъ пришлось испытать». Но отвѣтъ цюрихцевъ довольно ясно далъ понять ландграфу, что они вообще не желаютъ болѣе имѣть съ нимъ никакого дѣла. Впрочемъ, онъ въ то время предполагалъ, что ему самому грозитъ серьезная опасность со стороны Габсбурговъ, а между тѣмъ завистливое соперничество курфюрста саксонскаго съ ландграфомъ гессенскимъ привело при окончательной организаціи Шмалькальденскаго союза къ постоянному ущербу для общихъ интересовъ. Таковымъ именно слѣдуетъ признать то, что на съѣздѣ князей, графовъ и ганзейскихъ городовъ въ Нордгаузенѣ первоначальный планъ вручить главное руководство военными силами одному вождю саксонцы провалили тѣмъ, что предложили въ кандидаты совершенно неискускаго въ военномъ дѣлѣ и неопытнаго въ политикѣ князя ангальтскаго, въ сущности только для того, чтобы обойти само собой понятное назначеніе ландграфа. Нордгаузенскій проектъ отъ 6 декабря, который положенъ былъ въ основу переговоровъ во Франкфуртѣ (отъ 19 до 27 декабря), раздѣлилъ главное командованіе на случай «спѣшной помощи» между наслѣдникомъ курфюрста саксонскаго Іоганномъ Фридрихомъ и ландграфомъ, тогда какъ при болѣе продолжительной войнѣ въ главнокомандующіе должны были избрать кого-нибудь изъ трехъ князей: саксонскаго, гессенскаго или люнебургскаго. Въ обыкновенное время въ должности главнокомандующаго каждые полгода чередовались наслѣдникъ принца саксонскій и ландграфъ гессенскій; главнокомандующій имѣлъ право, въ случаѣ надобности, созывать военный совѣтъ; изъ числа девяти голосовъ Саксонія, Гессенъ, верхне-нѣмецкіе и нижне-нѣмецкіе города имѣли по два голоса, а остальной голосъ предоставленъ былъ графамъ и остальнымъ князьямъ вмѣстѣ, съ такой оговоркой, что каждый главнокомандующій въ продолженіе своей очереди имѣетъ право созвать только одинъ совѣтъ, и при равенствѣ голосовъ его голосъ имѣетъ рѣшающее значеніе. Въ случаѣ войны въ сѣверной германской области предводительство принадлежало Саксоніи, а Гессенъ долженъ былъ предоставить

свои боевыя силы своему соначальнику; если же война происходила въ Гессенѣ или въ южной Германіи, наступало обратное положеніе. Для спѣшной помощи постановлено было выставлять 2,000 всадниковъ и 10,000 пѣхоты, жалованіе за два мѣсяца опредѣлено во сто сорокъ тысячъ гульденовъ, половину его должны были вносить князья, а другую половину города. При установленіи и распредѣленіи денежныхъ взносовъ проявились весьма замѣтно прежнія несогласія между городами и князьями съ одной стороны, между верхне-нѣмецкими городами и нижне-нѣмецкими съ другой; понадобилось еще не одно собраніе, чтобы уладить эти вопросы. Кромѣ того, верхне-нѣмецкимъ городамъ все еще приходилось бороться съ сомнѣніями по поводу вѣроисповѣданія, которыя снова возбудили въ саксонцахъ главнымъ образомъ не состоявшіе въ числѣ членовъ союза нюрнбержцы и маркграфцы. Только заявленіе Страсбурга и другихъ городовъ, что они принимаютъ саксонское исповѣданіе вѣры наравнѣ съ исповѣданіемъ четырехъ городовъ (Tetrapolitana) какъ согласное съ послѣднимъ и не отвергаютъ ученія о таинствѣ евхаристіи, какъ оно изложено въ саксонскомъ исповѣданіи, положило на время конецъ докучнымъ препирательствамъ.

Со времени битвы при Каппелѣ разъ навсегда рѣшенъ былъ лютеранскій характеръ Шмалькальденскаго союза и перевѣсъ княжескаго элемента надъ городскимъ. Мы не должны однако всю вину въ этомъ раздѣленіи швейцарскихъ и нѣмецкихъ евангеликовъ сваливать только на однихъ лютеранъ, если мы желаемъ судить справедливо; вѣдь и сама Саксонія одинъ разъ тщетно протянула руку примиренія цвингліанамъ. Но неоспоримо то, что и тогда уже, а еще того болѣе впослѣдствіи своеобразная двойственность, присущая тѣмъ лютеранскимъ имперскимъ князьямъ, которые полагали, что они могутъ совмѣстить вооруженную защиту евангеличества съ лойяльностью относительно императора, наложилла на протестантовъ въ Германіи отпечатокъ какой-то ограниченности и безучастности къ развитію реформаціи внѣ предѣловъ Германіи. Было бы весьма несуразнымъ выводить такое явленіе изъ живого сознанія интересовъ націи, когда оно скорѣе всего происходитъ отчасти изъ сектантской косности, частью изъ несомнѣннаго страха передъ опасностью для государства мнимыхъ «сумасбродныхъ» ученій. Всякимъ религіознымъ компромиссамъ самъ Лютеръ объявилъ войну въ слѣдующихъ словахъ, которыми черезчуръ даже рьяно слѣдовали: «Да будетъ проклята до самой бездны ада любовь, которая сохраняется въ ущербъ и во вредъ истинному ученію; передъ нимъ все должно тотчасъ же уступать, будь то любовь, апостолъ, ангелъ съ небеси и все, что бы тамъ ни было». Въ этомъ проклятій заключается послѣдующая печальная судьба реформаціи въ Германіи. Отка-

зываются признавать цвингліанъ братьями, но ни мало не колебались ревностно поддерживать начавшіяся связи съ чужими землями. Ибо Шмалькальденскій союзъ принадлежалъ какъ никакъ по сущности своей къ разряду силъ, враждебныхъ императору; его начали въ качествѣ возникающей державы принимать въ расчетъ во внѣшней европейской политикѣ. Генрихъ VIII надѣялся уже увидѣть, какъ императору угрожаетъ серьезный противникъ въ лицѣ курфюрста саксонскаго. Карлъ упустилъ случай воспользоваться годами мира; вмѣсто того, чтобы подчиниться, протестанты въ Германіи въ концѣ концовъ доросли до политическаго сознанія, а между тѣмъ со всѣхъ сторонъ давнишніе противники Габсбурга готовились къ новому нападенію на него.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Блестящій періодъ протестантства въ Германіи.

Бурные годы между основаніемъ Шмалькальденскаго союза и началомъ его упадка были временемъ рѣшительнаго успѣха реформаціи въ Германіи. Протестанты вынуждаютъ императора и католиковъ къ нѣкоторымъ правовымъ уступкамъ; область распространенія евангеличества расширяется частью мирнымъ путемъ, частью силою оружія; еще разъ усилена опасность революціи, которую представлялъ евангелическій радикализмъ. И въ то же время, благодаря паденію папской власти въ Скандинавіи и Англіи, передъ евангеличествомъ открываются обширные виды на будущее. Не сплотись протестанты въ союзъ, имъ невозможно было бы даже отстоять своего положенія, не то что воспользоваться для дальнѣйшихъ завоеваній благопріятнымъ для нихъ положеніемъ общеевропейскихъ дѣлъ. Пожалуй, ничто такъ ярко не освѣщаетъ перемѣны, происшедшей въ воззрѣніяхъ нѣмецкихъ евангеликовъ подѣ дѣйствіемъ неизбежнаго вмѣшательства политическихъ соображеній и побужденій, какъ то вліяніе, которое порой оказывали эти соображенія даже на такого человѣка, какъ Лютеръ. Положимъ, это не могло служить достаточнымъ противовѣсомъ долговременному недостатку политическаго воспитанія и тормозящему гнету стѣсненныхъ государственныхъ обстоятельствъ; насколько свободно и естественно владѣлъ техникой политической борьбы всякій мелкій династъ или членъ городского совѣта въ Италіи, настолько же безпомощными оказывались передъ охватывавшими весь міръ кознями императорской дипломатіи эти нѣмецкіе князья и города. Все спасеніе ихъ заключалось именно въ томъ, что даже при самыхъ тяжкихъ бѣдствіяхъ или искушеніяхъ они никогда не утрачивали нравственнаго зачатка реформа-

ціи: святыни пробудившейся совѣсти. Но одной только такой внутренней точки опоры было бы, конечно, мало для того, чтобы уравновѣсить недостаточность ихъ виѣшной силы, если бы въ теченіе лѣтъ пятнадцати еще Карлу V не мѣшали основательно расправиться съ нѣмецкой ересью многочисленные противники Габсбургскаго дома. Мы знаемъ уже о поразительномъ составѣ европейской оппозиціи, въ которой отчасти по доброй волѣ, отчасти по неволѣ объединились не только въ высшей степени разнородные, но даже прямо таки смертельно враждебные другъ другу элементы. Мы знаемъ уже о заслугахъ папства и Порты въ дѣлѣ охраненія реформациі въ Германіи. Въ одномъ письмѣ съ аугсбургскаго сейма, по поводу слуховъ о новомъ вторженіи османовъ, прямо говорится: «Ладно, пусть турокъ доставить миръ намъ, евангеликамъ. А то иначе иные изъ нихъ (т. е. католиковъ) становятся настолько враждебными къ намъ, что и Самъ Господь Богъ едва можетъ защищать насъ».

Надо было съ увѣренностью готовиться къ тому, что Сулейманъ попытается загладить неудачи своего послѣдняго похода противъ Фердинанда и обратить по меньшей мѣрѣ всю Венгрію въ вассальное турецкое государство. «Заползя палъ ницъ передъ султаномъ, — писалъ королю Фердинанду великій визирь, — онъ смотритъ, стало быть, на себя, какъ на раба султана». Всѣ усилія Фердинанда заключить съ турками миръ, даже предложеніе платить ежегодно дань, оказались безплодными; великій визирь отвергъ съ презрѣніемъ предложенную ему пенсію, и послы, которые со своей стороны не должны были соглашаться на полное очищеніе Венгріи, уѣхали съ такимъ впечатлѣніемъ, «что всемогущему Богу угодно обратить Венгрію въ кладбище для христіанъ и турокъ». У Карла V, дѣйствительно, были всѣ поводы настоятельно уговаривать Фердинанда попытаться, несмотря на это, возобновить переговоры о мирѣ, такъ какъ-де «со стороны христіанскихъ князей надо ожидать скорѣе враждебныхъ дѣйствій, чѣмъ подкрѣпленій». Кромѣ Венгріи и Германіи опасность грозила, повидимому, и южной Италіи, а между тѣмъ венеціанцы, хотя они и увѣряли при случаѣ, что при крайней надобности покажутъ, что и они христіане, не обнаруживали, однако, ни малѣйшаго желанія подвергнуть опасности свои торговые сношенія съ Сиріей и Египтомъ вслѣдствіе разрыва съ Портою. «Какъ ни безсовѣстенъ король французскій, но я предпочелъ бы имѣть своимъ союзникомъ лучше его, чѣмъ этихъ торгашей, которые вершкомъ земли дорожатъ больше, чѣмъ Богомъ», писалъ Лоайса одному изъ приближенныхъ императора. И все-таки можно сказать, что въ то время именно политика Франціи прежде всего и внушала императору эту робость передъ всякимъ обширнымъ предпріятіемъ, заставляла его желать мира съ Турціей и въ довершеніе всего

принудила его къ компромиссу съ еретиками въ Германіи. Францискъ I сумѣлъ весьма искусно сковать энергію своего противника постояннымъ страхомъ передъ ударомъ, который на самомъ дѣлѣ никогда не былъ нанесенъ. Нѣкоторыя извѣстія о французской политикѣ, которая далеко еще не выяснена, указываютъ на то, что въ 1532 году король охотнѣе всего предпочелъ бы удержатъ самого султана отъ похода противъ Фердинанда, а свое собственное нападеніе на императора произвести совмѣстно съ предпріятіями Запольи въ Венгріи и нѣмецкихъ противниковъ Габсбурга въ имперіи. Кромѣ того, вопли въ его рукахъ, какъ онъ хвастался, находился вопросъ о соборѣ; онъ условился уже съ Климентом VII насчетъ женитьбы второго своего сына, Генриха, на племянницѣ папы, Екатеринѣ Медичи, тогда какъ императоръ своимъ утвержденіемъ во владѣніи Моденой и Реджіо герцога феррарскаго (21-го апрѣля 1531 г.), пожалуй, настолько же оттолкнулъ отъ себя папу, какъ и своимъ настойчивымъ требованіемъ собора. А въ Германіи тѣмъ временемъ изъ сближенія Баваріи съ Гессеномъ возникъ (въ Зальфельдѣ 24 октября 1531 г.) форменный союзъ противъ Фердинанда между герцогами Виттельсбахами и князьями Шмалькальденскаго союза; при чемъ даже снова намѣчена была возможность разрѣшенія религіозной смуты въ Германіи въ собраніи имперскихъ чиновъ. Казалось, что великій планъ 1529 года оформится и осуществится какъ разъ тотчасъ по смерти Цвингли; во Францію и Англію посланы были для переговоровъ посредники отъ Баваріи и Гессена, Филиппъ обратился къ датскому королю Фридриху, у котораго тогда находился въ плѣну изгнанный король Христіанъ II, шуринъ императора, къ Карлу, герцогу гельдернскому, издавна смертельному врагу Габсбурга; составлялись планы о томъ, чтобы привлечь швейцарцевъ, герцога лотарингскаго и венеціанцевъ. Въ этой оживленной агитаціи и Заполья съ успѣхомъ попытался найти себѣ подходящее мѣсто; онъ предложилъ своимъ «возлюбленнымъ братьямъ и друзьямъ», баварскимъ герцогамъ, союзъ, въ силу котораго въ случаѣ нападенія австрійцевъ на Баварію, онъ обязывался возбудить турокъ вторгнуться въ Каринтію и Хорватію; половина сдѣланныхъ ими завоеваній должна была достаться поровну Запольѣ и герцогамъ; въ случаѣ вторженія турокъ въ имперію баварскія владѣнія обезпечивались отъ опустошенія. Ни султанъ, ни Заполья, ни остальные союзники не должны были заключать перемирія или мира безъ согласія Баваріи. Это было самое подходящее время для всякаго рода подозрительныхъ личностей, въ родѣ, напр., Никкеля Минквица, нарушителя земскаго мира, который съ турецкими вѣрительными грамотами отправился въ Баварію, или интригана Ласкаго, который одновременно выступалъ въ роли агента и Запольи, и польскаго короля, въ сущности

тоже льстившагося на венгерскую корону; Ласкій пытался втереться въ милость не только въ Гессенъ, Саксоніи, Баваріи, Франціи, но даже при дворѣ короля Фердинанда подъ видомъ яко-бы вѣстника мира, а на самомъ дѣлѣ въ качествѣ шпиона. «Вы, Ваша ландграфская свѣтлость, знаете теперь,—писалъ Вильгельмъ, герцога баварскій, ландграфу,—что наши расчеты больше всего зависятъ отъ короля Іоанна (Запольи); если его изгонять, или если онъ потерпитъ ущербъ, то и наше общее предпріятіе большею частью рухнетъ». Положимъ, слухи, которые передавали въ то время, будто Саксонія отправила посла къ султану, ни на чемъ не основаны; но Сулейманъ дѣйствительно рассчитывалъ вполне определенно при своемъ предпріятіи противъ Габсбурговъ на союзъ, который долженъ составиться изъ враждебныхъ императору Франціи, Англіи, Запольи, Саксоніи, Гессена и другихъ имперскихъ князей. Баварцы дѣйствительно старались лишить Фердинанда всякой помощи противъ турокъ не только на регенсбургскомъ сеймѣ, но и черезъ своихъ сторонниковъ въ Чехіи. А 26-го мая 1532 года въ монастырѣ Шейернѣ состоялось форменное заключеніе союза между Франціей, Саксоніей, Гессеномъ и Баваріей; Филиппъ представлялъ баварцамъ, что теперь самая подходящая пора вооружиться подъ предлогомъ снаряженій для отраженія турецкаго нашествія, и тогда уже «полдѣла будетъ» добиться возстановленія на престолѣ герцога вюртембергскаго и римской короны для баварскаго герцога. И въ то же время на случай, если Баварія вздумаетъ наопытную, ландграфъ оставилъ для себя открытой возможность при посредствѣ Гранвелы примириться съ императоромъ и съ Фердинандомъ; «Іоанновъ Златоустыхъ» не жалѣли, конечно, ни для Экка, ни для Гранвелы. По какому же праву нѣмецкіе политики, прибѣгавшіе къ подобнымъ средствамъ, жаловались, все-таки, на итальянское коварство и хвастались исконной вѣрностью и честностью своего народа!

Императоръ убѣдился, что непреодолимая сила ставитъ его въ необходимость во что бы то ни стало постараться сговориться съ протестантами. Вотъ это-то и заставило Франциска I отклонять султана отъ похода противъ Австріи; этому-то и старались больше всего помѣшать баварцы, послѣ того какъ курфюрстъ саксонскій отнесся несочувственно къ ихъ предложенію окружить войсками императора со всѣмъ сеймомъ въ Регенсбургѣ и такимъ образомъ добиться «полюбовнаго соглашенія». На поразительное перемѣщеніе отношеній между партіями въ имперіи указываютъ такіа явленія, какъ то, что ландграфъ до самаго конца старался сохранить за собою свободу выбора политики или за императора, или противъ него; что Эккъ одновременно натравлялъ католиковъ противъ своихъ новыхъ союзниковъ-протестантовъ и клеймилъ какъ измѣну религіи

уступки въ религіозномъ вопросѣ, на которыя императоръ согласился довольно неохотно. Но Карлъ V могъ тѣмъ менѣе колебаться вступитъ на путь, давно уже рекомендованный ему Лоайсой, что въ самой куріи въ послѣднее время отзывались поразительно милостиво о нѣмецкихъ еретикахъ; если даже оставить совсѣмъ въ сторонѣ мнимыя намѣренія лютеранъ подчиниться, которыми старались обмануть либо себя, либо представителей императора, папа Климентъ VII еще лѣтомъ 1531 года условился съ кардиналомъ Каетаномъ, что въ крайнемъ случаѣ можно будетъ для Германіи допустить обращеніе прегрѣшеній, не противныхъ божественному праву, въ простительные грѣхи и согласиться на бракъ священниковъ и причащеніе мірянъ подъ обоими видами, а весною 1532 года римскіе теологи, которымъ поручено было изслѣдовать аугсбургское исповѣданіе вѣры, нашли даже, что «въ немъ многое вполне согласно съ католическимъ ученіемъ, а иное такого рода, что его можно такъ представить, что оно не будетъ въ противорѣчіи съ вѣроученіемъ». Итакъ, къ великому изумленію Алеандера, папскаго нунція, императору было съ папской стороны дано довольно много свободы для переговоровъ съ протестантами; вели ихъ прежніе посредники, курфюрсты майнцскій и пфальцскій, сначала въ Швейнфуртѣ, а потомъ въ Нюрнбергѣ, хотя князья Шмалькальденскаго союза уклонились отъ личнаго участія въ засѣданіяхъ сейма, который былъ открытъ 17-го апрѣля въ Регенсбургѣ. Протестанты предъявили довольно-таки высокія требованія: они желали, чтобы право пользоваться религіознымъ миромъ было обезпечено не только для существовавшихъ въ то время, но и для всѣхъ будущихъ послѣдователей ихъ вѣроисповѣданія, и сверхъ того отмѣны всякаго преслѣдованія лютеранъ въ католическихъ областяхъ. Самъ Лютеръ совѣтовалъ своему курфюрсту сдѣлать уступки, указывая на то, что первое требованіе недостижимо, а второе несправедливо. Въ различіи мнѣній по первому пункту начала уже сказываться прежняя противоположность строго-лютеранскихъ Саксоніи, Бранденбурга и Нюрнберга съ Гессеномъ и съ верхне-нѣмецкими евангеликами; послѣдніе возставали противъ исключенія будущихъ единовѣрцевъ какъ противъ поруганія религіи и противъ измѣны дѣтей Божіихъ своимъ же. А между тѣмъ на сеймѣ императоръ, къ которому въ концѣ концовъ посредники обратились за рѣшеніемъ, оказался въ весьма затруднительномъ положеніи и относительно католиковъ. Имперскіе чины съ самаго начала заговорили рѣзкимъ тономъ съ главою имперіи, которому пришлось ждать съ конца февраля до середины апрѣля, чтобы получить вообще возможность открыть засѣданія сейма, назначеннаго на 6 января; они выставили ему на видъ недостатки его императорскаго правленія, дерзкое поведеніе его испанцевъ. Теперь католики стали почти угрожающимъ то-

номъ требовать сохраненія въ силѣ постановленія аугсбургскаго сейма, скорѣйшаго созыва собора и даже въ крайнемъ случаѣ національнаго собора «императорскою властью», если папа станетъ затягивать дѣло. Такимъ образомъ при всемъ своемъ возбужденіи противъ протестантовъ они сами относительно императора и папы стали въ положеніе полупротестующихъ. «Императоръ и имперскіе чины сочиняютъ другъ на друга жалобы», пишетъ представитель города Франкфурта. Но развѣ могъ кто серьезно задумывать междоусобную войну въ Германіи въ то время, какъ султанъ уже нѣсколько мѣсяцевъ выступилъ въ походъ? Карлъ одно время, повидимому, опасался, что протестанты въ самомъ дѣлѣ воспользуются турецкимъ нашествіемъ, чтобы возстать съ оружіемъ въ рукахъ противъ него и католиковъ; это было такое подозрѣніе, что даже Александеръ назвалъ его лишеннымъ основанія, да вѣдь ульмцы, напр., — не говоря уже о курфюрстѣ саксонскомъ, — держались того взгляда, что, если бы даже переговоры о мирѣ и не привели ни къ чему, все-таки слѣдуетъ исполнить свой долгъ противъ турецкаго нашествія. А между тѣмъ безъ помощи именно протестантскихъ городовъ и нельзя было почти обойтись, если хотѣли собрать нужное количество артиллеріи. Такимъ образомъ императоръ рѣшился дать свое согласіе на религіозный миръ, который и былъ заключенъ 23-го іюля въ Нюрнбергѣ и скрѣпленъ курфюрстами майнцскимъ и пфальцскимъ и наслѣднымъ принцемъ саксонскимъ Іоганномъ Фридрихомъ; только послы ландграфа отказались принять эти условія, и лишь недѣли черезъ двѣ и ландграфъ пересталъ противиться. Между императоромъ и всеми имперскими чинами долженъ соблюдаться миръ впредь до вселенскаго собора, который, по возможности, долженъ состояться не далѣе, какъ черезъ годъ, а буде онъ не состоится, то впредь до слѣдующаго сейма; кромѣ того — и это было въ особенности важно для протестантовъ — императоръ приостанавливаетъ на все это время все процессы, начатые имперскимъ камеральнымъ судомъ по дѣламъ вѣры противъ Саксоніи и «родственниковъ ей по вѣрѣ», какъ тогда выражались. Но это послѣднее «обезпеченіе» слѣдовало хранить въ тайнѣ, чтобы не прогнѣвать католиковъ; кромѣ того, въ немъ содержалась оговорка, которая ослабляла его значеніе, именно, что протестанты должны въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обращаться сначала съ просьбой о приостановкѣ процесса къ императору или къ его намѣстнику.

И тѣмъ не менѣе этотъ такъ называемый первый религіозный миръ должно отмѣтить какъ значительный успѣхъ протестантовъ. Императоръ, бывшій до сихъ поръ самымъ непреклоннымъ представителемъ католической неумолимости противъ всякой терпимости ереси въ ея теперешнемъ видѣ, покорился необходимости и согласился на временное по крайней мѣрѣ

признаніе въ законодательномъ порядкѣ религіознаго новшества, хотя въ глубинѣ души своей онъ и возмущался даже противъ видимости предоставленія охраняемаго закономъ существованія этимъ мятежникамъ противъ Бога и имперіи. Только въ послѣдствіи долгимъ и кровавымъ путемъ онъ пришелъ къ сознанію необходимости прочнаго религіознаго мира въ томъ видѣ, какъ римскому кардиналу и совѣтнику императора онъ представлялся еще въ 1532 году. Лоайса передъ самымъ заключеніемъ нюрнбергскихъ условій дерзнулъ сдѣлать предложеніе, что надо согласиться на томъ, чтобы впредь до собора всякій имѣлъ право жить по своимъ обрядамъ, а въ случаѣ, если по винѣ папы соборъ не состоится въ теченіе трехъ лѣтъ, еретики съ тѣхъ поръ могутъ свободно оставаться въ своей вѣрѣ и ничего не опасаться со стороны князей и имперскаго сейма. Карлъ V считалъ, можетъ быть, что онъ и такъ уже слишкомъ далеко зашелъ въ своихъ уступкахъ въ 1532 году. Но онъ достигъ все-таки своей ближайшей цѣли, участія всей имперіи въ войнѣ противъ турокъ. Это была та священная война, которой «онъ желалъ во снѣ и на яву, больше всего на свѣтѣ», какъ напоминаетъ ему Лоайса. Передъ этой давно ожидаемой рѣшительной борьбой между обоими императорами—восточнымъ и западнымъ—должны были мигомъ смолкнуть всѣ остальные вождельнія и жалобы.

«Испанскій король давно уже похваляется, что онъ пойдетъ войной на турокъ. А я съ Божьей помощью веду свои воинства противъ него; если у него хватитъ духу, пусть онъ ждетъ меня на бранномъ полѣ, и тогда свершится, какъ Богу будетъ угодно. Если же онъ не желаетъ ожидать меня, пусть пришлетъ нашему императорскому величеству дань». Такъ гласилъ рѣшительный отвѣтъ Сулеймана королю Фердинанду, послы котораго напрасно прибыли съ послѣднимъ предложеніемъ своего государя, именно, что Венгрія должна оставаться пожизненно во владѣніи Запольша, а послѣ его смерти перейти опять къ Австріи. Съ чисто-турецкой грубостью и самохвальствомъ встрѣтилъ ихъ великій визирь; онъ не преминулъ спросить ихъ, заключилъ ли императоръ миръ съ Мартиномъ Лютеромъ. Сулейманъ, взявшій съ собой въ походъ свой золотой тронъ и свою императорскую корону венеціанской работы, основательно подготовилъ этотъ походъ и хвастливо объявилъ о немъ; еще за годъ до него земля и море вокругъ Стамбула дрожали отъ грома орудій, «точно насталъ страшный судъ», когда падишахъ выѣзжалъ на смотръ своего военного флота. Но и на христіанской сторонѣ изъ войскъ императора, короля Фердинанда и имперіи составила армія, какой давно уже не видали, около восьмидесяти тысячъ человѣкъ. Кампеджи радовался, глядя, какъ день и ночь тянулись прекрасные отряды черезъ Регенсбургъ на востокъ. Раньше всѣхъ яви-

лись къ мѣсту сбора нюрнбергцы; они добровольно выставили почти двойное число противъ положеннаго по раскладкѣ. тогда какъ Страсбургъ, напр., не прислалъ полностью даже и назначеннаго ему контингента. Самъ императоръ укрѣплялъ свои силы для похода на водахъ въ Абахъ, такъ какъ его жестоко измучили рожистое воспаленіе на ногѣ и припадокъ подагры, которою онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ; въ рѣчахъ своихъ онъ выказывалъ едва ли меньше самоувѣренности, чѣмъ его турецкій соперникъ въ господствѣ надъ міромъ. Но на этотъ разъ гордость Сулеймана потерпѣла еще гораздо болѣе чувствительное пораженіе, чѣмъ въ свое время подъ Вѣной. О стѣны городка Гюнса въ западной Венгріи, который защищалъ хорватъ Николай Юризичъ всего съ 700 приблизительно человѣкъ, разбились все осадное искусство и все приступы турокъ несмотря на ихъ огромный перевѣсъ въ силахъ; съ 7-го августа обложили османы это дерзкое маленькое гнѣздо, и когда 28-го числа во время послѣдняго общаго приступа нападающіе овладѣли уже городскими стѣнами, вдругъ въ самомъ разгарѣ побѣды они внезапно начали отступать, смущенные и введенные въ заблужденіе ужаснымъ крикомъ, который поднялся изъ рядовъ пришедшаго въ отчаяніе населенія. Султанъ подарилъ непріятельскому военачальнику, которому великій визирь оказалъ всякія почести, городъ съ всѣмъ, что было въ немъ, и, оставивши сторожевой отрядъ, отступилъ; они не продержались бы и часу долѣе, писалъ Юризичъ Фердинанду. Казалось, турки вовсе и не думаютъ помѣяться силами съ главной арміей императора; въ то время, какъ противъ Вѣны направлены были только отряды легкой конницы, бѣльшая часть которыхъ истреблена была въ горахъ Вѣнскаго лѣса нѣмецкими войсками, Сулейманъ явился подъ Грацъ, чтобы замаскировать свое отступление, которое онъ совершалъ черезъ Крайну и Хорватію, производя по пути ужасныя опустошенія. Турецкіе историки пытались впослѣдствіи скрасить этотъ позорный исходъ начатой съ такимъ хвастовствомъ войны тѣмъ, будто бы Сулейманъ думалъ, что ему приходится разыскивать въ горныхъ ущельяхъ этого ночного сыча, императора, который не осмѣлился стать лицомъ къ лицу съ противникомъ. Гритти снялъ осаду Грана. На морѣ османы потерпѣли рѣшительное пораженіе отъ привычнаго къ побѣдамъ Андрея Доріи, который прогналъ ихъ флотъ изъ іоническаго моря и взялъ нѣсколько крѣпостей въ Морѣѣ. Передавали, будто бы Сулейманъ выразился, что онъ не столько боится могущества императора, сколько его счастливой звѣзды, такъ какъ по Божьему произволенію во власти императора еще раньше оказались папа и король французскій.

Главнокомандующій имперской арміей, пфальцграфъ Фридрихъ, 24-го сентября положилъ въ Вѣнѣ къ стопамъ императора взятые у турокъ

знамена. Съ половиной имѣвшихся на лицо войскъ, по мнѣнію храбраго Шертлина ф. Буртенбаха, можно было бы завоевать всю Венгрію. Современникамъ казалось совершенно непонятнымъ, какъ это Карлъ отказался вовсе отъ настойчиваго продолженія такъ легко одержанной побѣды и тотчасъ же отправился въ Италію: вѣдь только что передъ тѣмъ онъ гарцовалъ еще въ полномъ вооруженіи и увѣрялъ, что онъ сотретъ съ лица земли собаку-турка, что никто не удержитъ его отъ личнаго участія въ битвѣ. Становились не разъ втупикъ уже передъ медлительностью, съ которою до сихъ поръ велась война, и которую Шертлинъ довольно невѣжливо уподобилъ степенному передвиженію съ пастбища на пастбище вола, пока онъ пережевываетъ свою жвачку; иные задавали себѣ, пожалуй, вопросъ Киліана Лейба, монаха-лѣтописца: да правда ли, что высокопоставленныя головы, по мановенію которыхъ управляется, или, по крайней мѣрѣ, долженъ управляться міръ, надѣлены въ самомъ дѣлѣ настолько мудростью, какъ онъ и подобные ему предполагали за ними. Можно себѣ представить отчаяніе Фердинанда, когда его братъ, императоръ, вмѣсто того чтобы со всѣмъ напряженіемъ силъ постараться вырвать Венгрію изъ рукъ Запольша, дожидаться не могъ, какъ бы ему поскорѣе покинуть войска, чтобы поспѣшить въ Италію. Фердинандъ провожалъ его часть пути для того, чтобы закончить дѣла съ нимъ, какъ онъ писалъ сестрѣ своей Маріи: «надо Вамъ сказать, что завершеніе большинства дѣлъ все еще по прежнему откладывается до самаго конца». Положимъ, отсутствіе дисциплины въ великолѣпной христіанской арміи весьма затрудняло продолженіе похода; съ одной стороны, нѣмецкія ополченія отказывались служить по ту сторону имперской границы въ Венгріи, съ другой стороны, испанцы и итальянцы съ самаго начала наводили ужасъ не на врага, съ которымъ имъ мало приходилось имѣть дѣла, а на тѣ нѣмецкія области, по которымъ они проходили. Итальянцы, которыхъ императоръ хотѣлъ было оставить своему брату, самовольно отправились домой и при этомъ совершили «гнусныя и чудовищныя безобразія», совсѣмъ въ турецкомъ стилѣ. Съ справедливой горечью Фердинандъ въ одномъ письмѣ къ своей сестрѣ напоминаетъ про поговорку: «это помощь по испански».

Карлъ былъ иного мнѣнія. Онъ смотрѣлъ какъ на избавленіе на это неожиданное отступленіе Сулеймана, между тѣмъ какъ Фердинандъ называлъ его самымъ прискорбнымъ испытаніемъ въ своей жизни. И Карлъ открылся своей мудрой въ государственномъ дѣлѣ сестрѣ Маріи: «Только бы мнѣ уладить дѣло съ папой, а все остальное подождетъ». Итакъ, онъ отказывался отъ великой и достижимой цѣли, чтобы погнаться за обманчивой тѣнью собора и соглашенія съ папою, двумя совершенно несовмѣстными вещами. Климентъ VII не скрывалъ своей досады на это рѣшеніе

императора; какъ было онъ радовался при мысли, что тамъ далеко въ Венгріи императора, по всей видимости, надолго задержать война. Только поневолѣ онъ согласился на личное свиданіе, путемъ котораго Карлъ рассчитывалъ достигъ прочнаго установленія заново положенія дѣлъ въ Италіи, отвлеченія папы отъ союза съ Франціей и созыва собора. Но ни одна изъ этихъ цѣлей не осуществилась въ продолженіе тѣхъ мѣсяцевъ, которые прожили вмѣстѣ въ Болоньѣ обѣ главы христіанскаго міра, такъ какъ ни тайный договоръ, состоявшійся между ними 24-го февраля 1533 года, ни оборонительный союзъ императора съ итальянскими государствами, отъ котораго уклонилась одна только Венеція, не могли устранить того факта, что папа почти что отклонилъ предложеніе созвать соборъ и былъ наготовѣ окончательно упрочить свои отношенія къ Франціи, да и всѣ почти остальные князья и республики въ Италіи болѣе или менѣе склонялись на сторону Франціи, или по меньшей мѣрѣ весьма тяготились въ душѣ императорской опекой. Истинное мнѣніе Климента VII проявилось собственно уже въ его странномъ предложеніи раздѣла Италіи, которое онъ отправилъ Фердинанду въ маѣ 1532 года: Фердинандъ долженъ уступить Венгрію Запольѣ, а въ замѣнъ ея отнять у венеціанцевъ часть ихъ области, тогда какъ Францискъ I долженъ быть удовлетворенъ клочками Милана и Пьемонта и можетъ при случаѣ сообща съ императоромъ завоевать самую Венецію; этотъ важный городъ не долженъ былъ, положимъ, достаться ни Фердинанду, ни Франциску, а, примѣрно, ордену іоаннитовъ. Всюду проглядываетъ желаніе папы помочь королю Франціи вернуть опять свое прежнее положеніе въ Италіи и устранить исключительное преобладаніе Испаніи; одинъ изъ французскихъ пословъ выразилъ это такъ: король французскій долженъ господствовать въ Миланѣ, а императоръ въ Неаполѣ. Свиданіе Генриха VIII съ Францискомъ I въ Булони и Кале въ октябрѣ 1532 года, которое происходило при обычной безумной расточительности на показную пышность, немало, пожалуй, способствовало удаленію императора съ театра войны съ турками въ Италію, хотя оно и не привело ни къ какимъ значительнымъ результатамъ; Анна Болейнъ, возведенная незадолго передъ тѣмъ въ званіе маркизы Пемброкъ, сопровождала своего поклонника, и, хотя ей пришлось отказаться отъ представленія Маргариты Наварской, она удостоилась все-таки чести имѣть продолжительный разговоръ о политикѣ съ Францискомъ I, которому, по замѣчанію Шапюи, императорскаго посланника, она оказала больше услугъ, чѣмъ Вольсей, не требуя за это по двадцати пяти тысячъ дукатовъ ежегодно.

Гораздо обильнѣе послѣдствіями оказалось свиданіе Франциска I съ Климентомъ VII; Карлъ V уносилъ съ собою изъ Болоньи непріятное пред-

чувствіе этого событія и тщетно откровенно высказалъ папѣ свое мнѣніе, что ничего хорошаго ожидать отъ этого нельзя. Для настроенія французскаго двора знаменательно то, что императорскому посланнику въ Лондонѣ пришлось выслушать отъ своего французскаго собрата оскорбительный слухъ, будто бы императоръ предлагалъ султану раздѣлить промежду собою власть надъ міромъ и сообща покорить другихъ христіанскихъ государей. Однако, въ высшей степени замѣчательнымъ остается все таки то явленіе, что даже самыя тяжкія испытанія, которымъ подвергалась папская политика въ своихъ дружественныхъ Франціи стремленіяхъ, ничего не могли подѣлать противъ исключительно медичискихъ расчетовъ Климента VII. «При здѣшнемъ дворѣ нѣтъ ни одного человѣка какъ среди сторонниковъ короля, такъ и среди приверженцевъ королевы, который не говорилъ бы открыто, что Его Святѣйшество измѣнитъ Вашему Величеству», писалъ Шапюи Карлу V. Слѣдовало ожидать, что грубые приемы Генриха VIII въ дѣлѣ о разводѣ должно быть серьезно омрачать отношенія между папой и явнымъ другомъ Англіи Францискомъ I. Бракосочетаніе Генриха съ своей любовницей, беременность которой не допускала уже никакихъ дальнѣйшихъ колебаній, совершенно было тайно въ январѣ 1533 года однимъ угодливымъ священникомъ; Анна, вслѣдствіе своей несдержанности, сама способствовала тому, что окружающіе ее скоро провѣдали эту тайну, а послѣ того какъ уже въ апрѣлѣ она сходила къ обѣднѣ при звукахъ трубъ, со всѣми королевскими почестями, послѣдовало 1-го іюня торжественное коронованіе ея въ Вестминстерѣ, при чемъ не обошлось безъ злостныхъ демонстрацій со стороны надменныхъ ганзейскихъ купцовъ, которые, какъ и большинство англійскаго народа, остались вѣрными отвергнутой королевѣ Екатеринѣ. Не обращая уже вниманія на то, что дѣло о разводѣ все еще тянется въ Римѣ, Генрихъ VIII устами новаго архіепископа йоркскаго Краймера объявилъ свой бракъ съ испанкой расторгнутымъ и неимѣющимъ законной силы; вскорѣ за тѣмъ онъ вручилъ тому же архіепископу апелляцію на папу къ вселенскому собору. Папѣ ничего больше не оставалось, какъ только объявить, 11-го іюля, со своей стороны такія дѣйствія неимѣющими законной силы и пригрозить незаконно обвѣнчанной четѣ и мятежному прелату отлученіемъ отъ церкви, если въ теченіе шести недѣль все сдѣланное не будетъ отмѣнено. Въ пылу борьбы король позволилъ уже себѣ нѣкоторыя въ высшей степени рѣзкія выходки противъ папы, въ разговорѣ съ Шапюи жестоко порицалъ обычай цѣлованія ногъ папъ и притязанія папства на верховную власть надъ всѣми свѣтскими государствами, а нунцію, который ему напомнилъ, что вѣдь онъ выступалъ въ литературѣ въ защиту папскаго престола, онъ возразилъ, что при болѣе близкомъ озна-

комленіи съ этимъ вопросомъ онъ пришелъ къ выводу, прямо противоположному своимъ прежнимъ положеніямъ, хотя, прибавилъ онъ, папа всегда имѣетъ еще возможность вернуть его къ прежнему взгляду. Хотя уже для Франциска I очень не легко было обойти это все возрастающее несогласіе между Англіей и Римомъ, все таки нельзя не изумиться сугубо поведенію папы, который, несмотря на все это, крѣпко держался политики противодѣйствія императору и союзу съ Франціей. Какъ разъ вѣдь это вызвавшее много толковъ свиданіе съ Францискомъ въ Марсель (октябрь—ноябрь 1533 года) было неприятно нарушено изъ-за англійскаго вопроса; на Климента произвело все таки глубокое впечатлѣніе то, что ему, гостю французскаго короля, англійскій посолъ дерзнулъ безнаказанно вручить по всей формѣ апелляцію Генриха VIII къ собору. Но въ высшей степени почетный бракъ племянницы его съ юнымъ Генрихомъ Орлеанскимъ заставилъ Медичи смотрѣть сквозь пальцы на то, что Францискъ I избѣгалъ открытаго разрыва съ Англіей, котораго отъ него требовалъ папа, да и впослѣдствіи продолжалъ еще хлопотать о миролюбивомъ соглашеніи между Римомъ и Генрихомъ VIII. Но развѣ могло укрыться отъ папы, что, вступая въ союзъ съ Францискомъ I противъ императора, онъ тѣмъ самымъ вынужденъ дѣйствовать до нѣкоторой степени заодно съ союзниками Франциска I въ Германіи, съ протестантами? Дѣйствительно ли въ Марсель заходила рѣчь о томъ, что предстоитъ возстаніе ландграфа для возстановленія на престолѣ Ульриха вюртембергскаго, на этотъ вопросъ нельзя конечно отвѣтить съ полной увѣренностью, но всѣ вѣроятности говорятъ все-таки за утвердительный отвѣтъ, если разные итальянскіе современники сообщаютъ, что Францискъ I убѣдилъ своего гостя, что слѣдуетъ ожидать возможности войны противъ обоихъ Габсбурговъ, которая начнется въ Германіи, а потомъ разыграется въ Италіи. Во всякомъ случаѣ, Климентъ, эта «старая лиса», не могъ обманываться насчетъ того, что принятое имъ направленіе неизбежно приведетъ его къ общности интересовъ съ нѣмецкими еретиками. Нѣтъ ничего удивительнаго, что послѣ пережитаго во время поѣздки въ Марсель этотъ склонный къ подозрительности человѣкъ снова впалъ въ самую мучительную нерѣшительность. Епископъ Дю Бале, французскій посланникъ, уже въ февралѣ находилъ, что папа опять «совсѣмъ въ плѣну у императора», тогда какъ большинство кардиналовъ кричитъ ему со всѣхъ сторонъ, «точно прехорошенькіе маленькіе чортики»: «Распни, распни его!» Епископъ прибавляетъ: «Я въ сущности вовсе не сторонникъ папы, но мнѣ, право, весьма жаль видѣть его въ такомъ затруднительномъ положеніи». Но какъ же изумился сострадательный французъ, когда 23-го марта 1534 года, послѣ семичасоваго совѣщанія, вынесенъ былъ окончательный приговоръ въ пользу королевы Екатерины и противъ Ген-

риха VIII! Не его одного сбивали съ толку безпрестанныя колебанія папской политики того времени.

Когда Карлъ V возвратился опять въ свое испанское уединеніе, положеніе міровой политики сложилось какъ нельзя благопріятнѣе для протестантовъ. Мы никогда не должны забывать, какъ сильно сохраненіе реформациі въ Германіи находилось въ зависимости отъ измѣнчивой игры чисто политическихъ обстоятельствъ; но то, что какъ разъ объ власти, которыя должны были по обязанности сообща заботиться объ искорененіи ереси, что императоръ и папа, по выраженію Ранке, постоянно, наоборотъ, подвергались припадкамъ «своего рода ревности, которая была разомъ и клерикальнаго и политическаго характера»,—это обстоятельство было и остается несомнѣнно самымъ выдающимся явленіемъ во всемъ этомъ изобиліи иноземныхъ вмѣшательствъ и вліяній. Такимъ образомъ естественно, что остались безо всякихъ послѣдствій начатыя тѣмъ и другимъ официально шаги къ приготовленію собора; императоръ приставилъ къ нунцію Рангоне, который отправлялся въ Германію, одного знатнаго нидерландца болѣе для надзора за нимъ, чѣмъ для поддержки, и не одни только протестантскіе, а и нѣкоторые изъ католическихъ князей далеко не выказывали особеннаго рвенія къ скорѣйшему осуществленію возвыщеннаго собора. Протестанты уже по самому объявленію о немъ не могли смотрѣть на него какъ на свободный и безпристрастный обмѣнъ мнѣній; условіемъ своего появленія на этомъ соборѣ они поставили, чтобы онъ происходилъ въ Германіи, и чтобы они не были обязываемы подчиниться тѣмъ рѣшеніямъ его, которыя окажутся въ противорѣчій со священнымъ писаніемъ. Лютеръ, который представлялъ себѣ папу Климента въ видѣ насмѣшника надъ религіей, грубаго пьяницы и завѣдомаго отравителя, а Екатерину Медичи считалъ его незаконной дочерью, вообще не вѣрилъ въ то, что соборъ состоится. Совершенно такъ же невозможно было для него искренно сочувствовать стремленіямъ устроить воссоединеніе въ эразмовскомъ духѣ, которыя какъ разъ тогда на короткое время оживились подъ вліяніемъ личнаго воздѣйствія учителя. Лютеръ высказалъ давно извѣстное намъ мнѣніе свое объ Эразмѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Эразмъ—врагъ всякой религіи, а въ особенности противникъ Христа, совершенный образецъ послѣдователей Эпикура и Лукіана». Перемиріе между сторонами въ формѣ религіознаго мира 1532 года могло само по себѣ казаться благопріятнымъ для новаго выступленія на свѣтъ старыхъ проектовъ соглашенія, однако антагонизмъ укоренился уже такъ глубоко, что нельзя было преодолѣть его программой примиренія, которую предложилъ Эразмъ, или диспутомъ между эразмовцемъ Юліемъ Пфлугомъ и Меланхтономъ, который устроилъ

въ 1534 году въ Лейпцигѣ герцогъ Георгъ. Дѣло вѣдь шло совсѣмъ не объ одномъ только устраненіи того или иного злоупотребленія или о спорныхъ догматахъ, а подъ ихъ покровомъ боролись между собою два по существу различныя міросозерцанія, и не послѣднюю роль играли тутъ весьма ощутительныя политическіе и экономическіе интересы. Если въ Юлихъ-Клеве одно время подъ покровительствомъ самовластнаго герцога Іоганна III эразмовская нейтральность между католичествомъ и лютеранствомъ была возведена въ норму церковной жизни и служила весьма желанной опорой «территоріальнаго папства», все-таки клеветскія церковныя распоряженія 1532 и 1533 годовъ послужили наперекоръ желаніямъ ихъ составителей только лишь мостомъ для проникновенія и распространенія протестантства. Пора была еще военная, а не мирная. Со стороны католическихъ имперскихъ чиновъ борьба велась только съ половинными силами. Швабскій союзъ, когда-то грозное орудіе габсбургскихъ вождельній господства и католической реакціи, замѣтно клонился къ упадку съ тѣхъ поръ, какъ цѣлый рядъ союзныхъ городовъ перешелъ въ евангеличество; въ довершеніе союзъ трехъ рейнскихъ курфюрстовъ, майнцскаго, трирскаго и пфальцскаго, заключенный съ Гессеномъ въ ноябрѣ 1532 года, прямо имѣлъ своей цѣлью расторгнуть Швабскій союзъ путемъ выхода изъ него этихъ трехъ князей. Да и какъ могли швабскіе города продолжительное время принадлежать одновременно и ко Швабскому и къ Шмалькальденскому союзу? Въ маѣ 1533 года Нюрнбергъ, Ульмъ и Аугсбургъ образовали отдѣльный союзъ для защиты обща свободы своей совѣсти. Но къ распаденію Швабскаго союза (на собраніи въ Аугсбургѣ въ декабрѣ 1533 и январѣ 1534 г.) повелъ главнымъ образомъ вопросъ о Вюртембергѣ, который мы разберемъ сейчасъ обстоятельнѣе. Католическій оборонительный союзъ, заключенный въ ноябрѣ 1533 года въ Галле между курфюрстомъ бранденбургскимъ, Георгомъ саксонскимъ, Эрихомъ и Генрихомъ брауншвейгскими, не могъ служить ни замѣной Швабскаго союза, ни достаточнымъ противовѣсомъ Шмалькальденскому союзу. Положимъ, камеральный судъ, нисколько не смущаясь условіями религіознаго мира, продолжалъ свою юридическую войну противъ протестантовъ, противъ Страсбурга, Нюрнберга, Магдебурга и другихъ городовъ, противъ Эрнста люнебургскаго и маркграфа Георга; хотя императоръ дѣйствительно 8-го ноября 1532 года повелѣлъ пріостановить все процессы по религіознымъ дѣламъ, но на жалобы протестантовъ онъ уклончиво возразилъ, что онъ не въ состояніи дать общепримѣнимаго опредѣленія, что слѣдуетъ разумѣть подъ религіозными дѣлами. Наконецъ 30 января 1534 года евангелическіе имперскіе чины выступили съ форменнымъ отказомъ признавать рѣшенія явно пристрастнаго камеральнаго

суда не во всѣхъ процессахъ, какъ предлагали Гессенъ и Страсбургъ, а только въ тѣхъ, которые касались религіозныхъ дѣлъ. Ранке вполне справедливо указываетъ на то, что при отсутствіи императора, при распущеніи всего прежняго имперскаго правленія и при отказѣ различныхъ имперскихъ чиновъ признать Фердинанда римскимъ королемъ это непризнаваніе высшей судебной инстанціи направлено было въ сущности противъ единственнаго учрежденія, въ которомъ выражалось еще государственное единство имперіи. Но это судебное учрежденіе на самомъ дѣлѣ со своимъ формальнымъ соблюденіемъ права становилось на сторону партіи какъ разъ именно въ такое время, нужды котораго повелительно требовали новыхъ правовыхъ учрежденій.

Исключительно энергіи ландграфа Филиппа протестантство въ Германіи обязано тѣмъ, что ему удалось извлечь непосредственную пользу изъ безспорно благопріятнаго положенія. Ибо курфюршество саксонское, которое естественно должно было стоять во главѣ протестантовъ по своему рангу и территоріальному могуществу, и при сынѣ и наследникѣ курфюрста Іоганна, скончавшагося 16-го августа 1532 года, продолжало сохранять свое исконное отвращеніе отъ всякой политики, которая выходила за предѣлы вынужденной самозащиты. Іоганнъ Фридрихъ, бывший только годомъ старше ландграфа, представлялъ даже по своему непомѣрно грузному внѣшнему виду прямую противоположность живому ландграфу гессенскому; онъ былъ типичнымъ представителемъ того поколѣнія евангелическихъ государей, которые охотнѣе всего убивали все свое время только на любительскія занятія теологіей, на охоту и попойки. Съ юности будучи безусловнымъ почитателемъ своего доктора Мартина, онъ и сдѣлавшись правителемъ находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы поддерживать съ нимъ дружественныя отношенія, но болѣе глубокое дѣйствіе этихъ впечатлѣній, повидимому, проявилось лишь впослѣдствіи, когда великое несчастье облагородило до нѣкоторой степени даже эту пошлую личность. Іоганнъ Фридрихъ, у котораго не было задатковъ ни воителя, ни политика, работалъ, правда, «какъ осель», по выраженію Лютера, но его кругозоръ никогда не поднимался выше тѣхъ точекъ зрѣнія, которыя представляли ему традиціи территоріальнаго княжества, сильный остатокъ преданности имперіи и имперскаго образа мыслей и весьма далеко заходившая зависимость отъ теологическихъ соображеній. Не трудно понять, что первыя же попытки ландграфа сдѣлать этого миролюбиваго и тугого на соображеніе правителя соучастникомъ своей политики дѣйствія встрѣтили непреодолимое сопротивленіе. Грубые способы придворнаго обхожденія того времени вполне ясно изображены въ одномъ письмѣ Филиппа, въ которомъ онъ описываетъ своему другу «Уцу» (Ульриху)

вюртембергскому свиданіе съ курфюрстомъ саксонскимъ. «Я здорово выпилъ въ Веймарѣ, но остался на своемъ мѣстѣ, перепилъ одинъ курфюрста, такъ что онъ съ трудомъ доплелся до дверей, и его вырвало. Но я тоже порядкомъ поплатился за это, такъ что я все еще не здоровъ, а совсѣмъ даже боленъ». Какъ въ то время не мало военныхъ успѣховъ кончались крушеніемъ вслѣдствіе жалкой алчности нѣмецкихъ ландскнехтовъ, такъ безпутная жизнь нѣмецкихъ князей не одинъ разъ самымъ позорнымъ образомъ уничтожала всѣ ихъ политическіе расчеты; Филиппа какъ разъ не миновало это прискорбное испытаніе. Но въ вюртембергскомъ дѣлѣ онъ былъ весь огонь и пламя, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ молодой герцогъ Христофоръ бѣжалъ изъ своего полуневольнаго плѣна при императорскомъ дворѣ въ то самое время, когда тамъ собирались увезти и его съ собой въ Испанію. Неповинный сынъ Ульриха, котораго безсовѣстная политика заставляла расплачиваться за грѣхи опальнаго отца (т. I, стр. 332 сс.), послѣ полного приключеній бѣгства своего явился осенью 1532 года къ своимъ дядьямъ въ Баварію, а черезъ годъ на собраніе членовъ Швабскаго союза въ Аугсбургъ, чтобы здѣсь на основаніи законнаго права въ присутствіи и при горячей поддержкѣ французскаго посланника потребовать прежде всего возмѣщенія убытковъ въ области Вюртемберга; свои притязанія на все герцогство онъ заявилъ еще раньше въ своемъ протестѣ противъ договора 1520 г., предъявленномъ въ видѣ «прошенія» къ членамъ союза, такъ какъ-де они никогда еще въ другихъ случаяхъ не обижали неповинныхъ сиротъ. Заполя тоже хлопоталъ за него передъ союзомъ, что указываетъ на живую связь между всѣми враждебными Габсбургамъ силами; вѣдь рассчитывали же баварскіе герцоги даже на турецкія субсидіи въ войнѣ за Вюртембергъ, хотя сами они сумѣли устраниваться отъ всякой непосредственной поддержки, и ландграфъ дѣйствительно велъ эту войну большею частью на чужія деньги. Сдержанность баварцевъ, которые какъ разъ въ это время пытались завязать опять сношенія съ императоромъ и Фердинандомъ, объясняется тѣмъ, что они прямо въ разрѣзъ съ цѣлями ландграфа согласны были, положимъ, добыть Вюртембергъ для Христофора, своего племянника, подъ условіемъ сохраненія католической вѣры, но во что бы то ни стало добивались устраненія еретика Ульриха. Филиппъ съ немалымъ искусствомъ поддерживалъ свои отношенія съ баварцами до той поры, пока, благодаря союзу съ Франціей, они оказались ему не нужными, и провелъ такого опытнаго дипломата, какъ канцлеръ Эккъ; другу своему Ульриху онъ однажды настоятельно совѣтовалъ сдѣлать баварцамъ нѣкоторыя тягостныя уступки, оговариваясь про себя, что вынужденная клятва противна Богу. Такъ онъ сумѣлъ добиться и помощи Франциска I при личномъ свиданіи съ нимъ въ Баръ-ле-Дюкъ

(въ январѣ 1534 г.), не вступая ни въ какія обязательства къ нему, которыя бы шли дальше возстановленія на престолѣ Ульриха вюртембергскаго. Продажа Франціи графства Монбельаръ (Мемпельгардъ) вмѣстѣ съ нѣсколькими другими имѣніями съ правомъ выкупа должна была служить для того, чтобы скрыть французскія субсидіи въ черезчуръ высоко показанной суммѣ залога. Дальнѣйшія обѣщанія были получены отъ Англіи, отъ датскаго короля Христіана III, отъ Люнебурга, отъ католическихъ имперскихъ князей, какъ-то: отъ епископа мюнстерскаго, герцога брауншвейгскаго Генриха, архіепископа трирскаго. Курфюрстъ пфальцскій обѣщался только по видимости помогать Фердинанду; даже самъ Іоахимъ бранденбургскій выразилъ свое согласіе на это предпріятіе ландграфа гессенскаго и полагалъ, что Фердинанду нечего ждать помощи со стороны курфюрстовъ. Странно выдѣляется при такомъ образѣ дѣйствія большинства важнѣйшихъ католическихъ князей упорное противодѣйствіе курфюрста саксонскаго. Во время упомянутаго свиданія въ Веймарѣ Лютеръ и Меланхтонъ своими отговариваніями заставили ландграфа побагровѣть отъ гнѣва, а между тѣмъ Меланхтонъ, несмотря на это, слѣдилъ съ нескрываемой симпатіей, едва ли не подъ вліяніемъ астрологическихъ соображеній, за смѣлымъ предпріятіемъ своего тезки.

Ни для кого не было тайной, что въ самомъ Вюртембергѣ страстно желали возвращенія прежняго своего государя и низверженія «испанскаго» правительства, хотя это правительство употребило все усилія для того, чтобы уничтожить все, что напоминало объ опальномъ герцогѣ; когда вышло запрещеніе говорить о немъ, въ одну насмѣшливую пѣсенку вставленъ былъ вопросъ, неужели придется итти въ изгнаніе и тому, кому приснится герцогъ Ульрихъ. Съ олигархіей высшихъ сословій Австріи удалось вступить въ доброе согласіе; не такъ-то легко было достичь этого у вѣрнаго швабскаго народа, который въ своей преданности давнымъ-давно изъ «вюртембергскаго палача» создалъ себѣ «герцога Ульриха Благочестиваго», «благодарнаго человѣка». Только съ трудомъ, отчасти даже насильственными мѣрами пфальцграфъ Филиппъ, намѣстникъ Фердинанда, собралъ небольшое войско, тысячъ девять пѣхоты и сотни четыре всадниковъ; ходилъ слухъ, будто многіе изъ рядовыхъ ландскнехтовъ прямо говорили, что ихъ пики не поднимутся на ландграфа и герцога Ульриха. 12-го апрѣля были обнародованы манифесты обоихъ предводителей наступающей арміи; 23-го они оба двинулись въ походъ изъ Касселя, и, едва только вступили въ вюртембергскую область во главѣ приблизительно двадцати тысячъ пѣхотинцевъ и четырехъ тысячъ всадниковъ, какъ черезъ нѣсколько дней произошла рѣшительная развязка. Храбрый намѣстникъ встрѣтилъ гораздо болѣе превосходныя силы непріятеля на лѣвомъ берегу

Неккара, близъ Лауфена; когда, получивши тяжелую рану въ первой стычкѣ 12 мая, онъ долженъ былъ покинуть свою армію, на слѣдующій день вовсе не дошло уже до серьезнаго сраженія, а королевскія войска начали отступать, при чемъ вообще только между отдѣльными отрядами той и другой арміи происходили стычки, а затѣмъ, по сообщенію очевидца, скоро все «стихло, и по направленію къ Асбергу видно было много пыли». Сраженіемъ нельзя этого назвать, но легкій успѣхъ этихъ дней по своему дѣйствию превзошелъ однако послѣдствія иныхъ продолжительныхъ и кровопролитныхъ военныхъ предпріятій. Въ началѣ іюня у противниковъ отняты были послѣднія крѣпости: Асбергъ и Гогеннейфенъ, страна завоевана. Настоящій потопъ побѣдныхъ гимновъ разлился въ честь обоихъ освободителей, въ особенности въ честь возвращеннаго законнаго государя; въ одномъ сборникѣ подобныхъ произведеній говорится: «слагались пѣсни и противъ него, но мнѣ не удалось добыть ни одной изъ нихъ». Самъ Лютеръ вполне избавился отъ своего отвращенія къ предпріятію ландграфа; онъ пишетъ: «Богъ видимо способствуетъ этому дѣлу и вопреки всякимъ ожиданіямъ обратилъ нашъ страхъ въ радость».

Нельзя хорошенько понять, почему императоръ послѣ неудавшихся переговоровъ своихъ съ папою отправился прямо въ Испанію, предоставляя опять самимъ себѣ далеко не установившіяся дѣла въ Германіи и Италіи, затѣмъ, почему король Фердинандъ остался въ Чехіи вмѣсто того, чтобы самому посѣтить въ угрожаемый Вюртембергъ. Папа имѣлъ полное право задать гнѣвный вопросъ послу Фердинанда, который обратился къ нему за помощью, почему же императоръ не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности; онъ отказался оказывать какую либо поддержку до тѣхъ поръ, пока тамъ не будутъ затронуты интересы католической церкви. «Вся эта коварная политика», писалъ Фердинандъ брату, «идетъ изъ Франціи и Англіи; дай Богъ, чтобы она не происходила изъ собственного почина папы». Онъ оказался совершенно изолированнымъ и вполне искренно вѣрилъ слуху, будто ландграфъ собирается лишить его короны римскаго короля для того, чтобы возложить ее на себя, или на дофина, или на герцога баварскаго Вильгельма, а при помощи анабаптистовъ возбудить большое возстаніе простого народа противъ императора. Опасеніе, что вюртембергскій походъ служить только введеніемъ къ обще-европейской войнѣ противъ Габсбурговъ, было во всякомъ случаѣ вовсе не съ вѣтру взято, потому что годъ тому назадъ между Баваріей и Франціей заходила уже рѣчь о возможности одновременнаго вторженія въ Вюртембергъ, наслѣдственные австрійскія земли и Чехію, въ Нидерланды, Италію и въ Испанію, и Францискъ не могъ удержаться отъ рѣзкаго выраженія своей досады на то, что ландграфъ остановился какъ разъ въ раз-

гарѣ своего побѣднаго шествія. Но Филиппъ, какъ онъ писалъ послѣ паденія Асберга, не имѣлъ желанія «ни поднять возстанія, ни работать въ пользу французовъ, ни вести войну противъ другихъ»; онъ понималъ, конечно, что, если продолжать войну, придется вести ее не съ однимъ только Фердинандомъ, а и съ самимъ императоромъ, и что это весьма скоро можетъ поставить его въ теперешнее положеніе Фердинанда, котораго покинули всѣ. «Похлопочи, чтобы намъ поскорѣе заключить миръ, и чтобы дѣло безо всякой вины съ моей стороны не разыгралось дальше», писалъ онъ своей сестрѣ Елисаветѣ, невѣсткѣ Георга саксонскаго. Эта жизнерадостная женщина и ловкая интригантка дѣйствительно принимала весьма существенное участіе въ заключеніи договора, который былъ подписанъ 29 іюня въ чешскомъ городѣ Каданѣ при посредничествѣ курфюрстовъ саксонскаго и майнцскаго и герцога Георга. Вюртембергъ былъ возвращенъ Ульриху, но на правахъ лена, полученнаго отъ Австріи, которая, въ свою очередь, была имперскимъ леномъ; въ случаѣ прекращенія вюртембергскаго дома въ мужскомъ колѣнѣ, ленъ этотъ возвращался опять Австріи. Оговорка эта была нарушеніемъ бывшаго въ силѣ общеимперскаго права и относительно Ульриха была жестокимъ требованіемъ, но ради нея Фердинандъ отступился отъ своего первоначальнаго требованія сохраненія католическаго вѣроисповѣданія въ Вюртембергѣ; Ульрихъ долженъ былъ не требовать перемѣны религіи только отъ тѣхъ дворянъ и аббатовъ, которые не принадлежали къ подданнымъ его страны. Но договоръ въ Каданѣ не ограничился однимъ вюртембергскимъ вопросомъ, съ одной стороны, курфюрстъ саксонскій и «присные его по вѣрѣ» признали, наконецъ, королемъ Фердинанда; съ другой стороны, Фердинандъ снова утвердилъ постановленіе о соблюденіи нюрнбергскаго религіознаго мира и прежде всего полную пріостановку пресловутыхъ религіозныхъ процессовъ въ камеральномъ судѣ (стр. 152), а относительно сакраментаріевъ, анабаптистовъ и другихъ враждебныхъ христіанству сектъ сдѣлана была, напротивъ, особая оговорка, что они прямо не должны быть вовсе терпимы. Страсбуржцы и остальные верхне-германскіе евангелики съ полнымъ основаніемъ, несмотря на успокоительныя увѣренія ландграфа, считали опаснымъ для себя это послѣднее постановленіе, тѣмъ болѣе, что камеральный судъ именно къ нимъ-то и не примѣнилъ вышеупомянутаго королевскаго распоряженія о пріостановкѣ процессовъ. Стало быть, о полной и окончательной побѣдѣ евангеликовъ не могло быть и рѣчи, но смѣлость и готовность дать отпоръ ландграфу оставили все-таки повсюду въ имперіи сильное впечатлѣніе; «тысячи книгъ Лютера не принесли бы столько пользы ихъ дѣлу», полагалъ ренегатъ Виццель.

Вюртембергское дѣло завершилось отвратительнымъ происшествіемъ,

такъ какъ между Филиппомъ, который дѣйствительно не искалъ для себя да и не извлекъ сколько-нибудь стоящей вниманія выгоды, и Ульрихомъ, которому онъ покровительствовалъ, вмѣсто прежней дружбы, возникли несогласія. Герцогъ, сильно озлобленный уже требованіемъ возмѣщенія военныхъ издержекъ со стороны Гессена, считалъ себя совершенно свободнымъ отъ всякаго долга благодарности со времени каданскаго договора и не постѣснился упрекнуть своего спасителя тѣмъ, что онъ будто бы предпринялъ этотъ походъ не изъ дружбы къ нему и не ради праваго дѣла, а изъ страха, что на него самого нападутъ. Экъ постарался по своему обыкновенію раздуть эту ссору, чтобы, какъ онъ выразился, «поглубже царапнуть этого бездѣльника лютеранина», т. е. выжить опять этого сумасброднаго герцога изъ Вюртемберга и помѣшать реформаціи, которой отъ него слѣдовало ожидать. Ибо въ Ульрихѣ совершалась дѣйствительно глубокая, а не внѣшняя религіозная переменна; къ тому же годы изгнанія нисколько не ослабили въ немъ убѣжденія въ неограниченности княжеской власти, которое и побудило его вводить новые порядки въ церковныхъ дѣлахъ безъ участія сейма земскихъ чиновъ и съ безпощадной энергіей. Эти церковныя преобразованія въ Вюртембергѣ замѣчательны тѣмъ, что Ульрихъ, по своей личной склонности примыкавшій болѣе къ Цвингли и его единомышленникамъ, не безъ труда добился того, чтобы Шнепфъ, лютеранинъ изъ Гессена, и Амбросій Блареръ, послѣдователь верхне-германскаго евангеличества, дѣйствовали заодно; они условились между собой относительно изложенія ученія о таинствѣ евхаристіи и раздѣлили между собою мѣстности для своей дѣятельности. Замѣчательно все-таки то, что въ 1537 году на такъ называемомъ «сѣздѣ по поводу идоловъ» въ Урахѣ Блареръ добился удаленія всѣхъ образовъ и статуй изъ храмовъ вопреки мнѣнію Шнепфа и Иоганна Бренца, при чемъ послѣдній привелъ въ защиту оставленія ихъ, что вѣдь допускаютъ же въ церковь дѣвушекъ въ присутствіи молодыхъ людей, для которыхъ онѣ «живые кумиры». А кромѣ того въ Вюртембергѣ выступаетъ особенно сильно вышеописанный характеръ новаго территоріальнаго церковнаго строя. Упрекъ, будто Ульрихъ промоталъ отобранное въ казну церковное имущество, несправедливъ; онъ употреблялъ его, положимъ, не исключительно на нужды церкви или на благотворительность, но, помимо надѣленія школъ, и для чисто государственныхъ цѣлей, какъ-то на возведеніе крѣпостей, на покрытіе обязательствъ своихъ передъ Шмалькальденскимъ союзомъ. Вѣдь онъ взялъ на себя даже уплату оставшихся долговъ Фердинанда Швабскому союзу, т. е. часть военныхъ издержекъ, вызванныхъ когда-то походомъ для его собственнаго изгнанія! Кромѣ того, платежными силами вюртембергскаго духовенства уже пользовалось неразъ и весьма основательно и австрійское пра-

вительство для государственныхъ цѣлей. Но особенно круто государство стало примѣнять свою полицейскую власть въ области церкви со времени реформаціи; герцогскіе чиновники (фогты) должны были слѣдить не только за образомъ жизни духовенства, но и за вѣроученіемъ его, и въ Штуттгартѣ, напр., въ 1536 г. подвергали денежнымъ штрафамъ или заключенію въ тюрьмѣ за уклоненіе отъ присутствія на проповѣди въ воскресные и праздничные дни; въ другихъ мѣстахъ то же наказаніе полагалось за присутствіе при католической мессѣ. Буйный и своевольный характеръ герцога, который не совсѣмъ еще совлекъ съ себя былия повадки «дикаго человѣка», отражался и на его самыхъ близкихъ личныхъ отношеніяхъ; такъ онъ на время оттолкнулъ отъ себя своего друга въ бѣдѣ, ландграфа, и вмѣсто него открылъ свое сердце такому головорѣзу въ политикѣ, какъ Эккъ; такъ онъ заставилъ своего родного сына, въ качествѣ католика и опаснаго претендента, покинуть свою родину и отправиться къ французскому двору, гдѣ благородный и даровитый принцъ, едва лишь избавившись отъ прежняго безпріютнаго скитальчества, снова долженъ былъ провести восемь лѣтъ въ новомъ, положимъ, болѣе дружественномъ, изгнаніи. Необезпеченность положенія евангелическихъ имперскихъ чиновъ волей-неволей заставляла ихъ постоянно поддерживать тѣсныя связи съ врагами Габсбурговъ, прежде всего съ Франціей, чтобы сохранить свои владѣнія и значеніе.

Но, какъ ни хотѣлось Карлу V проучить этихъ нѣмецкихъ мятежниковъ, вниманіе его довольно скоро опять отвлечено было иными опасностями. Въ продолженіе этихъ годовъ онъ дѣйствительно похожъ былъ, по выраженію Дройзена, «на гладіатора, который отбивается одновременно отъ нѣсколькихъ нападающихъ, ловкими оборотами заставляя отступать на небольшое разстояніе то одного, то другого, чтобы на мигъ имѣть свободныя руки для удара третьему и четвертому, но не имѣетъ свободного времени для того чтобы избавиться вовсе хоть бы отъ одного изъ нихъ». Мы вернемся еще къ разсказу о томъ, какъ онъ вмѣшался въ борьбу изъ-за датской короны; но еще настоятельнѣе этого вопроса оказалось отраженіе новыхъ нападеній турокъ. Они исходили не изъ главной квартиры непріятеля; Сулейманъ заключилъ въ 1533 году миръ съ Фердинандомъ, чтобы начать давно задуманную войну противъ Персіи и водрузить свое побѣдоносное знамя въ Тавризъ и Багдадъ. Но тѣмъ временемъ не столько самъ «римскій калифъ», сколько его союзникъ, «бей французской страны», позаботился о томъ, чтобы турецкое оружіе не бездѣйствовало и въ Европѣ. Положимъ, французскій посланникъ, который долженъ былъ выпросить у султана миллионъ дукатовъ на походъ противъ императора, достигъ падишаха, воевавшего въ Персіи, только вес-

ною 1535 года. А той порой, однако, еще лѣтомъ 1534 года у береговъ южной Италіи появился, согласно желанію Франциска I, турецкій флотъ болѣе, чѣмъ изъ трехсотъ судовъ, нагналъ ужасъ на Неаполь, произвелъ тамъ и сямъ рѣзню, грабежи и увелъ полонъ съ собой. Онъ былъ подъ начальствомъ Хайреддина Барбароссы, такъ называемаго «короля алжирскаго», морского разбойника родомъ изъ Митилены, который передъ тѣмъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ покорилъ себѣ часть сѣвернаго побережья Африки, а теперь изгналъ Мулей Гассана, независимаго отъ Стамбула владѣтеля Туниса. Вскорѣ послѣ того при французскомъ дворѣ явился посланникъ этого князя корсаровъ. Въ Испаніи и въ Италіи царили страхъ и негодованіе; императоръ рѣшилъ принять всѣ мѣры для уничтоженія дерзкаго насильника, и нимало не печалился о томъ, что на его предпріятіе смотрѣли кто съ заботой, кто съ злорадствомъ какъ на въ высшей степени отчаянное приключеніе. Даже сестра его Марія рѣшительно не хотѣла вѣрить этой необычайной вѣсти; Франція и Англія уговаривались уже о томъ, чтобы имъ напасть на противника, обезсиленнаго пораженіемъ, которое можно напередъ предугадать. Никогда еще, можетъ быть, съ такой радостной увѣренностью не рѣшался Карлъ на войну; въ іюнѣ 1535 года онъ пустился за море, называя себя знаменщикомъ своего главнокомандующаго Христа, преисполненный идеями крестоносцевъ, которыя въ Испаніи еще живы были болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ числѣ четырехсотъ приблизительно судовъ насчитывали около восьмидесяти большихъ военныхъ кораблей, изъ которыхъ двадцать четыре были выставлены одними Андреемъ и Антоніемъ Доріа и десять папою. 15-го іюля пала Голлетта; 20-го императорское войско, состоявшее самое большое изъ двадцати шести тысячъ человѣкъ, встрѣтилось съ вдвое болѣе многочисленнымъ войскомъ, которое успѣлъ собрать Хайреддинъ, несмотря на то, что преобладало враждебное ему настроеніе. «Мы умирали отъ зноя», сообщаетъ самъ императоръ, но зато тѣмъ яростиѣ бились его полуизморенныя войска за обладаніе колодцами, которые тщетно пытались отбить у нихъ враги. Несмотря на это и послѣ этой побѣды наступили опять тревожныя минуты подъ крѣпкими стѣнами Туниса; это была совсѣмъ неожиданная случайность, что, вмѣсто ожидаемаго новаго нападенія мусульманъ, христіанскіе рабы, находившіеся въ городѣ, сами завоевали себѣ свободу и изгнали Хайреддина. Императорскія войска при вступленіи въ городъ омрачили это торжество христіанскаго дѣла страшной рѣзней, которая напоминала дѣянія прежнихъ крестоносцевъ при взятіи приступомъ Іерусалима, и въ то время какъ тысячи христіанскихъ рабовъ освобождались отъ своихъ оковъ, тысячи магометанъ въ свою очередь обращались въ рабовъ. Въ первый разъ Карлъ V испыталъ вполнѣ высокое чувство по-

бѣды: не то, что прежде, не другіе трудились за него, онъ самъ смѣло дѣлилъ всѣ опасности и труды войны подъ іюльскимъ африканскимъ солнцемъ, во главѣ полуотчаявшагося уже войска. Немудрено, что припадки подагры возобновились у него, но «Богъ послалъ мнѣ отличный пластырь для того, чтобы вовсе исцѣлить меня», писалъ онъ своей сестрѣ. А между тѣмъ какъ разъ въ эти дни блеска въ первый разъ въ душѣ его возникла мысль: отказаться отъ всего этого величія и пойти въ монастырь. Материнская кровь заговорила въ этомъ преждевременно состарившемся человѣкѣ.

Во время похода Карла V въ Тунисъ совершилось кровавое рѣшеніе вопросовъ и въ Даніи и въ Вестфалии; почти въ одно и то же время пали и теократическое государство анабаптистовъ и могущество демократіи въ Любекѣ при дѣятельномъ участіи протестантскихъ князей, въ томъ числѣ и ландграфа, которому весьма несправедливо приписывали не однократно склонность къ союзу съ демократическими элементами. Какъ разъ въ это самое время онъ наоборотъ вступаетъ уже на ту дорогу, продолжая идти по которой, онъ дошелъ мало-по-малу почти что совсѣмъ до измѣны своему евангелическому дѣлу. Испытанія вюртембергской войны, гнѣвливый ропотъ и отдѣленіе курфюрста саксонскаго, неблагодарность Ульриха вюртембергскаго, коварная политика Баваріи оставили-таки въ немъ свое жало; уже 19-го іюля 1534 года онъ пишетъ своей сестрѣ, что онъ ничего такъ горячо не желаетъ, какъ выйти вовсе изъ союза евангеликовъ и жить въ мирѣ съ императоромъ. Ленцъ вполне справедливо называетъ поѣздку Филиппа въ Вѣну весною 1535 года «самымъ роковымъ его шагомъ». Онъ прибылъ туда вмѣстѣ съ Генрихомъ брауншвейгскимъ и наслѣдникомъ курфюрста бранденбургскаго и считалъ долгомъ вѣжливости соблюдать посты въ королевскихъ владѣніяхъ; пріемъ былъ въ высшей степени предупредительный, и въ отвѣтъ на увѣренія въ преданности со стороны Филиппа ему подавали надежды войти опять въ милость императора и получить командованіе войсками въ Венгріи. Его личныя задушевныя желанія сводились на то, чтобы заключить договоръ о наслѣдованіи съ Карломъ и Фердинандомъ и вступить, кромѣ того, съ ними въ родственную связь; а между тѣмъ онъ пока уклонился еще отъ открытой помощи императору противъ Франціи. Дороже всего для Габсбурга были неосмотрительныя жалобы Филиппа на курфюрста Іоганна Фридриха; положимъ, онъ не имѣетъ уже большого значенія, намекнулъ онъ одному изъ императорскихъ пословъ, «съ тѣхъ поръ, какъ я отъ него отложился». Что самъ Фердинандъ придавалъ Филиппу больше значенія, чѣмъ курфюрсту, мы смѣло можемъ повѣрить въ этомъ словамъ сестры

Филиппа, которая, между прочимъ, и на этотъ разъ, какъ и при заключеніи договора въ Каданѣ, изо всѣхъ силъ побуждала своего брата къ соглашенію съ Габсбургомъ. Вскорѣ въ Гессенѣ было получено даже любезное письмо отъ императорскаго двора. Этотъ поворотъ въ политикѣ Гессена былъ весьма не кстати баварскому канцлеру, который, несмотря договоръ въ Линцѣ между его герцогомъ и Фердинандомъ, согласился на странный проектъ болѣе тѣснаго сближенія Баваріи съ Франціей и верхе-нѣмецкими городами. Ландграфъ давалъ успокоительныя объясненія, а вскорѣ послѣ того и герцогъ Ульрихъ отправился въ Вѣну, чтобы по всей формѣ получить свой ленъ и императорскую амнистію. Но и курфюрстъ саксонскій рѣшился въ ноябрѣ на такую же поѣздку. На Іоганна Фридриха въ Вѣну жаловался не одинъ ландграфъ, а и нѣкоторые католическіе князья, въ особенности двоюродный братъ его, Георгъ, выставлялъ его въ еще болѣе дурномъ свѣтѣ, будто бы онъ стремится сдѣлаться датскимъ или нѣмецкимъ королемъ; этому настолько же боязливому, насколько и высокомерному государю приписывали намѣреніе въ качествѣ поборника евангеличества стать во главѣ великаго народнаго мятежа. Уже въ Каданѣ онъ привѣтствовалъ короля Фердинанда съ отчужденной почтительностью. Теперь по случаю передачи ему въ ленъ курфюршества саксонскаго завязались болѣе тѣсныя личныя отношенія между нимъ и королемъ; несмотря на это, послѣдній отказался распространить права по нюрнбергскому религіозному миру на не включенныхъ въ него имперскихъ чиновъ, какъ того желалъ курфюрстъ. Эти добрыя отношенія протестантскихъ князей къ Фердинанду, который считался еще болѣе непримиримымъ врагомъ ихъ, чѣмъ даже самъ императоръ, совпадаютъ съ постоянно все возраставшею склонностью къ евангеличеству австрійскаго дворянства. Уже въ 1523 году Лютеръ переписывался съ нѣкимъ дворяниномъ Штарембергомъ, а теперь люди, по лютерански мыслящіе, оказались какъ разъ въ числѣ приближенныхъ короля; таковы были, напр., Рогендорфъ и весьма вліятельный штиріецъ Іоганнъ Гофманъ ф. Грюнбюгель, который главнымъ образомъ и служилъ посредникомъ въ этихъ сношеніяхъ съ протестантскими князьями. Императорскій посланникъ полагалъ, что при дворѣ короля найдется немного людей, отъ которыхъ не вѣяло бы новымъ вѣроученіемъ. Іоганнъ Фаберъ (стр. 86), бывшій съ 1530 года вѣнскимъ епископомъ, увѣрялъ венеціанскаго посланника, что большинство дворянства и народа заражено ересью; «не будь короля и меня, они всѣ сдѣлались бы лютеранами, если еще не хуже того».

Передъ религіознымъ миромъ Алеандеръ восхвалялъ, что Германія, по его мнѣнію, теперь уже далеко не такъ недоступна, какъ во время Вормскаго сейма. Два года спустя Верджеріо не зналъ, какъ ему выразить свое печальное положеніе; давно накопившаяся ненависть къ самому слову:

папство до такой степени усилилась, что больше этого уже и представить себѣ нельзя. При дворѣ короля Фердинанда ему прямо говорили, что достаточно одного кивка, чтобы поднять всю Германію съ оружіемъ въ рукахъ противъ Рима; даже женщины и дѣти ничего такъ страстно не желаютъ, какъ гибели церкви. Но не только отъ окружающихъ Фердинанда приходилось представителямъ куріи выслушивать подобныя рѣчи. Алеандеръ рассказываетъ объ одной комедіи, которую зимой 1531 представляли передъ нимъ и самыми знатными лицами императорскаго двора по распоряженію португальскаго посланника въ Брюсселѣ. По заглавію это долженъ былъ быть триумфъ любви, но съ начала до конца непрерывно сыпались нападки на Римъ и папу, и въ довершеніе всего одинъ изъ исполнителей досталъ себѣ настоящую кардинальскую шляпу изъ дома самого римскаго легата; «все хохотали, словно весь свѣтъ утоналъ въ восторгѣ, а у меня сердце истекало кровью, и мнѣ казалось, что я нахожусь прямо въ Саксоніи, слушаю Лютера, или присутствую при всѣхъ ужасахъ разграбленія Рима». Многіе изъ придворныхъ, думаетъ Алеандеръ, не рѣшались, положимъ, открыто упоминать о Лютерѣ, но вознаграждали себя за это до нѣкоторой степени тѣмъ, что превозносили до небесъ Эразма. Несомнѣнно, счастье было для римской церкви, что Климентъ VII умеръ 25 сентября 1534 г., какъ разъ въ то время, когда онъ опять собирался промѣнять французскую дружбу на союзъ съ императоромъ. Это еще не значитъ, положимъ, что преемникъ его лично стоялъ выше его. Кардиналъ Александръ Фарнезе, который послѣ непродолжительныхъ совѣщаній былъ избранъ 13 октября и вступилъ на престолъ св. Петра подъ именемъ Павла III, былъ истымъ питомцемъ итальянскаго Возрожденія; возвысился онъ при Александрѣ VI, любовникъ сестры его, Юліи, построилъ самый прекрасный дворецъ въ Римѣ; извѣстенъ убійственный приговоръ надъ нимъ одного венеціанскаго государственнаго дѣятеля: Его Святѣйшество такъ поглощенъ нѣжными попеченіями о своемъ кровномъ потомствѣ, «что почти невозможно найти во всемъ свѣтѣ человека, у котораго это чувство выражалось бы сильнѣе». Но этотъ художникъ въ радѣніи родному человѣчку, тотчасъ же возведшій въ санъ кардинала двухъ своихъ внуковъ, одного четырнадцати, другого шестнадцати лѣтъ, былъ все таки настолько проницателенъ, что понялъ необходимость преобразованій въ католической церкви. У него было настолько мужества, что онъ высказался за соборъ и въ санѣ папы, какъ онъ высказывался за него, будучи кардиналомъ. Разумѣется, столь неправдоподобное благорасположеніе къ собору со стороны папы было встрѣчено во многихъ мѣстахъ съ глубокимъ недовѣріемъ; а что Павелъ III рѣшился въ самомъ дѣлѣ начать прежде всего съ преобразованія самого церковнаго управленія,

объ этомъ свидѣтельствуесть то, что въ 1535 и 1536 годахъ кардиналами онъ назначилъ такихъ людей, какъ Дю Бале, епископъ парижскій, аудиторъ Гинуччи, венеціанецъ Контарини, англичанинъ Поль и др. Такого единовременнаго скопленія выдающихся и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніи людей давно уже не видала въ своемъ составѣ всѣмъ одичавшая курія; одинъ итальянскій писатель указывалъ лютеранамъ на эту именно мѣру Павла III въ доказательство того, что папа — не антихристъ. Тогда-то папскій нунцій, только что упомянутый апологетъ Верджеріо, дѣйствительно встрѣтился съ Лютеромъ. Верджеріо долженъ былъ противодѣйствовать собранію національнаго собора въ Германіи и побуждать имперскихъ князей, также и протестантовъ участвовать во вселенскомъ соборѣ. Протестанты естественно не отступились отъ своего требованія, чтобы соборъ былъ свободнымъ и христіанскимъ въ ихъ смыслѣ, и чтобы засѣданія его происходили въ Германіи; Іоганнъ Фридрихъ велѣлъ передать папскому послу, что польза такого собранія заключается въ сущности въ томъ только, что и остальные націи ознакомятся при этомъ случаѣ съ истинною евангелическаго ученія. И Лютеръ тоже высказалъ въ Виттенбергѣ нунцію: «Намъ соборъ теперь уже не нуженъ, но христіанству онъ нуженъ для того, чтобы могли познать истину тѣ, которые не научились еще различать истину отъ своихъ собственныхъ заблужденій». Верджеріо пригласилъ Лютера и Бугенгагена на обѣдъ, и немало удивился этотъ итальянецъ, поставившій себѣ задачей изучить все внѣшнія проявленія великаго противника, когда эта «бестія» предстала предъ нимъ въ изящномъ въ своемъ родѣ костюмѣ, съ атласными рукавами, въ мѣховой шубѣ, съ цѣпью на шеѣ и перстнями на пальцахъ. Лютеръ сказалъ передъ тѣмъ своему цирюльнику, что онъ хочетъ казаться гораздо моложе своихъ лѣтъ и порядкомъ посердить этихъ римскихъ господъ. И то и другое удалось ему вполнѣ, и Верджеріо, которому казалось, что онъ подмѣчаетъ что-то сатанинское въ горящихъ и ворочающихся глазахъ грознаго Лютера, пришелъ прямо въ ужасъ передъ страстностью, соединенной съ мощью, этого плебея, и можно представить себѣ, насколько итальянскому аристократу претили грубыя черты лица и беззащитныя рѣчи Лютера. Разъ, когда нунцій попрекнулъ его слишкомъ ужъ большими притязаніями, онъ вспыхнулъ: «Этотъ гнѣвъ въ моихъ устахъ», — воскликнулъ онъ, — «не мой гнѣвъ, а Божій гнѣвъ».

За нѣмецкими протестантами ухаживали въ то время съ самыхъ различныхъ сторонъ. Въ то время, какъ вожди ихъ вступали въ соглашеніе съ Австріей, и самъ Римъ снизошелъ до переговоровъ съ ними о томъ, что онъ давно уже объявилъ окончательно рѣшеннымъ, Францискъ I облекалъ въ религіозныя покровы свои попытки къ политическому сближенію. По-

нятно, что радостное возбужденіе охватило кружокъ виттенбергскихъ реформаторовъ, когда лѣтомъ 1535 года Меланхтонъ и Буццеръ получили отъ короля французскаго письменныя приглашенія. Конечно, прежняя исторія евангелическаго движенія во Франціи должна была бы служить предостереженіемъ. Въ высшихъ слояхъ народа развился, положимъ, подготовленный гуманизмомъ живой интересъ къ нѣмецкой реформаціи; между тѣмъ какъ богословскій факультетъ въ Парижѣ, довольно часто выступавшій поборникомъ независимости галликанской церкви противъ Рима, съ самаго начала объявилъ войну нѣмецкой ереси, въ то же время образовалась болѣе или менѣе осторожная оппозиціонная партія изъ людей эразмовскаго направленія и склонныхъ къ мистическому субъективизму; духовнымъ вождемъ ихъ былъ достопочтенный Жакъ Лефевръ изъ Этапля, давно уже возбуждавшій противъ себя подозрѣнія сорбонскихъ стражей правовѣрія своимъ самостоятельнымъ толкованіемъ библіи. Гильомъ Бриссонэ, епископъ въ Мо (Meaux), предложилъ ему и другимъ сторонникамъ евангелической реформы убѣжище въ Мо. Казалось, что этимъ стремленіямъ предстоитъ блестящее будущее, когда даже при королевскомъ дворѣ они нашли рѣшительное сочувствіе. Прежде всего Маргарита, даровитая сестра Франциска, со всѣмъ пыломъ своего сердца старалась ввести также и свою мать и обожаемаго брата въ «желанное пристанище» новаго вѣроученія; Луиза Савойская дѣйствительно отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ декабрѣ 1522 года сынъ ея и сама она по благодати св. Духа начали видѣть насквозь ханжей. Въ то время Францискъ I спасъ не одного еретика, приговореннаго къ сожженію на кострѣ, да онъ, вообще чрезвычайно мало занимавшійся вопросами вѣры, никогда и не сдѣлался фанатикомъ. Но точно такъ же не можетъ быть рѣчи, что онъ обстоятельно вникалъ въ міровоззрѣніе евангеликовъ. Онъ дѣйствительно величественно заботился о процвѣтаніи наукъ, въ особенности филологіи: Collège royal (теперешняя Collège de France), основанная въ 1529 г., университеты въ Бордо и Нимѣ суть его созданія; онъ возвысилъ французскій языкъ на степень государственнаго языка и причудливыя произведенія поэтовъ своей родины и итальянскихъ художниковъ судилъ со снисходительностью знающаго толкъ цѣнителя, но политическія соображенія заставили его проливать кровь гонимыхъ реформаторовъ во Франціи. Расположеніе его къ нимъ никогда не было очень глубоко, а окружавшее его легкомысліе, въ которомъ самого его можно назвать учителемъ, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ суровымъ благочестіемъ, которое развилось особенно среди его подданныхъ подъ совокупнымъ вліяніемъ народнаго темперамента и возрастающаго гнета.

Какъ Маргарита, такъ нѣкоторое время и Анна Пислѣ (стр. 37), въ

званіи герцогини д'Этанпъ (d'Etampes) открывшая длинный рядъ знаменитыхъ королевскихъ фаворитокъ французскаго двора, употребляла свое вліяніе въ пользу гонимыхъ. Но ни что такъ рѣзко не противорѣчило строгости нравовъ то гонимыхъ, то терпимыхъ гугенотовъ, какъ то безстыдство, съ которымъ Францискъ I выставлялъ на показъ свой легкомысленный образъ жизни; на торжествѣ, которое Парижъ устроилъ въ честь королевы Элеоноры вскорѣ послѣ ея бракосочетанія, Францискъ находилъ удовольствіе въ томъ, что по цѣлымъ часамъ у открытаго окна передъ всѣмъ народомъ ласкалъ свою любовницу. Это было въ нравѣ галловъ; истымъ галломъ былъ и тотъ удивительный поэтъ, который считалъ смѣхъ отличительнымъ даромъ человѣка и неисчерпаемое богатство остроумія и грязи употребилъ на борьбу со всякаго рода «человѣконавистниками и врагами смѣха». Францискъ Рабле, столь же далекій отъ культа красоты итальянцевъ эпохи Возрожденія, какъ и отъ нравственной строгости нѣмецкой реформаціи, отражаетъ лучше всякаго другого характеръ этого поколѣнія, стремившагося къ тому, чтобы ни одна неудобная страсть не мѣшала спокойному наслажденію жизнью; но Рабле оказывается истымъ французомъ также и въ томъ отношеніи, что ко всей его безумной, черезъ край бьющей веселости, примѣшана изрядная доля трезвой разсудочности. Этотъ свободный мыслитель, мужества котораго хватало только «до костра исключительно», который искалъ прибѣжища отъ французскихъ судей по дѣламъ ереси не въ Германіи, примѣрно, или въ Женевѣ, а въ Римѣ, никакъ не могъ сочувствовать враждебному свѣтской жизни настроенію французскихъ реформатовъ; рядомъ съ «обожателями папы» онъ издѣвается и надъ «хулителями папы», и не только его сотоварищи по духовному званію, монахи, но и «изступленные кальвинисты» одинаково кажутся ему исчадіями «Противуестества». Понятно, что Францискъ I не могъ гнѣваться на смѣющагося философа, несмотря на всѣ его нападки на церковь и государство; сама Маргарита, которая послѣ выхода замужъ за Генриха Наварскаго (1527 г.) открыла убѣжище для гонимыхъ реформатовъ въ своемъ крошечномъ королевствѣ, была вѣдь авторомъ не однихъ только благочестивыхъ гимновъ, а также изрядно соблазнительныхъ новеллъ. И дворъ ея въ По (Ран) и Неракѣ (Nérac) служилъ сборнымъ мѣстомъ далеко не для однихъ только преслѣдуемыхъ приверженцевъ реформаціи; подъ покровомъ этой «десятой музы и четвертой граціи» мы видимъ рядомъ съ Лефевромъ скептика Де Перье (Des Perriers) и нѣсколько квіетистическихъ мистиковъ, которыхъ Кальвинъ не потерпѣлъ бы въ своей Женевѣ. «Въ Неракѣ и По», говоритъ Лотѣйсенъ, «каждый могъ спасаться по своему разумѣнію, каждый могъ молиться въ своей особой часовнѣ», совсѣмъ какъ у Рабле въ его идеальномъ аббатствѣ

Телемъ, блаженной области красоты и умственной свободы. Во Франціи гораздо сильнѣе, чѣмъ въ Германіи, религіозное движеніе при реформаціи вызвало появленіе свободомыслящихъ элементовъ, — людей, которые примкнувши къ древней философіи, стали чужды всякой откровенной религіи и, къ великому соблазну и негодованію какъ католиковъ, такъ и евангеликовъ, отстаивали свободу мысли, не становясь въ ряды ни той, ни другой партіи. Главной квартирой такихъ «атеистовъ» и «эпикурейцевъ», какъ ихъ тогда называли, одно время служилъ Ліонъ. Здѣсь встрѣчались: Рабле и прославленный поэтъ Клеманъ Маро, оба съ большою ловкостью сумѣвшіе уберечь свое тѣло отъ смерти мучениковъ; Этьенъ Доле, благородный *Sato christianus*, изъ изученія Лукреція почерпнувшій самую пламенную ненависть ко всякому преслѣдованію за религію и несмотря на покровительство короля не избѣжавшій своей участи; Де Перье, авторъ «Вселенскаго колокола», который звучитъ Лукіаномъ, доведенный до самоубійства; испанецъ Серведе, нагнавшій тогда уже (1531—1532) ужасъ на всѣхъ католическихъ и протестантскихъ теологовъ двумя, тремя сочиненіями противъ догмата о Тріединствѣ; не довольствуясь тѣмъ, что работы его по медицинѣ прокладывали новые пути, онъ сталъ все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, что онъ призванъ возстановить истинное христіанство. Но на всѣхъ почти этихъ свободныхъ мыслителей слѣдуетъ смотрѣть какъ на запоздалыхъ представителей гуманистическаго движенія, которое реформація уже опередила; вмѣстѣ съ тѣмъ, они были и предвѣстниками грядущаго безучастія къ религіи, а слѣдовательно корни ихъ въ сущности лежатъ не совсѣмъ въ ихъ времени, которое отличается, напротивъ, все болѣе и болѣе возрастающею нетерпимостью. Вспомнимъ, съ какой жаждой встрѣтилъ простой народъ въ Германіи проповѣдь евангеличества; во Франціи такого всенароднаго и глубокаго броженія очевидно не происходило; вслѣдствіе чего, хотя то тамъ, то тутъ низшіе классы и принимали, положимъ, участіе въ движеніи, — такъ, напр., шерсточесъ Жанъ Леклеркъ не безъ успѣха выступалъ въ качествѣ проповѣдника и иконоборца въ Мо и въ Мецѣ, — значительное большинство народа, насколько позволяютъ судить наши весьма скудные свѣдѣнія, смотрѣло на такія явленія скорѣе съ отвращеніемъ, а вслѣдствіе этого правительству, которое и само-то по себѣ было несравненно сильнѣе, чѣмъ государственныя власти въ Германіи, вовсе не приходилось считаться съ опаснымъ настроеніемъ совокупности всего народа при борьбѣ съ ересью. Послѣ того какъ боязливый мистикъ Бриссоннэ изгналъ изъ Мо тѣхъ, кому онъ самъ же предложилъ защиту, и даже самъ просилъ прислать ему инквизиторовъ, начались тѣ ужасныя гоненія, вслѣдствіе которыхъ евангелическая партія хоть и не была уничтожена, зато вынуждена стать въ такія враждебныя отношенія къ католиче-

ству и монархіи во Франціи, которыя все болѣе и болѣе обострялись. Безконечный рядъ евангелическихъ мучениковъ во Франціи открывается Жаномъ Леклеркомъ; уже въ 1523 году еще въ Мо его три дня подъ рядъ подвергали наказанію розгами и затѣмъ клейменію за то, что онъ вывѣсилъ на дверяхъ собора сочиненіе противъ индульгенцій и римскаго антихриста, а потомъ, когда онъ годъ спустя, «движимый духомъ Божіимъ», сокрушилъ въ Мецѣ «идоловъ», поруганная церковь пустила въ дѣло все ужасы уголовного судопроизводства противъ этого нечестивца; сначала ему отрубили кисть правой руки, раскаленными щипцами оторвали носъ и растерзали руки и грудь, прежде чѣмъ возвели его на костеръ. Бурныя вспышки рвенія къ вѣрѣ и стоическое презрѣніе къ смерти жертвъ столь же отличаютъ реформацію во Франціи, какъ и изысканная жестокость гонителей. Гильомъ Фарель, другъ Лефевра и истинный предтеча Кальвина, со всей страстностью уроженца южной Франціи велъ въ Мѣмбельгардѣ (Montbéliard) и въ западной Швейцаріи священную войну противъ иконопочитанія, церковныхъ обрядовъ и процессій; его нисколько не страшило то, что не разъ онъ подвергался опасности лишиться жизни отъ истязаній изступленныхъ ревнителей католичества: священниковъ и женщинъ. Именно изувѣрство нѣкоторыхъ реформатовъ, обезображеніе одного образа Мадонны въ Парижѣ, вывѣшиваніе возмутительныхъ воззваній и оттолкнули главнымъ образомъ отъ евангеликовъ короля, который колебался еще между мѣрами строгости и снисхожденія, пока наконецъ именно эти воззванія въ октябрѣ 1534 года не сдѣлали его разъ навсегда заклятымъ врагомъ реформатовъ. Омерзительное измышленіе одного парижскаго судьи, заключавшееся въ томъ, что еретиковъ долгое время держали надъ огнемъ, то опускаая на рѣшеткѣ въ пламя, то поднимая вверхъ, пришлось вполнѣ по душѣ народу, который, по свидѣтельству современника, съ оглушительнымъ крикомъ толпился и проклиналъ осужденныхъ даже въ то время, когда ихъ истязали. И, несмотря на это, до того боялись силы рѣчи многихъ приговоренныхъ къ смерти, что предварительно вырѣзывали у нихъ языки.

Эта-то жестокость гоненія и служила въ глазахъ Меланхтона и Лютера существеннымъ побужденіемъ къ тому, что не слѣдуетъ отказываться отъ приглашенія Франциска I. Еще въ 1534 году Меланхтонъ не только написалъ королевѣ наварской, но и изложилъ уже письменно для Франціи свое мнѣніе о способѣ прекращенія религіознаго раздора; въ немъ онъ, по собственному объясненію въ задушевной бесѣдѣ, напустилъ на себя видъ самой широкой уступчивости, чтобы не оттолкнуть сразу французскихъ католиковъ. Не говоря уже объ исповѣди, о нѣкотораго рода почитаніи святыхъ, о сохраненіи большей части церковныхъ обрядовъ, онъ соглашался оставить попрежнему въ силѣ церковную іерархію; находилъ

же онъ, что единовластіе папы полезно для сохраненія единства вѣры, а санъ епископа прямо слѣдовало бы создать, если бы его уже не существовало. Что онъ далеко не былъ другомъ «варварской свободы», свидѣтельствовало и его суровое мнѣніе о составителяхъ вышеупомянутыхъ роковыхъ воззваній какъ объ «опасныхъ изувѣрахъ, которые высказываютъ одни только нелѣпыя мнѣнія». Короче сказать, Меланхтонъ всячески старался проникнуться своей новой великой задачей, онъ дошелъ даже до того, что называлъ французскую націю первою въ мірѣ, а короля французскаго главою христіанства; Буццеръ и Гедіо со своей стороны въ томъ же духѣ излагали свои предложенія Франциску I. Генрихъ VIII, занятый мыслью объ образованіи сѣверной лиги, трепеталъ уже при мысли о возможности примиренія между нѣмецкими протестантами и римскимъ престоломъ. Но саксонскимъ политикамъ нельзя было столь явно портить дѣло заигрываньемъ съ Франціей, если они хотѣли достичь своей цѣли, сближенія съ Габсбургами. Иоганнъ Фридрихъ въ весьма рѣзкой формѣ отказалъ своему профессору въ разрѣшеніи ѣхать во Францію. Онъ собственноручно изложилъ Брюкку, своему канцлеру, что Меланхтонъ, «со своей великой мудростью», можетъ зайти въ своихъ уступкахъ дальше, чѣмъ могутъ допустить это Лютеръ и остальные теологи, а французскіе участники въ переговорахъ, настроенные болѣе въ духѣ Эразма, нежели евангеличества, постараются только воспользоваться его извѣстной «шаткостью во мнѣніяхъ». Такимъ образомъ вмѣшательство Виттенберга въ развитіе реформаціи во Франціи не могло состояться, но въ то время въ Базелѣ одинъ молодой французъ, всего только нѣсколько лѣтъ тому назадъ обратившійся въ евангелическую вѣру, трудился надъ апологіей своихъ единовѣрцевъ и ихъ вѣроученія; апологія эта, посвященная самому Франциску I, мощно провозглашала истинность и окончательную побѣду такъ называемой новой вѣры, совсѣмъ не такъ, какъ это дѣлали всѣ прочія апологіи и миролюбивыя предложенія такого человѣка, какъ Меланхтонъ. Въ двадцать шесть лѣтъ Жанъ Кальвинъ былъ уже вполне созрѣлымъ и вооруженнымъ для совершенія великаго дѣла, которое вскорѣ послѣ того, въ 1536 году, съ непреоборимостью божественнаго велѣнія навсегда оторвало его отъ тихаго существованія ученаго.

Итакъ нечего было и думать, что Францискъ I, приславшій своего представителя на съѣздъ членовъ Шмалькальденскаго союза въ декабрѣ 1535 года, можетъ получить отъ нихъ подкрѣпленія для предстоящаго возобновленія войны съ императоромъ. Предложеніе Генриха VIII принять его въ члены союза тоже встрѣтило сильное противодѣйствіе главнымъ образомъ со стороны курфюрста саксонскаго, хотя здѣсь было гораздо болѣе надежды не только на политическое, но и на религіозное соглашеніе, чѣмъ относительно Франціи. Ибо Генрихъ, озлобленный неугодливіестью

курін, въ самомъ дѣлѣ дошелъ до полнаго разрыва съ Римомъ и сдѣлался основателемъ государственной церкви, которая, по рѣзкому, но справедливому выраженію Шерра, «никогда не была въ состояніи смыть слѣды своего нечистаго происхожденія». Непомѣрное изобиліе насилія и лжи отличаетъ развитіе реформаціи въ Англіи, и никакъ нельзя забыть при изложеніи первыхъ успѣховъ ея о деспотѣ, который создалъ ее, и о позорной любовной связи, которая повела къ церковному расколу. Изъ-за торжественныхъ заявленій короля и парламента постоянно все выступаетъ личность извѣстной честолюбивой и коварной кокетки, которая, положимъ, и сама довольно скоро оказалась въ числѣ многихъ жертвъ безсердечнаго самовластнаго правителя. Между прочимъ, въ Англіи, пожалуй, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было давно уже подготовленъ былъ путь для введенія государственной церкви, и стремленіе Генриха VIII сдѣлаться верховнымъ главою церкви, поддерживаемое въ немъ бывшимъ помощникомъ Вольсея, опытнымъ юристомъ и финансистомъ Томасомъ Кромвеллемъ, не встрѣтило стойкаго сопротивленія со стороны англійскаго духовенства. Если въ 1531 году собраніе духовенства объявило короля единственнымъ верховнымъ главою и покровителемъ церквей въ Англіи еще только съ оговоркой: «насколько это разрѣшается закономъ христіанскимъ», все же королевская власть, поддерживаемая парламентомъ, сумѣла въ короткое время устранить и эту послѣднюю слабую оборонительную преграду чисто духовной власти. Генрихъ самъ увлекался все дальше и дальше подъ вліяніемъ своеобразнаго сочетанія своихъ личныя склонностей съ давнишней борьбой между церковью и государствомъ; ему казалось возмутительнымъ, что государю приходится подчиняться такому созданію, какъ папа, котораго Богъ подчинилъ скорѣе ему. Дерзали утверждать, что его величество король долженъ такъ же заботиться о душевномъ спасеніи подданныхъ, какъ онъ заботится объ ихъ тѣлесномъ благополучіи, и черезъ посредство парламента распространять свою законодательную власть на ту и на другую область. *Defensor pacis*, эта самая смѣлая защита полновластія государства изъ всѣхъ, какія только создали среднія вѣка, была спасена отъ забвенія и напечатана въ переводѣ на англійскій языкъ. Правой рукой короля-реформатора былъ Томасъ Кранмеръ, въ 1533 году возведенный въ санъ архіепископа кентерберійскаго (стр. 149), опытный духовный дипломатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ втайнѣ сочувствовавшій евангеличеству, да онъ былъ даже втайнѣ женатымъ человѣкомъ. Въ то время онъ развилъ всю гибкость своего характера, чтобы въ качествѣ англійскаго «антипапы» создать церковное освященіе какъ новой системѣ, такъ и новому браку своего государя и при этомъ украдкой вводить незамѣтно при политическомъ устроеніи англійской церкви то тотъ, то другой членъ еванге-

лическаго вѣроученія. Послѣ того какъ еще въ февралѣ 1533 года изданъ былъ законъ, которымъ отмѣнялись папская юрисдикція въ Англіи и всякія апелляціи въ Римъ, 18-го ноября 1534 года Генрихъ отвѣтилъ актомъ о верховной власти короля надъ церковью на папскую буллу объ отлученіи его; этимъ актомъ король возводился въ «верховнаго главу англиканской церкви на землѣ, выше котораго одинъ только Богъ». Сліяніе свѣтской и духовной власти здѣсь давало знать себя гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ протестантской Германіи, въ особенности оттого, что съ преобразованиемъ церкви находился въ неразрывной связи новый порядокъ престолонаслѣдія. Надо удивляться твердости, съ которою не только отвергнутая королева Екатерина, но и дочь ея Марія, не сломленные всѣми недостойными мѣрами противниковъ, отстаивали свое законное право. Анна Болейнъ поклялась смирить гордую «испанскую кровь»; ей мало было того, что и матери и дочери угрожали смертью, она, кажется, и въ самомъ дѣлѣ намѣревалась предать казни непокорную молодую принцессу въ отсутствіе Генриха и постоянно подговаривала короля примѣнить во всей строгости законы противъ обѣихъ измѣнницъ. Неудивительно, что смерть Екатерины (8-го января 1536 года) приписывали яду ея ненавистницы. Генрихъ VIII отпраздновалъ это событіе тѣмъ, что, разодѣвшись съ ногъ до головы во все желтое, съ бѣлымъ перомъ на беретѣ, онъ явился ко двору и проявлялъ свою радость въ самомъ возмутительномъ видѣ. Въ дѣйствительности же почти весь народъ стоялъ на сторонѣ права, и дерзкое высокомеріе Анны, которая даже съ дядей своимъ, герцогомъ Норфольскимъ, «обращалась хуже, чѣмъ съ собакой», вовсе не могло содѣйствовать уменьшенію все возраставшаго отвращенія къ ея супругу. Возстаніе готово было вспыхнуть не только въ Ирландіи, но и въ Англіи; рассчитывали прямо таки на вмѣшательство императора. Естественнo, при такомъ отвращеніи къ новой системѣ приходилось страдать и реформаціонному направленію, «главной виновницей и повитухой» котораго императорскій посолъ называлъ Анну Болейнъ.

При такомъ положеніи Генрихъ VIII попытался заручиться поддержкой Шмалькальденскаго союза. И онъ завязалъ переписку съ Меланхтономъ, который посвятилъ вѣнценосному противнику Лютера новое изданіе своихъ *Loci communes* (т. I, стр. 373) и весьма охотно отправился бы въ Англію. Но переговоры между англійскими послами и виттенбержцами никакъ не могли притти ни къ какому заключенію; именно Лютеръ весьма рѣшительно вступился за отвергнутую королеву; онъ еще въ 1531 году высказалъ Меланхтону, что король не долженъ расторгать брака, а пусть лучше возьметъ себѣ еще вторую жену наравнѣ съ первой, ибо многоженство не воспрещено по божественному праву. Въ концѣ кон-

цовъ безчеловѣчность, съ которою Генрихъ сокрушалъ всякое сопротивленіе своей державной волѣ, произвела мало-по-малу впечатлѣніе и на протестантскую Германію. На первое время суровость ново-изданныхъ законовъ постигала, положимъ, только выдающихся англійскихъ представителей католичества: весною 1535 года нѣсколько достопочтенныхъ представителей чернаго духовенства потерпѣли мучительную казнь за свою привязанность къ запретному имени папы, а вскорѣ затѣмъ пали головы сѣдовласаго Фишера, епископа рочестерскаго, и благороднаго Томаса Мора, который послѣ паденія Вольсея былъ нѣсколько лѣтъ хранителемъ большой печати. Словно это—иронія судьбы, что Моръ впервые пришелъ къ убѣжденію въ божественномъ происхожденіи главенства папы благодаря именно вышеупомянутому (т. I, стр. 355 и 457) сочиненію Генриха VIII противъ Лютера. То, что папа Павелъ III возвелъ въ кардиналы уже привлеченнаго къ суду епископа, что Францискъ I просилъ сохранить его жизнь, и привело какъ разъ къ гибели обоихъ этихъ людей, которые не согласились спасти свою жизнь признаніемъ актовъ о престолонаслѣдіи и о верховной власти короля надъ церковью. Фишеръ былъ однимъ изъ самыхъ ярыхъ противниковъ въ полемикѣ съ Лютеромъ, а Моръ былъ смертельнымъ врагомъ всякихъ еретиковъ, но, несмотря на это, казнь ихъ считалась юридическимъ убійствомъ и въ протестантскихъ кружкахъ, а въ Германіи говорили даже, что оба они пролили кровь свою за евангелическій образъ мыслей. Ужасъ еще болѣе увеличился, когда узнали объ обезглавленіи королевы Анны Болейнъ. Сердце ея супруга давно уже обратилось къ новымъ прелестямъ, а то обстоятельство, что ребенокъ, которымъ она разрѣшилась 7-го сентября 1533 года, оказался дѣвочкой, а не мальчикомъ, какъ пророчили, рѣшило ея судьбу, хотя она еще цѣлые годы не переставала бороться и въ послѣднее время нашла себѣ нѣкоторую поддержку даже у своего прежняго врага, императора. Кромвель со своей стороны стремился къ той же цѣли, къ союзу съ Карломъ V, но удивительное стеченіе обстоятельствъ привело его къ тому, чтобы добиваться всѣми мѣрами не развода короля съ его «наложницей», а смерти ея. Извѣстный нелюбезный отвѣтъ виттенбергскихъ теологовъ тоже, вѣроятно, содѣйствовалъ тому, что король склонился къ насильственному разрѣшенію затрудненій, въ которыя запутала его давно уже остывшая страсть къ Аннѣ. На основаніи неосторожныхъ выраженій, которыя были повседневымъ явленіемъ при этомъ распутномъ дворѣ, Анну обвинили въ нарушеніи супружеской вѣрности, и послѣ непродолжительнаго процесса, первую жертвою котораго пали ея братъ и мнимые любовники, «безголовая королева», какъ она сама назвала себя въ припадкѣ юмора висѣльниковъ, кончила свою жизнь подъ мечомъ палача 19-го мая 1536 года. Духовный судъ подъ председатель-

ствомъ Кранмера объявилъ бракъ ея неимѣющимъ силы вслѣдствіе того, что до него король жилъ въ незаконной связи съ ея сестрою (стр. 43); у этого грубаго деспота не осталось, значить, и слѣда стыда, если поруганіе своей чести и ужасную кончину когда-то любимой женщины онъ встрѣтилъ съ одинаково омерзительной веселостью, и его всегда покорныя орудія были вполне достойны его. Черезъ день послѣ казни Анны послѣдовало обрученіе короля, а вскорѣ затѣмъ и бракосочетаніе съ Джэнь Сеймуръ.

Даже такіе ревностные сторонники нѣмецко-англійскаго союза, какъ страсбургцы, и тѣ пришли въ недоумѣніе, когда Генрихъ VIII казнилъ «вторую жену», о симпатіяхъ которой къ евангелическому вѣроисповѣданію ходили слухи. Преобладавшее въ эти годы вліяніе курфюрста саксонскаго служило вообще помѣхой для прочнаго союза нѣмецкихъ протестантовъ съ иностранными государями, хотя частыя посольства и предложенія иностранныхъ державъ должно быть были лестны для князей-союзниковъ и внушали болѣе высокое понятіе объ ихъ политическомъ значеніи. Но Іоганнъ Фридрихъ даже къ Шмалькальденскому союзу сохранялъ такое безучастное положеніе, что ему съ полнымъ правомъ можно было приписывать намѣреніе не продлить существованіе союза послѣ 1537 года, а напротивъ добиваться скорѣе распаденія его. Въ сущности союзныя отношенія къ южно-германскимъ «сакраментаріямъ» были ему не менѣе непріятны, чѣмъ вступленіе въ союзъ съ иноземными государствами, и переговоры между лютеранскими и верхне-нѣмецкими теологами пріобрѣли въ то время опять болѣе важное политическое значеніе. Взглядъ, что безъ полнаго согласія во всѣхъ основныхъ догматахъ не можетъ сохраниться прочно и истинная общность интересовъ и такъ сказать вѣра и вѣрность въ мірскихъ дѣлахъ, крѣпко засѣлъ въ нѣкоторыхъ умахъ съ тѣхъ поръ, какъ церковныя партіи получили болѣе рѣзкія очертанія; во всякомъ случаѣ, для императора и имперіи дѣлалось исключеніе вслѣдствіе унаслѣдованнаго благоговѣнія къ нимъ. О тѣхъ средствахъ, которыми Генрихъ VIII укрощалъ обыкновенно своихъ теологовъ и другихъ своихъ совѣтниковъ, въ Германіи въ то время и понятія еще не имѣли. Да и кто рѣшился бы угрозами побуждать такого человѣка, какъ Лютеръ, къ отреченію отъ своихъ убѣжденій? Реформаторъ охотно соглашался, что объединенія всѣхъ евангеликовъ противъ «убійцъ и кровопійцъ, папистовъ» слѣдуетъ настоятельно желать, и тѣмъ не менѣе совѣсть его заставляла все снова и снова съ глубочайшимъ недовѣріемъ вникать въ предупредительныя заявленія верхне-нѣмецкихъ теологовъ. Амсдорфъ съ обычной своей рѣзкостью заявилъ однажды, что увѣренія страсбургцевъ, будто они согласны съ Лютеромъ, совсѣмъ гнусная ложь. Эти притязанія Виттенберга быть чѣмъ-то въ родѣ высшей инстанціи въ вопросахъ вѣры вызвали весьма понят-

ное недовольство среди верхне-нѣмецкихъ и швейцарскихъ теологовъ, которое въ свою очередь повело къ такой же подозрительности и къ весьма рѣзкимъ отзывамъ особенно о Лютерѣ. Лео Юдэ, другъ Цвингли и переводчикъ библіи въ Швейцаріи, полагалъ, что со временъ апостольскихъ никто не говорилъ такъ позорно, смѣхотворно и безо всякаго религіознаго благоговѣнія о самыхъ священныхъ предметахъ, какъ Лютеръ; «если мы сразу не начнемъ противиться, то чего же ждать отъ такого человѣка, какъ не новаго папы, который все опредѣляетъ по своему усмотрѣнію и снова перемѣняетъ, одного предастъ діаволу, другого милостиво допускаетъ на небеса». Нужна была неустанная добрая воля и великая способность Буццера въ обхожденіи съ людьми, чтобы предупредить, по крайней мѣрѣ, самую большую бѣду, — форменное раздѣленіе нѣмецкихъ протестантовъ, расколъ Шмалькальденскаго союза на двѣ непримиримыхъ по вѣроисповѣданію половины. И Меланхтонъ, бывшій въ свое время самымъ яркимъ противникомъ всякаго компромисса, теперь, оказывается, гораздо ближе сошелся именно въ рѣшающемъ вопросѣ съ верхне-нѣмецкими теологами; какъ въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ работъ по догматикѣ онъ пришелъ, напр., къ отреченію отъ прежняго суроваго ученія о неизмѣнномъ предопредѣленіи, такъ еще на аугсбургскомъ сеймѣ на него произвело большое впечатлѣніе одно сочиненіе Эколампадія, въ которомъ доказывалось, что въ первые три вѣка христіанской церкви были различныя воззрѣнія на таинство евхаристіи; а уже въ апрѣлѣ 1531 года онъ писалъ Буццеру, что надѣется на соглашеніе, ибо яростные споры между Лютеромъ и Цвингли никогда не были по душѣ ему; «было бы лучше для всего дѣла, если бы мы мало-по-малу прекратили вовсе эти прискорбныя битвы». Разумѣется, не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы открыто выступить противъ самого Лютера со своими несогласными воззрѣніями; такъ и на собесѣдованіе съ Буццеромъ, которое происходило въ декабрѣ 1534 г. въ Касселѣ, онъ поѣхалъ только въ качествѣ «передатчика чужихъ воззрѣній», такъ какъ Лютеръ тверже, чѣмъ когда-либо стоялъ на томъ, что при принятіи святыхъ таинъ вкушается истинное тѣло Христова подъ видомъ хлѣба и вмѣстѣ съ хлѣбомъ и «раскусывается зубами». Зато послѣ возвращенія изъ Касселя Меланхтонъ попалъ въ подозрѣніе у своего друга за свое почти что цвинглианское мнѣніе. Вопреки предупрежденіямъ Меланхтона, что, при продолженіи личныхъ переговоровъ, противоположности неизбежно еще болѣе обострятся, въ маѣ 1536 года явилось въ Виттенбергъ пышное посольство представителей верхне-нѣмецкихъ теологовъ съ Буццеромъ во главѣ для того, чтобы лично вести переговоры съ Лютеромъ. Хотя швейцарцы незадолго передъ тѣмъ (въ мартѣ 1536 года) и видоизмѣнили нѣсколько ученіе Цвингли о таинствѣ евхаристіи на сѣздѣ въ Базелѣ

въ совокупномъ изложеніи своего вѣроученія, но не допускали все же тѣлеснаго присутствія Іисуса Христа во св. дарахъ; приглашеніе страсбургцевъ принять участіе въ этихъ переговорахъ они отклонили. А Лютеръ между тѣмъ оказался на этотъ разъ гораздо доступнѣе, чѣмъ когда-либо прежде, хотя въ началѣ онъ опять было сдѣлался неподатливымъ подъ впечатлѣніемъ произведенія Цвингли, только что напечатаннаго по оставшейся послѣ него рукописи. Самый затруднительный вопросъ состоялъ въ томъ, приобщаются ли тѣла Христова во время принятія св. даровъ не только недостойные, но даже и безбожники, т. е. совершенно невѣрующіе. Последняго не могли допустить верхне-нѣмецкіе теологи; несмотря на это, Лютеръ и его единомышленники, — впрочемъ, такія горячія головы, какъ Амдорфъ и Осіандеръ, не принимали участія, — рѣшили прекратить всякія дальнѣйшія препирательства по этому вопросу и принять цвинглианъ какъ «любезныхъ братьевъ о Господѣ». Буццеръ и Капитонъ не могли удержаться отъ слезъ, когда услышали эту вѣсть мира изъ устъ самого грознаго Лютера. И все-таки соглашеніе, подписанное 29-го мая, повело не къ дѣйствительному миру, а только къ перемирію. Ибо, во-первыхъ, прямо было оговорено, что соглашеніе это не обязательно для власть имущихъ, что это только предварительное соглашеніе. Затѣмъ, примиреніе спорныхъ взглядовъ на значеніе св. даровъ для невѣрующихъ было лишь замолчано, а не договорено до конца. Лютеръ считалъ, положимъ, что слѣдуетъ похоронить и той и другой сторонѣ все происшедшее между ними прежде и завалить сверху камнемъ. Но, если уже въ рядахъ его приверженцевъ стали раздаваться неодобрительные голоса, то въ южной Германіи встрѣтили «принудительныя статьи» виттенбергскаго соглашенія съ нескрываемою антипатіей, и многіе изъ швабскихъ городовъ только послѣ нѣкотораго колебанія и оговорокъ согласились принять ихъ; такъ поступилъ прежде всего Ульмъ, тогда какъ Констанцъ упорно продолжалъ отказываться. Естественно еще менѣе удалось склонить къ форменному принятію соглашенія швейцарцевъ, изложеніе вѣры которыхъ Лютеръ прочелъ и отозвался о немъ довольно благосклонно; собраніе въ Базелѣ въ ноябрѣ 1536 года выразило вообще свое одобреніе и надежду, что этимъ положено начало къ соединенію, но осталось опять при прежнемъ своемъ исповѣданіи вѣры, лишь въ болѣе подробномъ изложеніи. Во всякомъ случаѣ и то уже было до нѣкоторой степени успѣхомъ, что самъ Лютеръ дружелюбно и мирно сносился теперь со швейцарцами, и, хотя соглашеніе и не состоялось, онъ подалъ знакъ ко взаимному довѣрію; онъ писалъ имъ, что всегда слѣдуетъ ожидать обоюдно наилучшаго другъ отъ друга, «пока муть осядетъ». Онъ могъ считать великимъ самоотреченіемъ со своей стороны то, что въ письмѣ къ Буллингеру, преемнику Цвингли, онъ написалъ, что со

времени марбургскаго свиданія съ Цвингли онъ считалъ своего противника превосходнымъ человѣкомъ; онъ и своимъ друзьямъ говорилъ о швейцарцахъ какъ о людяхъ благочестивыхъ, къ которымъ надо нѣкоторое время относиться снисходительно, пока не удастся привлечь ихъ къ себѣ. А по правдѣ-то швейцарцы никогда и не собирались купить объединеніе цѣною подчиненія Виттенбергу въ ученіи о догматахъ.

Несмотря на все это, уже одно такое вынужденное необходимою замалчиванье существующаго раскола было бесспорно выгодно для протестантовъ въ Германіи, усиливая ихъ положеніе и значеніе. Теперь какъ разъ Шмалькальденскій союзъ поставленъ былъ въ необходимость вполне открыто занять опредѣленное положеніе какъ относительно собора, такъ и относительно императора. Павелъ III объявилъ 2-го іюня 1536 года о предстоящемъ соборѣ; онъ долженъ былъ собраться въ Мантуѣ 23-го мая слѣдующаго года. Намѣренно была выпущена прежняя оговорка, что онъ долженъ быть свободнымъ «по древнему обычаю римской церкви»; папа обратился также къ императору съ ходатайствомъ объ императорской охранной грамотѣ для лютеранъ. Но папа возвѣщалъ, что искорененіе возникшихъ въ послѣднее время ересей и—какъ еще яснѣе было сказано въ нѣсколько позже выпущенной буллѣ о преобразованіи куріи—искорененіе пагубной лютеранской ереси есть главная цѣль, а это не особенно располагало нѣмецкихъ протестантовъ воспользоваться приглашеніемъ на соборъ. Несмотря на это и среди нихъ раздались разные голоса, стоявшіе за то, что надо послать представителей на соборъ; самъ Лютеръ и Меланхтонъ въ одномъ изъ своихъ мнѣній высказались за то, что папа во всякомъ случаѣ имѣетъ право созывать церковный соборъ и разсылать вызовъ предстать передъ судомъ собора. Іоганнъ Фридрихъ на этомъ не успокоился; онъ напротивъ пришелъ къ мысли, что Лютеръ и его «соепископы» должны назначить, напр., въ Аугсбургѣ соборъ евангеликовъ, въ противовѣсъ тому собору, а члены Шмалькальденскаго союза должны выставить для охраны его по меньшей мѣрѣ восемнадцать тысячъ человѣкъ. Уже обсуждали взаправду вопросы, какъ извѣстить объ этомъ папу, сколько лошадей предоставить для свиты императора и иноземныхъ королей. Тутъ, однако, опять теологи высказались противъ этого, но они защищали все же право свѣтскихъ властей принять мѣры къ сопротивленію на случай, если соборъ возбудитъ процессъ противъ евангеликовъ, а Лютеръ прибавилъ еще, что онъ согласенъ «помогать этому своими молитвами, а если нужно будетъ, то и кулакомъ». Въ статьяхъ, которыя по порученію курфюрста онъ составилъ какъ бы для представленія и защиты передъ соборомъ и передъ судомъ самого Бога, онъ по возможности рѣзче изложилъ свое мнѣніе о католической массѣ, о «величайшей и ужаснѣйшей мерзости»,

о томъ «хвостъ дракона», изъ котораго произошли и все прочіе нечестивые «гнуся и гады». Онъ заявляетъ, что истинно христіанское, не трубящее о своемъ божественномъ происхожденіи, папство невозможно, что папа есть антихристъ. Меланхтонъ не могъ тутъ воздержаться, чтобы не поставить на видъ свое несогласное съ этимъ мнѣніе, по которому папѣ, если онъ допуститъ евангелическое вѣроисповѣданіе, и евангеликамъ слѣдуетъ предоставить верховную власть надъ епископами. Въ высшей степени замѣчательно, какъ онъ на съѣздѣ въ Шмалькальденѣ, по которому и названы эти статьи, жаловался ландграфу на свое горе, что Лютеръ не хочетъ сдѣлать папистамъ ни малѣйшей уступки, какъ онъ, кромѣ того, сожалѣлъ и о болѣе строгомъ изложеніи ученія о таинствѣ евхаристіи, такъ какъ-де это противорѣчитъ соглашенію съ верхне-нѣмецкими теологами. Этотъ поворотъ шмалькальденскихъ статей противъ ученія верхне-нѣмецкихъ теологовъ, отчего послѣдніе и отказались подписаться подъ ними, Меланхтонъ приписывалъ Бугенгагену, «ибо это настойчивый человѣкъ и грубый уроженецъ Помераніи». Но на первое время имѣло рѣшающее значеніе это открытое объявленіе войны папству, ибо таковымъ должно считаться составленное Лютеромъ, «какъ бы завѣщаніе его», исповѣданіе вѣры, и на него никоимъ образомъ нельзя смотрѣть какъ на возможное основаніе для разсужденій на соборѣ. Ворстіусу, легату папскому, пришлось испытать на себѣ послѣдствія этого настроенія, когда онъ дерзнулъ явиться на съѣздъ въ Шмалькальденѣ (февраль—мартъ 1537 г.). Іоганнъ Фридрихъ далъ ему аудіенцію, отказался однако принять папскія посланія; остальные князья отказались принять его. Меланхтонъ находилъ, что съ легатомъ и съ императорскимъ ораторомъ (глашатаемъ устныхъ сообщеній) обошлись «по-мужицки». Протестовавшіе имперскіе чины, положимъ, отвѣтили не стѣсняясь на тѣ предложенія императора, которыя переданы были имъ вице-канцлеромъ Матѳеемъ Гельдомъ. Кромѣ участія въ соборѣ, императоръ требовалъ отъ протестантовъ, чтобы они строго держались въ предѣлахъ, поставленныхъ нюрнбергскимъ религіознымъ миромъ, и признали камеральный судъ высшей инстанціей, которая должна рѣшать, что считать процессомъ по религіознымъ дѣламъ, что нѣтъ. Уступивши въ этомъ требованіи, протестанты сами лишили бы себя всякаго политическаго значенія, а на немъ-то и основывалось въ сущности все настоящее и будущее ихъ евангелическаго дѣла. Къ тому же личность и поведеніе императорскаго посла внушали подозрѣніе, что онъ дѣйствуетъ больше по своимъ соображеніямъ, а не согласно волѣ императора, инструкцію котораго онъ отказывался предъявить. И дѣйствительно, тайная инструкция императора, въ противность крутому обращенію Гельда, намѣчаетъ и возможность прочнаго обезпеченія евангеликовъ отъ всякаго на-

сильственного гнета, и даже возможность національнаго собора. Императорскій вице-канцлеръ, бывшій передъ тѣмъ членомъ камеральнаго суда, рѣшился въ качествѣ закоснѣлаго юриста со своей стороны вести войну съ еретиками и нарушителями права самымъ настойчивымъ образомъ; даже одинъ изъ друзей его предупреждалъ страсбургца Штурма: «У нашихъ князей нѣмецкія головы, а у этого человѣчка итальянская голова». Замыселъ его былъ таковъ: создать двойной союзъ всѣхъ католическихъ нѣмецкихъ князей,—южанъ подъ главенствомъ Фердинанда, сѣверянъ подъ начальствомъ императора, съ придачею принадлежавшихъ императору Нидерландовъ; онъ предпринялъ неудачную попытку перетянуть на свою сторону Нюрнбергъ, но слѣдовало остерегаться дальнѣйшихъ происковъ съ его стороны. Протестанты со своей стороны давно уже убѣдились, что на дѣлѣ нюрнбергскій религіозный миръ ничего не стоитъ, и нарушили его границы тѣмъ, что не только на сѣздѣ въ декабрѣ 1535 года продлили Шмалькальденскій союзъ на десять лѣтъ, но и постановили допускать вступленіе въ него всѣмъ имперскимъ чинамъ, которые будутъ держаться аугсбургскаго исповѣданія вѣры. Вслѣдъ за этимъ присоединились: Вюртембергъ, Померанія, Ангальтъ, города: Аугсбургъ, Франкфуртъ, Ганноверъ, Кемптенъ; это послужило поводомъ къ тому, чтобы усилить составъ союзаго совѣта новыми четырьмя голосами, два принадлежали князьямъ, два—городамъ. Теперь имъ ничего больше не оставалось, какъ отвѣчать въ свою очередь упреками въ нарушеніи права на указанія императорскаго посла, что буква закона гласитъ не въ ихъ пользу; они это и сдѣлали, заявивши, что камеральный судъ пристрастенъ, и что совѣсть ихъ противится его приговорамъ и приведенію ихъ въ исполненіе. Съ неизбежной логикой всякихъ партій, которыя по видимости ведутъ борьбу за право, а въ дѣйствительности за власть, они объявили свои вторженія въ права собственности и вліянія духовенства законными и справедливыми, а всякую попытку преслѣдовать ихъ законнымъ путемъ явнымъ насиліемъ, такъ какъ-де не можетъ быть вовсе и рѣчи о какихъ-либо правахъ на законное владѣніе у монаховъ и поповъ, «этихъ безбожныхъ совратителей». Это, какъ мы видимъ, старая теорія Виклифа и гуситовъ, по которой отпавшіе отъ Бога лишаются и всякой правоспособности (т. I, стр. 131 сл.); власть ихъ миновала, бывшее достояніе ихъ стало для нихъ чужой собственностью. Ибо протестанты дѣлаютъ такой выводъ: «Когда божественная истина одерживаетъ верхъ, передъ нею теряютъ всю силу всякія права владѣнія, пользованія, обычныя права и право давности». Это была совсѣмъ такая же революція, какъ и при возстаніи крестьянъ. Но ни одно еще великое движеніе не могло взять верхъ безъ революціи.

Чѣмъ болѣе ослабѣвалъ авторитетъ имперской власти, тѣмъ туже на-

тягивались бразды правленія въ отдѣльныхъ территоріяхъ. «Приверженцы аугсбургскаго вѣроисповѣданія заявляютъ, что они не обязаны оказывать часто требуемаго отъ нихъ повиновенія въ дѣлахъ вѣры своей верховной власти: императору и королю, но сами они отъ своихъ гражданъ требуютъ такого послушанія». Вотъ какъ изобразили епископъ и капитулъ аугсбургскіе приемы городского совѣта, который въ январѣ 1537 года въ силу своей верховной власти, своей «законной и истинной власти» отмѣнилъ католическое богослуженіе и лишилъ духовенство его привилегированнаго положенія, а упорствующимъ приказалъ покинуть городъ въ теченіе восьми дней и за всякое неуваженіе къ этому новому порядку грозилъ тѣлеснымъ наказаніемъ, лишеніемъ чести и достоянія. Пробудилось такое чувство, какъ излагаетъ Буццеръ въ одномъ изъ своихъ произведеній, что въ самомъ дѣлѣ освободились отъ всякой обязанности спрашиваться вообще у своихъ «самыхъ высшихъ верховныхъ властей» при преобразованіяхъ въ церкви и государствѣ въ предѣлахъ своей территоріи. «Мы видимъ и понимаемъ», говоритъ тотъ же Буццеръ, «съ какой удивительной милостью Господь поступаетъ съ нами или относительно насъ черезъ посредство императора. И тѣмъ не менѣе мы мечтаемъ о противоположномъ. Кто же еще возбудилъ насъ?» И впослѣдствіи онъ полагалъ еще, что войны со стороны императора надо ожидать съ такой же почти вѣроятностью, какъ со стороны «каликутскаго короля».

Невозможно не напоминать снова и снова, какую выгоду могли извлечь протестанты въ Германіи изъ постоянно вновь запутывавшихся отношеній всесвѣтной политики императора, и какой вредъ принесъ имъ ложный въ самой сущности взглядъ ихъ на императора.

Карлъ V послѣ своей тунисской побѣды говорилъ о будущихъ предпріятіяхъ противъ Алжира или даже противъ самого Константинополя. Но во время его возвращенія умеръ (1-го ноября 1535 года) давно уже прихварывавшій Франческо Сфорца, съ которымъ императоръ незадолго передъ тѣмъ обручилъ свою молоденькую племянницу Христину датскую. Францискъ I еще до того изъявлялъ притязаніе, что послѣ смерти Сфорцы къ нему должны перейти не только Генуя и Асти, но и все герцогство миланское. Пока еще шли переговоры, кому слѣдовало бы передать Миланъ, третьему или второму сыну короля, Францискъ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ, занявши внезапно въ мартѣ 1536 года Савойю; онъ опирался на мнимыя права на наслѣдство своей матери, которыя будто бы вопреки праву были нарушены ея своднымъ братомъ, правящимъ герцогомъ Карломъ, но на самомъ дѣлѣ ему важно было обезпечить себѣ доступъ въ Италію и сдѣлать безвреднымъ для себя князя, кото-

рый былъ зятемъ и преданнымъ человѣкомъ императора. Захватить заодно при этомъ случаѣ Женеву помѣшало ему только то, что бернцы быстро упредили его еще въ январѣ; они заняли городъ и сѣверную Савойю и возобновили свой договоръ о согражданствѣ съ Женевой. Въ порывѣ негодованія императоръ утратилъ свое привычное самообладаніе; въ залѣ совѣщаній консисторіи въ Римѣ въ присутствіи французскаго и венеціанскаго пословъ онъ съ обнаженною головою держалъ самую длинную въ своей жизни рѣчь къ папѣ и кардиналамъ. Онъ желалъ, какъ онъ выразился, дать передъ папой отчетъ во всей своей жизни и во всемъ, что происходило между нимъ и Франціей; въ заключеніе онъ снова (стр. 41) вернулся къ своей мысли о поединкѣ съ Францискомъ I, который долженъ произойти между ними, напр., на какомъ-нибудь островѣ или на плавучей платформѣ. Чтобы не забыть чего-нибудь важнаго, онъ во время рѣчи заглядывалъ въ записку. Но чего же могъ ожидать Карлъ отъ папы, самыя настоятельныя желанія котораго о надѣленіи княжескимъ титуломъ его сына не были удовлетворены, который велъ уже переговоры съ Франціей о томъ, чтобы получить Миланъ для одного изъ своихъ внуковъ? Павелъ III, отъ родни котораго при испанскомъ дворѣ ждали всего самаго худшаго, въ присутствіи венеціанскаго посла осыпалъ императора упреками: на императора падаетъ вина, что и Англія потеряна, и что въ Германіи распространилась ересь, которую онъ долженъ былъ уничтожить на Вормсскомъ сеймѣ; онъ понуждаетъ папу отлучить Франциска I за то, что тотъ дѣйствуетъ заодно съ турками, и такимъ образомъ обособить Францію отъ христіанскаго міра. Францискъ I дѣйствительно не только заключилъ съ Портой мирный и торговый договоръ, въ которомъ выговорена была полная свобода присоединенія къ союзу для папы, Англіи и Шотландіи, но лѣтомъ 1536 года вмѣстѣ съ турецкимъ флотомъ уже и французскія суда появились у береговъ Италіи. Опасались, какъ бы на слѣдующій годъ нападеніе не было произведено въ обширныхъ размѣрахъ; папа уже считалъ себя не безопаснымъ въ Римѣ. Ранке называетъ этотъ явный союзъ христіаннѣйшаго короля съ исконнымъ врагомъ христіанства «военно-политическимъ протестантизмомъ» и считаетъ его вполне безспорнымъ шагомъ впередъ въ области политики; «изъ всѣхъ идей, содѣйствовавшихъ развитію новой Европы, самой вліятельной пожалуй была идея о совершенно самостоятельной, не связанной никакими посторонними соображеніями, ограничивающейся только своей собственной цѣлью государственной власти».

Широко распространенное чувство предосудительности такого союза съ турками оказалось все таки впослѣдствіи не безъ вліянія на политику Франциска I. Но на первое время ему приходилось только хвататься

за всякое подходящее средство, чтобы удержаться въ оборонительномъ положеніи, въ которое онъ перешелъ изъ наступательнаго влѣдствіе побѣдоноснаго движенія впередъ императора. Вопреки отговариваніямъ своихъ совѣтниковъ Карлъ V рѣшилъ вторгнуться въ южную Францію, послѣ того какъ онъ безъ большого труда овладѣлъ Пьемонтомъ. Но французское правительство само съ варварской безпощадностью обратило благодатныя поля Прованса въ пустыню; хлѣба на поляхъ, запасы, колодцы, печи для хлѣба и мельницы были уничтожены; укрѣпленія большинства городовъ были срыты, и несчастные жители выселены и загнаны въ немногіе предназначенные къ защитѣ города или въ лѣса и горы. Голодъ и моровая язва опустошали ряды прекрасной императорской арміи въ то время, какъ Францискъ I, вмѣсто того, чтобы предложить непріятелю столь желанную ему битву, удерживалъ свои войска въ двухъ неприступныхъ лагеряхъ подъ Авиньономъ и Валансомъ. Скоропостижная смерть дофина Франциска исполнила сугубой ненавистью общественное мнѣніе Франціи противъ Карла V; одинъ итальянскій дворянинъ, котораго пыткой заставили признаться въ отравленіи, назвалъ въ качествѣ подстрекателей двухъ изъ императорскихъ полководцевъ. Остатки вторгнувшейся арміи покинули 23 сентября французскую землю. Карлъ, только благодаря счастливой случайности избѣжавшій пулю, предназначенныхъ ему доведенными до отчаянія крестьянами, скрылъ давно задуманное отступление мнимымъ наступательнымъ движеніемъ на Марсель и поздней осенью вернулся опять въ Испанію. Еще до этого не удавшегося предпріятія въ южной Франціи вторженіе съ сѣвера императорскихъ войскъ было остановлено превосходно защищаемой Пероннью и не повело ни къ чему. Нѣмецкіе ландскнехты тысячами сбѣгались подъ знамена Франціи. Молодой вюртембергскій принцъ Христофоръ, служившій королю въ гарнизонѣ Марселя и потомъ въ Италіи, съ полнымъ удовлетвореніемъ сообщалъ о потеряхъ «нашихъ противниковъ». Со всѣмъ высокомѣріемъ побѣдителя Францискъ I приказалъ объявить передъ палатой пэровъ и парижскимъ парламентомъ, что его противникъ «Карлъ австрійскій» виновенъ въ нарушеніи ленной присяги и возмущеніи и потому лишается графствъ Фландріи, Артуа и Шароле (Chagolois). Но, хотя онъ и полководецъ его, Монморанси, и взяли весною 1537 года рядъ крѣпостей въ Нидерландахъ и нагнали ужасъ, опустошая все огнемъ и мечомъ, и въ особенности тѣмъ, что вырѣзали поголовно все населеніе городка Сэнъ Венанъ, они отступили однако при первыхъ признакахъ рѣшительнаго сопротивленія. Не въ Нидерландахъ, гдѣ уже въ іюлѣ заключено было перемиріе, и не въ сѣверной Италіи, гдѣ французы одержали верхъ, рѣшенъ былъ собственно исходъ войны. Скорѣе, тутъ повліяло вмѣшательство турокъ; но они напра-

вили свой главный ударъ не противъ южной Италиі, гдѣ Хайреддинъ Барбаросса ограничился набѣгомъ на Апулію, а противъ владѣній венеціанской республики, которая должна была теперь волей-неволей выйти изъ своего съ трудомъ соблюдаемаго нейтралитета. Корфу мужественно отстоялъ себя, но за то поплатились острова Эгейскаго моря, особенно о. Эгина; «мыплыли мимо него и не видали на немъ ни одного человека», сообщаетъ предводитель французскаго флота, который плылъ слѣдомъ за своимъ турецкимъ союзникомъ; ибо все, что не было истреблено, было на пути къ рынку рабовъ. Гансъ Кацціанеръ, главнокомандующій короля Фердинанда, былъ въ октябрѣ разбитъ на голову при Эссекѣ. Вполнѣ справедливо попрекнулъ какъ-то Фердинандъ нунція Мороне, что папа, соблюдающій будто бы нейтралитетъ, предоставляя французскому королю десятину, даетъ косвенно вспомошествованія для войны туркамъ. Но одно уже дружественное или враждебное соприкосновеніе съ этой темной силой ислама, казалось, пробуждало въ христіанахъ самыя дурныя побужденія, еще до того одинъ посолъ братьевъ Габсбурговъ въ Стамбулѣ назначилъ награду за умерщвленіе главнаго адмирала Хайреддина Барбароссы, а между тѣмъ теперь вице-король Сициліи вступилъ въ тайныя переговоры съ этимъ грознымъ противникомъ, чтобы отвлечь его отъ императорскихъ владѣній; Кацціанеръ, арестованный за свое пораженіе, бѣжалъ и былъ самымъ вѣроломнымъ образомъ убитъ графомъ Николаемъ Цриньи (Zgrinyi) за свои предательскія сношенія съ османами. И лига, которую папа и императоръ образовали съ Венеціей противъ турокъ, выказала мнимое рвеніе Карла V къ защитѣ христіанскаго дѣла въ весьма своеобразномъ свѣтѣ; адмиралъ лиги Доріа не разъ принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы дать возможность непріятельскому флоту спастись, когда въ разгарѣ побѣды противнику угрожала великая опасность, а затѣмъ все яснѣе и яснѣе проглядывало желаніе императора воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Венеціи для своей личной выгоды.

Тѣмъ временемъ отчасти не прекращавшіяся попытки папы быть посредникомъ, а отчасти истощеніе обоихъ главныхъ противниковъ, Карла V и Франциска I, привели къ заключенію перемирія на десять лѣтъ въ Ниццѣ (18-го іюня 1538 года). Павелъ III напередъ уже получилъ вознагражденіе отъ императора: Александръ Медичи, супругъ побочной дочери Карла V, былъ въ январѣ 1537 года убитъ своимъ двоюроднымъ братомъ Лоренцино, и вотъ Карлъ V вынужденъ былъ теперь не только выдать вдову убитаго за внука папы Оттавіо Фарнезе, но и передать ему маркграфство Новару. Станный былъ это конгрессъ, когда папа поселился въ одномъ монастырѣ подъ Ниццей, король французскій—въ соѣднемъ селѣ, а императоръ остался на своей галерѣ. Оба смертельные

врага переговаривались порознь съ папой, не видаясь другъ съ другомъ. Тѣмъ сильнѣе было всеобщее изумленіе, когда нѣсколько недѣль спустя (14—17 іюля) они встрѣтились оба въ Эгъ-Мортъ и сразу словно волшебствомъ обратились по видимости въ братьевъ и друзей. Впредь уже не должно быть никакой разницы между дѣлами императора и его дѣлами, сказалъ непосредственно послѣ этого Францискъ I. До задуманной сообща войны противъ турокъ было еще далеко, конечно, а еще того меньше можно было ожидать, что Карлъ согласится на французское предложеніе раздѣлить Англію между императоромъ, Франціей и Шотландіей. Напротивъ вполне столковались насчетъ совмѣстнаго предпріятія противъ «уклонившихся отъ вѣры» въ Германіи, естественно, заручившись надеждой на содѣйствіе папы. Намѣренія императора сводились къ «мирному соглашенію», и онъ особо уполномочилъ своего брата сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки, «чтобы онѣ не затрогивали только сущности нашей религіи и не возбуждали религіознаго соблазна». Въ томъ же смыслѣ и король Фердинандъ заявилъ папскому легату, который по этому поводу и поспѣшилъ въ Германію, что лучше пожертвовать пальцемъ, чѣмъ цѣлою рукой, и лучше лишиться руки, чѣмъ всего тѣла.

Несмотря на эти стремленія къ мирному улаженію великаго спора, тогда какъ разъ казалось, что въ Германіи сейчасъ вспыхнетъ религіозная война. Неутомимый агитаторъ Гельдъ оказалъ услугу тѣмъ, что дѣйствительно образовалъ въ Нюрнбергѣ 10 іюня 1538 г. союзъ католиковъ, въ противовѣсъ Шмалькальденскому союзу; для поддержанія въ силѣ нюрнбергскаго религіознаго мира въ союзъ съ императоромъ и королемъ вступили: Майнцъ, Зальцбургъ, Баварія, Георгъ саксонскій, Эрихъ и Генрихъ Младшій брауншвейгскіе, при чемъ особенно выставлялся на видъ оборонительный характеръ союза, всякое участіе иностранныхъ державъ отклонялось, и даже имѣлось въ виду принятіе въ союзъ лютеранскихъ имперскихъ чиновъ. Организція союза въ своемъ дѣленіи на двѣ части была подражаніемъ организціи Шмалькальденскаго союза. Конечно, Гельдъ и другіе представители новаго союза нашли настроеніе при императорскомъ дворѣ далеко не настолько воинственнымъ, какъ имъ было желательно. Но, казалось, достаточно уже одного все возрастающаго обоюднаго недовѣрія между партіями для того, чтобы не сегодня, завтра довести какое-нибудь изъ неизбѣжныхъ столкновеній до повода къ войнѣ. Такъ, напр., Генрихъ Младшій отказалъ своему прежнему другу, ландграфу, который отправлялся въ Брауншвейгъ на съѣздъ членовъ Шмалькальденскаго союза, въ свободномъ пропускѣ; а когда Филиппъ, несмотря на это, проѣзжалъ неда-

леко отъ Вольфенбюттеля, Генрихъ приказалъ стрѣлять по нему изъ пушекъ. Конечно, какъ разъ этотъ самый съѣздъ въ Брауншвейгѣ, благодаря личному появленію на немъ и присоединенію съ союзу (въ апрѣлѣ 1538 г.) короля датскаго, показалъ, что значеніе Шмалькальденскаго союза все еще увеличивается. Въ довершеніе всего присоединеніе всей, въ особенности сѣверной, Германіи къ новому вѣроисповѣданію казалось въ имперіи только вопросомъ времени; Генрихъ саксонскій, братъ Георга, сноха Георга Елисавета, вдовствующая герцогиня рохлицкая (стр. 157) вступили въ союзъ, а послѣ смерти (1535 г.) непримиримаго противника реформаціи, курфюрста Іоахима, ни клятвенныя обязательства, которыя онъ взялъ со своихъ сыновей, ни обязательства, взятые имъ передъ вышеупомянутымъ (стр. 152) союзомъ въ Галле за своихъ потомковъ, не могли надолго помѣшать тому, чего онъ опасался. Молодой курфюрстъ Іоахимъ II, котораго и раньше считали уже тайнымъ послѣдователемъ евангеличества, выжидалъ, положимъ, цѣлые годы прежде чѣмъ приступить къ основанію своей собственной мѣстной церкви, которая отличалась нѣкоторыми своеобразными оттѣнками, но онъ не вступилъ въ члены священнаго Нюрнбергскаго союза и ревностно хлопоталъ о соглашеніи между обѣими партіями; между тѣмъ братъ его Гансъ, маркграфъ кюстринскій, уже въ 1537 году открыто перешелъ на сторону евангеликовъ и въ слѣдующемъ году вступилъ въ Шмалькальденскій союзъ. Въ то же время сестра маркграфа, Елисавета, супруга герцога Эриха, начала обращать въ евангелическую вѣру княжество Каленбергъ; герцогъ былъ настолько терпимъ, что ей не «мѣшалъ и не смущалъ» своей жены въ ея вѣрованіяхъ, какъ и она не нападала на его религіозныя убѣжденія. Въ январѣ 1537 года Георгъ саксонскій потерялъ своего старшаго сына Іоганна, который питалъ противъ Лютера вполне личную злобу; второй его сынъ, герцогъ Фридрихъ, былъ слабоуменъ. Выходило почти такъ, какъ будто самъ Георгъ на старости лѣтъ хочетъ еще разъ поддержать свою славу «истаго врага поповъ»; по крайней мѣрѣ странное собесѣдованіе между нѣсколькими саксонскими совѣтниками, Меланхтономъ, Буицеромъ и ренегатомъ Виццелемъ въ Лейпцигѣ въ январѣ 1539 года свидѣтельствуешь о томъ, что онъ склонялся къ національному рѣшенію религіознаго вопроса и даже къ нѣкоторымъ уступкамъ, напр., относительно брака священниковъ. Но сторонники дѣятельнаго направленія въ той и другой партіи, здѣсь Генрихъ брауншвейгскій, тамъ ландграфъ, настаивали, что пора перейти къ дѣлу. Герцогъ Генрихъ не задумываясь высказывалъ множество различныхъ подозрѣній противъ ландграфа: будто бы онъ самъ стремится сдѣлаться королемъ и намѣренъ достигъ этой цѣли при помощи возстанія крестьянъ. Разныя письма Генриха, въ томъ числѣ одно, напр., съ замѣчаніемъ, что ландграфу совѣмъ почти ночи не спятея, и онъ

того гляди съ ума сойdetь, попали въ руки Филиппа. Объявленіе камеральнымъ судомъ опалы противъ города Миндена, казалось, неизбежно поведетъ къ войнѣ; Францискъ I, которому еще въ февралѣ 1538 года Гессенъ и Саксонія предложили оборонительный союзъ, давалъ протестантамъ самыя успокоительныя завѣренія и до своего свиданія съ Карломъ V, и послѣ него; съ Англіей они снова завязали дипломатическія сношенія; Данія была членомъ союза. Но теперь-то именно и выступилъ на первый планъ прежде всего тотъ вопросъ, который долженъ былъ послужить настоящимъ пробнымъ камнемъ политики шмалькальденцевъ. «Для всякой оппозиціи въ имперіи, вообще для свободнаго положенія имперскихъ князей никогда не бывало дѣла болѣе важнаго, чѣмъ клевскій вопросъ», говоритъ Ранке.

Мы знаемъ, въ какой своеобразной неопредѣленности уже съ давнихъ поръ находились государственныя отношенія на нижнемъ Рейнѣ. Преимущественное право всего саксонскаго дома на наслѣдованіе герцогства Юлихъ не помѣшало зятю послѣдняго герцога, Іоганну клевскому, вступить во владѣніе сосѣднимъ герцогствомъ (т. I, стр. 199 сс.), но эрнестинская линія могла по крайней мѣрѣ предъявить новыя правовыя основанія для своихъ притязаній, такъ какъ въ брачномъ договорѣ (1526) между наслѣдникомъ курфюрста саксонскаго Іоганномъ Фридрихомъ и Сибиллою, старшей дочерью вышеупомянутаго герцога Іоганна, за нею обезпечено было наслѣдованіе, въ случаѣ прекращенія мужского потомства въ юлихъ-клевскомъ родѣ. И вотъ положеніе Юлиха на низовьяхъ Рейна, съ одной стороны, и соединеніе его съ курфюршествомъ саксонскимъ, съ другой—получили теперь еще болѣе важное значеніе, когда въ 1538 году единственный сынъ Іоганна Вильгельмъ послѣ смерти герцога Карла, упомянутаго раньше (т. I, стр. 190) стараго смертельнаго врага Габсбурговъ, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ области Гельдернъ и Цютфенъ. Произошло это въ силу договора съ гельдернскими чинами: этимъ они разстроили замыселъ своего герцога передать эти земли Франціи, но они также вовсе не желали сдѣлаться опять подданными бургундскаго дома, т. е. подвластными императору. Императоръ, естественно стремившійся къ округленію своихъ нидерландскихъ владѣній и къ ослабленію сосѣднихъ князей, не могъ въ свою очередь допустить, чтобы не только продолжало существовать раздѣленіе между самыми сѣверными нидерландскими провинціями и южными, вслѣдствіе того, что между ними клиномъ вдвинулись гельдернскія земли, но и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ еще и Юлихъ пріобрѣлъ дѣйствительно угрожающее значеніе. Ибо герцогъ Вильгельмъ, послѣ смерти отца (въ февралѣ 1539 года) соединившій все оставшееся послѣ него наслѣдіе со своимъ новымъ владѣніемъ, пытался кромѣ того вступить въ союзъ съ шмалькальденцами и въ то же время сбли-

жался съ Генрихомъ VIII; полагали, что и въ нидерландскихъ волненіяхъ, враждебныхъ императорскому правительству, замѣтно было его воздѣйствіе. Можно было также надѣяться обратить молодого герцога въ послѣдователя евангелическаго вѣроисповѣданія, такъ какъ еще при предшественникѣ его въ Юлихъ-Клеве выработанъ былъ не только образцовый порядокъ въ судѣ и управленіи, но и создана была мѣстная церковь, въ высшей степени самостоятельная въ отношеніяхъ къ Риму (стр. 152). Воспитаніемъ герцога Вильгельма руководилъ Конрадъ ф. Гересбахъ, другъ такихъ людей, какъ Эразмъ и Меланхтонъ, такъ что мальчикъ тринадцати лѣтъ вступилъ уже въ переписку съ Эразмомъ. Со стороны нѣмецкихъ протестантовъ уже соображали, не слѣдуетъ ли принять въ союзъ и защищать Юлихъ даже и безъ формальнаго присоединенія къ евангелическому вѣроисповѣданію. Ленцъ съ полнымъ правомъ указываетъ на то, насколько эти виды курфюрста саксонскаго на нижній Рейнъ, которые шли гораздо дальше того положенія, которое занялъ нѣкогда Фридрихъ Мудрый, оживили до нѣкоторой степени даже тяжелую на подъемъ политику Іоганна Фридриха. Какъ курфюрстъ, такъ и Лютеръ оба были теперь въ воинственномъ настроеніи. Если императоръ обнажитъ мечъ противъ евангеликовъ, высказалъ Лютеръ въ то время, тогда онъ уже вообще не императоръ, а папскій наемникъ и разбойникъ; «если онъ вздумаетъ дѣйствовать заодно съ воинствомъ папы или турецкаго султана, то пусть онъ ждетъ и участи, которой заслуживаетъ подобная подлость».

Императоръ, къ великому огорченію Гельда и его единомышленниковъ, въ дѣйствительности думалъ напротивъ о томъ, какъ бы ему сохранить мирныя отношенія съ нѣмецкими протестантами. Договоръ въ Гросвардейнѣ, заключенный въ февралѣ 1538 года между Фердинандомъ и Заполей, въ которомъ выговоренъ былъ переходъ къ Габсбургамъ всей Венгріи послѣ смерти Заполю, испортилъ много крови какъ въ Венгріи, такъ и въ Константинополѣ. Лѣтомъ того же года Сулейманъ изгналъ господаря Валахіи, который вступилъ въ сношенія съ Фердинандомъ; вскорѣ затѣмъ при Маурѣ соединенный флотъ императора, папы и венеціанцевъ былъ уничтоженъ османами, а Заполя добился руки дочери польскаго короля, котораго прямо можно было считать другомъ Порты. На слѣдующій годъ ждали сильнаго нападенія на Венгрію турецкаго и соединеннаго съ нимъ татарскаго войска. При такомъ положеніи какъ императоръ, такъ и Фердинандъ должны были съ радостью принять предложеніе курфюрста бранденбургскаго быть посредникомъ въ переговорахъ со шмалькальденцами. Карлъ V назначилъ своимъ представителемъ совѣтника своего Іоганна ф. Веце, который раньше состоялъ на службѣ Хри-

стіана II, короля датскаго, былъ архієпископомъ лундскимъ, а теперь епископомъ констанцскимъ; переговоры эти начаты были во Франкфуртѣ при весьма неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Но, хотя сначала протестанты рѣшили, повидимому, не дожидаться «пощечины противника» и предъявили очень большія требованія, курфюрстамъ бренденбургскому и пфальцскому, которые были посредниками между ними и уполномоченнымъ императора, удалось все-таки добиться компромисса; онъ возбудилъ, конечно, страшное негодованіе съ папской стороны, но, по правдѣ говоря, вовсе не представлялъ дѣйствительной выгоды для евангеликовъ. Франкфуртскій договоръ 19-го апрѣля 1539 года обѣщалъ присоединившемуся до этого времени къ аугсбургскому исповѣданію вѣры безопасность отъ преслѣдованій и процессовъ за вѣру мѣсяцевъ на пятнадцать — восемнадцать, въ случаѣ если императору угодно будетъ принять ихъ условія, именно: распространить права по нюрнбергскому религіозному миру и на будущихъ приверженцевъ этого исповѣданія и приостановить пріемъ новыхъ членовъ не только въ Шмалькальденскій, но и въ Нюрнбергскій союзъ; въ противномъ случаѣ договоръ сохраняетъ свою силу только въ продолженіе шести мѣсяцевъ, при чемъ именно это одностороннее обязательство шмалькальденцевъ не принимать новыхъ членовъ оказывалось рѣшительно невыгоднымъ для нихъ. Религіозное соглашеніе должно было обсуждаться на съѣздѣ въ Нюрнбергѣ по предложенію протестантовъ безъ вмѣшательства папы; вопросъ о помощи противъ турокъ долженъ рѣшиться въ Вормсѣ на собраніи имперскихъ чиновъ большинствомъ голосовъ. Такъ какъ императорскаго соизволенія на эти добавочныя статьи евангеликовъ не послѣдовало, то и весь этотъ договоръ, стоившій столькихъ трудовъ, соблюдался лишь очень короткое время. Понятно, что и ревностные католики, и проницательные протестанты были одинаково недовольны имъ. Такъ выговоренное въ немъ собраніе въ Вормсѣ привело къ полному отказу въ помощи противъ турокъ; потребовали, чтобы это обсуждалось на созванномъ по формѣ имперскомъ сеймѣ. «Мы этой сдѣлкой во Франкфуртѣ дѣйствительно тяжко огорчили многихъ благочестивыхъ людей, согласившись на такія условія», писалъ Буццеръ ландграфу; «но вѣдь, по правдѣ, никто же не могъ усмотрѣть, что (со стороны католиковъ) готовились только къ войнѣ; и, если война эта готова разразиться, остается только надѣяться на Божью помощь,—даже и въ такомъ случаѣ, несмотря на столь неевангелическое поведеніе».

Этотъ послѣдній упрекъ относится не только къ обычному занятію нѣмецкихъ князей купаться, чуть не тонуть въ лучшемъ рейнвейнѣ во время такихъ собраній, какъ сообщаетъ Миконій изъ Франкфурта. Плачевный поводъ какъ разъ тогда такъ мирно настроилъ вдругъ ландграфа,

что онъ старался отвлечь и курфюрста отъ всякихъ мыслей о войнѣ. У него наступилъ жестокий припадокъ сифилиса, такъ что онъ вслѣдствіе этого не разсчитывалъ, что будетъ въ состояніи отправиться въ походъ; лѣтомъ онъ собирался прямо-таки сложить съ себя званіе главнокомандующаго союзныхъ войскъ «по слабости здоровья». Но и помимо этого непрерывавшіяся сношенія съ императорскою дипломатіей оказали неблагоприятное вліяніе на поведеніе Филиппа. Честолюбивый князь льстилъ себя надеждой, что заберетъ въ свои руки такого дипломата, какъ Гранвела, между тѣмъ какъ онъ самъ оказался новичкомъ передъ этими испытанными мастерами въ дипломатіи, которая однимъ взглядомъ окидывала широкіе кругозоры и не стѣснялась въ выборѣ средствъ, и долженъ былъ заплатить за науку. Именно умная королева Марія умѣла поддерживать въ немъ надежду его на важную роль на военной службѣ императора; она совѣтовала своему брату «выгадывать время, пока для Васъ не представится возможности и случая поступать по иному». Ландграфъ похвастался, положимъ, какъ-то передъ однимъ императорскимъ совѣтникомъ, что у него вездѣ есть друзья, и что онъ знаетъ про самыя сокровенныя вещи. Но стоитъ только присмотрѣться, съ какой дѣтскою наивностью ведется эта евангелическая дипломатія, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей безобидности ея. Какой легкой и беззаботной представляетъ себѣ, напр., ландграфъ Филиппъ обязанность постоянного посла при императорскомъ дворѣ; по его мнѣнію, онъ могъ бы избавить шмалькальденцевъ отъ «многихъ подозрѣній и напрасныхъ издержекъ»! Какими глазами долженъ былъ смотрѣть Генрихъ VIII на нѣмецкихъ пословъ, когда они ему прямо въ лицо давали совѣтъ: чтобы при обсужденіи въ парламентѣ вопросовъ относительно тайнствъ и брака священниковъ онъ руководствовался евангелической истиной. Когда шмалькальденскіе политики обсуждали между собой, можно ли и насколько можно довѣряться Гранвелѣ, Штурмъ изъ Страсбурга, хотя и признавалъ съ полной готовностью «кротость души» императорскаго дипломата, но вмѣстѣ съ Буццеромъ держался того взгляда, что совершенно безцѣльно излагать ему обстоятельно религіозные вопросы; ибо, во-первыхъ, едва ли у него найдется время прочесть все это, а затѣмъ, онъ неспособенъ достаточно оцѣнить ихъ, такъ какъ уже по одному тому обстоятельству, что онъ не помѣшалъ своему сыну сдѣлаться епископомъ, надо «заключать, что ему не хватаетъ истиннаго богопознанія». Съ другой стороны, какой грубой лестью умѣлъ Гранвела дѣйствовать на Филиппа, показываетъ письмо одного гессенскаго посла при императорскомъ дворѣ: «Я не знаю», сообщаетъ онъ какъ слова министра о ландграфѣ, «Богу ли такъ угодно, или самая наружность его такъ привлекаетъ меня къ нему, но, какъ только

я взглянулъ на него въ Аугсбургѣ, такъ сразу отъ всего сердца полюбилъ его и почувствовалъ расположеніе къ нему, и я подумалъ, вотъ, если бы я могъ послужить по мѣрѣ силъ этому князю, какъ охотно я сдѣлалъ бы это». Послѣ этого именно ландграфъ и сталъ думать, что этого превосходнаго человѣка, который до сихъ поръ безо всякаго подкупа такъ много содѣйствовалъ дѣлу евангеликовъ, слѣдуетъ «блюсти какъ друга и нужнаго человѣка». Понятно высокомѣрное пренебреженіе, съ которымъ Карлъ V и его совѣтники смотрѣли на такихъ противниковъ. Лишь исподоволь они создали, однако, и въ Германіи свою школу, какъ имъ пришлось испытать на себѣ къ великому своему изумленію.

Сравнительно съ этой безпомощностью людей, не освоившихся съ широкообъемлющею политикою, утѣшительно выдѣляется ясно сознающая свои цѣли дѣятельность самаго вліятельнаго совѣтника ландграфа, Мартина Бунцера, по крайней мѣрѣ, относительно установленія задачъ протестантской политики. Правда, и у него порой встрѣчается широкораспространенное непониманіе истинной природы Карла V, но это бываетъ лишь на короткое время; онъ все болѣе и болѣе предугадывалъ опасность, которая грозила евангеличеству отъ этой «глубокомысленной меланхолической головы», т. е. отъ природной способности императора осмотрительно взвѣшивать и безустанно строить и обдумывать свои планы. Тѣмъ рѣшительнѣе склонялся онъ къ тому враждебному императору, партикуляристическому направленію, которое въ то время было прямо выгодно не только для территориальнаго государства, но и для всей евангелической Германіи, а слѣдовательно для большинства нѣмецкаго народа; въ одной докладной запискѣ, составленной въ началѣ 1540 года, онъ выражается такъ: «Богу угодно было даровать и нѣмецкому народу, что онъ никогда не могъ терпѣть монарховъ, которые управляли по своему усмотрѣнію, не сообразуясь съ законами и указаніями имперскихъ чиновъ». Вопросъ о союзахъ съ иноземцами и католиками онъ обсуждаетъ безо всякаго предубѣжденія, а это теологу слѣдуетъ вмѣнить въ особую заслугу; конечно, онъ при этомъ всегда имѣетъ въ виду защиту и возможно широкое распространеніе евангеличества. Никто такъ послѣдовательно не стоялъ за столь необходимый для нѣмецкихъ протестантовъ союзъ съ Генрихомъ VIII и Вильгельмомъ, герцогомъ юлихъ-клевскимъ; «гдѣ бы Англія или Юлихъ ни потерпѣли ущерба, всѣ мы тоже настолько же становимся слабѣе», пишетъ онъ ландграфу. Обращеніе имперіи въ евангеличество, которое для него было конечной цѣлью, онъ желалъ бы осуществить въ видѣ мирной секуляризаціи владѣній духовныхъ князей. И въ самомъ дѣлѣ внослѣдствіи казалось, что протестантство въ Германіи достигнетъ этимъ путемъ господства надъ всѣмъ народомъ, пока контръ-реформація, проникшись созна-

ніемъ, что дѣло идетъ тутъ о томъ, быть или не быть католичеству въ Германіи, не загородила ему дорогу. Благодаря недавно только напечатанной перепискѣ Буццера съ ландграфомъ выступаетъ въ самомъ ясномъ свѣтѣ не одна только политическая прозорливость Буццера, а также и откровенность, съ которой онъ напоминаетъ объ обязанностяхъ правителя своему державному другу, часто относившемуся къ нимъ весьма нерадиво; все это вполне обезпечило бы наше уваженіе къ Буццеру, если бы именно эти самыя сердечныя отношенія къ ландграфу не подвергли его испытанію, котораго Буццеръ не выдержалъ, какъ не выдержали его и великіе виттенбергскіе наставники.

Хотя франкфуртскій договоръ и уменьшилъ нѣсколько и тамъ, и тутъ, какъ въ Англіи, такъ и въ Баваріи, уваженіе къ Шмалькальденскому союзу, но въ началѣ сороковыхъ годовъ надежды протестантовъ сначала казались блестяще, чѣмъ когда-либо до тѣхъ поръ. Еще въ 1539 году реформація одержала побѣду во владѣніяхъ альбертинской линіи саксонскаго дома и въ курфюршествѣ бранденбургскомъ. Старый герцогъ Георгъ поистинѣ отчаянными средствами пытался помѣшать грозившему крушенію дѣла всей своей жизни. Одинъ за другимъ умирали его сыновья, пока, наконецъ, и послѣдній сынъ, калѣка и душой и тѣломъ, не сошелъ въ могилу раньше отца, который наперекоръ природѣ только что передъ этимъ женилъ его. Тщетно въ своемъ завѣщаніи право наслѣдованія брата своего Генриха Георгъ ограничилъ условіемъ, что Генрихъ и сыновья его должны обратиться опять въ католичество и присоединиться къ Нюрнбергскому союзу; въ противномъ же случаѣ императоръ долженъ получить обратно это герцогство какъ выморочный имперскій ленъ и передать его королю Фердинанду. Шмалькальденцы, въ виду этого, рѣшились, въ случаѣ надобности, отстаивать вооруженной рукой право Генриха на престолонаслѣдіе, но, когда 17-го апрѣля 1538 года Георгъ скончался, переходъ его земель къ новому государю евангелическаго исповѣданія совершился безъ настоячиваго сопротивленія. Лютеръ, не безъ чувства удовлетворенія замѣчавшій, какъ высохъ, точно проклятая смоковница, его свирѣпый противникъ, могъ теперь исполнить данное раньше слово и выступить въ Лейпцигѣ на церковной каѳедрѣ. Не спрашиваясь земскихъ чиновъ, Генрихъ и его совѣтники тотчасъ же приступили къ введенію евангеличества въ герцогствѣ, опираясь на давно уже существовавшее сочувствіе къ нему населенія, котораго не могли искоренить всѣ мѣры строгости Георга.

Непосредственно за этимъ послѣдовало открытое отступленіе отъ католичества Іоахима II, курфюрста бранденбургскаго. Послѣ того какъ братъ его показалъ ему примѣръ, онъ и самъ 1-го ноября 1539 года принялъ изъ рукъ Матѳея ф. Ягова, епископа бранденбургскаго, святыя дары подѣ

обоими видами; епископъ давно уже и самъ склонялся къ евангеличеству, а горожане и совѣтъ Берлина и Кёльна (самая древняя часть г. Берлина. *Иер.*) еще раньше просили о разрѣшеніи приобщаться по евангелическому обряду. Зависимость епископствъ отъ государя страны (т. I, стр. 99) не позволяла епископамъ лебусскому и гавельбергскому оказать рѣшительнаго сопротивленія; не привлекая къ участию земскихъ чиновъ, Іоахимъ обнародовалъ въ 1540 году свой новый строй церкви, который ставилъ его *summus episcopus* въ полномъ смыслѣ слова, подобно тому, напр., какъ Генрихъ VIII стоялъ во главѣ своей государственной церкви. Іоахимъ ссылался на примѣръ ветхозавѣтныхъ израильскихъ царей. Во внѣшнихъ обрядахъ связь съ католической церковью соблюдена была еще строже, чѣмъ въ лютеранскомъ богослуженіи, но самъ Лютеръ, обозвавшій скоморохомъ Іоганна Агриколу, совѣтника по духовнымъ дѣламъ и придворнаго проповѣдника Іоахима, все-таки совѣтовалъ бранденбургскому духовенству вполне сообразоваться въ обрядахъ со всѣми желаніями курфюрста; если ему покажется мало одного облаченія, пусть они надѣваютъ на себя три, если ему мало одной процессіи, пусть они совершаютъ ихъ семь, какъ Іисусъ Навинъ семь разъ обошелъ вокругъ стѣны Іерихона. «А если государю вашему, маркграфу, пожелается», прибавляетъ онъ съ насмѣшкой, «то его курфюршеское высочество можетъ шествовать впереди васъ, скакать и плясать подъ звуки арфъ, трубъ, кимваловъ и колокольчиковъ, подобно тому, какъ дѣлалъ царь Давидъ передъ ковчегомъ завѣта». Іоахимъ съ самодовольствомъ указывалъ, положимъ, на то, что церковь его одинаково не похожа ни на виттенбергскую, ни на римскую; на самомъ-то дѣлѣ этой половинчатостью онъ пытался пріобрѣсти себѣ преимущественное положеніе въ глазахъ императора тѣмъ, что онъ стоялъ внѣ протестантской оппозиціи. Усиленіе власти территоріальнаго государя, которое получалось благодаря этому нововведенію, уравнивалось, конечно, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то же самое время огромное бремя долговъ сдѣлало его гораздо болѣе зависимымъ отъ земскихъ чиновъ, чѣмъ было до сихъ поръ, такъ какъ не помогли ни евреи, ни мнимое искусство алхимиковъ добывать золото, двору волей-неволей пришлось довольствоваться тѣмъ, что собраніе земскихъ чиновъ, согласившись не только утвердить ставшія необходимыми подати, но собирать ихъ и завѣдывать ими черезъ своихъ казначеевъ, «удержало конецъ мертвой петли въ своихъ рукахъ». Весьма неутѣшительно видѣть, какъ эти нуждающіеся въ деньгахъ для удовлетворенія своей роскоши государи, — герцогъ Генрихъ былъ такимъ же плохимъ хозяиномъ, какъ и курфюрстъ Іоахимъ, — протягиваютъ свои руки къ достоянію церкви и несмотря на это накапливаютъ долги за долгами. При отмѣнѣ старыхъ порядковъ въ церкви не обошлось

къ тому же и безъ совершенно ненужныхъ грубостей; когда ландграфъ Филиппъ собственноручно съ непристойными шутками повыкидалъ кости святой Елисаветы изъ ея гробницы въ Марбургъ, то этотъ поступокъ его служилъ, къ сожалѣнію, однимъ изъ выразительныхъ примѣровъ образа мысли и пріемовъ большинства его сотоварищей по сословію въ Германіи. Одичаніе нравовъ въ обществѣ поднималось все выше и выше; самымъ разительнымъ, пожалуй, свидѣтельствомъ въ пользу дѣла Лютера служить то, что оно не погибло совсѣмъ даже и въ такихъ рукахъ, что нравственное содержаніе его было въ состояніи приподнимать порой даже этихъ первыхъ защитниковъ его выше ихъ личной непригодности или полной негодности.

Разумѣется, огромная задача основать евангелическую имперію, или хоть, какъ выражается Ленцъ, «германскіе протестантскіе генеральные штаты», была непосильна для князей и политиковъ Шмалькальденскаго союза. Какъ разъ въ началѣ сороковыхъ годовъ имъ представилась возможность привлечь къ себѣ такого союзника, на котораго съ ожиданіемъ смотрѣли многіе изъ евангеликовъ еще съ самаго начала реформаціоннаго движенія. Отъ свѣдѣнія нѣмецкихъ епископовъ не могло уже укрыться, что въ сущности опасность, которая угрожаетъ имъ отъ императора, ничуть не менѣе опасности отъ вождельній протестантовъ секуляризовать ихъ владѣнія. Судьба епископства утрехтскаго, которое Карлъ V только что присоединилъ къ своимъ владѣніямъ, служила тѣмъ болѣе внушительнымъ предостереженіемъ, что нидерландское правительство нѣсколько лѣтъ уже хлопотало о томъ, чтобы подчинить вполне верховной власти императора всѣ первостепенныя духовныя владѣнія западной и сѣверо-западной Германіи, пока на первое время подъ видомъ болѣе тѣснаго союза. Велись переговоры съ Кѣльномъ и Мюнстеромъ, но, повидимому, намѣчены были еще Бременъ и Оснабрюкъ. Давно уже миновало то время, когда епископства и аббатства въ Германіи составляли какъ бы «владѣнія королевскаго кабинета», теперь духовные князья съ ужасомъ подумывали о положеніи церкви, недалеко ходить, въ Испаніи. Подобное преобразование рано ли, поздно ли положило бы конецъ и пышно расцвѣтавшему полу-самодержавію свѣтскихъ имперскихъ чиновъ. Саксонецъ Карловицъ предвидѣлъ уже, какъ «большой орелъ» распростретъ свои крылья надо всей имперіей; помѣшать этому, послѣ того какъ рушились надежды Баваріи на корону, и составляло главную цѣль политики баварскаго канцлера Леонгарда Экка; и самъ Буццеръ, при всемъ своемъ недовѣріи, не могъ въ этомъ случаѣ устоять противъ впечатлѣнія, что какъ будто «Богъ избралъ Баварію своимъ орудіемъ, чтобы тираннія иныхъ людей не разрослась чрезчуръ уже въ имперіи». Въ ноябрѣ 1539 года архіепископъ трирскій прислалъ

ландграфу предложеніе устроить собраніе князей, поводомъ къ которому прямо выставлялась опасность религіозной войны со стороны папы въ союзѣ съ императоромъ; по мнѣнію архіепископа трирекаго, князья должны взаимно защищать другъ друга отъ насилія, даже если они и не вполне согласны между собою въ религіозныхъ взглядахъ, «какъ если бы они были одной вѣры». Казалось, что то, что разрознилъ религіозный раздоръ, снова объединится на общей почвѣ «свободы нѣмецкой націи», т. е. вольностей имперскихъ князей. И, можетъ быть, удалось бы такимъ путемъ дойти и до національнаго соглашенія въ религіи, объ осуществленіи котораго общеимперская государственная власть до сихъ поръ не въ силахъ была позаботиться. Даже и безъ этого соглашенія обращеніе областей духовныхъ князей въ евангеличество, казалось, шло впередъ неудержимо. Въ Лифляндіи новый архіепископъ рижскій, братъ Альбрехта, герцога прусскаго, смотрѣлъ на полученіе папскаго утвержденія въ санѣ, на которое онъ согласился вопреки отговариваніямъ Лютера, только какъ на «пустую комедію». Епископъ шверинскій, Магнусъ, герцогъ мекленбургскій, самъ отмѣнилъ въ Бюцовѣ «мерзость кощунственной папистической мессы». Даже кардиналъ Альбрехтъ майнцскій, съ давнихъ поръ одинъ изъ самыхъ рѣшительныхъ противниковъ реформаціи, сталъ опять колебаться, когда земскіе чины Магдебурга и Гальберштадта сняли съ него часть подавляющаго бремени долговъ; того же, что онъ въ благодарность не то чтобы разрѣшилъ, а скорѣе не помѣшалъ сдѣлать въ этихъ духовныхъ владѣніяхъ, именно преобразованія церкви на евангелическихъ началахъ, добился насильно Галле, бывшій до тѣхъ поръ его епископской резиденціей, такъ что теперь Альбрехту пришлось избрать своимъ мѣстопробываніемъ Ашаффенбургъ.

Общее положеніе протестантства въ эти рѣшительные годы представляетъ въ высшей степени замѣчательную картину. Сѣверная Германія впервые тогда пріобрѣла, по выраженію Ранке, свой «своеобразный всемірно-историческій отпечатокъ», сдѣлавшись истинной родиной нѣмецкой реформаціи. Но и на югѣ Германіи новое ученіе утвердилось въ очень многочисленныхъ, правда, по большей части маленькихъ областяхъ, и ни Австрія, ни даже Баварія не могли считаться безусловно надежнымъ достояніемъ католической церкви. Рядомъ со стремленіемъ къ самодержавію среди евангелическихъ князей одновременно выдвигается впередъ и часто одерживаетъ верхъ сословный элементъ, прежде всего дворянство, которое тоже секуляризовало и самовластно управляло только въ малыхъ размѣрахъ. Но и въ Скандинавіи, въ Швеціи и Даніи, окончательное утвержденіе евангеличества ведетъ къ тому, что королевская власть и аристократія послѣ побѣды надъ іерархіей дѣлать добычу другъ

съ другомъ. Единственнымъ въ своемъ родѣ остается, напротивъ, выше-описанный государственный католицизмъ, какъ его Генрихъ VIII желѣзной силой навязалъ англичанамъ, но и онъ, несмотря на твердое соблюденіе догматовъ римской церкви, все таки послужилъ началомъ національной независимости отъ Рима. Не забудемте, что въ это самое время въ Женевѣ Кальвинъ воздвигъ свою теократическую диктатуру; здѣсь идея евангелическаго царства Божія самымъ тѣснымъ образомъ соединилась съ республиканскимъ строемъ и обычаями; и хотя это же происходило въ Цюрихѣ еще при Цвингли и среди послѣдователей Цвингли, но только протестантство Кальвина всецѣло и неумолимо воплотило въ себѣ тотъ «иной духъ», отъ котораго отшатнулся Лютеръ. Ибо республиканскій элементъ, все еще представлявшій въ городахъ южной Германіи какой-то межеумокъ между лютеранствомъ Германіи и евангеличествомъ Швейцаріи, очевидно могъ играть только подчиненную роль среди евангелическихъ князей. Да и эти имперскіе князья, протестанты ли, католики ли, всякій разъ неизмѣнно подпадали парализующей власти страха и благоговѣнія, едва только императоръ снова начиналъ пошевеливаться. Уже вслѣдствіе раздвоенности своего политическаго существованія они неспособны были въ важныя минуты дѣйствовать дружно и въ широкихъ размѣрахъ; благоговѣніе къ императору и имперіи во всякомъ случаѣ не обладало достаточной силой для того, чтобы вызвать хоть на какое-нибудь самопожертвованіе на пользу цѣлаго, но, вслѣдствіе того, что оно шло на встрѣчу и безъ того существовавшему отвращенію къ дѣятельности, оно могло въ важномъ случаѣ прогнать мысль о революціи, съ которой, однако, не переставали заигрывать.

Не состоялись ни большой съѣздъ князей, ни выставленіе войска противъ Карла V; даже такой выдающійся протестантскій политикъ, какъ Яковъ Штурмъ, возражалъ противъ поддержки Юлиха, да и ландграфъ похвалялся уже, что цѣною своего нейтралитета онъ «пріобрѣтетъ благорасположеніе императора». Не заключили союза ни съ Юлихомъ, ни съ Англіей, и совсѣмъ это было несправедливо, когда шмалькальденцы всю вину въ этомъ упущеніи хотѣли свалить на Генриха VIII, который изъ ихъ полу-попытокъ къ сближенію могъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлать очень немного. Медленно приближался императоръ для того, чтобы осилить одного врага за другимъ. Но, прежде чѣмъ мы обратимся къ его приготовленіямъ къ великому удару нѣмецкому протестантству, мы должны обратить вниманіе на послѣднюю демократическую борьбу реформаціи въ Германіи. Какъ ни разнородны были зачатки и цѣли, которые обнаружили въ одновременномъ проявленіи самаго дикаго евангелическаго радикализма и политики великой державы въ ганзейской республикѣ Любекѣ,

а между тѣмъ оба эти движенія, анабаптистическое и любечское, угрожали одно время вовлечь сѣверъ не одной только Германіи, но и всей средней Европы въ такіе перевороты, исхода которыхъ совершенно невозможно было предусмотрѣть. Германская имперія, скандинавскія государства, Нидерланды, въ извѣстной мѣрѣ и Англія — всѣ испытали это мощное сотрясеніе. Почти невольно навязывается мысль, какой ходъ приняла бы реформація, если бы Іоаннъ Лейденскій и Юргенъ Вулленвеверъ подняли это возстаніе лѣтъ на десять раньше, одновременно съ аграрной революціей?

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

А н а б а п т и с т ы .

Нѣмецкая реформація явилась въ міръ какъ возрожденіе христіанства, какъ возвращеніе къ первоначальному и существенному. Противъ освященнаго древностью правового порядка видимой церкви она выставила еще болѣе древнюю христіанскую свободу, на мѣсто принужденія къ вѣрѣ — право каждаго отдѣльнаго человѣка на самостоятельное толкованіе священнаго писанія, на мѣсто неизмѣнно установленнаго іерархическаго града Божія — «единеніе сердець въ единой вѣрѣ». Мы видѣли, положимъ, какъ въ продолженіе движенія реформаторы многократно принуждены были опять отступать отъ своихъ первоначальныхъ идеаловъ и подъ впечатлѣніемъ и по требованіямъ минуты сами пришли къ основанію церкви. Вслѣдствіе какихъ причинъ эти новыя учрежденія не могли вполне удовлетворить столь глубоко взволнованнаго религіозными чувствованіями времени, а именно совершенно не въ силахъ были удовлетворить народныхъ массъ, на это уже сдѣланы въ разныхъ мѣстахъ указанія. И не только для апологета реформаціи, а и для историка ея остается въ силѣ предостереженіе Ниппольда противъ заблужденія: «отождествлять великое движеніе, какъ таковое, съ догматическимъ и іерархическимъ осадкомъ общаго процесса броженія и выдѣлять еретиковъ-баптистовъ въ особую группу». Никто въ настоящее время не впадетъ въ прежнюю односторонность, когда брались судить о всемъ евангелическомъ радикализмѣ XVI вѣка только по ужаснымъ и омерзительнымъ проявленіямъ баптизма въ Швейцаріи и Нижней Германіи. Что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ весьма живучимъ и способнымъ къ дальнѣйшему развитію элементомъ, свидѣтельствуется гораздо ярче еще всѣхъ этихъ наиболѣе бросающихся въ глаза проявленій болѣзненнаго соціальнаго и религіознаго состоянія та непримиримая ненависть, съ которою боролась не только католическая, но и

евангелическая церковь съ самаго начала противъ этихъ «сектъ и толковъ». Ибо, хотя въ Германіи и Нидерландахъ такъ называемые анабаптисты и были частью истреблены, частью принуждены влачить жалкое существованіе, смена ихъ міросозерцанія, занесенныя въ Англію, принесли спустя долго времени обильный плодъ. Какъ нѣкогда ученіе Виклифа произвело самыя мощныя воздѣйствія свои не на родинѣ, а въ Чехіи, такъ изъ проникшей въ Англію мистики анабаптистовъ вышло движеніе индепендентовъ. Въ одномъ небольшомъ сочиненіи XVII вѣка, авторъ котораго называетъ себя солдатомъ Кромвелля, мы встрѣчаемъ несомнѣнные отзвуки апокалиптики нѣмецкихъ анабаптистовъ и предсказаній аббата Іоахима *). Иныя идеи имѣютъ почти неуничтожимую живучесть; въ теченіе многихъ поколѣній онѣ живутъ скрытою жизнью, а потомъ внезапно вновь выступаютъ на свѣтъ въ иномъ видѣ, но съ прежней своей силой.

Безспорно одно, что въ радикализмъ реформаціи, у такъ называемыхъ анабаптистовъ, еще разъ ожилъ исконный аскетическій идеалъ, какъ онъ служилъ основаніемъ средневѣковаго міросозерцанія, чтобы воспользоваться благопріятнымъ случаемъ церковнаго переворота и въ то же время вернуть наопытную начавшееся благодаря реформаціи примиреніе между христіанствомъ и міромъ. Можно, разумѣется, спорить о томъ, насколько формы проявленія этого евангелическаго радикализма слѣдуетъ относить къ числу постоянно повторяющихся послѣдствій каждаго религіознаго броженія, или же ихъ просто слѣдуетъ выводить изъ провозглашеннаго Лютеромъ права свободнаго толкованія священнаго писанія. Нѣкоторыя проявленія, какъ, напр., повышенная склонность видѣть въ совсѣмъ обыкновенныхъ происшествіяхъ житейскаго обихода непосредственное вмѣшательство высшихъ силъ, или широко распространенная воспримчивость къ состоянію экстаза, разумѣется, встрѣчаются всякій разъ, когда наступаетъ время подъема религіознаго чувства. Но на ряду съ такими, такъ сказать самопроизвольными проявленіями, въ религіозной возбужденности реформаціоннаго времени встрѣчается однако много и такихъ признаковъ, которые приводятъ насъ весьма близко къ допущенію, что тутъ во всякомъ случаѣ повліяли также издавна существовавшія умственные теченія, которыя, въ свою очередь, пріобрѣли при этомъ новую живую силу. Предположеніе Ричля, согласно которому анабаптистическое и въ дальнѣйшемъ его развитіи піэтистическое движеніе первоначально слѣдуетъ выводить

*) Объ индепендентахъ и другихъ представителяхъ британской мистики, см. *Бернштейнъ*. Общественное движеніе въ Англіи XVII в. и квакеры. Спб. 1898. *Штернъ*, А. Исторія революціи въ Англіи. Спб. 1899. Объ аб. Іоахимѣ. *Гаусратъ*, Ад. Средневѣковые реформаторы. Спб. 1900. Т. II, глава XII. *Пер.*

изъ нищенствующихъ орденовъ, а именно изъ среды терціаріевъ, т. е. мірянъ, принимаемыхъ въ члены ордена по третьему чину, признано несостоятельнымъ; наоборотъ, связь анабаптистовъ съ болѣе древними ересями, укоренившимися въ Германіи, прежде всего съ гуситами и вальденцами, врядъ-ли можно отвергать, а сродство ихъ съ мистикой ясно какъ Божій день. Какъ мистика въ предшествовавшіе вѣка принесла весьма разнородные плоды (т. I, стр. 127 сс.), такъ столь же разнообразныя и, повидимому, противорѣчивыя явленія встрѣчаются и въ евангелическомъ радикализмѣ: рядомъ съ хитросплетеннымъ умозрѣніемъ—изобиліе чувства, рядомъ съ древне-христіанской готовностью пострадать до смерти—самый дикій фанатизмъ, рядомъ съ отшельническимъ отреченіемъ отъ міра—фантастическія мечты о владычествѣ надъ міромъ. Это не должно нисколько изумлять насъ съ тѣхъ поръ, какъ Генрихъ ф. Эйкенъ доказалъ неразрывную связь между «отрицаніемъ міра и господствомъ надъ міромъ» какъ двумя взаимно обуславливающими другъ друга требованіями христіанскаго вѣроученія въ вѣка церковной гегемоніи. Ибо, хотя среди анабаптистическаго движенія и возникаютъ нѣкоторые порывы къ раціонализму, а особенно антитринитаріанскія ученія, какъ предвѣстники будущаго, все таки основной характеръ движенія чисто средневѣковый, и жизненный идеалъ его тождественъ дѣйствительно съ «монашествомъ», которое стряхнулъ съ себя Лютеръ, въ томъ отношеніи, что въ кружкахъ анабаптистовъ, какъ и въ монастыряхъ, стремились вести жизнь по евангелію въ самомъ строгомъ смыслѣ буквы евангелія, т. е., стремились къ аскетическому совершенству. Тотъ же самый идеалъ мы встрѣчаемъ у вальденцевъ и у моравскихъ братьевъ и даже порой у Эразма (т. I, стр. 243). И кто же могъ бы опровергнуть исконно христіанское происхожденіе этого идеала? А то, что онъ въ новомъ видѣ попытался завоевать міръ, объясняется конечно не только тѣмъ, что нашлись указанные выше мистическіе и еретическіе элементы, а кромѣ того и самымъ зарожденіемъ и ходомъ реформаціи. Послѣ того какъ Лютеръ объявилъ войну страшно обмірщившейся церкви и сдѣлалъ библію общимъ достояніемъ всѣхъ христіанъ, не должны развѣ были слова нагорной проповѣди въ борьбѣ съ испорченностью нравовъ іерархіи и примѣръ древнѣйшихъ братскихъ общинъ дѣйствовать на многія сердца съ такой же силой, если не съ большей, какъ и посланія апостола Павла? И это провозглашеніе блаженства всѣхъ нищихъ и гонимыхъ, справедливыхъ, чистыхъ сердцемъ и миротворцевъ приобрѣло особенное значеніе, когда увидѣли, какъ многіе изъ такъ называемыхъ «евангеликовъ», полагаясь на истинность своей вѣры, отвергли все, что, по ихъ мнѣнію, относилось къ дѣламъ благочестія. Лютеръ и его сподвижники единодушно жалуются и вполне основательно на

ужасный упадокъ дѣятельнаго христіанства, на все возрастающую распущенность и корыстолюбіе своихъ приверженцевъ; «чѣмъ дольше проповѣдуется евангелическое ученіе», восклицаетъ великій реформаторъ, «тѣмъ глубже погрязаютъ люди въ скупости, высокомеріи и роскоши». По правдѣ говоря, великій церковный переворотъ, несмотря на все негодование теологовъ и моралистовъ, имѣлъ тоже и свою экономическую сторону, и въ сущности нисколько не поразительно, что наступила сильная реакція противъ существовавшаго до тѣхъ поръ обычая отдавать въ церковь деньги и имущество, чтобы обезпечить себѣ душевное спасеніе. Когда въ довершеніе всего реформація въ Германіи стала все болѣе и болѣе вступать въ соглашеніе со свѣтской властью и отеклась отъ первоначальныхъ своихъ демократическихъ началъ въ пользу новаго строя государственной церкви, тогда и она пожалуй казалась противной христіанству не менѣе самого папства для такихъ умовъ, которые не могли себѣ представить истиннаго христіанства безъ дѣятельнаго проявленія нравственнаго совершенства. Только въ корнѣ ложное ученіе могло принести такіе плоды,—вотъ какое впечатлѣніе получали многія по природѣ своей мистически настроенныя личности. «Такимъ образомъ мѣсто ученія объ оправданіи вѣрою заняло, по выраженію Цуръ Линдена, ученіе о подражаніи Христу».

Мы ознакомились уже съ первыми стадіями евангелическаго радикализма въ Германіи, съ его явно обнаружившимися революціонными, гуситскими приѣмами въ Цвиккау, Альштедтѣ и Мюльгаузенѣ (т. I, стр. 375 сс., 473 сл., 513 сс.). Начатки эти сливаются съ огромнымъ потокомъ соціальной революціи, который заливаешь южную и среднюю Германію, и въ которомъ есть, разумѣется, и глубокая мистико-апокалиптическая струя, но все таки мірскія стремленія преобладаютъ. Большинство крестьянъ все еще возлагали свои надежды на Лютера; бильдгаузенская шайка прогнала отъ себя одного посланца Мюнцера, противъ высокопарныхъ рѣчей котораго возсталъ ихъ лагерный проповѣдникъ. Но за то тѣмъ чреватѣе послѣдствіями оказалась кратковременная по большей части дѣятельность Мюнцера, Карльштадта и другихъ «мечтателей» въ цѣломъ рядѣ южно-германскихъ городовъ. Аугсбургъ и Страсбургъ еще больше Нюрнберга сдѣлались разсадниками и сборными мѣстами сектъ, въ которыхъ можно уже ясно распознать различные элементы развитаго анабаптизма: рядомъ съ ограниченіемъ ученія сообразно буквѣ библіи (Biblizismus) Карльштадта встрѣчается твердая вѣра въ божественное наитіе, доступное для всякаго отдѣльнаго человѣка, вѣра во «внутреннее слово», стоящее выше всего священнаго писанія; рядомъ съ мистическимъ обособленіемъ отъ міра—необузданныя мечтанія хиліастовъ о будущемъ, полномъ кровопролитія и побѣднаго торжества. Мюнцера съ его

«горькимъ Христомъ» *) можно въ извѣстномъ смыслѣ считать господствующею личностью въ это первое время, но несомнѣнно гораздо выше его стоитъ Гансъ Денкъ изъ Баваріи,—человѣкъ, котораго современники называли то аббатомъ, а то и папой анабаптистовъ (т. I, стр. 503). Человѣкъ проницательнаго ума, основательно изучившій языки, Денкъ напитался сочиненіями нѣмецкихъ мистиковъ и въ послѣдствіи со смѣлостью рѣшительнаго идеалиста дошелъ до самыхъ послѣднихъ, крайнихъ выводовъ, даже до отрицанія Божества въ Иисусѣ Христѣ, до признанія безгрѣшности (духовно) возродившихся. Ибо прямо въ противность ученію Лютера и Цвингли о предопредѣленіи Денкъ и его единомышленники, подобно новоплатоновцамъ итальянской эпохи Возрожденія (т. I, стр. 235, 399, 402), были твердо убѣждены въ свободѣ воли человѣка и въ его способности возвышаться къ Богу. «Развѣ можно сказать объ истинномъ Богѣ, будто Онъ устами говоритъ: иди ко мнѣ, а про себя, въ глубинѣ Своего сердца думаетъ: оставайся тамъ. Это богохульство, когда говорятъ, что Богъ далъ намъ неисполнимыя заповѣди», негодуетъ пылкій Губмайръ. Ясно, какъ на ладони, что вѣра во «внутренній свѣтъ», просвѣщающій человѣка, и толкованіе грѣха въ смыслѣ чисто отрицательнаго понятія должны были привести къ отрицанію осужденія на вѣчныя муки. Мы видѣли, какъ ужасающее ученіе Лютера о божественномъ предопредѣленіи находится въ согласіи съ исконнымъ народнымъ вѣрованіемъ въ судьбу (детерминизмомъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко укоренилось и утѣшительное воззрѣніе, что въ концѣ концовъ божественное милосердіе возстановитъ къ вѣчному блаженству всѣ твари, даже самого діавола. У евангелическихъ радикаловъ сплетаются мистическіе и раціоналистическіе элементы, какъ и въ философіи гуманистовъ; для такихъ людей, какъ Денкъ, Геццеръ, Кауцъ, Губмайръ, Бюндерлинъ и др., Иисусъ Христосъ былъ уже не Богочеловѣкомъ, а просто «человѣкомъ», который служилъ для нихъ учителемъ и примѣромъ, а этимъ тайно, а порой и явно отрицался и догматъ о Тріединствѣ. Ясно это выводъ выразилъ «бодрый, отважный Геццеръ», какъ онъ самъ называлъ себя, въ своихъ неуклюжихъ стихахъ:

«Я есмь единый Богъ, создавшій все безъ помощника», и пр. **).

*) Намѣренное противоположеніе «сладчайшему Иисусу» Лютера, см. Т. I, стр. 474. Пер.

**) Ich bin allein der einig Gott,
der ohn gehüllf alle Ding beschaffen hat:
fragstu, wie viel myner sey,
ich bins allein, myner sind nit drey;
sag auch darby on allen wohn,
dass ich glatt nit weiss von keiner person.

Съ начала 1525 года движеніе обладало общимъ внѣшнимъ отличительнымъ знакомъ въ перекрещиваніи, которое появилось впервые въ средѣ швейцарскихъ радикаловъ, чтобы выдѣлить «слугъ, рабовъ и послушныхъ Богу» сначала изъ государственной церкви Цвингли, а затѣмъ и изъ всякой иной церкви и сомкнуться въ своей общинѣ съ полнымъ убѣжденіемъ, что она и есть та община святыхъ, о которой такъ часто мечтали. Среди вожаковъ движенія мы встрѣчаемъ нѣсколько человѣкъ съ теологическимъ и гуманистическимъ образованіемъ, каковы, напр., выше упомянутый Людвигъ Геццеръ изъ Тургау, Конрадъ Гребель и Феликсъ Манцъ, оба изъ Цюриха, но около нихъ собирались въ кружки ремесленники, твердо знавшіе священное писаніе и искавшіе въ немъ отвѣта на свои запросы; они-то собственно и составляли вездѣ истинное ядро анабаптистическаго движенія, а затѣмъ пропаганда проникла довольно скоро и въ среду крестьянства, которое было избраннымъ и излюбленнымъ сословіемъ всѣхъ народниковъ въ теченіе этихъ возбужденныхъ десятилѣтій. Корнеліусъ говоритъ: «Два религіозныхъ содержанія сливались другъ съ другомъ такимъ образомъ: религіозное чувство людей изъ престопаго и неученыхъ, которые сторонились отъ міра со своей библіей въ рукахъ, и стремленіе радикаловъ-теологовъ уничтожить церковныя положенія». Толмачомъ между этими двумя слоями можно пожалуй считать Георга, по прозвищу Голубая куртка, который первый изъ всѣхъ потребовалъ отъ Гребеля, чтобы тотъ перекрестилъ его, и онъ получилъ вторичное крещеніе. Въ своей книгѣ о законѣ Денкъ увѣщеваетъ: «Пусть никто не взираетъ на высоко стоящихъ въ этомъ мірѣ по могуществу, искусству или богатству, а пусть тотъ, чье сердце обращено горѣ, къ небу, обратитъ его долу, на тѣхъ, что вокругъ него, на униженныхъ и малыхъ міра сего». Какое впечатлѣніе должно было произвести, когда человѣкъ такого благороднаго происхожденія и столь высокодаровитый, какъ Гребель, пожертвовалъ своимъ положеніемъ въ обществѣ для того, чтобы въ качествѣ изгнанника скитаться съ мѣста на мѣсто и проповѣдывать бѣдному люду, «бормотать по закоулкамъ», какъ называли это его противники. Несмотря на всѣ насмѣшки, которыми осыпали этихъ бродячихъ проповѣдниковъ и ихъ учениковъ, отъ реформаторовъ не укрылось то досадное для нихъ явленіе, что большинство анабаптистовъ своимъ съ виду кроткимъ, смиреннымъ и миролюбивымъ обращеніемъ, простотою жизни и строгостью нравовъ выгодно выдѣлялось отъ распущеннаго образа жизни многихъ изъ такъ называемыхъ евангеликовъ. Не только цюрихцы, но и духовные вожди южно-германскаго анабаптизма, съ Денкомъ во главѣ, старались опять устранить стремленіе къ революціи, которое прежде возбуждали Шторхъ и Мюнцеръ, а именно оттѣснить по возможности дальше на задній планъ опасныя хиліастическія представленія.

Но уже въ рѣзко выставленномъ на показъ обособленіи «братевъ» отъ всего, что осуждалось подъ именемъ міра, и заключалось какъ разъ не только враждебное отношеніе къ церкви, государству и обществу въ ихъ существующемъ порядкѣ, но и важная опасность для самой этой новой обособившейся церкви. А между тѣмъ къ созданію таковой и стремились вѣдь эти быстро умножавшіяся общины, дѣйствительно напоминавшія первыя времена христіанства какъ своимъ уклоненіемъ отъ исполненія нѣкоторыхъ государственныхъ и общественныхъ обязанностей, такъ и своимъ восторженнымъ братолюбіемъ. «Часто достаточно было немногихъ часовъ, чтобы образовалась община», говоритъ Корнелиусъ; мимолетное и полутаинственное появленіе просто одѣтыхъ и говорившихъ отъ избытка сердца проповѣдниковъ дѣйствовало словно волшебной силой и тѣмъ могущественнѣе, что эти странствованія ихъ все болѣе и болѣе становились шествіемъ на смерть, а свои общія вечера любви они могли съ полнымъ основаніемъ справлять торжественно какъ приготовленіе къ послѣдованію страданій и смерти Іисуса Христа. Эти общины, жившія въ постоянномъ ожиданіи страданія, неумолимо извергали опять изъ своей среды всѣ нечистые элементы; въ церкви не должно быть никого, кромѣ людей, которые сознаютъ, «что они безгрѣшны». Непривѣтливо и недружелюбно относились чада Божіи къ дѣтямъ міра сего. Пока еще они не носили оружія; у свѣтской власти, карающей силѣ которой они покорялись безъ сопротивленія, они пока оспаривали въ сущности только право вмѣшиваться въ религіозные вопросы, какъ это дѣлали вначалѣ и Лютеръ и его сторонники. Но у анабаптистовъ, какъ и у древнихъ христіанъ, это пассивное сопротивленіе міру содѣйствовало зарожденію и созрѣванію надеждъ на предстоящую въ будущемъ побѣду добраго дѣла, которыя неизбѣжно принимали опять хиліастическую форму. Да и какъ могли они на продолжительное время отрѣшиться отъ прежнихъ мыслей о революціи, если на ихъ протестъ противъ міра «безбожники» отвѣтили имъ безчеловѣчнымъ гоненіемъ.

Если Цвингли впервые въ борьбѣ своей противъ цюрихскихъ «вдохновенныхъ» («*Spiritöser*») прибѣгъ къ насилію, то это вполне согласно съ той теократической беспощадностью, которую мы замѣчаемъ у него и въ другихъ случаяхъ. По изслѣдованіямъ Эгли, только это гоненіе и довело впервые религіозную возбужденность швейцарскихъ сектантовъ до совсѣмъ уже болѣзненныхъ проявленій, которыя въ свою очередь могли только утвердить власти въ ихъ системѣ угнетенія. Ибо социалистическія и коммунистическія броженія были все же слишкомъ незначительны, чтобы послужить оправданіемъ для черезчуръ суровыхъ мѣръ цюрихскаго совѣта. Послѣ двухъ, трехъ безплодныхъ, естественно, пре-

ній за перекрещиваніє сначала положена была денежная пеня, а затѣмъ вслѣдствіе строптивости многихъ анабаптистовъ пришли къ заключенію, что ихъ слѣдуетъ бросать въ тюрьму и держать ихъ тамъ до самой смерти (первоначально было сказано еще: и пусть они тамъ гніють), а обратившихся вторично въ анабаптизмъ топить безо всякой пощады; эта казнь дѣйствительно совершена была надъ Манцемъ. Вотъ подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній и разразилось тогда среди анабаптистовъ, именно въ С. Галленѣ и Аппенцеллѣ, полное религіозное помѣшательство. Извѣстное уже (т. I, стр. 127 и сл.) опасное ученіе о безгрѣшности, съ одной стороны, повело къ заблужденіямъ, въ которыхъ распутство прикрывалось ханжествомъ, совсѣмъ въ духѣ прежнихъ пантеистическихъ сектъ; съ другой стороны, многіе изъ этихъ несчастныхъ, въ особенности женщины, подъ вліяніемъ экстаза впадали въ столбнякъ и корчи. Самымъ страннымъ оказался можетъ быть библицизмъ, доходившій до юродства; чтобы уподобиться дѣтямъ, взрослые раздѣвались совсѣмъ до гола, садились на землю и принимались играть яблоками и сосновыми шишками, или же рвали въ клочки и сжигали и самую библію, согласно выраженію: буква убиваетъ, при чемъ, восклицая: «Здѣсь, здѣсь!» они указывали на свою грудь, чтобы выразить этимъ, что вотъ гдѣ, напротивъ, сѣдалище животворящаго духа. Самое глубокое впечатлѣніе оставило происшествіе, когда одинъ изъ такихъ безумцевъ отрубилъ своему родному брату голову, по собственному его желанію, чтобы исполнилась воля Отца, въ видѣ ужаснаго подражанія жертвѣ, принесенной Іисусомъ Христомъ Своей смертью. Эти крайности, какъ ни быстро онѣ исчезли со швейцарской почвы, доставили естественно властямъ, юристамъ и теологамъ, какъ католическимъ, такъ и евангелическимъ, самый лучший предлогъ къ тому, что анабаптистовъ какъ «одержимыхъ нечистой силой» совратителей народа слѣдуетъ истребить съ корнемъ во что бы то ни стало. Такъ началось въ 1527 году по всей южной и средней Германіи гоненіе, во время котораго жестокость человѣческая пустила въ ходъ всю свою изобрѣтательность, но въ концѣ концовъ все таки посрамилась передъ геройствомъ своихъ жертвъ. Баварскій герцогъ Вильгельмъ издалъ чрезвычайно простое распоряженіе: если кто отречется отъ анабаптизма, тому отрубить голову, а кто не отречется, того ежечь. На основаніи императорскаго указа отъ января 1528 года въ 1529 году издано было постановленіе имперскаго сейма, которымъ опредѣлялось, что всѣ взрослые анабаптисты безъ суда и слѣдствія приговариваются духовными судьями къ смерти; подобно тому и еще раньше швабскій союзъ разослалъ отъ себя особые отряды разбѣдчиковъ избивать анабаптистовъ безъ суда и права. Одинъ только ландграфъ Филиппъ тщетно возставалъ противъ того, чтобы казнить смертью кого бы то ни было только

за его вѣрованія; въ то время какъ въ Гессенѣ довольствовались заключеніемъ въ тюрьму, въ курфюршествѣ саксонскомъ сектантамъ рубили головы съ явнаго согласія Лютера, который даже трогательное презрѣніе къ смерти этихъ несчастныхъ клеймилъ названіемъ діавольской закоснѣлости. Даже и то обстоятельство, что они скитались тайкомъ, а не выступали открыто, какъ это дѣлали утвержденные церковью проповѣдники, въ его глазахъ служило «явнымъ признакомъ діавола». Надо поставить въ честь страсбургскимъ проповѣдникамъ, что они,—по крайней мѣрѣ въ теченіе нѣкотораго времени,—отвергали этотъ взглядъ, что даже такой церковникъ, какъ Буццеръ, и тотъ допускалъ, что безспорно «среди этихъ людей есть чада, любезныя Богу». Ближе всего къ нимъ стоялъ Капитонъ, который въ своемъ мистическомъ направленіи доходилъ до «внутренняго слова» и до хиліазма. Однако и онъ въ концѣ концовъ далъ свое согласіе, когда въ Страсбургѣ подъ руководствомъ Буццера проповѣдники и городской совѣтъ рѣшили суровыми мѣрами положить конецъ до сихъ поръ пышно разраставшемуся сектантству. Буццеру доставляло «свирѣпую радость» присутствовать на допросахъ, во время которыхъ прибѣгали и къ пыткамъ. Но ожесточеннѣе всего велась борьба съ «братьями» въ альпійскихъ и въ остальныхъ владѣніяхъ короля Фердинанда; послѣ первыхъ уже лѣтъ насчитывали число казней въ Энзисгеймѣ до шестисотъ, въ Тиролѣ и Гёрцѣ до тысячи. Въ Моравіи, гдѣ Бальтазаръ Губмайръ (т. I, стр. 480) превратилъ Никольсбургъ въ средоточіе движенія, даже и послѣ казни (въ 1528 году) этого выдающагося вожака крупные землевладѣльцы долго еще противились изгнанію анабаптистовъ, потому что они были люди поголовно работающіе и миролюбивые, и только послѣ Шмалькальденской войны Фердинандъ оказался въ состояніи произвести изгнаніе ихъ въ крупныхъ размѣрахъ. Поистинѣ за душу хватаетъ то терпѣніе и благочестіе, которое выражается въ писаніяхъ и пѣсняхъ этихъ «дѣтей Божіихъ», которыхъ травили точно дикихъ звѣрей: «Мы молимся также за всѣхъ враговъ нашихъ, прости имъ, ибо они не вѣдаютъ, что творятъ», говорится въ молитвѣ Ганса Шлаффера, котораго пытали, а потомъ обезглавили въ Швацѣ. Кончину своихъ мучениковъ они вѣрно называютъ крещеніемъ кровію или всесоужженіемъ; мальчики и дѣвочки мужественно переносили всѣ ужасы тюрьмы и лобнаго мѣста, и пожалуй не мало народа среди зрителей глубоко тронута было, когда въ Бруккѣ, на рѣкѣ Мурѣ, самая младшая изъ трехъ сестеръ, которыхъ вели топить, засмѣялась, завидя воду, вмѣсто того, чтобы ужаснуться. Такая готовность пострадать, разумѣется, доводила мучителей до крайняго ожесточенія, а между тѣмъ уже и одно заключеніе въ тюрьмѣ должно было бы сломить всякую не твердую какъ скала волю. Мы читаемъ объ одномъ «братѣ»,

заключенномъ въ Австріи, что «ему они до того крѣпко зажали обѣ голени въ колодки, что онѣ начали гнить, и такъ, что мыши на его глазахъ унесли большіе пальцы его ногъ». Не обходилось и безъ того, что сатана, являвшійся въ разныхъ видахъ несчастнымъ страдальцамъ въ ихъ темницѣ, навелъ на нихъ ужасъ. Но страшныя картины этихъ мученій, которыми полны лѣтописи и поэтическія произведенія анабаптистовъ, дѣйствовали только поощрительно на ихъ единовѣрцевъ; ибо это была исторія ихъ геройскихъ подвиговъ, все возрастающій рядъ ихъ побѣдъ, и, какъ всегда, мученичество сохранило свою заразительную силу. Въ одномъ писаніи Якова Гутера, кровью запечатлѣвшаго свою проповѣдь въ Тиролю, говорится: «Ужасно свирѣпствующій драконъ широко разверзъ свою пасть и глотку, ищетъ поглотить жену, украшенную солнцемъ, которая есть община и невѣста Господа нашего Іисуса Христа».

Эти давно привычныя образы и идеи Апокалипсиса съ совершенно новою силой овладѣли умами при бѣдствіяхъ этого времени гоненій. Не совсѣмъ безслѣдно утрачены они были со дней Мюнцера; тѣмъ болѣе, что въ то же время снова выступили на первый планъ подъ вліяніемъ угрожавшаго вторженія Сулеймана прежнія представленія о турецкомъ султанѣ, который долженъ преобразовать развращенное христіанство и наказать всѣхъ безбожниковъ, а въ особенности власть имущихъ (стр. 90). Съ этими чаяніями уже связывалась сама собою возникавшая мысль, что чада Божіи не только выйдутъ въ концѣ концовъ побѣдителями изъ этого всеобщаго переворота, а напротивъ должны даже сами сдѣлаться исполнителями божественнаго правосудія. Можно себѣ представить, съ какой жадностью прислушивались укрошенные съ виду сторонники революціи, когда провозвѣщалось, что послѣдніе дни совсѣмъ близко. Главнымъ образомъ во Франконіи и Швабіи происходило броженіе среди анабаптистовъ, «энтузіастовъ», которые и знать ничего не хотѣли о безусловномъ запрещеніи носить оружіе и давать отпоръ. Скорнякъ Августинъ Бадеръ, казненный въ 1530 году въ Штуттгартѣ, задолго еще до учрежденія царства Божія въ Мюнстерѣ приказалъ себѣ вѣнецъ, знаки царскаго достоинства и пышныя одѣянія для будущаго коронованія своего царемъ во Израилѣ, и Гансъ Гуть, прежнія связи котораго съ Мюнцеромъ выдавало уже его сѣрое одѣяніе, несмотря на сношенія свои съ Денкомъ и другими умѣренными, остался при своей проповѣди хиліазма. «Праведные же будутъ радоваться и держать въ рукахъ обоюдоострые мечи, чтобы совершить отмщеніе на землѣ». Корнеліусъ думаетъ, положимъ, вполнѣ правильно, что едва ли бы всѣ эти пророчества спасли анабаптизмъ отъ судьбы захирѣть очень быстро, если бы не было у него притока все еще не сломленныхъ демократическихъ силъ съвер-

ной Германіи. Въ южной же Германіи движеніе началось слишкомъ поздно; черезчуръ ужъ основательно очищали отъ революціи побѣдители въ крестьянской войнѣ. И все-таки изъ верхне-нѣмецкаго анабаптизма исходила та чрезвычайно обильная послѣдствіями пропаганда, которая въ короткое время раздула пламя фанатизма въ Нидерландахъ и Вестфалии до никогда невиданнаго изувѣрства. Мельхіоръ Гофманъ, скорнякъ изъ Галля въ Швабіи, былъ, пожалуй, самымъ даровитымъ изъ всѣхъ этихъ ремесленниковъ, твердо знавшихъ библію, которыхъ реформація превратила въ пророковъ и проповѣдниковъ. Сначала онъ выступилъ въ Лифляндіи восторженнымъ провозвѣстникомъ лютеровскаго евангеличества (т. I, стр. 395), но все болѣе и болѣе крѣпшее въ немъ убѣжденіе, что въ его толкованіяхъ на пророчества Даніила и Апокалипсиса содержится истинное «священное ученіе», поставило его потомъ въ самую рѣзкую противность съ Лютеромъ и его единомышленниками; тщетно пытался онъ основаться въ Стокгольмѣ; пришлось ему скоро уйти опять также и изъ Киля, гдѣ король Фридрихъ I сдѣлалъ было его проповѣдникомъ, такъ какъ онъ не только сталъ нападать на Амendorфа, называя его «исполненнымъ лжи и обмана прониroy» («Nasengeist»), но даже оспаривать лютерово ученіе о таинствѣ евхаристіи. Все глубже и глубже погружался этотъ страстный и щедро надѣленный воображеніемъ человекъ въ свои мечты о страшномъ судѣ; наступленія его онъ чаялъ съ нетерпѣніемъ и пытался въ точности опредѣлить время, осуждая при этомъ на вѣчныя муки всѣхъ противниковъ своихъ воззрѣній. А съ анабаптистами, несмотря на различіе въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, онъ вступилъ въ самыя близкія отношенія; въ Страсбургѣ, гдѣ онъ впервые явился въ 1529 году и въ 1533 году по собственному желанію былъ посаженъ въ тюрьму, его скоро окружили восторженные приверженцы, и онъ являлся пророчествующимъ женщинамъ въ ихъ сновидѣніяхъ; такъ одной изъ этихъ изступленныхъ казалось, что она видитъ его то въ видѣ пѣвучаго бѣлаго лебедя, то въ видѣ смѣющейся мертвой головы. Страсбургъ, по увѣренію нѣкоего Поста, котораго Гофманъ ставитъ на одну ступень съ Исаіею и Іереміею, былъ предназначенъ стать новымъ Іерусалимомъ по духу: изъ стѣнъ его, которыя будутъ простираться до предѣловъ земли, должны выйти сто сорокъ четыре тысячи дѣвственниковъ, апостольскихъ вѣстниковъ. Вотъ какъ говорилъ слугитель яснаго познанія, котораго Гофманъ съ сознаниемъ собственного достоинства противопоставляетъ высокоумнымъ слугителямъ буквы; лишь тотъ, кто былъ въ состояніи съ полнымъ самообладаніемъ подняться на «сорокъ ступеней въ лицезрѣніи», могъ считать себя въ числѣ «избранныхъ».

Въ Страсбургѣ вся эта проповѣдь едва ли оставила болѣе глубокіе слѣды, чѣмъ многія другія секты, которыя возникали и снова вымирали и

въ старое и въ болѣе новое время. Самъ Гофманъ много лѣтъ ожидалъ за крѣпкими запорами наступленія страшнаго суда, пока смерть не освободила его. Но этотъ мечтатель, уроженецъ южной Германіи, съ дѣтства занесенный на сѣверъ, оказалъ совсѣмъ поразительное дѣйствіе на нидерландскій и нижнесаксонскій народъ частью лично, частью посредствомъ своихъ писаній. И вслѣдствіе совершенно неизслѣдимаго сцѣпленія обстоятельствъ мечта его о царствѣ Божіемъ осуществилась не въ Страсбургѣ и не въ Голландіи, а въ Мюнстерѣ. Одно время казалось, положимъ, что Нидерланды сдѣлаются излюбленнымъ сборнымъ мѣстомъ «богоблаженныхъ и избранныхъ». «Лютерову ересь» тамошнее правительство преслѣдовало, разумѣется, съ неумолимой строгостью; Карлъ гельдернскій и епископъ утрехтскій проявляли въ этомъ гоненіи не менѣе рвенія, чѣмъ Карлъ V, который еще осенью 1520 года повелѣлъ жечь сочиненія Лютера, а въ 1522 году далъ достаточныя полномочія свѣтскому инквизитору (котораго скоро замѣстили три духовныхъ) принимать всѣ мѣры противъ еретиковъ, «не стѣсняясь даже нарушеніемъ обычныхъ формъ правосудія». Здѣсь запылали первые костры для неповѣдниковъ лютеранства, въ Брюсселѣ (1523), въ Утрехтѣ, въ Гагѣ (1525). Мы знаемъ уже, что нидерландскіе августинцы были передовыми бойцами и мучениками за проповѣдь евангелическихъ воззрѣній (т. I, стр. 383); какъ и въ Германіи, новое ученіе нашло наиболѣе благопріятную почву въ высшихъ слояхъ городского населенія, такъ что, напр., въ Амстердамѣ сложилась поговорка: кто хочетъ поправиться начальству, тотъ долженъ «лютеранить». Даже Равестейнъ, одинъ изъ самыхъ высокородныхъ дворянъ, позволилъ себѣ за императорскимъ столомъ замѣтить, что наконецъ-то, черезъ чотыреста лѣтъ, появился истинный христіанинъ, да и того пана хочетъ убрать подальше къ сторонкѣ. Но здѣсь, въ своихъ наслѣдственныхъ бургундскихъ владѣніяхъ, Карлъ V могъ распоряжаться по-своему, совсѣмъ не то, что въ германской имперіи; послѣ смерти Маргариты, тетки Карла V (въ декабрѣ 1530 г.), которая враждебно относилась къ еретикамъ, онъ предостерегалъ новую намѣстницу, сестру свою Марію, противъ всякаго проявленія впредь дѣятельнаго сочувствія лютеранамъ, ибо онъ счелъ бы своимъ злѣйшимъ врагомъ родителей, сестеръ и братьевъ, жену и дѣтей, если бы они позволили себѣ вступить въ эту секту. Такимъ образомъ по видимости удалось справиться насиліемъ съ «лютеріанами» и «сакраментистами», какъ ихъ называли. А между тѣмъ эта система преслѣдованія вмѣстѣ съ вліяніемъ нидерландскаго перевода библіи и переводныхъ или мѣстныхъ евангелическихъ произведеній и содѣйствовала собственно впервые развитію сектъ; тайно зарождаясь въ низшихъ слояхъ населенія и укрѣпляясь возвышающимъ примѣромъ мучениковъ, онѣ переставали мало-по-малу до-

вольствоваться какъ лютеранствомъ, такъ и проникшимъ тоже туда ученіемъ Цвингли. Среди этихъ маленькихъ людей, которые, оставшись безъ прежнихъ своихъ духовныхъ руководителей, на свой страхъ, «какъ дѣти», углублялись въ писаніе и всецѣло сживались съ библейскими исторіями, образами, обѣтованіями, проповѣдь «мечтателей» должна была находить жадныхъ слушателей. Изъ сосѣдняго нѣмецкаго нижняго Рейна дѣйствовали Вестербургъ изъ Кельна (т. I, стр. 504) и другіе евангелическіе радикалы; но рѣшительный толчокъ къ соединенію «союзниковъ» дало впервые все-таки соприкосновеніе съ Мельхіоромъ Гофманомъ, который въ 1530 году нашелъ себѣ воодушевленнаго сотрудника въ восточной Фрисландіи въ голландцѣ Янѣ Трійпмакерѣ (мастерѣ деревянныхъ башмаковъ), и, кажется, на короткое время онъ вскорѣ и самъ побывалъ въ Амстердамѣ. «Повелѣніе Бога» Гофмана по основной мысли своей о союзѣ между Богомъ и истинными послѣдователями Христа настолько же легло въ основаніе строя общинъ нидерландскихъ анабаптистовъ, насколько его апокалиптическія пророчества, доносившіяся изъ Страсбурга, усилили чаянія «мельхіоритовъ» до лихорадочности. А когда Гофманъ, считавшійся однимъ изъ двухъ свидѣтелей Откровенія, попросилъ посадить его въ темницу, чтобы исполнилось предсказаніе одного пророка изъ восточной Фрисландіи, и когда великія событія, которыя онъ провозвѣщалъ, не совершились, тогда среди страшно возбужденныхъ нидерландцевъ возсталъ новый вождь, чтобы, въ силу полученнаго имъ лично наитія, объявить, что онъ самъ и есть второй обѣтованный свидѣтель, Енохъ, и что времени терпѣнія и скорби, о которомъ проповѣдывалъ Гофманъ, насталъ конецъ. Янъ Матисъ, булочникъ изъ Гарлема, человѣкъ мощной энергіи, сумѣлъ подчинить себѣ ближайшихъ и отдаленныхъ нидерландскихъ анабаптистовъ, пользуясь впечатлѣніемъ, которое производили какъ самая личность его, такъ и угрозы божественнымъ проклятіемъ. Онъ разослалъ своихъ апостоловъ крестить и призывать крещеныхъ къ оружію. Ибо время гоненія святыхъ приходитъ къ концу, возвѣщенное Гофманомъ мщеніе, крещеніе кровію гонителей — при дверяхъ уже, мечъ, который безбожники обнажили противъ народа Божія, обратится противъ ихъ собственнаго сердца.

Этотъ поворотъ отъ терпѣнія къ дѣйствию, отъ любви ко врагу — къ уничтоженію противника не можетъ изумить послѣ всего, что произошло раньше; такія крайности примыкаютъ довольно близко другъ къ другу, какъ объ этомъ прежде всего свидѣтельствуетъ исторія религій. Хиліазмъ въ частности, по мѣткому выраженію Вейнгартена, есть «та форма, въ которой отливаются всякій разъ идеалы вѣка и его самыя крайнія стремленія». Нидерландскіе ученики Гофмана были хиліастами еще совсѣмъ въ другомъ

смыслѣ, чѣмъ самъ онъ, именно потому, что они гораздо яснѣе и опредѣленнѣе изложили свои чаянія царства Божія на землѣ подѣ владычествомъ имѣющаго прійти во второй разѣ І. Христа. Нечего удивляться, что спиритуализмъ анабаптистовъ переходилъ при этомъ въ грубо-чувственные представленія, и что это ученіе, по самой сущности своей исходившее изъ духа и изъ отрицанія всѣхъ мірскихъ побужденій, искажено было до ужаснаго упоенія зрѣлищами кровопролитія и разнузданнаго сладострастія. Средневѣковый міръ,—а вѣдь движеніе анабаптистовъ выросло изъ его круга понятій—не разѣ переживалъ подобные взрывы дошедшаго до умопомраченія аскетизма; только едва ли когда-либо творилось болѣе ужасовъ, сравнительно съ тѣмъ, что происходило въ Мюнстерѣ послѣ того, какъ анабаптисты захватили его въ свою власть и принялись хозяйничать тамъ.

Гонцы, разосланные изъ Нидерландовъ, могли смотрѣть на себя какъ на побѣдоносныхъ завоевателей Вестфаліи, хотя именно тамъ почва въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ была уже хорошо подготовлена для основанія ихъ царства Божія. 1525 годъ вызвалъ потрясенія въ Мюнстерѣ и Оснабрюккѣ (т. I, стр. 504 сс.); съ тѣхъ поръ проникновеніе евангелической проповѣди сопровождалось и поддерживалось демократическими теченіями въ цѣломъ рядѣ вестфальскихъ городовъ, какъ это было и въ другихъ мѣстахъ. При этомъ не надо упускать изъ виду, что тѣ годы, начиная съ 1529 года, когда происходили эти движенія, сопровождались тяжелымъ экономическимъ переломомъ; тогда именно вслѣдствіе сильнаго неурожая начались, по выраженію Себастіана Франка, «борьба нищихъ за кусокъ хлѣба (Bettlertanz) и ужасная дороговизна», такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ цѣна на рожь поднялась почти втрое въ теченіе года, а между тѣмъ въ то же время эту нужду еще обострялъ налогъ для борьбы съ турками, который, напр., въ клевскихъ областяхъ составлялъ десятую часть валового дохода. Обращенію въ евангеличество Миндена (1529), Герфорта, Липпштадта содѣйствовали и политическія и соціальныя побужденія; въ Липпштадтѣ, какъ только евангеликамъ удалось проникнуть въ члены совѣта, тотчасъ же приступили къ раздѣлу общественнаго и частнаго имущества. И въ Минденѣ съ той поры въ члены совѣта выбирались «сапожники да пекаря», а между тѣмъ вожакомъ движенія, проповѣдникъ Крагіусъ, собиралъ вокругъ себя толпами простонародье и стремился къ полному перевороту. Въ Зостѣ (Soest), гдѣ населеніе вооружилось и на время изгнало еще въ 1531 году совѣтъ, побѣдѣ реформаціи пособило слѣдующее потрясающее зрѣлище: одинъ ткачъ, евангеликъ, приговоренный за нарушеніе общественного спокойствія къ казни, получивши неудачный ударъ мечомъ отъ палача, вырвалъ у него орудіе казни и съ отчаянными усиліями сталъ бороться за свою жизнь, и то, что онъ умеръ «мученикомъ за вѣру»,

сдѣлало его по смерти (1533) дѣйствительно опаснымъ для правящихъ католиковъ. Но самая обильная послѣдствіями религіозная перемѣна совершилась въ епископской резиденціи Мюнстерѣ, гдѣ съ 1531 года проповѣдникъ Бернгардъ Ротманъ началъ свои нападки на католическую церковь, а горожане на противодѣйствіе епископа отвѣтили внезапнымъ нападеніемъ и заключеніемъ подъ стражу его совѣтниковъ и земскихъ чиновъ. По договору, который вынужденъ былъ заключить въ 1533 году епископъ Францъ ф. Вальдекъ, Мюнстеръ сдѣлался евангелическимъ городомъ, однако движеніе на этомъ еще не остановилось. Какъ въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверной Германіи, такъ и здѣсь начало пробуждаться сочувствіе къ ученію Цвингли; Ротманъ, человѣкъ честолюбивый и внутренне холодный, для котораго по всей видимости суть заключалась въ сохраненіи своего господства, началъ съ преобразованія церкви въ Мюнстерѣ въ цвингліанскомъ духѣ, а затѣмъ подѣ влияніемъ нѣсколькихъ тайныхъ проповѣдниковъ, изгнанныхъ изъ Юлиха, такъ называемыхъ вассенберговцевъ, перешелъ въ ряды евангелическихъ радикаловъ. Лютеранамъ, которые удерживали еще нѣкоторое время власть въ своихъ рукахъ, ученіе его казалось «страннымъ и неустойчивымъ», такъ, напр., Ротманъ отвергалъ крещеніе дѣтей и примыкалъ къ пришлымъ мельхіоритамъ, но «жалкая заблуждающаяся толпа», собиравшаяся вокругъ него, разстроила всѣ попытки совѣта заставить замолчать этого духовнаго революціонера. Уже на исходѣ осени 1533 года евангелики, анабаптисты и остатокъ католиковъ взяли за оружіе, но только въ слѣдующемъ январѣ дошло до рѣшительныхъ дѣйствій, когда въ Мюнстерѣ явились апостолы пророка Маттиса; въ числѣ ихъ былъ красавецъ и искусный ораторъ Янъ Бѣккельсенъ (Beuckelssen) изъ Лейдена.

Наступило жуткое затишье передъ бурей. «Избранные» въ теченіе дня довольствовались тѣмъ, что избѣгали всякаго общенія и всякаго привѣта невѣрующимъ; но съ наступленіемъ сумерекъ начиналась бѣготня ихъ взадъ и впередъ, слышались зловѣщіе голоса: «Покайтесь, Богъ готовить вамъ наказаніе, исправьтесь! Отче, отче, искорени, искорени безбожниковъ». 9-го февраля 1534 г. они подняли вооруженное возстаніе, но евангелики, въ виду этой крайней опасности вступившіе даже въ переговоры съ епископомъ, оказались сильнѣе и могли бы однимъ мощнымъ ударомъ устранить грозившую опасность, если бы отчасти коварная предупредительность анабаптистовъ, отчасти почти предательская склонность къ миру бургомистра Тильбека не привели къ договору о полной свободѣ вѣроисповѣданія. Этимъ рѣшена была участь не принадлежавшихъ къ анабаптистамъ; «лица христіанъ снова просіяли», говорится въ одномъ анабаптистическомъ повѣствованіи, «на рынкѣ всѣ принялись пророчество-

звать, не исключая и семилѣтнихъ младенцевъ, а женщины выдѣлывали удивительные прыжки, словно онѣ собирались улетѣть; безбожники же говорили: они безумствуютъ, они перепились сладкаго вина». Именно въ этомъ-то умопомрачительномъ и наводящемъ ужасъ фанатизмѣ и заключалась ихъ сила; женщины, какъ и при всякомъ религіозномъ движеніи, первыя колебались и присоединились къ движенію. Оставалось еще лишь явиться пророку Маттису, чтобы превратить и въ самомъ дѣлѣ Мюнстеръ въ страстно ожидаемый новый Іерусалимъ восторженныхъ анабаптистовъ. Вооруженныя толпы ихъ подняли утромъ 27 февраля свой боевой кличъ: «Выходите, безбожники. Богъ возсталъ и готовится наказывать васъ!» Кто не соглашался перекрещиваться, того безъ жалости изгоняли, несмотря на бушевавшую мять и выюгу; на площади стояли проповѣдники съ ушатами воды для крещенія, между тѣмъ какъ бургомистръ Книппердоллингъ и многіе другіе, уставивши взоры въ небо, вопіяли: «Отче, отче, подай, подай».

То, что излагается дальше, можно было бы считать рядомъ проявленій умопомѣшательства, если бы только не напоминали объ осмотрительности сужденія прежде всего безспорное сродство этого мюнстерскаго анабаптизма съ господствующимъ направленіемъ умовъ и, кромѣ того, социальная подкладка этого религіознаго фантазерства. Мы въ достаточной мѣрѣ знакомы съ той страшной силой, которою издавна обладали апокалиптическія и хиліастическія представленія, съ глубоко укоренившейся привычкой придавать чрезмѣрное значеніе состояніямъ экстаза и видѣніямъ, которыя приписывались исключительно воздѣйствію или божеской, или діавольской силы, со склонностью вообще видѣть въ каждомъ необыкновенномъ явленіи, какъ на небѣ, такъ и на землѣ, знаменія и чудеса. Только недавно, благодаря Гартфельдеру, выяснено все многообразное суетвѣріе Меланхтона, человѣка, который не только стоялъ вполнѣ на высотѣ образованности того времени, но и вовсе не имѣлъ склонности къ мистицизму. Наконецъ, Лютеръ, какъ уже не разъ было говорено, жилъ вполнѣ въ ожиданіи свѣтопреставленія, наступленіе котораго онъ одно время предсказывалъ на 1534 годъ, а затѣмъ надѣялся дождаться его весьма скоро въ 1540 году. «Наступай, желанный день страшнаго суда», заключаетъ онъ одно изъ своихъ тогдашнихъ писемъ къ женѣ. Прежнее отвращеніе его къ злоупотребленію для всякихъ мечтаній такими представленіями снова, положимъ, пробудилось въ немъ, когда Штифель, одинъ изъ прежнихъ его почитателей (т. I, стр. 358), провозвѣстилъ въ Лохау начало второго пришествія на воскресенье, 19-го октября 1533 года въ восемь часовъ утра; его община посѣщеніемъ проповѣди и причащеніемъ готовилась съ трепетомъ къ великой минутѣ, и нѣкоторые изъ нихъ рожки выго-

нявшихъ стадо пастуховъ приняли за звукъ трубы второго пришествія. Лютеръ настоялъ на томъ, чтобы лишили должности этого мечтателя; это быстро отрезвило его. Въ сущности же только изъ противорѣчія эсхатологическимъ склонностямъ анабаптистовъ какъ лютеранская, такъ и реформатская церковь стали отвергать истинно древне-христіанскій хиліазмъ какъ «іудейское» лжеученіе. Ибо Сынъ человѣческій, грядущій на облакахъ небесныхъ съ великою силою и славою, этотъ величественный образъ евангельскаго предсказанія, настолько живо предносился внутреннимъ очамъ Лютера, что его часто изумляющее равнодушіе къ предметамъ міра сего, а именно къ великимъ событіямъ своего времени, коренится именно въ этомъ, въ его твердомъ убѣжденіи, что близится конецъ міра.

Съ древне-христіанскими воззрѣніями и съ аскетическимъ идеализмомъ среднихъ вѣковъ находится въ самой тѣсной связи также и коммунистическій строй царства Божьяго въ Мюнстерѣ. Общечеловѣческая страстная мечта о золотомъ вѣкѣ безгрѣшнаго бытія и вѣчной весны, о потерянномъ раѣ, который снова будетъ возвращенъ, пріобрѣла въ теченіе пятнадцати вѣковъ твердо установившееся выраженіе и міровое значеніе въ христіанскомъ ученіи объ избавленіи отъ грѣха и смерти. Казалось, что въ состояніи первыхъ людей до грѣхопаденія, по превосходному выраженію Эйкена, найдено было «идеальное мѣрило всѣхъ человѣческихъ отношеній»; «стремясь путемъ подражанія Христу возвратиться къ свободному отъ грѣховъ состоянію первыхъ людей, они должны были вмѣстѣ стремиться и къ устраненію всѣхъ учрежденій, возникшихъ какъ слѣдствіе грѣхопаденія; слѣдовательно, отмѣна государства, брака, сословіи, труда и собственности была такъ же, какъ и отрицаніе грѣха, конечной цѣлью послѣдованія І. Христу». Но, между тѣмъ какъ монашество стремилось насколько можно осуществить этотъ идеалъ побѣды надъ міромъ только внутри монастырскихъ стѣнъ, радикальная мистика, разжигаемая хиліастическими фантазіями, вполне рѣшительно шла къ тому, чтобы возвратить къ безгрѣшному состоянію блаженства все человѣчество, кромѣ тѣхъ неисправимыхъ, которые обречены на истребленіе. Во времена соціальныхъ броженій подобныя идеи побуждаютъ народъ работать не только мозгами, но и кулаками. Такъ это случилось въ послѣднее время при началѣ гуситскаго переворота; табориты объявили частную собственность смертнымъ грѣхомъ, провозгласили безусловное равенство всѣхъ избранныхъ, осудили всякую утонченность жизни, хотя на послѣдній выводъ коммунизма, — на общность женъ, — рѣшилось только соземъ незамѣтное меньшинство. Такъ и въ Мюнстерѣ совокупность всѣхъ святыхъ, освободившись отъ невѣрующихъ элементовъ, обратилась въ одну большую ратную семью, ибо какъ воз-

ложенная на нихъ обязанность быть орудіями божественнаго мщенія, такъ и безспорная необходимость занять пока оборонительное положеніе принуждали ихъ къ военному строю. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, не безъ примѣненія смертной казни, сначала всѣ деньги, а затѣмъ все имущество жителей было вручено совѣту и пророкамъ; «все равно, что мое, что твое, и что твое, что мое», такъ поучалъ вѣрующихъ Ротманъ. Для завѣдыванія съѣстными припасами установленъ былъ такой же порядокъ, какъ въ монастыряхъ или въ лагеряхъ, трапеза была общая. Совѣтъ какъ неподходящее для «новаго Израиля» учрежденіе быстро исчезъ, мѣсто его заняли двѣнадцать старѣйшинъ, которые во время своихъ засѣданій держали передъ собой библію. Высшая власть въ дѣйствительности принадлежала пророку Маттису; подъ его предводительствомъ переселившійся нидерландскій сбродъ застращалъ мѣстныхъ братьевъ; ропотъ послѣднихъ прекратился послѣ того, какъ Маттисъ собственноручно убилъ на глазахъ собравшагося народа одного недовольнаго кузнеца. Никто не смѣлъ отказывать брату, который попроситъ какой-либо вещи, если онъ самъ могъ обойтись безъ нея; двери въ домъ должны быть открыты настежь и день, и ночь, такъ какъ и обособленіе въ своемъ домѣ было противно основному началу, что все должно быть общимъ у всѣхъ. Однако полной общности женъ не ввели все-таки, но повелѣніе пророка, что ни одной женщины не позволено быть безъ мужа, все таки повело къ учрежденію многоженства, которое было немногимъ того лучше. Положимъ, у мѣстныхъ братьевъ лучшее чувство возмутилось еще разъ противъ этихъ мерзостей, но ихъ попытка возстанія была задушена въ крови, и распредѣленіе женщинъ, которыя составляли сильно преобладающую числомъ часть населенія, между меньшинствомъ «господъ» пошло своимъ чередомъ. Не одна изъ этихъ несчастныхъ поплатилась жизнью за сопротивленіе ненавистному принужденію. Генрихъ Гресбекъ, одинъ изъ мюнстерскихъ братьевъ, записалъ впослѣдствіи пережитое имъ во время гнета иногороднихъ «злодѣевъ» и невольно засвидѣтельствовалъ о нихъ, что нелicenseбный фанатизмъ былъ все-таки основной чертой ихъ поступковъ. «У всѣхъ анабаптистовъ,—разсказываетъ онъ,—былъ нехорошій цвѣтъ лица и блѣдно-желтые круги подъ глазами и въ глазахъ выраженіе помѣшаннаго; по лицу ихъ было можно узнать, кто настоящій анабаптистъ». Смерть пророка Маттиса, который былъ изрубленъ въ куски ландекнехтами противниковъ въ то время, когда онъ съ немногими товарищами сдѣлалъ вылазку, внушенную ему духомъ; неудавшееся покушеніе на жизнь епископа одной молодой прекрасной голландки, вотъ—выразительныя доказательства той ужасной рѣшимости, которая во всѣ времена отличала религіозныхъ и политическихъ мечтателей. И пресловутый преемникъ про-

рока не лишень былъ этого элемента, хотя несомнѣнно у него примѣшиваются въ значительной долѣ расчетъ и своекорыстные побужденія.

Не надо забывать о томъ, что Іоаннъ Лейденскій закончилъ свою въ высшей степени бурную жизнь не достигши еще тридцати лѣтъ. Будучи сыномъ голландскаго крестьянина, онъ перебивалъ и портнымъ, и хозяиномъ кабачка, и купцомъ и мейстерзенгеромъ, прежде чѣмъ анабаптистическое движеніе увлекло эту буйную голову. Съ большой ловкостью и энергіей онъ выдвинулся на мѣсто павшаго Маттиса; и въ то время, какъ по видимости носителями верховной власти все еще оказывались «правители и міряне христіанскаго собранія въ Мюнстерѣ», высшій пророкъ довольно быстро превратился въ царя въ силу откровенія, возвѣщеннаго пророкомъ Дузентшуромъ изъ Варендорфа, съ согласія остальныхъ руководящихъ лицъ, не спрашивая мнѣнія народа. «Іоаннъ Праведный на престолѣ Давида» долженъ былъ властвовать не надъ однимъ лишь Мюнстеромъ, а надъ всей землей какъ «царь правды повсюду». Вкусы бывшаго портного цѣликомъ отразились на той чрезмерной пышности, которою окружилъ себя и своихъ пособниковъ въ управленіи новый властелинъ, о великолѣпнѣ сцены бывшаго мейстерзенгера (gederiker) и актера напоминали блестящія процессіи, которыя отнынѣ оживляли улицы города, но изъ-за его настойчиваго выставленія на видъ своей царственной справедливости произошли тяжкія кровавыя преступленія; чтобы укрѣпить свою власть, Іоаннъ Лейденскій прибѣгъ къ тѣмъ же самымъ простымъ средствамъ, которыми такъ охотно пользовались террористы французскаго конвента. Но та смѣлость, съ которою онъ, наперекоръ вышеприведеннымъ коммунистическимъ началамъ, сумѣлъ создать себѣ беззавѣтныхъ приверженцевъ, раздѣливши съ избранными соучастниками свои преимущества блеска и благоденствія; вѣрный взглядъ, который внушилъ ему немедленно приступить къ образованію конной охраны своей особы; его искусно рассчитанное чередованіе снисходительности и недоступности,—все это указываетъ на человѣка, рожденнаго быть тиранномъ. Макіавелли могъ бы изучать здѣсь новую и вполнѣ своеобразную разновидность незаконнаго властителя. Неслыханнымъ, чудеснымъ должно было казаться этому царю и народу его, «истинному Израилю», все ихъ существованіе. Правда, колокольни новаго Іерусалима оказалось не такъ-то легко сравнять съ землей, какъ воображали себѣ мечтатели, но прежніе храмы для богослуженія, которымъ понадавали насмѣшливыхъ прозвищъ, стояли заброшенными, тогда какъ площадь и особенно соборный дворъ подъ именемъ горы Сіона сдѣлались мѣстомъ изступленныхъ восторженныхъ проповѣдей и странныхъ зрѣлищъ придворной и судебной жизни этого царства Божьяго. Здѣсь, по звуку трубы владыки, собирался весь народъ, мужчины, жен-

щины и дѣти, чтобы посмотрѣть на выѣздъ царя въ полномъ вооруженіи, съ непомѣрно высокой короной на головѣ; здѣсь производились смотры и маневры, а затѣмъ устраивалась великая вечеря любви, во время которой царь и царица прислуживали братьямъ и сестрамъ; здѣсь съ своего высокаго престола Іоаннъ самъ возвѣстилъ, какъ Богъ низложилъ его, вслѣдъ за этимъ Дузентшуръ по Божьему велѣнію возстановилъ его опять на царство; здѣсь при трубныхъ звукахъ подносили царю яства, и, наконецъ, послѣ роскошнаго обѣда на него низошелъ духъ, онъ приказалъ привести къ нему взятаго въ плѣнъ ландскнехта и собственноручно обезглавилъ его при всемъ собраніи приглашенныхъ къ царскому столу. Опасность, которой нельзя было пренебрегать, заключалась для царя въ самомъ духѣ анабаптистовъ, а проявленій его нельзя было предугадать; такъ, напр., однажды Книппердоллингъ, бывшій вожакъ демократіи въ Мюнстерѣ, сдѣлалъ попытку низвергнуть правленіе царя, именно, сталъ бѣгать какъ помѣшанный по площади, прыгать и кричать и въ концѣ концовъ заявилъ, что онъ-то и есть истинный царь. Іоаннъ на первое время сумѣлъ, положимъ, отвѣтить тѣмъ же оружіемъ на подобныя нападенія, но то, что онъ велѣлъ посадить Книппердоллинга въ тюрьму, а потомъ снова примирился съ нимъ, ясно указываетъ все-таки на слабую сторону его положенія. Ему нельзя было портить отношеній съ людьми, которые могли съ полнымъ правомъ хвастаться, что царемъ его сдѣлали именно они.

При плачевномъ состояніи имперіи и ея органовъ становится весьма понятнымъ, что борьба съ коммунистической революціей почти въ теченіе цѣлаго года предоставлена была совершенно недостаточнымъ силамъ епископа мюнстерскаго, который сначала отослалъ обратно гессенскія вспомогательныя войска и, несмотря на денежную помощь со стороны своихъ католическихъ сотоварищей по сану, не могъ овладѣть укрѣпленнымъ городомъ. Въ 1534 г. анабаптисты побѣдоносно отразили два сильныхъ приступа и въ октябрѣ разослали двадцать восемь апостоловъ на всѣ четыре стороны свѣта, чтобы провозвѣстить пришествіе царя Сіона. Но одинъ только городъ Варендорфъ принялъ предложенный «миръ», тогда какъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ этихъ вѣстниковъ хватали и казнили, а между тѣмъ города эти, несмотря на угрозу Дузентшура, не провалились тотчасъ же. Корнеліусъ справедливо видитъ въ этомъ поворотный пунктъ. Положимъ, переговоры по мюнстерскому вопросу между сосѣдними городами и имперіей затянулись до тѣхъ поръ, пока собраніе округовъ въ Кобленцѣ (въ декабрѣ 1534 г.) и имперскій сеймъ въ Вормсѣ (въ апрѣлѣ 1535 г.) не разрѣшили нужныхъ для продолженія осады денежныхъ суммъ, вмѣстѣ съ тѣмъ главное начальство надъ обложившими Мюнстеръ войсками

передано было графу Вириху ф. Даунъ и Фалькенштейнъ. Но не обошлось, однако, со стороны евангеликовъ, въ особенности имперскихъ городовъ, безъ попытокъ уладить дѣло даже и теперь путемъ полюбовнаго соглашенія. Всякими мѣрами они старались разстроить несомнѣнный замыселъ католическихъ чиновъ послѣ завоеванія вернуть городъ католической церкви, и, казалось, даже самъ епископъ одно время ничего не имѣлъ противъ желанія ландграфа сохранить въ Мюнстерѣ евангеличество. Но въ то время, какъ анабаптисты и слышать не хотѣли о посредничествѣ имперскихъ городовъ, попытки ихъ вступить въ союзъ съ иноземными братьями оказались черезчуръ запоздалыми. Горючаго матеріала было достаточно; повсюду въ Нидерландахъ и на нижнемъ Рейнѣ существовали болѣе или менѣе многочисленныя общины, которыя съ воодушевленіемъ восприняли вѣсть о новомъ царствѣ Божіемъ. Во множествѣ расходившіяся писанія Ротмана о реституціи (т. е. о коренномъ преобразованіи) и о мщеніи были рассчитаны прямо для распространенія ученія преимущественно среди престопаго; братья должны возстать «въ бронѣ Давида» и отомстить Вавилону; «все, что они дѣлали съ вами, вы, въ свою очередь, должны сдѣлать съ ними». Но у нихъ была еще все-таки надежда и на добровольное присоединеніе нѣкоторыхъ князей; до двора «новаго Давида» доходили слухи объ обращеніи королей Франціи, Англіи и Шотландіи, и прежде всего рассчитывали на ландграфа, въ качествѣ «милостиваго покровителя истины». Одинъ только онъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ князей колебался подвергать смертной казни анабаптистовъ (стр. 202), и самъ царь Іоаннъ почтилъ его задушевнымъ письмомъ, въ которомъ онъ обращается къ нему въ такой формѣ: «милый Липсъ» (т. е. Филипушка). Важнѣе этихъ безнадежныхъ попытокъ были проекты похода на выручку Мюнстера, которые возникли въ концѣ года въ Нидерландахъ и въ клевскихъ владѣніяхъ. Тогда въ Амстердамѣ, главномъ очагѣ религіозныхъ мечтателей, можно было видѣть, какъ эти наводившіе ужасъ анабаптисты, совершенно голые среди зимы, съ завываніями носились по улицамъ; по примѣру одного изъ горожанъ, котораго они называли ребенкомъ, они побросали вдругъ все свое платье въ огонь. Но «знамя праведности» все-таки начало впервые развѣваться не здѣсь, а въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Вооруженныя возстанія анабаптистовъ были подавлены: въ Гронингенѣ и Лейденѣ уже въ январѣ, въ западной Фрисландіи, въ Девентерѣ, близъ Варфума въ мартѣ 1535 года. Только въ маѣ послѣдовали ихъ примѣру сектанты въ Амстердамѣ подъ предводительствомъ посланца изъ Мюнстера Яна ванъ Геля; послѣ упорной битвы и они были побѣждены, оставшіеся въ живыхъ казнены съ изысканной жестокостью. Судьба новаго Іерусалима, въ которомъ уже нѣсколько мѣсяцевъ свирѣпствовалъ го-

лодь, была рѣшена въ то время, но Іоаннъ Лейденскій и его поборники подавляли желѣзною рукою всякое проявленіе недовольства; десятками валились головы, а между тѣмъ простой народъ поддерживалъ свое существованіе травою, вареными подметками и лошадиной кожей и водою, въ которую подболтанъ былъ мѣлъ. Самъ царь выказывалъ, впрочемъ, по словамъ его совѣтниковъ одному изъ гессенскихъ пословъ, готовность «отречься отъ свѣтской власти; но они зашли уже такъ далеко, что отступать имъ нельзя». Настолько хорошо устроено было это владычество террора, и такъ мало воинственного пыла было у осаждающихъ, что только благодаря измѣнѣ двухъ перебѣжчиковъ, упомянутаго уже (стр. 212) Гресбека и одного ландскнехта, осмѣлились попытаться захватить городъ врасплохъ; да и эта попытка, предпринятая въ ночь на 24 іюня, едва не окончилась неудачей. Только къ полудню слѣдующаго дня сдались послѣдніе защитники; плачевный видъ представляли эти измороженные люди, точно привидѣнія, съ лицами, которыя, ослабляясь, получали видъ черепа на скелетѣ. Самъ царь, намѣстникъ его Книппердоллингъ и канцлеръ его Крехтинъ достались живыми въ руки противниковъ и послѣ долгаго заключенія 22 января 1536 года понесли наказаніе на той самой площади, на которой стоялъ судейскій престолъ новаго Давида. Невыразимыя муки казни раскаленными клещами Іоаннъ Лейденскій вынесъ съ непоколебимымъ мужествомъ фанатика, призывая отца даже и на эшафотѣ. Трупы казненныхъ, прикованные къ желѣзнымъ клѣткамъ, высоко на Ламбертовой башнѣ, въ теченіе столѣтій служили ужаснымъ знакомъ отличія города Мюнстера, который, несмотря на всѣ старанія ландграфа и имперскихъ городовъ, былъ съ тѣхъ поръ утраченъ для евангеличества.

Періодъ энтузіазма анабаптистовъ кончился; незначительныя послѣдующія вспышки этого движенія, именно возникшія въ Нидерландахъ подъ вліяніемъ «короля» Баттенбурга, казненнаго въ 1538 году, и плутоваго ханжи, стекольника Давида Йориса, не имѣли почти никакого значенія. Йорисъ († 1556 г.) настолько владѣлъ собой, что сумѣлъ предать на смерть своихъ приверженцевъ, и въ числѣ ихъ свою мать, но свою особу укрылъ въ безопасное мѣсто подъ чужимъ именемъ и подъ ханжеской личиной яко-бы строгаго послѣдователя евангелической церкви; въ лицѣ Йориса апокалиптическое направленіе мюнстерскихъ мечтателей приобрѣло еще разъ нѣкое средоточіе, но противъ ученія его о трехъ эпохахъ вселенной со всей путаницей фантастики и чувственности, вытекавшей изъ грязнаго характера его творца, возсталъ побѣдоносно борецъ изъ рядовъ самихъ братьевъ. Бывшій священникъ Менно Симонъ († 1561), родомъ фризъ, сдѣлался очистителемъ и собирателемъ анабаптизма; перетерпѣвшіе столько тяжкихъ испытаній лучшіе элементы анабаптизма положили тогда

основаніе для мирнаго и скромнаго дальнѣйшаго существованія. Несравненно обильнѣе послѣдствіями было конечно упомянутое уже выше (стр. 190) водвореніе въ Англіи отпрысковъ анабаптизма. Въ Германіи же сила евангелическаго радикализма была сломлена на всегда; даже для тѣхъ отдѣльныхъ приверженцевъ мистическаго субъективизма, которые не желали жертвовать своей независимостью никакой церкви, въ Германіи не было уже мѣста. Несмотря на это, мы не преминемъ окинуть взоромъ и ихъ, ибо такіе люди, какъ Швенкфельдъ и Франкъ, должны быть безспорно причислены скорѣе къ лучшимъ, чѣмъ къ худшимъ представителямъ народа, хотя нетерпимость Лютера и выставила ихъ на посмѣшище ортодоксальныхъ лютеранъ подъ ненавистными прозвищами Штенкфельда (отъ *stincken*—вонять) и Дрекуммеля (навозный шмель). Немалымъ позоромъ для Германіи XVI вѣка было бы, если бы всѣ самобытные умы, которые отrekliсь отъ старой церкви, подчинились вдругъ безусловно виттенбергскому богатырю, если бы желаніе полной свободы духа и отвращеніе ко всякому гнету надъ совѣстью не нашло себѣ выраженія подъ давленіемъ только что возникшей новой церкви. Благочестивый и многорѣчивый мистикъ Каспаръ Швенкфельдъ изъ Оссинга († 1561), силезскій дворянинъ, странствовавшій изъ города въ городъ по южной Германіи, преслѣдуемый не только католиками, но и евангеликами, сумѣлъ, несмотря на это, собрать около себя довольно значительное число слушателей, охотно внимавшихъ его поученіямъ, благодаря тому, что онъ «воспріятіе» истинной вѣры противопоставлялъ самодовольству многихъ членовъ евангелическаго духовенства, которые мнили себя уже въ обѣтованной землѣ, и высокому значенію, которое они придавали внѣшнимъ средствамъ церкви для сообщенія благодати; онъ былъ, слѣдовательно, предвѣстникомъ позднѣйшаго піетизма и всей его кружковщины. Какъ у Швенкфельда есть много точекъ соприкосновенія съ анабаптистами, такъ и Себастіанъ Франкъ († 1543?), родомъ изъ Донаувёрта, принадлежитъ къ числу радикальныхъ мистиковъ, хотя онъ и бичевалъ съ неподражаемой мѣткостью слабости сектантства. Рѣдкостная смѣсь глубокомысленнаго умозрѣнія и неутомимаго накопленія разнородныхъ знаній соединялась у этого «рыцаря разума», по выраженію Газе, съ склонностью и способностью къ общепонятному изложенію, которыя ставятъ его какъ писателя на ряду съ Лютеромъ. Съ трудомъ пробился онъ въ качествѣ мыловара и книгопечатника и, сдѣлавшись свободнымъ человѣкомъ, не занимая никакой стѣснительной должности, дѣлился съ народомъ тѣмъ, что Богъ ему далъ; не обошлось, какъ водится, безъ преслѣдованій, особенно со стороны ревнителей лютеранства; да оно и понятно, если мы примемъ въ соображеніе ту безпощадную любовь къ правдѣ, съ которою этотъ въ высшей степени пессимистиче-

ски настроенный критикъ обсуждаетъ всѣ обстоятельства своего времени, въ томъ числѣ и реформацію и героевъ ея. Сочиненія его, а въ особенности вышедшая въ 1531 году «Хроника, исторія времени и библия исторіи» (Chronika, Zeitbuch und Geschichtsbibel), представляютъ настоящую сокровищницу нерѣдко поразительно безпристрастныхъ и точныхъ наблюденій, какъ ни поверхностны зачастую его историческія и географическія свѣдѣнія. Вѣрно называли его фанатикомъ независимости, и эта черта, которая встрѣчается нерѣдко именно у выдающихся людей эпохи Возрожденія, приводитъ его иной разъ къ квіетизму, къ слишкомъ низкой оцѣнкѣ порывовъ къ борьбѣ и готовности къ подвигамъ его современниковъ, но нельзя отказать ему въ высокой похвалѣ за то, что этотъ проницательный человѣкъ, вмѣсто того, чтобы предложить свои дарованія въ распоряженіе господствующаго направленія, избралъ суровую долю опальнаго, чтобы сохранить возможность служить зеркаломъ своему времени по мѣрѣ своего разумѣнія и повинуваясь голосу совѣсти. И онъ дѣйствительно открылъ самую злокачественную язву реформаціи въ Германіи, когда заговорилъ о замѣнѣ живого человѣка-папы бумажнымъ папою, спасенія дѣлами благочестія—спасеніемъ посредствомъ словонизверженія, и когда онъ находилъ въ новообразовавшихся церквахъ меньше свободы совѣсти и слова, чѣмъ среди язычниковъ и турокъ. «Міръ желаетъ имѣть и долженъ имѣть папу, въ угоду которому онъ готовъ вѣровать во все», говоритъ онъ «и если бы пришлось его выкрасть или изъ земли выкопать, и, если каждый день отнимать у него одного папу, онъ немедленно найдетъ себѣ другого». Именно это-то и характерно для Франка, что онъ принципиально борется противъ всякаго человѣческаго авторитета, но признаетъ при томъ его все таки неизбѣжнымъ зломъ. Такъ онъ отвергаетъ всякіе богослужебные обряды и даже таинства какъ остатки іудейства, догматическіе споры какъ бесплодное занятіе, всякій опредѣленный строй церкви какъ партійный и сектантскій, «я же вмѣстѣ съ св. ап. Петромъ считаю моими братьями всѣхъ, кто среди всѣхъ народовъ ищетъ Бога». Взглядъ его, что «никто не достигъ истины», долженъ былъ привести къ требованію безусловной терпимости, а между тѣмъ, съ другой стороны, наперекоръ своимъ нападкамъ въ теоріи на церковь, государство и частную собственность, Франкъ осуждаетъ все-таки всякій насильственный переворотъ. Въ сущности онъ былъ и остался именно страннымъ, юродивымъ святымъ, истиннымъ ученикомъ средневѣковой мистики, Таулера и «Нѣмецкой Теологіи», совершенно такъ же, какъ и его пламенный нѣмецкій патріотизмъ нисколько оказывается не тронутымъ всѣмъ его скепсисомъ и всѣми огорченіями. И все же Франкъ истый революціонеръ уже вслѣдствіе своего несправимаго идеализма. Но не только въ лагерѣ евангеликовъ мы встрѣ-

чаемъ подобныхъ вскормленныхъ мистикою революціонеровъ. Геніальный медикъ Теофрастъ Бомбастъ Парацельсъ фонъ Гогенгеймъ († 1541), склонный къ мистическому экстазу, не разрывая форменно съ церковью, держась нерушимо своего девиза: *alterius non sit, qui sui esse potest* (тотъ, кто можетъ оставаться самъ себѣ господиномъ, да не ищетъ себѣ господина въ другомъ), сравнилъ обоихъ противниковъ, Лютера и папу, съ двумя блудницами, которыя бранятъ другъ друга, а между тѣмъ обѣ подлежатъ тому же осужденію. При помощи своей въ высшей степени фантастической философіи природы онъ сталъ выше всякой перебранки изъ-за догматовъ, ибо, говоритъ онъ, «кто только вѣрующій и вовсе не философъ, тотъ не мудрецъ въ вѣрѣ; тотъ богатъ, кто познаетъ Бога въ твореніяхъ Его и черезъ нихъ вѣруетъ въ Него, а не такъ, какъ слѣпой—въ существованіе красокъ». Платоновцемъ, какъ и Парацельсъ, былъ также искатель приключеній и тауматургъ Агриппа фонъ Неттесгеймъ, который, не соглашаясь пожертвовать римскою церковью для «непреоборимаго еретика», все же посредствомъ своей религіозной магіи богопознанія и общенія съ Богомъ устранилъ вовсе посредствующее участіе церкви и вмѣстѣ съ тѣмъ посылалъ самыя горькіе упреки противъ князей и дворянъ.

Нѣтъ недостатка въ точкахъ соприкосновенія между этими научными революціонерами и евангелическимъ радикализмомъ. Ранке, давая характеристику Парацельза, высказалъ сужденіе, которое, по его мнѣнію, слѣдуетъ примѣнять, не ограничиваясь только одной этою личностью: здравомыслящій, глубокій, вооруженный рѣдкими познаніями, но черезчуръ уже широко разбрасывающійся, самодовольный, смѣлый мыслитель и фантазеръ, одинъ изъ тѣхъ «умовъ, какіе не разъ еще выходили изъ нѣмецкаго народа». Не одного изъ нихъ мы встрѣчали среди вожаковъ евангелическаго радикализма. И Ранке своимъ широкообъемлющимъ взглядомъ распозналъ внутреннее родство всѣхъ этихъ элементовъ броженія. «Наптія въ Мюнстерѣ, попытки социализма анабаптистовъ и эти теоріи Парацельза весьма хорошо согласуются другъ съ другомъ; если бы они соединились, они преобразовали бы міръ».

Намъ нужно однако принять въ соображеніе еще то движеніе, которое могло бы дѣйствительно привести къ мимолетной, по крайней мѣрѣ, побѣдѣ демократіи надъ государствомъ, управляемымъ территоріальными князьями, если бы оно, какъ того сильно опасались, пошло сообща съ движеніемъ анабаптистовъ. Но какъ въ великой крестьянской войнѣ, такъ и при революціи ниже-нѣмецкихъ горожанъ не оказалось перваго условія всякаго политическаго успѣха—единства дѣйствія.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Борьба изъ-за Даніи.

Тридцатые и сороковые годы XVI вѣка внесли коренной переворотъ въ церковныя и политическія отношенія на сѣверѣ Европы. Со введеніемъ реформациі въ Скандинавіи совпала борьба не на жизнь, а на смерть за морское преобладаніе Ганзы, и въ эту чрезвычайно запутанную борьбу въ высшей степени разнообразныхъ интересовъ вмѣшались не только князья и города, интересы которыхъ давно уже были прямо противоположны, но и императорская политика. Въ концѣ концовъ вся эта великая борьба шла изъ-за владычества на Балтійскомъ морѣ; смѣняющіеся господа надъ нимъ, нѣмцы, голландцы, англичане, по выраженію Дитриха Шефера, «смѣняли также другъ друга и во владычествѣ надъ морями». Пытались привести всѣ возможные причины упадка Ганзы. Уже въ концѣ XIV вѣка унія трехъ скандинавскихъ государствъ угрожала подорвать въ корнѣ могущество Ганзы; а столѣтіе спустя, не говоря уже о менѣе значительныхъ нападеніяхъ, закрытіе конторы въ Новгородѣ нанесло тяжкій ударъ сѣверо-германской торговой политикѣ; но Ганза въ сущности держалась еще однако своимъ господствомъ надъ Зундомъ, этими воротами для всѣхъ морскихъ сношеній между западомъ и востокомъ, и вмѣстѣ съ уничтоженіемъ его пала и она. А это господство нѣмецкаго купечества надъ Зундомъ обуславливалось политической зависимостью Даніи отъ Ганзы. Какъ только рушилась эта зависимость, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ явилось давно желанное освобожденіе нидерландцевъ, а затѣмъ постепенно и англичанъ отъ гнетущаго ига нѣмецкой монополіи, которая заграждала имъ проходъ въ Балтійское море съ прилегающими къ нему огромными областями. Можно такимъ образомъ сказать, что прекращеніе королевскаго дома въ Даніи и выборъ новаго короля, который Любекъ попытался тогда взять въ свои руки, какъ въ былыя времена, привели къ перемѣнѣ мірового положенія не только Скандинавіи и Ганзы, но и Нидерландовъ и Англіи.

Любекъ съ давнихъ поръ былъ «королемъ Балтійскаго моря»; императоръ Карлъ IV нѣкогда въ своихъ рѣчахъ къ любечскимъ бургомистрамъ называлъ ихъ «господами», и любечане въ то время дѣйствительно держали кормило правленія какъ вообще всей Ганзы въ совокупности, такъ и болѣе тѣснаго союза вендскихъ городовъ въ частности. Но строй Ганзы никогда не отличался особенной прочностью, такъ что неизбѣжно западные члены ея, съ Кёльномъ во главѣ, затѣмъ голландцы начали преслѣдовать свои частные интересы, не обращая уже вниманія на балтійскую

группу. Уже въ XV вѣкѣ нидерландцы оказываются естественными союзниками Даніи, ибо они стремятся во что бы то ни стало устранить загражденіе Балтійскаго моря; стремленія къ освобожденію торговли и своей народности совпадали, ибо одинаково невыносимы были притязанія Ганзы ставить въ зависимость отъ ея согласія перемѣну династіи въ Даніи и упорное своекорыстіе, съ которымъ она старалась устранить всякое уменьшеніе своей монополіи и уравниеніе въ правахъ съ другими. Представители Ганзы заявили однажды въ Англіи, что они не желаютъ допустить даже сомнѣнія въ самыхъ ничтожныхъ своихъ привилегіяхъ; эти привилегіи таковы, по самой натурѣ своей, что ихъ невозможно ни отмѣнить, ни уменьшить. А между тѣмъ ихъ система конторъ съ ея принудительною сдачею товаровъ въ склады и покупкой на наличныя деньги уже устарѣла при все возрастающемъ стремленіи облегчать обороты, а съ другой стороны даже столь превозносимая справедливо до сихъ поръ надежность нѣмецкаго купца начала уже то тамъ, то сямъ показывать изъяны. Данцигъ, благодаря непосредственнымъ сношеніямъ съ Англіей, очень рано освободилъ прусскую торговлю отъ опеки остальныхъ членовъ восточной Ганзы, а со времени паденія Новгорода (1494) гегемонія Любека совсѣмъ уже не могла устоять противъ своего восточнаго соперника, который служилъ посредникомъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Англіей и Голландіей и вглубь материка до самой турецкой границы. Около этого же времени нидерландская торговля, благопріятствуемая мѣстной цвѣтущей промышленностью и политикой Бургундіи, которая все болѣе и болѣе становилась политикой великой державы, перемѣстила средоточіе своей дѣятельности въ Антверпенъ изъ Брюгге, гдѣ царившая нѣкогда ганзейская контора запустѣла. А тутъ еще присоединилось то, что произошло въ высшей степени пагубное для Ганзы соединеніе ненавистнаго сѣвернаго соединеннаго королевства съ непомерно могущественной наслѣдницей Бургундскаго дома, Габсбургской династіей. Уже датскій король Гансъ наперекоръ Любеку открылъ нидерландцамъ Зундъ, а его энергичный сынъ Христіанъ II, шуринъ Карла V, приступилъ къ тому, чтобы на счетъ скандинавскихъ аристократовъ и привилегированныхъ нѣмецкихъ купцовъ создать себѣ истинную монархію. Неразборчивый въ средствахъ Христіанъ II поощрялъ реформацію въ Даніи—какъ извѣстно, онъ собирался пригласить въ Копенгагенъ Лютера и Карльштадта (т. I, стр. 374),—а для подавленія шведскаго дворянства онъ напротивъ не задумываясь прибѣгалъ къ помощи духовенства и даже папскаго отлученія отъ церкви. Его хорошо обдуманное предпріятіе состояло на первыхъ порахъ въ томъ, чтобы сломить могущество привилегированныхъ сословій; какъ въ Даніи онъ стремился облегчить тяготѣвшій на народѣ гнетъ духовенства и дворянства посред-

ствомъ введенія евангелической вѣры и новаго свода законовъ, такъ въ Швеціи онъ нанесъ ударъ аристократіи и національному отвращенію отъ уніи извѣстной ужасной стокгольмской рѣзней (въ декабрѣ 1520), которая вмѣстѣ со своими многократными повтореніями въ меньшихъ размѣрахъ унесла не одну сотню жертвъ. Въ стараніи основать свое господство на поддержкѣ низшихъ слоевъ Христіанъ шелъ по тому же пути, который указали Стуры, представители идеи шведскаго государства, съ которыми онъ боролся. Онъ мечталъ создать у себя блескъ и богатства нидерландскихъ горожанъ. Копенгагенъ долженъ былъ сдѣлаться средоточіемъ путей сообщенія между Нѣмецкимъ и Балтійскимъ морями, и король пытался завести сношенія съ Россіей, съ Фуггерами, съ Англіей, и въ то же время основывалъ скандинавское торговое общество и обострялъ таможенную войну противъ Ганзы. Все его правленіе отмѣчено возвышенными стремленіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительная смѣсь неукротимой страстности и разсчитаннаго двуличія оттолкнула сердца отъ этого короля-преобразователя. Его двуличное заигрыванье съ Виттенбергомъ и съ Римомъ вполне согласуется съ тѣмъ явленіемъ, что этотъ защитникъ угнетеннаго датскаго народа въ своихъ переговорахъ съ Генрихомъ VIII заявилъ, что взаимная поддержка противъ все возрастающей дерзости плебеевъ есть обязанность всѣхъ князей. Онъ имѣлъ при этомъ въ виду, разумѣется, своихъ смертельныхъ враговъ, республиканцевъ сѣверно-нѣмецкихъ городовъ.

Но именно то, что Христіанъ не зналъ никакой мѣры, и создало еще разъ благопріятное, повидимому, для Любека положеніе дѣлъ. Съ помощью Любека совершился переворотъ, который въ короткое время превратилъ строящаго обширные планы короля соединенныхъ королевствъ въ бездомнаго скитальца. Въ Швеціи во главѣ національнаго движенія сталъ Густавъ Ваза, молодой родственникъ Стуровъ; первыми поборниками движенія сдѣлались непокорные далекарлійскіе крестьяне; въ Даніи духовенство и дворянство, ободренные ходомъ переворота въ Швеціи, призвали на тронъ дядю Христіана, Фридриха, герцога гольштинскаго. Въ апрѣлѣ 1523 года Христіанъ II долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, и скандинавская унія распалась навсегда. Положимъ, при дворѣ императора, шурина Христіана II, возникали самые обширные проекты обратить три сѣверныя королевства въ имперскіе лены или даже въ габсбургскія наслѣдственные земли. Но тогда не могло быть и рѣчи о дѣятельной помощи, а особенно нидерландцамъ свои торговые интересы были слишкомъ важны, и потому они охотно отказались отъ всякой помощи Христіану за выгодный для нихъ договоръ съ новымъ датскимъ королемъ. Между тѣмъ какъ любечане и ихъ товарищи могли добиться у

короля Фридриха I лишь равенства въ правахъ съ нидерландцами, ганзейцамъ казалось, что со Швеціей-то, во всякомъ случаѣ, имъ легко будетъ вести дѣло, такъ какъ, съ одной стороны, она не производила у себя достаточно хлѣба и потому едва ли могла обойтись безъ ввоза зерна изъ Германіи, а съ другой стороны, положеніе вѣнчаннаго демагога Густава Вазы было далеко еще не упрочено. Здѣсь такимъ образомъ Любекъ, Данцигъ и союзники ихъ вынудили согласіе на торговую монополію, которая устраняла отъ Швеціи всѣхъ остальныхъ торговыхъ людей и лишала даже мѣстныхъ уроженцевъ права судоходства по Зунду и Бельту, слѣдовательно, отрѣзывала сообщеніе съ западомъ.

И вотъ къ этимъ не установившимся еще отношеніямъ въ видѣ новаго преобразующаго элемента примѣшалась реформація. Причины побѣды евангеличества въ скандинавскихъ государствахъ и въ Любекѣ были совершенно различны, даже противоположны. Въ Даніи самымъ страннымъ образомъ и изгнанный король и его преемникъ содѣйствовали заодно развитію сѣмянъ, заложенныхъ при Христіанѣ; между тѣмъ какъ Христіанъ въ изгнаніи произвелъ на Лютера впечатлѣніе человѣка, живущаго только о Христѣ, и въ 1524 году послалъ на родину первый датскій переводъ новаго завѣта, къ которому былъ приложенъ его портретъ, и Фридрихъ I, несмотря на данное имъ датскому духовенству и дворянству слово казнить еретиковъ смертію, не скрывалъ своей склонности къ евангелическому вѣроисповѣданію, которую онъ питалъ еще будучи герцогомъ. Мы видѣли, что одно время его благорасположеніемъ пользовалось даже апокалиптическое направленіе такого человѣка, какъ Гофманъ (стр. 205). Душою евангелическаго движенія въ Даніи былъ Гансъ Таусенъ, сынъ крестьянина изъ Фюнена и бывший монахъ, учившійся въ Виттенбергѣ; на собраніи чиновъ въ Одензѣ въ 1527 году король, разрѣшивши сверхъ того вступать въ бракъ священникамъ и монахамъ, установилъ полную свободу вѣроисповѣданія какъ для лютеранъ, такъ и для католиковъ впредь до собора. Финансовая сторона церковнаго переворота, выступившая довольно скоро на первый планъ и въ Даніи, занимала прямо первенствующее мѣсто въ Швеціи, гдѣ Густавъ Ваза съ спокойной разсудительностью ухватился за этотъ единственный исходъ создать нужное подкрѣпленіе своему довольно нищенскому королевству. Нельзя сказать, что Швеція совсѣмъ не была затронута мощнымъ умственнымъ движеніемъ этихъ годовъ; выдающіеся сыны ея народа, какъ напр., Олаусъ Петри, братъ его Лоренцъ, бывший впослѣдствіи канцлеромъ Лаврентій Андреа, очень рано подчинились вліянію великаго виттенбержца. Но здѣсь реформація была болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, дѣломъ короля, который и тутъ съ такой же самой настойчивостью и успѣхомъ проявилъ свою мощную личность, какъ и во время своего смѣлаго, чисто скандинавскаго

приключенія, которое доставило ему корону. Уже въ 1523 году въ одномъ письмѣ къ папѣ онъ грозилъ, что обратится къ высшему первосвященнику І. Христу; года два спустя онъ прибѣгъ къ мѣрѣ, которую подготовилъ сильнымъ «позаимствованіемъ» у церквей и монастырей, именно къ секуляризаціи. «Нужда нарушаетъ не только всѣ человѣческіе законы, но даже и божій законъ», писалъ онъ одному изъ своихъ епископовъ. Какъ-то разъ онъ самъ обратился къ народу подъ открытымъ небомъ, высказывая, что этихъ тунеядцевъ, развращенное духовенство, слѣдуетъ изгнать изъ ихъ помѣстій, какъ Богъ изгналъ первыхъ людей изъ рая. Но мнѣніе шведскаго народа далеко не сходилось съ его мнѣніемъ; разстройство въ государственномъ хозяйствѣ приписывалось новому правительству, и не разъ—въ 1525 и 1527 гг.—свободолюбивые далекарлійцы, искони предпочитавшіе быть «сами себѣ господами», возставали противъ своего прежняго вождя. Римская церковь пала въ Швеціи, какъ и въ Англіи, противъ воли простого народа, совсѣмъ не такъ, какъ въ Германіи, гдѣ озлобленное простонародье готово было первымъ поднять руку противъ Рима. Послѣ того, какъ два, три изъ возмущавшихъ народъ высшихъ духовныхъ лицъ были казнены, лѣтомъ 1527 года на сеймѣ въ Вестеросѣ послѣдовалъ «государственный переворотъ»,—какъ называется это Вейдлингъ,—котораго Густавъ добился своей вѣрно рассчитанной угрозой, что онъ сложить съ себя корону. Евангелическое вѣроисповѣданіе провозглашено было единственно имѣющимъ право на существованіе, а доставшееся въ добычу церковное достояніе подѣлили между собою король и дворяне, которымъ разрѣшено было отобрать всѣ обложенныя податью имѣнія и всѣ тѣ изъ не платившихъ ея, которыя перешли къ церкви съ 1454 года. Епископы волей-неволей должны были заявить, что они довольны всѣмъ, «угодно ли будетъ его величеству сдѣлать ихъ бѣдными, или богатыми».

Какую противоположность этому развитію евангеличества въ Скандинавіи представляетъ распространеніе реформаціи въ нижне-нѣмецкихъ городахъ! Здѣсь, какъ не разъ уже (т. I, стр. 391 и сл., т. II, стр. 208 сл.) было нарочито отмѣчено, евангелическое направленіе соединялось почти непременно съ вождедѣніями политическихъ и соціальныхъ новшествъ, тогда какъ власти вмѣстѣ съ дѣломъ католичества защищали и свое собственное. Уже при обращеніи въ евангеличество Брауншвейга (1528 г.) дѣло дошло до безпорядковъ, которые грозили обратиться не только противъ старой церкви, но и противъ богачей. Въ Ганноверѣ вооруженное возстаніе евангеликовъ (1533) повело къ низверженію совѣта и къ опаснымъ излишествамъ черни. Но гораздо серьезнѣе были революціонныя потрясенія въ Бременѣ, гдѣ демократія въ промежутокъ отъ 1530 до

1532 года старалась утвердить свою власть дикими зрѣлищами террора, а въ особенности въ Любекѣ. Тогда какъ гамбургцы достигли въ 1528 году безъ особыхъ замѣшательствъ одновременно и политическаго и церковнаго преобразованія, древняя столица Ганзы старалась сохранить свой аристократическо-католическій строй до тѣхъ поръ, пока въ 1529 году нужда въ деньгахъ не заставила совѣтъ уступить бурному желанію горожанъ и допустить евангелическихъ проповѣдниковъ. Затѣмъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе поднимали свою голову сторонники движенія впередъ; дошло до грабежа не только церквей, но и домовъ общества патриціевъ. Это теченіе вынесло мало-по-малу наверхъ и Юргена Вулленвевера, человѣка, въ которомъ соединялись рѣшительно евангелическій и демократическій образъ мысли съ чисто старо-ганзейскимъ чувствомъ собственного достоинства. Не разъ уже говорили о духовномъ морскомъ климатѣ; да для гордыхъ республикъ сѣверо-германскаго побережья и не могли пройти вѣка владычества надъ моремъ, не пробудивши высокаго духа предпріимчивости и не развивая его все болѣе и болѣе. Именно въ Любекѣ духъ Ганзы носилъ въ себѣ привычку къ смѣлымъ предпріятіямъ въ политикѣ. Трудно рѣшить, насколько смѣлые планы тридцатыхъ годовъ слѣдуетъ приписать лично Вулленвеверу; во всякомъ случаѣ бокъ о бокъ съ нимъ, когда онъ въ февралѣ 1533 года сдѣлался бургомистромъ, у него явилось двое отважныхъ товарищей. Іоганнъ Ольдендорпъ, родомъ изъ Гамбурга, вліятельный юристъ, бывший до тѣхъ поръ синдикомъ Ростока, былъ, повидимому, человѣкомъ не особенно твердыхъ убѣжденій, но по честолюбію и «безпокойному уму» своему онъ-то и служилъ собственно толкающимъ впередъ элементомъ въ этомъ демагогическомъ тріумvirатѣ, третій участникъ коего, Маркъ Мейеръ, родомъ тоже изъ Гамбурга, занялъ выдающееся положеніе уже вслѣдствіе одного того, что онъ былъ знатокомъ въ военномъ дѣлѣ. Въ этомъ бывшемъ кузнецѣ якорей, который водилъ войска Любека противъ турокъ, все дышало ядреной, грубой молодцоватостью и жизнерадостностью, которая какъ идеалъ носилась передъ глазами этого вѣка и этой родины ландскнехтовъ. Закованный съ ногъ до головы въ броню, съ 24 конными латниками и 12 конными стрѣлками, въ сопровожденіи нѣсколькихъ повозокъ съ женщинами и дѣвушками, вотъ какъ онъ отправился на свою свадьбу въ Любекъ. Вскорѣ затѣмъ въ Копенгагенѣ этотъ щеголеватый воинъ въ праздничномъ косягѣ, съ барабанщикомъ и флейтистомъ впереди, отправился въ домъ терпимости. Въ показаніи Вулленвевера, гдѣ онъ обвиняетъ Ольдендорпа въ сочувствіи и распространеніи анабаптизма, нѣтъ никакого внутренняго противорѣчія, хотя сдѣлано оно подъ пыткой. Во всякомъ случаѣ, демократія въ Любекѣ довольно скоро стала на такую дорогу, которая заставила ее

считать желательнымъ союзъ всякихъ радикальныхъ элементовъ, лишь бы только удалось привлечь ихъ на свою сторону.

Нидерландцы, смертельные враги Любека, неохотно лишь согласились дать подкрѣпленія изгнанному датскому королю Христіану II, когда онъ, примиривши съ собою возвращеніемъ въ католичество Карла V (стр. 112), осенью 1531 года выступилъ въ походъ для отвоеванія своего государства. Напротивъ, суда любечанъ плыли рядомъ съ датскими противъ Христіана, который сначала утвердился въ Норвегіи, но былъ настолько неблагоразуменъ, что отдался въ руки своихъ враговъ, повѣривъ ихъ обѣщанію дать ему свободу возвращенія; датскіе дворяне отправили его обманомъ, вмѣсто переговоровъ съ королемъ Фридрихомъ, въ укрѣпленный замокъ Зондербургъ (1532); такъ до самой смерти (1544) онъ и пробылъ въ плѣну въ Даніи. Но любечане не получили за свой союзъ ожидаемаго подкрѣпленія противъ Голландіи; а Швеція заявила имъ даже, что она отказывается отъ тягостнаго договора 1523 года (стр. 223). Не помогла имъ нисколько и ихъ принадлежность къ Шмалькальденскому союзу, такъ какъ большинство евангелическихъ князей не имѣло ни малѣйшей охоты дѣйствовать заодно съ республиканцами, которые сверхъ того неспровергли свой прежній аристократическій строй. Мы видимъ такимъ образомъ, что политика Любека, прибѣгая къ самымъ отчаяннымъ средствамъ и создавая самые безнадежные проекты союзовъ, вступаетъ въ великую борьбу, которая вслѣдствіе смерти Фридриха I (въ апрѣлѣ 1533 г.) перенесена была изъ Нидерландовъ въ Данію. Вулленвеверъ, который въ мартѣ 1534 года на попытку свергнуть его отвѣтилъ воззваніемъ къ народу и теперь только сдѣлался полнымъ хозяиномъ въ Любекѣ, заключилъ перемиріе съ нидерландцами для того, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ, помня славное время 1370 года, защищать незаконно пріобрѣтенное право своего города располагать короною Даніи. «Мы Божіею милостію знаемъ», заявили однажды любечане, «что въ Даніи безъ нашего вѣдома и соизволенія, въ силу привилегій и правъ, намъ предоставленныхъ, не можетъ быть избранъ ни одинъ король». Но и сынъ короля Фридриха, Христіанъ, герцогъ гольштинскій, и датскій государственный совѣтъ заключили миръ съ бургундскимъ правительствомъ, при чемъ юный герцогъ не преминулъ обезпечить за собой пенсію отъ императора; больше значенія имѣлъ тотъ фактъ, что Карлъ V, несмотря на увѣщанія архіепископа лундскаго присоединить къ имперіи скандинавскія государства въ качествѣ «житницъ и оплота противъ сѣвернаго варварства», пока отказывался поддерживать своего шурина противъ герцога гольштинскаго. Христіанъ былъ человѣкъ осмотнительный, настолько же рьяный лютеранинъ, насколько и истый нѣмецъ, совѣтъ не потворствовавшій датчанамъ.

Онъ пожалуй охотѣе бы отказался отъ престолонаслѣдія, чѣмъ иные изъ гольштинскихъ дворянъ, стоявшихъ за его спиной; въ числѣ ихъ былъ и управляющій дворомъ Іоганнъ ф. Ранцау, котораго еще при жизни Фридриха называли истиннымъ королемъ, за которымъ какъ за превосходнымъ воителемъ ухаживали Карлъ V и Францискъ I. Въ этихъ кругахъ меньше всего склонны были принять датскую корону изъ рукъ бургомистра г. Любека. Получивши отказъ отъ Христіана, Вулленвеверъ обратился къ курфюрсту саксонскому съ предложеніемъ «позволить возложить на него этотъ королевскій почетный санъ». Между прочимъ тѣмъ временемъ Маркъ Мейеръ, случайно прибывшій бурей къ берегамъ Англіи, предложилъ союзъ Генриху VIII, которому онъ лично очень понравился; англійскому честолюбію подавались въ немъ надежды сперва на протекторатъ надъ большимъ сѣвернымъ союзомъ, а затѣмъ даже на корону Даніи. Затѣмъ Мейеръ самовольно началъ въ маѣ 1534 года войну удачнымъ захватомъ врасплохъ одной гольштинской крѣпостцы; война эта, въ которой нѣсколько нѣмецкихъ дворянъ сражалось на сторонѣ Любека, получила названіе «графской». Ибо Вулленвеверъ не задумался ни мало поднять знамя взятаго въ плѣнъ «мужицкаго короля», родственникъ котораго, ревностный приверженецъ евангелическаго вѣроисповѣданія, Христофоръ, графъ ольденбургскій, взялъ на себя предводительство въ датскомъ походѣ, тогда какъ противъ «тиранна и кровожаднаго пса, короля шведскаго» удалось привлечь его шурина, графа Іоганна ф. Гойа; тщетно пытался Мейеръ навязать еще и сыну послѣдняго Стура «именемъ діавола» роль претендента. Ибо любечане употребляли всѣ усилія найти себѣ союзниковъ, пользуясь для этого какъ приманкой одновременно и здѣсь, и тамъ скандинавскими коронами; такъ, напр., и католику, Альбрехту, герцогу мекленбургскому, подавали надежды сначала на датскую, а потомъ на шведскую корону. О присоединеніи къ нимъ многочисленныхъ ганзейскихъ городовъ не могло быть, конечно, и рѣчи; только Ростокъ, Висмаръ и Штральзундъ примкнули къ Любеку. Зато завязались сношенія съ датской и шведской демократіей; бургомистры Копенгагена, Мальмё, Стокгольма стояли на сторонѣ своихъ нѣмецкихъ сотоварищей по общественному положенію; да въ началѣ въ Даніи, а отчасти и въ Гольштиніи дѣлались рѣшительныя попытки превратить эту борьбу въ истребительную войну противъ дворянства. Съ дикой жаждой мести возстали датскіе крестьяне противъ своихъ давнишнихъ угнетателей, которые, даже по мнѣнію нѣмца, канцлера Фридриха I, заслуживали своей участи; даже одна благородная дама была безжалостно убита. Многие изъ дворянъ спаслись поспѣшнымъ изъявленіемъ покорности; на островахъ, даже въ Шоненѣ (въ южной Швеціи), графъ Христофоръ бралъ присягу отъ имени

своего взятого въ плѣнъ двоюроднаго брата. Только на Фюнень и въ Ютландіи аристократія твердо держала сторону герцога Христіана, котораго она избрала въ короли въ іюль 1534 года.

Но именно эта демократическая черта отважнаго предпріятія и оттолкнула отъ любечанъ ихъ единовѣрцевъ, имперскихъ князей. Рядомъ съ Альбрехтомъ, герцогомъ прусскимъ, который немедленно вступился за дѣло герцога гольштинскаго, вожаки Шмалькальденскаго союза, какъ-то Филиппъ гессенскій и Эрнстъ люнебургскій, по своимъ симпатіямъ были вполнѣ на той же сторонѣ и возмущались «мужицкимъ тиранническимъ совѣтомъ» въ Любекѣ. «Вы не повѣрите, Ваша свѣтлость, какъ задираютъ носъ такіе города», писалъ люнебуржець курфюрсту саксонскому. Іоганнъ Фридрихъ, однако, нѣкоторое время съ вождельніемъ косился на предложенную ему корону, но осенью окончательно отклонилъ это предложеніе. Припомнимъ, что одновременно съ этимъ происходило движеніе въ Мюнстерѣ; не удивительно, если въ сѣверной Германіи князья и дворяне считали, что имъ грозитъ общая великая опасность. А между тѣмъ у вожаковъ любечской демократіи не хватало не только поддержки дѣйствительно значительной силы, но и твердой почвы подъ ногами даже въ предѣлахъ своей собственной республики. Когда Христіанъ III въ сентябрѣ 1534 года отважился напасть на врага въ его собственномъ лагерѣ и заперъ Любекъ вполнѣ даже со стороны моря, тогда горожане принялись неистовствовать противъ превозносимыхъ до тѣхъ поръ вожаковъ; «какъ мы выберемся изъ долговъ? Отражай теперь врага отъ воротъ и почесывай у себя за ухомъ!» обращаются къ Вулленвеверу въ одномъ насмѣшливомъ стихотвореніи. Враждующія стороны придумали странный выходъ: заключить миръ на нѣмецкой почвѣ, а въ Даніи напротивъ продолжать войну. Но дни демократическихъ властодержцевъ были сочтены съ тѣхъ поръ, какъ подъ давленіемъ этого полу-пораженія былъ возстановленъ прежній составъ совѣта, и бѣжавшимъ противникамъ ихъ разрѣшено было возвратиться въ Любекъ. Вулленвеверъ все еще чаялъ помощи изъ-за границы, но, пока Генрихъ VIII, согласившійся, положимъ, дать субсидіи, осмотрительно откладывалъ заключеніе болѣе тѣснаго союза и затруднялъ его осуществленіе весьма высокими требованіями, единственное спасеніе этой евангелической демократіи заключалось, повидимому, только въ императорѣ, въ нидерландскомъ правительствѣ; Вулленвеверъ выказалъ готовность помочь достигнуть власти одному императорскому кандидату на датскій престолъ, Фридриху пфальцскому, котораго вѣчно обнадеживали, и который теперь добылъ наконецъ себѣ по крайней мѣрѣ жену, обвѣнчавшись съ одной изъ дочерей Христіана II; благодаря этому господствующее мѣсто на балтійскомъ побережьи предоставлено было бы като-

личеству и бургундскому дому Габсбурговъ, слѣдовательно, ненавистнымъ для Любека нидерландцамъ. Но Карлъ V сталъ какъ слѣдуетъ обдумывать эту кандидатуру Фридриха пфальцскаго въ сущности только тогда, когда Любекъ уже устранился отъ участія въ войнѣ, значить, въ такое время, когда развязка давно уже окончательно совершилась. Ибо почти одновременно въ іюнѣ 1535 года сухопутная армія Христіана III одержала побѣду при Ассенѣ на о. Фюнѣ надъ арміей противниковъ, которою начальствовалъ графъ Гоѳа, а флотъ его, усиленный прусскими и шведскими судами, одержалъ близъ этого острова побѣду надъ грозными нѣкогда въ морѣ ганзейцами; они, положимъ, выставили только восемь своихъ собственныхъ военныхъ судовъ. Мѣсяца два спустя палъ Вулленверъ; надѣясь въ концѣ концовъ только на поддержку Англіи, онъ покинулъ городъ, чтобы добраться до отряда ландскнехтовъ, расположившагося лагеремъ въ мѣстности Гадельнъ, при этомъ онъ попалъ въ плѣнъ къ архіепископу бременскому, который передалъ его во власть брату своему, Генриху брауншвейгскому. Послѣ томительнаго заключенія и многократной пытки его обезглавили и четвертовали близъ Вольфенбюттеля 24 сентября 1537 года. Тяжкія обвиненія, возведенныя на него, именно, будто бы онъ намѣревался предать Любекъ бургундцамъ и вступить въ союзъ съ анабаптистами, не были доказаны: вообще весь процессъ веденъ былъ такъ, что съ полнымъ правомъ можно назвать его юридическимъ убійствомъ; «никогда, можетъ быть, не злоупотребляли болѣе этого старыми формами мѣстнаго правосудія», замѣчаетъ Вайцъ. Маркъ Мейеръ, довольно долго державшійся въ одной датской крѣпости, принужденъ былъ сдаться уже въ 1536 году и былъ казненъ.

Такимъ образомъ послѣднее демократическое движеніе въ Германіи было успокоено на цѣлые вѣка впередъ. Оно гналось за недостижимыми цѣлями, и собственная суть движенія: стремленіе удержать въ старыхъ тѣсныхъ формахъ прошлаго мощно расширяющуюся міровую торговлю, была анахронизмомъ. Какъ могли живущіе мореплаваніемъ народы, положеніе которыхъ на открытомъ океанѣ теперь какъ бы само собою вело къ участію въ обширныхъ сношеніяхъ, какихъ раньше и предчувствовать нельзя было, какъ могли они попрежнему выносить безусловное и исключительное право извлекать пользу изъ балтійскаго побережья однихъ восточныхъ ганзейцевъ? «Средневѣковой Германіей на морѣ» называетъ Ганзу Дитрихъ Шеферъ, а все средневѣковое начало тогда рушится въ прахъ во всѣхъ областяхъ. Даже когда эти сѣверно-германскія республики обладали еще политической независимостью, онѣ могли только насильственнымъ путемъ поддерживать свое экономическое преобладаніе за границей. А при теперешнемъ положеніи онѣ были постоянно предоставляемы соб-

ственнымъ силамъ самымъ слабымъ изъ государствъ въ Европѣ, членами котораго онѣ считались. Положимъ, и новая національная независимость ихъ противниковъ, скандинавскихъ государствъ, первое время все еще имѣла далеко не внушительный видъ. Конечно, исконное вмѣшательство иноземцевъ было, наконецъ, устранено, но какъ въ Даніи, такъ и въ Швеціи подъ защитой національной королевской власти процвѣтало господство дворянства самаго дурного разбора. Еще въ началѣ сороковыхъ годовъ шведскіе крестьяне, не безъ участія католическаго духовенства и австрійскихъ происковъ, возстали противъ гнета двойного правительства: нуждавшагося въ деньгахъ новаго государства и не менѣе алчнаго дворянства. Наконецъ, въ Даніи,—гдѣ Христіанъ III послѣ своего вступленія въ Копенгагенъ разрѣшилъ церковный вопросъ еще насильственнымъ, чѣмъ Густавъ Ваза, тѣмъ, что арестовалъ всѣхъ епископовъ и конфисковалъ всѣ имѣнія духовенства,—для крестьянъ на долгое время наступила пора «чисто собачьей жизни крѣпостныхъ». Насколько эти мелкіе тираны, не платившіе вовсе податей королю и пользовавшіеся полнымъ правомъ творить судъ и расправу, не стѣснялись съ евангелической церковью, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже такое явленіе, что и дѣти пасторовъ оставались крѣпостными; въ 1570 году одинъ землевладѣлецъ дерзнулъ даже казнить смертью своего пастора! И тѣмъ не менѣе для будущности реформаціи имѣло весьма важное значеніе, что эти скандинавскія государства, едва освободившись отъ экономическаго гнета нѣмецкаго купечества, все-таки снова вступили въ союзъ съ евангелической Германіей, благодаря единству вѣроисповѣданія. Въ 1537 году Бугенгагенъ возложилъ корону на голову короля Христіана III. Не прошло и ста лѣтъ, государи Даніи и Швеціи обнажили мечъ въ защиту находившагося въ смертельной опасности протестантства въ Германіи.

Погибающая демократія въ Любекѣ обращала взоры къ Англіи, какъ къ послѣдней спасительной звѣздѣ. Года два спустя противники ея, протестантскіе князья, точно такъ же тщетно хлопотали о болѣе тѣсномъ союзѣ съ этимъ островнымъ государствомъ; и, если бы оно вступило въ ряды евангелическихъ державъ, это получило бы совсѣмъ иное непосредственное значеніе, чѣмъ торжество реформаціи въ Скандинавіи. Но церковная политика Гевриха VIII слишкомъ много зависѣла и отъ переменъ въ европейской внѣшней политикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ личной минутной прихоти этого государя, чтобы идти бокъ о бокъ съ реформаціей въ Германіи, которая руководилась совсѣмъ иными побужденіями. Одно время казалось, что англійское правительство стоитъ на прямомъ пути къ тому, чтобы сблизиться съ лютеранской церковью, когда оно официально предоставило для употребленія библію въ переводѣ на родной языкъ (1535) и утвер-

дило статьи вѣроисповѣданія, которыя отчасти согласовались съ аугсбургскимъ исповѣданіемъ вѣры (1536). Въ то время преемникъ Вольсея Томасъ Кромвелль пріобрѣлъ прозвище «молота на монаховъ»; съ безпощадной энергіей этотъ насильникъ привелъ въ исполненіе великую секуляризацію монастырей; рядомъ съ нимъ и самъ архіепископъ Кранмеръ все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ и въ религіозныхъ вопросахъ. Было высчитано, что шестьсотъ сорокъ три монастыря и общины, девяносто коллегій, тысячи мелкихъ учрежденій въ пользу церкви были отобраны въ казну и раздроблены, и что пятьдесятъ девять монастыствующихъ возведены были на эшафотъ за сопротивленіе королевскому цезаропанизму. Даже мощи Өомы Бекета были брошены въ огонь, а золото и драгоценныя камни его раки отправлены въ королевскую сокровищницу. Но и здѣсь, какъ въ Скандинавіи, корона вынуждена была дѣлиться съ алчнымъ дворянствомъ; самъ Кромвелль, возведенный въ званіе графа Эссекса, не забылъ себя при этомъ. Хотя преданные старой вѣрѣ крестьяне подняли въ 1536 году возстаніе въ сѣверной Англіи въ защиту монаховъ и противъ еретиковъ, но эти «вооруженные пилигримы благодати» были скоро подавлены, и фанатизмъ, съ которымъ король добивался единства вѣры, долженствовавшего состоять въ чемъ-то среднемъ между Римомъ и Виттенбергомъ, требовалъ себѣ жертвъ и съ той и съ другой стороны. Католикамъ рубили головы, протестантовъ сожигали; кровавыя статьи 1539 года, этотъ «бичъ съ шестью хвостами», угрожали всякому, кто дерзнетъ высказаться за причащеніе подъ обоими видами, уничтоженіе безбрачія духовенства или противъ ученія о пресуществленіи и устной исповѣди. Кровавые слѣды указываютъ на *via media anglicana* (средній между католичествомъ и евангеличествомъ путь англиканской церкви) Генриха VIII. Кромвелль самъ палъ жертвой разрушительнаго дѣйствія своей системы застращиванія, когда онъ, чтобы скрѣпить союзъ Англіи съ нѣмецкими протестантами, привелъ избалованному Тюдору въ качествѣ четвертой супруги непривлекательную Анну Клевскую; въ іюлѣ 1540 года покатила голова этого ненавистнаго выскочки, все его искусство въ новой итальянской политикѣ не могло однако на долго обезопасить отъ неподдающейся никакимъ расчетамъ необузданности этого властелина. Въ то время, когда истинный творецъ англиканской церкви разставался съ жизнью въ Товерѣ, позаботившись въ своемъ духовномъ завѣщаніи заказать и заупокойныя обѣдни, въ это время наступилъ какъ разъ рѣшительный переломъ и въ положеніи протестантовъ въ Германіи. Должно было выясниться, что они безъ политической и военной опоры за границей не страшны уже своему великому противнику, императору.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Упадокъ Шмалькальденскаго союза.

Въ исторіи реформаціи въ Германіи сороковые годы, повидимому, были болѣе предшествовавшаго времени посвящены подготовкѣ великаго удара, который Карлъ V нанесъ евангелическимъ имперскимъ чинамъ. Положимъ, императоръ какъ разъ въ это время велъ особенно оживленные переговоры съ еретиками, и рядомъ съ прежней мыслью о соборномъ рѣшеніи стремленія къ воссоединенію стараются достичь цѣли болѣе короткимъ путемъ религіозныхъ собесѣдованій. Но эта предупредительность императора—совсѣмъ недобровольная, напротивъ, получается скорѣе того впечатлѣніе, какъ будто онъ стремится справиться съ виѣшними своими врагами при помощи протестантовъ для того, чтобы, одурчивъ ихъ настолько, что они сами же помогаютъ ему устранить всѣ препятствія къ ихъ собственному наказанію, онъ могъ ихъ погубить уже безо всякой помѣхи. Во всякомъ случаѣ, средоточіе императорской политики переносится теперь гораздо болѣе въ имперію, чѣмъ было до сихъ поръ, и все сильнѣе и сильнѣе проявляется личность государя, который постепенно сдѣлался самъ своимъ первымъ министромъ и главнокомандующимъ. Что тутъ и сами противники его работали ему на руку,—едва ли это можетъ умалить заслугу его политическаго и военнаго труда, ибо и самый геніальный государственный дѣятель не могъ бы никогда одержать полной побѣды безъ подобной произвольной помощи.

И вотъ вскорѣ послѣ заключенія мира въ Нипцѣ и франкфуртскаго соглашенія какъ Франція, такъ и протестанты въ Германіи совершили тяжкіе политическіе грѣхи упущенія. Осенью 1539 года Генрихъ VIII обратилъ вниманіе французскаго посла на то, что турецкій султанъ сидитъ на шеѣ императора, Венеція считаетъ себя оскорбленной имъ, во всей Италіи недовольство, и въ кассѣ императора мало денегъ. А сверхъ того ропотъ, который не разъ уже возбуждали въ Нидерландахъ все возрастающія требованія воинственной политики императора и въ 1531—1532 гг. доводили до открытыхъ возстаній въ Люттихѣ и Гентѣ, обратился какъ разъ теперь въ революцію искони строптиваго населенія Гента; при этомъ защита независимости города отъ захватовъ правительства мало-по-малу отступали назадъ передъ вождельніями самыхъ низшихъ слоевъ населенія, которые, одичавъ отъ возмутительныхъ зрѣлищъ народнаго самосуда, страдая отъ безработицы, содержимые на счетъ города, стремились къ полной анархіи и разграбленію всѣхъ состоятельныхъ. Уже

сдѣланы были попытки привлечь къ движенію фландрскихъ крестьянъ. Какой соблазнъ былъ для Франциска I, когда къ нему какъ прежнему сюзерену Фландріи въ самомъ дѣлѣ обратились съ предложеніями жители Гента. Но онъ, напротивъ, поспѣшилъ предложить своему новому другу, императору, совершить путь въ Нидерланды черезъ Францію какъ по кратчайшему пути. Карлъ V дѣйствительно рѣшился безоружнымъ довѣриться въ руки человѣка, котораго онъ нѣкогда подвергъ незабываемымъ униженіямъ, но онъ безъ опасности и какъ бы съ триумфомъ проѣхалъ черезъ французскіе города, которые состязались съ Францискомъ I, оказывая высокому гостю только блестящій и любезный пріемъ: въ Пуатье ему поднесли въ видѣ почетнаго дара золотого орла, въ Парижѣ—огромную статую Геркулеса изъ позолоченнаго серебра. Какъ же могли теперь гентскіе «крикуны» (Kreesers) серьезно думать о дальнѣйшемъ сопротивленіи? Когда головъ двадцать слишкомъ было отрублено, Карлъ произнесъ смертный приговоръ вольностямъ города, въ которомъ онъ родился, экономическое процвѣтаніе котораго давно уже и безъ того пало. Буццеръ съ полнымъ правомъ могъ сказать ландграфу про императора: «Гентъ ясно показываетъ, что значитъ его благоволеніе, когда сила на его сторонѣ». Нельзя, разумѣется, думать, что Карлъ V искренно сдѣлалъ свои тогдашнія предложенія Франциску I; не могъ онъ на самомъ дѣлѣ когда-либо и подумать отдать Нидерланды, самое драгоценное свое достояніе, свои «истинныя Индіи», въ приданое своей дочери Маріи въ случаѣ вступленія ея въ бракъ съ Генрихомъ Орлеанскимъ. Вмѣстѣ съ Бургундіей, а также Гельдерномъ и Цютфеномъ, которые приходилось вырвать насильно у Клеве, они, конечно, представляли бы «одно изъ самыхъ прекрасныхъ королевствъ во всемъ христіанствѣ». Францискъ I поостерегся, однако, купить эти блестящія надежды на будущее, эту «тѣнь», по его выраженію, цѣною отказа отъ своихъ нидерландскихъ и итальянскихъ притязаній и цѣною отдачи Савойи и Пьемонта. Вскорѣ послѣ этой дружеской совмѣстной жизни, судя по угрозамъ короля, казалось, что готова вскорѣ возгорѣться «величайшая война, какая когда-либо происходила между ними». Повсюду, въ Италіи и въ Германіи, на нидерландской границѣ, въ Константинополѣ французскіе протекторы дѣйствовали со свѣжими силами противъ Габсбурга; посредствомъ изысканнаго предательства Венеція вынуждена была заключить невыгодный миръ съ Портою (въ маѣ 1540 г.). Но яснѣе всего говорило обрученіе съ Вильгельмомъ, герцогомъ юлихъ-клевскимъ, въ іюлѣ 1540 г. молодой племянницы короля, Жанны Наварской, руки которой Карлъ V искалъ для своего наслѣдника Филиппа; дня два спустя Франція заключила съ Юлихомъ оборонительный и наступательный союзъ. Карлъ отвѣ-

тилъ на это передачей часто оспариваемаго герцогства миланскаго своему сыну. Положеніе, по выраженію одного знатнаго нидерландца, было хуже открытой войны.

При такомъ положеніи императору нельзя было допустить разрыва съ нѣмецкими протестантами, какъ бы рѣзко ни упрекалъ его папа за статьи франкфуртскаго соглашенія. Павелъ III объявилъ архіепископа лундскаго подкупленнымъ, вдовствующую королеву Марію, намѣстницу въ Нидерландахъ, тайной покровительницей еретиковъ; онъ требовалъ усиленія католическаго союза (стр. 183), насилія или, по крайней мѣрѣ, угрозъ насиліемъ. Многіе голоса обвиняли Карла V прямо таки въ замыслахъ вызвать расколъ. Но папа самъ значительно ослабилъ дѣйствіе своихъ жалобъ и требованій, отложивши 21 мая 1539 года, послѣ неудачной попытки въ Виченцѣ, на неопредѣленное время созваніе собора, котораго требовалъ императоръ. Взглядъ, что императоръ призванъ преобразовать христіанство, снова возникъ въ тѣхъ кружкахъ, которые подъ вліяніемъ Эразма и его идеала «любовнаго единомыслія церкви» все еще вѣрили въ возможность воссоединенія и отчасти вообще не могли понять упорныхъ споровъ о томъ или другомъ догматѣ. Это были большею частью ученые и политики, такіе люди, какъ Юлій Пфлугъ, Карловицы, отступившій опять отъ лютеранства и ставшій ревностнымъ поборникомъ религіознаго мира Виццель, который оказалъ нѣкоторое вліяніе уже на реформацію съ католическимъ оттѣнкомъ въ Бранденбургѣ. Эти люди не имѣли яснаго представленія о томъ, что тутъ дѣло идетъ вовсе не о той или иной реформѣ, даже не о научномъ взаимномъ соглашеніи, а что за хитросплетенными тонкостями спорныхъ догматовъ, несмотря на многочисленныя точки соприкосновенія, стоятъ другъ противъ друга два въ корнѣ различныя непримиримыя направленія ума. Весьма несправедливо и въ то время да и впоследствии старались свалить всю тяжесть вины въ безплодности религіозныхъ собесѣдованій, учрежденныхъ императоромъ съ 1540 года, на одну изъ сторонъ или даже на отдѣльныя личности. Гораздо замѣчательнѣе этого рѣшенія императора прибѣгнуть къ такому средству то, что Римъ согласился на это, обставивъ, конечно, оговорками, и что папскіе легаты участвовали въ переговорахъ, которыхъ въ сущности нельзя было вовсе и допускать съ строго-церковной точки зрѣнія. Мы еще вернемся къ тогдашнему преобразовательному теченію въ Италіи; все-таки весьма много говоритъ то, что весною 1540 года нунцій Мороне высказался, положимъ, противъ религіозныхъ собесѣдованій, но за безусловную необходимость собора какъ единственнаго средства спасенія. Особенно большой вѣсъ въ глазахъ Павла III имѣло должно быть то, что императоръ снисходительно посмотрѣлъ сквозь пальцы на завоеваніе Камерино папою и заставилъ по-

мириться съ ненавистнымъ ей мужемъ дочь свою Маргариту, которая выдана была за внука Павла Оттавіо. Итакъ послѣ того, какъ уже въ Гентѣ наперекоръ натравливанію къ войнѣ стараго агитатора Гельда посланники протестантовъ убѣдили императора созвать въ Шпейерѣ съѣздъ для «христіанскаго улаженія спора», собраніе это перенесено было въ іюнѣ 1540 года и происходило пока въ Гагенау; но, такъ какъ нельзя было достичь никакого единенія между всѣми имперскими чинами обоихъ вѣроисповѣданій, дѣло пришло къ тому, что дѣйствительно въ ноябрѣ открылось болѣе ограниченное собраніе въ Вормсѣ, на которомъ предсѣдательствовалъ Гранвела. Онъ и императорскій совѣтникъ Навесъ старались превзойти другъ друга въ любезности къ протестантамъ, но послѣдніе уже напередъ прямо заявили, что въ качествѣ судьи въ спорныхъ религіозныхъ вопросахъ они признаютъ одного только «Господа нашего Іисуса Христа». Тщетно Гранвела отвелъ папскому легату Кампеджи далеко не почетное мѣсто; онъ и голову обнажалъ только при упоминаніи имени императора, а не папы. Несклонность къ уступчивости протестантовъ нашла себѣ на этотъ разъ представителя въ лицѣ столь податливаго прежде Меланхтона, рѣзкость котораго не оставляла и желать большаго. Не остались, можетъ быть, безъ вліянія на него личныя сношенія съ Кальвиномъ, который принималъ уже участіе въ съѣздѣ въ Гагенау. Послѣ нескончаемыхъ препирательствъ относительно числа членовъ, имѣющихъ право участвовать въ засѣданіяхъ, и послѣ исполненія всѣхъ формальностей, какія только можно придумать, Мороне попытался вовсе разстроить собесѣдованіе, потому что онъ опасался, какъ бы въ концѣ концовъ при ненадежномъ поведеніи трехъ изъ одиннадцати католическихъ членовъ собранія, именно, Пфальца, Юлиха и Бранденбурга, не получилось большинства въ пользу протестантовъ. Еще до того онъ горько жаловался на нѣмецкихъ епископовъ, что они ведутъ себя какъ мушины только въ попойкахъ да въ обхожденіи съ женщинами, но не съ еретиками. Онъ считалъ ихъ способными купить примиреніе тѣмъ, что они пожертвуютъ яко-бы несущественными статьями, а догматическіе вопросы отложатъ впредь до собора, «и такимъ путемъ установится единомысліе въ Германіи, но это будетъ единомысліе съ лютеранами». Едва прошли сутки двоя въ диспутахъ между Меланхтономъ и Эккомъ, какъ получено было посланіе императора, которымъ предписывалось перенести пренія на сеймъ въ Регенсбургѣ, который и былъ наконецъ открытъ лично самимъ императоромъ 5 апрѣля 1541 года. Надо представить себѣ тѣ впечатлѣнія, которыя получилъ тогда Карлъ V, чтобы оцѣнить озлобленіе самаго гордаго изъ государей противъ нѣмецкихъ еретиковъ; какъ тяжело было ему постоянно примѣняться къ нимъ, дѣлать видъ, что онъ не замѣчаетъ и не

слышать оскорбленій и насмѣшекъ, на которыя не одинъ разъ пришлось наталкиваться ему въ Регенсбургѣ и какъ императору и какъ католику. Но, несмотря на все это, несмотря на опытъ въ Вормсѣ, виды на мирное улаженіе дѣла, повидимому, скорѣе улучшились съ самаго начала регенсбургскаго сейма. И въ самомъ дѣлѣ, какъ на это часто уже особливо указывали, никогда обѣ стороны не сближались болѣе, чѣмъ здѣсь. Съ двухъ сторонъ работали въ этомъ направленіи. Ландграфъ еще въ Вормсѣ завязалъ близкія сношенія съ Гранвелою — по какому поводу мы скоро узнаемъ; послѣдствіемъ этого явилось съ одной стороны тайное религіозное собесѣдованіе между Буццеромъ и Канитономъ со стороны евангеликовъ и кѣльнскимъ канцлеромъ Гропперомъ и императорскимъ совѣтникомъ Вельтвикомъ (Veltvyk) съ католической стороны. Въ продолженіе этого собесѣдованія оба протестанта никакъ не могли избавиться отъ опасенія, какъ бы они, «полагая, что служатъ Богу, не оказали услуги діаволу», и результатомъ собесѣдованія оказался проектъ реформаціи, который былъ сначала сообщенъ ландграфу, а затѣмъ, не называя авторовъ проекта, курфюрстъ бранденбургскій сообщилъ его Лютеру, а Гранвела — легату и католическимъ теологамъ. Евангелическое ученіе объ оправданіи было почти что принято, вообще, выдвигали изъ всѣхъ силъ общее обоимъ вѣроисповѣданіямъ, непримиримыя противорѣчія въ ученіи о пресуществленіи и въ другихъ вопросахъ были смягчены. О величайшей готовности къ предупредительности, какая когда либо проявлялась со стороны католиковъ, свидѣтельствуетъ то, что легатъ, кардиналъ Контарини, заявилъ, что онъ согласенъ съ этимъ проектомъ, если только сдѣлать въ немъ предварительно нѣкоторыя измѣненія. Отправленіе Контарини въ Регенсбургъ само по себѣ было уже уступкой друзьямъ воссоединенія, ибо среди важныхъ сановниковъ католической церкви не было, пожалуй, ни одного, который могъ бы болѣе его по призванію служить посредникомъ, да и помимо этого его собственный взглядъ на оправданіе еще раньше расходился съ ортодоксальнымъ католическимъ ученіемъ. Съ великой торжественностью за печатами Гранвела предложилъ эту «регенсбургскую книгу» шести теологамъ, которыхъ императоръ назначилъ для веденія собесѣдованій. Это были Эккъ, Пфлугъ и Гропперъ — католики, Меланхтонъ, Буццеръ и Писториусъ — протестанты; и этотъ выборъ свидѣтельствовалъ о дѣйствительномъ желаніи императора, несмотря на грозные воинственные клики, которые поднимали баварскіе герцоги и курфюрстъ майнцскій, достичь мирнаго разрѣшенія, такъ что при такомъ составѣ шумливый фанатизмъ такого чловѣка какъ Эккъ оказался вполне одинокимъ. Самъ Контарини одну минуту не могъ опомниться отъ изумленія, когда въ указѣ о назначеніи членовъ совѣщанія объ его соучастіи не было упомянуто вовсе. Собесѣдо-

ваніе открылось 27-го апрѣля, при чемъ въ основу была положена книга, переданная императоромъ; участники, надо полагать, и сами изумились, что уже 2-го мая они пришли къ соглашенію относительно основной статьи объ оправданіи, какъ ни мало охоты къ соединенію выказывалъ при этомъ Меланхтонъ, и какъ ни неохотно далъ свою подпись Эккъ. Гранвела собственноручно переписалъ соглашеніе. Конечно, въ заключеніе сдѣлана была оговорка въ пользу дѣятельной любви, которая должна была служить дополненіемъ къ строго лютеранскому ученію, что *одна только вѣра* ведетъ ко спасенію, и благодаря этому Контарини и другіе католическіе теологи могли считать эту статью вполне католической, тогда какъ въ Виттенбергѣ далеко не были довольны этой «широковѣщательной и сшитой изъ разныхъ кусковъ» статьей. Таковъ былъ приговоръ Лютера; онъ соглашался пока только въ томъ случаѣ допустить эту статью, если католики заявятъ, что до сихъ поръ они учили иначе, а въ противномъ случаѣ не совѣтовалъ курфюрсту участвовать въ засѣданіяхъ сейма, если «только онъ не хочетъ вступить въ соглашеніе съ самимъ діаволомъ». Римъ, несмотря на всѣ старанія Контарини, еще того рѣшительнѣе отклонилъ этотъ первый плодъ регенсбургской попытки соглашенія. Алеандеръ держался совершенно вѣрнаго взгляда, что, если бы въ концѣ концовъ теологи согласились даже по всѣмъ статьямъ, Германія все же никогда не подчинится ихъ соглашенію. Подъ вліяніемъ столь же вѣрнаго чувства Меланхтонъ предпочиталъ, чтобы дѣло лучше съ самаго начала разстроилось, чѣмъ выжидать еще дальнѣйшихъ поводовъ къ неизбежному разрыву. То, что частенько высказывалъ Лютеръ, на чемъ непоколебимо стоялъ точно по какому-то инстинкту его курфюрстъ,—что невозможно примиреніе между Римомъ и евангелической Германіей,—окончательно запечатлѣно было во время этого регенсбургскаго собесѣдованія, и въ этомъ, а не въ безплодномъ сближеніи обѣихъ сторонъ заключается истинное его значеніе. Многознаменательно, что Іоганнъ Фридрихъ далъ своимъ совѣтникамъ на дорогу подробныя предписанія насчетъ мѣръ предосторожности, чтобы воспрепятствовать всякимъ подозрительнымъ сношеніямъ Меланхтона съ противниками; они должны были вообще какъ можно меньше выпускать его изъ глазъ и изъ дому. Но прежній ярый сторонникъ мира словно переродился; быть можетъ и на этотъ разъ Кальвинъ, присутствовавшій въ качествѣ представителя Страсбурга, оказывалъ на него вліяніе, Кальвинъ, который въ псевдонимномъ памфлетѣ проповѣдывалъ «своей» Германіи языкомъ, по силѣ выраженія напоминающимъ Гуттена, чтобы она на вѣки отдѣлилась отъ Рима, отъ этой «системы безбожія, лжи, грабительства и служенія похоти».

Тщетно Карлъ V и Гранвела пытались производить сильное давленіе

на легата и на католиковъ, чтобы такимъ образомъ все-таки достичь отъ нихъ невозможнаго. Для такого человѣка, какъ Гельдъ, Гранвела, Навесъ и архіепископъ лундскій были «три злыя духа», которые побуждали императора вмѣшиваться въ религіозныя дѣла, на что онъ не имѣлъ никакого права. Но императорскій проектъ: провозгласить общимъ вѣроученіемъ тѣ статьи, относительно которыхъ пришли къ соглашенію, а къ тѣмъ статьямъ, въ которыхъ не согласились, относиться обоюдно съ терпимостью впредь до собора, встрѣтилъ упорное сопротивленіе даже въ Контарини, хотя Гранвела дошелъ до того, что пригрозилъ тѣмъ, что, если не состоится соглашеніе, то «въ нѣсколько дней вся Германія станетъ лютеранскою». Форменное посольство, въ составъ котораго вошли два князя ангальтскіе, было отправлено къ Лютеру отъ имени Іоахима и Георга бранденбургскихъ, а на самомъ-то дѣлѣ по желанію императора по дѣлу этого проекта терпимости, но Лютеръ облекъ свой отказъ въ форму требованія, чтобы императоръ повелѣлъ «чисто и ясно» проповѣдывать статьи, относительно которыхъ достигнуто соглашеніе, т. е. онъ требовалъ допущенія евангелическихъ проповѣдниковъ среди католиковъ. Еще цѣлые мѣсяцы тянулись переговоры въ сеймѣ, во время которыхъ императору не легче было ладить съ католиками, чѣмъ съ протестантами; онъ не могъ удовлетворить ни тѣхъ, ни другихъ. Въ заключительномъ постановленіи сейма возобновлялся нюрнбергскій миръ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и постановленіе аугсбургскаго сейма впредь до созванія собора; будетъ ли онъ вселенскій, или національный, но засѣданія его во всякомъ случаѣ должны происходить въ Германіи; а въ случаѣ если ни тотъ ни другой не состоится въ теченіе полутора лѣтъ, настоящее постановленіе должно соблюдаться впредь до рѣшенія сейма. Протестанты обязаны ничего не писать по поводу статей, относительно которыхъ состоялось соглашеніе, никого не совращать въ свою вѣру; процессы и приговоры камеральнаго имперскаго суда къ опалѣ по поводу религіозныхъ дѣлъ приостанавливаются впредь до собора и до сейма. Но посредствомъ упорнаго отказа въ помощи противъ турокъ протестанты принудили императора 29 іюля согласиться на тайное поясненіе въ ихъ пользу императорскаго указа, которымъ на нихъ распространялась охрана церковнаго достоянія, отмѣнялся исключительно католическій составъ камеральнаго суда и примѣненіе заключительнаго постановленія аугсбургскаго сейма къ религіознымъ дѣламъ, протестантамъ разрѣшалась «христіанская реформація» монастырей и духовныхъ учрежденій. Положимъ, императоръ въ тотъ же самый день присоединился къ католической лигѣ, но не раньше, пока у нея такъ сказать не обломаны были зубы; по выраженію Феттера, ее «едва можно было въ то время назвать оборонительнымъ союзомъ».

Вплоть до самого момента прочтенія указа о закрытіи сейма не прекращались междусословные споры и препирательства. Пока еще въ имперіи незамѣтно было и слѣда «испанской тираніи»; Карлу V пришлось еще не разъ скрывать подъ личиною благорасположенія свое негодование на эту анархію какъ со стороны протестантскихъ, такъ и католическихъ князей, прежде чѣмъ онъ могъ взяться за мечъ и явиться въ своемъ истинномъ видѣ.

Но, несмотря на это, регенсбургскій сеймъ свидѣтельствуетъ, что императорская политика одержала болѣе важную побѣду, чѣмъ то, что ей удалось добиться подкрѣпленій для войны съ турками. Двое евангелическихъ князей связали себя обязательствомъ передъ императоромъ въ самомъ рѣшительномъ вопросѣ относительно Юлиха и Франціи, именно, курфюрстъ Іоахимъ, которому за это обезпеченъ введенный имъ церковный строй впредь до собора, и Филиппъ гессенскій. Эта измѣна ландграфа дѣлу протестантовъ—ибо болѣе мягкое выраженіе было бы здѣсь неумѣстно—вмѣстѣ съ тѣмъ, что находится въ зависимости отъ нея, составляетъ самое темное пятно въ исторіи реформации въ Германіи, а между тѣмъ тутъ оказала вліяніе и та своеобразно повышенная чуткость совѣсти у главнаго виновника, которую слѣдуетъ отнести къ выдающимся отличительнымъ признакамъ этого великаго религіознаго движенія. Быть можетъ всего поучительнѣе будетъ прослѣдить сдѣяніе побужденій, которыя привели призваннаго вождя протестантовъ въ Германіи отъ частной безнравственности къ политической безсовѣстности; въ томъ-то и выказывается яснѣе всего роковое положеніе Германіи въ то время, что присоединеніе имперскаго князя къ собственному его императору могло дѣйствительно носить характеръ чего-то политически безнравственнаго. Но какая же разница между грубостью англійскаго короля или легкомысліемъ французскаго и этими почти дѣтскими мученіями совѣсти, которыя преслѣдуютъ столь же искренно благочестиваго, какъ и чувственно необузданнаго ландграфа послѣ его излишествъ (стр. 188)! Будучи не въ силахъ соблюсти вѣрность своей лишенной прелестей саксонской супругѣ, которая тѣмъ не менѣе подарила его семью дѣтьми, онъ дѣлалъ себѣ самыя жестокіе упреки и отъ крестьянской войны до 1540 года совершенно почти отказался отъ приобщенія св. таинъ. Уже въ 1526 году онъ задавалъ Лютеру вопросъ насчетъ допустимости многоженства; Лютеръ въ своемъ отвѣтѣ хотѣ и отсовѣтовалъ это, но объявилъ все таки, что многоженство разрѣшено въ писаніи. Отъ вниманія ландграфа не укрылось, что виттенбергскіе теологи въ своемъ мнѣніи по поводу англійскаго процесса о разводѣ (стр. 171) указали на многоженство, какъ на наименѣе сомнительный исходъ. Если сами реформаторы не могли избавиться отъ

чрезмѣрнаго подчиненія буквѣ библіи въ этомъ вопросѣ, какъ же было ожидать, что этотъ князь, знатокъ библіи, не истолкуетъ ясное свидѣтельство ветхаго завѣта и молчаніе новаго завѣта въ пользу своихъ желаній? Выборъ его палъ на Маргариту фонъ деръ Зале, фрейлину при дворѣ сестры его, герцогини рохлицкой; еще въ 1539 году онъ сумѣлъ заручиться согласіемъ сначала Буццера, а затѣмъ и виттенбергскихъ теологовъ и курфюрста Іоганна Фридриха, и даже супруга его дала свое согласіе, тогда какъ Филиппъ старался самымъ недостойнымъ образомъ провести свою сестру, «горячей головы» ея онъ побаивался. Лютеръ и Меланхтонъ, совсѣмъ какъ Буццеръ, оказались настолько малодушными, что въ своемъ мнѣніи они потакали ландграфу, но подъ условіемъ, чтобы дѣло это сохранялось въ тайнѣ, такъ какъ-де это не должно считаться закономъ, общепримѣнимымъ правиломъ, а только особымъ разрѣшеніемъ для этого единичнаго случая. Послѣ этого сначала сообщили самой Маргаритѣ о намѣреніи ея обожателя, который, впрочемъ, рѣшился поставить ее въ такое положеніе въ случаѣ отказа съ ея стороны, что никто уже не согласился бы потомъ искать ея руки. Такъ совершилось въ Роттенбургѣ 4-го марта 1540 года странное обрученіе въ присутствіи Буццера, Меланхтона и одного совѣтника курфюрста саксонскаго. Лютеръ получилъ въ подарокъ боченокъ рейнвейна, хотя онъ собственно былъ того мнѣнія, что ландграфъ безо всякаго форменнаго вѣнчанія будетъ «содержать въ одномъ изъ своихъ замковъ благородную дѣвушку въ тайномъ (сердечномъ) бракѣ». Глубочайшая безнравственность всего этого дѣла заключалась именно въ этомъ совѣтѣ теологовъ обманывать свѣтъ, и она явилась во всей своей омерзительности въ тотъ день, когда, какъ и надо было ожидать, дѣло разузналось сперва, конечно, въ придворныхъ кружкахъ, а вскорѣ и повсюду. Вѣдь дерзнулъ же проповѣдникъ Меландеръ совершавшій обрученіе, даже съ церковной кафедры защищать двоеженство! Меланхтонъ занемогъ отъ досады и огорченія, между тѣмъ, Лютеръ, «какъ и подобало истому саксу и мужику», по его собственному выраженію, непоколебимо стоялъ на томъ, что можно и даже должно «для достиженія лучшей цѣли и ради церкви христіанской» не робѣть и передъ изрядно крупной ложью; сокровенное «да» для народа должно оставаться «нѣтъ». Тоска и негодованіе Филиппа вызвали лишь то, что онъ сталъ угрожать; «по правдѣ сказать», писалъ онъ ландграфу, «дѣло меня вовсе не касается; я всегда сумѣю вывернуться, разъ дѣло коснется до письменной полемики, и предоставляю Вашей Свѣтлости самому выпутываться изъ положенія». Человѣкъ, который передъ тѣмъ готовъ былъ скорѣе пожертвовать собой и всѣмъ міромъ, чѣмъ истиной, прибѣгаетъ теперь къ такому воистину пошлomu оправданію своего отступничества

отъ собственныхъ убѣжденій. «Я съ чистой совѣстью могу поступить, какъ Христосъ въ евангеліи», пишетъ онъ Филиппу: «сынъ ничего не знаетъ о днѣ томъ, и какъ благочестивый духовникъ, который обязанъ и долженъ говорить открыто передъ судомъ, что онъ ничего не знаетъ изъ того, что спрашиваютъ его относительно сообщеннаго на исповѣди». Это ничуть не лучше того, какъ Буццеръ старается доказать право обманывать своихъ враговъ якобы примѣромъ І. Христа и апостоловъ и даже самого Бога Отца; Лютеръ полагаетъ, ландграфъ долженъ нотаріальнымъ актомъ подтвердить, что вторая жена его просто наложница, «имѣть каковыхъ Богъ попускаетъ вѣрующимъ въ Него». Тлетворное дѣйствіе религіозной борьбы, на которое не разъ уже было указываемо, охватило самымъ ужасающимъ образомъ и самихъ вождей движенія, явившагося въ міръ для спасенія совѣстей и возникшаго изъ любви къ правдѣ.

Довольно жестоко поплатилась реформація за это отреченіе свое отъ своего происхожденія. Ибо вслѣдствіе разрыва между курфюрстомъ саксонскимъ и ландграфомъ гессенскимъ произошелъ расколъ въ Шмалькальденскомъ союзѣ какъ разъ въ такую пору, когда больше чѣмъ когда-либо требовались единодушіе и обдуманность со стороны протестантскихъ политиковъ. Дѣло шло ни больше, ни меньше о томъ, чтобы выбрать, на чью сторону стать въ возобновившейся борьбѣ между Франціей и Испаніей, и для всякаго ясно мыслящаго протестанта выборъ не представлялъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Пусть Францискъ І преслѣдовалъ въ своемъ государствѣ еретиковъ, но главнымъ врагомъ евангеличества всегда былъ и остался императоръ, котораго только крайняя нужда заставляла заискивать у лютеранъ въ Германіи, чтобы получить ихъ помощь, и платить за нее полуступками на короткіе сроки. При дворѣ курфюрста саксонскаго едва ли вполнѣ ясно понимали это, но чувство вѣрно подсказывало это имъ, и въ заключеніи упомянутаго своего рокового мнѣнія Лютеръ и Меланхтонъ весьма характерно предостерегаютъ ландграфа противъ всякаго довѣрія къ императору, потому что это «человѣкъ ненадежный, лукавый, забывшій думать по-нѣмецки, приверженецъ папской, кардинальской, итальянской и сарацинской вѣры». Іоганнъ Фридрихъ не явился на регенсбургскій сеймъ, это было весьма понятной демонстраціей, да онъ, впрочемъ, не оставилъ ни малѣйшаго сомнѣнія у императорскихъ пословъ при регенсбургскомъ сеймѣ насчетъ того, что онъ питаетъ отвращеніе къ миру съ «разбойничьей и безбожной шайкой» католиковъ. Курфюршество саксонское готово было вступить въ союзъ съ Франціей, который она предлагала протестантамъ въ Германіи въ 1540 и 1541 годахъ. Союзъ этотъ, быть можетъ, повелъ бы къ паденію мірового владычества Габсбурговъ и къ побѣдѣ протестантскаго элемента въ Германіи; весьма характерно, какъ французскій

кардиналъ Дю Бэле (du Bellay) указывалъ своему страсбургскому другу Якову Штурму на то, какъ тутъ крѣпко запутался сатана. Ибо средоточіемъ этихъ стремленій къ союзу былъ собственно Страсбургъ, и ревностнѣе всего хлопотали объ этомъ союзѣ такіе люди, какъ Буццеръ, Кальвинъ и поддерживавшій съ ними переписку историкъ Слейданъ. Но двоебрачіе ландграфа разстроило все дѣло. Мы знаемъ, что онъ давно вступилъ въ сношенія съ приверженцами императора, съ королевой Маріей и любезнымъ въ обращеніи Гранвелой (стр. 142, 161, 188). И все-таки только, когда рѣзко стали сторониться отъ него виттенбергскіе теологи и курфюрстъ саксонскій послѣ того, какъ огласилось позорное дѣло, только это толкнуло его окончательно въ императорскій лагерь. Ибо сначала онъ подавалъ курфюрсту саксонскому за его поддержку надежду не только на помощь Юлиху, но въ случаѣ общеевропейской войны даже на императорскую корону, «если побѣда останется за нами». Но, когда Іоганнъ Фридрихъ, пришедшій въ ужасъ отъ всенароднаго скандала, отказалъ не только въ изъявленіи своего согласія на это двоебрачіе, но при дальнѣйшей страстной перепискѣ отказалъ даже во всякой помощи, въ случаѣ, если императоръ вздумаетъ вмѣшаться въ это дѣло своей судебной властью, тогда Филиппъ пригрозилъ отпаденіемъ на сторону императора; онъ подумывалъ даже обратиться за разрѣшеніемъ на двоебрачіе къ папѣ и «не пожалѣть ради этого трехъ, четырехъ тысячъ гульденовъ». Тщетно Буццеръ приводилъ всякіе религіозные и политическіе доводы противъ этого противоестественнаго союза главы Шмалькальденскаго союза съ Карломъ V и въ пользу союза съ Франціей. «Дворъ,—пишетъ онъ,—величайшій врагъ всякихъ вольностей и правъ нѣмецкаго народа. Это Вамъ, Ваше княжеское высочество, извѣстно. Если бы только тамъ были развязаны руки, несомнѣнно принялись бы за насъ». Но обѣщанія Гранвелы, съ которымъ Филиппъ снова съ осени 1540 года ревностно велъ переговоры, въ глазахъ одураченнаго князя сулили болѣе безопасности, чѣмъ искреннее примиреніе съ курфюрстомъ саксонскимъ, и 13 іюня 1541 г. на сеймѣ въ Регенсбургѣ онъ заключилъ съ императоромъ и римскимъ королемъ договоръ, который былъ равносильнъ съ полнымъ отказомъ отъ всякой политической самостоятельности. За обѣщаніе амнистіи Филиппъ обязывался: не заключать союза съ Франціей, Англіей и Клеве, препятствовать принятію ихъ въ Шмалькальденскій союзъ и оказанію всякой помощи Франциску съ нѣмецкой стороны, по требованію служить противъ Франціи, признать право престолонаслѣдія Фердинанда въ имперіи и добиться того же со стороны своихъ союзниковъ. Изъ грознаго поборника евангеличества онъ превратился въ орудіе императорской политики; бывшее прежде у Филиппа опасеніе, что враги сдѣлаютъ покуше-

ніе лишить его свободы, исполнилось, хотя и не буквально. И при томъ къ этому договору привлекли и молодого представителя Альбертинской линіи, Морица Саксонскаго. Филиппъ сдѣлалъ, разумѣется, исключеніе для дѣла религіи и Шмалькальденскаго союза, но самъ онъ былъ обезпеченъ отъ нападенія изъ-за религіи только въ томъ случаѣ, «если не начнется общая война противъ всѣхъ protestantes».

Такимъ образомъ Карлъ V избавился отъ тяжелой заботы какъ разъ въ такое время, когда противъ Габсбурговъ создавалась сильная коалиція. Важное мѣсто, которое должны были занять нѣмецкіе протестанты, осталось пустымъ, потому что и остальные члены Шмалькальденскаго союза покинули курфюрста саксонскаго въ его стараніяхъ вступить въ союзъ съ Франціей. Положимъ, Франція вела одновременно переговоры и съ нѣмецкими католиками, съ Майнцемъ и Баваріей, и поддерживала жалобы ихъ въ Римѣ на легата Контарини. Французская политика со всѣхъ сторонъ старалась подкопаться подъ императора, и французскому королю послужило лишь въ высшей степени желанной точкой опоры для того, чтобы въ свою очередь обвинить императора въ проискахъ, когда въ іюнѣ 1541 года двое французскихъ пословъ, давнишній посредникъ въ переговорахъ съ Портой Ринконъ и назначенный въ Венецію Фрегозо, были убиты испанскими войсками близъ Павіи. Въ то время рѣшался вопросъ о владычествѣ Фердинанда въ Венгріи, и все, повидимому, заставляло императора обратить всю свою энергію на востокъ, «спасти самую Германію въ Венгріи», какъ выразился передъ сеймомъ представитель его брата. Ибо по смерти Іоанна Запольи (23-го іюля 1540 г.), вопреки договору въ Гросвардейнѣ (стр. 186), часть народа признала наслѣдникомъ только что родившагося сына покойнаго, и Сулейманъ, подстрекаемый Франціей, рѣшилъ поддержать юнаго князя противъ Фердинанда. Во главѣ противоавстрійской партіи стоялъ «братъ Георгій», монахъ-дипломатъ, хорватъ по происхожденію, который былъ уже правой рукой Запольи и достигъ сана епископа гросвардейнскаго. Еще въ іюнѣ 1541 года въ Регенсбургѣ знали объ обширныхъ приготовленіяхъ турокъ, несмотря на это Карлъ V, впослѣдствіи пытавшійся оправдываться недостаточностью свѣдѣній объ этихъ происшествіяхъ, прямо съ сейма уѣхалъ въ Италію какъ разъ въ то время, когда войско брата его, подъ начальствомъ стараго Роггендорфа, было разбито на голову, и самъ султанъ 26-го августа явился передъ Офеномъ. Вдовствующая королева Изабелла и ея партія довольно скоро убѣдились въ томъ, что султанъ не намѣренъ уже отдавать впредь Венгрію въ чужія руки; ее превратили въ турецкую провинцію, а храмъ Богоматери въ Офенѣ обратили въ мечеть. У императора дѣйствительно было полное основаніе дѣлать видъ, будто

онъ ничего не знаетъ объ этихъ происшествіяхъ, пока онъ вполне на досугъ подготавливалъ свое свиданіе съ папой, послѣдствіемъ котораго оказалось созваніе собора, и свое изрядно запоздавшее предпріятіе противъ Алжира. Не диво, что злые языки говорили про хорошо обдуманное бѣгство отъ турка. Когда во второй половинѣ октября императорскій флотъ появился передъ Алжиромъ, Гассанъ Ага на требованіе сдаться съ торжествомъ указалъ на то, что море въ дружественномъ союзѣ съ нимъ. Бури и ливни, какихъ не переживалъ еще въ теченіе пятидесяти лѣтъ маститый герой моря Доріа, уничтожили значительную часть судовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабили готовность къ бою высадившихся войскъ. Карлъ V могъ почитать счастьемъ, что послѣ вполне неудачнаго похода онъ могъ въ концѣ ноября вернуться въ Испанію. Обѣ эти сѣвероафриканскія экспедиціи императора принадлежатъ къ наиболѣе труднымъ для объясненія уклоненіямъ воинственной политики, которая, повидимому, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ просто на просто не видѣла ясно указанной цѣли своей. Гораздо менѣе поразительно, что война 1542 года въ Венгрію, на которую въ концѣ концовъ рѣшилась имперія, прошла совершенно безъ успѣха. Положимъ, даже нѣмецкіе князья почувствовали тогда страхъ передъ жуткимъ турецкимъ сосѣдствомъ, передъ непосредственной угрозой для Чехіи, но вспомогательныя войска, которыя протестанты согласились дать въ 1542 году на сеймѣ въ Шпейерѣ, послѣ того какъ регенсбургское постановленіе о мирѣ было продолжено на пять лѣтъ, и приостановлены религіозные процессы (стр. 238), собирались такъ медленно и получили въ лицѣ курфюрста Іоахима II такого неспособнаго полководца, что этотъ походъ императорской арміи въ Венгрію представлялъ опасность только для военной славы нѣмцевъ, а не для турокъ. Только къ концу сентября подошли къ Пешту; попытку итальянцевъ, присланныхъ папой, взять городъ приступомъ нѣмцы совсѣмъ не поддержали. Не хватило, говорится въ письмѣ Фердинанда, «мозгу для надлежащаго руководства, а вовсе не людей и боевыхъ припасовъ». Сулейманъ напротивъ, перейдя лично новую западную границу своей имперіи, пріобрѣлъ въ слѣдующемъ году Фюнфкирхенъ, Штульвейсенбургъ и Гранцъ, между тѣмъ какъ Фердинандъ, которому помѣшала дурная погода и нерасположеніе его чешскихъ войскъ, опять ничего не достигъ. А Франція тѣмъ временемъ усилила свое положеніе союзами съ Даніей (1541) и Швеціей (1542); лѣтомъ 1542 года начались враждебныя дѣйствія и съ ея стороны. Правда, только мимолетныхъ успѣховъ достигли французы въ Артуа подъ предводительствомъ Вандома и въ Люксембургѣ подъ предводительствомъ герцога Орлеанскаго, второго сына короля, несмотря на то, что союзъ съ Юлихомъ и войска послѣдняго

вмѣстѣ съ подкрѣпленіями датчанъ и шведовъ оказались весьма полезными для нихъ. Въ довершеніе всего на югѣ имъ пришлось снять осаду Перпиньяна, не достигши ничего. Но весною 1543 года побѣда клевскаго полководца Мартина ванъ Россема надъ императорскими войсками при Ситтардѣ (24 марта) повела къ новому наводненію южныхъ Нидерландовъ французскими отрядами, и Сулейманъ, получивши денежные пособія отъ французовъ и венеціанцевъ, сталъ кичиться и грозить, что на этотъ разъ онъ схватитъ Вѣну не однимъ пальцемъ, а обѣими руками. Хайреддинъ Барбаросса при помощи французскаго флота отнялъ Ниццу; въ Марселѣ турки смѣло открыли торговлю рабами. *Non contra fidem, sed contra Carolum* (не противъ религіи, а противъ Карла), гласила надпись на французской медали, на одной сторонѣ которой изображены были лиліи, на другой—полумѣсяцъ.

Вмѣсто того, чтобы въ этой общеевропейской войнѣ употребить всѣ свои силы, протестанты въ Германіи воспользовались стѣсненнымъ положеніемъ императора и отсутствіемъ всякой власти, которая могла бы установить порядокъ въ имперіи, для того, чтобы безнаказанно затѣвать свои мѣстные земельныя ссоры, совсѣмъ какъ въ былыя времена до реформы имперскаго строя. Одинъ только курфюрстъ саксонскій вмѣшался, по крайней мѣрѣ, въ пользу Юлиха, отправивъ туда вспомогательныя войска. Но и Іоганнъ Фридрихъ стремился прежде всего достигъ ближайшихъ цѣлей своей политики маленькаго государства и притомъ съ такой рѣшительностью, которая заслуживала бы болѣе важной цѣли. Эти вождѣлѣнія князей прирѣзать себѣ земли прикрывались, разумѣется, личиною защиты евангеличества; своеобразное впечатлѣніе получается, когда видишь, какъ виттенбергскіе теологи, даже самъ Лютеръ, все болѣе и болѣе поддаются придворнымъ теченіямъ, противъ которыхъ они такъ вооружались, какъ они измѣняютъ свои совѣты, стоитъ только курфюрсту упорно настоять на своемъ желаніи. Такъ это случилось въ дѣлѣ о Наумбургѣ, когда право реформировать, примѣнявшееся до тѣхъ поръ только къ монастырямъ и небольшимъ общинамъ, было впервые примѣнено къ епископству. Эрнестинскій домъ пользовался, положимъ, относительно Наумбурга правомъ охраны, но никоимъ образомъ патронъ не имѣлъ права собственною властью назначать епископа. Несмотря на это, въ 1541 году, когда освободилось мѣсто епископа въ Наумбургѣ, Іоганнъ Фридрихъ дерзнулъ не утвердить избранія извѣстнаго поборника мирнаго соглашенія Юлія Пфлуга, а, захвативши себѣ при этомъ всѣ владѣнія епископства, онъ посадилъ епископомъ магдебургскаго суперъ-интендента Николая Амendorфа. Лютеръ, тщетно предлагавшій Георга, князя ангальтскаго, превосходнаго человѣка, самъ совершилъ посвященіе своего давнишняго друга во епископы, «безо вся-

каго помазанія миромъ, масломъ, безо всякаго ладону, углей въ кадильницахъ, однимъ словомъ, безо всякаго священнодѣйствія». Затѣмъ дѣло пошло дальше, противъ мейсенскаго епископства, право патроната надъ которымъ принадлежало сообща обѣимъ линіямъ саксонскаго дома,—обстоятельство, изъ-за котораго ретивый не въ мѣру курфюрстъ едва не впутался въ войну со своимъ молодымъ двоюроднымъ братомъ, энергичнымъ Морицемъ Саксонскимъ. Ибо безо всякихъ предварительныхъ соглашеній съ нимъ весною 1542 года Іоганнъ Фридрихъ распорядился занять сначала коллегіатный монастырь Вурценъ, однимъ духомъ реформировать его и снабдить окопами. Морицъ, котораго Лютеръ заклеилъ прозвищемъ «бѣшеной собаки», взялся за оружіе не столько за епископа, а больше за свое собственное нарушенное право; съ трудомъ лишь удалось ландграфу привести ихъ къ полюбовному соглашенію, въ силу котораго спорящія стороны просто-на-просто раздѣлили между собой епископство. Самый Мейсенъ достался Альбертинской линіи; Морицъ тѣмъ временемъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ Іоганнъ Фридрихъ въ Наумбургѣ, со своей стороны вынудилъ у мерзебургскаго канцлера согласіе не избирать епископа безъ его соизволенія. Непосредственно влѣдъ за этимъ оба вождя Шмалькальденскаго союза одолѣли послѣдняго заслуживающаго упоминанія свѣтскаго князя, который держался еще католичества въ сѣверной Германіи. Мы знаемъ о натянутыхъ отношеніяхъ между Генрихомъ брауншвейгскимъ и его прежнимъ другомъ ландграфомъ (стр. 183); съ тѣхъ поръ между «Гейнцемъ изъ Вольфенбюттеля» и обоими главарями Шмалькальденскаго союза завязался обмѣнъ пасквилями, который въ высшей степени претилъ даже чувству далеко не одаренныхъ тонкой чувствительностью современниковъ ихъ; въ этой полемикѣ передъ нами до дна раскрывается, до чего низко палъ уровень культуры въ придворныхъ кругахъ XVI вѣка. Какъ извѣстно, и Лютеръ вмѣшался въ эту бумажную войну своимъ памфлетомъ «Противъ Ганса Вурста» (1541 г.), но пальма первенства въ грубости досталась не ему, какъ ни усердно старался онъ исправлять въ этомъ направленіи свой первый набросокъ. Ну, гдѣ-жъ ему было превзойти даже официальную переписку самихъ князей? Лучшее всего зналъ это дѣло брауншвейгскій канцлеръ, который съ лихвой возвращалъ направленные по адресу своего государя въ одной грамотѣ курфюрста саксонскаго титулы въ родѣ: проклятый осквернитель чести, Варава, Олофернъ, сатана и т. п. Въ отвѣтъ на эту бумагу курфюрстъ выставляется навѣки погибшимъ, живымъ, безчестнымъ и безстыжимъ Гансомъ саксонскимъ, неумытымъ, неотесаннымъ неучемъ, дубиной саксонской, неповоротливымъ осломъ, отчаяннымъ архиплутомъ и еретикомъ, толстопузымъ, непробуднымъ пьяницей, затычкой бочечной, пьянчугой, который имѣетъ привычку напиваться съ

поварами и кухонными мужиками и валяться потомъ въ винѣ и пивѣ какъ свинья въ грязи; безобразнымъ чудищемъ, извергомъ естества, омерзительной неуклюжей тушей и уродомъ. Хуже всего были, конечно, тѣ тяжкіе упреки въ безнравственности, которыми «Гейнцъ» и «Липсъ» взаимно осыпали другъ друга. Вельфъ ставитъ гессенца за его двоеженство на одну доску съ Іоанномъ Лейденскимъ, царемъ мюнстерскимъ, а между тѣмъ его собственная семейная жизнь запятнана была не менѣе безобразно. И Генрихъ тоже влюбился въ одну фрейлину, но вмѣсто того, чтобы придумывать такой странный выходъ, какъ это сдѣлалъ ландграфъ, онъ устроилъ такъ, что его возлюбленная Ева Троттъ умерла въ глазахъ свѣта. Подобіе ея со всѣми почестями похоронено было въ Гандерсгеймѣ, при дворѣ служили по ней заупокойныя обѣдни; ничего не подозрѣвавшая герцогиня наложила трауръ, а между тѣмъ наложница ея супруга скрывалась въ замкахъ герцога и дарила ему одного ребенка за другимъ. Можно себѣ представить негодование герцогини, семейства Троттовъ, съѣхавшихся въ Регенсбургъ князей, когда обнаружился этотъ недостойный обманъ. Даже часто случавшіеся поджоги въ курфюршествѣ саксонскомъ готовы были приписывать наущеніямъ герцога, положимъ, на основаніи показаній вымученныхъ пыткой. Но поводъ къ войнѣ собственно подали насилія, которыя Генрихъ позволялъ себѣ постоянно противъ евангелическихъ городовъ Брауншвейга и Гозлара, хотя опала надъ этимъ послѣднимъ и была приостановлена. Поэтому въ іюлѣ 1542 года Іоганнъ Фридрихъ и ландграфъ напали на совершенно безоружнаго противника, который тщетно рассчитывалъ найти помощь у баварцевъ въ то время, какъ его владѣнія почти безъ труда—только Вольфенбюттель держался нѣсколько времени—переходили въ руки нападающихъ. «Все случилось по волѣ Божіей», писалъ Лютеръ, но, если присмотрѣться поближе, тогда этотъ брауншвейгскій походъ выказываетъ всю грубость тогдашняго способа вести войну въ самомъ ужасающемъ его видѣ, да и сами освобожденные брауншвейгцы ни въ чемъ не уступали ландскнехтамъ шмалькальденцевъ; въ нѣсколькихъ монастыряхъ близъ города не только произведенъ былъ грабежъ и иконоборство, но и рукописи и грамоты употребляли вмѣсто соломъ на подстилку для лошадей, вырывали трупы изъ могилъ и бросали ихъ свиньямъ. Въ сосѣднемъ городѣ Гильдесгеймѣ, который по этому случаю присоединился къ реформациі и къ Шмалькальденскому союзу, произошло не менѣе безчинства. Герцогство брауншвейгское должно было принести ленную присягу шмалькальденцамъ и получить отъ нихъ правительство, подъ руководствомъ Бугенгагена было обращено въ евангеличество, но это новшество на первое время при слабости временнаго правительства повело лишь къ церковной и нравственной смутѣ.

Во всякомъ случаѣ и эти сомнительныя побѣды протестантовъ могли бы пріобрѣсти болѣе важное политическое значеніе, если бы только они рѣшились поддержать всякими мѣрами то неоцѣнимое дополненіе сѣверо-германской реформаціи, которое, повидимому, какъ бы само собой представлялось именно теперь на нижнемъ Рейнѣ. Казалось, что давнишняя надежда евангеликовъ была теперь ближе къ своему осуществленію, чѣмъ когда-либо; одинъ изъ высшихъ прелатовъ въ имперіи, архіепископъ и курфюрстъ кѣльнскій, сталъ склоняться къ евангеличеству. Этотъ высокій санъ съ 1515 года занималъ Германъ, графъ ф. Видъ, довольно преданный приверженецъ императора и католичества, но ничуть не фанатикъ; онъ переписывался съ Эразмомъ и подъ вліяніемъ Іоганна Гроппера (стр. 236) уже въ 1536 году старался путемъ «преобразованія» искоренить по крайней мѣрѣ самыя дурныя изъ злоупотребленій въ церкви, при чемъ въ оффиціальномъ руководствѣ для духовенства Гроппера даже сдѣлана была удивительная попытка связать въ одно цѣлое почти протестантское ученіе объ оправданіи съ воззрѣніями, которыя въ остальномъ оставались католическими. Съ тѣхъ поръ подъ вліяніемъ сношеній съ протестантскими государями и учеными, подъ впечатлѣніемъ попытокъ императора къ соединенію возникло у архіепископа вполне ясное сознаніе своего сочувствія евангеличеству. Онъ держался постановленія имперскаго сейма 1541 г., по которому духовныя лица обязаны были «предпринять введеніе христіанскаго благочинія и реформаціи»; онъ вступилъ уже въ переписку съ Буццеромъ, который по его настоянію, къ ужасу соборнаго капитула и Гроппера, по-эразмовски стремившагося вводить реформы полегоньку, началъ съ декабря 1542 года проповѣдывать въ Боннѣ. «Этотъ пожилой государь, — таково его мнѣніе о курфюрствѣ, — готовъ скорѣе лишиться своихъ владѣній, чѣмъ оставить это дѣло; онъ только и взираетъ, что на Бога». Но положеніе, по его собственному описанію, было затруднительное: «богатая жатва, работниковъ мало, враговъ много». Въ маѣ 1543 года прибылъ Меланхтонъ; реформаторы съ изумленіемъ убѣждались, какъ живуча была еще въ простомъ народѣ священнаго Кѣльна привязанность къ многославнымъ святынямъ своихъ храмовъ, образамъ и процессіямъ, ко всему «идолослуженію». Напротивъ, большинство свѣтскихъ чиновъ въ архіепископствѣ показывало склонность къ реформаціи, основныя начала которой изложены были Меланхтономъ и Буццеромъ въ весьма пространномъ «Разсужденіи». Въ то же время открыто выступилъ съ намѣреніемъ послѣдовать примѣру своего верховнаго пастыря Францъ ф. Вальдекъ, епископъ мюнстерскій, минденскій и оснабрюкскій; онъ помогалъ уже шмалькальденцамъ во время ихъ похода противъ Брауншвейга и приступилъ уже къ реформаціи Оснабрюкка, пригласивши для этого любеч-

скаго суцерь-интендента Боннуса. Положимъ, затѣя Франца ф. Вальдека, который велъ въ высшей степени свѣтски разгульную жизнь, оказывается совсѣмъ въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ рѣшительныя старанія искренно благочестиваго маститаго курфюрста. Какіе виды открывались протестантству, когда при началѣ этого обращенія въ евангеличество нѣмецкихъ епископовъ Вильгельмъ, герцогъ юлихъ-клевскій, всенародно пріобщился подѣ обоими видами! Казалось, что и нижній Рейнъ, подобно всей сѣверной Германіи, будетъ потерянь для католичества, и въ то время, какъ Юлихъ, удержавши за собой Гельдернъ, глубоко врѣзался въ Нидерланды въ собственномъ смыслѣ, кромѣ этого герцога и епископа мюнстерскаго и евангелики имперскаго города Меца хлопотали о вступленіи въ Шмалькальденскій союзъ. Но и изъ южной Германіи появлялись признаки все усиливавшагося евангелическаго теченія; новая вѣра еще въ 1542 году одержала верхъ въ Регенсбургѣ, а вскорѣ его примѣру послѣдовалъ и жестоко, положимъ, запутавшійся въ долгахъ Оттонъ Генрихъ (Ottheinrich), пфальцграфъ нейбургскій, котораго еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ удалось склонить къ евангеличеству. Настроеніе австрійской знати намъ уже извѣстно (стр. 162); на сеймѣ земскихъ чиновъ (ландтагѣ) въ 1541 году въ одномъ прошеніи королю Фердинанду католическая религія открыто названа идолопоклонствомъ. Даже изъ Венеціи доходили въ Виттенбергъ пламенные просьбы итальянскихъ братьевъ о духовной помощи и о свѣтской защитѣ отъ преслѣдованія.

Но вождямъ протестантовъ въ Германіи не хватало отчасти пониманія, отчасти сильной воли, чтобы проникнуться и воспользоваться этимъ благоволеніемъ судьбы. Поистинѣ прискорбна та черствая ограниченность, съ которою дряхлѣющій герой реформаціи, погрузившись больше чѣмъ когда-либо прежде въ безплодный міръ догматическихъ споровъ, отвергаетъ все, что на его взглядъ хоть самую малость нарушаетъ чистоту ученія. Въ своемъ вновь пробудившемся гнѣвѣ противъ сакраментаріевъ онъ отвергаетъ ученіе объ евхаристіи въ извѣстной (стр. 248) книгѣ кельнскихъ реформаторовъ и автора ея обзываетъ «пустомелею Буццеромъ» съ его «многословной и высокопарной болтовней»; итальянцамъ онъ посылаетъ запоздалый и холодный отвѣтъ, а противъ допущенія Меца въ члены Шмалькальденскаго союза онъ возстаетъ рѣшительно, такъ какъ-де вообще нельзя полагаться на иноземные народы и на ихъ мнимое рвеніе къ евангеличеству. Гораздо болѣе пагубныя послѣдствія, чѣмъ этотъ недовѣрчивый пессимизмъ Лютера, имѣлъ конечно вышеупомянутый договоръ ландграфа съ Габсбургскимъ домомъ. Положимъ, уже тогда высокій подъемъ настроенія у Филиппа, подѣ вліяніемъ котораго онъ строилъ проекты то примиренія императора съ Франціей, то превращенія папы въ безвреднаго «блю-

стителю и епископу Рима», не разъ уже смѣнялся все болѣе и болѣе яснымъ предчувствіемъ, что красныя рѣчи Гранвелы, званіе главнокомандующаго надъ войсками въ войнѣ противъ Франціи и прочія обѣщанія—все это окажется пустыми словами. Въ глазахъ императора и Гранвелы младшее поколѣніе имперскихъ князей стало уже пользоваться гораздо болѣе благоклонностью, чѣмъ свидѣтели минувшихъ великихъ дней реформации, которые все таки никакъ не могли избавиться вовсе отъ своихъ сомнѣній совѣсти. Весьма замѣчательно, съ какимъ рвеніемъ принялся теперь Гранвела хлопотать о привлеченіи на свою сторону герцога саксонскаго Морица, который однако запрашивалъ все еще слишкомъ высокую цѣну. Евангелики на нюрнбергскомъ сеймѣ 1543 года во всякомъ случаѣ твердо, хотя и тщетно настаивали на своемъ требованіи, чтобы дополнительное поясненіе къ регенсбургскимъ постановленіямъ (стр. 238) было помѣщено въ постановленіи сейма, а когда провести этого не удалось, они отказали въ помощи противъ турокъ. Но принятіе Юлиха въ Шмалькальденскій союзъ не состоялось; когда шмалькальденцы пригласили на союзный съѣздъ также и герцога Морица, маркграфа Альбрехта и нюрнбержцевъ, они получили въ отвѣтъ одни только отказы. На города, принадлежавшіе къ союзу, не осталось безъ вліянія крайне враждебное отношеніе къ нимъ князей на регенсбургскомъ сеймѣ; противоположность этихъ двухъ элементовъ довольно рѣзко обозначилась при обсужденіи брауншвейгской войны. Одинъ венеціанскій наблюдатель полагалъ, что въ этомъ заключается такого рода слабость протестантской Германіи, что, по его мнѣнію, императору стоило только выказать настойчивость, чтобы добиться исполненія своей воли. И даже нѣкоторые шмалькальденцы не могли подавить въ себѣ предчувствіе упадка; «хорошо еще, что противники наши не знаютъ, какая у насъ рознь и путаница, вся наша хранина прогнила насквозь», съ полнымъ правомъ высказали какъ-то франкфуртцы. А Іоганнъ Фридрихъ старался по примѣру своего доктора Мартина утѣшать себя надеждой, что исполненіе пророчества Даніила очевидно близко, и Богъ конечно сохранитъ Свое слово непостижимымъ для разума образомъ до скончанія міра.

Словно парализованные поджидали нѣмецкіе протестанты приближавшагося императора, а ему на самомъ дѣлѣ лучше этого и желать не оставалось. Генрихъ VIII, который опять давно уже расторгъ бракъ съ своей неизящной клеветкой супругой, заключилъ съ нимъ въ февралѣ 1543 года новый тайный союзъ противъ «турецкаго союзника—Франциска», при чемъ Карлъ V выговорилъ себѣ впередъ въ качествѣ награды за побѣды на войнѣ, которая должна вестись сообща, Бургундію и Пикардію, а Генрихъ Нормандію, Гієнъ и корону Франціи. Замѣчательно было то, что обѣ договаривающіяся стороны обязались не позволять печатать

англійскихъ книгъ въ Германіи и нѣмецкихъ въ Англіи. И Карлъ V явился въ Германію истымъ поборникомъ католической вѣры, несмотря на свои натянутыя отношенія къ Павлу III, который пытался выступить въ качествѣ безпристрастнаго посредника и при свиданіи съ Карломъ въ Буссето предложилъ императору предоставить Миланъ роду Фарнезе за приличную сумму денегъ. То же самое, что приходило въ голову и ландграфу Филиппу, совѣтовалъ тогда императору испанскій посланникъ въ Венеціи: «величайшимъ благодареніемъ для всего міра было бы, если бы возвратить папство въ его первобытное состояніе». У Карла V въ минуту возбужденія вырвалось, положимъ, однажды, что, видно, всѣмъ суждено отурчиться, онъ сдѣлаетъ это все таки послѣднимъ. Пока что, когда Вильгельмъ баварскій заговорилъ объ угнетенномъ положеніи Венгріи, Карлъ V нашелъ, что объ этомъ должны позаботиться нѣмцы, а ему приходится бороться съ другими турками. Попытки нѣмецкихъ князей къ посредничеству не имѣли никакого успѣха у герцога юлихскаго, который полагался на свое побѣдоносное оружіе, на свои крѣпости и на помощь Франціи. Лѣтомъ 1543 года императоръ вступилъ на германскую землю во главѣ восьми тысячъ испанцевъ и итальянцевъ; вскорѣ его боевыя силы возросли до сорока тысячъ человѣкъ. Спокойнаго и недоступнаго государя прежнихъ временъ едва узнать можно было, когда онъ въ своемъ роскошномъ вооруженіи дѣлалъ смотръ своей арміи, самъ командовалъ, дѣлалъ указанія на нѣмецкомъ языкѣ. «Все было императорское», сообщаетъ Буццеръ, «рѣчи и поступки, взглядъ и осанка, даже самая щедрость». Такъ и слышится тяжкій вздохъ его, когда онъ думаетъ: «Многое могъ бы сдѣлать императоръ, если бы онъ захотѣлъ быть нѣмецкимъ императоромъ и рабомъ Христовымъ». Южная Франція, а въ особенности Тунисъ и Алжиръ сдѣлали этого государя испытаннымъ воителемъ, который поправился теперь послѣ десятаго припадка подагры и выступилъ въ походъ. Буццеръ нашелъ, что императоръ въ то время сильно измѣнился и въ отношеніи къ религіознымъ вопросамъ, сдѣлался насквозь испанцемъ, тогда какъ года два передъ тѣмъ его старанія о примиреніи почти совсѣмъ растрогали Буццера. Три раза ежедневно Карлъ V выстаивалъ мессу, безконечно долго онъ молился по четкамъ, преклонивъ колѣна; короче сказать, по мнѣнію Буццера, онъ всей душой отдавался исполненію «суевѣрныхъ мелочей, которыя болѣе приличны старымъ бабамъ». Сопоставьте съ этимъ полководцемъ, преисполненнымъ католическаго благочестія, клеветскаго военачальника ваянъ Россема, который предписываетъ своимъ ландскнехтамъ, разодѣтымъ въ бареты съ перьями и въ камзолы съ яркими вставками, проповѣдывать голландцамъ евангелическую вѣру. При вступленіи императорскаго войска лютеранскіе проповѣдники, само собой разумѣется, и на глаза не показывались. Съ небольшимъ

въ двѣ недѣли походъ собственно былъ оконченъ; Дюрень, наиболее сильная изъ крѣпостей герцога, послѣ непродолжительнаго обстрѣливанія подверглась всѣмъ ужасамъ взятія приступомъ испанцами. Вильгельмъ 6-го сентября въ Венло бросился въ ноги побѣдителя; онъ уступилъ Гельдернъ и Цютфенъ, нарушилъ свои обязательства передъ Франціей и Даніей и обѣщалъ отмѣнить опять всѣ церковныя новшества въ своей странѣ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этихъ событій было то, что реформація въ Кѣльнѣ нѣсколько пріостановилась. Но самымъ важнымъ результатомъ этой войны надо конечно признать вмѣстѣ съ Варрентрапомъ то, что для императора выяснилась слабость и политическая неспособность нѣмецкихъ еретиковъ. «Наблюденіе того, что происходило здѣсь», говорится въ воспоминаніяхъ Карла, «открыло глаза императору и настолько просвѣтило его умъ, что ему не только не казалось уже невозможнымъ силою укротить подобное высокомеріе, но даже казалось очень легкимъ, если предпринять это при подходящихъ обстоятельствахъ и съ соотвѣтственными средствами».

Однако создать эти подходящія обстоятельства нельзя еще было такъ скоро, какъ этого хотѣлось императору, и какъ этого опасались его противники. Весною 1543 года Буццеръ считалъ гибель Германіи и паденіе Европы неизбѣжнымъ и предстоящимъ въ скоромъ времени. Одинъ голосъ съ католической стороны точно такъ же полагаетъ, что при теперешнемъ страхѣ и растерянности нѣмецкихъ протестантовъ императоръ могъ бы возстановить порядокъ, даже и не обнажая меча, но католики такъ же не единодушны, и императоръ, «скованный частыми недомоганіями въ проявленіи своей воли», окруженъ предателями. Карлъ, осенній походъ котораго противъ французовъ ограничился стояніемъ передъ укрѣпленнымъ Ландреси, никакъ еще не могъ въ дѣйствительности обойтись безъ нѣмецкихъ протестантовъ, несмотря на англійскую помощь и на договоръ свой съ Христіаномъ III, королемъ датскимъ. Напротивъ, мы видимъ, что какъ разъ вскорѣ послѣ того онъ дѣлаетъ въ этомъ направленіи уступки, которыя только и можно объяснить тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду при первомъ удобномъ случаѣ взять ихъ обратно. Между тѣмъ какъ Карлъ V дошелъ почти до открытаго разрыва съ несомнѣнно благосклоннымъ къ французамъ папою, онъ обезпечилъ себѣ подкрѣпленія со стороны схизматической Англіи и помощь нѣмецкихъ еретиковъ противъ естественной защитницы своей—Франціи. Какъ отлегло отъ сердца у протестантовъ, когда вмѣсто пугавшей ихъ религіозной войны министры императора заговорили съ ними напротивъ самымъ дружелюбнымъ тономъ и не безъ елейныхъ вставокъ изъ писанія стали завѣрять, что государь ихъ уладитъ религіозный споръ, либо ли это будетъ папѣ, или нелюбо.

На засѣданіяхъ сейма въ Шпейерѣ (въ февралѣ 1544 года), на которыхъ князья явились въ большомъ числѣ, какого не бывало съ давнихъ поръ, присутствовали и курфюрстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій. Іоганнъ Фридрихъ несъ передъ императоромъ мечъ, былъ почтенъ продолжительнымъ разговоромъ наединѣ, получилъ даже надежду на обрученіе старшаго сына своего съ одной изъ дочерей римскаго короля. Ландграфъ отправлялся въ Шпейеръ пожалуй что съ тяжестью на душѣ, потому что незадолго передъ тѣмъ ему передали слова императора, что въ теченіе года онъ разсчитываетъ подчинить себѣ Гессенъ и его союзниковъ. Карлъ старался выказать ему свою благосклонность, но, когда съ сожалѣніемъ заявилъ, что онъ не можетъ воспользоваться услугами ландграфа въ настоящей войнѣ съ Франціей, и въ видѣ утѣшенія указалъ ему на войну съ турками, это достаточно ясно показало, какъ надо понимать въ сущности обѣщаніе столь долго страстно ожидаемаго Филиппомъ и не полученнаго еще въ 1542 году званія главнокомандующаго императорскихъ войскъ. Несмотря на то, что ландграфъ, по мнѣнію Буццера, понималъ, что лучше, онъ все таки пошелъ по дурной дорогѣ. Военные и финансовые результаты сейма были, правда, весьма ничтожны, но слѣдуетъ все таки отмѣтить какъ успѣхъ императорской политики то, что ни одинъ изъ имперскихъ чиновъ не дерзнулъ—по крайней мѣрѣ открыто—стать на сторону Франціи. Пособія со стороны имперіи были даны и противъ турокъ и противъ французовъ, потому что Карлъ все таки обѣщался по окончаніи войны съ Франціей выступить въ походъ противъ турокъ, но съ такой однако оговоркой, что походъ этотъ долженъ служить во славу Божію и въ пользу имперіи и вообще зависеть отъ возможности для императора предпринять его. Сверхъ того протестанты запросили большую цѣну; въ заключительномъ постановленіи сейма при закрытіи его въ іюнѣ 1544 года «католическая точка зрѣнія почти что оставлена вовсе», по выраженію Янсена. При неувѣренности, состоится ли вселенскій соборъ, императоръ обѣщалъ еще до ближайшаго сейма составить предложеніе христіанской реформаціи и затѣмъ на основаніи его, а равно и на основаніи предложеній, которыя составятъ имперскіе чины, установить порядокъ въ религіозныхъ дѣлахъ имперіи впредь до собора. Помимо пріостановки ошалы и процессовъ противъ протестантовъ, а также исполненія постановленій аугсбургскаго сейма, впредь не должно уже принимать во вниманіе различіе въ религіи при назначеніи судей въ камеральный судъ. Духовныя имѣнія предоставлены были попрежнему протестантамъ; договоры послѣднихъ по поводу ихъ были признаны. «Миръ довольно сносный для религіи», полагалъ Буццеръ, «но одинъ только Іисусъ Христосъ можетъ сохранить его». Ибо императоръ, какъ

это обстоятельно доказывает Друффель, въ душѣ разумѣется не одобрялъ пріема, который онъ въ своихъ собственныхъ глазахъ могъ оправдать лишь своимъ крайне стѣсненнымъ положеніемъ.

Походъ противъ Франціи, начатый еще до закрытія сейма въ Шпейерѣ, оказался далеко не блестящимъ, какъ ни великолѣпно говорилось въ договорѣ между императоромъ и Англіей объ единовременномъ движеніи на Парижъ. Съ самаго начала не было вовсе, какъ и прежде, во времена Вольсея, такъ и на этотъ разъ, искренняго довѣрія между союзными державами. Тщетно пытался Генрихъ VIII отговорить Карла отъ личнаго участія въ походѣ и выяснить самому себѣ планъ нападенія императора. Генрихъ VIII ограничился тѣмъ, что осадилъ и взялъ Булонь, и въ то же время немедленно поспѣшилъ завести переговоры о мирѣ. А между тѣмъ войска императора подъ начальствомъ Гонзаги безуспѣшно стояли въ верховьяхъ Марны передъ небольшимъ, но хорошо укрѣпленнымъ Сэнъ-Дизье; медленно подвигался впередъ слѣдомъ за ними ихъ верховный военачальникъ; при вступленіи Карла V въ Мецъ впереди его ѣхали два полковника конницы, князя евангелическаго вѣроисповѣданія, Морицъ, герцогъ саксонскій, и маркграфъ Альбрехтъ. При дворѣ императора рассказывали, будто король Францискъ совсѣмъ уже не знаетъ покоя и только и думаетъ о плѣнѣ, о потерѣ короны и о смерти. Но, какъ ни опаснымъ казалось положеніе Франціи, прежняя тактика защиты безъ битвы въ открытомъ полѣ выручила и на этотъ разъ. Ибо на движеніе императора по направленію къ Парижу слѣдуетъ, на основаніи мнѣнія одного итальянскаго современника, смотрѣть просто какъ на демонстрацію; незнакомыя съ дисциплиной орды Карла служили уже, казалось, только развѣ для охраны все болѣе и болѣе возраставшаго обоза, и потому армія покинула долину Марны близъ замка Шато-Тьерри и свернула на сѣверъ. Суасонъ сдался и, несмотря на обѣщаніе императора, былъ совершенно разграбленъ нѣмцами. А немного дней спустя (17 сентября 1544 года) послѣдовало уже заключеніе мира при Крепи, постановленія котораго какъ съ той, такъ и съ другой стороны для людей непосвященныхъ казались въ высшей степени изумительными; съ императорской стороны говорили, что подобныя условія могъ бы поставить Францискъ I, если бы онъ настолько же приблизился къ Мадриду, насколько Карлъ V къ Парижу. Прибѣгли къ давнишней мысли уладить дѣло, породнившись домами: герцогъ Орлеанскій, второй сынъ короля, долженъ былъ или въ качествѣ супруга дочери императора получить въ приданое Нидерланды, или Миланъ вмѣстѣ съ рукою одной изъ дочерей Фердинанда, а Францискъ I со своей стороны обѣщаль отдать Пьемонтъ и отказаться отъ своихъ притязаній въ Италіи и Нидерландахъ. Важнѣе обѣщанія французскихъ вспомогательныхъ

войскъ противъ Турціи былъ уговоръ относительно религіознаго вопроса; насколько можно судить, онъ заключался въ тайномъ договорѣ такого рода, что оба государя, съ согласія папы или обходя его, созываютъ вселенскій соборъ и постановленія послѣдняго обязуются провести путемъ насилія; Францискъ I отказался также отъ вступленія въ новые союзы, въ особенности съ протестантами. Такимъ образомъ снова сильнѣе выступаетъ на первый планъ не только возможность религіозной войны, но и вопросъ о соборѣ и объ отношеніяхъ между папою и императоромъ. Въ полной всякихъ превратностей исторія этихъ годовъ нѣтъ, пожалуй, ничего замѣчательнѣе тѣхъ своеобразныхъ сплетеній, которыя передъ самой Шмалькальденской войной и тотчасъ послѣ нея едва не привели объ главы католическаго христіанства къ возобновленію открытой войны, которая происходила въ двадцатыхъ годахъ.

Мы можемъ здѣсь лишь бѣгло коснуться того явленія, какъ подъ вліяніемъ нѣмецкой реформаціи начала крѣпнуть и становиться глубже религіозная жизнь и въ Италіи, какъ мысль о реформѣ пустила корни въ самой куріи со времени Климента VII. Въ 1540 году Мороне, одинъ изъ даровитѣйшихъ римскихъ дипломатовъ, бывшій въ то время епископомъ, набрасываетъ мрачную картину будущности папства: какъ легко Германія и Англія могутъ довершить начатое дѣло, соединиться вмѣстѣ, увлечь за собою Польшу, Венгрію, Францію, быть можетъ, даже самихъ братьевъ Габсбурговъ, а затѣмъ это поможетъ новой вѣрѣ одержать побѣду и въ Испаніи и въ значительной части Италіи. Но, даже и помимо опасности со стороны ереси, папа, по его мнѣнію, долженъ снова созвать въ концѣ концовъ «настоящій соборъ», чтобы устранить безчисленные злоупотребленія и «возстановить подвергшуюся искаженіямъ религію». Онъ могъ бы въ то время привести въ примѣръ главный городъ своей епархіи какъ постоянное мѣстопробываніе евангелической общины, съ которою въ 1541 году переписывался Лютеръ. Вѣдь Мороне самъ былъ глубоко проникнутъ религіознымъ возбужденіемъ своего времени и пережилъ на себѣ перемѣнчивыя судьбы его, какъ воодушевленіе лучшей поры, такъ и отрезвленіе и смертельную тоску тяжелыхъ годовъ.

Реформація въ Италіи процвѣтала и, повидимому, распространялась одно время въ образованныхъ кружкахъ, но она существенно отличается отъ церковнаго переворота въ Германіи тѣмъ, что ей не доставало мощнаго отзвука въ самомъ народѣ. По моему, едва ли главное препятствіе для нея слѣдуетъ видѣть только въ томъ, что высшее общество, аристократія ума отнеслась къ ней недостаточно воспріимчиво; вѣдь реформаціонное движеніе главнымъ образомъ и происходило въ этихъ аристо-

ломъ III (стр. 164). Но уже при Львѣ X, почти одновременно съ первымъ выступленіемъ Лютера и безо всякаго побужденія сверху составилось въ Римѣ братство божественной любви (*oratorio del divino amore*), въ которомъ встрѣчались друзья реформы весьма различнаго рода; даже гуманистическая поэзія снова начала все болѣе избирать себѣ предметы съ христіанскимъ содержаніемъ, и такой чуткій наблюдатель, какъ Геттнеръ, указалъ на связь между этой начинающейся реставраціей католичества и повышеніемъ искренняго религіознаго чувства въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Рафаэля и въ раннихъ произведеніяхъ Тиціана. Вліянія этого римскаго общества ораторіанцевъ можно прямо непосредственно прослѣдить въ сѣверной Италіи; тамъ легко было привлечь такихъ людей, какъ доступнаго для всего благороднаго венеціанца Контарини, да и среди епископовъ были такіе блестящіе представители реформы, какъ Джиберти въ Веронѣ и Мороне въ Моденѣ. Главнѣйшей связью между образованными и учеными приверженцами реформы служило исключительно ученіе объ оправданіи вѣрою, которое болѣе или менѣе приближается къ воззрѣнію Лютера; не удивительно, что при случаѣ ссылались и на Савонаролу, хотя его ученіе о благодати все-таки существенно расходилось съ новымъ евангелическимъ ученіемъ. То тутъ, то тамъ разъясненія подобныхъ основныхъ вопросовъ религіи проникали уже и въ болѣе глубокіе слои общества, потому что вѣдь недостатка въ рьяныхъ противникахъ не было; Мороне, который, даже сдѣлавшись кардиналомъ, остался однимъ изъ самыхъ воодушевленныхъ сторонниковъ реформы, говоритъ какъ-то: «Повсюду говорили тогда о догматахъ церкви, и всякій изображалъ изъ себя теолога».

Однако на большинство народа совсѣмъ иначе подѣйствовало движеніе, возникшее одновременно съ только что указаннымъ и благодаря нѣкоторымъ личностямъ тѣсно связанное съ нимъ; но оно пошло по пути испанской церкви и, по выраженію Мауренбрехера, содѣйствовало возникновенію «возрожденія средневѣковаго представленія о церкви». Еще въ началѣ столѣтія два, три венеціанскихъ дворянина, поступившихъ въ монастырь, служили мишенью для издѣвательствъ своихъ товарищей по сословію; такую склонность къ «подлому и грязному образу жизни» только и могли объяснить себѣ меланхоліею, недостаткомъ гуманности, благочестія и государственнаго сознанія или же оскорбленнымъ честолюбіемъ, или даже желаніемъ лѣнтяйничать на чужой счетъ. Лѣтъ двадцать спустя Италія кишѣла новыми орденами и невиданными монашескими одѣяніями. Наступила монашеская реформація, какія не разъ переживали средніе вѣка; первыми выступили (1522) камальдунцы, изъ среды францисканцевъ выдѣлились наиболѣе строгіе элементы подъ названіемъ капуциновъ (1526), и въ орденѣ театинцевъ, основанномъ Гаэтано

Цвингли — подъ другимъ псевдонимомъ. Французскія вліянія создали второе прибіжище евангеличеству при феррарскомъ дворѣ, гдѣ герцогиня Рената, дочь Людовика XII, соединяла блескъ культуры Возрожденія съ искреннею набожностью и не только дала пріютъ своему земляку Кальвину, но сдѣлала его даже своимъ другомъ и наставникомъ. И въ довершеніе всего, по мнѣнію Бенрата, извѣстное религіозное движеніе въ Неаполѣ, связываемое съ именами благороднаго испанца Хуана Вальдеса (стр. 35), флорентинца Вермильи и мощнаго проповѣдника, капуцина Бернардино Оккино изъ Сьены, было вполне протестантскимъ. Изъ этого кружка вышла знаменитая книга Бенедетто ди Мантова «О благодѣяніи Іисуса Христа распятаго», напечатанная въ Венеціи въ 1542 году; въ ней общепонятно излагается ученіе о благодати согласно съ посланіями апостола Павла, но безъ ясно выраженной полемики противъ Рима; ее распространяли и даже раздавали даромъ даже и кардиналы, склонные къ реформѣ. Въ качествѣ ученицы Вальдеса и Оккино, Юлія Гонзага, самая прекрасная женщина Италіи, вела нѣчто въ родѣ евангелической монастырской жизни; даже неаполитанскіе дворяне засвидѣтельствовали впослѣдствіи на эшафотѣ и въ изгнаніи глубокое вліяніе этого короткаго періода расцвѣта, который суждено было пережить реформациі въ Италіи. Какая своеобразная способность къ развитію была ей присуща, это ясно также и изъ того, что наклонность въ раціонализму и скепсису, которая искони не покидала этой «старой страны сомнѣній», завела такихъ людей какъ Оккино и оба Соццини далеко за предѣлы господствующаго догматизма; въ теологическомъ развитіи даровитаго и проницательнаго экс-капуцина, по мнѣнію Бенрата, «процессъ, который медленно въ теченіе вѣковъ совершился въ протестантскомъ умозрѣніи, оказывается предобразованнымъ и въ нѣкоторыхъ вопросахъ уже пошедшимъ далѣе». Подобно несчастному испанцу Серведе, и эти итальянскіе антитринитаріи оказываются въ нѣкоторомъ смыслѣ предшественниками свободныхъ мыслителей, которые выступаютъ въ слѣдующемъ вѣкѣ.

Но могущественнѣе всѣхъ выше упомянутыхъ теченій была и осталась въ Италіи все-таки мысль о католической, долженствующей совершиться внутри самой церкви, реформациі, и послѣ долгаго сопротивленія само церковное правительство наконецъ взяло ее въ свои руки, чтобы воспользоваться для своихъ цѣлей, при чемъ, конечно, утратилась значительная часть ея первоначальной силы или даже обращена была какъ разъ въ обратное тому, чего первоначально желали. Мы знаемъ уже папу Адріана, сторонника реформы, и единомышленниковъ его (т. I, стр. 423), коренное преобразование священной коллегіи кардиналовъ, совершенное Пав-

кратическихъ слояхъ, да въ эту пору уже миновало и торжество скептицизма эпохи Возрожденія въ Италіи, когда надъ вымирающимъ гуманизмомъ поднимался новый интересъ къ религіознымъ и церковнымъ вопросамъ. Но для побѣды религіознаго движенія нужно или сочувствіе государственной власти, или участіе первобытной силы народныхъ массъ, а у реформаціи въ Италіи не было ни того, ни другого. Почему не воспользовались имъ правительства, едва ли нужно выяснять, но народа, который въ порывѣ святого или несвятого чувства негодованія разрушилъ бы господство іерархіи, такого народа именно и не имѣлось тамъ; вѣка политической борьбы такъ сказать стерли демократическіе элементы Италіи, а преимущественно излюбленная тамъ современная форма государства въ видѣ тиранніи часто оставляла въ подданныхъ только отупѣлость, или же стремленіе къ составленію заговоровъ. Произвести мирное, не революціонное преобразованіе церкви на родинѣ папства было прямо таки невозможно, а для революціи не хватало предварительныхъ условій. Въ эпоху реформаціи въ религіозной жизни Италіи можно различить три различныя теченія, если мы оставимъ въ сторонѣ застой неисправимаго куріализма. Прежде всего далеко еще не вымеръ платонизмъ эпохи Возрожденія; слѣдовательно, никогда не лишне нарочито указать въ особенности на то, что изъ этихъ сѣмянъ не безъ плодотворнаго послѣдующаго вліянія богато одареннаго воображеніемъ нѣмца, Николая Кузанскаго (т. I, стр. 214), выросла новая философія. Если въ церковныхъ кругахъ съ ужасомъ говорили о существованіи атеистовъ и эпикурейцевъ, то въ этомъ заключалась лишь настолько крупинка истины, что матеріалистическій оттѣнокъ прямо свойственъ былъ этимъ полу-поэтическимъ произведеніямъ итальянскаго умозрѣнія и въ особенности рѣзко выступаетъ, напр., у Джордано Бруно, почитателя Лукреція. Должно было пройти еще немало времени для того, чтобы свободные мыслители оказались дѣйствительной опасностью для церкви; въ XVI вѣкѣ вниманіе естественно сосредоточивалось гораздо болѣе на тѣхъ подобіяхъ и непосредственныхъ отпрыскахъ нѣмецкой реформаціи, которые уже рано стали замѣчаться именно въ венеціанской области. Вѣдь еще около 1512 года Пьетро Спеціали въ Читтаделла изложилъ уже основныя черты ученія объ оправданіи, которое, хотя оно и прошло незамѣченнымъ, предваряло умственную работу Лютера; тридцать лѣтъ спустя онъ попалъ въ руки инквизиціи, какъ разъ въ то время, когда онъ только что закончилъ свой трудъ и посвятилъ его императору. Рядомъ съ этимъ въ Венеціи печатались уже въ началѣ двадцатыхъ годовъ сочиненія Лютера и Меланхтона въ итальянскомъ переводѣ; книжку Лютера «О свободѣ христіанина» сбывали подъ именемъ кардинала Фрегозо, произведенія

изъ Тіены (1524), для итальянскаго дворянства явилась желанная возможность вести жизнь по уставамъ давшаго обѣтъ клирика, но безъ полной монашеской связанности. Положить такъ сказать замыкающій камень въ эти итальянскія зданія заново возбуждившагося церковнаго духа суждено было однако испанцу; еще въ 1534 году Лойола основалъ на Монмартрѣ «воинство іезуитовъ», но папское утвержденіе оно получило только въ 1540 году. Какъ Иннокентій III подозрительно посматривалъ на новые ордена нищенствующихъ, такъ же отнесся и Павелъ III къ страннымъ подвижникамъ, которыхъ представилъ ему бывшій офицеръ императора; за благополучный исходъ этого времени испытанія въ Римѣ Игнатій Лойола посулилъ ни болѣе, ни менѣе три тысячи мессъ. Въ 1540 году явился въ Германію первый іезуитъ, первый послѣдователь Лойолы, савояръ Петръ Фаберъ; три года спустя нидерландецъ Петръ Канизій, котораго завлекъ въ орденъ Фаберъ, основался съ восемью товарищами въ Кёльнѣ.

Мы видѣли, насколько близко сошлись въ Регенсбургѣ представители нѣмецкой реформаціи и итальянскіе сторонники реформы. Неудача этихъ попытокъ къ соглашенію оказала въ высшей степени важное воздѣйствіе на Италію. Можно пожалуй даже сказать, что до сихъ поръ первое мѣсто среди сторонниковъ реформы въ коллегіи кардиналовъ занималъ кроткій, чистосердечный, далеко не безупречный въ ученіи о благодати венеціанецъ Контарини, человѣкъ истинно благородный. Подъ его предсѣдательствомъ собиралась коммиссія реформы, которая въ концѣ 1536 или въ началѣ 1537 года вручила папѣ свое «Мнѣніе объ исправленіи церкви». Въ этомъ сочиненіи прежде всего порицалось неумѣренное усиленіе папской власти, которое служитъ главнымъ источникомъ всѣхъ золъ, а его критика плохого церковнаго хозяйничанья часто прямо-таки напоминаетъ «Жалобы нѣмецкой націи», между тѣмъ какъ, съ другой стороны, оно защищаетъ духовную цензуру и возстаетъ противъ господствовавшаго въ Италіи въ тогдашнее время «безбожія» философовъ. Вѣдь Контарини былъ также однимъ изъ самыхъ горячихъ заступниковъ за молодое общество іезуитовъ. Невдолгъ послѣ своего возвращенія съ регенсбургскаго собесѣдованія, теченіе котораго естественно давало его противникамъ въ Римѣ поводъ къ обвиненіямъ и заподозриваніямъ, кардиналъ умеръ; не удивительно, что стали говорить объ отравленіи. Въ годъ его смерти (1542) римская инквизиція была возстановлена по испанскому образцу. Во главѣ сторонниковъ церковной реформы въ духѣ обновленнаго монашества сталъ фанатичный неаполитанецъ Іоаннъ Петръ Караффа. Онъ родился въ 1476 году, незапятнанно пережилъ времена Александра VI и Юлія II, соединялъ въ себѣ и теологическое и гуманистическое образованіе; по уму и характеру

онъ значительно возвышался надъ среднимъ уровнемъ, въ немъ пылали страсти юга, и вотъ наконецъ этотъ итальянскій Хименецъ увидѣлъ, что настало его время. Вся Италія преклонилась передъ новымъ трибуналомъ по дѣламъ вѣры, но казни начались только съ 1550 года, послѣ восшествія Караффы на папскій престолъ, когда уже цѣлый рядъ евангелическихъ вожаковъ, Оккино, Вермильи, епископъ Верджеріо (стр. 164), искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Первый итальянскій Index librorum prohibitorum явился въ 1549 году какъ разъ въ Венеціи, служившей до тѣхъ поръ пристанищемъ произведеній сторонниковъ реформы. Само собою разумѣется нанесенъ былъ смертельный ударъ и тѣмъ наклонностямъ къ платонизму и свободомыслію, которыя проистекали изъ изученія и уваженія классической древности; какая рѣзкая противоположность съ тѣми десятилѣтіями, когда для римскаго кавалера считалось почти обязательнымъ выставять на показъ нѣкоторый налетъ еретичества! О внутреннемъ поворотѣ вспять именно у нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ умовъ замѣчательнѣе всего свидѣтельствуется раскаяніе въ своихъ прошлыхъ заблужденіяхъ такихъ людей, какъ Микель Анджело и Витторія Колонна. Ибо въ ихъ глазахъ,—и это вовсе не изъ жалкаго страха передъ инквизиціей, а только изъ ужаса передъ возможностью опасности для единства церкви—теперь казались заблужденіями стремленія тѣхъ сторонниковъ реформы, въ которыхъ величайшій художникъ и благороднѣйшая женщина Италіи принимали самое живое участіе. Вдова Пескары, прославляемая какъ вторая Сафо и новая святая Елисавета, передъ тѣмъ надѣялась еще привѣтствовать своего друга Контарини въ санѣ папы-реформатора; а теперь она выдала духовенству письма Оккино, писанныя ей какъ близкому другу, потому что онъ покинулъ ковчегъ спасенія, и она мечтала только о томъ, какъ бы поменьше читать и побольше вѣровать. А Микель Анджело, прежній титанъ, жилъ, по выраженію Геттнера, съ этихъ поръ «только библіей, Данте и Савонаролой», и его все болѣе и болѣе омрачавшійся духъ искалъ опоры въ самомъ строгомъ соблюденіи церковныхъ обрядовъ. Въ 1541 году онъ закончилъ свой наводящій ужасъ «Страшный Судъ», это прославленіе неумолимаго правосудія; уже начали появляться признаки того періода итальянской живописи, въ который, по выраженію Гёте, только и видишь передъ собою «анатомію, мѣста казней и живодерства» и изображенія «либо изверговъ, либо изступленныхъ».

Въ первые годы этой реставраціи католичества собрался наконецъ давно желанный вселенскій соборъ. Булла, которою онъ назначался на 14 марта 1545 г. въ Тріентъ, помѣчена тѣмъ же числомъ, что и мирный договоръ при Крепи; папа упредилъ, значитъ, все-таки угро-

жавшій починъ свѣтскихъ властей. Выборъ Триента, на который Карлъ V указалъ еще въ 1524 году (т. I, стр. 455), долженъ былъ удовлетворить нѣмцевъ, потому что Триентъ принадлежалъ имперіи, въ то же время по своему положенію и по своему совершенно итальянскому характеру онъ и папѣ казался гораздо менѣе подозрительнымъ, чѣмъ какой-либо дѣйствительно нѣмецкій городъ. Но, какъ ни своевременно явились на мѣсто собранія папскіе легаты, открытіе собора заставило себя ждать еще долго, и вина въ этомъ падала какъ разъ на того, кто до сихъ поръ неустаннѣ всѣхъ требовалъ собора. Франкфуртскимъ соглашеніямъ императора съ протестантами этотъ шагъ папы сталъ поперекъ дороги, поэтому онъ имѣлъ во всякомъ случаѣ право отнестись въ высшей степени недовѣрчиво къ Фарнезе и оттянуть на первое время опасность собора, всецѣло находившагося въ зависимости отъ папы. Павелъ III и его родня въ теченіе послѣдней войны настолько успѣшно подвинули впередъ свое сближеніе съ Франціей, что составилъ уже планъ женитьбы герцога Орлеанскаго на одной изъ внучекъ папы; папа заявилъ кардиналамъ, что съ этихъ поръ онъ намѣренъ явиться судіею, послѣ того какъ князья,—при этомъ подразумѣвался одинъ только императоръ,—не пожелали слушать голосъ пастыря своего. Послѣ неожиданнаго заключенія мира онъ окончательно потерялъ самообладаніе, отправилъ ненавистному императору бреве, помѣченное 24-мъ августа, въ которомъ самымъ рѣзкимъ тономъ осуждались извѣстныя уступки протестантамъ на шпейерскомъ сеймѣ, въ видѣ предостерегающаго примѣра императору приводились предшественники его во враждѣ съ церковью отъ Нерона до Фридриха II, и въ заключеніе содержалась угроза о примѣненіи болѣе строгихъ мѣръ, т. е. отлученія. Карлъ V не удостоилъ этотъ непонятный поступокъ куріи письменнаго отвѣта; зато пришлось присутствовать при замѣчательномъ зрѣлищѣ, когда въ защиту исконнаго врага реформации принялись писать оба вождя ея, Лютеръ и Кальвинъ. Кальвинъ восхвалялъ императора за его кротость и за то, что на него можно положиться, между тѣмъ какъ Лютеръ, по порученію самого курфюрста, по выраженію Брикка, вырубилъ топоромъ дровосѣка, что императоръ, «по божественной благодати обладаетъ при этомъ высшимъ разумомъ, чѣмъ другіе люди». Предложеніе его клонилось къ тому, что слѣдуетъ отобрать у папы Церковную область, и ему вмѣстѣ съ кардиналами «вырвать языкъ сзади сквозь шею, а затѣмъ предоставить имъ держать совѣтъ на висѣлицѣ или въ аду у всѣхъ чертей». Не эти грубости и не опроверженіе положенія, будто бы папы передали императорскую власть нѣмцамъ, обезпечиваютъ особенный интересъ къ этому послѣднему изліянью вражды Лютера къ Риму, а то поразительное явленіе, что бреве, которое должно было

соблюдаться въ тайнѣ, могло вообще попасть въ руки протестантовъ, и возможно, какъ это указываетъ Друффель, что, пожалуй, самъ Гранвела былъ виновникомъ этой нескромности, а посредственно также и произведенія Лютера. Но это напоминаніе Павла III о несчастномъ концѣ враждебныхъ церкви императоровъ не только побудило Лютера выяснить происхожденіе германской имперіи, но вызвало также и появленіе книжки о «папской вѣрности», какъ она была проявлена относительно Фридриха Барбароссы, равно какъ и пресловутыя каррикатуры Луки Кранаха, въ числѣ которыхъ одна изображаетъ, какъ папа поднялъ палу свою противъ лежащаго ницъ императора, а другая, какъ Конрадинъ слагаетъ голову на плахѣ. Между прочимъ, эти гравюры на деревѣ, которыя Лютеръ снабдилъ подписями, представляютъ одно изъ самыхъ сильныхъ и неутѣшительныхъ свидѣтельствъ о все болѣе и болѣе впадающей въ пошлость грубости того времени. И далеко еще не самое дурное въ этихъ ужасныхъ шуткахъ, когда на одной картинкѣ мы видимъ, какъ двое крестьянъ дѣлаютъ папѣ и его молніеносной угрозѣ отлученіемъ совершенно невозможный для описанія жестъ, къ которому Лютеръ даетъ такое объясненіе:

«Нѣтъ, папа, не страшай насъ твоимъ отлученіемъ и не строй такой сердитой рожи, иначе мы дадимъ тебѣ отпоръ и покажемъ тебѣ чудную картину (Belvedere)!»

Карлъ V въ то время старался подъ изысканною двусмысленностью скрыть свои истинныя намѣренія и отъ папы, и отъ протестантовъ, чтобы «держать обѣ стороны въ своихъ рукахъ». Прежде всего ему приходилось вилать между соборомъ и войною, пока наступитъ минута, когда можно будетъ нанести ударъ совсѣмъ безъ помѣхи и по возможности неожиданно. Онъ еще не рѣшился, какъ говоритъ Друффель, «выступить прямо представителемъ воззрѣнія, что протестанты не имѣютъ никакого права на существованіе». Попытка Карла и его совѣтниковъ окончательно разъединить другъ отъ друга князей Шмалькальденскаго союза и верхне-нѣмецкіе города, воспользовавшись ихъ различіемъ во мнѣніяхъ о брауншвейгскомъ дѣлѣ, не удалась. Зато ландграфъ исцѣлился отъ своего пагубнаго легковѣрія съ осени 1544 года; извѣстія о тайномъ договорѣ между императоромъ и Франціей, которыя онъ вскорѣ послѣ этого получилъ, могли только поощрить его продолжать идти по пути соглашенія съ Англіей, Даніей и Баваріей. Экъ высказался одному гессенскому посланнику, что онъ не станетъ спокойно выжидать того времени, когда лютеране будутъ подавлены, и пусть лучше всѣ католики обратятся въ лютеранство, чѣмъ императоръ одержитъ верхъ. Съ удовольствіемъ принялъ ландграфъ мнѣніе Бунцера, въ которомъ тотъ совѣ-

товалъ ему отказаться въ случаѣ, если ему предложатъ званіе главнокомандующаго въ войнѣ съ турками. Вѣдь уже весною 1545 года поговаривали о заключеніи перемирія между императоромъ и Портою, которое дѣйствительно и состоялось осенью этого года. Къ тому же изъ Нидерландовъ приходили вѣсти о томъ, что тамъ принимаются все болѣе и болѣе строгія мѣры противъ еретиковъ; проповѣдникъ королевы Маріи только бѣгствомъ спасся отъ костра и сообщилъ въ Германіи, что императоръ даже не желаетъ читать библію, такъ какъ-де это разрѣшается только теологамъ. «Такимъ-то вотъ воспитаніемъ и заслужилъ, конечно, у антихриста свое папство Адріанъ!» восклицаетъ Буццеръ. Съ другой стороны великій соблазнъ вызвало извѣстіе, что Карлъ V почтилъ почти больше сестры своей герцогиню д'Этанпъ (стр. 165 сл.), «эту явную прелюбодѣйку и развратницу», тѣмъ, что она вступила въ Брюссель въ однихъ носилкахъ съ королевой Элеонорой. Лучезарное сіяніе, въ которомъ являлась до сихъ поръ протестантамъ личность испанскаго государя, начало мало-по-малу меркнуть. При этомъ въѣздѣ въ Брюссель шпалерами стоявшіе монахи нищенствующихъ орденовъ составляли, надо полагать, странный контрастъ съ галантными привѣтствіями, которыя выражались со стороны французскихъ дамъ въ формѣ поцѣлуя и объятія. Впрочемъ, Карлъ въ продолженіе зимы послѣ похода испытывалъ такіе тяжелые припадки подагры, что былъ вынужденъ предоставить своему брату открытіе сейма въ Вормсѣ, и самъ прибылъ на него только въ маѣ 1545 года. Довольно замѣчательно, что уже въ самомъ предложеніи предусмотрѣнъ былъ случай, что тридентинскій соборъ или вовсе не будетъ продолжаться, или же осуществить реформу не въ надлежащемъ видѣ; въ такомъ случаѣ религіозный вопросъ долженъ быть упорядоченъ на одномъ изъ будущихъ сеймовъ. Понятно негодованіе нунція въ Вормсѣ и легатовъ въ Триентѣ на то, что императоръ опять ухватился за мысль объ этомъ національномъ соборѣ, который довольно часто уже выставляли какъ нѣчто преступное. Конечно, это откладываніе всего вопроса до слѣдующаго сейма показывало, что въ Вормсѣ нечего ждать рѣшенія, да и императоръ не сдѣлалъ никакого употребленія изъ представленныхъ ему проектовъ реформаціи. Интереснѣе всего во всякомъ случаѣ такъ называемая виттенбергская реформація; хотя въ ней, по мнѣнію Брюкка, «и слѣда нѣтъ шумливаго духа доктора Мартина», но и Лютеръ также подписался подъ ней, и въ январѣ 1545 года она вручена была курфюрсту. Въ ней особенно подчеркивается желаніе соединить евангеличество съ епископальной системой, потому-де что князья черезчуръ обременены свѣтскими дѣлами, такъ что не въ состояніи удовлетворительнымъ образомъ руководить церковнымъ управленіемъ. Епископы естественно только подъ условіемъ пере-

хода въ евангелическую вѣру должны были сохранить за собою и часть своей духовной юрисдикціи. При существовавшихъ тогда у многихъ духовныхъ имперскихъ князей возжелѣніяхъ къ реформациі это предложеніе виттенбержцевъ можетъ быть и получило бы нѣкоторое значеніе въ качествѣ переходной ступени къ полной секуляризациі, но только въ томъ случаѣ, если бы или императоръ отказался отъ своей религіозной точки зрѣнія, или же имперія снова на нѣкоторое время была предоставлена самой себѣ. Ибо не могло быть и рѣчи, что Францъ, епископъ мюнстерскій, и Эразмъ страсбургскій проявятъ твердую рѣшимость архіепископа кѣльнскаго; то же надо сказать и о преемникѣ скончавшагося въ сентябрѣ 1545 г. кардинала майнцакаго, Себастьянѣ Гейзенштаммѣ, который достигъ поддержки ландграфа при выборахъ общаніемъ ввести реформацію. Напротивъ, это самое кѣльнское дѣло и содѣйствовало впослѣдствіи развитію въ Карлѣ V рѣшимости на религіозную войну, а между тѣмъ уже весною 1545 года буря одно время грозила разразиться, однако, пока еще миновала.

Именно на вормсскомъ сеймѣ императоръ дѣйствительно обстоятельно обсуждалъ вопросъ о нападеніи на нѣмецкихъ протестантовъ вмѣстѣ съ кардиналомъ Фарнезе, который отъ имени своего дѣда предлагалъ сто тысячъ дукатовъ на войну съ турками и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи Пармы и Пьяченцы для дома Фарнезе. Съ папской стороны никакихъ затрудненій не представлялось; Павелъ III тотчасъ же посулилъ выдать изъ собственныхъ средствъ двѣсти тысячъ кронъ и содержать двѣнадцать тысячъ солдатъ въ теченіе полугода, а сверхъ того разрѣшилъ взять пятьсотъ тысячъ кронъ въ счетъ испанской церкви. Испанцы открыто говорили въ Вормсѣ о предстоящемъ истребленіи лютеранъ; одинъ монахъ дерзнулъ даже говорить на эту тему съ церковной кафедры. Однако осмотрительность императора оправдала догадку, высказанную кардиналомъ Фарнезе, что императоръ ведетъ двойную игру, запугиваетъ протестантовъ папской помощью и вмѣстѣ съ тѣмъ оттягиваетъ соборъ, чтобы дополучить невыплаченную еще долю имперскаго взноса. Съ другой стороны, по выраженію Друффеля, императоръ «намѣревался припугнуть папу разомъ и соборомъ и совѣщаніями о религіи въ коллегіи и въ сеймѣ, и такимъ образомъ держать его въ постоянномъ послушаніи своей волѣ». Поэтому религіозная война была тотчасъ же отсрочена, а соображенія объ интересахъ дома Фарнезе заставили Павла III, наперекоръ всѣмъ представленіямъ легата, согласно желанію императора не предпринимать пока никакихъ дальнѣйшихъ шаговъ въ дѣлахъ собора, хотя въ постановленіи вормскаго сейма ни однимъ словомъ не было упомянуто ни о папѣ, ни о соборѣ, а прежнее постановленіе о религіозномъ мирѣ было снова

подтверждено, и окончательное рѣшеніе спора между обѣими сторонами отлагалось до сейма и до религіознаго собесѣдованія въ Регенсбургѣ. Рѣшительныхъ побужденій къ такой противорѣчивой политикѣ мы не въ состояніи ясно распознать; нѣтъ ничего страннаго въ мысли, что извѣстная робость Карла V передъ невозвратными рѣшеніями и его всегда бодрствующая, осматривающаяся во всѣ стороны подозрительность пожалуй заставили его еще разъ сохранить за собой возможность мирнаго разрѣшенія вопроса. Ибо при тогдашнемъ положеніи Европы едва ли можно было себѣ представить болѣе благопріятную пору для быстрого нападенія: Франція и Англія все еще заняты войной, съ востока не грозитъ непосредственно опасность, папа на сторонѣ императора, Шмалькальденскій союзъ сильно расшатанъ. И вовсе нельзя было также думать, будто нѣмецкіе католики преклонятся передъ рѣшеніями собесѣдованія, назначеннаго по приказу императора, и отнесутся спокойно къ устраненію папы и собора отъ рѣшенія религіозныхъ вопросовъ. Протестанты же не оставляли никакого сомнѣнія, что они со своей стороны никакъ не могутъ смотрѣть на тридентинскій соборъ какъ на вполне свободный и христіанскій. Лютеръ почти классически выразилъ это точку зрѣнія: «Эти три слова: свободный, христіанскій, нѣмецкій, для папы и римскаго двора истинный ядъ, смерть, діаволъ и адъ. Папа не можетъ терпѣть ихъ, не можетъ ни видѣть, ни слышать ихъ».

Хотя мы и не имѣемъ никакого права говорить вмѣстѣ съ Ранке о томъ, что протестанты вовсе не предугадывали намѣреній императора, но точно такъ же мы не можемъ скрывать отъ себя сознанія, что всѣ ихъ старанія упредить его въ области европейской политики были напередъ уже безнадежны и, по выраженію Баумгартена, только выставляли на видъ прямо таки «подавляющій перевѣсъ» на сторонѣ императора. Они могли еще указать на кратковременные успѣхи то тутъ, то тамъ въ границахъ имперіи. Когда Генрихъ, герцогъ брауншвейгскій, явившійся на шпейерскій сеймъ къ великой досадѣ шмалькальденцевъ, попытался снова вернуть себѣ свои владѣнія при помощи французскихъ денегъ, съ нимъ легко было справиться шмалькальденцамъ при ихъ превосходствѣ въ силахъ, и онъ вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ былъ отведенъ въ плѣнъ въ Гессенъ (въ октябрѣ 1545 года). Весьма несправедливо утверждали, что папа и императоръ помогали герцогу; секвестръ его владѣній, о которомъ условились въ Шпейерѣ, точно такъ же, положимъ, не состоялся. Какъ въ брауншвейгскомъ дѣлѣ, такъ же смотрѣлъ сквозь пальцы императоръ, когда епископство Мерзебургъ перешло въ руки Августа, герцога саксонскаго, Альбертинской линіи, и получило (въ августѣ 1545 г.) въ лицѣ Георга ангальтскаго коадьютора и «евангелическаго епископа». И самъ

пфальцграфъ Фридрихъ, въ 1544 году наслѣдовавшій курфюршество послѣ своего брата Людвигъ, обратился, по примѣру Оттгейнриха нейбургскаго, въ новую вѣру, не изъ религіознаго убѣжденія, а главнымъ образомъ для того, чтобы заинтересовать шмалькальденцевъ въ своихъ притязаніяхъ на Данію (стр. 228). Странно выступаетъ вѣчно ненасытное честолюбіе этого безпокойнаго князя при жалкомъ состояніи его финансовъ, которое вынуждало его въ послѣдніе годы передъ полученіемъ курфюршества проживать на счетъ тѣхъ дворовъ, которые онъ обѣзжалъ, отчасти жить на ежегодное содержаніе, получаемое отъ императора, въ одномъ маленькомъ замкѣ въ Верхнемъ Пфальцѣ. Что касается личности курфюрета, то можно считать не особенно прочнымъ приращеніемъ, но во всякомъ случаѣ нѣкоторымъ усиѣхомъ для евангелическаго дѣла, когда въ Гейдельбергѣ въ январѣ 1546 года Фридрихъ II принялъ причастіе подѣ обоими видами. Если бы только Шмалькальденскій союзъ лучше былъ организованъ, а не приближался напротивъ къ распаденію! Положимъ, на долго тянувшемся сѣздѣ членовъ союза во Франкфуртѣ (отъ декабря 1545 до февраля 1546 г.) рѣшено было не только добиваться приглашенія архіепископа кельнскаго на соборъ и выступить въ пользу его черезъ посланниковъ передъ императоромъ и въ Кельнѣ, но даже въ случаѣ нападенія на него быть готовыми помочь ему. Но неопредѣленность изложенія лишила значенія какъ разъ эту самую важную часть относившихся къ Кельну рѣшеній. вмѣстѣ съ этимъ по вопросу о возобновленіи союза не пришли ни къ какому окончательному рѣшенію, а проектъ улучшенія строя союза не затрогивалъ прямо таки важнѣйшихъ недостатковъ, какъ, напр., двойственности главнаго командованія. Англійскій посланникъ сильно заблуждался, когда не могъ достаточно нахвалиться какъ разъ въ это время единодушіемъ шмалькальденцевъ и прочностью союза. Буццеръ вѣрно указалъ больное мѣсто, заявивши, что спасеніе націи прямо зависитъ отъ кельнскаго дѣла, что дѣйствительной защиты архіепископа можно достигъ только учрежденіемъ одного главнокомандующаго, «диктатора». И ландграфъ Филиппъ,—естественно онъ-то и былъ тѣмъ главнокомандующимъ, котораго имѣлъ въ виду Буццеръ,—осенью 1545 года держался того взгляда, что безусловно необходимо обезпечить выгоды наступательнаго положенія, пока еще не заключено перемиріе съ турками, что слѣдуетъ «скорѣе вооружиться и не терять выгоды перваго удара». Своимъ быстрымъ и дальновиднымъ взглядомъ онъ уже опять присматривался, нельзя ли вступить въ союзъ съ своими старыми друзьями—швейцарцами, а затѣмъ и съ Голландіей, гдѣ «великое тиранство» и особенно религіозное преслѣдованіе въ случаѣ большой войны на нижнемъ Рейнѣ могли также снискать союзниковъ протестантамъ. Но Шмалькальденскій союзъ въ томъ

видѣ, какъ онъ сложился, дѣлалъ невозможною всякую отважную политику. Понятно, что въ концѣ концовъ и самъ ландграфъ «потерялъ всякую охоту и разстроился», а при жалкой скарденности большинства членовъ союза, въ особенности городовъ, онъ вынужденъ былъ присматриваться, нельзя ли вступить въ болѣе надежный и болѣе способный къ дѣятельности союзъ. Насколько недовѣрчиво все еще продолжали относиться къ нему въ курфюршествѣ саксонскомъ, свидѣтельствуется возникновеніе послѣдняго произведенія Лютера, которое было написано имъ по порученію курфюрста. Въ немъ онъ настоятельно отговариваетъ освободить взятаго въ плѣнъ герцога брауншвейгскаго; оно предназначалось, какъ это выяснено Друффелемъ, для того, чтобы произвести воздѣйствіе не на кого другого, а именно на ландграфа. Съ другой стороны, ландграфъ считалъ, напр., большой глупостью посылать посольство къ императору въ пользу архіепископа кѣльнскаго, потому что оно можетъ только вызвать озлобленіе, и, «если мы не станемъ внушительно настаивать, то это послужитъ причиною гибели всѣхъ насъ».

Но въ особенности ясно выказывается слабость Шмалькальденскаго союза въ томъ, что самый даровитый изъ молодыхъ протестантскихъ князей опасался связать съ судьбою своихъ единовѣрцевъ свою будущность, которая носилась передъ нимъ хотя и въ неопредѣленныхъ чертахъ, но во всякомъ случаѣ сулила величіе. Указанные выше послѣдніе успѣхи шмалькальденцевъ были уже болѣе чѣмъ уравновѣшены давно, положимъ, грозившимъ отпаденіемъ Морица, герцога саксонскаго. Самостоятельнымъ человѣкомъ былъ издавна этотъ молодой альбертинецъ, въ которомъ сочеталась истинно демоническая страсть съ самымъ холоднымъ расчетомъ, подобно тому, какъ мы это не разъ встрѣчаемъ въ герояхъ средневѣковой Германіи. Сынъ незначительнаго отца, дурно воспитанный сначала при дворѣ роскошнаго кардинала майнцакаго, затѣмъ своего двоюроднаго брата Іоганна Фридриха, совершенно необразованный Морицъ, сдѣлавшись двадцатиодного года правителемъ (1541), возбудилъ съ самаго начала недовѣріе къ себѣ въ своихъ евангелическихъ сотоварищахъ по сану тѣмъ, что отдѣлился отъ Шмалькальденскаго союза и окружилъ себя совѣтниками своего дяди Георга. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поддерживалъ однако близкія отношенія также и съ тестемъ своимъ, ландграфомъ; одинъ только онъ сталъ на сторону ландграфа въ его затруднительномъ положеніи, когда разгласился его двойной бракъ. Мы уже видѣли, какъ это самое сближеніе и привело его впервые къ сношеніямъ съ императорскимъ дворомъ (стр. 243); когда во время войны съ турками въ 1542 году онъ едва не сдѣлался жертвой своей безумной отваги лихого наѣздника, онъ заслужилъ громкое имя не только въ Германіи, но и въ глазахъ Карла V. Молодой князь рассчитывалъ уже,

что онъ можетъ продать императору свои услуги за хорошую цѣну, за епископства Мейсенъ и Мерзебургъ вмѣстѣ съ правомъ патроната надъ Магдебургомъ и Гальберштадтомъ. Хотя онъ получилъ на это отказъ, тѣмъ не менѣе онъ принималъ въ чинѣ императорскаго полковника участіе въ походѣ 1543—1544 гг.; но онъ сумѣлъ такъ устроить, что двинулся противъ Клевѣ только послѣ окончанія войны. Противоположность интересовъ съ курфюрстомъ саксонскимъ, уже и раньше существовавшая у альбертинца, естественно только обострилась до крайности влѣдствіе такой двуличной политики (сравн. стр. 246). Искренно идти рука объ руку обоимъ двоюроднымъ братьямъ нельзя было прежде всего потому, что оба они имѣли виды на Магдебургъ и Гальберштадтъ; сверхъ того, какъ предполагаетъ Фойгтсъ, Морицъ «можетъ быть уже сквозь дымку предвидѣлъ въ будущемъ обладаніе курфюршерской шляпой и землями своего кузена». При такомъ положеніи дѣла никакъ нельзя было надѣяться, что курфюрстъ дастъ свое согласіе на замѣчательное предложеніе, которое Морицъ сдѣлалъ обоимъ вождямъ Шмалькальденскаго союза въ мартѣ 1545 года. Честолюбивый молодой государь совѣтуетъ устроить ни болѣе, ни менѣе евангелическій тріумвиратъ вмѣсто непригоднаго союза; это, по его мнѣнію, лучше всего обуздало бы противниковъ евангеличества, а съ императоромъ и его братомъ можно было бы уговориться на такихъ условіяхъ, что они за сильную помощь противъ турокъ должны предоставить евангеликамъ духовныя имѣнія, преимущественно епископства. Бундцеръ былъ въ высшей степени обрадованъ этими видами на будущее протестантскаго дѣла, «если эта звѣзда будетъ и впредь горѣть такъ же ярко, какъ я вполнѣ надѣюсь, судя по тому блеску, который я уже видѣлъ». Впрочемъ самъ ландграфъ совѣтовалъ своему зятю открыто присоединиться къ Шмалькальденскому союзу какъ самый лучшій и самый простой путь; въ концѣ концовъ свиданія обоихъ саксонскихъ кузеновъ повели, правда, къ «великому, непомѣрному пьянству», которое привело Морица на край могилы и дало поводъ къ многочисленнымъ сплетнямъ, но не къ политическому соглашенію. Морицъ помогалъ еще при низверженіи герцога брауншвейгскаго, но роль посредника, которую онъ исполнялъ при этомъ, была довольно таки подозрительна. Вскорѣ послѣ этого онъ высказалъ своему тестю по поводу регенсбургскаго религіознаго собесѣдованія такія предложенія къ соединенію, въ которыхъ не только довольно ясно вся вина въ неудачѣ дѣлавшихся до сихъ поръ попытокъ къ соглашенію сваливалась на протестантскихъ теологовъ, но и высказывалось желаніе предоставить на слѣдующемъ собесѣдованіи прямо лично императору право окончательнаго рѣшенія. Это было какъ бы предвѣстіемъ его роковаго договора съ Карломъ V. Положимъ, религіозные вопросы стояли совсѣмъ на второмъ планѣ

у Морица какъ вслѣдствіе его весьма слабой религіозной потребности, такъ и подъ вліяніемъ совѣтниковъ его, людей одинаковаго съ нимъ склада и въ высшей степени по эразмовски настроенныхъ; для него не было ничего противнѣе внушеній духовныхъ лицъ, что государи должны подчиняться въ своихъ дѣйствіяхъ теологическимъ соображеніямъ, а мірскіе интересы ставить на второй планъ. На него произвело мало впечатлѣнія, когда ландграфъ, пришедшій въ полный ужасъ отъ такого низменнаго взгляда на священнѣйшіе предметы, заявилъ, что онъ со своей стороны счелъ бы настоящими негодяями тѣхъ теологовъ, которые хотъ на йоту отступятся отъ священнаго писанія въ угоду князьямъ. Морицъ былъ политическій счетчикъ, который цѣнилъ религію главнымъ образомъ по ея пригодности или непригодности въ нужную пору для своихъ соображеній и замысловъ. При началѣ великаго движенія онъ весьма возможно придавалъ бы больше значенія этому дѣятелю. Впрочемъ, онъ такъ же мало расположенъ былъ отдаться безъ оглядки императору, или въ самомъ дѣлѣ продать свое евангелическое вѣроисповѣданіе и вернуться въ прежнее рабство католической церкви. Этого князя, обладавшаго высокимъ ростомъ, благородными чертами лица, великолѣпнымъ челою и блестящими глазами, уже самая наружность выдѣляла среди большинства толстоголовыхъ его товарищей по сословію, и такой избытокъ силъ былъ у него, что онъ могъ быть однимъ изъ первыхъ въ ихъ безпудрномъ образѣ жизни, могъ напиваться до переполненія желудка, ухаживать за женщинами по тогдашнему грубому способу и при такомъ образѣ жизни сохранять ясный умъ и желѣзную волю природнаго властелина. Лютеръ, и безъ того уже въ качествѣ истаго уроженца курфюршества Саксоніи неблаговолившій «къ мейсенцамъ и къ лицемѣрамъ» (Meissner и Gleissner), понялъ совершенно вѣрно глубокую пропасть, которая разверзлась между Виттенбергомъ и Дрезденомъ; по своему обыкновенію онъ увидѣлъ за спиной молодого герцога и еще того болѣе за спинами его безбожныхъ совѣтниковъ воплощеннаго діавола. Замѣчательно, съ какимъ презрительнымъ спокойствіемъ встрѣтилъ Морицъ вспышки гнѣва стараго реформатора: это-де ужъ такой обычай у Лютера, «нечего и придавать этому большое значеніе».

Чувство своей ненужности, можетъ быть, закрадывалось иной разъ въ душу великаго человѣка, когда онъ съ надорванными душевными и тѣлесными силами, «отжившій свой вѣкъ старецъ», какъ называетъ его одинъ разъ его курфюрстъ, замѣчалъ, что на немъ все еще лежитъ множество разнообразныхъ задачъ, но не находилъ уже въ себѣ прежней силы и бодрости. Изумительно, какъ долго выдерживало тѣло Лютера это бремя труда, къ которому присоединялись еще мучительная каменная болѣзнь и разные другіе недуги. Кто же рѣшится поставить ему въ вину, что въ по-

слѣдніе годы преобладающимъ было у него мрачное и недовольное настроеніе, хотя и не безъ проблесковъ его безсмертнаго юмора, что у него не прибавилось надежды и смѣлости, что мелочныя отношенія въ Виттенбергѣ, въ этомъ «Содомѣ», все болѣе и болѣе возбуждали въ немъ чувство отвращенія? Меланхтонъ не одинъ разъ трепеталъ передъ своимъ грознымъ другомъ, когда ему казалось, что онъ навлекъ на себя гнѣвъ его; одинъ разъ дворъ постарался предупредить опасность форменнаго разрыва тѣмъ, что «между господами теологами раздѣлили оленя и нѣкоторую часть изъ него отдѣлили и Филиппу» въ видѣ успокоительнаго знака милости къ нему курфюрста. Характерно, что при частыхъ припадкахъ глубокаго дурного настроенія учителя даже самые близкіе изъ окружавшихъ его предполагали теперь прежде всего причину «въ недовольствѣ чѣмъ-нибудь ученіемъ». Ибо Лютеръ рѣзче, чѣмъ когда-либо, выражался о «цвингліанахъ и всѣхъ кощунствующихъ надъ таинствомъ евхаристіи»; Меланхтонъ, которому онъ будто бы наказывалъ особенно принять къ сердцу будущее улаженіе спора объ евхаристіи, напротивъ, вовсе не дерзалъ уже откровенно обсуждать съ нимъ такіе опасные вопросы. Это было, конечно, вѣрное предчувствіе грядущихъ временъ, когда Лютеръ однажды выразился, что его собственные приверженцы вынуждаютъ его своей необузданностью хлопотать передъ курфюрстомъ объ учрежденіи «поповской тюрьмы». Онъ видѣлъ, что чистотѣ вновь возстановленнаго евангельскаго ученія со всѣхъ сторонъ грозятъ опасности; «разумъ, эта невѣста сатаны, красивая развратница, вмѣшиваясь сюда и хочетъ мудрствовать», воскликнулъ онъ въ своей послѣдней виттенбергской проповѣди, «и все, что говоритъ разумъ, ему самому кажется, что это отъ Духа Святаго». Столь же неутѣшительнымъ представлялось ему и положеніе свѣтскихъ дѣлъ. Онъ; разумѣется, ясно понималъ, что и для управленія нуженъ Лютеръ, здоровый герой и чудотворецъ, который былъ бы въ состояніи благодаря своей свѣжей природной силѣ восторжествовать надъ жалкой мудростью книжниковъ. Что императоръ не годится въ эти чудотворцы, онъ мало-по-малу узналъ даже слишкомъ хорошо. «Германія — прекрасный статный конь, и корму и всего прочаго у него довольно; не хватаетъ ему только наѣздника», жалуется онъ. Все снова и снова онъ возвращается къ своей безотрадной надеждѣ, что сначала турокъ побѣдоносно пройдетъ по всей Германіи, и затѣмъ, наконецъ, день міропреставленія положить конецъ всѣмъ скорбямъ и смятеніямъ.

Еще въ 1541 году онъ сочинилъ свою «дѣтскую пѣснь» для молодого поколѣнія, которая еще долго потомъ звучала какъ символъ и утѣшеніе угнетеннаго протестантства: «Соблюди насъ, Господи, въ словѣ Твоемъ и сохрани насъ отъ гибели отъ рукъ папы и турокъ, которые гото-

вѣлся низвергнуть съ престола сына Твоего, Іисуса Христа». Въ полной силѣ сохранилъ онъ свою ненависть къ римскому антихристу до послѣднихъ дней своихъ, когда онъ отправился на родину свою въ Эйслебенъ улаживать одинъ прискорбный споръ между графами Мансфельдами, даже до послѣднихъ часовъ своихъ, пока въ ночь съ 17-го на 18-ое февраля 1546 г. давно желанная смерть не избавила усталаго реформатора отъ всѣхъ дальнѣйшихъ трудовъ и всего грядущаго бѣдствія. Еще передъ самой смертью своею онъ молился небесному Отцу, «котораго оскорбляютъ, преслѣдуютъ, кощунственно порочатъ папа и всѣ безбожники». Такъ скончался великій освободитель, все еще со словами борьбы на устахъ и со смиренной дѣтской надеждой на своего Спасителя. И Меланхтонъ съ полнымъ правомъ могъ съ похвалою сказать надъ прахомъ дорогого покойника въ дворцовой церкви Виттенберга, что Лютеръ одною рукою строилъ, а изъ другой не выпускалъ меча. И онъ отдалъ своему почившему другу только достодолжную честь, засвидѣтельствовавши, что этотъ рѣшительный врачъ своего глубоко больного времени при всей своей горячности обладалъ все-таки добрымъ и чистымъ сердцемъ. Именно благодаря этому соединенію неукротимой мощи съ душевной кротостью, которое онъ сохранилъ даже и среди заблужденій и огорченій своей старости, образъ Лютера навсегда останется симпатичнымъ для нѣмцевъ и вынуждаетъ нѣкоторое открытое или затаенное благорасположеніе въ себѣ даже у самихъ противниковъ по вѣроисповѣданію. Мелкіе умы будутъ, разумѣется, выискивать только мелкія и безобразныя черты въ этомъ самомъ могучемъ богатырѣ нѣмецкаго народа, но онѣ вѣдь присущи каждому, даже самому благородному изъ земнородныхъ. Историческое величіе Мартина Лютера, разрушившаго единовластіе римско-католической церкви на западѣ, ни мало не пострадаетъ отъ этого; оно выше всякой хулы, какъ выше оно и всякихъ прикрасъ.

Какъ на знаменіе грядущаго міропреставленія Лютеръ послѣднее время свое смотрѣлъ на переговоры съ Портою, въ которые императоръ вступилъ еще весною 1545 года. Карлъ V и Францискъ I сообща отправили пословъ въ Константинополь, и перемиріе, заключенное въ Адрианополѣ въ ноябрѣ 1545 года, устранило на ближайшее, по крайней мѣрѣ, время главное препятствіе къ религіозной войнѣ. Мы знаемъ, что Францискъ I въ то время усердно носился съ мыслью выдать свою дочь Маргариту за только что овдовѣвшаго инфанта Филиппа. Въ довершеніе всего, все еще продолжавшаяся война между Франціей и Англіей (она окончилась только въ маѣ 1546 года) оказывалась весьма выгодной для императора тѣмъ именно, что она лишила протестантовъ всякой надежды на помощь со стороны этихъ державъ. Въ лицѣ своей

сестры, королевы Элеоноры, Карлъ имѣлъ самую вѣрную союзницу при французскомъ дворѣ, которая, по выраженію Баумгартена, «исполняла для него обязанности шпіона въ самомъ сердцѣ непріятельской позиціи». Въ то время какъ и Франція и Англія ухаживали за этимъ весьма двусмысленнымъ посредникомъ между ними, старанія шмалькальденцевъ о мирѣ и союзѣ не находили себѣ искренняго отвѣта ни во Франціи, ни въ Англіи. Слейданъ, сдѣлавшійся впоследствии знаменитымъ въ качествѣ историка Шмалькальденскаго союза, показался одному англійскому государственному человѣку, который велъ съ нимъ переговоры, «настоящимъ бараномъ» въ политическихъ дѣлахъ. Какой толкъ былъ во всѣхъ этихъ праздныхъ мечтаніяхъ нѣмецкихъ протестантовъ, когда и сами вожди ихъ расходились во мнѣніяхъ о средствахъ и цѣляхъ своей политики, противъ могущественныхъ средствъ и искусной политики императора? Въ то время онъ держалъ въ неизвѣстности положительно всѣхъ ихъ, какъ Франциска I и Генриха VIII, такъ и шмалькальденцевъ и папу, который, по выраженію кардинала Червино, «попалъ рукою въ клешни крупнаго рака».

Можно было напередъ угадать, что посольство протестантовъ по дѣламъ архіепископа кѣльнскаго, которое явилось къ нему въ Мастрихтъ, не будетъ имѣть успѣха (стр. 266); при дворѣ императора воспользовались этимъ случаемъ, чтобы опровергнуть начавшіе уже ходить вездѣ слухи о религіозной войнѣ. Еще передъ своимъ отправленіемъ на регенбургскій сеймъ Карлъ V велѣлъ распустиť слухъ, что онъ задумываетъ новый походъ противъ Алжира. Безъ войска, съ самой мирной внѣшностью, отправился онъ въ Германію, хотя, по его собственному признанію, онъ понималъ вполне ясно опасность, которой онъ подвергалъ себя. Рѣшеніе начать войну твердо установилось въ немъ наконецъ; противъ предостерегающихъ голосовъ Гранвелы и другихъ Педро де Сото, духовникъ императора, «духовный отецъ войны съ протестантами», съ удовольствіемъ обстоятельно ему выяснилъ: внутреннюю разрозненность Шмалькальденскаго союза, незначительную силу князей и неустойчивость городовъ, состоящихъ членами союза, отсутствіе единства въ начальствованіи и дѣйствительно значительнаго вождя; одинъ только ландграфъ «пѣтушится», да и тотъ никогда еще не совершилъ ничего дѣйствительно великаго. Карлъ построилъ еще нарочно въ Шпейерѣ встрѣчу на дорогѣ съ ландграфомъ, но не достигъ своей цѣли, появленія на сеймѣ въ Регенбургѣ курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго. Трижды отклонилъ Филиппъ императорское приглашеніе; объ участіи протестантовъ въ соборѣ онъ и слышать не хотѣлъ. Онъ такъ и остался на заключительномъ постановленіи шпейерскаго сейма и при заявленіи: пусть императоръ не поставитъ въ

вину евангелическимъ имперскимъ чинамъ, если вѣчное они ставятъ выше временнаго и во всемъ прежде всего обращаютъ вниманіе на то, угодно ли это Богу. Императору и Гранвелѣ слѣдуетъ прилежно читать евангеліе, высказалъ ландграфъ въ разговорѣ съ Гранвелой. Не оставалось никакого сомнѣнія, что ландграфъ недоступенъ уже императорскимъ воздѣйствіямъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ совсѣмъ исцѣлился отъ своихъ прежнихъ иллюзій, а недавнія угрозы противъ Кёльна усугубили его подозрительность. Неужели Карлъ V въ самомъ дѣлѣ намѣревался арестовать въ Регенсбургѣ обоихъ вождей шмалькальденцевъ? Самъ онъ утверждалъ въ послѣдствіи, что, наоборотъ, курфюрстъ пфальцскій и ландграфъ гессенскій составили планъ привезти его насильно съ Рейна въ Триентъ.

Еще до прибытія Карла V въ Регенсбургъ тамошнее собесѣдованіе разстроилось вслѣдствіе отозванія участвовавшихъ въ немъ теологовъ изъ курфюршества саксонскаго; собесѣдованіе это, происходившее главнымъ образомъ между испанскимъ доминиканцемъ Мальвендою и Буццеромъ, тянулось безнадежно съ января. Непосредственно вслѣдъ за этимъ въ Нейбургѣ по наущенію родного брата палъ подъ ударами тайнаго убійцы Хуанъ Діацъ, молодой испанецъ евангелическаго вѣроисповѣданія; братъ его, фанатичный приверженецъ курии, еще много лѣтъ спустя хвастался этимъ гнуснымъ поступкомъ. Это было важное знаменіе времени; достаточно и даже болѣе чѣмъ достаточно испытали, что всѣми этими попытками уладить дѣло мирнымъ путемъ ничего не добьешься, что придется таки этимъ непримиримымъ противорѣчіямъ когда-нибудь помѣряться силами въ открытомъ бою. Такъ на малолюдномъ регенсбургскомъ сеймѣ католики требовали рѣшенія религіознаго вопроса тридентинскимъ соборомъ, тогда какъ протестанты цѣплялись за шпейерское постановленіе и за прежнее предложеніе національнаго собора. Эти регенсбургскіе переговоры между теологами и между имперскими чинами оставляютъ почти такое впечатлѣніе, какъ будто они должны были только занять время и отвлечь вниманіе, пока тамъ, какъ бы за сценой, будетъ готово все для кроваваго рѣшительнаго дѣла наступающей великой драмы. Ибо, хотя въ окружающихъ императора все еще жила мысль о мирѣ, и въ особенности Гранвела отстаивалъ ее до послѣдней крайности, хотя самъ римскій король не желалъ войны, все-таки Карлъ V крайне осторожно, но упорно преслѣдовалъ свою цѣль. Между тѣмъ какъ онъ до самой послѣдней минуты оставлялъ въ неизвѣстности даже назначенныхъ уже полководцевъ и начальниковъ относительно времени и мѣста дѣйствія предстоящей войны, онъ заручился помощью папы, обезпечилъ себѣ нейтралитетъ Баваріи и, что было особенно важно для него, присоединеніе войскъ протестантскихъ князей. Совѣтъ его духовника: подавать то одному, то другому изъ еван-

гелическихъ князей надежды на земли его сосѣда, оказался вполне пригоднымъ. Рознь между протестантами, по расчету императора, не дозволить имъ оказать быстрого и дружнаго отпора, въ случаѣ, если ему удастся подъ другимъ предлогомъ вполне вооружиться и захватить ихъ врасплохъ; а затѣмъ надо было достичь успѣха только въ одномъ случаѣ, подвергнуть примѣрному наказанію одного, и всѣ остальные сдѣлаются послушными. Такъ онъ писалъ своему сыну уже 16-го февраля 1546 года, и въ этомъ письмѣ онъ съ полной откровенностью признается въ томъ, что онъ желалъ утаить отъ всего свѣта, именно, что онъ въ силу своего императорскаго сана намѣревается обнажить мечъ за дѣло Божіе, для сохраненія святой католической вѣры и на пользу христіанства. вмѣстѣ съ религіозной неурядицей можно было заодно положить конецъ и проявившимся до тѣхъ поръ въ имперіи непокорности и вѣчнымъ пропскамъ. Какъ мы видимъ, онъ считалъ, что настало время подавить разомъ въ нѣмцахъ всѣ религіозныя и политическія стремленія къ возмущенію и осуществить свое представленіе объ единой правовѣрной и самодержавной имперіи.

Послѣ того, какъ Карлъ лично уговорился съ своимъ братомъ, рѣшительные послѣдніе шаги послѣдовали быстро одинъ за другимъ. Прежде всего императоръ снисходительно отнесся къ откровенной беззащитности, съ которою папскіе легаты наперекоръ его желаніямъ добивались на тридентинскомъ соборѣ по возможности рѣзкаго и отталкивающаго для протестантовъ изложенія католическаго вѣроученія. Кардиналъ тріентскій покинулъ 9-го іюня Регенсбургъ, чтобы доставить въ Римъ подписанный императоромъ союзный договоръ, который папа и подписалъ 26-го числа. Павелъ III согласился дать въ помощь императору противъ «протестантовъ, шмалькальденцевъ и всякаго рода другихъ нѣмецкихъ еретиковъ», которыхъ должно возвратить въ старую истинную вѣру и въ послушаніе римскому престолу, двѣсти тысячъ дукатовъ и двѣнадцать тысячъ пятьсотъ человекъ, далѣе половину годового дохода испанской церкви и право продать столько помѣстій испанскихъ монастырей, пока не будетъ выручена сумма въ пятьсотъ тысячъ дукатовъ. Тѣмъ временемъ въ Регенсбургѣ оба Габсбурга заключили 7-го іюня договоръ съ Вильгельмомъ баварскимъ (Людвига уже не было въ живыхъ); представителю рода Виттельсбаховъ, сынъ котораго Альбрехтъ вскорѣ послѣ этого женился на старшей дочери римскаго короля, не удалось, положимъ, осуществить своего желанія принять участіе въ войнѣ въ качествѣ равноправнаго союзника, но онъ за согласіе свое помогать артиллеріей, деньгами, амуницией и т. д. получилъ надежду на званіе курфюрста въ пфальцской линіи, въ случаѣ если принадлежащія къ ней позволятъ себѣ оказать императору сопротивленіе силою. Карлъ и Фердинандъ только съ

опаской и оговорками согласились вступить въ союзъ съ прежнимъ противникомъ; Леонгардъ Эккъ получилъ отъ императора въ подарокъ двѣ тысячи кронъ. Карлъ V, полный радостной увѣренности, писалъ 9-го іюня сестрѣ своей Маріи, какъ онъ намѣренъ прежде всего напасть на курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго и въ качествѣ «личины и предлога для войны» воспользоваться главнымъ образомъ брауншвейгскимъ дѣломъ; онъ высказывалъ надежду, что нѣкоторые изъ протестантскихъ князей примкнутъ къ нему и подчинятся рѣшенію собора въ религіозномъ вопросѣ. Если нѣкогда Максимилианъ сумѣлъ привлечь подъ свои знамена младшее поколѣніе имперскихъ князей (т. I, стр. 66), то теперь многіе изъ сыновей князей реформаціоннаго времени, которыхъ не успѣло уже коснуться дуновеніе первоначальнаго воодушевленія, которые выросли въ десятилѣтія вѣроисповѣднаго раздора, жадно заглядывались на сулившую побѣду звѣзду императора, которой, повидимому, принадлежало будущее. Эти молодые государи насмотрѣлись къ тому же, какъ подъ знаменемъ евангелической вѣры удовлетворялись династическія и личныя вожделѣнія, пріобрѣтались земельныя и денежныя достоянія; неужели же теперь, когда колесо Фортуны начало поворачиваться, они должны опускаться внизъ вмѣстѣ съ партіей, идущей къ упадку? Не ветхозавѣтныхъ царей и героевъ, а князей и кондотьеровъ итальянскаго Возрожденія напоминаетъ намъ Морицъ Саксонскій, самый блестящій представитель религіозно охладѣвшаго и нравственно одичавшаго поколѣнія. Этотъ союзникъ былъ несомнѣнно самымъ лучшимъ пріобрѣтеніемъ императора; Іоганнъ Фридрихъ какъ разъ въ это время одержалъ верхъ надъ своимъ кузеномъ въ соперничествѣ изъ-за Магдебурга (стр. 246, 268), и этимъ окончательно толкнулъ представителя Альбертинской линіи въ непріятельскій лагерь. Чего Морицъ не достигъ у архіепископа магдебургскаго, именно, права патроната надъ его епархіей и надъ Гальберштадтомъ вмѣстѣ съ тѣмъ, все это обезпечивалъ за нимъ договоръ, который онъ заключилъ въ Регенсбургѣ съ Карломъ V и Фердинандомъ. Честолюбиваго князя обнадеживали, что онъ можетъ получить и званіе курфюрста и земли Іоганна Фридриха въ награду за участіе въ борьбѣ, но на первое время желали только его нейтралитета, а не открытаго участія, и, хотя онъ и пытался нарочито отстоять свою протестантскую точку зрѣнія въ религіозныхъ вопросахъ, все-таки онъ долженъ былъ дать письменное обѣщаніе: подчиниться рѣшеніямъ вселенскаго собора настолько, насколько это сдѣлаютъ остальные нѣмецкіе князья; императоръ на словахъ давалъ, положимъ, обѣщаніе, что въ случаѣ, если соборъ оставитъ нѣкоторыя статьи безъ изслѣдованія, Морицу не будетъ первое время никакой опасности изъ-за нихъ. Такимъ же образомъ ублаживалъ свою евангелическую

совѣсть и Гансъ, маркграфъ кюстринскій (стр. 184), чтобы въ чинѣ кавалерійскаго полковника поступить на службу главы имперіи; кромѣ него, изъ протестантскихъ князей поступили на службу императора еще племянникъ его, Эрхъ II брауншвейгскій, и сынъ честолюбиваго Казимира бранденбургскаго, маркграфъ Альбрехтъ. Поведеніе шмалькальденцевъ относительно Генриха брауншвейгскаго озлобило не только членовъ вельфскаго дома, а и Гогенцоллерновъ. И вмѣстѣ съ этимъ династическимъ расколомъ императорская политика не упускала выгоды, заключавшейся въ томъ, что дворянство безспорно относилось враждебно къ постоянно усиливавшемуся расширенію власти князей. Прежде всего ландграфъ считался рѣшительнымъ противникомъ этихъ маленькихъ державцевъ, которые легко поддавались приманкамъ императорскихъ агентовъ подъ вліяніемъ оскорбленнаго сословнаго чувства и матеріальныхъ интересовъ. «Въ этихъ кружкахъ не забыли, на что дерзнулъ Францъ ф. Зиккингенъ, и кто его низвергъ», замѣчаетъ Ленцъ. Отъ Франконіи до Гарца графы, господа и рыцари прислушивались къ словамъ посланцевъ Карла V, которые сулили имъ поддержку и сохраненіе ихъ вольностей. Въ нижней Германіи, какъ объ этомъ пишетъ ландграфъ, у многихъ помѣщиковъ есть избытокъ лошадей и людей; «они поѣдутъ за тѣмъ, кто первый дастъ имъ денегъ; впрочемъ, сбережъ своихъ лошадей они не умѣютъ». Прежніе наѣзники изгнаннаго Генриха брауншвейгскаго жадно рвались подъ знамена императора, чтобы еще разъ сразиться со своими прежними противниками.

Шмалькальденцы давно знали, что противъ нихъ идутъ приготовленія и вооруженія. Цѣлые мѣсяцы уже ландграфъ старался встряхнуть своихъ спавшихъ глубокимъ сномъ союзниковъ, въ особенности курфюрста саксонскаго; тщетно опровергалъ онъ недостойную отговорку, что Богъ все устроить, дѣльнымъ указаніемъ на то, что не должно искушать Бога. Еще 10-го іюня, когда императоръ какъ разъ изготавилъ уже патенты на чинъ полковниковъ нѣмецкихъ ландекнехтовъ, Іоганнъ Фридрихъ все еще не довѣрялъ гессенскимъ предсказаніямъ войны. Онъ и другіе неохотѣ до битвъ единовѣрцы его считали, что теперь можно вздохнуть свободно, потому что до нихъ дошелъ слухъ о заключеніи мира между Франціей и Англіей (6 іюня) и сильномъ нашествіи турокъ на Венгрію. Только, когда 13 іюня императоръ прямо расхохотался при чтеніи заявленія протестантскихъ имперскихъ чиновъ, тогда лишь и Іоганнъ Фридрихъ долженъ былъ согласиться съ тѣмъ, чего онъ будто бы не видѣлъ до сихъ поръ открытыми глазами. На слѣдующій день Оттонъ Трухзесъ, кардиналъ аугсбургскій, заявилъ одному евангелически настроенному дворянину, что предстоящая война направлена вовсе не противъ религіи, а противъ непокорнаго ландграфа, который не явился на сеймъ. Тщетно старались

теперь протестанты побудить своихъ католическихъ товарищей предъ-
явить сообща съ ними запросъ императору о цѣли его вооруженій; имъ
оставалось одно: предпринять этотъ шагъ на свой страхъ (16 іюня).
Отвѣтъ, сообщенный черезъ Навеса, гласилъ: императоръ желаетъ воз-
становить въ имперіи единство, миръ и право, противъ непокорныхъ онъ
долженъ поступать по праву и въ силу своей императорской власти. Не-
посредственно за этимъ императоръ обратился къ четыремъ большимъ
южно-германскимъ имперскимъ городамъ съ успокоительнымъ увѣреніемъ,
что дѣло идетъ единственно и исключительно о томъ, чтобы привести въ по-
слушаніе нѣкоторыхъ князей, нарушителей земскаго мира, которые подъ пред-
логомъ религіи ограбили другихъ чиновъ имперіи и оскорбили и его импе-
раторское величество. Подобныя же объясненія отправлены были въ Бюр-
тембергъ и къ швейцарскому союзу. Надо было изолировать курфюрста
саксонскаго и ландграфа гессенскаго, какъ это удалось сдѣлать съ Юли-
хомъ немного лѣтъ передъ тѣмъ.

Наконецъ-то послѣ долгаго терпѣливаго выжиданія Карлъ V обнажилъ
мечъ. То, что безпокоило до сихъ поръ протестантовъ какъ нѣчто гря-
дущее, нѣчто неопредѣленное, словно кошмаръ, стало теперь дѣйстви-
тельностью. При столь великихъ, рѣшающихъ событіяхъ такъ же не-
мыслимо разсчитать день ихъ наступленія, какъ и минуту смерти отдѣль-
наго человѣка, и оттого они всегда дѣйствуютъ ошеломляюще. Расчетъ
императора сдѣланъ былъ крайне тщательно, принимая въ соображе-
ніе всѣ возможныя случайности. И тѣмъ не менѣе онъ оказался оши-
бочнымъ. Личину, которую Карлъ старался носить передъ протестан-
тами, сорвалъ съ него ни болѣе ни менѣе его союзникъ въ Римѣ. А на
нѣмецкихъ еретиковъ эта огромная опасность не произвела сразу пара-
лизующаго дѣйствія, а пока только отрезвляющее и закаляющее. «Не
остается никакого другого средства, какъ или позорно отречься отъ Бога
и всякой совѣсти, или сражаться», писалъ одинъ аугсбуржецъ евангели-
ческой вѣры.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Шмалькальденская война.

Такова уже судьба нѣмецкаго народа, оставившая неизгладимые слѣды,
что самое великое изъ всѣхъ движеній, когда либо возникавшихъ въ нѣдрахъ
его, должно было затихнуть подъ вліяніемъ неустранимаго противорѣчія
между религіозными и политическими интересами. Освобожденіе Германіи
отъ духовнаго владычества Рима довольно ясно свидѣтельствовало о своемъ

чисто національномъ происхожденіи, а между тѣмъ ходъ реформаціи разрушалъ въ то же время надежду на не менѣе страстно жданное осуществленіе другой цѣли, — созданія единого національнаго государства. Насколько международный характеръ императорской власти стоялъ поперекъ дороги этому желанію, нѣмцы испытали это въ XVI вѣкѣ не впервые, разумѣется, но, пожалуй, больнѣе, чѣмъ въ какой либо иной періодъ своей исторіи. Тѣ же самыя обособившіяся отъ имперіи политическія власти, которыя прежде въ качествѣ папскихъ союзниковъ противились всякому преобразованію строя имперіи въ строго монархическомъ духѣ, теперь эти нѣмецкіе князья возстали противъ своего императора въ качествѣ единственныхъ охранителей только что прибрѣтенной и находившейся въ большой опасности церковной независимости. Такъ сложились обстоятельства, что освобожденіе умовъ отъ оковъ Рима нельзя уже было отдѣлить отъ дѣла независимости князей, что будущность нѣмецкаго протестантства можно было купить только цѣною отказа отъ преобразованія имперіи.

Само собой разумѣется, нельзя требовать отъ современниковъ событій совершенно яснаго пониманія этого печальнаго положенія, хотя мы не разъ уже встрѣчали и на протестантской сторонѣ сильное чувство благоговѣнія передъ величествомъ императорскаго имени и какъ бы угрызенія совѣсти за свою собственную непокорность. Совершенно безплодно было бы предпринимать изслѣдованіе о томъ, соотвѣтствовало ли бы хоть сколько-нибудь превращеніе Германіи въ болѣе или менѣе централизованную монархію подъ скипетромъ Габсбурговъ исконному народному идеалу національной и вмѣстѣ соціально-реформаторской власти императора. Вѣроятныя во всякомъ случаѣ соображенія говорятъ не въ пользу утвердительнаго отвѣта. Но съ увѣренностью можно утверждать только то, что во всякомъ случаѣ Карлъ V былъ совсѣмъ не такой человѣкъ, чтобы отождествить интересы Германіи со своими. Напротивъ, дѣла въ имперіи шли все еще лучше, пока этому иноземцу что-нибудь препятствовало обращать на нихъ полное свое вниманіе. Ибо онъ постоянно вносилъ только свои чуждые интересы въ нѣмецкія отношенія; онъ, пожалуй, высоко цѣнилъ Священную римскую имперію нѣмецкой націи въ качествѣ необходимаго оплота противъ могущества турокъ и въ качествѣ неистощимой почвы для своей вербовки солдатъ, но никогда онъ потребности Германіи не дѣлалъ исходной точкой и мѣриломъ своей мірообъемлющей политики. Его нидерландская родина могла еще скорѣе похвалиться, что онъ порой признавалъ себя, если не истымъ сыномъ ея, то, по крайней мѣрѣ, потомкомъ ея бургундскихъ государей; и на его рѣшеніе начать войну въ Германіи повліяло также и то соображеніе, что въ случаѣ возможной побѣды реформаціи въ Кельнѣ

должно послѣдовать потрясеніе католической вѣры въ низовьяхъ Рейна и его собственнаго господства въ Нидерландахъ, а это была такая «возможность», которой онъ не желалъ допускать «ни за что въ мірѣ». При подобномъ господствѣ чужеземцевъ Германія въ лучшемъ случаѣ оказалась бы новымъ изданіемъ беспочвенной системы имперіализма, а вовсе не руководящей державой, какъ въ былыя времена, скорѣе же всего просто второстепенной землицей міровой имперіи, находившейся подъ главенствомъ Испаніи. Вступленіе испанскихъ и италіанскихъ войскъ Карла V должно было казаться нѣмцамъ обоихъ вѣроисповѣданій прямо-таки вторженіемъ иноземцевъ. Поэтому шмалькальденцы несомнѣнно имѣли нѣкоторое право утверждать, что они борются не только за дѣло Божье, но и за дѣло Германіи. Разомъ теперь вполнѣ пробудилось сознаніе, что вѣдь императоръ такой же чужеземецъ, какъ и папа; въ одной задорной протестантской пѣсенкѣ того времени говорится: «Не долженъ править нами ни итальянецъ, ни испанецъ». Во всякомъ случаѣ на первомъ мѣстѣ безусловно стояло то, что такъ хотѣлось бы опровергнуть Карлу V: съ самаго начала война эта считалась «Божьей бранью», «войной за вѣру», и при томъ не только со стороны протестантовъ. Мы знаемъ уже истинное мнѣніе самого императора. Но при римскомъ дворѣ далеко не удовольствовались тѣмъ, что поговорили въ тайной перепискѣ о наказаніи еретиковъ и спасеніи католической вѣры. Уже 4 іюля Павелъ III торжественно вручилъ обоимъ своимъ внукамъ Александру и Оттавіо крестъ и знамя для похода въ Германію; мало того, 15-го числа онъ прямо обнародовалъ отпущеніе грѣховъ «за общее примиреніе и за искорененіе ересей». Нельзя было болѣе беззастѣнчиво сорвать личину съ императора въ этой игрѣ, которою онъ такъ хвастался; пожалуй, что эти Фарнезе съ самаго начала меньше всего желали своему могучему союзнику легкой и окончательной побѣды надъ протестантами. И первое время послѣ объявленія войны,—а таковымъ мы должны признать отвѣтъ императора, данный 16-го іюня,—казалось, что императору придется поплатиться за это преждевременное раскрытіе его намѣреній. Положимъ, то тамъ, то сямъ колебались еще во мнѣніяхъ по поводу кажущагося отдѣленія религіознаго вопроса отъ политическаго и относительно грозныхъ извѣстій о вооруженіяхъ; изъ большихъ имперскихъ городовъ Аугсбургъ, городъ Фуггеровъ и Вельзеровъ, заговорилъ сначала о мирѣ, и даже самъ ландграфъ такъ ясно представлялъ себѣ опасность въ первые два, три дня, что подумывалъ снова вступить на путь переговоровъ и прибѣгъ къ посредничеству своего зятя Морица. И Ульрихъ вюртембергскій совѣтовалъ еще обѣимъ сторонамъ уладить дѣло добромъ. Но отъ этого припадка слабости протестанты скоро оправились, да и надежда императора на отпаденіе верхне-нѣмецкихъ горо-

довъ отъ своихъ союзниковъ не оправдалась. Именно аугсбургцы-то вмѣстѣ съ ландграфомъ и принялись съ лихорадочной поспѣшностью готовиться къ войнѣ, неизбежность которой вызвала въ самомъ дѣлѣ такое рѣшительное настроеніе какъ въ городахъ, такъ и у князей, принадлежавшихъ къ Шмалькальденскому союзу, что, казалось, обычные отвращеніе къ дѣятельности и миролюбіе нѣмецкихъ имперскихъ чиновъ дѣйствительно были побѣждены силою великой минуты. Изъ шмалькальденцевъ одинъ только маркграфъ Гансъ перешелъ на сторону императора, несмотря на трогательныя увѣщанія своей благочестивой матери; среди южно-германскихъ протестантовъ только курфюрстъ Фридрихъ и Оттгейнрихъ пфальцскіе, и Нюрнбергъ сохраняли двусмысленное положеніе. Въ остальномъ какъ единодушіе шмалькальденцевъ, такъ и ревность къ евангелической вѣрѣ въ особенности городовъ превзошли въ эту пору всякія ожиданія. «Здѣсь, въ верхней Германіи мы дѣйствуемъ единодушно и бодро,—писалъ ландграфу 5-го іюля аугсбургскій врачъ Гереонъ Зайлеръ;—такъ, видно, должно случиться; мы вынуждены сражаться, что называется *pro focus et agis* (за алтари и домашніе очаги), за отечество свое и за Бога, который не оставитъ насъ». И самъ ландграфъ торжественно заявилъ своему задушевному другу Буццеру, что онъ намѣренъ защищаться по мѣрѣ силъ, а въ случаѣ неудачи «предпочесть небесное земному».

Со времени первой поры реформаціи никогда еще общественное мнѣніе Германіи не выражалось болѣе громко и бурно, чѣмъ это происходило теперь подъ впечатлѣніемъ грядущаго великаго рѣшенія. Но, тогда какъ въ то время выразители мнѣнія націи преимущественно пользовались вообще прозаической формой, въ особенности въ видѣ діалога (т. I, стр. 356 сс.), страшное возбужденіе въ эти годы войны проявляется большею частью въ вызывающихъ или убѣждающихъ, надменныхъ или жалобныхъ тонахъ пѣсни и историческаго или дидактическаго стихотворенія. Мы встрѣчаемъ среди поэтовъ духовныхъ лицъ, какъ, напр., Юста Ионаса и рѣйтлингенскаго реформатора Шрадина, почтенныхъ бюргеровъ, какъ Ганса Закса, а прежде всего ландскнехтовъ или конныхъ солдатъ, которые обращаются съ противникомъ съ чисто солдатской беззаастѣнчивостью, будь то во имя Бога, или во имя императора, въ защиту «божескаго права», или богоустановленной власти. Неудивительно, что съ протестантской стороны указываютъ на антихриста и діавола въ непріятельскомъ станѣ; что прежде служило лозунгомъ народнаго броженія, раздавалось теперь изъ рядовъ евангелическихъ воиновъ: «Давайте бить поповъ, которые виноваты во всемъ этомъ. Эй, выходи-ка, жирный куртизанъ (*curthusan*, т. е. членъ *cugia* гомана. *Пер.*), бери не вертелъ въ руки, а рогатину, вотъ какъ слѣдуетъ учить васъ».

Съ другой стороны въ одной «пѣснѣ вѣрнаго подданнаго императора» слышится торжествующее злорадное и враждебное нѣмцамъ восклицаніе: «Слава Богу, испанцы явились сюда». Если съ одной стороны императора называютъ итальянцемъ, Карломъ гентскимъ, живодеромъ фландрскимъ, а его нѣмецкихъ приверженцевъ собаками, стервятниками и порожденіями ехидны, съ другой стороны приверженцы императора издѣваются надъ гессенскимъ котеночкомъ, который затѣялъ помѣряться силами съ орломъ, надъ мѣшками съ перцемъ, т. е. надъ горожанами имперскихъ городовъ. Протестанты подбирали прообразы изъ ветхаго завѣта, а еще чаще примѣры изъ отечественной исторіи германцевъ, которыхъ Римъ не въ силахъ былъ покорить подъ свое иго, германскихъ императоровъ, которымъ такъ много пришлось претерпѣть «отъ архи-злодѣя папы Гильдебранда» и подобныхъ ему. Въ одномъ утомительно растянутомъ стихотвореніи выступаютъ одинъ за другимъ: Аріовистъ, Арминій, Фридрихъ Барбаросса и Георгъ Фрундсбергъ въ качествѣ поборниковъ нѣмецкаго дѣла; Барбаросса обстоятельно излагаетъ поэту, что императору, который сдѣлался послушнымъ рабомъ итальянца-папы, слѣдуетъ оказывать сопротивленіе, ибо въ такомъ случаѣ онъ уже не императоръ, и потому еще, что, по воззрѣніямъ юристовъ, вѣроломному человѣку не надо соблюдать вѣрности; «если онъ отнимаетъ у васъ вашу свободу, онъ теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою верховную власть».

Нѣмецкая свобода, которой угрожаетъ опасность, выступаетъ на равныхъ правахъ рядомъ съ евангелической вѣрой; нигдѣ не затемняется двойственный и религіозный и политическій характеръ борьбы, тогда какъ сторонники императора весьма благоразумно налегаютъ больше всего на возмущеніе противъ главы государства. Со времени великихъ междоусобныхъ войнъ въ среднія вѣка, какъ совершенно вѣрно напоминаетъ Ленцъ, ни разу, конечно, не составлялось такого мощнаго союза между сѣверными и южными нѣмцами противъ короны. Отвращеніе къ владычеству иноземцевъ, которое едва едва проявлялось въ умахъ князей-избирателей въ 1519 году, теперь живо чувствовалось въ самыхъ широкихъ слояхъ народа: «Императоръ собирается поработить свободныхъ нѣмцевъ и подчинить ихъ своему игу, какъ онъ это дѣлаетъ со своими подданными. Онъ нарушилъ клятву, данную передъ Богомъ и нѣмецкой землей, онъ хочетъ перебить нѣмцевъ, вѣчный позоръ его имени».

Достойнымъ союзникомъ его выводится римскій король, который въ угоду папѣ жертвуетъ Австрію туркамъ; итакъ, долой ихъ обоихъ: «Вонъ ихъ изъ страны, отнять у нихъ корону».

Сохранилось одно изреченіе Меланхтона при началѣ войны, что, по видимости, главнымъ образомъ перевѣсъ въ численности войскъ сулитъ побѣду

протестантамъ, но расположеніе созвѣздій болѣе благопріятно императору. Безспорно, что, если это преждевременное объявленіе войны не имѣло болѣе дурныхъ послѣдствій для Карла V, это была не его заслуга. Ибо, когда ему не удалось ни изолировать обоихъ вождей Шмалькальденскаго союза, ни разстроить самый союзъ, онъ очутился почти безоружнымъ въ Регенсбургѣ передъ быстро собравшимися боевыми силами протестантовъ. Войска его стояли еще въ Италіи, Нидерландахъ, Венгріи, или еще только набирались въ двухъ, трехъ вербовочныхъ пунктахъ въ южной Германіи; съ крайнимъ напряженіемъ онъ былъ бы, пожалуй, въ состояніи выставить двѣнадцать тысячъ человѣкъ до прибытія итальянцевъ, тогда какъ въ распоряженіи противниковъ его было болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ. «Въ военной исторіи», полагаетъ Ленцъ, «найдется немного примѣровъ, чтобы всѣ условія успѣха до такой степени скопились на одной сторонѣ, какъ это было въ эти недѣли у шмалькальденцевъ,—а политическое положеніе было для нихъ еще благопріятнѣе военнаго». Ибо, не говоря уже о томъ, что въ самой Германіи большинство нейтральныхъ принадлежало къ открытымъ или тайнымъ протестантамъ, а Баварія была совсѣмъ ненадежнымъ союзникомъ для императора, Франція и Англія заключили между собою миръ; въ Венгріи работалъ тогда въ пользу турокъ честолюбивый дипломатъ духовнаго званія Мартинуцци, такъ называемый «братъ Георгій» (стр. 243); между тѣмъ не только въ Чехіи и Моравіи, но даже и въ Нидерландахъ преобладало броженіе, опасное для габсбургскаго владычества; въ средней Италіи республиканцы Сьены и Лукки становились безпокойными, въ Генуѣ готовился переворотъ при поддержкѣ Франціи. «Если императора, сохрани Богъ, постигнетъ неудача, тогда можно, по моему, считать, что онъ потеряетъ всѣ свои владѣнія», писалъ въ августѣ 1546 года одинъ знатный нидерландецъ. Но рѣдко случается, чтобы такое счастливое стеченіе благопріятныхъ обстоятельствъ было упущено вслѣдствіе столь позорной неумѣлости, какъ это съ самаго начала постоянно выступаетъ и въ веденіи войны и въ политикѣ шмалькальденцевъ; дѣйствительно можно вмѣстѣ съ императоромъ переживать то чувство наслажденія, съ которымъ онъ отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ грубые промахи противниковъ. На его взглядъ они должны были немедленно двинуться на Регенсбургъ, гдѣ онъ едва ли бы могъ держаться съ двумя сотнями конницы и нѣсколькими ротами пѣхоты среди горожанъ, ярыхъ протестантовъ. Положимъ, Шертлинъ фонъ Буртенбахъ и Шанквицъ, предводители верхне-нѣмецкихъ союзныхъ войскъ, которые были готовы первыми, прежде всего обратили свое вниманіе на сборные пункты императорскихъ войскъ въ верхней Швабіи и вмѣстѣ съ тѣмъ на возможность загородить ближайшіе проходы въ Альпахъ прибли-

жающимся итальянцамъ. И вотъ они двинулись на югъ и сначала заняли (10 іюля) городъ Фюссенъ, между тѣмъ какъ императорскіе отряды ускользнули черезъ близкую баварскую границу и потомъ врасплохъ захватили въ свою власть эренбургскую тѣснину, ключъ къ долиנѣ Инна. Дѣйствительно ли эти вожди протестантовъ намѣревались продолжить свое успѣшное движеніе впередъ и проникнуть не только до Иннсбрука, а даже примѣрно перейти черезъ Бреннеръ, этого мы разбирать не станемъ. Во всякомъ случаѣ, союзный военный совѣтъ въ Ульмѣ и нерѣшительность отдѣльныхъ начальниковъ ополченій настолько связали имъ руки, что они тотчасъ же повиновались приказу вернуться назадъ. Шертлингъ взялъ 20 іюля городъ Донаувёртъ, который желалъ соблюдать нейтралитетъ, туда же двигалось и сѣверно-германское войско, которое соединилось въ этотъ же день подъ Мейнингеномъ подъ личнымъ предводительствомъ Іоганна Фридриха и Филиппа. Чувствительный ущербъ для первоначальнаго плана войны князей получился уже отъ того, что тотъ корпусъ, наведенный въ сѣверной Германіи первоначально для курфюрста пфальцскаго, который могъ бы угрожать Нидерландамъ и прикрывать тылъ шмалькальденцевъ, разошелся подъ вліяніемъ уговоровъ подосланныхъ къ нему брауншвейгскихъ и императорскихъ подстрекателей. Еще хуже, конечно, было то, что съ самаго начала проявилось соперничество между обоими князьями, главнокомандующими шмалькальденцевъ, ибо ландграфъ тщетно надѣялся, что Іоганнъ Фридрихъ предоставитъ ему одному руководство военными дѣйствіями, а самъ ограничится канцелярской работой. Не мало труда пришлось потратить уже и на то, чтобы уговорить курфюрста пройти мимо богатыхъ франконскихъ монастырей, занятіемъ которыхъ онъ намѣревался открыть военныя дѣйствія, такъ что по всей видимости шмалькальденцамъ и въ голову вообще не пришло двинуть къ Регенсбургу порознь верхне-нѣмецкіе отряды и сѣверную армію, а соединеніе совершить только подъ стѣнами этого города, въ которомъ заседалъ имперскій сеймъ. Тщетно настаивалъ во время ихъ пути гонецъ французскаго посла, чтобы князья немедленно двинулись къ Регенсбургу; они соединились подъ Донаувёртомъ съ верхне-нѣмецкими отрядами 3-го и 4-го августа.

Со свойственнымъ ему спокойствіемъ императоръ до конца руководилъ сеймомъ и наперекоръ всѣмъ предостереженіямъ устраивалъ одно торжество за другимъ, поводъ къ которымъ давало обрученіе Вильгельма юлихскаго и Альбрехта баварскаго съ дочерьми римскаго короля. Только 3-го августа онъ покинулъ Регенсбургъ, чтобы стянуть къ себѣ подъ Ландсгутомъ итальянскія вспомогательныя войска и подкрѣпленія изъ нѣмецкихъ и испанскихъ войскъ. Затѣмъ онъ снова отправился обратно въ Регенсбургъ и оттуда вверхъ по Дунаю навстрѣчу наступающаго непріа-

теля. Теперь у него собралось всего около сорока тысячъ человекъ; шмалькальденцы упустили благопріятный случай захватить его еще до прибытія этихъ подкрѣпленій. Каждый шагъ ихъ встрѣчалъ препятствіе въ многоголовіи военнаго совѣта и прежде всего въ самодурствѣ Іоганна Фридриха, которому не удалось провести своего предложенія начать войну прежде всего противъ Баваріи, и за это онъ уже тогда началъ грозить, что уйдетъ назадъ. Когда двинулись, наконецъ, на Регенсбургъ, было уже поздно; нельзя было помѣшать императору занять сильную позицію въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ Ингольштадтомъ, гдѣ онъ выжидалъ какъ прибытія отрядовъ, шедшихъ изъ Нидерландовъ подъ начальствомъ Максимилиана, графа ф. Бюренъ, такъ и возможнаго нападенія со стороны протестантовъ. Но вмѣстѣ съ военною дѣятельностью Карлъ V не терялъ изъ виду и политической. Онъ не принялъ письменнаго объявленія войны отъ имени курфюрста саксонскаго и ландграфа гессенскаго, а напротивъ насильно навязалъ подателю его объявленіе императорской опалы обоимъ князьямъ за оскорбленіе величества. Эта грамота, данная заднимъ числомъ 20-го іюля, тщательно умалчиваетъ о религіозныхъ побужденіяхъ императора, а вмѣсто того ставитъ въ упрекъ крамольнымъ вассаламъ, что они стараются подъ благовиднымъ названіемъ защиты религіи скрасить свои мятежные и измѣнническіе замыслы. Опальнымъ довольно легко было изобличить такое извращеніе дѣйствительности и напомнить императору, который въ видѣ болѣе или менѣе основательныхъ доказательствъ приводилъ брауншвейгское дѣло и другія болѣе давнія усобицы, что при сношеніяхъ съ ними онъ смотрѣлъ на эти прежнія жалобы какъ на дѣло уже поконченное. Вопреки желанію ландграфа и прямо по настоятельному требованію курфюрста саксонскаго Карлъ сверхъ того былъ объявленъ лишеннымъ сана и званія императора за нарушеніе имперскаго права и условій выборной грамоты. Тяжелый на подъемъ въ военномъ дѣлѣ, курфюрстъ смотрѣлъ гораздо рѣшительнѣе Филиппа въ глаза политическому перевороту; онъ мечталъ ни болѣе, ни менѣе о совершенномъ устраненіи Габсбурговъ отъ императорской власти, которая при нихъ превратилась въ діавольскіе порядки; къ тому же самому въ свое время пытался воодушевить ландграфа Цвингли. Саксонскіе юристы и теологи должны были на разные лады и въ самомъ рѣзкомъ тонѣ развивать эту тему; императора обвиняли не только въ намѣреніи превратить имперію въ наследственную монархію и въ вѣчный сервитутъ, но даже ему приписывали умыселъ истребить всѣхъ евангеликовъ въ Германіи до двухлѣтнихъ дѣтей включительно, и притомъ при помощи папы и турецкаго султана. Выпущено было объявленіе опалы за оскорбленіе божескаго величества: «надъ императоромъ Карломъ и папою Павломъ Третьимъ, намѣстникомъ сатаны

въ Римѣ»; всякій, оказывающій содѣйствіе императору, говорилось тамъ, дѣлается, подобно ему, членомъ сатаны. Тогда какъ ландграфъ предпочиталъ сохранить возможность вступить въ переговоры съ противникомъ, упрямый веттинецъ готовъ былъ совѣмъ бросить ножны, разъ онъ обнажилъ уже мечъ.

Но въ такихъ рукахъ мечъ терялъ свое жало. Карлъ и его полководецъ Альба усердно старались, положимъ, избѣгать сраженія и ослабить противниковъ утомительными маршами и мелкими стычками. Несмотря на это, по мнѣнію ландграфа и Шертлина, можно было бы принудить ихъ къ рѣшительному сраженію, когда обѣ арміи стояли подъ Ингольштадтомъ, при чемъ императорскія войска примыкали къ самому городу, а шмалькальденцы располагались въ видѣ большого полукруга на западъ и сѣверо-западъ отъ позиціи императора. 31-го августа началась сильная пушечная пальба; если бы въ то время, полагалъ Филиппъ гессенскій, рѣшились напасть на непріятельскіе окопы, «императоръ, какъ всѣ говорятъ, потерпѣлъ бы пораженіе». Было ли, нѣтъ ли военной ошибкой, что шмалькальденцы не атаковали прекрасно окопавшагося непріятели, только, когда они послѣ довольно безплодной четырехъ-дневной пальбы съ обѣихъ сторонъ отступили, это произвело на общественное мнѣніе впечатлѣніе тяжелой неудачи. И это впечатлѣніе было только еще усилено послѣдовавшими событіями. Нейбургъ, имѣвшій важное значеніе, былъ оставленъ безъ помощи и такимъ образомъ отданъ въ жертву непріятелю, а больше всего то, что не предотвращена была ближайшая и самая грозная опасность: соединеніе съ императорскою арміею нидерландскаго войска, численностью приблизительно въ двадцать тысячъ человѣкъ, хотя шмалькальденцы почти въ продолженіе двухъ недѣль находились въ такомъ благопріятномъ положеніи, что могли обратить всѣ свои силы или противъ императора, или противъ Бюрена. Баварія, сохранявшая въ высшей степени двусмысленное положеніе, только и выжидала, по всей видимости, на чью сторону склонится военное счастье, а относительно того, что и съ императорской стороны были промахи и упущенія, нечего и сомнѣваться послѣ изслѣдованій Друффеля. Но шмалькальденцевъ погубило безспорно то, что они вообще допустили поставить себя въ оборонительное положеніе и перенести военныя дѣйствія въ Швабію. Осмотрительное отступленіе ихъ оказалось въ вопіющемъ противорѣчій съ заносчивыми и оскорбительными выраженіями второго письменнаго объявленія войны, которое курфюрстъ саксонскій и ландграфъ гессенскій отправили императору еще подъ Ингольштадтомъ, при чемъ ставили ему въ упрекъ, что у него не такъ много крови благородныхъ и княжескихъ родовъ Германіи, чтобы онъ былъ въ состояніи привести въ исполненіе опалу надъ ними, они

«этимъ хотѣли вызвать императора изъ Ингольштадта, а сами пустились удирать отъ него», пишетъ одинъ изъ современниковъ. Съ обѣихъ сторонъ война велась медлительно, своеобразно, словно ощупью, повидимому, безъ опредѣленной цѣли, и это вызывало много недовольства и съ той и съ другой стороны. Медленно подвигались вверхъ по Дунаю оба противника, при чемъ ни тотъ ни другой не представлялъ себѣ ясно замысловъ противника. Для императора представлялся благопріятный случай сразиться подъ Нёрдлингеномъ въ началѣ октября, а въ серединѣ мѣсяца для протестантовъ подъ Гингеномъ, но никто изъ нихъ не воспользовался дѣятельно обстоятельствами. Но нельзя при этомъ не замѣтить, что шмалькальденцы безпрестанно шагъ за шагомъ отступаютъ, тогда какъ императоръ беретъ крѣпость за крѣпостью: Нейбургъ, Донаувёртъ, Диллингенъ, Лауингенъ. И съ той и съ другой стороны рассчитывали на то, что можно предвидѣть распадѣніе непріятельской арміи; протестанты надѣялись въ особенности на то, что итальянцамъ и испанцамъ окажется не подъ силу борьба съ невзгодами осенней непогоды въ Германіи. Это была «война, которая на всѣхъ нагнала скуку». По одному разсказу, въ которомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, только рѣшительное вмѣшательство воинственно настроеннаго монаха Сото, духовника императора (стр. 272), помѣшало послѣднему привести въ исполненіе свое преждевременное рѣшеніе: распустить войска по домамъ, вмѣсто того, чтобы размѣстить ихъ на зимнія квартиры. Счастливый исходъ этого испытанія терпѣнія приписали, разумѣется, цѣликомъ царственному вождю, этому Фабію Кунктатору новой исторіи, и его ничѣмъ непоколебимой твердости.

На неблагопріятный для шмалькальденцевъ исходъ перваго полугодія военныхъ дѣйствій оказали рѣшительное вліяніе преимущественно два обстоятельства: отсутствіе всякой иноземной помощи и вмѣшательство въ войну Морица, герцога саксонскаго. Можно было, какъ полагаетъ итальянскій историкъ Іовій, дѣйствительно придти въ изумленіе, что даже громъ пушекъ подъ Ингольштадтомъ не вывелъ Франциска I изъ его спокойнаго положенія. Правда, проявленія недовольства въ Италіи произошли не безъ подстрекательствъ съ его стороны, а французскіе и габсбургскіе посланники при Портѣ послѣ кратковременнаго офіціального согласія снова по прежнему противодѣйствовали другъ другу. Но Францискъ I былъ уже дряхлый человѣкъ въ это время, забавы довели его почти до смерти, не подъ силу ему было уже соперничать съ императоромъ, который, хотя и самъ былъ тоже боленъ, но въ своемъ величавомъ самообладаніи стоялъ неизмѣримо выше неисправимо легкомысленнаго французскаго короля. Положимъ, дофинъ съ бѣльшимъ вниманіемъ, нежели его отецъ, отнесся къ желаніямъ нѣмецкихъ протестантовъ насчетъ энергичнаго вмѣ-

шательства Франціи; и герцогиня д'Этанпъ, все еще могущественная любовница Франциска I, обѣщала употребить свое вліяніе на короля въ томъ же духѣ. Великій планъ лиги противъ императора, предложенный шмалькальденцамъ осенью 1546 года, сводился къ единовременному открытію наступательныхъ дѣйствій въ Германіи, Италіи, Нидерландахъ и въ наслѣдственныхъ земляхъ Габсбурговъ; Англія, швейцарцы и Данія также должны были оказать помощь; послѣ побѣды слѣдовало избрать новаго императора; королю французскому отдавались—очевидно, что это-то главнымъ образомъ и было важно для Франціи—не только Миланъ, но и имперскій викаріатъ въ романскихъ земляхъ, т. е. въ Италіи и въ имперской области по лѣвому берегу Рейна. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что между Англіею и Франціею заходила рѣчь о возможности подобной всеевропейской войны, а равнымъ образомъ, что молодой Христофоръ вюртембергскій пытался возбудить честолюбиваго дофина надеждой на полученіе при предстоявшихъ вновь выборахъ императорской короны. Но шмалькальденцы не добились на самомъ дѣлѣ ничего, кромѣ пустыхъ разговоровъ, какъ у Франциска I, такъ и у Генриха VIII; англійскій король счелъ нужнымъ извѣстить Карла V объ этихъ переговорахъ, а Францискъ I, несмотря на то, что онъ подстрекалъ противъ давнишняго противника своего и въ Константинополѣ, и въ Венеціи, въ лагерѣ шмалькальденцевъ и при папскомъ дворѣ, предложилъ снова прямо-таки свою помощь императору противъ протестантовъ, если Карлъ V согласится породниться домами, какъ было уговорено (стр. 254),—мысль, которой онъ все еще никакъ не могъ выкинуть изъ головы своей. Дѣло въ томъ, какъ вѣрно высказалъ императоръ одному изъ пословъ короля, что оба они досыта уже помѣрялись силами; а на все болѣе и болѣе явныя угрозы Франціи императоръ отвѣтилъ, между прочимъ, замѣчаніемъ, что вполнѣ въ его власти сговориться съ протестантами, когда ему только будетъ угодно. Осмотрительные венеціанцы не рѣшились все-таки открыто отказать агенту шмалькальденцевъ, но въ то же время отказались и отъ предложенія союза съ Франціею. Но горше всѣхъ этихъ разочарованій было для нѣмецкихъ протестантовъ то, что не оправдалась надежда ихъ на единовѣрнаго короля Даніи, который забылъ свои прежнія союзныя отношенія къ нимъ, чтобы не помогать врагамъ императора, согласно данному имъ Карлу обѣщанію. Одно время шмалькальденцы цѣплялись еще за надежду, что, можетъ быть, какъ это обѣщали французы, что-нибудь и случится будущей весной, хоть турокъ что ли своимъ нашествіемъ дастъ имъ возможность передохнуть. Но, между тѣмъ какъ при затяжномъ характерѣ веденія войны уже одно отсутствіе денежной помощи изъ-за границы наносило имъ чувстви-

тельный ущербъ, вдругъ произошла катастрофа въ Саксоніи, которая дала новый оборотъ всей войнѣ.

Морицъ довольно продолжительное время пытался выжидать благоприятной поры и держаться вмѣстѣ съ шмалькальденцами, хотя императоръ еще въ августѣ поручилъ ему немедленно привести въ исполненіе опалу надъ курфюрстомъ подъ угрозой въ случаѣ уклоненія подвергнуть тому же наказанію и его самого. Для него было не совсѣмъ безразлично, что общественное мнѣніе протестантской Германіи тогда уже видѣло въ немъ вѣроотступника, тайнаго паписта; а прежде всего для него было важно путемъ оттягиванія своего рѣшенія вынудить римскаго короля, съ которымъ онъ долженъ былъ дѣйствовать сообща, къ наиболѣе выгодному для себя договору насчетъ дѣлежа добычи. Только послѣ того, какъ Фердинандъ при личномъ свиданіи въ Прагѣ отказался отъ первоначальнаго своего требованія раздѣлить Саксонію поровну и сверхъ того согласился допустить на время терпимость евангелическаго вѣроисповѣданія въ завоеванной области, тогда только послѣдовало двойное нападеніе изъ Чехіи и со стороны герцога, который послалъ 27-го октября объявленіе войны своему двоюродному брату. Въ тотъ же самый день императоръ перенесъ санъ курфюрста саксонскаго на представителя Альбертинской линіи, хотя, впрочемъ, онъ все еще считалъ возможнымъ его отпаденіе. Съ небольшимъ трудомъ чешскія и герцогскія войска заняли почти все курфюршество; только Виттенбергъ и Гота держались еще, между тѣмъ какъ кругомъ на равнинѣ все трепетало передъ безчеловѣчностью гусаровъ, копейщиковъ легкой венгерской конницы и поляковъ.

Надо только удивляться, какъ, несмотря на это, Іоганнъ Фридрихъ все таки оставался еще нѣсколько недѣль на театрѣ войны въ Швабіи, хотя тамъ уже не думали о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, напротивъ ряды войскъ рѣдѣли на глазахъ подъ вліяніемъ болѣзней и недостатка въ деньгахъ. Прежній воинственный задоръ евангелическихъ имперскихъ городовъ довольно таки быстро опять испарился; а такъ какъ съ сѣвера не стало вообще получаться никакихъ взносовъ, то и большіе южно-германскіе города отказались долѣе напрягать силы своего капитала и кредита. Ибо результаты, полученные до сихъ поръ, далеко не соотвѣтствовали принесеннымъ жертвамъ; одинъ только Страсбургъ внесъ въ союзную казну для дунайскаго похода двѣсти двадцать тысячъ гульденовъ. Исконный партикуляризмъ требовалъ своихъ правъ; Аугсбургъ еще въ октябрѣ отозвалъ изъ арміи своего военачальника Шертлина. Какъ этотъ не по заслугамъ чтимый «герой» евангеликовъ подвергъ впослѣдствіи весьма жестокой критикѣ веденіе войны ландграфомъ, такъ Филиппъ сваливалъ главную вину неуспѣха на города, которые «не могутъ потерпѣть ника-

кого стѣсненія или ущерба для своихъ торговыхъ предпріятій или внѣшнихъ благъ». Самъ онъ еще въ лагерѣ подъ Гингеномъ дѣлалъ раза два безплодныя попытки при посредствѣ маркграфа Ганса побудить императора къ переговорамъ о мирѣ; точно такъ же, несмотря на военныя дѣйствія въ Саксоніи, онъ переписывался съ зятемъ своимъ Морицемъ и предлагалъ графу Бюрену свиданіе при участіи Гранвелы въ то время, когда армія шмалькальденцевъ уже отступила изъ Швабіи. Отступление началось 21-го ноября; хотя дѣло не дошло до очень настойчиваго преслѣдованія съ императорской стороны, но во всякомъ случаѣ протестанты подались первые, да и планъ расположиться на зимнія квартиры въ верхней Германіи не былъ приведенъ въ исполненіе. Легко понять, что Іоганнъ Фридрихъ, успѣвшій попутно сорвать порядочную контрибуцію не только съ католическаго города Гмюнда, съ аббата Фульдскаго монастыря, съ архіепископа майнцаго, но даже и съ протестантскаго Франкфурта, горѣлъ страстнымъ желаніемъ отвоевать обратно свои земли и проучить своего кузена. Но о чемъ въ сущности думалъ ландграфъ, возвращаясь домой, къ двумъ своимъ женамъ, какъ говорили тогда въ насмѣшку надъ нимъ? Пугливыя души подозрѣвали въ немъ самыя отчаянныя рѣшенія, въ родѣ воззванія къ революціи, къ крестьянамъ; а одинъ скептическій наблюдатель полагалъ, напротивъ, «что въ головѣ у него должно быть большой сумбуръ; я не смѣю, конечно, написать, что онъ потерялъ рассудокъ». Во всякомъ случаѣ, въ своей собственной странѣ онъ вовсе не пользовался такой привязанностью, какая необходима была бы для борьбы не на жизнь, а на смерть съ императоромъ; многіе изъ гессенскихъ и сосѣднихъ рыцарей готовы были скорѣе прямо воспользоваться этимъ благопріятнымъ случаемъ погубить ненавистнаго имъ князя. Зять его, съ которымъ онъ хотѣлъ видѣться лично, обставилъ просимую охрану такими оговорками, что Филиппъ отказался. Съ императорской стороны уже были приняты мѣры захватить его во время этой поѣздки. Въ бездѣйствіи, потерявши всякую надежду, сидѣлъ онъ дома въ то время, когда императоръ, избавившись отъ своихъ противниковъ, двигался словно въ триумфальномъ шествіи черезъ Швабію и Франконію и принималъ присягу совершенно павшихъ духомъ городовъ и князей. Въ продолженіе немногихъ недѣль покорились болѣе мелкія крѣпости, какъ-то: Бопфингенъ, Нёрдлингенъ, Динкельсбюль, Ротенбургъ и другія. Цѣлую четверть часа заставилъ Карлъ простоять на колѣняхъ депутатовъ Нёрдлингена, прежде чѣмъ соблаговолилъ принять сдачу города безъ всякихъ условій. Однако же утѣшительно подѣйствовало то, что на первое время имъ дозволено было соблюдать свои религіозные обряды, хотя въ Нёрдлингенѣ, напр., принуждены были

вставить въ церковную молитву прошеніе о томъ, чтобы императору успѣшно произвести христіанскую реформацію. И представители мощнаго Ульма должны были 22-го декабря подвергнуться неизбѣжному униженію; затѣмъ пришла очередь городовъ верхней Швабіи,—за исключеніемъ Констанца,—франкфуртцевъ, аугсбургцевъ, которыхъ Шертлинъ тщетно старался воодушевить къ стойкому отпору, а въ случаѣ крайности къ славной гибели. Страсбургъ считался одной изъ самыхъ сильныхъ крѣпостей не только Германіи; «если онъ не устоитъ,—никакая другая крѣпость не устоитъ, ежели только можно вообще полагаться на бранныя змныя могущества», пишетъ Слейданъ. Хотя тамъ раздавались голоса за то, чтобы защищаться, даже заключить союзъ съ Франціей и швейцарцами, тѣмъ не менѣе и здѣсь въ концѣ концовъ ухватились за протянутую руку императора и отдѣлались довольно дешево колѣнопреклоненіемъ и умѣренной денежной пеней. Остальные города обложены были далеко не такими незначительными взносами: Аугсбургъ долженъ былъ выплатить императору 150.000 гульденовъ, Ульмъ—100.000, Франкфуртъ—80.000, Галль—60.000, крошечный Исни—12.000, не говоря уже вовсе о разныхъ другихъ поборахъ на возмѣщеніе убытковъ, которые пошли въ пользу римскаго короля, епископа аугсбургскаго, Генриха, герцога брауншвейгскаго. Самой собой разумѣется, и министры императора тоже ушли не съ пустыми руками; Гранвела получилъ, напр., отъ Франкфурта 1000 золотыхъ гульденовъ въ золотомъ кубкѣ. Суровѣе всего наказанъ былъ Ульрихъ вюртембергскій, хотя онъ все еще могъ считать себя счастливымъ, что хоть не удовлетворена была вновь проснувшаяся въ королѣ Фердинандѣ страсть къ обладанію его герцогствомъ, «этимъ сердцемъ Германіи». Но онъ долженъ былъ все-таки явиться къ отвѣту предъ Фердинандомъ какъ своимъ сюзереномъ и выплатить триста тысячъ гульденовъ въ видѣ военнаго вознагражденія; такъ какъ онъ страдалъ подагрой и не могъ преклонить колѣна, императоръ удовольствовался тѣмъ, что разрѣшилъ ему исполнить обрядъ испрошенія прощенія сидя, а двое совѣтниковъ его должны болѣе стоять за него на колѣняхъ. Карлъ V заставилъ передъ этимъ больного стараго князя прождать себя цѣлый часъ, позволилъ разныя насмѣшки надъ нимъ своей надменной романской челяди, и послѣ всего этого униженія онъ позволилъ себѣ, не оборачиваясь, презрительно протянуть ему руку черезъ плечо,—все это довольно явно свидѣтельствовало о томъ неблагородномъ пользованіи своей побѣдой, которое когда-то едва не довело до отчаянія Франциска I и должно было еще не разъ впослѣдствіи испортить не мало крови въ Германіи. И курфюрстъ пфальцскій, который поневолѣ вынужденъ былъ выставить шталькальденцамъ нѣсколько всадниковъ, долженъ былъ, несмотря на

свою старость и болѣзненное состояніе, съ обнаженной головой и стоя просить прощенія у императора, который смотрѣлъ на него изъ-подлобья; онъ трижды низко поклонился, слезы навернулись на глазахъ его, но только на слѣдующій день императоръ удостоилъ снова милостиво взглянуть на него. Если высшіе чины въ имперіи принуждены были переносить подобное обращеніе, городамъ нечего было удивляться, если въ кружкахъ ихъ старыхъ противниковъ раздавались голоса, что на будущее время слѣдуетъ поставить попечителей или управителей надъ «мужиками, которые сидятъ за городскими стѣнами», чтобы окончательно изгнать изъ нихъ склонность къ революціи. Поистинѣ надо было много мужества, чтобы въ такое время сохранить евангелическую точку зрѣнія, какъ это дѣлали нѣкоторые изъ городскихъ проповѣдниковъ, отказываясь молиться за императора. Какъ бы ни увѣрялъ по прежнему Карлъ V, что война ведется не изъ-за религіи, а потому онъ не желаетъ вступать ни въ какіе переговоры по этому вопросу: все его прошлое достаточно свидѣтельствовало о неискренности этой сдержанности, если бы даже обнародованіе его союзнаго договора съ папою и не служило форменной уликой во лжи. Теперь именно онъ считалъ возможнымъ безъ оглядки вмѣшаться въ кѣльнское дѣло. Старому курфюрсту ни мало не принесло пользы, что онъ, повинувшись императорскому повелѣнію, тщательно избѣгалъ и запрещалъ помогать чѣмъ-либо шмалькальденцамъ; когда приведено было въ исполненіе приготовленное противъ него по порученію императора папское постановленіе о низверженіи изъ сана, и архіепископомъ посаженъ былъ Адольфъ шаумбургскій, когда свѣтскіе чины, остававшіеся до сихъ поръ вѣрными ему, уступили угрозамъ императорскихъ комиссаровъ, тогда и Германъ согласился отречься отъ своего сана (25 февраля 1547 года). Еще раньше того католическій епископъ Юлій Пфлугъ (стр. 245) совершилъ подъ охраной протестантскихъ войскъ свой торжественный въѣздъ въ Наумбургъ и не согласился терпѣть евангеличество, несмотря на то, что его охранитель Морицъ обѣщалъ это городу. Это былъ уже отчаянный исходъ, когда страсбургскій совѣтъ успокоился на томъ, что въ случаѣ, если императоръ дѣйствительно захочетъ преслѣдовать за вѣру, то каждый имѣетъ возможность соблюдать ее, насколько будетъ Богу угодно даровать ему благодати.

Мы не должны здѣсь упускать изъ виду той значительной роли, которую играли крупный капиталъ и торговые интересы верхне-нѣмецкаго городского населенія и во время этого тяжелаго перелома Германіи, какъ и въ 1519 году при выборѣ короля. Ибо, не говоря уже о непосредственныхъ матеріальныхъ жертвахъ, которыхъ потребовала отъ городовъ война, въ распоряженіи императора имѣлось противъ нихъ именно

особенно дѣйственное оружіе. Закрытіе торговли и конфискація товаровъ, которыя вдругъ постигли ихъ торговыя сношенія съ Испаніей и остальными габсбургскими землями, были тяжкимъ испытаніемъ для религіознаго воодушевленія евангелическихъ имперскихъ городовъ. Конфискованные товары однихъ только страсбургскихъ купцовъ оцѣнивались въ пятьсотъ тысячъ гульденовъ. Къ тому же какъ разъ въ высшихъ-то слояхъ бюргерства, напр., среди Фуггеровъ, Баумгертнеровъ и Вельзеровъ, и числились весьма вліятельные представители благопріятнаго старой церкви и императору образа мыслей. Ничшъ съ полнымъ правомъ налагаетъ на то, «что продолженіе сопротивленія императору грозило уничтожить всѣ испанско-индійскіе обороты этихъ верхне-германскихъ торговыхъ домовъ». Съ протестантской стороны съ самаго начала относились съ недовѣріемъ къ купцамъ, даже и единовѣрнымъ. Въ Страсбургѣ возбужденная народная толпа прямо обвиняла ихъ въ измѣнѣ и угрожала расправиться съ ними насиліемъ. И голоса эти были въ нѣкоторомъ смыслѣ правы; можетъ быть, и военныя предпріятія протестантовъ велись бы дѣятельнѣе, и сопротивленіе было продолжительнѣе, если бы не этотъ чувствительный ущербъ капиталистическимъ и торговымъ интересамъ, который могъ причинить императоръ въ качествѣ хозяина обширныхъ областей и давнишняго должника нѣмецкихъ банкирскихъ домовъ. «Когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя императоръ наложилъ на города тяжелыя контрибуціи», говоритъ Баумгартенъ, «тогда нашлись на лицо сотни тысячъ, которыхъ не было, когда дѣло шло о спасеніи». Все горькое чувство рьяныхъ протестантовъ излилось въ тѣхъ насмѣшливыхъ стихахъ, гдѣ жителямъ Ульма и другихъ верхне-нѣмецкихъ городовъ бросаются въ лицо ихъ «гнусныя хитрости»: «Оставайтесь вы, грубые швабы, съ вашимъ Маммономъ, вашимъ высшимъ божествомъ, чтобъ тебѣ худо было, подлая шайка!»

Взоры тѣхъ евангеликовъ, которые еще не вовсе потеряли надежду, обращены были на Саксонію. Ибо неповоротливый Іоганнъ Фридрихъ словно переродился съ тѣхъ поръ, какъ дѣло зашло ужъ не объ однихъ великихъ интересахъ протестантства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и объ его собственномъ княжескомъ наслѣдіи и существованіи. Тутъ задѣто было самое глубокое чувство его; въ лицѣ ненавистнаго кузена для него воплощалось все, что только могло возбуждать его гнѣвъ: давнишнее соперничество альбертинцевъ, вѣроломная мірская мудрость «мейсенцевъ и лицемѣровъ» (стр. 269), дѣвольская измѣна евангелическому дѣлу. Встрѣченный съ воодушевленіемъ въ родной землѣ, онъ открылъ зимній походъ заявленіемъ земскимъ чинамъ своего противника, что «намѣренъ возмѣрить ему тою же мѣрою, какою тотъ раньше мѣрялъ самъ». Прежде всего подверглись безжалостному разоренію взятыя безъ большого труда

духовныя городскія владѣнія Галле и Мерзебургъ; но и земли герцога саксонскаго до такой степени испытали тяжелую руку побѣдителя, что во время осады Лейпцига весьма враждебное до тѣхъ поръ императору и опасное для Морица настроеніе проповѣдниковъ и горожанъ снова всецѣло повернулось въ пользу мѣстнаго государя. Весьма замѣчательно, что такой политикъ-реалистъ, какъ Морицъ, придавалъ все-таки большее значеніе строго евангелическому образу мыслей своихъ собственныхъ подданныхъ и ихъ рѣзкому порицанію его союза съ императоромъ; различные пѣсни изъ рядовъ его приверженцевъ выставляютъ политику этого государя отнюдь не враждебной евангеличеству, при чемъ разумѣется примѣняется ученіе апостола Павла о богоустановленной власти, а курфюрсту Іоганну Фридриху прямо поставляется на видъ, что самъ Лютеръ не совѣтовалъ ему обнажать меча противъ императора, своего государя. Впрочемъ, счастье было для Морица, что Іоганнъ Фридрихъ тратилъ и время и силы подъ стѣнами Лейпцига; ибо, какъ онъ писалъ Фердинанду, его собственные подданные оказались настолько ослѣпленными, что «вѣрили словамъ непріятеля болѣе, чѣмъ мнѣ или кому-либо другому», а его настоятельныя просьбы о помощи не находили отклика ни при дворѣ императора, ни у сосѣднихъ чиновъ. У короля Фердинанда было точно такъ же мало охоты приносить жертвы ради территоріальныхъ интересовъ герцога; а когда въ концѣ концовъ онъ сталъ опасаться, что дальнѣйшимъ оттягиваніемъ онъ можетъ заставить своего ненадежнаго союзника заключить при посредствѣ ландграфа договоръ съ курфюрстомъ, тогда его чехи отказались идти за нимъ въ походъ. Глубоко угнетенный недавней потерей своей супруги, онъ явился въ Саксонію словно изгнанникъ съ ничтожною боевою силою, которую выставило большею частью католическое дворянство, между тѣмъ какъ утраквисты вспомнили свои преданія о враждѣ противъ Габсбурговъ и Рима, составляли форменные союзы противъ короля и завязали сношенія съ курфюрстомъ. Казалось, наступало то, что грозило при началѣ реформациі: союзъ между снова ожившимъ гуситствомъ и движеніемъ въ Германіи; протестантскимъ летучимъ листкамъ, которые проникли въ народъ, вторили чешскія боевыя пѣсни, въ которыхъ осмѣивали императора, какъ ошипаннаго голоднаго орла, а короля за его притязанія на наслѣдство своей супруги называли бабьимъ орломъ въ логовищѣ чешскаго льва. Іоганну Фридриху пришлось, однако, 27-го января снять осаду Лейпцига; съ валовъ города гремѣли орудія и напѣвъ насмѣшливой пѣсни: «Если ты раскаялся въ своемъ позорѣ, убирайся-ка опять домой». Почти одновременно съ этимъ явился отъ имени императора съ вспомогательными войсками маркграфъ Альбрехтъ; пришло извѣстіе, что слѣдомъ за нимъ идетъ императорская

армія. Но вскорѣ послѣ того движеніе, предпринятое его противниками противъ Галле, дало курфюрсту благопріятный случай для весьма удачнаго нападенія на нихъ врасплохъ. Маркграфъ, остановившись по пути въ слабо охраняемомъ городкѣ, Рохлицѣ, мѣстопробываніи сестры ландграфа, извѣстной ревностной евангелички (см. стр. 157, 161, 240), весело проводилъ время при маленькомъ дворѣ, пока, утромъ 2-го марта, не былъ захваченъ непріателемъ врасплохъ и самъ попалъ въ плѣнъ. Іоганнъ Фридрихъ, однако, снова впалъ въ свою обычную бездѣятельность вмѣсто того, чтобы воспользоваться своею побѣдою и перенести войну, напр., во Франконію; необходимость смѣлаго наступательнаго движенія, какъ вѣрно замѣчаетъ Фойгтъ, повидимому, настолько же не сознавалась имъ и его военными совѣтниками, какъ и «соображеніе, что противникъ дома Габсбурговъ, передовой боецъ евангеличества, долженъ прилагать совсѣмъ иную мѣрку и къ плану войны и къ театру военныхъ дѣйствій, чѣмъ врагъ своего двоюроднаго брата». А вѣдь теперь-то именно и важно было на дѣлѣ проявить себя человѣкомъ, достойнымъ величія момента. Императоръ еще не умеръ и не при смерти, какъ начали уже ходить объ этомъ слухи; онъ быстро приближался, рѣшеніе было не далеко.

Уже за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ Карлъ объявилъ, что явится въ Саксонію, но только извѣстіе объ рохлицкомъ пораженіи довело его до рѣшимости. Старѣющему властелину немалую тяготу причиняло его дряхлое тѣло; выносливость его именно въ это время, казалось, безпрестанно уменьшалась, почти видимо для окружающихъ его. Мучимый подагрой и болѣзнью мочевого пузыря, не будучи въ состояніи ходить безъ посторонней помощи, путешествуя въ носилкахъ, онъ такимъ образомъ медленно двинулся въ походъ черезъ Нёрдлингенъ и Нюрнбергъ до Эгера. Народъ думалъ, что испанцы везутъ съ собою только его набальзамированный трупъ. Въ Эгерѣ въ день Пасхи онъ сходилъ къ обѣднѣ, сопровождаемый своимъ братомъ и сыномъ его Максимиліаномъ, а также и протестантскими князьями, напр., Морицемъ и Августомъ саксонскими. То обстоятельство, что маркграфъ Гансъ Георгъ, сынъ курфюрста бранденбургскаго, тоже явился въ Эгеръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотъ всадниковъ, относилось не столько къ соглашенію, въ которое незадолго передъ тѣмъ вступилъ Іоachimъ съ королемъ Фердинандомъ и Морицемъ, сколько къ императору, благоволеніемъ котораго Гогенцоллерны задумали теперь воспользоваться именно противъ возвышенія Альбертинской линіи. Ибо у всѣхъ почти протестантскихъ участниковъ войны въ Саксоніи рѣшающую роль въ политикѣ играло желаніе получить Магдебургъ и Гальберштадтъ; какъ это соперничество обострило

рознь между веттинскими двоюродными братьями и даже отразилось на ихъ способѣ вести войну, такъ и Гогенцоллерны со своей стороны старались пріобрѣсти для своего дома это столь цѣнное владѣніе и дѣйствительно достигли того, что, послѣ того какъ маркграфъ Іоганнъ Альбрехтъ, тѣснимый арміей курфюрста саксонскаго, отказался отъ своего архіепископства, былъ избранъ сначала второй сынъ Іоахима Фридрихъ, и императоръ обѣщалъ потомъ похлопотать объ утвержденіи его въ Римѣ. Молодой маркграфъ, который самъ лично склонялся къ полу-евангелическимъ обрядамъ, введеннымъ его отцомъ, обѣщалъ все-таки повиноваться апостолическому престолу и постановленіямъ римско-католической церкви и не вводить никакихъ новшествъ впредь до рѣшенія собора. Несмотря на переменное счастье войны, императоръ неуклонно съ упорной настойчивостью преслѣдовалъ свою конечную цѣль: снова обратить всю Германію въ католичество; это возстановленіе единства вѣры было столь же необходимо для его плановъ политическаго переустройства имперіи, какъ и для его религіознаго чувства. Еще въ январѣ онъ взвѣшивалъ, какъ это выясняется изъ письма его къ брату, не пора ли отложить въ сторону всякое дальнѣйшее притворство, такъ какъ противники давно уже видятъ истинную причину войны въ религіозномъ вопросѣ; можетъ быть рѣшительнымъ словомъ державнаго вождя и внушительнымъ наказаніемъ проповѣдниковъ удастся вынудить у покорившихся уже имперскихъ чиновъ и эту послѣднюю жертву. Однако онъ рѣшился избрать иной путь: сначала окончательно уничтожить мятежниковъ, а затѣмъ уже приступить къ преобразованію порядковъ германской имперіи.

Судьба неспособнаго ни къ военному, ни къ политическому дѣлу курфюрста совершилась быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Онъ не отклонилъ совѣта ландграфа запереться до прибытія императора въ какой-нибудь большой крѣпости, напр., въ Магдебургѣ или Брауншвейгѣ, а даже напротивъ избралъ уже цѣлью неизбежнаго отступленія своего Магдебургъ, который вскорѣ послѣ того стойко выдержалъ продолжительную осаду. Но вмѣсто того, чтобы немедленно двинуться на сѣверъ, онъ предпринялъ обходное движеніе на востокъ черезъ Мейсенъ, при чемъ 13-го апрѣля былъ сдѣланъ набѣгъ на Дрезденъ. Одну часть своихъ боевыхъ силъ онъ направилъ въ Рудныя горы, при чемъ, какъ и при остановкѣ въ Мейсенѣ, имъ руководила мысль соединиться съ чехами. Но противникъ его, о численности и движеніяхъ котораго въ саксонской главной квартирѣ не имѣли, очевидно, совсѣмъ никакого представленія, уже 10-го апрѣля двинулся на сѣверъ. Впереди шли Морицъ и Альба съ испанцами, императоръ послѣдовалъ за ними 13-го съ главной арміей, съ твердымъ рѣшеніемъ, какъ пишетъ Морицъ, «найти врага, гдѣ бы онъ

ни былъ». Въ Мейсенѣ вообще не вѣрили въ прибытіе императора, говорили, что должно быть кто-нибудь представляетъ изъ себя императора по порученію герцога Морица. Только когда Карлъ 22-го апрѣля расположился лагеремъ уже всего въ нѣсколькихъ миляхъ, Іоганнъ Фридрихъ въ полночь переправился черезъ Эльбу, чтобы двинуться внизъ по рѣкѣ по правому берегу въ направленіи къ Виттенбергу. Въ то время какъ онъ сдѣлалъ остановку въ Мюльбергѣ, императоръ, вопреки совѣту герцога Альбы, двинулся поспѣшно еще до разсвѣта 24-го, чтобы подъ прикрытіемъ густого тумана добраться до Эльбы. Изъ тридцати, приблизительно, тысячъ человѣкъ большею частью испанскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ войскъ сражаться пришлось только однимъ всадникамъ, въ числѣ которыхъ были и гусары. Ибо, послѣ того какъ первыя вѣсти, что по ту сторону рѣки начинаютъ показываться непріятельскіе эскадроны, не помѣшали курфюрсту ни прослушать воскресную проповѣдь, ни пообѣдать, онъ совершенно потерялъ голову, когда около полудня туманъ разсѣялся, и не осталось болѣе никакого сомнѣнія, что противъ нихъ дѣйствительно стоитъ императоръ со всей своей значительно превосходной по численности арміей. Въмѣсто того, чтобы во что бы то ни стало удержать за собой правый берегъ и защищать стоявшій тамъ понтонный мостъ, немедленно начали поспѣшно отступать. Небольшіе отряды и орудія, отправленные къ рѣкѣ, отступили послѣ короткой перестрѣлки; и въ то время, когда императорскія войска начали наводить мостъ изъ собственныхъ и отбитыхъ у саксонцевъ барокъ, одинъ случайно захваченный сынъ бюргера изъ Мюльберга указалъ имъ, кромѣ того, удобный бродъ, по которому перешла вся императорская кавалерія, а наконецъ и самъ Карлъ V со своей свитой. Герцогъ Морицъ послалъ вдогонку сказать убѣгающему кузену своему, пусть онъ сдастся и рассчитываетъ на его посредничество; предложеніе было отвергнуто. Тогда Морицъ и Альба стали во главѣ преслѣдующихъ, ибо медленное сначала отступление курфюрста все болѣе и болѣе начинало походить на бѣгство. Передъ такъ называемой Лохауской пустошью, болотистымъ лѣсомъ, битва еще разъ потребовала остановки, но конницу курфюрста нельзя уже было удержать; послѣ перваго же залпа она помчалась дальше, не заботясь больше ни о пѣхотѣ, ни о своемъ государѣ. Между тѣмъ какъ Морицъ примкнулъ къ отчаянной погонѣ за конницей вмѣстѣ съ братомъ своимъ Августомъ и не разъ подвергалъ свою жизнь опасности, тучный Іоганнъ Фридрихъ отсталъ отъ своихъ, и непріятель догналъ его почти совсѣмъ одинокаго. Онъ какъ разъ рубился съ однимъ гусаромъ, когда подѣхалъ съ разными итальянскими всадниками одинъ дворянинъ герцога Морица и окликнулъ его на нѣмецкомъ языкѣ; Іоганнъ Фридрихъ сдался ему какъ

нѣмецкому дворянину. Примѣру его послѣдовалъ Эрнстъ, герцогъ брауншвейгскій, не покидавшій его до конца. Но не этотъ дворянинъ, а итальянскій офицеръ привелъ плѣннаго курфюрста къ герцогу Альбѣ.

Далеко не доходя до мѣста битвы, императоръ сдѣлалъ остановку. Послѣ перехода черезъ Эльбу онъ, несмотря ни на что, надѣлъ на себя полное панцырное одѣяніе; Тиціанъ впослѣдствіи изобразилъ, какъ онъ въ блестящихъ доспѣхахъ, съ копьемъ въ рукѣ, мчится по бранному полю. Но, какъ ни поразительна эта внезапная бодрость въ человѣкѣ, котораго считали почти мертвымъ, онъ все же не бросился въ самую свалку, какъ вѣттинцы, и не бился съ врагами. Да и безъ славы личныхъ боевыхъ подвиговъ онъ пожалуй ни въ одну минуту въ своей жизни не испытывалъ въ себѣ до такой степени непосредственно чувствъ побѣдителя, какъ въ тотъ часъ, когда онъ увидѣлъ, какъ герцогъ Альба ѣдетъ къ нему съ своимъ вѣнценоснымъ плѣнникомъ, при чемъ Іоганнъ Фридрихъ сидѣлъ на своемъ тяжеломъ фризскомъ жеребцѣ, въ черномъ вооруженіи, лицо его—онъ снялъ свой шлемъ—было залито кровью; Карлъ отклонилъ попытку курфюрста сойти съ коня, но не подалъ ему руки, не отвѣтилъ на его вѣжливое привѣтствіе, а на просьбу отвести ему тюрьму, соответствующую его княжескому сану, отвѣтилъ отказомъ. Съ Іоганномъ Фридрихомъ будутъ обращаться по заслугамъ, вымолвилъ онъ, отворачиваясь отъ него. Тогда курфюрстъ снова надѣлъ свою шляпу и сказалъ: «Дѣлайте со мной, что вамъ угодно, я въ вашей власти». Какъ императоръ нимало не пытался скрыть свою ненависть, такъ и этотъ въ другихъ случаяхъ столь ненаходчивый князь не забылъ, что и побѣжденный онъ не долженъ поступаться своимъ достоинствомъ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ пассивнымъ натурамъ, лучшая сила которыхъ пробуждается только подъ вліяніемъ страданія. Его твердость произвела глубокое впечатлѣніе на испанцевъ и итальянцевъ, какъ ни склонны они были большею частью относиться съ насмѣшкою къ «нѣмецкимъ скотамъ»; одному итальянскому гуманисту, который принималъ участіе въ этой войнѣ и описалъ ее, этотъ истый сынъ лютеровой реформаціи показался какъ бы древнимъ стоикомъ.

Такъ, безъ боя въ собственномъ смыслѣ, запечатлѣно было пораженіе протестантства въ Германіи. Но истинныя причины этого пораженія лучше всего раскрываетъ то благодарственное молебствіе, которое совершено было въ Берлинѣ, по поводу побѣды императора; придворный проповѣдникъ курфюрста Агрикола, прежній противникъ Лютера (стр. 63), сравнилъ переправу черезъ Эльбу «благочестиваго» императора съ чудеснымъ переходомъ сыновъ Израилевыхъ черезъ Чермное море. То обстоятельство, что и чешскіе земскіе чины поздравили въ Прагѣ императора и отслужили

благодарственную мессу за дарованіе ему побѣды, указывало на ненадежность союза, которому Іоганнъ Фридрихъ придавалъ слишкомъ большое значеніе. Нельзя сказать, чтобы въ самомъ курфюршествѣ Саксоніи тотчасъ же наступилъ полный упадокъ духа; тамъ еще питали надежды на сѣверо-германскіе города, на Францію, на турецкаго султана, и виттенбергцы, повинувшись воззванію наслѣдника своего курфюрста, казалось, готовы были «смотреть на родной городъ, какъ на свою могилу». Дерзали еще даже мечтать о наступательномъ движеніи противъ Нидерландовъ, «сердца и сокровищницы непріятеля». А между тѣмъ Карлъ V произнесъ въ лагерѣ подъ Виттенбергомъ смертный приговоръ взятому въ плѣнъ курфюрсту, за объявленіе опалы императору, разумѣется, не намѣреваясь привести его въ самомъ дѣлѣ въ исполненіе. Какъ ни безстрашно выслушалъ Іоганнъ Фридрихъ чтеніе своего приговора, все же подъ такимъ страшнымъ давленіемъ онъ сталъ сговорчивѣе на суровыя условія, которыя возлагала на него капитуляція, заключенная 19-го мая. Тщетно послѣ сдачи города вмѣстѣ съ его супругой Сибиллой курфюрствъ бранденбургскій, два сына римскаго короля и цѣлый рядъ другихъ князей на колѣняхъ упрашивали императора; онъ остался при своемъ: Іоганнъ Фридрихъ долженъ отказаться отъ званія курфюрста и земель, принадлежащихъ курфюршеству; передать свои крѣпости императору и оставаться подъ стражею при дворѣ Карла V или инфанта Филиппа, пока это будетъ угодно императору. Предложеніе подчиниться постановленіямъ собора плѣнникъ отвергъ стойко, ссылаясь на исповѣданіе вѣры 1530 года и на постановленіе имперскаго сейма 1544 года (стр. 253). Впрочемъ и будущему курфюрсту приходилось чувствовать невыгоды своего неравнаго союза съ Габсбургами; онъ далеко не получилъ всего того, на что онъ разсчитывалъ и чего требовалъ, а долженъ былъ, чтобы обезпечить молодымъ членамъ эрнестинской линіи ежегодный доходъ въ пятьдесятъ тысячъ гульденовъ, предоставить имъ часть земель въ Тюрингіи, а королю Фердинанду лены эрнестинскаго дома въ Чехіи; пока еще не заходило и рѣчи насчетъ Магдебурга и Гальберштадта. Не могъ же императоръ оказаться настолько неосмотрительнымъ, что, только что сдѣлавши безвреднымъ одного изъ самыхъ высшихъ имперскихъ чиновъ, онъ сталъ бы теперь пролагать путь альбертинцу къ независимому положенію. Напротивъ, онъ остался при испытанномъ основномъ правилѣ: *divide et impere*; чтобы держать стремившагося къ возвышенію Морица въ постоянной неувѣренности и зависимости, у него было средство, лучше котораго и желать не оставалось, именно, до известной степени поддерживать соперничество между обѣими саксонскими линіями, и въ этомъ отношеніи личность Іоганна Фридриха пріобрѣтала особенную цѣнность для него, и порой онъ нарочно выставлялъ это на показъ своимъ

то любезнымъ, то даже почтительнымъ обращеніемъ со своимъ плѣнникомъ. Какъ изумились виттенбержцы, когда на праздникъ Пасхи ихъ прежній государь получилъ дозволеніе явиться въ стѣнахъ города подъ балдахиномъ, который несли испанскіе дворяне! Сынъ Гранвелы, епископъ arrasскій, не зналъ какъ нахвалиться передъ канцлеромъ юныхъ эрнестинцевъ тѣмъ, что Альба и самъ онъ ежедневно хлопочутъ въ ихъ пользу передъ императоромъ; «онъ говорилъ: должно прощать зло, ибо все случившееся было предрѣшено судьбой». Отвѣтственность за то собственно, что курфюрстъ не получилъ свободы, старались свалить на Морица. Наконецъ, само собой разумѣется, попытки возстановить сносныя отношенія между обѣими линіями не находили никакой поддержки при императорскомъ дворѣ; «пусть будетъ положена между обоими государями преграда, чтобы не могло возстановиться единомысліе между ними», говорилось на одномъ собраніи земскихъ чиновъ Саксоніи. Понятное отвращеніе прежняго государя и его приверженцевъ къ родственному по происхожденію «кровожадному псу и дьявольскому отродью» превосходно подходило къ намѣреніямъ габсбургской политики, которая старалась извести путемъ внутреннихъ раздоровъ силы имперскихъ чиновъ и сдѣлать ихъ покладистыми для монархическаго управленія.

Положимъ, и послѣ катастрофы при Мюльбергѣ нашлась еще среди протестантовъ боевая сила, которая дерзнула выступить на поле битвы. Отряды ниже-саксонскихъ городовъ: Магдебурга, Бремена, Гамбурга, Брауншвейга и др., подъ начальствомъ Христофора, графа ольденбургскаго (стр. 227), и Альбрехта, графа мансфельдскаго, соединились съ тѣмъ остаткомъ саксонской арміи, который долженъ былъ дѣйствовать на чешской границѣ, и имъ удалось не только принудить къ отступленію императорскихъ полководцевъ Эриха брауншвейгскаго и Врисберга, которые осаждали Бременъ, но и нанести подъ Дракенбургомъ 23-го мая такое пораженіе молодому герцогу, что его слишкомъ поздно подоспѣвшій товарищъ Врисбергъ долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что поспѣшно умчался съ доставшейся ему въ добычу военной кассой непріятеля. Городскіе «барочники и мужики» изрядно отплатили императорскимъ войскамъ за эти насмѣшливыя прозвища. Несмотря на это, Карлъ V избавленъ былъ отъ труда задержаться надолго при завоеваніи «крѣпкихъ и бѣдныхъ» городовъ сѣверной Германіи, такъ какъ они предпочли не дожидаться объявленія надъ ними опалы, исполнителей которой безспорно легко было найти среди имперскихъ князей. Защищаться рѣшилъ одинъ только Магдебургъ, городъ, по мнѣнію короля Фердинанда, «искони болѣе мятежный, крѣпкій и важный, чѣмъ тысячи другихъ городовъ». Но императоръ все-таки не желалъ приниматься за осаду его, которая могла затянуться очень долго, тѣмъ болѣе,

что единственный не покоренный еще князь, ландграфъ, безъ боя счелъ свое дѣло пропавшимъ. Тщетно искалъ онъ иноземной помощи; кругомъ его были недовольные подданные и злокозненные сосѣди; южно-германскіе протестанты считали его истиннымъ виновникомъ всѣхъ неудачъ,—такъ проходили мѣсяцъ за мѣсяцемъ, положеніе его не измѣнялось, старанія добиться у императора болѣе благопріятныхъ условій не имѣли успѣха. Какой переломъ долженъ былъ совершиться въ этомъ прежде столь воинственномъ государѣ, если онъ сталъ склоняться къ отвергаемому имъ прежде взгляду: «Богу, можетъ быть, не угодно, чтобы слово Его сохранялось мечомъ и насиліемъ, а проповѣдью, исповѣданіемъ, страданіемъ, смертью и крестомъ». Однако вовсе не христіанская покорность Провидѣнію, а лишь черезчуръ сангвиническій расчетъ побудилъ ландграфа покориться и просить прощенія. Зять его и курфюрстъ Іоахимъ не могли добиться у императора больше того только, что ландграфъ долженъ выдать императору всю свою артиллерію, срыть всѣ свои крѣпости, кромѣ одной, и сдаться самъ безусловно. Это послѣднее условіе императоръ истолковалъ посредникамъ въ томъ смыслѣ, что онъ не намѣренъ лишить ландграфа жизни или подвергнуть его пожизненному заключенію въ тюрьмѣ, но Филиппъ не долженъ однако знать объ этомъ объясненіи. Карлъ, слѣдовательно, прямо оставлялъ за собой право лишить своего противника свободы, да и по ходу самого акта подчиненія не оставалось уже никакого сомнѣнія, что онъ рѣшился воспользоваться этимъ правомъ на дѣлѣ. Не Карлъ былъ виноватъ, если Филиппъ явился въ Галле съ полной увѣренностью, что все это испрошеніе прощенія будетъ просто одной формальностью; отвѣтственность за это, напротивъ, вполнѣ падаетъ на обоихъ князей-посредниковъ, которые увѣрили ландграфа, что до ареста дѣло не дойдетъ, и что за это они готовы даже головой своей поручиться. Извѣстенъ рассказъ Застрова, хорошаго наблюдателя, какъ императоръ, когда ландграфъ не могъ скрыть своего веселаго настроенія во время колѣнопреклоненія, съ угрозой крикнулъ ему: «Ладно, я васъ научу смѣяться!» Во всякомъ случаѣ въ то время посредники знали уже, что Карлъ не протянетъ руки униженному ландграфу. Этотъ общепринятый внѣшній знакъ примиренія не былъ поданъ, а между тѣмъ императорскій отвѣтъ послѣ снятія опалы обезпечивалъ ландграфа только отъ смертной казни, конфискаціи и пожизненнаго заключенія въ тюрьмѣ. Какъ передъ тѣмъ князья обѣдали у Гранвелы младшаго, такъ теперь (19 іюня) они приглашены были къ вечернему столу Альбы, которому поручено было арестовать ландграфа, въ этомъ конечно сказалось чисто испанское вѣроломство. Неужели же Морицъ и Іоахимъ все еще въ самомъ дѣлѣ надѣялись, что императоръ выпуститъ опять изъ своихъ рукъ человека,

на котораго онъ смотрѣлъ прямо-таки какъ на личнаго врага своего? Со всѣми признаками глубочайшаго изумленія и негодованія они протестовали противъ поступка Альбы, но ссыла на то, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе, не могла устоять передъ яснымъ и точнымъ смысломъ договора, заключеннаго ими съ императоромъ, такъ что имъ не оставалось ничего больше, какъ провести вмѣстѣ съ плѣнникомъ еще два, три дня. Въ качествѣ самыхъ драгоцѣнныхъ трофеевъ побѣды императоръ повезъ съ собою на сеймъ обоихъ вождей разбитаго на голову нѣмецкаго протестантства. Онъ тѣшился тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ давалъ довольно ощутительно почувствовать побѣжденнымъ всю горечь ихъ положенія; насмѣшливой улыбкой онъ отвѣчалъ на глубокіе поклоны Іоганна Фридриха, а вызывающее поведеніе доведеннаго до отчаянія ландграфа побуждало его только усилить унижительныя мѣры предосторожности, которыя прямо напоминаютъ обращеніе еъ Людовикомъ XVI и съ его семействомъ въ Тамплѣ. Быть можетъ, ему передали какъ-нибудь угрозу, которую приписывали ландграфу, что, «если бы его величество, императоръ, попался въ его руки, онъ приказалъ бы распятъ его на крестѣ, а по обѣ стороны его повѣсилъ бы по кардиналу». Во всякомъ случаѣ въ этомъ неутомимомъ и, по его убѣжденію, въ высшей степени не надежномъ князѣ онъ видѣлъ весьма опасный элементъ, который слѣдовало сдѣлать безвреднымъ для коренного преобразованія заново порядковъ въ Германіи, предпринимаемаго императоромъ какъ разъ въ это время. Одно насмѣшливое стихотвореніе этой поры поворота въ обстоятельствахъ въ грубыхъ словахъ высказываетъ, какъ «императоръ Карлъ гентскій рассѣялъ Шмалькальденскій союзъ... Вюртембержецъ подавай вина, ландграфъ подноси его, императоръ Карлъ будетъ пить, а расплачиваться придется имперіи, у шмалькальденцевъ пусто въ карманѣ».

Теперь или никогда могъ Карлъ приступить къ тому, чтобы предпринимать свои желанія Германіи и Европѣ, дѣятельно приняться за осуществленіе самыхъ задушевныхъ своихъ замысловъ. Міровое политическое положеніе въ теченіе одного года сильно измѣнилось въ его пользу. Въ то время, какъ онъ пролагалъ себѣ свободный путь въ имперіи, чтобы избавиться разомъ и отъ ереси и отъ вольностей имперскихъ чиновъ, въ Англіи и Франціи быстро одна за другой послѣдовали перемѣны правителей; 28 января 1547 года опустили въ могилу Генриха VIII, а 31-го марта похоронили Франциска I. Ходилъ, положимъ, слухъ, будто король Генрихъ II намѣренъ поберечь расходы на коронованіе, чтобы добыть денегъ на вооруженія, но на первое время при французскомъ дворѣ одержало, однако, верхъ нерасположеніе помѣряться силами съ побѣдителемъ при Мюльбергѣ, давнишній сторонникъ котораго Монморанси снова пріобрѣлъ утраченное

при Францискѣ вліяніе; зато несогласія между Франціей и Англіей снова обострились, и, хотя Генрихъ II не преминулъ по установившемуся обычаю обнадежить нѣмецкихъ протестантовъ обѣщаніемъ своей помощи, однако, интересы и боевыя силы Франціи обращены были главнымъ образомъ на происшествія на британскихъ островахъ. Французскія войска сражались бокъ о бокъ съ шотланцами противъ Англіи; въ то же время составленъ былъ планъ отнять опять у Англіи уступленную ей въ 1546 году Булонь. А сама Англія, не говоря уже объ этихъ военныхъ замѣшательствахъ, шла навстрѣчу не только религіознаго переворота, но и тяжелаго соціального перелома, который, напоминая революцію 1525 года въ Германіи, носилъ еще болѣе исключительно аграрный характеръ. Эдуардъ Сеймуръ, герцогъ соммерсетскій, руководившій управленіемъ страны въ званіи лорда протектора во время малолѣтства племянника своего Эдуарда VI, самъ склонялся къ евангеличеству, былъ врагомъ шотландцевъ и французовъ; въ то же время его подозрѣвали въ стремленіи къ абсолютизму и нѣкоторой симпатіи къ демократіи; при такомъ положеніи и при подобномъ руководителѣ Англія не могла и думать о томъ, чтобы вступаться еще въ великія замѣшательства на материкѣ. Съ востока Габсбурги были обезпечены отъ опасности миромъ, который турецкое правительство, находившееся въ натянутыхъ отношеніяхъ съ Персіей, заключило съ Фердинандомъ 19-го іюня, положимъ, только подъ условіемъ ежегоднаго взноса дани со стороны короля; Мартинuzzi, повелитель Семиградья, тоже сталъ снова искать своей выгоды въ союзѣ съ Австріей. Упомянутые выше (стр. 282) заговоры и проекты противъ императора въ Италіи не имѣли успѣха; сторонники переворота въ Генуѣ вслѣдствіе роковой случайности въ самомъ началѣ лишились своего вождя Фіеско; возстаніе неаполитанцевъ противъ введенія испанской инквизиціи (въ маѣ 1547 г.) было подавлено безъ большого труда. И все-таки именно изъ Италіи должно было выйти самое упорное изъ всѣхъ сопротивленій, которыя вообще приходилось испытывать Карлу V въ его замыслахъ владычества надъ міромъ. Никто въ Европѣ не выступилъ раньше и дѣятельнѣе папы противъ полного подавленія протестантовъ въ Германіи.

Мы давно уже ознакомились съ этимъ страннымъ невольнымъ положеніемъ итальянскаго папства и съ его глубокими послѣдствіями (стр. 3, 17). Мы видимъ, какъ эти намѣстники Христа, чтобы не сдѣлаться вассалами надменныхъ императоровъ, все снова и снова принуждены вступать въ прямо не высказанный, конечно, но на самомъ дѣлѣ существующій союзъ съ элементами, политическая поддержка которыхъ была желательна для папства, связаннаго съ владѣніемъ Церковною областью, хотя на знамени ихъ и была написана борьба противъ Рима. И Павелъ III благопріятствовалъ этой

исконной политикѣ, однако, не исключительно въ интересахъ только рода Фарнезе, а также и въ качествѣ носителя тройной короны. Ибо этотъ неудобный Габсбургъ всюду становился ему поперекъ дороги, какъ на соборѣ, такъ не менѣе того и на извилистыхъ путяхъ его династическихъ вождедѣній; всюду приходилось сталкиваться съ властелиномъ, который желалъ свободно распоряжаться Италіей, отбирать въ казну церковныя владѣнія въ Испаніи, распоряжаться на соборѣ въ Тріентѣ, привлекать къ своему суду великій религіозный споръ въ Германіи. Религіозные и политическіе интересы переплелись неразрывно; недовольство папы и легатовъ тѣмъ, что императоръ старался обезпечить себѣ вліяніе на Тридентинскій соборъ, совпало съ недовольствомъ дома Фарнезе. Еще до заключенія союза между папою и императоромъ противоположности эти обострились до опаснаго положенія. На «вселенскомъ» соборѣ, который открылся въ Тріентѣ 13-го декабря 1545 года при участіи всего лишь 34 прелатовъ, испанскіе епископы и посолъ императора съ самаго начала составляли истинное ядро оппозиціи, хотя и часть итальянцевъ держалась въ высшей степени «лютеранскихъ» взглядовъ. Желаніе императора, чтобы поощадили устанавливать догматы, не было исполнено (стр. 264, 274), хотя и папская партія принуждена была, конечно, отказаться отъ полного устраненія вопросовъ о преобразованіи церкви. Но заключенія, возвыщенные на четвертомъ засѣданіи (8-го апрѣля 1546 года), вслѣдствіе безусловнаго признанія авторитета вульгаты и церковнаго преданія повели къ непоправимому разрыву съ протестантами, противъ чего императоръ боролся еще раньше; опять-таки наперекоръ желанію Карла V на пятомъ засѣданіи послѣдовало провозглашеніе догмата о первородномъ грѣхѣ, послѣ чего обратились уже къ главному вопросу, къ ученію объ оправданіи. Если съ одной стороны испанскіе епископы осмѣливались, при случаѣ, обращаться съ просьбой къ императору о защитѣ противъ Рима, съ другой стороны папская партія грозила отсрочать и перенести соборъ въ другое мѣсто, Карлъ въ свою очередь приказалъ сказать легату Червино, что онъ проучитъ его за это и постарается, чтобы тотъ нигдѣ не могъ укрыться отъ него. И въ то время какъ папскія войска участвовали въ походѣ съ императоромъ, сынъ папы, Пьеръ Луиджи, котораго Карлъ не желалъ признать герцогомъ, убѣдился сверхъ того, что въ лицѣ Ферранте Гонзага, новаго императорскаго намѣстника въ Миланѣ, рядомъ съ нимъ поставили прямо-таки врага ему; тщетно въ Римѣ надѣялись, что этотъ важный постъ будетъ предоставленъ молодому Оттавіо Фарнезе. Неудивительно, что Пьеръ Луиджи возобновилъ свои прежнія отношенія съ Франціею, что онъ заодно съ Франціею участвовалъ въ заговорѣ Фіеско. Казалось, недалеко до возобновленія лиги 1526 года противъ императора (стр. 23 сс.), но теперь

однако Флоренція и Миланъ были въ рукахъ противника. Несмотря на это, папа рѣшился покинуть императора въ самый разгаръ войны съ протестантами, потому что успѣхи и притязанія императора нагнали мало-по-малу прямо ужасъ на него. И, какъ ни благопріятно сложился для императора исходъ дунайской кампаніи, однако, онъ дѣлалъ неизбѣжнымъ дальнѣйшее напряженіе военныхъ, а слѣдовательно, и финансовыхъ силъ; Карлъ, и безъ того не скрывавшій своей досады на торгашескіе приемы папы, субсидіи котораго поступали медленно, потребовалъ не только выговореннаго раньше (стр. 274) высокаго обложенія испанской церкви, но ни болѣе, ни менѣе распространенія этой мѣры на всѣ свои имперіи и государства, а это получало уже видъ совершенно насильственной секуляризаціи. вмѣсто того Павелъ III неумолимо отозвалъ въ январѣ 1547 года свои войска изъ Германіи; въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ могъ оправдывать эту мѣру еще и тѣмъ, что Карлъ до сихъ поръ предоставлялъ побѣжденнымъ лютеранамъ право терпимости ихъ религіи, вмѣсто того, чтобы принуждать ихъ подчиниться постановленіямъ собора; а на соборѣ какъ разъ въ это время легать, которому пригрозилъ императоръ, прямо нарочно наперекоръ испанцамъ провозвѣстилъ ученіе объ оправданіи. Епископовъ, которые не явились въ Тріентъ — разумѣлись главнымъ образомъ нѣмецкіе епископы — слѣдовало прямо отдать подъ судъ. Соборъ принималъ все болѣе и болѣе враждебное положеніе не только относительно протестантовъ, но и самого императора. Папскому нунцію въ Германіи приходилось выслушивать страшныя вспышки гнѣва гордаго императора: извиненія по поводу отозванія войскъ—это нелѣпая болтовня, папскія пожеланія успѣха императору—притворство, напротивъ въ Римѣ съ самаго начала надѣялись запутать его въ по возможности продолжительныя замѣшательства; папа, несмотря на свою глубокую старость, страдаетъ очевидно французской болѣзнью. Въ переговорахъ своихъ съ протестантами императоръ потому-де и оставилъ папу въ сторонѣ, что «имя его ненавистно не въ одной только Германіи, а и во многихъ другихъ частяхъ христіанскаго міра вслѣдствіе его дурныхъ поступковъ, и до такой степени ненавистно, что упоминаніе о немъ не только не принесло бы никакой пользы, а напротивъ причинило бы великій вредъ». И въ довершеніе всего, когда послѣ смерти Генриха VIII съ римской стороны попытались внушить, что Карлу V слѣдуетъ обратить свое оружіе противъ схизматической Англіи, онъ заявилъ, что въ угоду папѣ онъ не обнажитъ меча ни противъ короля Англіи, ни противъ кого бы то ни было другого на свѣтѣ, хотя бы это былъ самый негодный человѣкъ; впредь онъ намѣренъ почитать святого ап. Петра, но не папу Павла; а что касается войны въ Германіи, то въ случаѣ, если окажется недостаточно папскихъ

солдатъ, онъ разсчитываетъ на то, что нунцій и легатъ стануть въ первую боевую линію; тогда видно будетъ, много ли проку въ ихъ благословеніяхъ. Папа со своей стороны выразилъ передъ французскимъ посланникомъ свое удовольствіе по поводу успѣховъ Іоганна Фридриха въ Саксоніи и увѣрялъ, что для французскихъ денегъ нельзя найти лучшаго употребленія, какъ для поддержки тѣхъ, кто оказываетъ сопротивленіе общему съ ними врагу. А 11-го марта послѣдовалъ главный ударъ въ Тріентѣ; нѣсколько смертныхъ случаевъ послужили предлогомъ къ тому, чтобы перенести соборъ въ Болонью изъ зачумленнаго города. Испанцы остались вопреки рѣшенію большинства; готовился расколъ. «Перенесеніе собора, по мнѣнію Янсена, было несчастьемъ для церкви».

Какъ во время вышеописанной борьбы императора съ Климентом VII, такъ и теперь раздались вѣскіе голоса, побуждавшіе Карла V взять въ свои руки преобразование церкви, къ которому столь небрежно относится папа (ср. стр. 35 и сл.). Ибо ни императоръ, ни протестанты не могли предоставить рѣшенія по величайшему вопросу времени этому собору въ Болоньѣ. Еще Бурламакки, республиканецъ съ налетомъ еретичества, попавшій въ 1546 году въ руки императора послѣ неудачной попытки освободить свой родной городъ Лукку отъ тосканскаго владычества, совѣтовалъ ему двинуться съ нѣмецкими и итальянскими войсками на Римъ и освободить церковь отъ пагубнаго для нея бремени ея свѣтскихъ владѣній. И когда въ февралѣ 1547 года король Фердинандъ предложилъ своему брату представить на усмотрѣніе папской куріи и собора проектъ реформациі, который должны выработать сообща католическіе теологи Германіи и другихъ земель, тогда Козьма Медичи очутился почти на той же дорогѣ, какъ и смертельный врагъ его Бурламакки. Въ письмѣ своемъ отъ 6-го февраля къ Гранвелѣ онъ совѣтовалъ сначала произвести такое давленіе на папу, по возможности, не насиліемъ, а при посредствѣ собора, чтобы можно было достигнуть мирнымъ путемъ желаннаго преобразованія церкви, т. е. прежде всего устраненія неограниченной власти папы и тиранніи духовенства; вслѣдствіе этого рушилась бы сама собой и нѣмецкая ересь. Это принесло бы его величеству вдвое больше славы, чѣмъ всѣ его остальные успѣхи вмѣстѣ взятые. Одинъ развѣ папа, пожалуй, возсталъ бы противъ этого, но, въ случаѣ если бы онъ рѣшился оказать отчаянное сопротивленіе, его слѣдуетъ «проучить такъ, чтобы при жизни его величества и сыновей его величества папы не затѣвали поминутно заводить смуты въ мірѣ».

Съ тѣхъ поръ Павелъ III преградилъ своему противнику путь преобразованія церкви черезъ посредство собора. Теперь Карлу V предстояло одновременно справиться и съ Германіей и съ Римомъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Императорская реформація.

Нѣсколько десятилѣтій передъ тѣмъ одинъ итальянскій гуманистъ уподобилъ власть императора тѣни высокаго дерева, солнечному лучу, пробивающемуся въ окно; слѣдовало бы-де хотъ разокъ попробовать удержать въ рукѣ одну лишь унцію этого свѣта. Эта черезчуръ даже заслуженная въ прежнее время насмѣшка безспорно была бы совсѣмъ неумѣстна въ 1547 году. Въ распоряженіи побѣдоноснаго испанца была такая грозная сила, какой не слыхано со временъ Карла Великаго, какою въ XIX вѣкѣ короткое время пользовался мощный корсиканецъ. Ибо тогдашнее положеніе Карла V въ Германіи представляетъ какъ бы торжество романскаго элемента; послѣ того, какъ романцы давно уже завоевали себѣ первое мѣсто почти во всѣхъ областяхъ исторической жизни (т. I, стр. 169 сс.), теперь и народъ, старыя притязанія котораго на высшее достоинство въ христіанскомъ мірѣ казались анахронизмомъ міру, измѣнившемуся въ самой сути своей, и этотъ народъ долженъ былъ совлечь съ себя свое притязательное величіе, и чужія руки должны были спасти его отъ анархіи, съ которой самъ онъ не въ силахъ былъ справиться. Довольно ясно высказывается презрѣніе ко всему нѣмецкому въ сообщеніяхъ и сужденіяхъ иноземныхъ наблюдателей; вѣдь одинъ венеціанскій посланникъ считаетъ прямо-таки возмутительнымъ, что избраніе императора находится въ рукахъ всего только шести нѣмецкихъ князей безъ всякаго участія прочихъ государей христіанства; да и въ числѣ этихъ шести трое духовныхъ и съ виду простые капланы, а трое свѣтскихъ ежедневно пьяны. А между тѣмъ нельзя было отказать этой обширной нѣмецкой землѣ въ богатствѣ солдатами и деньгами; теперь для императора, повидимому, явилась возможность свободнѣе, чѣмъ прежде, располагать всѣми этими средствами. Со всѣхъ сторонъ высказывалось убѣжденіе, что онъ въ томъ или иномъ видѣ измѣнитъ имперскія учрежденія, подчинитъ Германію монархической, «наслѣдственной» власти. Да вѣдь въ сущности со времени Фридриха III императорскую власть можно было почти что считать наслѣдственной въ родѣ Габсбурговъ! Теперь, казалось, исполнялось пресловутое изреченіе, что весь земной шаръ будетъ подвластнымъ австрійскаго государства. Одинъ нѣмецкій ученый не пожалѣлъ труда на то, чтобы сопоставить всѣ безчисленные пророчества, въ коихъ отъ временъ ветхозавѣтныхъ вплоть до XVI вѣка провозвѣщалось появленіе великаго и священнаго императора; у нѣмецкаго народа прошла уже, разумѣется, охота находить въ недоступномъ чужеземномъ вла-

стелинѣ черты прежде чаемаго императора-освободителя. А самъ Карлъ V, какъ вѣрно догадывался свѣтъ, съ самаго начала войны принялъ твердое рѣшеніе «живымъ или мертвымъ» остаться императоромъ въ Германіи. Онъ рѣшилъ подвести этимъ итогъ своей жизни.

До насъ дошло изображеніе Карла V изъ этого времени, вышедшее изъ рукъ такого художника, какъ Тиціанъ, и оно даетъ намъ возможность ближе познакомиться съ этимъ грознымъ монархомъ. Мертвенный цвѣтъ лица, пронзительный взглядъ, посѣдѣвшая на половину борода говорятъ намъ о человѣкѣ, который состарился преждевременно, не подъ бременемъ годовъ, а отчасти подъ гнетомъ преисполненнаго трудовъ существованія, отчасти подъ вліяніемъ тѣлесныхъ недуговъ. Наперекоръ своему слабому тѣлосложенію, онъ крайнимъ напряженіемъ силы воли выработалъ изъ себя наѣздника по всѣмъ правиламъ и воина (т. I, стр. 193 сс., 330), подобно тому, какъ онъ въ важныхъ случаяхъ могъ преодолѣть въ себѣ прирожденную пугливость, которая заставляла его дрожать при видѣ мышей и пауковъ. Когда подъ Ингольштадтомъ ему доложили о наступленіи протестантовъ, его охватила дрожь отъ нервнаго возбужденія, а вскорѣ послѣ этого, надѣвши доспѣхи и сидя на конѣ, онъ хладнокровно подвергалъ себя опасности подъ выстрѣлами пушекъ непріятеля. Но къ этой борьбѣ самообладанія съ тѣлесной немощью присоединился изнурительный кабинетный трудъ, непрерываемый десятки лѣтъ подрядъ, а затѣмъ и скудные часы досуга императора, хрупкое тѣлосложеніе котораго совсѣмъ не подходило для такихъ напряженій, тратились на удовлетвореніе его прямо-таки не знавшей никакой мѣры жажды наслажденій. Его подвиги въ истребленіи кушаній и напитковъ прославлялись даже въ тѣ времена самаго сильнаго излишества въ ѣдѣ, да и прекрасный полъ не могъ жаловаться на пренебреженіе съ его стороны, какъ ни безшумно проходили его любовныя походы. Отъ человѣка, который весь въ полномъ смыслѣ слова отдается наслажденію жизнью, онъ отличался однако тѣмъ, что всѣ его опыты въ наслажденіи жизнью совершались въ тишинѣ, и что никогда онъ не ронялъ достоинства своего высокаго сана; точно такъ же онъ намѣренно рѣдко показывался народу. Никогда онъ не забывалъ настолько легкомысленно уваженія къ своему величеству, какъ это дѣлали Францискъ I или вѣнценосные кутилы нѣмецкаго народа. Нельзя сказать, чтобы въ его обществѣ когда-нибудь бывало весело; не произнося ни слова, порой лишь искривляя для улыбки ротъ подъ впечатлѣніемъ шутки испанца, своего придворнаго шута, онъ выбиралъ среди 24 блюдъ своего стола, опоражнивалъ свою стопу почтенныхъ размѣровъ. «Онъ впятеро дольше нашего брата потягиваетъ изъ своей стопы и выпиваетъ въ одинъ пріемъ не менѣе доброй кварты рейнвейна», рассказываетъ одинъ англи-

чанинъ-очевидецъ. На совѣты постоянно окружавшихъ его врачей онъ обыкновенно не обращалъ большого вниманія. Рядомъ съ шумной веселостью, которая царила вокругъ его пожалуй черезчуръ уже живого брата, такое молчаливое обжорство выдѣлялось вдвойнѣ странно. «Онъ живетъ словно какимъ-то чудомъ и наперекоръ всѣмъ правиламъ природы и врачебнаго искусства», говорится въ одномъ французскомъ сообщеніи. Довольно тяжело заплатилъ Карлъ за свою неумѣренность въ трудахъ и въ наслажденіяхъ: подагра и другіе недуги никогда не покидали этого властелина; у него ясно проявлявшееся чувство долга соединено было однако съ не менѣе сильнымъ самодурствомъ. Ибо сознаніе своего могущества ни на минуту не покидало его; его высокомерная, всегда полупрезрительная манера, съ которою онъ иногда позволялъ себѣ снизойти до умѣренной шутки, намъ знакома по записямъ одного испанскаго дворянина, своеобразное безстыдство котораго не разъ находило благосклонный пріемъ у императора. Дѣйствительно симпатичны для него были всегда все же одни только испанцы, тогда какъ съ итальянцами и нѣмцами онъ порой обращался съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Никогда онъ будто бы не смѣялся такъ отъ души, какъ послѣ одной злостной шутки, которую его придворный шутъ позволилъ себѣ однажды насчетъ итальянскихъ солдатъ; его пристрастное расположеніе къ молодому князю Сульмонѣ только и могли объяснить тѣмъ, что стали считать его незаконнымъ сыномъ императора. При этомъ Карлъ вовсе не былъ не чувствителенъ къ блестящимъ сторонамъ итальянской культуры; въ 1530 году онъ посѣщалъ церкви и монастыри въ Болоньѣ не изъ одного только благочестія, а и въ качествѣ знатока и собирателя художественныхъ сокровищъ; онъ, какъ извѣстно, наградилъ званіемъ пфальцграфа и рыцаря, въ качествѣ Апеллеса своего времени, величайшаго изъ венеціанскихъ художниковъ, которому приходилось часто изображать его; онъ не только давалъ также и многимъ другимъ художникамъ работу, но и почиталъ ихъ. Въ императорѣ Карлѣ V сказывается сынъ эпохи Возрожденія въ томъ, что онъ беретъ съ собой въ тунисскій походъ живописца, что по окончаніи Шмалькальденской войны онъ вызываетъ къ себѣ черезъ покрытыя снѣгомъ Альпы маститаго Тиціана, чтобы въ Аугсбургѣ создать во весь ростъ портретъ побѣдителя. Но какъ въ этомъ меценатствѣ императора играло роль не одно только исключительно художественное наслажденіе, а и желаніе увѣковѣчить свою славу, такъ и въ томъ, что Карлъ между дѣломъ любилъ заниматься астрономіей и механикой, невольно проявляется мастеръ въ искусствѣ политики, который смотритъ на руководство людьми, на пользованіе ихъ сильными и слабыми сторонами, какъ на большую математическую задачу.

Ибо единственной истинной страстью этой замкнутой натуры была

политика. Даже несомненно не притворная религіозность его до того прониклась разными элементами политики, интересы католической вѣры и его собственной монархіи до такой степени совпадали другъ съ другомъ, по его убѣжденію, что среди непрестанныхъ замѣшательствъ изъ-за церковныхъ и мірскихъ вопросовъ, которыя возникали въ этотъ вѣкъ, мы ни разу не испытываемъ впечатлѣнія, чтобы Карлу V хотъ сколько-нибудь мѣшали при выборѣ средствъ и цѣлей религіозныя сомнѣнія. Такимъ образомъ есть крупинка истины во мнѣніи одного французскаго дипломата, что «религія, справедливость и честь имѣютъ для него значеніе лишь настолько, насколько онѣ могутъ служить его выгодѣ, но не болѣе того». Лучшимъ свидѣтельствомъ того, что политическіе вопросы волновали его глубже всего, служить та не знающая удержу горячность, до которой позволялъ себѣ иногда увлекаться этотъ въ другихъ случаяхъ осмотрительный и скупой на слова государь, когда его противники или союзники разстраивали его расчеты. Тогда онъ вдругъ дѣлался краснорѣчивымъ и прибѣгалъ либо къ ѣдкой насмѣшкѣ, либо къ явному оскорбленію. Въ обычное время видѣли, конечно, только сдержанную важность царственного дипломата, который приучился самъ исполнять наиболѣе трудныя работы свои. Положимъ, какъ разъ въ эти сороковые годы Николая Перрета, Гранвелу старшаго, молва называла почти всесильнымъ у императора. Вокругъ этого умнаго бургундца, который изъ низкаго положенія возвысился до положенія довѣреннаго самаго могущественнаго изъ монарховъ, увивались князья и посланники, и онъ принималъ отъ нихъ почетъ и подарки какъ должную дань своему положенію, но ничуть не жертвовалъ ради этого интересами своего государя, знавшаго объ этихъ приношеніяхъ. Шмалькальденская война сдѣлалась для него постыднѣ золотымъ дномъ: онъ указывалъ ухмыляясь на свою повозку и выючныхъ животныхъ, которыя нагружены были «грѣхами Германіи» (*peccata Germaniae*). Вмѣстѣ съ представительнымъ отцомъ своимъ начали играть свою роль и даровитые сыновья его; особенно Антонъ, епископъ аррасскій, казалось, вполне обладалъ истиннымъ призваніемъ къ наслѣдованію положенія своего отца. Но, хотя Гранвела и могъ хвалиться, что онъ добился того-то и того-то у императора, хотя онъ и старался извинять порой вспышки гнѣва своего повелителя, или заглаживать недоступность его своею вкрадчивой обходительностью, рѣшеніе великихъ вопросовъ все-таки было вовсе не въ его рукахъ. Такъ, онъ до конца былъ противникомъ войны въ Германіи (стр. 273); да и его приемы «замазыванья и подказыванья» (*kleistern und meistern*) въ религіозныхъ вопросахъ, чтобы выказать протестантамъ свою предупредительность, порой, не совсѣмъ пожалуй согласовались съ личными взглядами и намѣреніями Карла. Министръ

этотъ служилъ видимо возбуждающимъ началомъ благодаря неистощимости своей въ предложеніяхъ, которыя онъ долженъ былъ излагать на бумагѣ и каждое утро доставлять императору черезъ безграмотнаго камердинера. Но изъ этого не вытекаетъ, что императоръ находился въ зависимости отъ него, а скорѣе, какъ это принимаетъ Ранке, что это была привычка государя «обдумывать окончательно свои рѣшенія наединѣ съ самимъ собой, въ тиши кабинета, когда ничье постороннее присутствіе не мѣшаетъ сосредоточиться». Онъ и самъ сознавалъ, что поколебать подобныя рѣшенія уже не легко потомъ, такъ онъ высказалъ однажды Контарини: «Я твердо настаиваю иной разъ даже и на неудачныхъ желаніяхъ».

Чужеземнымъ, романскимъ должно было казаться нѣмцамъ это императорское управленіе; даже тѣ изъ нихъ, которые стали подъ знамена императора, считали, что ихъ обходятъ по службѣ сравнительно съ иностранцами; «эти романскіе искатели приключеній прозѣвали тутъ позорно, но, что бы они ни дѣлали, все считается хорошо сдѣланнымъ», говорится въ дневникѣ одного изъ спутниковъ маркграфа. Въ довершеніе всего ужасъ наводила страшная распущенность и необузданность испанскихъ и итальянскихъ войскъ, которыя не дѣлали никакого различія между дружественной и непріятельской страной и своими скотскими насиліями надъ женщинами и дѣвушками превосходили даже самыя скверныя грубости нѣмецкихъ ландскнехтовъ. Въ сопровожденіи этихъ дикихъ шаялъ медленно шелъ Карлъ V на «броненосный» сеймъ, который былъ открытъ 1-го сентября 1547 года въ Аугсбургѣ. Городъ и его окрестности кишѣли военными; въ самомъ Аугсбургѣ дѣло дошло до опаснаго бунта ландскнехтовъ, не получившихъ жалованья, и на эшафотѣ, воздвигнутомъ по повелѣнію императора, вмѣстѣ съ многими другими казнями, обезглавленъ былъ и одинъ нѣмецкій евангелическій полковникъ, который вербовалъ солдатъ для Франціи и при помощи предательства одного императорскаго офицера выданъ былъ испанцамъ. Еще до этого имперскаго сейма король Фердинандъ созвалъ въ Прагу свои чешскіе земскіе чины, изъ которыхъ онъ изгналъ крамольный духъ при содѣйствіи новаго курфюрста Морица; этому «кровавому» областному сейму изъ запуганныхъ дворянъ и горожанъ предшествовали казни, а вмѣстѣ съ тѣмъ началось жестокое преслѣдованіе чешскихъ братьевъ, какъ несомнѣнно оппозиціоннаго элемента. Подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ общаго ужаса братья Габсбурги пытались сдѣлать уступчивой себѣ всю среднюю Европу. Сынъ папы, Пьеръ Луиджи, 10-го сентября палъ въ кремлѣ Пьяченцы подъ кинжалами знатныхъ заговорщиковъ, за спиною которыхъ стоялъ намѣстникъ императора въ Миланѣ; Гонзага занялъ городъ именемъ императора, который зналъ объ этомъ предпріятіи, но желалъ все-таки, чтобы самъ Пьеръ Луиджи былъ пощаженъ, однако

не привлечь къ отвѣтственности Гонзагу и не возвратилъ своей добычи. Кто же могъ теперь чувствовать себя въ безопасности передъ силой, которая не брезговала прибѣгать къ такимъ средствамъ? Меньше всего—нѣмецкіе князья, на виду которыхъ Карлъ позволялъ себѣ недостойное обращеніе съ ихъ плѣнными собратіями, померанскіе послы при аугсбургскомъ сеймѣ на свое увѣреніе, что ихъ государи не виновны, получили въ отвѣтъ, съ намекомъ на злосчастное объявленіе войны вождей Шмалькальденскаго союза (стр. 285), что императоръ желаетъ доказать всѣмъ имперскимъ чинамъ, что у него настолько-то хватитъ благородной княжеской германской крови и силы, чтобы наказать по своему желанію того или другого. Морицъ саксонскій пустилъ въ ходъ лестъ, имѣвшую успѣхъ у герцога Альбы, что на этотъ разъ сеймъ не долго протянется и будетъ происходить не обычнымъ порядкомъ, не въ видѣ совѣщанія, а скорѣе въ видѣ полученія приказаній. Съ этимъ согласовалось и то, что императоръ перемѣнилъ свое обращеніе съ князьями, которые явились въ Аугсбургъ; замѣтили, что онъ, вмѣсто того, чтобы выходить къ нимъ навстрѣчу до лѣстницы, какъ это было до сихъ поръ, здоровался съ ними только въ своей комнатѣ и уже не провожалъ ихъ. Двое изъ курфюрстовъ, кѣльнскій и саксонскій, получили это званіе только благодаря побѣдѣ императора; только благодаря милости императора курфюрстъ пфальцскій сохранилъ за собою свое званіе, на которое весьма настойчиво заявляла свои притязанія Баварія. Герцогу вюртембергскому грозила опасность какъ бы опять не лишиться своей земли, оставленной за нимъ Карломъ, вслѣдствіе процесса, возбужденнаго противъ него Фердинандомъ. Гогенцоллерны должны были позаботиться о томъ, чтобы привести въ исполненіе опалу, уже ранѣе объявленную надъ ихъ двоюроднымъ братомъ въ Пруссіи. Не было, какъ говоритъ Ранке, «ни одного значительнаго дома въ имперіи, который по тому или по другому дѣлу не находился бы въ зависимости отъ благосклонности императора».

А все таки и этому могущественному властелину на вершинѣ своего счастья пришлось испытать, какая сила пассивнаго сопротивленія заключается въ исторически сложившихся обстоятельствахъ. Карлъ желалъ создать имперскую лигу, по подобію прежняго Швабскаго союза; въ нее должны были вступить всѣ имперскіе чины; она должна была содержать постоянную армію и посредствомъ болѣе строго опредѣленнаго порядка подачи голосовъ на союзныхъ сѣздахъ сдѣлать безвредными, а въ концѣ концовъ, быть можетъ, и вовсе не нужными неповоротливые имперскіе сеймы. Но, если нѣкогда, при Максимилианѣ, сословная реформа имперіи провалилась вслѣдствіе не только сопротивленія короля, а и безучастности самихъ имперскихъ чиновъ, то теперь Карлъ V еще менѣе могъ преодо-

лѣтъ упорную приверженность къ издавна заведеннымъ порядкамъ, которая стала второй натурой для членовъ Священной римской имперіи; тѣмъ болѣе, что къ этому присоединялось еще на этотъ разъ не лишнее основаній опасеніе значительнаго усиленія власти императора. Карлъ, положимъ, сумѣлъ все-таки осуществить часть своихъ желаній путемъ цѣлаго ряда отдѣльныхъ постановленій. Ему было предоставлено замѣщать членовъ камеральнаго суда, порядки въ которомъ были тщательно улучшены, и содержаніе котораго взяли на себя имперскіе чины. Послѣ нѣкотораго сопротивленія дано было также согласіе на требованіе императора «откладывать про запасъ нѣкоторую сумму денегъ въ имперіи», т. е., учредить военную кассу, которую императоръ и имперскіе чины могли бы употреблять для поддержанія мира и права. Наконецъ договоромъ отъ 26 іюня 1548 года упрямочены были на будущее время отношенія Нидерландовъ къ имперіи такимъ образомъ: Нидерланды въ качествѣ бургундскаго округа во всякомъ случаѣ должны участвовать въ доставленіи нѣкоторой доли военной подати и военныхъ отрядовъ, назначаемой сеймомъ, но зато они не подчинены юрисдикціи камеральнаго суда; этой весьма слабой связи далеко не соотвѣтствовало опасное обязательство, которое со своей стороны взяла на себя имперія: всегда впредь защищать Нидерланды противъ всякаго нападенія. Какъ разъ въ Аугсбургѣ Карлъ рѣшилъ окончательно оставить Нидерланды не дочери своей, которая должна была выйти за-мужъ за молодого эрцгерцога Максимилиана, а своему сыну Филиппу. Уже обозначалась необходимость выясненія вопроса о престолонаслѣдіи между Карломъ и Фердинандомъ, хотя въ то время они такъ и не пришли къ окончательному уговору. Во всякомъ случаѣ мысль о какомъ-либо другомъ преемникѣ императора, не изъ Габсбургскаго дома, должна была казаться почти что невозможной. И какъ Фердинандъ въ Чехіи, такъ и императоръ въ Германіи намѣревались прежде всего разъ навсегда сдѣлать безвреднымъ демократическій элементъ въ сословномъ строѣ, т. е., города. На сеймѣ они оказались исключенными изъ совѣщаній по поводу камеральнаго суда; въ помощи на войну съ турками высшіе имперскіе чины взвалили главную тяжесть на нихъ, не обращая никакого вниманія на ихъ жалобы. Давнишняя мысль о болѣе тѣсномъ союзѣ между короной и горожанами (т. I, стр. 25) была неумѣстна въ душѣ властелина, который давно уже вынужденъ былъ бороться съ республиканской непокорностью городовъ какъ въ Испаніи и Италіи, такъ и въ Нидерландахъ и въ имперіи. Въ довершеніе всего послѣ опытовъ послѣдней войны Карлъ, пожалуй, вполне проникся убѣжденіемъ, что достаточно пригрозить насиліемъ, чтобы окончательно убить въ этихъ столь глубоко униженныхъ городахъ Германіи и духъ религіозной независимости. Онъ

полагалъ, что въ концѣ концовъ добьется всего и въ религіозномъ вопросѣ отъ имперскихъ чиновъ, которые даже справедливыя жалобы свои на испанскія войска осмѣлились изложить только несмѣлымъ тономъ и его отрицательный отвѣтъ приняли съ самой покорной благодарностью; онъ тѣмъ болѣе могъ ожидать этого, что въ его упрядоченіи религіознаго вопроса заключалось дѣйствительно нѣкоторое приближеніе къ прежнимъ требованіямъ приверженцевъ евангелическаго вѣроисповѣданія.

Вышеописанныя религіозныя собесѣдованія подъ эгидой императора, а еще болѣе уступки 1544 года переходили уже за предѣлы участія, которое, по взглядамъ іерархін, свѣтская власть могла принимать въ разрѣшеніи религіозныхъ споровъ. Призракъ императорской реформаціи, императорскаго раскола являлся не разъ, по крайней мѣрѣ въ воображеніи озабоченныхъ членовъ куріи, хотя самъ Карлъ V и не питалъ никогда такихъ обширныхъ замысловъ, которые высказывались порой приближенными его. Съ другой стороны, можно было припомнить, что нѣкогда Климентъ VII и его теологическіе совѣтники непрочь были до нѣкоторой степени одобрить аугсбургское вѣроисповѣданіе (стр. 143); что одинъ изъ кардиналовъ римско-католической церкви на собесѣдованіи въ Регенсбургѣ пошелъ на встрѣчу своимъ протестантскимъ противникамъ даже на горячо оспариваемой почвѣ ученія о благодати (стр. 235). Если теперь нельзя уже, конечно, было ожидать подобной склонности къ соединенію со стороны Рима, то съ другой стороны папа своимъ поведеніемъ относительно собора далъ императору болѣе чѣмъ достаточный поводъ ко вмѣшательству. Въ высшей степени характерно, какъ Карлъ разомъ пытается и запугать главу церкви и опять расположить его къ себѣ. Убіиство Пьеръ Луиджи и потеря Пармы и Пьяченцы показали Риму, чего можно опасаться отъ гнѣвающагося императора; не удивительно, если робкія души видѣли уже, какъ Карлъ V идетъ во главѣ лютеранскихъ полчищъ противъ вѣчнаго города. Карлъ, вмѣсто того, хлопоталъ въ Аугсбургѣ о томъ, какъ бы убѣдить всѣ имперскіе чины въ Германіи признать въ принципѣ соборъ высшей судебной инстанціей въ дѣлахъ о спорныхъ религіозныхъ вопросахъ; и это удалось ему, когда онъ обнадежилъ, что «соборъ будетъ свободный и будетъ въ точности держаться постановленій церкви», и что до рѣшенія его будетъ выработано предварительное соглашеніе. Уже въ октябрѣ 1547 года комиссіи католическихъ теологовъ поручено было выработать это предварительное соглашеніе, испрошена у папы присылка уполномоченнаго. Но въ то время, какъ императору удалось поставить на своемъ, несмотря на то, что желанія имперскихъ чиновъ шли прямо въ разрѣзъ съ его взглядами, въ Римѣ требованіе его перенести опять

соборъ въ Триентъ, — тогда-де вся Германія готова будетъ подчиниться его рѣшенію, — предложили на разсмотрѣніе собранія въ Болоньѣ, которое естественно отклонило его: не подобаетъ-де ради возвращенія Германіи въ лоно церкви подвергать опасности спасеніе всего христіанства. За это 16-го января 1548 г. отцы въ Болоньѣ получили торжественный протестъ императора; вскорѣ послѣ того тотъ же императорскій посолъ Мендоза повторилъ его въ Римѣ передъ папою и кардиналами. Императоръ отказывался признать за собраніемъ въ Болоньѣ значеніе собора и заявлялъ, что онъ въ силу своего сана намѣренъ защищать церковь отъ бѣдъ, которыя накликаютъ на нее папа и это собраніе. Еще до этого шага Карлъ снова приступилъ въ Аугсбургѣ къ попыткѣ предварительнаго соглашенія относительно религіи, и именно на этотъ разъ при участіи имперскихъ чиновъ, хотя и съ оговоркой, что окончательное рѣшеніе онъ оставляетъ за собой. Только когда комиссія, назначенная имъ по просьбѣ самихъ чиновъ, вмѣсто соглашенія выяснила лишь отдѣльныя, взаимно другъ друга исключаящія предложенія обѣихъ сторонъ — католики требовали сначала даже полного возвращенія духовныхъ владѣній, — тогда только императоръ рѣшился дѣйствительно стать на тотъ путь, который давно уже указывалъ ему братъ (стр. 305). Созданіе его, взглянуть на которое какъ имперскимъ чинамъ, такъ и отправлявшемуся изъ Рима нунцію онъ позволилъ лишь послѣ его окончанія, — и есть пресловутый интеримъ (interim).

Личное его участіе въ установленіи этой «межеумочной императорской религіи» ограничилось, конечно, тѣмъ, что онъ назначилъ комиссію изъ теологовъ, которая и занялась этимъ окруженнымъ величайшей таинственностью трудомъ. Кромѣ извѣстнаго поборника мирнаго соглашенія, Юлія Пфлуга, въ ней участвовалъ майнцскій викарный епископъ и императорскій совѣтникъ Михаилъ Гельдингъ (Сидоніусъ); основой послужила предложенная обоими, но въ сущности своей исходившая отъ Пфлуга формула религіознаго соглашенія. Въ качествѣ протестантскаго помощника предложилъ свои услуги тщеславный придворный проповѣдникъ курфюрста бранденбургскаго Агрикола, который послѣ смерти Лютера завѣрялъ, что готовъ пожертвовать жизнью за чистоту вѣроученія, а черезъ годъ произнесъ извѣстную проповѣдь по случаю торжества въ честь побѣды при Мюльбергѣ. Буццеръ, участіе котораго точно такъ же было желательно, прибылъ, положимъ, въ Аугсбургъ, но ни лаской, ни угрозами нельзя было побудить его подписаться подъ интеримомъ. Въ самомъ дѣлѣ, надо было обладать совѣмъ такимъ самоиѣніемъ и ослѣпленіемъ, какъ у Агриколы, чтобы заявить, будто эта книга, оконченная около середины марта 1548 года, есть начало къ обращенію всей Европы въ евангели-

чество; а онъ хвалился прямо, что не только онъ одинъ руководилъ всѣмъ дѣломъ, но склонилъ даже папу къ реформаціи и императора къ лютеранству! На дѣлѣ же сотрудничество этого сомнительнаго представителя реформаціи несколько не помѣшало тому, что въ видѣ интерима, по выраженію Бейтеля, считалась настоящая «смирительная рубашка для протестантства въ Германіи». Духовнымъ отцомъ этого созданія былъ Пфлугъ, а не Агрикола, и сверхъ того въ окончательной отдѣлкѣ его вмѣстѣ съ этими тремя теологами принимали дѣятельное участіе и нѣсколько испанцевъ, въ томъ числѣ и духовникъ императора Сото, а между тѣмъ впослѣдствіи кое-что было еще измѣнено по желанію католическихъ имперскихъ чиновъ. Слѣдовательно, вопреки господствовавшему раньше взгляду Ранке, не слѣдуетъ думать, что Карлъ V первоначально намѣревался навязать интеримъ въ качествѣ нормы обѣимъ сторонамъ, какъ приверженцамъ старой вѣры, такъ и «обособившимся» имперскимъ чинамъ; императорское «объявленіе, чего слѣдуетъ держаться относительно религіи въ Священной римской имперіи впредь до рѣшенія вселенскаго собора», относилось только къ евангеликамъ, тогда какъ католики, хотя они возвели своимъ согласіемъ этотъ временный новый порядокъ въ имперскій законъ, нисколько не обязаны были соблюдать его въ своихъ собственныхъ областяхъ. Для императора эта неясность, которая нѣкоторое время существовала въ особенности среди протестантовъ, конечно, была вполне желательна, но для утвержденія, будто онъ форменно общалъ отдѣльными евангелическимъ князьямъ общеобязательность интерима, до сихъ поръ не предъявлено доказательствъ. Несомнѣнно, онъ былъ вполне далекъ отъ мысли предписывать или даже совѣтовать католическимъ имперскимъ чинамъ обѣ важнѣйшихъ уступки этой книги: причащеніе подъ обоими видами и бракъ священниковъ, хотя эти уступки объявлены были во всякомъ случаѣ допустимыми даже въ Римѣ вскорѣ послѣ сейма 1530 года (стр. 143). Кромѣ того, въ интеримѣ содержались въ сущности только отдѣльные, да къ тому же довольно двусмысленные, отголоски вѣроученія и способа выраженія протестантовъ, не столько въ самомъ ученіи объ оправданіи, сколько въ статьѣ о мессѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, такъ, напр., пройдено было молчаніемъ и ученіе о чистищѣ. Несмотря на это, общій характеръ книги слѣдуетъ назвать католическимъ; прежде всего протестанты должны были снова признавать не только юрисдикцію епископовъ, но и все бремя отвергнутыхъ обрядовъ, семь таинствъ, ежедневныя мессы, посты, почитаніе святыхъ, благословенія священниковъ. А вѣдь это и былъ тотъ воплощенный папизмъ, который бури реформаціи изгнали изъ церквей, а также и изъ сердецъ. Во мнѣніи народа эти внѣшнія различія имѣли болѣе важное значеніе,

чѣмъ всѣ догматическія тонкости; евангелическіе теологи въ концѣ концовъ должно быть хотѣли обмануть или весь свѣтъ, или самихъ себя, если они видѣли въ этомъ распоряженіи что-нибудь другое, а не явный переходъ къ полной церковной реакціи.

Карлъ V могъ съ полнымъ правомъ отклонить какъ «противное всякому разсудку» предложеніе католическихъ князей, сдѣланное по почину Баваріи, чтобы протестанты должны были еще прямо отречься отъ аугсбургскаго вѣроисповѣданія. Къ духовнымъ имперскимъ чинамъ онъ лично обратился съ рѣчью, въ которой поставилъ имъ на видъ, какъ удалось уже достигнуть отъ противниковъ больше, чѣмъ когда либо прежде, и что впредь, кромѣ того, можно надѣяться, что пріобрѣтеніе будетъ впослѣдствіи еще обильнѣе. Интеримъ предложенъ былъ 15-го мая на утвержденіе сейма и принятъ отъ имени всѣхъ курфюрстомъ майнцскимъ безъ всякаго возраженія. Но, когда непосредственно послѣ этого курфюрстъ Морицъ заявилъ, что онъ долженъ сперва уговориться съ своими земскими чинами и теологами, когда Гансъ, маркграфъ кюстринскій, стойко отказался принять интеримъ, а Вольфгангъ, пфальцграфъ цвейбрюккенскій, счелъ невозможнымъ быстрое приведеніе его въ исполненіе въ виду настроенія подданныхъ, когда плѣнный Іоганнъ Фридрихъ, несмотря ни на заманчивыя обѣщанія, ни на угрозы, твердо продолжать стоять на томъ, что онъ за это дѣло, отъ котораго зависитъ спасеніе душъ, готовъ перетерпѣть все, что Богу угодно будетъ послать ему: тогда только императоръ сталъ, пожалуй, догадываться, что и самые блестящіе успѣхи его оружія все еще не одолѣли невидимаго врага. «Общественное мнѣніе на сеймѣ», писалъ 26-го іюня одинъ изъ его совѣтниковъ, «по которому разумѣется можно догадываться объ образѣ мыслей людей, сводится къ тому, что никто не приметъ охотно интеримъ, а что при теперешнихъ обстоятельствахъ обѣщаютъ многое, чего не намѣрены исполнить впослѣдствіи. Императоръ сражается за религію противъ главы церкви, папы, и противъ двухъ членовъ церкви въ Германіи», т. е. противъ большинства протестантовъ и противъ духовныхъ князей. Ибо послѣдніе столь же мало сдерживались въ выраженіи своей досады на реформу, которой требовали отъ нихъ императоръ, какъ и на то, что не состоялось возвращеніе секуляризованнаго церковнаго достоянія.

Вице-канцлеръ Зельдъ увѣрялъ впослѣдствіи, что не было замысла насильственно ввести интеримъ; да это, по его мнѣнію, было бы и совсѣмъ бесполезно. Но въ угрозахъ недостатка не было, въ особенности противъ городовъ, которымъ въ то время и безъ этого старались при всякомъ случаѣ внушать объ ихъ низшемъ положеніи въ имперіи (стр. 291, 312). Они должны снова пріучиться къ старому, крикнулъ одинъ

императорскій совѣтникъ франкфуртскимъ посламъ; «вамъ пришлютъ людей, которые сумѣютъ васъ выучить этому; придется еще вамъ учиться по испански». Когда Карлъ испровергъ черезчуръ, по его мнѣнію, демократическій строй въ Аугсбургѣ и Ульмѣ и передалъ управленіе въ руки почтенныхъ патриціевъ, это было уже важнымъ предостереженіемъ. Здѣсь въ лицѣ «неумѣлыхъ и непригодныхъ» къ управленію цеховъ нанесенъ былъ ударъ и евангелическому элементу, тогда какъ при подчиненіи Констанца наоборотъ простой народъ содѣйствовалъ этому перевороту изъ отвращенія къ строго реформатскому характеру правленія. Одно испанское нападеніе городъ, взявшійся за оружіе по поводу интерима, храбро отбилъ, но угрожающее положеніе императора привело горожанъ къ отчаянному рѣшенію отдаться подъ высокое покровительство римскаго короля, хотя бы и съ потерей своей свободы и евангелической религіи. У короля Фердинанда разыгралась было охота испытать этотъ столь выгодный для Австріи пріемъ и въ Страсбургѣ, но могучій городъ, какъ и раньше (стр. 290), такъ и теперь, встрѣчалъ очень снисходительное обращеніе со стороны императора въ виду опаснаго сосѣдства Франціи и Швейцарскаго союза; такъ что онъ могъ безнаказанно обойтись безъ принятія интерима и хотя предоставилъ католикамъ нѣсколько церквей, но продолжалъ стѣснять ихъ всячески въ отправленіи религіозныхъ обрядовъ. Но даже и въ тѣхъ городахъ, которые прямо подчинились указу императора, эта уступчивость далеко еще не означала, что интеримъ дѣйствительно приводится въ исполненіе. Тѣмъ не менѣе выдающимся дѣятелямъ евангелической церкви стало уже жутко на мѣстахъ, гдѣ они до сихъ поръ дѣйствовали; такъ, Альберъ, скрылся изъ Рейтлингена, Вольфгангъ Мускулюсъ — изъ Аугсбурга, Блауреръ — изъ Констанца, Бренцъ — изъ Галля (при чемъ это его бѣгство съ приключеніями подало поводъ къ созданію легенды своего рода), Осіандеръ — изъ Нюрнберга. Даже въ Страсбургѣ уже не мѣсто было для такихъ людей, какъ Буццеръ и Фагіусъ, послѣ того какъ они торжественно обѣщали городскому совѣту молчать въ вопросѣ объ интеримѣ; оба они нашли весьма почетное убѣжище въ Англіи, гдѣ какъ разъ въ это время быстро вводилось евангеличество подъ эгидой проворнаго примаса Кранмера. Не всегда, впрочемъ, соблюдался проявленный вначалѣ образъ мыслей; такъ ульмцы, — въ томъ числѣ и ярый гонитель Себастіана Франка Матѳей Фрехтъ, — скоро отказались отъ сопротивленія, побывавши въ заключеніи у императора. Но было ясно какъ на ладони, что эта вынужденная уступчивость бесполезна, а между тѣмъ образъ этихъ изгнанниковъ пріобрѣталъ какъ бы сіяніе мученичества. И твердость ихъ характера выступала въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ при достойной сожалѣнія слабости, которую проявили въ эти дни испытанія прежніе передовые бойцы реформаціи, виттенбергскіе теологи.

Надо однако признать, что новый курфюрстъ Морицъ и его теологи оказались въ весьма тягостномъ положеніи. Хотя Морицъ ни мало не задумываясь присутствовалъ порой при католическомъ богослуженіи или принималъ участіе въ процессіяхъ,—передъ битвой при Мюльбергѣ онъ вмѣстѣ съ братьями Габсбургами простоялъ мессу—все же ему должно было претить требованіе принимать участіе въ церковной реакціи, которая вполне способна была окончательно отвратить отъ него сердца его подданныхъ. Горнорабочіе въ Рудныхъ горахъ, писалъ ему одинъ изъ его довѣренныхъ, воздѣвая руки, молились, «чтобы Богу угодно было сохранить и поддержать Вашу Милость въ Его словѣ». Не легко, безспорно, было сохранить разомъ и милость императора и привязанность саксонскихъ протестантовъ, хотя Морицъ и многіе изъ его «карловицевствующихъ» совѣтниковъ едва ли мучились религіозными сомнѣніями. Однажды молодой государь обратился прямо къ тріентскому кардиналу, чтобы получить отъ римскаго престола привилегіи, нужныя ему для спокойнаго обладанія помѣстьями секуляризованныхъ имъ монастырей. А 28-го апрѣля 1548 года Меланхтонъ написалъ наиболѣе вліятельному совѣтнику курфюрста, Христофору Карловицу, свое пресловутое письмо; въ немъ онъ, впрочемъ, не скрывалъ вполне своихъ возраженій противъ интерима, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы подчеркнуть какъ можно сильнѣе свою собственную податливость, онъ опорочилъ память своего великаго друга. «Вѣдь я», выразился онъ, «еще прежде перетерпѣлъ довольно возмутительное рабство, потому что Лютеръ часто сообразовался больше со своей натурой, въ которой немало таилось сварливости, чѣмъ со своимъ достоинствомъ или съ общей пользой». Онъ отрекался отъ всякаго соучастія въ созданіи новой евангелической церкви, которую онъ объявилъ просто вызваннымъ необходимостью временнымъ исходомъ, и при этомъ вспоминалъ, какъ чрезвычайно дороги были ему въ дѣтствѣ католическіе обряды. Карловицъ поспѣшилъ распространить это письмо; хотя оно и состояло изъ сплетенія чистосердечія и лжи, но принято было во всякомъ случаѣ въ качествѣ полномѣснаго свидѣтельства о задушевномъ мнѣніи реформатора. Недовѣрчивый гнѣвъ императора противъ Меланхтона было однако трудно преодолѣть, въ особенности, когда изъ-подъ пера, написавшаго это письмо, вышла первая обнародованная критика интерима; положимъ, напечатана она была совсѣмъ противъ воли автора, который не постыдился собственноручно изорвать одинъ экземпляръ ея, и въ то же время онъ безпрестанно жаловался на это смутное время въ своихъ дѣйствительно задушевныхъ письмахъ; «я ясно чувствовалъ», высказываетъ онъ не разъ, «что для меня гораздо легче умереть, чѣмъ дать согласіе на этотъ аугсбургскій сфинксъ». Но, хотя и неохотно, онъ предложилъ

свою помощь, когда Морицъ послѣ долгихъ переговоровъ провелъ на областномъ сеймѣ въ декабрѣ 1548 такъ называемый въ насмѣшку лейпцигскій интеримъ, который представляетъ относительно императорскаго повелѣнія нѣчто въ родѣ уплаты со скидкой. Не говоря уже о сильно отзвучающемъ евангеличествомъ ученіи объ оправданіи, онъ содержалъ въ себѣ обширныя уступки въ области безразличныхъ вопросовъ, подъ которыми обозначены были не имѣющія особаго значенія виѣшнія формы церковной жизни; «по христіанской любви и во избѣжаніе всякаго соблазна» должно было снова ввести не только вышедшее уже изъ употребленія католическое облаченіе священно-служителей, но и весь почти обиходъ католическаго богослуженія. Противъ этого «духовнаго позора мамелюковъ» со всеѣмъ пыломъ южанина возсталъ Матеей Флацигъ (Флаціусъ), молодой виттенбергскій профессоръ, который покинулъ свою кафедру и свою семью, чтобы остаться вѣрнымъ своему убѣжденію. И въ самомъ дѣлѣ ссылка этихъ теологовъ-оппортунистовъ на Лютера была довольно-таки легкомысленна, хотя онъ, правда, не рѣшительно и лишь мало-по-малу отмѣнялъ многіе изъ старыхъ обрядовъ. «Однако, неизмѣримая разница», замѣчаетъ Ранке, «оставить ли на время издавна унаслѣдованное, или же вновь возстановить уже устраненное». А поведеніе Меланхтона, Бугенгагена, Круцигера не только прямо оскорбляло общественное мнѣніе протестантской Германіи, но и выступало въ особенно непривлекательномъ видѣ при той рѣшительности, съ которою евангелическое духовенство, бѣжавшее на чужбину, *exules Christi*, а также цѣлый рядъ сѣверо-германскихъ городовъ начали борьбу противъ новаго гнета надъ совѣстью. Въ Гамбургѣ, Бременѣ, Брауншвейгѣ, а въ особенности въ Магдебургѣ (ср. стр. 299) заявили, что невозможно принять этотъ «діавольскій» интеримъ. Тутъ во всякомъ случаѣ поступили болѣе честно и мужественно, чѣмъ въ курфюршествахъ саксонскомъ и бранденбургскомъ, гдѣ пытались обойтись полувведеніемъ для виду, а въ дѣйствительности лишеніемъ интерима всякой силы. Ибо самъ курфюрстъ Іоахимъ, котораго Альбрехтъ, его двоюродный братъ, прозвалъ «толстымъ интеримомъ», живо распорядился ввести видоизмѣненный заодно съ Морицемъ интеримъ подѣ именемъ обнародованнаго императоромъ распоряженія, тогда какъ на самомъ-то дѣлѣ вернулись къ установленіямъ, существовавшимъ съ 1540 года (стр. 191 и сл.). Меланхтонъ тайкомъ совѣтовалъ одному изъ своихъ бранденбургскихъ друзей поручить исполненіе соблазнительныхъ для него «нелѣпныхъ обрядовъ» своему діакону. Но и тотъ и другой путь, и открытый и тайный, вели въ сущности къ одной и той же цѣли; императорская реформація не нашла себѣ нигдѣ въ евангелической Германіи почвы, гдѣ бы она могла дѣйствительно пустить корни.

Здѣсь, въ послѣдній разъ, мы должны вспомнить дѣятельное участіе нѣмецкаго народа, какъ оно выражается въ безчисленныхъ летучихъ листкахъ и пѣсняхъ и напоминаетъ, по крайней мѣрѣ своей бурной живостью, двадцатые годы. Въ такія времена, какъ это допускалъ даже самъ отнюдь не сочувствовавшій демократіи Меланхтонъ, нельзя пропускать мимо ушей гласа народа. Да и какъ было это возможно, когда со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ слоевъ народа раздавались жалобные, насмѣшливые или грозные голоса! Съ какимъ-то поистинѣ свирѣпымъ наслажденіемъ эти по большей части безыменные критики растерзываютъ въ клочки это едва оконченное произведеніе побѣдоноснаго императора, осыпаютъ его грязью, проклятіями и насмѣшками. Львиную долю въ этомъ уничиженіи получилъ, пожалуй, протестантскій сотрудникъ и защитникъ его Агрикола; относительно его дѣло доходило даже до оскорбленія дѣйствіемъ; въ одномъ городкѣ Тюрингіи его едва не пбили камнями. Еще до обнародованія интерима маркграфъ Іоганнъ обратилъ его вниманіе на одно предсказаніе, которымъ провозвѣщалось появленіе въ 1548 году живаго пророка; и собственною рукою этого князя написанъ сохраняющійся въ берлинскомъ архивѣ «Малый катихизисъ, который достопочтенный земледѣлецъ (по-латыни *agricola*) ...lebius (*Agricola Islebius*) выпустилъ въ свѣтъ на утѣшеніе своей римской церкви и на пользу и поправленіе своего однороднаго хрупкаго дѣтища Интеримъ именуемаго». Агриколушка (*Grickel*) могъ, впрочемъ, утѣшаться тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ проявленіяхъ евангелическаго недовольства императору доставалось едва ли меньше его; «человѣкъ нѣкій, именуемый Карломъ Пятымъ», говорится въ одномъ длинномъ стихотвореніи, «двадцать лѣтъ носилъ во чревѣ своемъ и разродился наконецъ диковиннымъ звѣремъ». Съ особеннымъ предпочтеніемъ расписывается въ этомъ и въ другихъ произведеніяхъ безобразный видъ этого антихристова исчадія, то, напр., въ видѣ трехглаваго дракона съ змѣинымъ хвостомъ, жаломъ скорпіона, съ ногами орла и жабы; «драконъ этотъ по-латыни называется *Interim*». Или же эта злосчастная книга, заглавіе которой и безъ того давало поводъ къ самой различной игрѣ словъ, выводится въ видѣ «хорошенькой, лукавой и плавно крадущейся кошечки, кличка которой *Interim*». И слова и картинки въ этихъ слабыхъ произведеніяхъ конечно свидѣтельствуютъ уже о рѣшительномъ упадкѣ отъ чисто народной мощи и грубости прошлыхъ десятилѣтій до скудной игры воображенія и изысканнаго старанія изображать безобразное и пошлое, — перемѣна, которая наступила бы, положимъ, и безъ религіозной борьбы, но она почерпала въ ней все же совсѣмъ особенное возбужденіе. Въ это время (1549) виттенбергскій студентъ Дедекиндъ создалъ пресловутаго Гробіануса (грубіана), непристойныя шутки котораго казались современникамъ совокупностью отбор-

наго остроумія и юмора. Флаціусъ, самый выдающійся выразитель протестантской оппозиціи, восклицалъ тогда: «Ни одинъ смрадъ не пахнетъ для нашихъ носовъ такъ мерзко, какъ папство, которое и есть самая поганая вонючка, оскорбляющая своимъ зловоніемъ Бога и святыхъ его ангеловъ».

А между тѣмъ это незнаніе мѣры, по крайней мѣрѣ въ эту пору, было не признакомъ внутренней слабости, какъ это почти можно было бы подумать, нѣтъ, въ этихъ дикихъ формахъ высказывалось лишь цѣликомъ чувство независимости, сколько его еще осталось въ тяжело угнетенномъ народѣ. Въ то время, какъ большіе люди покорно гнули шею, у маленькихъ людей хватало духу возмущаться и давать отчаянный отпоръ. Какъ передъ крестьянской войной опять начали бродить народные пророки и проповѣдывать противъ интерима; одинъ ткачъ изъ Франкфурта провозвѣстилъ въ Кюстринѣ, что императоръ прольетъ еще не мало крови изъ-за интерима, но въ концѣ концовъ Богъ проденетъ ему кольцо сквозь ноздри. Въ одну изъ болѣе старыхъ пѣсней Лютера: «Соблуди насъ, Господи, въ словѣ Твоемъ» (стр. 270), вмѣсто турокъ вставлялись, разумѣется, испанцы, либо императоръ; въ другой пѣснѣ въ качествѣ сотоварищей діавола посылаются въ бездну ада императоръ, братъ его и протестанты-измѣнники: «Господи, Боже небесъ, помоги намъ, накажи мучителя императора и укроти его ярость; онъ уподобляетъ себя Богу въ небесахъ и готовъ былъ бы извергнуть Его изъ царства Его, воззри на это, Боже въ вышнихъ!»

Достойными его приверженцами выводятся поджигатель Морицъ со своими безбожными юристами, «негодное дитя изъ Мекленбурга» (молодой герцогъ Георгъ), мнимые христіане, льстецы и плуты Виццель, Гриккель (Агрикола), Сидоніусъ, Филиппъ (Меланхтонъ) и Помераніусъ (Бугенгагенъ), каковыхъ безбожныхъ софистовъ Богъ несомнѣнно скоро накажетъ. Такія настроенія господствовали въ Магдебургѣ, который былъ подъ опалой съ іюля 1547 года; здѣсь, какъ «въ канцеляріи Господа Бога и Іисуса Христа», непримиримые теологи, во главѣ ихъ маститый Амдорфъ, бывшій епископъ наумбургскій (стр. 245, 291), и молодой ревнитель вѣры Флаціусъ открыли неустанную борьбу путемъ печати противъ интерима. Озлобленность, которая чувствуется въ произведеніяхъ этой ничтожной кучки отверженныхъ, выпускаемыхъ въ свѣтъ изъ послѣдней твердыни реформаціи, такъ же понятна при такомъ положеніи, какъ и гуситскій духъ, которымъ исполнены были покинутые всѣмъ свѣтомъ и окруженные опасностями граждане и ландскнехты храбраго города, и который увлекъ ихъ къ звѣрскимъ жестокостямъ противъ близлежащаго монастыря Гаммерслебена. Какъ нѣкогда Жижка и его отряды, такъ и они

смотрѣли на себя какъ на «орудіе божественнаго гнѣва» для истребленія идолопоклонниковъ и идолослуженія. Но среди нихъ порою раздавались и ясные бодрые звуки, которые должны были хватать за душу всякаго истого нѣмца; въ глубокой нуждѣ и борьбѣ за самыя священныя блага осажденные въ своихъ пѣсняхъ бодро славили Магдебургъ *), благородную дѣву, («Да поразитъ громъ небесный того, кто покусится на твою честь») и его сокровища, на которыя такъ зарятся императоръ, Іуда-Морицъ, испанцы и монашескіе прислужники: «Въ Магдебургѣ, на мосту лежатъ тамъ три собачки; каждое утро онѣ поднимаютъ лай, не пропускаютъ ни одного испанца. Въ Магдебургѣ, на рынкѣ лежитъ бочка съ виномъ; если императоръ желаетъ отвѣдать его, онъ долженъ быть ландскнехтомъ. Въ Магдебургѣ, на валахъ, тамъ много нищелей, и каждое утро тоскуютъ онѣ, что императоръ все еще нейдетъ».

Въ высшей степени своеобразно сплетаются чисто національныя черты съ ветхозавѣтнымъ рвеніемъ къ вѣрѣ въ «Жалобѣ и просьбѣ саксонской дѣвушки». Порой кажется, что мы перенеслись почти во время передъ войнами за освобожденіе отъ Наполеона: «Нѣтъ никого, ни одного мужчины въ нѣмецкой землѣ, кто защитилъ бы насъ отъ такого позора!.. Не буду носить никакихъ украшеній, ни мужчина, ни юноша родной страны не услышитъ отъ меня ласковаго слова, пока Германія не будетъ опять свободна». А въ заключеніе дѣвушка молится, чтобы Богъ послѣ двухъ древнихъ героевъ Германіи, Арминія и императора Оттона, послалъ теперь третьяго, «о, Господи, я думаю объ Іиуѣ», томъ мощномъ израильскомъ мстителѣ, который былъ помазанъ ученикомъ пророка Елисея, чтобы истребить домъ Ахава, уничтожить своего собственнаго государя и его родственниковъ и всѣхъ служителей Ваала **).

Король Фердинандъ писалъ однажды брату своему, что привести въ исполненіе интэримъ прежде всего мѣшаетъ отсутствіе полномочій свыше, отъ папы, которыя давали бы возможность нѣмецкимъ епископамъ допускать причащеніе подъ обоими видами и совершеніе службъ женатыми священниками въ зараженныхъ ересью областяхъ, возвращаемыхъ подъ ихъ юрисдикцію, а протестантскимъ князьямъ обезпечивали бы владѣніе церковными имуществами. Но все могущество Карла V не въ силахъ было превратить сѣдовласаго папу въ послушнаго пособника императорской реформаціи. Рука императора нанесла ужасный ударъ непокорному роду Фарнезе (стр. 310); мнимый соборъ въ Болоньѣ влачилъ безнадежное су-

*) Magd въ сѣверной и средней Германіи обозначало тогда: непорочная дѣвушка. Пер.

**) 4 книга Царствъ, глава 9. Пер.

ществованіе, и на помощь Франціи не было никакой надежды, пока Генрихъ II связанъ былъ своимъ участіемъ въ борьбѣ Англіи съ Шотландіей (стр. 302). Несмотря на это, Павелъ III не переставалъ употреблять всѣ мѣры для возобновленія коалиціи противъ императора и между тѣмъ одновременно съ этимъ надѣялся путемъ двуличной и медлительной политики въ дѣлахъ объ интеримѣ и о соборѣ принудить все-таки императора къ исполненію своихъ династическихъ желаній. Онъ заявилъ кардиналамъ: онъ можетъ простить какъ человѣкъ умерщвленіе сына, но не ограбленіе церкви, за которое онъ намѣренъ отомстить, хотя бы ему и пришлось принять за это мученическую смерть. Позднѣе онъ сказалъ французскому посланнику: «Я намѣренъ пустить императору кровь, да такъ, что онъ объ этомъ даже и не догадается». Ибо воинственные замыслы папы рушились отчасти вслѣдствіе замѣшательства между Англіей и Шотландіей, а отчасти вслѣдствіе недовѣрія французовъ, хотя глава церкви нисколько не задумываясь совѣтовалъ имъ то союзъ съ турками, то сильную поддержку протестантовъ въ Германіи. Такимъ образомъ ему ничего больше не оставалось, какъ производить нѣкоторое давленіе на императора путемъ показной предупредительности, а въ дѣйствительности противодѣйствія въ жгучихъ церковныхъ вопросахъ. Упомянутыя выше полномочія епископамъ въ Германіи рассылаемы были по возможности поздно и не въ желанныхъ широкихъ предѣлахъ, а обнародованы были еще позднѣе; только въ августѣ 1549 года кардиналъ аугсбургскій, Оттонъ Трухзесъ, провозгласилъ въ своей епископской резиденціи, что папа призналъ интеримъ. Вскорѣ послѣ этого, въ сентябрѣ Павелъ III распустилъ собраніе въ Болоньѣ, но въ то же время онъ постарался лишить жизненной силы и Тридентинскій соборъ, устроивши въ Римѣ собраніе комиссіи для выработки реформы и отозвавши въ нее изъ Триента четырехъ изъ отцовъ собора.

«Бездна глубочайшаго лукавства, необузданнаго корыстолюбія и болѣзненнаго себялюбія» — вотъ какъ характеризуетъ Брошъ и папскую и императорскую политику этихъ дней. Дѣйствительно эта борьба между императоромъ и папою вращалась исключительно, чѣмъ когда-либо прежде, около чисто династическихъ интересовъ, короче сказать, около Пармы и Пьяченцы. Павелъ III высказалъ по секрету, что онъ намѣренъ распорядился неудовлетворительно изготovitъ полномочія для епископовъ Германіи, чтобы сохранить въ своихъ рукахъ средство давленія на императора; дѣло о религіи онъ не желалъ отдѣлить отъ дѣла о Пьяченцѣ. Карлъ V, съ другой стороны, рѣшился окончательно утвердить свое владычество въ Италіи, а не дробить его снова по кусочкамъ то тамъ, то сямъ. Онъ удержалъ захваченную разбойнически Пьяченцу и отъ имени

герцогства миланскаго заявилъ притязанія на ленную зависимость не только этого города, но и Пармы, которую внукъ Павла Оттавіо получилъ въ ленъ отъ церкви. Все-таки въ Италіи гораздо свободнѣе, чѣмъ въ Германіи, испанская политика могла преслѣдовать свои конечныя цѣли; самый откровенный представитель ея, итальянскій ренегатъ Гонзага, охотнѣе всего предпочелъ бы употребить насиліе надъ Церковной областью, точно такъ же онъ имѣлъ въ виду подчинить Геную и Сьену и отнять у венеціанцевъ крѣпости. Сьена дѣйствительно получила испанскій гарнизонъ и вынуждена была допустить навязанную ей перемѣну образа правленія въ аристократическомъ духѣ, подобно тому какъ незадолго передъ тѣмъ это произошло въ Аугсбургѣ (стр. 317). Уже поговаривали о королевствѣ Верхней Италіи, которое императоръ создастъ для инфанта Филиппа, давно уже получившаго въ ленъ Миланъ (стр. 234). Мало того, этимъ Габсбургамъ приписывали даже намѣреніе воссѣсть прямо на папскій престолъ; съ тѣхъ поръ, какъ Максимилианъ выказалъ однажды подобное вожделѣніе (т. I, стр. 69), то римскому королю, то самому Карлу V приписывали склонность украсить себя тройною короною въ случаѣ смерти стараго папы, которой, разумѣется, недолго оставалось ждать. Павелъ III, положимъ, не разъ хвалился, что онъ еще переживетъ болѣзненнаго императора. Но вмѣсто того, незадолго до своей смерти, ему пришлось видѣть, какъ ненавистный противникъ его оказался въ болѣе выгодномъ положеніи благодаря именно тому, что великая европейская борьба между Испаніей и Франціей вызвала форменное раздѣленіе на двѣ партіи рода Фарнезе. Изъ внуковъ папы Оттавіо, получившій въ ленъ Парму, былъ зятемъ императора (стр. 182), Гораціо помолвленъ съ побочной дочерью Генриха II. Французы настаивали, чтобы Парма передана была находившемуся подъ ихъ покровительствомъ Гораціо. А такъ какъ нельзя было получить отъ императора Пьяченцы, то Павелъ III отнялъ Парму у Оттавіо, который не прочь былъ за вознагражденіе передать въ руки испанцевъ также и этотъ городъ. Оттавіо безъ вѣдома своего дѣда покинулъ Римъ, чтобы самовластно овладѣть вновь Пармой, но тамошній папскій военачальникъ стойко далъ ему отпоръ, хотя въ бресте, которое изготовилъ умирающій папа, ему и повелѣвалось передать городъ. Ибо неустанное честолюбіе этого главы семейства довело наконецъ дѣло до того, что тѣ внуки, которыхъ онъ желалъ видѣть все болѣе и болѣе могущественными, стали противопоставлять ему свою собственную волю. Однажды онъ воскликнулъ, что они собирались убить его; теперь восьмидесятитрехлѣтній старикъ погибъ отъ припадка болѣзни, на которую смотрѣли какъ на прямое послѣдствіе только что упомянутыхъ возбужденій (9-го ноября 1549 года). Невозможно, конечно, рѣшить, искренни ли были послѣднія попытки Павла III сблизиться съ Франціей, или нѣтъ; во всякомъ слу-

чаѣ внукъ его, кардиналъ Фарнезе, несмотря на все свои увѣренія въ противномъ, повидимому съ самаго начала держался въ конклавѣ враждебнаго императору направленія. Въ послѣдній разъ для католической партіи реформы, самымъ благороднымъ представителемъ которой въ прежнее время былъ, какъ мы видѣли (стр. 236, 258 сл.), Контарини, явилась надежда на руководство церковью; «англійскій кардиналъ» Реджинальдъ Поль, родственникъ королевскаго дома по боковой линіи, но приговоренный Генрихомъ VIII къ смерти въ качествѣ яраго противника политики короля въ дѣлахъ церкви, считался уже почти что выбраннымъ, да и императоръ имѣлъ въ виду возможность его избранія. Но въ то время какъ Поль, котораго фанатикъ Караффа открыто обвинялъ въ ереси, и который внушалъ ужасъ «старымъ, богатымъ и распутнымъ» кардиналамъ, отклонилъ предложеніе избрать его не большинствомъ голосовъ, а на «тайныхъ совѣщаніяхъ» (*per adorationem*), онъ упустилъ этимъ благопріятный случай, и послѣ упорной борьбы, послѣ болѣе чѣмъ пятидесяти голосованій, Фарнезе и французы возвели на престолъ св. Петра бывшаго предсѣдателя Тридентинскаго собора дель Монте (7-го февраля 1550 г.).

Новый папа Юлій III передъ своимъ избраніемъ клятвенно обѣщалъ быть союзникомъ Франціи. Несмотря на это, подъ давленіемъ обстоятельствъ, и этотъ незначительный тіароносецъ, подобно Фарнезе ревностно хлопотавшій о благѣ своего рода, вынужденъ былъ прежде всего обезпечить себѣ благорасположеніе императора. А достигъ этого можно было только тѣмъ, что надо было выказать себя болѣе уступчивымъ въ дѣлахъ собора, чѣмъ былъ его предшественникъ. Такимъ образомъ 14-го ноября 1550 года дѣйствительно выпущена была булла, которою предписывалось съ 1-го мая будущаго года вновь открыть засѣданія Тридентинскаго собора. Объ искреннемъ, безо всякой задней мысли, согласіи между обѣими главами христіанства, конечно, и теперь не было рѣчи; какъ Карлъ V въ тайномъ протестѣ оставилъ для себя возможность выступить впослѣдствіи открыто противъ невыгодъ, которыя могутъ получиться отъ этой буллы, такъ и Юлій III надѣялся втихомолку, что можетъ быть ему удастся избавиться отъ собора благодаря тому, что протестанты, изъ-за которыхъ и добивался его императоръ, вовсе не согласятся признать тридентинскія постановленія. Однако же слабый папа, какъ только онъ первый протянулъ руку примиренія, подпалъ пока совсѣмъ подъ вліяніе габсбургской политики; отчужденіе между нимъ и Генрихомъ II, которому, по собственному своему признанію, онъ послѣ Бога болѣе всего обязанъ былъ своимъ избраніемъ, сдѣлалось окончательнымъ вслѣдствіе все болѣе и болѣе тѣснаго сближенія Фарнезе съ Франціей. Оттавіо получилъ отъ новаго папы обратно Парму, но онъ убѣдился, что импера-

тора невозможно отклонить отъ его поползновеній на этотъ городъ, и потому рѣшился при помощи французовъ идти разомъ и противъ своего сюзерена—папы—и противъ своего тестя—императора. Юлій волей-неволей долженъ былъ лѣтомъ 1551 года начать военныя дѣйствія противъ мятежнаго вассала; этимъ выяснялось, на чью сторону онъ становится во вновь возгорающейся войнѣ между Франціей и Испаніей.

Возобновленіе этой войны неизбежно вытекало изъ переменъ мірового положенія. Англія и Франція заключили, наконецъ, 24-го марта 1550 года миръ; Генрихъ II въ качествѣ французскаго короля и истаго француза не могъ, конечно, оставаться въ бездѣйствіи при видѣ того, какъ теперь именно дѣлались попытки завершить гегемонію Габсбурговъ. Ибо Карлъ V дерзнулъ мало-по-малу выступить со своими самыми затаенными мыслями, разумѣется, не открыто передъ общественнымъ мнѣніемъ, однако, и того, что удалось узнать свѣту, было достаточно уже, чтобы вполне оправдать давнишнія опасенія передъ всемірной австрійской монархіей. Какъ трудно было не догадаться, что императоръ оставлялъ за собою право окончательнаго рѣшенія великаго церковнаго вопроса, такъ же трудно было сохранить въ тайнѣ его усиленные старанія обезпечить будущность габсбургской міровой державы. вмѣстѣ съ католической церковью и Священная римская имперія должна была подпасть подъ власть Испаніи. Для продолженія въ его духѣ и утвержденія дѣла всей его жизни, по отцовскому мнѣнію императора, вполне надежнымъ человѣкомъ все таки былъ только его собственный сынъ.

Какъ для интерима (стр. 305), такъ и въ вопросѣ объ упорядоченіи престолонаслѣдія первый толчокъ далъ король Фердинандъ, хотя самъ онъ смотрѣлъ на это только какъ на «нелѣпую выдумку». Въ то время какъ Карлъ, кажется, подумывалъ прямо о превращеніи имперіи въ наследственную монархію, въ ноябрѣ 1546 года братъ его предложилъ ему проектъ: взять съ курфюрстовъ обязательство, что они только при двухъ, трехъ ближайшихъ выборахъ императора будутъ имѣть въ виду исключительно Габсбургскій домъ. Положимъ, пока еще право наслѣдованія Фердинанда обезпечено было избраніемъ его въ римскіе короли въ 1531 году (стр. 126), но при малой разницѣ въ годахъ между братьями могла произойти довольно скоро одна за другой смѣна правителей. Вотъ тутъ-то и пришелъ Карлъ къ рѣшенію перенести право наслѣдованія послѣ брата не на старшаго сына его Максимилиана, а на инфанта Филиппа. Только во время аугсбургскаго сейма зашла опять между братьями рѣчь объ этомъ дѣлѣ, которое сдѣлалось уже достояніемъ молвы; они порѣшили оставить его пока вовсе въ покоѣ до прибытія инфанта въ Германію. Это самое путешествіе и послужило поводомъ къ предположеніямъ, что или императоръ перенесетъ на него санъ римскаго короля еще при жизни

Фердинанда, или же, можетъ быть, побудить брата самого отказаться теперь же отъ передачи престолонаслѣдія своему сыну въ пользу испанскаго наслѣднаго принца. Едва усиленное безпокойство римскаго короля все снова и снова находило себѣ пищу, когда Филиппъ дѣйствительно прибылъ изъ Испаніи, и его не только въ Нидерландахъ, но и въ Германіи, то тамъ, то тутъ, почитали какъ будущаго государя; осмѣливались уже, какъ сообщаетъ одинъ саксонскій агентъ при императорскомъ дворѣ, изображать въ живыхъ картинахъ уступку имперіи Филиппу. И путешествіе это сдѣлалось возможнымъ только благодаря тому, что старшій сынъ Фердинанда Максимилианъ смѣнилъ своего двоюроднаго брата и соперника въ завѣдываніи дѣлами испанской монархіи. Оба кузена были ровесники: Филиппъ родился 21-го мая, Максимилианъ—31-го іюля 1527 года. Но сынъ римскаго короля, прекрасный, стройный, видный, выросъ въ Чехіи и въ Германіи; роднымъ языкомъ его былъ языкъ нѣмецкій, онъ питалъ также нѣмецкую склонность къ выпивкѣ, которую отецъ ставилъ ему больше всего въ упрекъ. Если онъ и подавалъ поводъ къ соблазну своими любовными похождениями, своей страстной любовью къ музыкѣ, своимъ тугимъ соображеніемъ и малымъ интересомъ къ религіи, нельзя, однако, было не признать зато, что молодой принцъ, участвовавшій уже въ двухъ походахъ и державшій рѣчь при открытіи имперскаго сейма, обладалъ въ высокой степени способностью привлекать къ себѣ людей. У императора было полное основаніе посредствомъ удаленія этого племянника, съ которымъ обручена была въ Испаніи инфанта Марія, открыть свободный путь своему сыну и устранить поводъ къ непосредственному сравненію, которое не могло склониться въ выгодную для испанца сторону. Ибо малорослый, худощавый сынъ императора, весьма непріятно выдѣлявшійся своей некрасивой посадкой во время турнира сравнительно съ рыцарской ловкостью Максимилиана, былъ истый испанецъ, и старанія его выказать себя рьянымъ сторонникомъ всего нѣмецкаго черезчуръ ужъ ясно носили на себѣ отпечатокъ напускного и вымученнаго. Положимъ, онъ напивался до пьяна, чтобы стать на пріятельскую ногу съ кутилами-курфюретами, не пропускалъ, кромѣ того, ни одного случая показать себя нѣмцамъ въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ, такъ, напр., онъ освободилъ вышеупомянутыхъ (стр. 317) ульмскихъ проповѣдниковъ изъ заключенія и замолвилъ словечко за протестантскихъ князей, герцога вюртембергскаго, Оттгейнриха, ландграфа. Но все это не могло изгладить впечатлѣнія испанской чопорности, въ которую опять все-таки впадалъ этотъ юноша, не знавшій молодости, лишенный всякой свѣжести. Никакъ не могли ему простить того, что, тогда какъ императоръ всегда тщательно соблюдалъ всѣ формы вѣжливости, онъ позволялъ провожать себя нѣмецкимъ кня-

зьямъ, не поворачивая къ нимъ даже головы. Зато какъ сумѣлъ Максимилианъ войти въ испанскую жизнь, несмотря на то, что онъ страстно стремился вернуться поскорѣе на родину, какъ онъ тамъ заставилъ полюбить себя! Тѣмъ живѣе было, конечно, желаніе Карла и Филиппа привести это дѣло въ порядокъ на аугсбургскомъ имперскомъ сеймѣ 1550 года, пока еще не было этого опаснаго члена семьи.

Но тутъ интересы младшей линіи Габсбургскаго дома, совсѣмъ очевидно совпадали съ господствующимъ настроеніемъ въ Германіи, а особенно среди, нѣмецкихъ князей. Мы знаемъ чисто габсбургское честолюбіе Фердинанда; во время Шмалькальденской войны не исполнились ни поползновенія его на саксонское курфюршество (стр. 288), ни надежда его получить обратно Вюртембергъ (стр. 290). А тутъ еще это внушеніе, предоставить въ испанскія руки императорское достоинство, безъ котораго юная австрійская монархія едва могла обойтись, воспламенило всю страстность его темперамента. Онъ чувствовалъ, что тутъ затронута не только выгода его, но и честь, и на имперскомъ сеймѣ, который открытъ былъ въ іюль 1550 года, онъ въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ проявилъ свое озлобленіе, что Карлъ, по собственному его выраженію, былъ готовъ «лопнуть» отъ досады. Фердинандъ боролся не одинъ; какъ императоръ призывалъ себѣ на помощь сестру свою Марію, которая еще раньше пыталась задобрить и измѣнить настроеніе римскаго короля, такъ и Фердинандъ настоялъ на томъ, чтобы Максимилианъ, уже избранный той порой (1549) въ преемники его въ Чехіи, покинулъ Испанію и принялъ участіе въ этомъ рѣшеніи. А молодой король вступилъ между тѣмъ попутно въ дружественныя сношенія съ Франціей; въ Аугсбургѣ онъ такъ тщательно избѣгалъ встрѣчи съ двоюроднымъ братомъ, что не присутствовалъ самолично даже при обрядѣ передачи Нидерландовъ въ ленъ Филиппу. Стараніе Карла принудить брата къ уступчивости, лишивши его помощи противъ турокъ, которая требовалась въ Венгріи, естественно только обострило еще раздраженіе съ обѣихъ сторонъ; да оба они почти что и не пытались уже скрывать его отъ постороннихъ. Послѣ одного разговора о престолонаслѣдіи, сообщаетъ французскій посланникъ, у императора произошелъ отъ гнѣва припадокъ лихорадки; замѣтили также, что королева Марія тоже вышла побагровѣвши отъ гнѣва изъ комнаты Фердинанда, который со своей стороны вмѣстѣ съ Максимилианомъ не показывался никому цѣлый день. Надо имѣть въ виду, что Карлъ V въ эти мѣсяцы былъ боленъ, болѣе чѣмъ когда либо до сихъ поръ, что онъ сверхъ того лишился въ августѣ 1550 г. своего самага испытаннаго совѣтника Гранвелы старшаго; рассчитывали уже, что и самъ онъ не доживетъ до весны. И, несмотря на это, онъ добился успѣха, надъ своими упорными родственниками по крайней

мѣръ, хотя успѣхъ этотъ былъ, конечно, только мнимый. Между Фердинандомъ и инфантомъ заключенъ былъ 9-го марта 1551 года договоръ, въ которомъ первый обѣщался добиваться избранія Филиппа въ свои преемники въ имперіи; избраніе это должно было совершиться послѣ коронованія Фердинанда въ императоры, и, если окажется возможнымъ, на курфюрстовъ надо возложить тутъ же дальнѣйшее обязательство: послѣ смерти Фердинанда и коронованія Филиппа перенести санъ римскаго короля на Максимилиана. Намѣревались, стало быть, императорскую корону передавать поочередно въ обѣ линіи габсбургскаго дома, при чемъ, конечно, то обстоятельство, что какъ Карлъ и Фердинандъ, такъ и Филиппъ и Максимилианъ были почти ровесниками, клонило выгоду въ пользу Испаніи. Филиппъ долженъ былъ во всякомъ случаѣ согласиться, что онъ, сдѣлавшись римскимъ королемъ, лишь постольку будетъ вмѣшиваться въ управленіе имперіей, поскольку это дозволитъ ему Фердинандъ, и что ту же самую сдержанность будетъ онъ проявлять и въ качествѣ будущаго главнаго намѣстника императора въ Италіи во время присутствія тамъ Фердинанда. Но уже обѣщаніе Филиппа помогать дядѣ противъ всѣхъ враговъ, въ особенности противъ мятежниковъ въ Германіи и при «исцѣленіи» религіозныхъ расколовъ, прямо указывало на постоянное вмѣшательство Испаніи. Максимилианъ, по крайней мѣрѣ устно, далъ честное слово, что онъ не предпринималъ и впредь не будетъ предпринимать никакихъ шаговъ къ утверженію престолонаслѣдія за собой, а напротивъ будетъ содѣйствовать избранію инфанта.

Это честное слово было настолько же неправдиво и вынуждено, насколько и весь этотъ договоръ, и, можемъ мы прибавить, то уступчивое поведеніе, которое проявляли имперскіе чины относительно императора. Ибо въ дѣйствительности обученіе испанскому образу мыслей шло у нѣмцевъ гораздо медленнѣе, чѣмъ этого ожидали инныя горячія головы среди приближенныхъ императора. Тамъ можно было конечно услышать, что имперія есть собственность императора, такъ какъ онъ честно заплатилъ за это. «Они думаютъ», говорится объ испанцахъ въ одномъ письмѣ съ имперскаго сейма, «что имперія принадлежитъ имъ, и что они ея не выпустятъ изъ своихъ рукъ; такъ что нѣмцевъ можно пожалуй такъ же водить продѣвши кольцо въ носъ, какъ воловъ». Разсказывали, будто бы послѣдній совѣтъ Гранвелы предъ смертью сводился къ тому, чтобы поддерживать въ Германіи раздѣленіе. Но именно эта непоколебимая увѣренность испанцевъ въ побѣдѣ и въ особенности грозная опасность получить новаго императора, насквозь пропитаннаго испанскими взглядами, и вызвала, напротивъ, общее недовольство; хотя оно и происходило изъ разнообразныхъ причинъ, однако же значительно усилило указанное

уже раньше (стр. 311 сл., 316 сл.) пассивное сопротивление членов империи своему главе. Уже то обстоятельство, что заседания сейма посещали из курфюрстов только майнцский и трирский, что, несмотря на настоятельные приглашения императора, не явились именно Мориц саксонский и Иоахим бранденбургский, отличало этот новый аугсбургский сейм от его «броненосного» предшественника. Съ нескрываемой ясностью выступает въ заявленияхъ присутствующихъ князей и пословъ невозможность провести въ жизнь интеримъ, общая нелюбовь къ излюбленному плану Карла V. Положимъ, императоръ достигъ въ заключительномъ постановленіи имперскаго сейма (13 февраля 1551 г.) того успѣха, что и протестантскіе чины подчинились предложенію послать представителей на соборъ; протестъ курфюрста саксонскаго остался безплоднымъ, и Морицъ какъ разъ въ это именно время готовился привести въ исполненіе имперскую опалу надъ Магдебургомъ. Но отношеніе протестантовъ къ собору, на который они ни раньше, ни впослѣдствіи не могли смотрѣть какъ на свободный и христіанскій въ ихъ смыслѣ, какъ на законное и безпристрастное судилище въ религіозномъ спорѣ, ничуть не измѣнилось вслѣдствіе согласія отправить на него своихъ представителей; Меланхтонъ въ своемъ мнѣніи прямо высказываетъ, что какъ нѣкогда шмалькальденцы только для виду ссылались на соборъ, такъ и теперь дѣло идетъ о томъ, чтобы избѣжать при настоящемъ трудномъ положеніи видимости сопротивления императору. Относительно рѣшающаго вопроса, слѣдуетъ ли въ самомъ дѣлѣ смотрѣть на этотъ соборъ какъ на продолженіе прежняго собранія, слѣдовательно, не нужно подвергать новому обсужденію обнародованныя уже постановленія, даже въ самомъ постановленіи сейма осторожно умолчали. Французскій посоль призналъ въ этомъ постановленіи сейма не увеличеніе уваженія къ императору, а скорѣе, наоборотъ, уменьшеніе, и посовѣтовалъ своему королю повременить, какъ было и до сихъ поръ, присылкою своихъ представителей въ Триентъ, потому что это только поощрило бы императора подтянуть еще больше нѣмцевъ. А этотъ все усиливающийся гнетъ имперскаго управленія, наглыя заявленія испанскихъ придворныхъ, противное имперскому уставу присутствіе испанскихъ войскъ, объ удаленіи которыхъ имперскіе чины дерзнули подать всеобщую просьбу, грубая манера, съ которой императоръ отвергъ эту просьбу—все это вызвало въ имперскихъ чинахъ независимо отъ вѣронсовѣданія глубокое недовольство. «Въ итогѣ съ нами, нѣмцами, они обходятся такъ, какъ будто мы совсѣмъ уже составляемъ ихъ полную собственность», извѣщаютъ послы курфюрста бранденбургскаго. Какое же возбужденіе въ умахъ должно было вызвать извѣстіе о планѣ императора относительно престолонаслѣдія и о сопротивленіи ему нѣмецкихъ Габсбурговъ! Никогда

они не дадутъ своего согласія на избраніе Филиппа, такъ заявили папскому нунцію курфюрсты майнцскій и трирскій; они просили папу о защитѣ, въ случаѣ если императоръ прибѣгнетъ къ какимъ-либо принудительнымъ мѣрамъ. Въ этомъ же смыслѣ, противъ всякаго измѣненія существующихъ порядковъ имперіи, они высказались, когда по тайности попытались вывѣдать ихъ склонности; курфюрстъ трирскій прибавилъ еще, что должно по крайней мѣрѣ произойти еще кое что, чтобы увѣковѣчить владычество испанцевъ въ германской имперіи. Когда весною 1551 года инфантъ покинулъ Аугсбургъ, были расклеены афиши: императору желательно, чтобы слезы, пролитыя по поводу этого отъѣзда, были собраны, онъ готовъ заплатить за нихъ индійскимъ золотомъ.

Еще будто бы во время сейма, собравшись на пирушку, князья дали форменную клятву не выбирать испанца, а кто согласится на это, того считать измѣнникомъ. Во всякомъ случаѣ, старанія Карла V всюду встрѣчали уклончивость, а не готовность содѣйствовать ему; всѣ курфюрсты остались непоколебимыми, и король Фердинандъ, какъ разъ послѣ этого договора вынужденный отказаться отъ своихъ страстныхъ желаній вернуть себѣ Вюртембергъ, былъ, конечно, не въ такомъ расположеніи, чтобы воодушевлять курфюрстовъ Саксоніи и Бранденбурга, которыхъ онъ взялся уговорить къ исполненію для него самого ненавистнаго замысла. Іоахимъ, по уговору съ Морицемъ, посовѣтовалъ римскому королю вовсе бросить это дѣло, потому что иначе онъ возбудитъ противъ себя и потомковъ своихъ ненависть въ чинахъ германской имперіи. Четыре рейнскихъ курфюрста согласились въ томъ же смыслѣ между собою при личномъ свиданіи въ Верхнемъ Везелѣ; даже прежній сторонникъ Габсбурговъ, Фридрихъ пфальцскій, сдѣлался уже недоступнымъ для внушеній императорскаго двора. Довольно жалко закончилось это проявленіе силы; хвастовство испанцевъ, будто у курфюрстовъ всего можно добиться ласковымъ взглядомъ и парюю пирушекъ, основательно было посрамлено. Высшимъ чинамъ имперіи нельзя отказать во свидѣтельствѣ, что они, несмотря на недавно испытанныя униженія, все еще сохранили въ себѣ до нѣкоторой степени чувство собственного достоинства, что они, поздно положимъ, дошли до пониманія, какую тяжкую ошибку совершили князья-избиратели Священной римской имперіи въ 1519 году. Обладавшая живымъ умомъ герцогиня Рохлицкая писала еще въ 1546 году Морицу саксонскому: «У австрійскаго дома широкіе глаза и ротъ; что онъ только завидитъ, сейчасъ захочетъ захватить и слопать». Въ теченіе нѣмецкой исторіи не разъ бывали времена, когда партикуляризмъ, на который столь часто и справедливо жалуются, приносилъ однако пользу цѣлому, всему народу. Такая пора и наступила тогда, когда подавляющая сила чужеземнаго

властелина имперіи грозила уничтожить не только плоды религіознаго переворота, но вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхи въ теченіе столѣтій усиливавшейся политической децентрализаціи. Какъ при начаткахъ реформаціи, такъ и теперь носителемъ національной идеи осталось одно только сословіе князей. И нельзя сомнѣваться въ томъ, что нѣмецкій народъ не только не желалъ испанскаго управленія, но смотрѣлъ на него прямо съ отвращеніемъ. Мы не можемъ и мысленно представить себѣ возможности, чтобы когда либо Филиппъ II могъ носить нѣмецкую корону. Достаточно вспомнить невыразимыя страданія Нидерландовъ, безмолвное рабство Италіи. Тѣ нѣмецкіе князья, которые помѣшали наслѣдованію инфантомъ имперіи, дѣйствительно трудились на пользу отечества, правда, не подъ вліяніемъ чисто патріотическаго образа мыслей, но въ этомъ случаѣ ихъ интересы совпали съ интересами цѣлаго.

Нечего было конечно и думать о томъ, что такой политикъ какъ Карлъ V совсѣмъ откажется отъ осуществленія своей излюбленной мысли, испугавшись сопротивленія своихъ родственниковъ и первой неудачи у курфюрстовъ. Чтобы окончательно отучить отъ подобныхъ затѣй этого мастера выжидать и рассчитывать, пришлось прибѣгнуть къ хитрости и насилію, онъ самъ только и придавалъ рѣшающее значеніе такимъ средствамъ. Кривыми путями и нечистыми руками послѣднее возстаніе, которое пережила Германія въ эти бурныя десятилѣтія, возстаніе князей помѣшало основанію сильной императорской власти и обезпечило вмѣстѣ съ давними вольностями имперскихъ чиновъ и продолженіе существованія протестантства въ Германіи. Карлъ V и его политики нашли все таки среди сумасбродныхъ и пьяныхъ нѣмцевъ весьма способныхъ учениковъ. Такъ уже сложились обстоятельства, что основы современной Германіи, территоріальное государство и нѣмецко-протестантскій духъ, должны были быть спасены благодаря первоначально чисто династической и вовсе не національной политикѣ. Но мы не должны при этомъ забывать, что задолго еще до реформаціи и до Карла V Священная римская имперія нѣмецкой націи пережила самое себя. Что еще оставалось въ ней способнаго къ жизни, то возмущалось противъ анахронизма этой императорской реформаціи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Возстаніе князей и его послѣдствія.

Противоположность между югомъ и сѣверомъ Германіи оставила глубокіе слѣды въ исторіи нѣмецкаго народа; противоположность эта всегда была живучей, такъ что съ нѣкоторой видимостью основательности можно было сдѣлать смѣлую попытку найти связь между сѣверо-нѣмецкими протестантами XVI вѣка и отстаившими свою независимость германскими предками ихъ. Думали даже въ предѣлахъ, внутри которыхъ реформація была въ состояніи прочно утвердиться, найти хоть приблизительно тѣ древнія границы между Германіей, обращенной въ римскую провинцію, и свободной Германіей! Но мы, и не заходя такъ ужъ далеко, можемъ во всякомъ случаѣ не умалять значенія того явленія, что со времени прекращенія императоровъ изъ саксонскаго княжескаго рода сѣверъ Германіи все болѣе и болѣе чуждался имперіи и довольно часто принималъ самостоятельное положеніе относительно императорской власти, то угрожающее, то безучастное. Припомнимъ, какъ въ періодъ расцвѣта городовъ на исходѣ среднихъ вѣковъ обѣ большія группы южно-нѣмецкихъ и ганзейскихъ республикъ такъ сказать повернулись другъ къ другу спинами. Но вотъ реформація мощно оживила во время своего начала чувство сопринадлежности къ одному народу (т. I, стр. 381 сл.) и, между прочимъ, на югѣ укоренилась быстрѣе, чѣмъ на сѣверѣ; самъ Лютеръ происходилъ изъ средней Германіи, и тотъ простолюдинъ, которому онъ «смотрѣлъ въ ротъ» при своемъ переводѣ библіи, говорилъ не на нижне-нѣмецкомъ нарѣчій. Но уже въ Шмалькальденскомъ союзѣ сословіе князей сѣверной Германіи приобрѣло безусловно руководящее значеніе, и послѣ крушенія его стало довольно ясно, гдѣ хранится сила, способная оказать самое стойкое сопротивленіе. Магдебургъ взялъ на себя роль, которую отводили первоначально гораздо болѣе его могущественному Страсбургу; въ сословіи нижне-нѣмецкихъ горожанъ снова пробудился исконный духъ непокорства саксовъ. И тѣмъ не менѣе это мужество немногихъ городовъ неизбежно должно было бы потерпѣть пораженіе, если бы не вмѣшалось въ борьбу княжеское сословіе, убѣдившись, что теперь его будущности грозитъ дѣйствительная опасность уже не со стороны демократическихъ силъ, а отъ императорской власти. Если опять-таки сѣверо-нѣмецкіе князья подняли знамя возстанія, это лежало въ самой сущности дѣла, потому что за ними именно стояла неоцѣнимая опора въ сочувствіи евангеликовъ; если католическіе имперскіе чины не сплотились съ такой же рѣшимостью вокругъ Карла V—точно такъ же лежало въ природѣ вещей,

ибо императоръ былъ общимъ врагомъ для всѣхъ, кому дороги были княжескія вольности.

Вольности, самодержавныя права княжескаго сословія все еще извлекали себѣ выгоду изъ каждаго движенія въ эти бурныя десятилѣтія, какъ изъ церковнаго переворота, такъ и изъ соціальной революціи. Города съ трудомъ лишь могли сохранять свое положеніе на имперскихъ сеймахъ рядомъ съ высшими чинами имперіи. А теперь черезмѣрное могущество императора снова дѣлало сомнительною унаслѣдованную и благопріобрѣтенную самостоятельность большихъ и маленькихъ государей, между тѣмъ какъ они все болѣе и болѣе привыкали наравнѣ со своими совѣтниками смотрѣть на свои права, данныя имъ въ качествѣ ленныхъ владѣльцевъ земли, какъ на *impregium* и пользоваться ими сообразно съ этимъ взглядомъ (т. I, стр. 29 сл.). Мы уже раньше коснулись мимоходомъ того замѣчательнаго движенія, которое извѣстно подъ именемъ принятія римскаго права и происходитъ съ XV вплоть до XVII вѣка; между тѣмъ какъ нѣмецкій умъ старался свергнуть съ себя господство римской церкви и создать себѣ чисто національную религію, въ это же время народныя правовыя воззрѣнія глохли или застывали въ неподвижную форму подъ вліяніемъ побѣдоноснаго натиска римской юриспруденціи. Послѣ учрежденія имперскаго камеральнаго суда (т. I, стр. 75) и введенія апелляціи въ гражданскій процессъ медленно, но непреодолимо совершалась романизація высшихъ судебныхъ учреждений въ территоріяхъ, замѣщеніе должностныхъ лицъ въ нихъ прошедшими школу юристами. Тамъ и сямъ выступали уже вмѣсто прежнихъ городскихъ высшихъ судовъ, къ шеффенамъ которыхъ прежде обращались въ спорныхъ дѣлахъ, новые юридическіе факультеты при университетахъ. Но и политика территорій и управленіе все болѣе и болѣе оказывались не въ состояніи обходиться безъ «докторовъ», юридически образованныхъ, большею частью вышедшихъ изъ среды горожанъ-бюргеровъ, спеціальныхъ чиновниковъ, которые находились совсѣмъ въ иной зависимости отъ своихъ князей, чѣмъ ихъ благородные предшественники. Ибо во всѣхъ областяхъ пробуждалась потребность и стремленіе къ большей связности, правильности, подчиненности. То, чего никогда не удалось достигнуть имперіи, пытались осуществить отдѣльные члены ея: учредить единое замкнутое въ самомъ себѣ государство. Какъ территоріальное право одержало верхъ надъ мѣстнымъ правомъ, полицейская и экономическая опека правительства надъ самоуправленіемъ сословій и товариществъ, такъ и княжеская «верховная власть» уже не желала признавать, что въ предѣлахъ ея владѣній, «замкнутыхъ и округленныхъ земель» продолжали еще существовать кое-какія исключенія для не состоящихъ въ ихъ подданствѣ; и тѣ вассалы иноземныхъ сюзереновъ, которые имѣли владѣнія на

ихъ территоріи, должны были исполнять обязанности наравнѣ съ подданными владѣльца территоріи. То, что Шмоллеръ высказалъ относительно экономической политики такихъ территоріальныхъ государей, можно вообще распространить на все ихъ представленіе о государствѣ. «Постоянно мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же представленіемъ; все, находящееся въ странѣ, считается нѣкимъ цѣлымъ и прежде всего должно служить на пользу страны». Какую помощь оказало созданіе мѣстной церкви, территоріальное упорядоченіе церковныхъ отношеній такому развитію, объ этомъ не разъ уже говорилось мимоходомъ. Новыя евангелическія церковныя власти, учрежденныя сперва въ курфюршествѣ саксонскомъ подъ названіемъ консисторій въ 1539 (1542) году, носили на себѣ несомнѣнно характеръ государственныхъ учреждений, въ особенности, когда на нихъ, помимо духовныхъ дѣлъ, часто возлагаемы были и мірскія. Хотя юриспруденція, вопреки верховной власти государя страны надъ церковью въ качествѣ «верховнаго епископа», и старалась сохранить значительную долю прежнихъ воззрѣній каноническаго права,—такъ, напр., она протестовала иногда довольно сильно противъ секуляризацій,—все же новая церковь принуждена была въ дѣйствительности вполнѣ приспособляться къ строю государства какъ его составная часть и предоставить княжескому управленію высшую власть надъ собою, «высшее служеніе Богу». Вообще это самодержавіе въ маленькихъ государствахъ усвоивало себѣ изъ теорій римскихъ юристовъ какъ разъ то именно, что согласовалось съ его цѣлями; какъ ни угодна была ему теорія о томъ, что государь стоитъ выше закона, *potestas legibus soluta*, тѣмъ не менѣе оно не позволяло вводить себя въ заблужденіе сдѣлавшемся анахронизмомъ имперскому государственному праву, когда послѣднее приписывало императору неограниченную верховную власть римскихъ императоровъ, а областнымъ (территоріальнымъ) государямъ только положеніе чиновника (*magistratus*). Ибо имперскіе князья давно уже привыкли самовластно вступать въ переговоры съ представителями иностранныхъ державъ и набирать себѣ войска. Слѣдовательно, было бы грубой ошибкой ставить этихъ нѣмецкихъ герцоговъ и маркграфовъ на одну ступень, положимъ, съ носителями тѣхъ же титуловъ въ Испаніи и Франціи. А именно на это-то и мѣтили, повидимому, насильственные приемы побѣдоноснаго императора и обращеніе его иноземной свиты. Полу-самодержавная имперская высшая аристократія обнажила мечъ ради самой себя, а вовсе не ради своихъ подданныхъ,—о томъ, что не за нѣмецкій народъ уже и говорить нечего.

Карль V совсѣмъ непростительнымъ образомъ оскорбилъ ихъ сословное чувство собственнаго достоинства. Можетъ быть, ему казалось непремѣннымъ требованіемъ политической мудрости, когда онъ, наперекоръ всѣмъ

просьбамъ и попыткамъ посредничества, не возвратилъ свободы обоимъ князьямъ, своимъ плѣнникамъ, однако своимъ преднамѣреннымъ дурнымъ обращеніемъ съ ландграфомъ онъ прежде всего выказалъ свою природную непримиримость и отсутствіе рыцарственного благородства съ такой беззастѣнчивостью, что это было и неприлично, и неблагоприятно. Не разъ онъ выказывалъ, что не брезгуетъ никакими средствами для удовлетворенія своей мстительности (т. I, стр. 351, т. II, стр. 13); объ этомъ могли бы поразсказать испанскіе мятежники, а равно и взбунтовавшіеся въ Аугсбургѣ ландскнехты, вожаковъ которыхъ онъ сначала помиловалъ, а затѣмъ черезъ подстрекателей вызвалъ ихъ на оскорбленіе величества и въ концѣ концовъ довелъ таки ихъ до эшафота. Въ своихъ отношеніяхъ къ Іоганну Фридриху, курфюрсту саксонскому, онъ довольно часто смѣнялъ разсчитанную снисходительность на недостойную суровость. Только благодаря своей надеждѣ на Бога и чувству собственнаго достоинства Іоганнъ Фридрихъ въ продолженіе этихъ годовъ испытанія могъ сохранить мужественное спокойствіе духа, которое производило неотразимое впечатлѣніе на друга и недруга. Онъ отвергъ однажды предложеніе своихъ вѣрныхъ вассаловъ воспользоваться якобы надежными волшебными средствами для освобожденія, замѣтивши, что онъ вовсе не желаетъ прибѣгать къ такому діавольскому обману, потому что освобожденіе его въ рукахъ Божіихъ. Во всякомъ случаѣ положеніе Іоганна-Фридриха, который и во время плѣна могъ оставить съ собой своего любимца Луку Кранаха и позировать для своего портрета передъ Тиціаномъ, нельзя было и сравнивать со страданіями его товарища по несчастію. Филиппа гессенскаго день и ночь окружали насквозь провонявшіе чеснокомъ его испанскіе мучители, стѣсняли его, издѣвались надъ нимъ. Если онъ подходилъ къ окну, двое солдатъ вмѣстѣ съ нимъ высовывали оттуда свои головы; даже сонъ его постоянно прерывался при смѣнѣ часовыхъ, которые со свистомъ флейты и барабаннымъ боемъ входили въ его помѣщеніе, при чемъ всякій разъ поднимали занавѣси, чтобы убѣдиться въ его присутствіи. Тщетно пытался ландграфъ тронуть императора своей готовностью согласиться на интеримъ; онъ обѣщалъ, что, если его выпустятъ только на нѣсколько мѣсяцевъ, онъ будетъ въ своей домовой церкви усердно выстаивать мессу и подавать внушительный примѣръ своимъ проповѣдникамъ и подданнымъ. Испанцы предпочли принуждать его какъ арестанта къ посѣщенію богослуженія каждое воскресенье. Когда оказалась тщетной и надежда его на инфанта Филиппа, когда до его слуха дошли рѣчи, что его освободятъ только на смертномъ одрѣ, тогда онъ началъ еще усерднѣе чѣмъ прежде носиться съ мыслью о бѣгствѣ. Попытка, сдѣланная въ Мехельнѣ, не удалась, и императоръ приказалъ теперь, когда первое признаніе ланд-

графа показалось неудовлетворительнымъ, чтобы президентъ Вигліусъ пригрозилъ князю, что изъ него вымотаютъ правду «строгими и суровыми мѣрами»; Вигліусъ не долженъ былъ говорить прямо о пыткѣ, а такъ, напримѣръ, приказаніями, даваемыми вполголоса дежурному офицеру и «другими подходящими средствами» возбудить въ плѣнникѣ ужасную мысль, что собираются подвергнуть его пыткѣ. Вигліусъ, по собственному его увѣренію, постарался какъ можно лучше и испыталъ удовольствіе увидѣть, какъ ландграфъ расплакался; мы должны, конечно, отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ увѣренію доведеннаго почти до отчаянія человѣка, что онъ уже много разъ былъ близокъ къ покушенію на самоубійство. Сыновья его боялись, какъ бы подъ вліяніемъ продолжительнаго плѣна тѣлесныя и душевныя силы измученнаго отца ихъ не изсякли, въ особенности если его отправятъ въ Испанію или Италію.

Подобныя приемы, употребляемые побѣдоноснымъ императоромъ, а не потерявшей человѣческой образъ толпой захватившей власть черни, должны были возбудить убѣжденіе, что тутъ дѣло идетъ отнюдь не о личности одного только ландграфа, а о томъ, чтобы унижить въ самомъ его основаніи сословіе нѣмецкихъ князей. Кромѣ того, и въ католическихъ странахъ раздѣляли воззрѣніе, что ландграфа захватили въ полномъ смыслѣ слова обманомъ. На общественное мнѣніе гораздо больше впечатлѣнія производилъ, конечно, образъ плѣннаго курфюрста; ходилъ такой слухъ, что онъ только вслѣдствіе измѣны окружающихъ и послѣ мужественнаго боя достался въ руки враговъ; во всѣхъ спорныхъ вопросахъ онъ остался стойкимъ, какъ истый «мученикъ за Іисуса Христа». Какъ нѣкогда Лютеръ во время Вормскаго сейма (т. I, стр. 360), такъ теперь страдалецъ Іоганнъ Фридрихъ сдѣлался героемъ одной изъ «страстей». Инымъ казалось, что они видѣли его образъ въ облакахъ; ходило предсказаніе, что онъ еще будетъ императоромъ. Но на князей должны были производить наиболѣе глубокое впечатлѣніе примѣръ дурного обращенія съ ландграфомъ и полнѣйшая безуспѣшность ихъ собственныхъ ходатайствъ за него. И князья, бывшіе въ союзѣ съ императоромъ, обезпечены были небольшою побѣжденныхъ отъ немилости императора, какъ это довольно ясно показалъ урокъ, который получилъ Эрхъ брауншвейгскій въ Брюсселѣ, когда онъ задумалъ проѣхать въ Испанію черезъ Францію; онъ былъ тотчасъ же арестованъ и долженъ былъ обязаться совершить свое путешествіе по точно предписанному ему маршруту; послѣ этого онъ предпочелъ, конечно, отправиться восвояси на родину. Ибо для Карла V несноснѣе всего была постоянная опасность, какъ бы эти безпокойные и нуждающіеся въ деньгахъ государи не вступили въ военно-политическія сношенія съ чужими странами, особенно съ Франціей; казнъ упомянутаго выше (стр. 310) пол-

ковника Фогельсбергера установила внѣ всякаго сомнѣнія взглядъ императора на такія отношенія, но зато испортила очень много крови у имперскихъ князей. Когда Альбрехтъ, маркграфъ бранденбургскій, съ радостью принявшій интеримъ и представившій себя папѣ добрымъ католикомъ, вопреки запрещенію императора на вербовалъ людей для службы въ иностранныхъ войскахъ, это лишило его всѣхъ милостей императора; раздраженный этимъ молодой князь сталъ подумывать о томъ, какъ бы ему «отплатить за неблагодарность неблагодарностью». Карлъ думалъ, что съ этимъ младшимъ поколѣніемъ князей, которое выросло подъ его знаменами и не внушало ему особеннаго уваженія къ себѣ, можно обращаться совсѣмъ иначе, чѣмъ съ ихъ предшественниками, которые привыкли къ нѣкоторой почтительности въ обращеніи съ ними и къ независимости. Но при этомъ онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду, насколько ужасная борьба религіозныхъ партій и соблазнительный примѣръ его собственной политики окончательно убили и безъ того сильно недомогавшую добросовѣстность нѣмецкой аристократіи. Въ первый разъ послѣ столькихъ вѣковъ, по выраженію Ничша, она «снова почувствовала солнечный свѣтъ и тонкую пыль мощнаго императорскаго двора съ его стремленіями къ централизаци и неустанными происками». И мы дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ переносимся опять во времена великаго Гогенштауфена Фридриха II. Какъ тогда, такъ и теперь, въ XVI вѣкѣ, итальянское искусство политики и понятіе о государствѣ дѣйствовали ослѣпительно, заманчиво на высшіе слои нѣмецкаго народа.

Въ виду грозившей ему опасности, сословіе князей во всякомъ случаѣ должно было, казалось, прежде всего обратиться къ той изъ внѣ-нѣмецкихъ державъ, которая издавна считала необходимымъ элементомъ своей политики покровительство нѣмецкому партикуляризму. Такимъ образомъ уже въ началѣ 1548 года мы видимъ при дворѣ Генриха II пословъ Оттона, герцога брауншвейгъ-гарбургскаго, сына извѣстнаго друга французовъ, Генриха люнебургскаго (т. I, стр. 201, 202, 206, 335); король, воевавшій тогда съ Англіей, далъ уклончивый отвѣтъ, посоветовавши образовать сначала союзъ сѣверо-нѣмецкихъ земель съ Польшею. И въ самомъ дѣлѣ непосредственно вслѣдъ за этимъ мы узнаемъ о переговорахъ между молодымъ ландграфомъ гессенскимъ, Гансомъ, маркграфомъ кюстринскимъ, Альбрехтомъ, герцогомъ прусскимъ, и молодымъ королемъ польскимъ Сигизмундомъ Августомъ; курфюрстъ саксонскій Морицъ тоже посвященъ былъ уже въ эту тайну, хотя и не пользовался искреннимъ довѣріемъ. Душою этого замысла союза сѣверныхъ князей,—желали привлечь къ нему и Данію,—былъ собственно маркграфъ Гансъ; послѣ своего рѣшительнаго отклоненія интерима (стр. 316) онъ долженъ былъ, ко-

нечно, чувствовать себя не въ безопасности и сверхъ того догадывался объ алчныхъ вождѣніяхъ короля Фердинанда на кроссенскія и котбусскія помѣстья. Ему донесли, что родной братъ его Іоахимъ готовъ взять на себя исполненіе опалы надъ нимъ. Имперская опала все еще висѣла надъ головой герцога прусскаго; возможность исполненія ея заставила и Польшу относиться подозрительно къ императору, а кромѣ того, какъ разъ въ это время въ Польшѣ реформація, поддерживаемая стремленіями къ пріобрѣтенію вольностей въ значительной части шляхты, дѣлала быстрые успѣхи. Недостатка въ агентахъ точно такъ же не было; наравнѣ съ патріотами, изгнанными изъ Флоренціи и другихъ итальянскихъ городовъ, и нѣмецкіе бѣглецы сидѣли теперь въ изгнаніи во Франціи и обдумывали планы мести; такъ особенно старался Шертлинъ, высланный изъ Базеля, не разъ подвергавшійся опасности пасть отъ руки убійцы, такъ какъ онъ былъ приговоренъ къ смерти, и голова его была оцѣнена. Въ ганзейскихъ городахъ и въ Англіи хлопотали Георгъ фонъ Гейдекъ и Фольрадъ, графъ мансфельдскій, который испыталъ всю горечь немилости императора, когда во время аугсбургскаго сейма ему приходилось по цѣлымъ часамъ ждать передъ дверьми Гранвелы. И цѣлый рядъ сѣверо-германскихъ городовъ, какъ-то: Гамбургъ, Бременъ, Люнебургъ, Брауншвейгъ, находившійся въ борьбѣ со своимъ государемъ Генрихомъ, рѣшились, повидимому, «жертвовать достояніемъ и кровью для сопротивленія императору» бокъ о бокъ съ Магдебургомъ. А тутъ еще присоединились упорные противники интерима, сыновья плѣннаго курфюрста; старшій изъ нихъ, Іоганнъ Фридрихъ, предавался уже дикимъ фантазіямъ, которыя напоминаютъ времена Зиккингена: въ предстоящей борьбѣ слѣдуетъ перебить епископовъ «со всѣми попами и монахами, всѣхъ сколько ни есть этихъ трутней» и кромѣ того совершенно истребить жителей Нюрнберга, «этого главнаго очага всего зла», пощадить однихъ только проповѣдниковъ. Однако, не такъ свирѣпо гласилъ договоръ объ оборонительномъ союзѣ, который заключили въ февралѣ 1550 года Гансъ кюстринскій, Іоганнъ Альбрехтъ мекленбургскій и Альбрехтъ прусскій, сѣхавшись на свадьбу послѣдняго въ Кенигсбергѣ. Но какой же помощи можно было ожидать отъ нѣсколькихъ сотенъ всадниковъ, которыхъ они обязались взаимно выставить, когда снова исчезла едва появившаяся было надежда на сильную поддержку Даніи, ганзейскихъ городовъ и различныхъ князей и дворянъ? Съ другой стороны стали передавать якобы слова императора съ угрозою, что онъ скоро придетъ и проучить этихъ лютеранскихъ мальчишекъ. «Громы разразятся надо всѣми нами и не пощадятъ никого», писалъ маркграфъ Гансъ померанскому канцлеру.

А маркграфъ самъ же и старался устранить отъ союза два элемента,

присоединеніе или противодѣйствіе которыхъ имѣли рѣшающее значеніе: Морица саксонскаго и молодого Альбрехта бранденбургскаго. Для такого убѣжденнаго протестанта, какъ Гансъ кюстринскій, безразличное отношеніе къ религіи и нравственности подобныхъ сотоварищей должно было быть, конечно, противнымъ; «сохрани Богъ», пишетъ онъ, «чтобы у насъ, нѣмецкихъ князей, дѣло дошло до того, что мы перестанемъ уважать честь и чистую совѣсть». Морицъ и Альбрехтъ во время «броненоснаго» сейма сошлись очень близко, благодаря тому, что оба они ухаживали за одной прекрасной аугсбуржанкой; «они такъ сообща дурачились», сообщаетъ Застровъ, «что самъ чортъ могъ бы расхохотаться, и въ городѣ было много разговоровъ про нихъ». Неудивительно, что года два спустя рассказъ о томъ, какъ діаволъ во время одной пирушки подсѣлъ въ видѣ молодой дѣвушки къ маркграфу, нашелъ себѣ вѣрующіхъ слушателей даже въ кругу князей; вѣдь похвалялся же открыто маркграфъ, что онъ будетъ служить не Господу Богу, а діаволу. Нечего изумляться, если подобное дикое проявленіе вольнодумства не спасало отъ суевѣрія, но оно и не препятствовало искренно раскаиваться при приближеніи смерти; послѣ того какъ сброшены были узы старой церкви, у этихъ необузданныхъ людей руководствомъ въ жизни остался одинъ только цинизмъ, для котораго не было уже ничего святого, кромѣ ихъ собственной выгоды. Именно въ томъ, что никто не могъ догадываться объ ихъ истинныхъ намѣреніяхъ, заключалась главная сила обонхъ этихъ молодыхъ государей; Альбрехтъ выказывалъ себя «то сторонникомъ, то противникомъ императора», а Морицъ въ довершеніе всего рѣшилъ, повидимому, снова оправдать свое прозвище Іуды-предателя, когда осенью 1550 года онъ дѣйствительно взялъ въ свои руки исполненіе имперской опалы надъ Магдебургомъ. Рѣшиться на этотъ долго откладываемый шагъ побудили его воинственные движенія въ сѣверной Германіи, которыя и безъ его помощи перешли въ магдебургскую область. Георгъ, герцогъ мекленбургскій (стр. 321), который могъ бы потягаться съ Морицемъ и Альбрехтомъ въ безсовѣстности и отчаянной рѣшимости, еще съ весны обнажилъ мечъ сначала противъ своихъ братьевъ; затѣмъ онъ бросился очертя голову въ войну съ городомъ Брауншвейгомъ, которую затѣялъ государь и давнишній врагъ этого города, «Гейнцъ» вольфенбюттельскій, но по приказанію императора долженъ былъ снова пріостановить ее. Съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ войнолюбивый мекленбуржецъ въ сентябрѣ двинулся черезъ Гальберштадтъ къ первостепенному изъ архіепископскихъ владѣній городу Магдебургу, и ему посчастливилось при Гиллерслебенѣ разбить на голову городскихъ мятежниковъ. Морицъ тотчасъ же послѣшилъ переманить побѣдоносное войско подъ свои знамена и лишить мо-

лодого герцога Георга руководящей роли. Помимо того, что это служило ему прекрасным предлогомъ не явиться на сеймъ (стр. 330), онъ на всякій случай не выпускалъ теперь оружія изъ рукъ, между прочимъ и на тотъ случай, если до свѣдѣнія императора дойдутъ, напр., извѣстія объ его переговорахъ съ Франціей.

Ибо все рѣшительнѣе въ этой честолюбивой и сознающей свое превосходство головѣ укрѣплялось убѣжденіе, что, пока императоръ сохранитъ свое могущество, онъ едва ли возвысится еще сколько нибудь, а пожалуй еще потеряетъ опять и то, чего онъ достигъ. Вспомнимъ надежды и разочарованія его, связанные съ Шмалькальденской войной (стр. 298); какъ отъ него ускользнули Магдебургъ и Гальберштадтъ, такъ братъ его Августъ долженъ былъ отказаться отъ управленія духовнымъ городомъ Мерзебургомъ. Его постоянно угнетала забота, что Іоганнъ Фридрихъ снова можетъ получить свободу, досада, что нельзя освободить ландграфа Филиппа, тягостное обязательство, которое Морицъ и Іоахимъ взяли на себя передъ его сыновьями, что, если это случится, то они явятся въ Гессенъ подъ арестъ. Слухи, исходившіе отъ императорскаго двора, объ отмѣнѣ саксонскаго права, по поводу его пріемовъ при секуляризаціи монастырскихъ имѣній, гласили довольно тревожно; онъ зналъ, зачѣмъ велѣно было прибыть въ Германію инфанту Филиппу, зналъ, что уже высказывали мысль: «лучше-де Германіи имѣть одного государя, чѣмъ столько тиранновъ, которые только и знаютъ, что мучатъ людей своими наѣздами да своей охотой, а ничѣмъ дѣльнымъ не занимаются». И какъ же должно было разрѣшиться противорѣчіе между задуманной императоромъ религіозной реакціей и явно выраженной ненавистью къ интериму почти всѣхъ приверженцевъ евангелическаго вѣроисповѣданія? Именно въ томъ глубокомъ недовѣріи, которое повсюду въ сущности, а не только у своихъ собственныхъ подданныхъ, встрѣчалъ къ себѣ Морицъ, и заключалась главная опасность для него. Тѣмъ дѣятельнѣе онъ пытается завязать сношенія со всѣхъ сторонъ. Послѣ того какъ онъ уладилъ въ мартѣ 1550 года служившія ему помѣхой недоразумѣнія со своимъ братомъ, онъ уговорился съ маркграфомъ Альбрехтомъ, у котораго, какъ мы видѣли, было набрано войско, и съ курфюрстомъ Іоахимомъ, который намѣревался раздобыть для своего сына Фридриха право преемства на первостепенную епархію, архіепископство Магдебургъ. Какъ ни разгульно происходили эти свиданія князей, однако главныя дѣйствующія лица сумѣли осторожно подъ личиной безумнаго пьянства и грубаго разврата съ женщинами устроить свое политическое дѣльце. Молодой маркграфъ Альбрехтъ, въ качествѣ любимца своего двоюроднаго брата въ Пруссіи, долженъ былъ вывѣдать насчетъ вышеупомянутаго кѣнигсбергскаго союза

князей. Въ то время какъ Морицъ разрабатывалъ замыслы объ освобожденіи своего тестя, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ первый рѣшился черезъ гессенскихъ агентовъ попытаться привлечь къ союзу Генриха II, чтобы упредить кѣнигсбержцевъ, и постарался возстановить болѣе дружественныя отношенія съ молодыми князьями эрнестинской линіи. Именно слухи о переговорахъ нѣмецкихъ князей съ Франціей и встревожили его такъ въ началѣ 1550 года. Неужели же онъ долженъ остаться одинокимъ на сторонѣ императора и допустить на свою шею, примѣрно, возстановленіе Іоганна Фридриха съ французской помощью? При всѣхъ своихъ предпріятіяхъ этотъ молодой мастеръ въ политическихъ тонкостяхъ никогда не упускалъ изъ виду плѣннаго курфюрста; а то обстоятельство, что Франція пока такъ же мало проявляла охоты имѣть дѣло съ Морицемъ, какъ и кѣнигсбержцы, побуждало его къ сугубой бдительности. Вотъ тогда-то и оказался спасеніемъ для него этотъ походъ герцога мекленбургскаго противъ опальнаго Магдебурга: еще не успѣли войска маркграфа кюстринскаго и нѣкоторыхъ другихъ сѣверо-германскихъ князей и городовъ вмѣшаться въ дѣло, Морицъ былъ уже на мѣстѣ, а вскорѣ послѣ него прибыли курфюрстъ Іоахимъ и маркграфъ Альбрехтъ. Послѣ безплодныхъ переговоровъ съ мятежниками, къ которымъ привлекли и маркграфа кюстринскаго, началась осада, хотя земскіе чины въ Саксоніи отказали своему государю во всякомъ подкрѣпленіи. Наконецъ въ декабрѣ послѣдовало согласіе аугсбургскаго сейма на выдачу значительной суммы денегъ изъ военной кассы (стр. 312) и назначеніе курфюрста Морица главнокомандующимъ имперской экзекуціонной арміи. А тѣмъ временемъ уже произошелъ рѣшительный поворотъ въ политикѣ альбертинца. Онъ самъ протянулъ руку сѣверно-германскому союзу и этимъ не только предупредилъ взрывъ открытой войны между протестантскими князьями, но и превратилъ преобладавшее до сихъ поръ намѣреніе защищать евангелическую вѣру въ смѣлое рѣшеніе перейти въ наступленіе.

Въ то время когда Морицъ собирался двинуться навстрѣчу войскъ союзниковъ, собранныхъ въ областяхъ архіепископскихъ городовъ Бремена и Вердена, онъ впервые открылъ устно гессенскимъ посредникамъ, въ разговорѣ насчетъ союза съ Франціей, свое твердое желаніе «быть коечѣмъ рядомъ съ другими и остаться таковымъ; да прежде чѣмъ онъ позволитъ прижать себя настолько, онъ сначала такихъ чудесъ натворить, и, съ позволенія сказать, этому плуту (императору), и этой барынѣ (Fronіскен, т. е. королевѣ Маріи), и всему ихъ рою скорѣе всѣми неправдами въ... душу влѣзетъ, лишь бы самому остаться не съѣденнымъ». Не такъ грубо, но не менѣе ясно гласилъ письменный ультиматумъ, который онъ снова послалъ 17 декабря гессенцамъ: «Во всемъ этомъ предпріятіи я не вижу ничего

вреди́те такого великаго недоу́рія. Если нельзя этому помочь, то я готовъ сказать, дай Богъ Германіи спокойную ночь! Я и мои товарищи должны имѣть такого государя, который защищалъ бы нашъ тылъ, и, на какую бы сторону мы ни склонились, мы желаемъ по крайней мѣрѣ разстроить игру нашего противника, если уже не удастся вырвать у него вовсе карты изъ рукъ». Письмо это въ копіяхъ разослано было всѣмъ участникамъ союза и многимъ изъ предводителей союзныхъ отрядовъ; съ вождями «христіанской кучки» въ области Везера Гансомъ ф. Гейдекомъ и Фольрадомъ мансфельдскимъ частью велись переговоры, частью происходили не особенно важныя стычки, пока въ январѣ 1551 года значительная часть солдатъ Гейдека не перешла открыто на сторону курфюрста и послѣдовала за нимъ подъ Магдебургъ. А между тѣмъ осажденные произвели 19-го декабря удачную вылазку; самъ Георгъ мекленбургскій былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; побѣду отпраздновали звономъ всѣхъ колоколовъ и пальбой всѣхъ орудій. Но довольно скоро изъ лагеря послѣдовали въ отвѣтъ радостныя выстрѣлы, когда вернулся Морицъ съ усиленными подкрѣпленіями. Ультиматумъ его члены союза отлично поняли. Іоганнъ Альбрехтъ мекленбургскій началъ дѣйствительно вѣрить, что въ курфюрстѣ совершился поворотъ, и Гансъ кюстринскій, разумѣется, не безъ колебанія отказался противиться долѣе, когда угрожающія требованія императорскаго посла раскрыли передъ нимъ всю опасность положенія. Прямо требовалось послушаніе и въ духовныхъ, и въ мірскихъ дѣлахъ; маркграфъ возразилъ на это, что это значитъ вмѣшиваться въ права Бога, ибо совѣсть его не подлежитъ юрисдикціи императора. Тутъ вспомнили, какъ года два тому назадъ Гранвела младшій заявилъ прямо померанскому канцлеру, что императоръ не допускаетъ споровъ объ интэримѣ: въ немъ не должно быть измѣняемо ни на йоту; дѣло идетъ только объ одномъ: «да» или «нѣтъ»,—миръ или война. Неохотно собрался Гансъ кюстринскій въ февралѣ въ Дрезденъ, чтобы лично заключить союзъ съ Морицемъ; вмѣстѣ съ этимъ кончилась его собственная роль вождя союза противъ императора, а увѣреніе альбертинца, что и онъ, насколько дѣло касается религіи, тоже не мамелюкъ, не уничтожило, пожалуй, всѣхъ сомнѣній, но другого выхода не оставалось, въ особенности послѣ того, какъ Іоганнъ Альбрехтъ не нашелъ при датскомъ дворѣ никакой предупредительности. Маркграфъ Гансъ не упускалъ ничего, чтобы предостеречь противъ жрецовъ Ваала и дѣтей міра сего своего новаго союзника, который пока все еще сохранялъ за собою главное командованіе, полученное отъ императора противъ Магдебурга; что-де попы, эти сущіе чортовы дѣти, охотнѣе всего посмотрѣли бы, «какъ все мы на головахъ заходимъ, а имъ можно будетъ въ нашей христіанской крови купаться

по уши, словно въ вольной рѣчкѣ». Но не Морицъ виноватъ былъ въ томъ, что согласіе остальныхъ членовъ послѣдовало лишь медленно, что не удалось достигнуть полнаго соглашенія съ его двоюродными братьями эрнестинской линіи, которому онъ съ полнымъ основаніемъ придавалъ большое значеніе. Плѣнный курфюрстъ писалъ тогда одному близкому человѣку, что онъ вовсе не желаетъ, чтобы его освободилъ Морицъ, если бы даже у того и явилось такое желаніе. Несмотря на это, въ маѣ въ Торгау, куда прибыли для личнаго свиданія Морицъ, Гансъ, Іоганнъ Альбрехтъ и молодой ландграфъ Вильгельмъ, хотя они и не согласились заключить договора, но пришли по крайней мѣрѣ къ двумъ важнымъ рѣшеніямъ. Съ молодыми эрнестинцами, если они не согласятся вступить въ союзъ или не обѣщаютъ соблюдать нейтралитетъ, слѣдуетъ поступать какъ со врагами. Этимъ Морицъ достигъ необходимой ему безопасности. Затѣмъ опальный рыцарь и предводитель ландскнехтовъ Фридрихъ ф. Рейффенбергъ отправленъ былъ во Францію, чтобы условиться съ королемъ относительно субсидіи по меньшей мѣрѣ во сто тысячъ кронъ ежемесячно для войны, которая, предполагалось, затянется очень долго; въ видѣ вознагражденія, кромѣ помощи князей, королю подавали надежды даже на избраніе его въ римскіе короли. Ибо въ видѣ главной причины всего предпріятія въ инструкціи названо было намѣреніе императора обратить нѣмецкій народъ «изъ его прежней свободы въ вѣчное скотское рабство». Все зависѣло отъ удачи этихъ переговоровъ съ Франціей; положимъ, пытались еще завязать сношенія и съ Даніей, съ Англіей, Швеціей, Польшей, но это были пока только благія желанія.

Одно было несомнѣнно: возстаніе князей нашло себѣ предводителя. Не смущаясь такими сомнѣніями, какія, напр., возникали у маркграфа Ганса подъ вліяніемъ на половину религіи, на половину обаянія имперіи, сохранившагося у имперскаго князя, Морицъ шелъ своей дорогой, твердо рѣшившись «перейти изъ оборонительнаго въ наступательное положеніе». Пусть кюстринецъ и ему подобные относились съ омерзѣніемъ къ распутному маркграфу Альбрехту, какъ къ человѣку нечестивому и продажному, Морицъ все болѣе и болѣе старался привязать къ себѣ этого друга; онъ хлопоталъ объ его обрученіи съ богатой феррарской принцессой Лукреціей, которая сдѣлалась впослѣдствіи герцогиней Урбино и была покровительницей Тассо. Альбрехтъ охотно согласился бы настроить благопріятно «святѣйшаго отца» въ Римѣ для полученія «диспензаціи», подобно тому и самъ Морицъ не задумывался втайнѣ увѣрять папу въ своей преданности. Само собою разумѣется, что онъ продолжалъ увѣрять императора въ своей покорности, указывать на то, что его вѣрная привязанность къ австрійскому дому навлекла на него многократно наре-

канія; при дворѣ императора далеки были отъ того, чтобы принимать подобныя изъявленія за чистую монету, но рассчитывали на его страхъ передъ Іоганномъ Фридрихомъ и не предполагали у него достаточно отваги для дѣйствительнаго отпаденія. Въ осторожности и умѣньѣ молчать молодой политикъ, несмотря на то, что былъ извѣстенъ какъ «горячая голова», могъ, конечно, помѣряться съ самыми старыми дипломатами испанской и италіанской школы; охотнѣе всего онъ велъ переговоры устно, безъ совѣтниковъ, въ твердомъ сознаніи, что «онъ не проболтнется», что онъ сумѣетъ совладать съ собой. Даже Карловицъ, одинъ изъ самыхъ близкихъ къ нему повѣренныхъ въ его дѣлахъ, не могъ теперь заглянуть ему въ карты вслѣдствіе своего черезчуръ благорасположеннаго къ императору образа мыслей, хотя онъ, въ качествѣ яраго противника испанскаго престолонаслѣдія, и посланъ былъ въ Тріентъ въ декабрѣ 1550 года привѣтствовать возвращающагося на родину короля Максимилиана. Какъ особую милость судьбы Морицъ долженъ былъ привѣтствовать раздоръ въ семьѣ Габсбурговъ. Максимилианъ писалъ ему настолько откровенно, что Морицъ не рѣшился довѣрить отвѣтъ свой бумагѣ, но ни въ всякаго сомнѣнія, что несочувственное отношеніе курфюрста къ проекту императора (стр. 331) было вполне по душѣ Фердинанду и его сыну. А въ то время юнаго Габсбурга обвиняли при дворѣ Карла V прямо въ дружбѣ съ Франціей. Во многихъ смыслахъ его желанія совпадали съ соображеніями веттинца, котораго онъ какъ-то назвалъ своимъ самымъ лучшимъ и дорогимъ другомъ на свѣтѣ. Морицъ при переговорахъ въ Дрезденѣ особо выговорилъ у маркграфа Ганса, чтобы не нападать на чешскаго короля ни въ какомъ случаѣ.

Несмотря на это французская помощь все время была и осталась самымъ главнымъ основаніемъ этой повсюду высматривающей политики. Морицъ, положимъ, включилъ въ Дрезденѣ оговорку, что, если Франція откажетъ въ помощи, можно будетъ служить императору или брату его для помощи противъ турокъ или папы. Но онъ вполне сознавалъ всѣ трудности такого поворота. Если переговоры теперь не приведутъ ни къ чему, писалъ онъ Гансу кюстринскому послѣ прибытія французскаго посла, то это лишитъ нѣмецкихъ князей всякой надежды на подкрѣпленія на всегда впредь; «мы зашли такъ далеко, какъ только мы могли, и намъ послѣ этого только и остается, что насъ перерѣжутъ и выгонять».

Съ какимъ-то однообразіемъ при всевозможныхъ перемѣнахъ поводовъ повторяется совокупное дѣйствіе разнородныхъ силъ, которыя вызывала на отпоръ захватывавшая весь міръ алчность Габсбурговъ. Не то,

чтобы всякій разъ дружно начинали дѣйствовать заодно всѣ взаимно несогласимые элементы; порой мы видимъ Англію, папу, даже нѣмецкихъ протестантовъ на сторонѣ императора. Но въ сущности все, что только обладало политической жизнеспособностью, не могло перестать возмущаться противъ этого наводившаго страхъ «Больше, дальше» (Plus, ultra) Карла V (см. т. I, стр. 192). И міръ зналъ, пожалуй, лучше его самого, что его способность справиться разомъ съ большинствомъ своихъ противниковъ и своихъ задачъ имѣетъ свои предѣлы. Ибо послѣ неоднократныхъ неудачъ, которыя преслѣдовали его при его столкновеніяхъ съ державою османовъ, было, безспорно, великой смѣлостью, что Карлъ V какъ разъ въ такое время, когда предстояло возобновленіе войны съ Франціею, рѣшился вступить въ открытую войну съ исламомъ. Положимъ, преемникъ Хайреддина (стр. 160) въ сѣверной Африкѣ, Драгутъ, своими разбойничьими набѣгами на испанскіе и итальянскіе берега подалъ достаточный поводъ къ тому, чтобы проучить его, но, когда въ сентябрѣ 1550 года испанцы и итальянцы вмѣстѣ съ іоаннитами взяли тунисскій городъ Медіахъ, тогда миръ съ Портой, на которомъ, по выраженію Ранке, «основывалась вся политика императора», былъ непоправимо нарушенъ. На слѣдующее лѣто начался походъ турецкаго флота противъ главнѣйшихъ крѣпостей іоаннитовъ; Мальта держалась, но Триполисъ, завоеванный нѣкогда испанцами подъ предводительствомъ кардинала Хименеса (т. I, стр. 173), былъ теперь потерянъ для христіанъ. Потеря эта, казалось, почти уравнивается уступкою Семиградья королю Фердинанду. Когда Мартинуцци увидалъ, что властному положенію его грозитъ опасность какъ вслѣдствіе недовѣрія къ нему турокъ, такъ и со стороны вдовы Запольи, онъ сталъ искать спасенія въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ Австріей. Но убѣжденіе, что приходится имѣть дѣло съ такимъ мастеромъ въ измѣнѣ, который пользовался дурной славой даже въ тѣ времена, нашло себѣ новую пищу, когда при одномъ вторженіи турокъ въ Банатъ «монахъ» снова завязалъ сношенія съ непріятелемъ; только что возведенный въ санъ кардинала, этотъ посѣдѣлый искатель приключеній былъ убитъ итальянскими офицерами съ явнаго согласія короля Фердинанда. Съ тѣхъ поръ успѣхи австрійскаго владычества въ Семиградіи пошли опять на попятную. И одновременно съ этимъ императорскія войска дрались съ французами въ сѣверной Италіи, послѣ того какъ папа уже въ маѣ 1551 года началъ войну противъ непокорнаго Фарнезе (стр. 326). Упомянутый выше походъ турокъ въ Средиземномъ морѣ былъ предпринятъ въ соглашеніи съ Франціей. Юлію III, которому «весь свѣтъ уши прокричалъ, требуя мира», за его присоединеніе къ императору пригрозили созваніемъ національнаго французскаго собора;

король Генрихъ говорилъ о немъ открыто какъ о римскомъ священникѣ. Хотя къ удовольствію Карла V бывший прежде всемогущимъ въ Англіи Сомерсетъ (стр. 302) былъ низверженъ, но и графъ Уорвикъ, занявшій мѣсто павшаго подъ именемъ герцога Нортумберландскаго, не остановилъ дѣятельно продолжавшейся евангелизаціи государственной церкви; стойкой принцессѣ Маріи снова передавали угрозы; король, ея братъ, тщетно пытавшійся обратить ее, превратился, повидимому, во «второго Іосію», въ воодушевленнаго поборника новаго ученія, и сверхъ того съ Франціей заключенъ былъ не только миръ, но и дружба. Короче сказать, политическое положеніе было болѣе неблагопріятно для императора, чѣмъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и какъ нельзя болѣе было заманчиво для заключенія французско-протестантскаго союза.

Несмотря на это переговоры нѣмецкихъ князей съ Франціей двигались весьма медлительнымъ ходомъ даже и послѣ того, какъ въ августѣ 1551 года въ Гессенъ въ качествѣ королевскаго посла прибылъ Жанъ де Фрессъ (Fresse), епископъ байонскій. Очевидно Генрихъ II все еще не питалъ настоящаго довѣрія; да онъ и высказалъ Рейффенбергу свое изумленіе, что имперскіе князья, вмѣсто того, чтобы вспомнить чуткое чувство чести своихъ предковъ, медлили столько времени отомстить императору за нѣмецкую націю. Одному изъ своихъ слугъ онъ еще яснѣе писалъ о не-исправимой розни и нерѣшительности нѣмцевъ. Себастьянъ Шертлинъ въ качествѣ «вѣрнаго стража» предупреждалъ, что не слѣдуетъ сразу отталкивать короля черезчуръ большими требованіями денегъ. Морицъ напротивъ вполне основательно придавалъ самое большое значеніе этому *pergo belli*; онъ часто высказывалъ, что не желаетъ лѣзть въ воду, если не можетъ ни переплыть, ни перейти ее въ бродъ; императоръ—это такая птица, что ея не приручишь мѣсяца въ четыре или въ пять. Къ этому присоединилось еще личное несогласіе между Морицемъ и маркграфомъ Гансомъ, «души которыхъ были слишкомъ чужды другъ другу». Какъ разъ во время сѣзда въ Лохау, на которомъ кромѣ нихъ въ переговорахъ съ епископомъ байонскимъ участвовали еще Іоганнъ Альбрехтъ мекленбургскій, Августъ саксонскій и представители ландграфа, дѣло дошло до открытаго разрыва между Морицемъ и Гансомъ кюстринскимъ. Все уже было покончено, какъ вдругъ какъ-то вечеромъ за бутылкой вина оба соперника горячо заспорили другъ съ другомъ; въ сущности же такъ сильно озлобило маркграфа, инициатора всего союза, притязаніе курфюрста на руководящее положеніе. Съ другой стороны, судя по способу и по приемамъ, которые употребляетъ Морицъ противъ своего соперника, замѣтно, какъ будто онъ разъ навсегда желалъ избавиться отъ человѣка, который не прочь былъ подкопаться подъ него и лѣзъ къ нему

со своими наставленіями. Маркграфъ уѣхалъ; измѣну дѣлу князей, которой онъ постоянно все опасался со стороны Морица, онъ самъ совершилъ, когда при открытіи военныхъ дѣйствій сблизился съ императоромъ. А тѣмъ временемъ (3—5 октября) въ Лохау выработаны были сообща основанія союза съ Франціей. Союзъ этотъ естественно былъ наступательный и касался лишь политическихъ цѣлей и поводовъ, а религіозный вопросъ былъ исключенъ, такъ какъ-де рѣшить его можетъ одинъ только Богъ; ибо король Генрихъ желалъ вовсе избѣжать видимости того, что онъ содѣйствуетъ цѣлямъ евангелическаго вѣроисповѣданія. Князья должны были даже дать дополнительное заявленіе, что они не будутъ вести войны ни противъ кого изъ-за религіи, или притѣснять кого-либо и не присвоить ничего себѣ несправедливо. Французская помощь куплена была собственно не столько обѣщаніемъ князей при слѣдующихъ выборахъ императора соображаться исключительно съ желаніями Франціи, сколько скорѣе уступкою принадлежавшихъ имперіи, но иноязычныхъ городовъ: Камбрэ, Меца, Туля, Вердена. Еще позорнѣе этого отторженія имперской области безо всякой видимости права были, пожалуй: прямо-таки раболовная лесь, будто въ этомъ дѣлѣ христіанинѣйшій король поступаетъ съ нѣмцами «не только какъ другъ, но и какъ отецъ родной», а равно и желаніе «вѣчнаго» протектората Франціи. Для сравненія указывали на весьма извѣстное событіе новѣйшей исторіи,—на уступку Савойи и Ниццы, на которую вынужденъ былъ согласиться величайшій изъ государственныхъ дѣятелей современной Италіи, чтобы пріобрѣсти необходимую для своего національнаго дѣла помощь Франціи. Но въ томъ-то и заключается глубокая разница, что Кавуръ принесъ эту прискорбную жертву національнымъ цѣлямъ съ полнымъ сознаніемъ, тогда какъ политика нѣмецкихъ князей, если она впослѣдствіи и принесла въ дѣйствительности пользу націи, все таки первоначально исходила даже не изъ чисто религіозныхъ, а напротивъ преимущественно изъ вполне династическихъ соображеній. Но не слѣдуетъ забывать также и того, что мысль объ имперіи, совершенно почти позабытую ими, точно такъ же нимало не колеблясь ставилъ на задній планъ ради своихъ испанскихъ и династическихъ интересовъ и призванный носитель этой идеи, императоръ. Если Карлъ V, вмѣшавшійся (т. I, стр. 412) въ голштинскій и прусскій вопросы въ ущербъ Германіи, почти окончательно отторгнувшій отъ имперіи Миланъ и Нидерланды (стр. 312), все еще осмѣливается опять говорить о своихъ заботахъ о благополучіи и чести этой самой имперіи, то это такое же лицемѣріе, какъ и патріотическія рѣчи Морица саксонскаго. Истинная потребность Священной римской имперіи нѣмецкой націи одинаково не согласовалась ни съ идеями Габсбурговъ о всемірной имперіи, ни съ

мелкимъ эгоизмомъ высшей нѣмецкой аристократіи; у послѣдней было только то преимущество передъ императоромъ, что она боролась противъ бесспорно чужеземнаго владычества.

Положимъ, княжеская революція заигрывала порой съ идеями, которыя, казалось, отступили на задній планъ послѣ бурныхъ двадцатыхъ годовъ. Ближе всего лежало естественно давнишнее желаніе великой секуляризаціи; въ Дрезденѣ между Морицемъ и Гансомъ кюстринскимъ зашла было рѣчь, какъ бы «выгнать изъ Германіи поповъ и монаховъ». Но, какъ мы уже видѣли (стр. 339), не ограничивались одними попами; вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилась и ненависть князей къ городамъ, которая получила новую пищу еще влѣдствіе исхода Шмалькальденской войны. Во мнѣніи одного изъ довѣренныхъ курфюрста излагается слѣдующее: «На императора и короля какъ на важнѣйшихъ враговъ имперіи слѣдуетъ напасть въ самомъ ихъ сердцѣ, и прежде всего слѣдуетъ самымъ настойчивымъ преслѣдованіемъ искоренить ихъ ближайшихъ приверженцевъ, духовенство высшее и низшее, вмѣстѣ съ купцами и подобными имъ, и не давать имъ никакой пощады». Въ этомъ докладѣ требуется даже «особое полномочіе на завоеваніе поповскихъ помѣстій». Нечего удивляться, если и «торгаши» приняты въ расчетъ наравнѣ съ попами; не говоря уже объ униженной зависимости отъ городского капитала, въ которой находились иные изъ князей, въ этихъ кругахъ на горожанъ все еще смотрѣли какъ на покровителей всякой непокорности, всякихъ «швейцарскихъ» склонностей. Если Шмалькальденскую войну, а равно и крестьянскую войну приписывали подстрекательству враждебныхъ князьямъ имперскихъ городовъ, мятежная дерзость Магдебурга служила уже, повидимому, окончательнымъ доказательствомъ правильности подобныхъ взглядовъ. Морицъ былъ, понятно, настолько реальнымъ политикомъ, что не связывалъ себя какой-либо опредѣленной программой. Онъ вступилъ 9-го ноября 1551 года въ Магдебургъ, послѣ того какъ городъ явно обязался подчиниться императору и имперіи, хотя о сдачѣ города и не упоминалось, а тайно призналъ курфюрста своимъ наслѣдственнымъ государемъ за обезпеченіе свободы евангелическаго вѣроисповѣданія. Само собой разумѣется, что Морицъ не распустилъ войска, а усилилъ его еще частью гарнизона, хотя онъ и не отрѣзалъ себѣ возможности перемѣнить свое знамя даже въ послѣднюю минуту. Подавая императору надежду на скорое личное свиданіе съ нимъ въ то самое время, когда еще не устранена была опасность разрыва сношеній съ французами, онъ приводилъ въ немалый страхъ своихъ союзниковъ; они стали его заклинать «именемъ всѣхъ нѣмцевъ, даже можно сказать именемъ самого Іисуса Христа». Вѣдь онъ какъ разъ теперь уступилъ настояніямъ

императора и въ вопросѣ о соборѣ и отправилъ своихъ пословъ въ Триентъ, въ числѣ которыхъ не было, положимъ, теологовъ, а въ особенности Меланхтона, пріѣзда котораго очень желали тамъ; примѣръ подалъ еще въ октябрѣ 1551 года курфюрстъ Іоахимъ, которому во что бы то ни стало хотѣлось пріобрѣсти для своего сына архіепископство магдебургское; за нимъ послѣдовали представители молодого герцога вюртембергскаго Христофора, который немедленно послѣ смерти своего отца (6-го ноября 1550 года) вступилъ въ управленіе, и въ качествѣ уполномоченнаго отъ города Страсбурга историкъ Слейданъ. Вюртембергъ и Страсбургъ сошлись на исповѣданіи вѣры, составленномъ Бренцемъ, но попытка привлечь и остальныхъ нѣмецкихъ протестантовъ и выступить всѣмъ совокупно передъ соборомъ рушилась главнымъ образомъ вслѣдствіе отказа курфюрста саксонскаго, который велѣлъ Меланхтону выработать особое исповѣданіе вѣры и желалъ затянуть дѣло требованіемъ охранной грамоты, въ родѣ той, какую нѣкогда получили гуситы отъ базельскаго собора. Наконецъ онъ отправилъ все таки въ Триентъ нѣсколькихъ свѣтскихъ совѣтниковъ, но Меланхтонъ, также получившій приказъ отправиться, долженъ былъ оставаться въ Нюрнбергѣ, пока открытіе военныхъ дѣйствій не лишило весь этотъ вопросъ всякаго содержанія. То, что дѣлалось до тѣхъ поръ дѣйствительно явившимися на соборъ протестантскими послами и отцами собора, все это оказалось напраснымъ трудомъ, хотя представители императора, даже теологи старались по мѣрѣ силъ облегчить путь для протестантовъ и вызывали негодованіе фанатичнаго предсѣдателя собора и римской куріи. Всѣ эти старанія и страсти показались только бурей въ стаканѣ воды, какъ только послѣ заключенія французско-протестантскаго союза для Морица наступила пора начать рѣшительныя дѣйствія.

Заключеніе этого союза послѣдовало въ замкѣ Шамборъ 15-го января 1552 года; маркграфъ Альбрехтъ, хотя лично и не принадлежавшій къ союзу князей, велъ послѣдніе переговоры съ французскимъ дворомъ подъ видомъ нѣмецкаго полковника. Іоганнъ Альбрехтъ мекленбургскій привѣтствовалъ совершившееся событіе, какъ «особое соизволеніе Всемогущаго, который желаетъ наказать, наконецъ, великую гордыню». Морицъ, о которомъ распространился слухъ, будто онъ уже отправился къ императору, поспѣшилъ тайкомъ въ Гессенъ, при чемъ большею частью ѣхалъ только ночью; здѣсь, во Фридевальдѣ, заключены были послѣднія условія, именно насчетъ субсидій, съ епископомъ байонскимъ и съ гессенцами. Франція обѣщала на первые три мѣсяца вмѣстѣ двѣстисорокъ тысячъ кронъ, а на слѣдующіе по семидесяти тысячъ кронъ ежемѣсячно. Если съ тѣхъ поръ проходили недѣля за недѣлей, а со стороны импе-

ратора незамѣтно было никакого рѣшительнаго движенія, такъ что союзники вполне безпрепятственно могли закончить свои вооруженія и выступить въ походъ, то этимъ они обязаны были тому прямо-таки непонятному ослѣпленію и склонности успокаивать себя, въ которыя Карлъ V совсѣмъ какъ бы закутался, несмотря на всѣ предостереженія. Еще въ первой половинѣ марта король Генрихъ вторгся съ тридцатипяти-тысячной арміей въ Лотарингію, посѣтивши предварительно святого Діонисія и другихъ покровителей, повторивши настоятельно и усиливши возмутительные указы свои противъ французскихъ еретиковъ. Въ одномъ изъ манифестовъ, въ заголовкѣ котораго изображена была фригійская шапка между двумя кинжалами, онъ выступалъ въ качествѣ «мстителя за нѣмецкую свободу», за каковое великодушное, «внушенное свыше» рѣшеніе онъ будто бы не желалъ ничего, кромѣ благодарности спасенныхъ и вѣчной славы въ потомствѣ. А той порой онъ захватилъ пока въ свою власть три имперскихъ города въ Лотарингіи; къ концу марта Морицъ, ландграфъ Вильгельмъ и, въ качествѣ самостоятельнаго участника въ предпріятіи, Альбрехтъ бранденбургскій соединили свои силы, тысячъ тридцать приблизительно человекъ, во Франконіи; 1-го апрѣля они явились подъ Аугсбургомъ. Морицъ, Вильгельмъ и Іоганнъ Альбрехтъ мекленбургскій увѣряли въ своемъ манифестѣ согласно условіямъ съ Франціей, что они вовсе не намѣрены рѣшать мечомъ религіознаго вопроса, а вынуждены обороняться только противъ «невыносимаго, скотскаго, наслѣдственнаго рабства», которое налагаетъ императоръ; на первомъ планѣ нарочно было приведено обращеніе съ ландграфомъ, какъ «позоръ и правонарушеніе», затѣмъ клятвопреступное введеніе въ имперію иноземныхъ войскъ, расхищеніе денежныхъ средствъ народа, устраненіе благожелательныхъ иностранныхъ пословъ отъ присутствія на имперскихъ сеймахъ. Гораздо откровеннѣе было еще объявленіе войны маркграфа, который не забылъ про позорное вліяніе иностранца неблагороднаго происхожденія (Гранвелы) и исполненной лжи книги «испанскаго архи-плута» Авилы на Шмалькальденскую войну; въ заключеніе указывалось на то, что можетъ явиться, пожалуй, необходимость «ослабить и сломить чрезмѣрную и запрещаемую божественнымъ и каноническимъ закономъ власть духовенства».

Въ самомъ отвратительномъ своемъ видѣ снова началось возстаніе въ Германіи противъ враждебнаго нѣмцамъ главы имперіи. Никогда еще до сихъ поръ не находился Карлъ V въ такой опасности. Желаніе ученика его Морица въ корнѣ подорвать обаяніе его въ имперіи осуществлялось, повидимому, быстрѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Старымъ и больнымъ человѣкомъ вступалъ императоръ въ самый тяжелый переломъ въ своей жизни, одна уже только «кучка лѣкарствъ», какъ увѣряетъ англійскій дипломатъ Эшемъ (Asham). И все таки въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ неистощимая сила сознанія себя властелиномъ и чувства долга поддерживали это дряхлое тѣло. Болѣе чѣмъ когда-либо онъ казался непроницаемымъ. «Лицо у него», сообщаетъ Эшемъ, «до такой степени приучено не выдавать ни одного сердечнаго движенія, что я не видалъ въ жизни второго подобнаго ему. Ни малѣйшая переменна въ цвѣтъ этого блѣднаго лица не даетъ возможности догадаться, радуется ли его, или огорчаетъ полученное извѣстіе. Даже по глазамъ немного лишь можно угадать, что творится въ замкнутой душѣ его. Какъ ни часто приходилось мнѣ его видѣть, всякій разъ я долженъ былъ вспоминать слова Соломона: «Какъ небо въ высотѣ и земля въ глубинѣ, такъ сердце царей неизслѣдимо». Ничто не говоритъ въ немъ, кромѣ языка». А между тѣмъ этой виѣшной неподвижности болѣе чѣмъ прежде соотвѣтствовала внутренняя неповоротливость мысли, граничившая порой прямо уже съ апатіей; Гранвела младшій жалуется зимою 1551 года, что государь его испытываетъ такое отвращеніе заняться весьма неутѣшительнымъ, правда, положеніемъ политики, что даже вообще отказывается назначать аудіенціи: онъ дескать напередъ знаетъ, что ему желаютъ сообщить послы, и что всѣ эти люди, англичане, венеціанцы, нѣмецкіе князья, все равно ничего для него не сдѣлаютъ. Довѣріе Карла къ ближайшимъ своимъ родственникамъ было сильно поколеблено вслѣдствіе переговоровъ о престолонаслѣдіи. Онъ думалъ, что только и можетъ положиться на сестру свою Марію; тамъ, гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы вести войну не мечомъ, а умомъ, писалъ онъ ей, тамъ она самый лучшій вождь. Несмотря на это, и королева при оживленной перепискѣ своей съ братомъ должна была соблюдать осторожность, чтобы не разгнѣвать его; вполне откровенна она могла быть все таки только за спиной его съ Гранвелой, который въ свою очередь раскрывалъ передъ нею свое сердце. «Знаетъ Богъ», жалуется онъ однажды, «что, если бы я думалъ о чемъ либо, кромѣ того единственно и исключительно, какъ бы послужить вѣрно императору, я не согласился бы за всѣ сокровища въ мірѣ выносить такое положеніе, въ которомъ я оказываюсь зачастую, хотя я и почтенъ не по заслугамъ». А между тѣмъ взгляды Гранвелы и королевы были противоположны какъ разъ въ самомъ рѣшительномъ вопросѣ. Эта умная женщина съ изумительной проницательностью вполне поняла опасность и указала вѣрныя средства къ ея предотвращенію. Она въ высшей степени не одобряла, что императоръ не избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Шпейеръ и не сохранилъ связи съ Рейномъ и Нидер-

ландами, а вмѣсто того рѣшился провести зиму въ Иннсбрукѣ. Она настоятельно совѣтовала стать въ лучшія отношенія къ Фердинанду и Максимилиану и пока что притворяться, «держатъ про себя на умѣ», въ дѣлѣ о престолонаслѣдіи; послѣ побѣды надъ Франціей, при чемъ инфантъ долженъ лично стяжать себѣ славу, императоръ можетъ какъ ему угодно распорядиться съ имперією и съ соборомъ. Но прежде всего она безъ устали продолжаетъ все снова обращать вниманіе и Гранвелы, и брата своего на ту самую близкую и самую важную опасность, которая, по ея твердому убѣжденію, заключалась въ неудовлетворенномъ честолюбіи молодого курфюрста саксонскаго. Она считала его совсѣмъ ненадежнымъ, а всѣ его выраженія преданности на словахъ и на дѣлѣ—чистой ложью и обманомъ. Только усиленными вооруженіями противъ него, а не по доброй волѣ можно такого человѣка, какъ Морицъ, отвратить отъ враждебныхъ замысловъ. Надо упредить французское правительство въ вербовкѣ нѣмецкихъ наемниковъ, принять Магдебургъ въ милость, постараться привлечь на свою сторону нѣмецкихъ князей, напр., вюртембергскаго и др., напярѣ до послѣдней степени финансовыя силы Испаніи. И Марія стояла не одинокой въ своемъ мнѣніи о Морицѣ. Король Фердинандъ былъ совсѣмъ того же мнѣнія; онъ объявилъ, что освобожденіе ландграфа совершенно необходимо, если хотятъ избѣжать большой войны въ Германіи. И папскій легатъ въ Триентѣ зналъ уже о предстоящемъ возстаніи нѣмецкихъ князей и объ ихъ отношеніяхъ къ Франціи. Наконецъ, императорскій комиссаръ подъ Магдебургомъ, Лазарь ф. Швенди, былъ исполненъ самаго глубокаго недо- вѣрія къ главнокомандующему имперской арміей, такъ какъ онъ видѣлъ, что Морицъ окружилъ себя явными мятежниками; Швенди думалъ, что, если Морицъ опасается ѣхать ко двору императора, это свидѣтельствуешь, что совѣсть у него не чиста.

Дѣйствительно у Карла V не было недостатка ни въ самыхъ вѣскихъ предостереженіяхъ, ни въ сообщеніяхъ о движеніяхъ противниковъ. Но онъ отвергалъ ихъ всѣ, и въ этомъ его поддерживалъ Гранвела, который тоже не хотѣлъ вѣрить въ подобную отвагу молодого курфюрста. «Меня начинаютъ уже побивать камнями за то, что я не желаю бояться», пишетъ Гранвела въ январѣ 1552 года; Морица-де ненавидитъ почти вся Германія, а средствъ у него недостаточно для такого большого предпріятія; протестантскіе города не такъ уже богаты, какъ были передъ Шмалькальденской войной. Совершенно такъ же говорилъ и самъ императоръ; откуда возьметъ денегъ Морицъ, который одинъ только и могъ быть опаснымъ? Объ уступчивости въ дѣлѣ ландграфа Карлъ и слышать не хотѣлъ, несмотря то, что ходатайство за плѣнника, предъявленное ему въ ноябрѣ въ Иннсбрукѣ отъ имени трехъ свѣтскихъ курфюрстовъ, цѣлаго ряда

другихъ имперскихъ князей и короля датскаго, было поддержано письмами короля Фердинанда, короля польскаго, герцога баварскаго. Еще въ концѣ февраля императоръ писалъ своему брату, что, если Морицъ задумаетъ силою освободить своего тестя, онъ прикажетъ безъ дальнихъ разсужденій отрубить ландграфу голову и такимъ образомъ устранить этотъ поводъ къ жалобамъ. Онъ постоянно снова все возвращался къ мысли, что надо прежде всего дожидаться приѣзда курфюрста, и тогда видно будетъ, какія такія существуютъ у него склонности къ возмущенію. Но это путешествіе, которымъ съ мѣсяца на мѣсяцъ Морицъ проводилъ императора, встрѣчало все разныя препятствія; довольно уже оскорбительно было то, что курфюрстъ на предостереженія съ разныхъ сторонъ въ концѣ концовъ откровенно далъ понять, что онъ не желаетъ самъ идти въ западню, какъ ландграфъ, или, какъ передавали Швенди, какъ убитый семиградскій монахъ. Гранвела съ негодованіемъ отвергалъ столь недостойное недовѣріе; какъ можно осмѣлиться высказать противъ императора, человека столь кроткаго и добраго отъ природы, такое подозрѣніе, какого не слыхано никогда даже относительно самыхъ жестокихъ тиранновъ и безчеловѣчныхъ народовъ? Карлъ V могъ разумѣется привести въ доказательство своего миролюбія одинъ убѣдительный доводъ: финансы его, по обыкновенію, были въ самомъ плачевномъ состояніи. Въ совсѣмъ отчаянномъ настроеніи онъ пишетъ 28 января 1552 года сестрѣ своей: «Я со всѣхъ сторонъ нахожусь въ такомъ стѣсненномъ положеніи, въ такой нуждѣ, что, если нѣмцы вздумаютъ чисто по неразумію своему напасть на меня, мнѣ ничего болѣе не останется, какъ бросить и топориче влѣдъ за топоромъ». Мы видимъ, что властелинъ полу-міра находится въ полнѣйшей безпомощности: «Охъ ужъ мнѣ эта война изъ-за Пармы, чортъ бы ее побралъ! Она разоритъ меня; всѣ деньги изъ Индіи почти что уже израсходованы, и я не знаю, чѣмъ я расплачусь за свое траурное платье!». Онъ полагалъ, что при такомъ затруднительномъ положеніи выгоднѣе всего не выказывать хоть страха и ограничиться тѣмъ, «что можно сдѣлать при помощи бумаги». До самаго конца онъ отгонялъ отъ себя мысль, что Морицъ дѣйствительно можетъ предпринять что-нибудь; вѣдь одинъ изъ совѣтниковъ курфюрста прибылъ уже въ Иннсбрукъ впередъ своего государя! Этотъ-то именно совѣтникъ, посредствомъ ложнаго извѣстія, будто государь его желаетъ повидаться съ королемъ Максимилианомъ въ Вассербургѣ, и усилилъ только что было затихшія подозрѣнія императора противъ племянника и противъ брата. Фердинандъ, со своей стороны, когда сынъ его занемогъ въ Вассербургѣ, тотчасъ подумалъ объ ядѣ; прошелъ слухъ, что желали устранить соперника испанскому инфанту. Хотя Фердинандъ и Максимилианъ, несмотря

на такую почти враждебную натянутость отношеній, отговаривали своего друга Морица отъ его предпріятія противъ императора, тѣмъ не менѣе съ австрійской стороны не сдѣлано было ничего, чтобы помочь Карлу V какъ-нибудь иначе, кромѣ помощи бумажными средствами. Мысли Фердинанда устремлены были въ Венгрію, гдѣ, какъ ему было извѣстно, его владычеству грозить гораздо большая опасность отъ турокъ чѣмъ когда-либо; не обращая вниманія на просьбы брата, онъ началъ выводить свои войска изъ Тироля, и въ то же время родная дочь Карла, супруга Максимилиана, теперь-то какъ разъ и потребовала настойчиво отъ отца, чтобы онъ выплатилъ ей ея приданое. Это двусмысленное поведеніе младшей линіи Габсбурговъ болѣе всего дало почувствовать Карлу, до чего всѣ его покинули. И тѣмъ не менѣе ему въ концѣ концовъ только и оставалось воспользоваться посредничествомъ своего брата, который стоялъ съ Морицемъ въ такихъ дружественныхъ отношеніяхъ. Однимъ изъ самыхъ ловкихъ ходовъ курфюрста было то, что онъ передъ самымъ уже началомъ своего похода дѣлалъ видъ, будто онъ очень охотно готовъ согласиться на эту мысль о посредничествѣ, что онъ подавалъ римскому королю надежду въ случаѣ мирнаго разрѣшенія дѣла предпринять сообща съ нимъ большой походъ противъ турокъ. Фердинандъ дѣйствительно назначилъ ему свиданіе для переговоровъ, которое должно было состояться въ присутствіи Максимилиана 4 апрѣля въ Линцѣ. Карлъ V теперь готовъ уже былъ даже возвратить ландграфу свободу за достаточное ручательство.

Было слишкомъ поздно. Морицъ, вмѣсто того, чтобы прибыть въ Линцъ, принялъ 4-го апрѣля сдачу на капитуляцію Аугсбурга. Городъ, послѣ того какъ императоръ изгналъ въ августѣ 1551 года евангелическихъ проповѣдниковъ, принялъ видъ дома, въ которомъ трауръ, по сообщенію одного саксонскаго совѣтника; можно догадаться, что при наступленіи союзниковъ горожане не выказали особенной охоты жертвовать по приказу патриціанскаго совѣта за императора своимъ достояніемъ и кровью, въ особенности когда князья обѣщали и исполнили свое обѣщаніе возстановить прежній строй управленія. Интеримъ палъ, часть изгнаннаго духовенства вернулась обратно. Но то, чего удалось достигъ въ Аугсбургѣ, не удалось относительно остальныхъ большихъ имперскихъ городовъ юга. Это было чувствительное возмездіе за то, что князья такъ старательно подавляли республиканскій элементъ, за то, что они такъ же мало скрывали свое отвращеніе къ вольностямъ городовъ, какъ и свои вождельнія на городскія богатства. Нюрнбергъ слишкомъ хорошо зналъ злую волю маркграфа Альбрехта, чтобы участвовать въ дѣлѣ заодно съ князьями-союзниками и дозволить свободный пропускъ ихъ войскамъ; все, чего

удалось достичь здѣсь, сводилось къ контрибуціи во сто тысячъ гульденовъ, за которую Морицъ и ландграфъ Вильгельмъ обѣщали городу безопасность отъ всякихъ военныхъ ущербовъ. Но совсѣмъ неожиданное сопротивление союзники встрѣтили подъ Ульмомъ. Позабывши о дурномъ обращеніи съ собою императора (стр. 317), этотъ сильно укрѣпленный городъ не испугался всѣхъ угрозъ непріятеля, сильной бомбардировки, даже страшнаго опустошенія, которому подвергъ его область дикій бренденбуржецъ. До насъ дошла одна ульмская пѣсня, въ которой довольно удивительнымъ образомъ сочетаются вѣрный императору образъ мыслей съ рѣшительнымъ сопротивленіемъ «папской шайкѣ», а Морицъ и его союзники клеймятся кличкой «голытьбы». Не менѣе рѣшительно отклонилъ Страсбургъ коварное предложеніе французскаго короля: разрѣшить его солдатамъ свободный входъ и выходъ въ городъ. «Благоразумно поступили въ этомъ случаѣ», говоритъ самъ Шертлинъ, «ибо, если бы мы только вошли туда, по доброй волѣ не ушли бы мы оттуда». И аугсбургцы не мало изумились, когда этотъ бывший ихъ военачальникъ попытался при помощи Франціи и союзныхъ князей вынудить у нихъ для себя значительное вознагражденіе за убытки. Мужественное поведеніе Ульма и Страсбурга особенно выгодно для нихъ выдѣляется при сравненіи съ жалкимъ страхомъ рейнскихъ курфюрстовъ и безхарактернымъ нейтралитетомъ герцоговъ баварскаго и вюртембергскаго. Молодой герцогъ Альбрехтъ (наслѣдовавшій 7-го марта 1550 года отцу своему Вильгельму) предоставилъ своимъ подданнымъ служить «на свой собственный страхъ», кому имъ угодно, и поддерживалъ самыя дружественныя сношенія съ маркграфомъ Альбрехтомъ; давнишнія вождѣнія Виттельсбаховъ на императорскую корону (стр. 67, 76, 90, 126) снова возникли въ эти дни послѣ смерти Экка (въ мартѣ 1550 года), руководящаго государственнаго человѣка Баваріи, потому-де «черезъ ночь» можетъ случиться, «что австрійскій домъ перестанетъ управлять имперіей». Казалось, что на время религіозная вражда совершенно исчезла за политическими интересами; даже духовные курфюрсты, епископъ вюрцбургскій и герцогъ юлихскій сходились съ такими протестантами, какъ курфюрстъ пфальцскій и герцогъ вюртембергскій, въ томъ, что вмѣсто тридентинскаго собора слѣдуетъ созвать или вселенскій соборъ, который будетъ засѣдать въ Германіи, причемъ всѣ духовные должны быть освобождены отъ своихъ обязательствъ передъ Римомъ, или же созвать чисто національный соборъ. Вѣдь даже императоръ находилъ полезнымъ не только убѣждать ульмцевъ сохранять вѣрность ему, но и успокаивать ихъ въ то же время насчетъ ихъ религіи. Въ дѣйствительности только нѣсколько евангелическихъ имперскихъ городовъ и помѣшали въ эти недѣли переполоха полному торжеству союз-

никовъ; у сосѣднихъ князей, по выраженію маркграфа, «у всѣхъ сидѣло по зайцу въ груди».

Словно разслабленный сидѣлъ въ Инсбрукѣ императоръ, когда его перехитрили; казалось, онъ погрузился въ сонъ и грезы, какъ говорится въ одной пѣснѣ изъ этой поры. Попробовалъ было онъ 6-го апрѣля двинуться, чтобы черезъ Вюртембергъ бѣжать на Рейнъ и въ Нидерланды, въ закрытой повозкѣ, выдавая себя за даму, которая отправляется на воды въ Вильдбадъ, но долженъ былъ повернуть назадъ, потому что путь къ Боденскому озеру оказался уже не свободнымъ. Итакъ ему предстояло теперь, какъ онъ писалъ Фердинанду передъ этимъ, выбрать одно изъ двухъ: «или понести великій позоръ, или подвергнуться большой опасности». Фердинандъ со своей стороны настойчиво совѣтовалъ брату ни въ какомъ случаѣ не покидать почвы имперіи, держаться въ Тироли; онъ приказалъ своимъ двинувшимся уже въ Венгрію ландскнехтамъ снова вернуться. Но долгое время тщетно хлопотали члены инсбрукскаго управленія о томъ, чтобы добиться хоть аудіенціи или точнаго распоряженія императора насчетъ рѣшительной защиты страны. Гранвела совѣтовалъ имъ вступить въ переговоры съ непріятелемъ. А между тѣмъ Морицъ, котораго Фердинандъ теперь называлъ болѣе перемѣнчивымъ, чѣмъ апрѣльская погода, явился все-таки 18-го апрѣля въ Линцъ; переговоры, въ которыхъ, кромѣ Фердинанда и его сыновей Максимилиана и Фердинанда, принимали участіе герцогъ баварскій и совѣтники императора и курфюрста бранденбургскаго, не привели пока ни къ какому соглашенію относительно спорныхъ вопросовъ, почему и условились снова собраться въ Пассау 26-го мая и привлечь къ участію побольше имперскихъ князей. Рѣшающимъ въ эту пору было заявленіе Морица, что безъ согласія своихъ союзниковъ онъ не можетъ вести переговоровъ о перемиріи; начальнымъ днемъ перемирія онъ сначала обѣщалъ считать 11-ое мая, но только 10-го мая прислалъ изъ лагеря подъ Гундельфингеномъ извѣщеніе, что никакъ нельзя назначить этого срока раньше 26-го числа. Этой уловкой онъ выигралъ время для того, чтобы нанести самому императору большое пораженіе. Морицъ могъ легко догадаться изъ предупредительнаго и мирнаго отношенія къ нему короля во время переговоровъ въ Линцѣ, что Фердинандъ не станетъ особенно стараться препятствовать осуществленію его замысловъ, потому что всѣ помыслы и дѣйствія Фердинанда направлены были къ тому, чтобы поскорѣе установился миръ въ Германіи, и ему можно было воспользоваться нѣмецкими боевыми силами для войны съ турками. Я во всякомъ случаѣ не могу раздѣлять взгляда, который не разъ находилъ защитниковъ, будто Фердинандъ поступилъ прямо таки предательски со своимъ братомъ. Фердинандъ не забылъ, конечно,

переговоровъ о престолонаслѣдіи и не намѣренъ былъ принести цѣликомъ свои интересы въ Венгріи въ жертву упрямству императора, которое тотъ проявилъ относительно требованій воюющихъ князей. Но, какъ онъ одинъ изъ первыхъ началъ предупреждать Карла V, такъ и теперь онъ снова убѣждалъ, что надо быть готовымъ ко всему и вооружаться, насколько хватить силъ; приходится имѣть дѣло съ людьми двуличными. Онъ конечно имѣлъ полное право жаловаться сестрѣ своей Маріи на то, что до сихъ поръ на его голосъ обращали очень мало вниманія при императорскомъ дворѣ. Несмотря на это, онъ поспѣшилъ изъ Линца въ Иннсбрукъ, гдѣ онъ и склонилъ императора согласиться на эту роковую отсрочку заключенія перемирія. Ему во всякомъ случаѣ важно было избѣжать, по крайней мѣрѣ, чтобы его лично не впутали въ войну съ Морицемъ. Этимъ и объясняется его распоряженіе тирольскому управленію ограничиться только защитой страны, а въ крайнемъ случаѣ разрѣшить даже свободный проходъ непріятельскимъ войскамъ. Что это стремленіе не нарушать во что бы то ни стало предстоявшіе переговоры о мирѣ не исполнѣ свободно было отъ двусмысленности, съ этимъ нельзя не согласиться, но вѣдь самъ же Гранвела совѣтовалъ сослаться на нейтралитетъ Тироля, да и все поведеніе императора въ это время не давало повода думать, что онъ близокъ къ рѣшенію съ ничтожными силами оказать отчаянное сопротивленіе. Къ тому же Карлъ V еще и во время своего бѣгства въ оффиціальной бумагѣ употребилъ такой оборотъ, что брату его лично, не говоря уже объ его земляхъ и подданныхъ, «вовсе незачѣмъ вмѣшиваться въ эту междоусобную войну съ мятежниками». Еще рѣзче во всякомъ случаѣ подчеркиваетъ свой нейтралитетъ Фердинандъ, когда онъ въ одной бумагѣ къ Морицу пишетъ, что ему какъ брату не подобаетъ изгонять изъ Иннсбрука императора, который, довѣряя ему, прибылъ туда еще до начала войны. Во всякомъ случаѣ, наступательное движеніе союзниковъ на югъ, повидимому, произошло совсѣмъ неожиданно. Баварія нисколько не задумалась обѣщать имъ доставить провіантъ, въ которомъ отказала тирольскому управленію. Морицъ былъ 18-го мая въ Фюссенѣ; въ тотъ же день онъ успѣлъ разсѣять императорское войско при Рейттѣ. Ночью подъ предводительствомъ Георга мекленбургскаго обошли и на слѣдующій день отбили, пробравшись по крутымъ горнымъ тропинкамъ, эренбергское ущелье, занимаемое остатками императорскихъ и королевскихъ войскъ. Побѣдители думали, что это «сверхъ-естественно» и возможно было только по особой милости Божіей, «что люди словно серны пробрались черезъ столь высокіе каменные утесы въ окопы непріятелей». Вечеромъ этого 19-го мая императоръ вмѣстѣ съ римскимъ королемъ бѣжалъ черезъ Бреннеръ въ Бруннекъ. Счастье

еще для униженного властелина, что распущенность ландскнехтовъ, какъ это обыкновенно бывало, не дала побѣдоносному курфюрсту никакой возможности воспользоваться вполне своимъ положеніемъ; бунтовщики угрожали даже ружьями и копьями самому Морицу, котораго они бранили «желтой шляпой» и «измѣнникомъ»; такимъ образомъ не исполнилось намѣреніе взять въ плѣнъ императора, «найти лису въ пещерѣ и въ норѣ», какъ выражается ландграфъ Вильгельмъ. Въ настоящее время мы едва ли въ состояніи составить себѣ вполне ясное понятіе о томъ, стремился ли въ самомъ дѣлѣ и Морицъ самъ къ этой цѣли, или, какъ онъ при случаѣ далъ понять, дѣлалъ только это для виду. Этому мастеру въ притворствѣ и въ расчетахъ можно одинаково приписывать и то и другое; онъ принадлежитъ къ тѣмъ игрокамъ въ политикѣ, самыя задушевные мысли которыхъ скрываются за беспорядочной смѣлой мгновенныхъ соображеній. То обстоятельство, что весною 1552 онъ былъ въ сношеніяхъ съ герцогомъ феррарскимъ, указываетъ, конечно, на возможность того, что онъ думалъ захватить императора съ двухъ сторонъ. Отцы собора, все сколько ихъ еще оставалось въ Триентѣ, при извѣстіи, что еретики идутъ на Тироль, поспѣшили разумѣется разбѣжаться; церковный соборъ, пріостановка котораго впрочемъ и безъ того была уже объявлена не задолго передъ тѣмъ, разсѣялся такъ же жалко въ виду грозной близости протестантскаго оружія, какъ и лучезарное сіяніе императора, владыки цѣлаго міра. Это были самыя прискорбныя дни въ жизни Карла V. Картины позора, смерти, плѣна рисовались тогда въ душѣ человѣка, который привыкъ смотрѣть на свое дѣло, какъ на дѣло Божіе.

Когда Морицъ и его товарищи, ландграфъ и герцогъ Георгъ, вступили 23-го мая въ Иннсбрукъ и отдали все императорское и испанское достояніе въ добычу своимъ войскамъ, Карлъ удалился въ Виллахъ. Когда несчастіе, котораго давно опасались, дѣйствительно разразилось, побѣжденный сразу, казалось, вернулъ себѣ свою прежнюю способность къ напряженной дѣятельности. Во все стороны полетѣли его грамоты и приказы объ оборонѣ противъ «родственниковъ по заговору французамъ», какъ онъ называлъ въ насмѣшку своихъ протестантскихъ противниковъ. Между тѣмъ какъ турки одерживали успѣхъ за успѣхомъ—даже въ самомъ Виллахѣ однажды ожидали близкаго будто бы набѣга ихъ,—въ то время, какъ въ Пассау трудились надъ возстановленіемъ мира въ имперіи, императоръ неустанно обдумывалъ, какъ-бы ему отомстить своимъ врагамъ и все-таки осуществить свои прежніе замыслы. Самымъ подходящимъ орудіемъ мести для него былъ прежній курфюрстъ саксонскій Іоганнъ Фридрихъ, который получилъ свободу передъ самымъ бѣгствомъ императора, подъ условіемъ оставаться еще нѣкоторое время въ свитѣ императора. Въ Иннсбрукѣ король по-

далъ руку плѣннику въ знакъ примиренія; съ самимъ императоромъ помилованный встрѣтился только нѣсколько дней спустя. Онъ жадно выслушалъ заявленіе, что онъ избранъ быть исполнителемъ опалы, объявленной надъ Морицемъ; положимъ, во время его плѣна въ немъ подымались порой сомнѣнія, не черезчуръ ли ужъ непримиримымъ онъ выказалъ себя относительно Морица, но всякій разъ сознаніе, что его двоюродный братъ въ сущности его смертельный врагъ, опять одерживало верхъ. Онъ настойчиво отговаривалъ своего старшаго сына отъ всякаго союза съ этимъ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ ни вѣры, ни вѣрности; «разъ уже оказался человѣкъ такимъ злостнымъ, нечего ожидать отъ него лучшаго». При императорскомъ дворѣ велись переговоры о предстоящемъ наказаніи; Іоганнъ Фридрихъ, снова надѣвшій на себя курфюршеское одѣяніе, желалъ терпимости для евангелической проповѣди, возстановленія изверженнаго изъ сана архіепископа кѣльнскаго (стр. 291), помилованія мятежниковъ, за исключеніемъ Морица, да и брату императора «слѣдовало бы пообрѣзать крылья», насколько это возможно. Онъ пытался уже отъ собственнаго имени добиться поддержки разныхъ князей и городовъ. Онъ не преминулъ подчеркнуть, какъ «тирански и неистово» обращается Морицъ съ дворянствомъ въ своей землѣ. И дѣйствительно для Морица безспорно дурныя отношенія его съ земскими чинами заключали въ себѣ опасность, пренебрегать которой было невозможно; они отказали ему во всякой помощи противъ Магдебурга (стр. 342), а непокорность лейпцигскаго рыцарства вынудила его прибѣгнуть даже къ мѣрамъ наказанія. Зато въ Саксоніи и говорилось: «Это значитъ править по-французски». Совершенно тѣми же настроеніями воспользовались съ успѣхомъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ противъ ландграфа (стр. 289, 300); какъ ни ясно въ этихъ княжескихъ государствахъ проявлялась склонность къ самодержавію, но они все еще находились въ состояніи перестройки и не выносили сильныхъ потрясеній.

Тщетно съ французской стороны настаивали на томъ, что надо окончательно уничтожить императора; Шертлинъ, изображавшій изъ себя самаго пламеннаго поборника Франціи, писалъ «въ качествѣ истаго нѣмца» Морицу, что король Генрихъ не желаетъ впредь до конца вѣковъ имѣть дѣла ни съ однимъ нѣмцемъ, съ тѣхъ поръ какъ курфюреть вступилъ въ переговоры съ Габсбургомъ. Положимъ, у союзниковъ встрѣчается мысль о соглашеніи между всѣми свѣтскими князьями и Франціей относительно наслѣдственнаго союза между ними (*Erbeinigung*), другими словами, о постоянномъ протекторатѣ Франціи. Іоганнъ Альбрехтъ мекленбургскій желалъ привлечь къ этому союзу также Англію и Данію. Молодой ландграфъ Вильгельмъ предостерегалъ своего шурина противъ

предательства въ Пассау; тамъ-де его «за горло схватятъ». Но Морицъ отправился въ Пассау и лично участвовалъ въ переговорахъ о мирѣ отъ 1-го до 24-го іюня, нисколько не смущаясь письмами ландграфа гессенскаго, которыя становились все страстнѣе и страстнѣе, и въ концѣ концовъ Вильгельмъ обращался въ нихъ съ нимъ прямо какъ съ измѣнникомъ. Мы знаемъ, что Морицъ побаивался во всякомъ случаѣ не безъ основаній своего «толстаго кузена»; онъ по мѣрѣ силъ старался помѣшать его освобожденію и привлечь извѣстнымъ уже средствомъ на свою сторону римскаго короля, подавая ему надежду на помощь противъ турокъ. Получается прямо-таки комическое впечатлѣніе, когда онъ изъ всѣхъ силъ старается напустить на себя нравственное негодованіе передъ представителями Франціи при одной мысли о дружественномъ или даже прямо союзномъ отношеніи къ исконному врагу христіанства. Кого же можно было обмануть этими громкими словами о дѣлѣ евангеличества, о любви къ своему нѣмецкому отечеству, которыя порой щедро разсыпалъ этотъ послѣдователь Маккіавелли? Въ сущности имъ руководить лишь непосредственно достижимое, не фантастическое представленіе о всемірной монархіи, о которой мечталъ Карлъ V, а, употребляя выраженіе одного изъ его современниковъ, «королевство Саксонія», желаніе расширить насколько возможно свою территоріальную власть. Къ тому же направлены были и всѣ политическія жалобы и требованія, которыя онъ заявлялъ въ Пассау: полное возстановленіе «свободной имперіи нѣмецкой націи», т. е. олигархіи курфюрстовъ, какъ она была установлена въ видѣ имперскаго учрежденія со времени Золотой буллы; обезпеченіе противъ попользованій къ самодержавію Габсбурговъ, которыя довольно ясно обнаружались въ послѣднее время; устраненіе иноземныхъ совѣтниковъ и войскъ, вліянія императора на сеймы, на имперскій камеральный судъ и на свободные выборы короля, наконецъ, разрѣшеніе издавна установившагося обычая нѣмцевъ служить въ иностранныхъ войскахъ даже при нападеніи на наслѣдственные владѣнія императора. Долженъ быть установленъ прочный миръ между обоими вѣроисповѣданіями, независимо отъ тридентинскаго собора, и онъ уже не долженъ быть нарушаемъ, даже если бы предстоящій національный соборъ и не привелъ ни къ чему. Мы видимъ, что отъ прежнихъ стремленій къ секуляризаціи и къ французскому протекторату тутъ не осталось ничего, хотя совсѣмъ наперекоръ желаніямъ императора епископъ байонскій явился въ Пассау, и его не только не арестовали, а даже выслушали. Но эта умѣренность курфюрста, какъ истинно государственнаго человѣка, чрезвычайно облегчила ему соглашеніе съ князьями-посредниками. Въ Пассау явились лично, не считая Фердинанда, который, впрочемъ, на этотъ разъ не привезъ съ собой своего сына Мак-

симиліана, Альбрехтъ баварскій, архієпископъ зальцбургскій, епископъ эйхштэдтскій, затѣмъ послы курфюрстовъ, герцоговъ вюртембергскаго, юлихскаго, брауншвейгскаго и померанскаго, маркграфа Ганса, ландграфа Вильгельма, епископа вюрцбургскаго; настроеніе было такое мирное, какъ никогда прежде, и католики, и безъ того единодушные съ евангеликами въ своихъ свѣтскихъ жалобахъ, уступили и въ религіозномъ вопросѣ настолько, что признали безусловную дѣйствительность мира между вѣроисповѣданіями, а этимъ самымъ равно и притязанія протестантства на обезпеченное правовымъ порядкомъ существованіе. Слѣдующему сейму желали предоставить еще разъ рѣшить, слѣдуетъ ли попытаться уладить религіозный споръ на вселенскомъ, или на національномъ соборѣ, или предоставить рѣшенію имперскихъ чиновъ, или же слѣдуетъ назначить собесѣдованіе, но миръ желали нерушимо соблюдать, если бы даже эта послѣдняя попытка и не удалась. Мысль о равноправности, выработавшаяся сперва подъ вліяніемъ междоусобной войны въ швейцарскомъ союзѣ (стр. 103, 135), казалось, съ неодолимой силой охватила теперь самое большое государство средней Европы. Ибо насильственное обращеніе въ евангеличество тогда и въ голову не приходило руководителю протестантской политики, да оно было и невозможно. «Императоръ еще не въ оковахъ», внушалъ Морицъ ландграфу Вильгельму, и надо радоваться тому, что у католическихъ имперскихъ чиновъ оказалось больше готовности уступить и благожелательства, чѣмъ непреклоннаго религіознаго рвенія. Съ полнымъ правомъ курфюрстъ могъ возразить на обвиненія своего шурина, что его столь тяжко порицаемое поведеніе въ настоящее время вполне согласуется съ интересами протестантства въ Германіи. На оскорбительные намеки на предательскія склонности онъ гордо отвѣтилъ: «У меня, слава Богу, гораздо болѣе чести и вѣрности въ душѣ, чѣмъ пожалуй удастся во всю свою жизнь стяжать его ландграфской свѣтлости сообщая съ востроносимъ епископомъ (байонскимъ) и съ его чернорязымъ негоднымъ писцомъ, который суется не въ свое дѣло».

Но союзники его, Вильгельмъ, Іоганнъ Альбрехтъ, пфальцграфъ Оттгейнрихъ, присоединившійся къ нимъ, а больше всего дикій маркграфъ работали надъ разрушеніемъ его стараній о мирѣ не менѣе ретиво, чѣмъ самъ императоръ, который сломя голову спѣшилъ съ вооруженіями, упустивши сдѣлать это заблаговременно, и готовъ былъ пожалуй согласиться на то, чтобы отложить рѣшеніе религіознаго вопроса до ближайшаго имперскаго сейма, но не на предварительное заключеніе религіознаго мира. Это значило бы, писалъ онъ Фердинанду, предоставить навсегда безнаказанность мятежникамъ и терпимость ереси. Но онъ былъ столь же далекъ и отъ того, чтобы согласиться освободить ландграфа, пока не будутъ окончательно распущены непріятельскія войска, а также и на то,

чтобы устранить поводъ къ упомянутымъ выше политическимъ жалобамъ. Тщетно предостерегали его собственные его совѣтники, которыхъ онъ послалъ въ Пассау, собравшіеся тамъ имперскіе чины и братъ его Фердинандъ отъ грозившей опасности отчаянной борьбы, для которой нигдѣ нельзя найти союзниковъ. Ни то, что папа давно уже пересталъ принимать участіе въ итальянской войнѣ, ни успѣхи турокъ, ни безнадежныя вѣсти отъ королевы Маріи не могли склонить Карла V пожертвовать тѣмъ, что онъ считалъ своимъ правомъ и своимъ долгомъ. «Если бы еще дѣло шло только о позорѣ, я, ради мира, легко отступился бы», писалъ онъ брату, «я никогда не упрямился и прощалъ ради общаго блага оскорбленія, нанесенныя мнѣ лично. Но здѣсь худо то, что, кромѣ позора, который еще можно бы проглотить, здѣсь замѣшивается еще и обремененіе моей совѣсти, вотъ чего я не въ состояніи взять на себя». Объ эту желѣзную волю разбились всѣ старанія Фердинанда, который поспѣшилъ въ Виллахъ; императоръ остался при своемъ, что окончательное рѣшеніе религіозныхъ и политическихъ основныхъ вопросовъ должно быть отложено до имперскаго сейма. А той порой Морицъ, прибывши въ Пассау въ началѣ іюля и не нашедши здѣсь ожидаемаго соглашенія императора, имѣлъ достаточно случаевъ убѣдиться во внутренней и внѣшней слабости союза князей; было еще большимъ вопросомъ, слѣдуетъ ли вступать въ продолжительную, какъ предвидится, борьбу не на жизнь, а на смерть съ императоромъ, когда рѣшительныхъ элементовъ такъ мало, да и тѣ дѣйствуютъ не единодушно, и когда вовсе нѣтъ прочной организаціи союза. Не говоря уже о недовѣріи, которое питали къ самому Морицу его союзники, тутъ замѣшался еще маркграфъ Альбрехтъ, выходокъ котораго нельзя было ни предусмотрѣть, ни обуздать, это «чудовищное, безсмысленное, дикое животное», какъ называетъ его совѣтникъ короля Фердинанда; во всякомъ случаѣ, образъ дѣйствій этого дикаго искателя приключеній напоминаетъ скорѣе человѣкоподобнаго звѣря, чѣмъ національнаго героя, въ каковыя желали было его произвести. Этотъ жалкій князекъ, истый предвѣстникъ того княжескаго пролетаріата, который во время Тридцатилѣтней войны старался составить себѣ счастье и стяжать геростратову славу, чувствовалъ себя приподнятымъ выше гнетущей стѣсненности своего положенія, когда онъ съ развѣвающимися волосами и длинной рыжей бородой, такъ что страшно было взглянуть на него, неся «подобно великой грозѣ» съ толпой своего сброда, повсюду оставляя за собой горе и разореніе. «Вездѣ такой прочный миръ», писалъ онъ въ 1550 году, «что тоска глядѣть; помилуй Богъ, всякая война словно вымерла!» Теперь онъ далъ основательный образчикъ своего таланта къ живодерству подъ Ульмомъ (стр. 356), но во всей своей ужасности онъ выказалъ себя только тогда,

когда онъ, разоряя и сожигая все по пути, перенесъ войну въ свою родину, Франконію. Словно разбойникъ-рыцарь былыхъ временъ, только въ болѣе широкихъ размѣрахъ, онъ напалъ на исконнаго врага маркграфовъ, городъ Нюрнбергъ. «Если Нюрнбергъ не будетъ въ вашихъ рукахъ», писалъ онъ Морицу, «тогда вамъ не справиться ни съ однимъ городомъ. Я могу въ городскихъ помѣстьяхъ нанести ему убытковъ болѣе чѣмъ на двѣсти тысячъ гульденовъ». И это было не пустое хвастовство; не обращая вниманія ни на обѣщанія, данныя Нюрнбергу союзными князьями (стр. 356), ни на уговариванія послѣднихъ, онъ съ 11-го мая и до 19-го іюня стоялъ подъ укрѣпленнымъ городомъ, область котораго была вдоль и поперекъ сожжена и разорена. Если подъ Ульмомъ насчитали, что онъ вовсе разорилъ или только на половину около сотни селеній, то здѣсь обращены были въ пепелъ два небольшіе городка, три монастыря, болѣе девяноста замковъ и дворянскихъ помѣстій, семнадцать церквей, стосемьдесятъ деревень и селъ, кромѣ того, большой участокъ городского лѣса. Нѣмецкіе ландскнехты, работавшіе по указаніямъ подобнаго мастера, не имѣли уже никакого права смотрѣть свысока на испанцевъ, пользовавшихся такой дурной славой; звѣрскія мучительства и надругательства, отъ которыхъ волосы дыбомъ становятся, присоединялись къ истребленію огнемъ и мечомъ, которое велось по указаніямъ выше, и которымъ Альбрехтъ хвастался, что это-де истинно княжеское разореніе. Ибо вмѣсто того, чтобы обуздывать грубость солдатъ, которая, разумѣется, вездѣ почти была одинакова, этотъ недостойный отпрыскъ рода Гогенцоллерновъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы заставлялъ своихъ противниковъ испить до дна горькую чашу всѣхъ ужасовъ войны. Одновременно съ этимъ онъ готовился, какъ онъ выразился, «вцѣпиться какъ слѣдуетъ въ глотку стараго попа въ Бамбергѣ». Вслѣдствіе набѣга конницы маркграфа епископъ вынужденъ былъ уступить болѣе трети земель, принадлежавшихъ Бамбергу, и уплатить восемьдесятъ тысячъ гульденовъ, а товарищъ его, епископъ вюрцбургскій, отъ одного страха согласился дать двѣстидвадцать тысячъ гульденовъ и взять на себя уплату долга маркграфа въ тристапятьдесятъ тысячъ гульденовъ. И нюрнбержцы принуждены были въ концѣ концовъ согласиться купить удаленіе своего мучителя за вознагражденіе военныхъ издержекъ въ двѣсти тысячъ гульденовъ, а между тѣмъ ихъ собственныя потери и безъ того уже были гораздо значительнѣе. Такимъ образомъ Альбрехтъ въ теченіе двухъ неполныхъ мѣсяцевъ добылъ себѣ около восьмисотъ семидесяти тысячъ гульденовъ. И вотъ теперь собраніе въ Пассау должно было еще даровать санкцію этимъ вынужденнымъ договорамъ его съ Бамбергомъ и Вюрцбургомъ, а маркграфъ той порой отправился внизъ по Майну, чтобы употребить тѣ же средства и съ той же цѣлью противъ

ордена нѣмецкихъ рыцарей, курфюрста майнцакаго и «другихъ несчастныхъ поповъ». Самымъ выдающимся помощникомъ его былъ уже извѣстный по «графской войнѣ» (стр. 227) Христофоръ ольденбургскій; «они только ищутъ денегъ и не даютъ никому пощады», пишетъ маршалъ курфюрста бранденбургскаго; «духовные дома подвергаются жестокимъ нападеніямъ, въ особенности погреба ихъ съ хорошими винами».

Маркграфъ, съ самаго начала находившійся лишь въ слабой связи съ союзомъ князей и сохранившій за собой полную свободу дѣйствій, былъ разлагающимъ элементомъ въ партіи движенія среди князей. По мѣрѣ того, какъ онъ началъ приближаться къ Рейну, все яснѣе и яснѣе становилось его намѣреніе продолжать войну на свой рискъ и страхъ на сторонѣ Франціи. Онъ еще разъ попыталъ свое счастье вмѣстѣ съ бывшими до сихъ поръ союзниками своими, когда курфюрстъ Морицъ приступилъ къ осадѣ Франкфурта. Но еще разъ и въ самое рѣшительное время напоръ революціи князей разбился о стѣны протестантскаго имперскаго города. На бомбардировку сильно отвѣтили изъ города; 20 іюля подъ Заксенгаузеномъ палъ храбрый молодой герцогъ мекленбургскій Георгъ. Положеніе союзныхъ князей было далеко не блестящее, когда 24 іюля прибыли подъ Франкфуртъ послы отъ пассаускаго собранія съ сильно измѣненными конечно условіями договора. Хотя король Фердинандъ утверждалъ въ Пассау, что сущность договора не затронута поправками императора, однако не одинъ только ландграфъ, а и Морицъ возмутился этимъ жалкимъ результатомъ затѣянной войны, которая начата была при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Вѣчный религіозный миръ не состоялся, будущее рѣшеніе великихъ вопросовъ снова поставлено въ зависимость отъ содѣйствія императора. Вообще остались на томъ же мѣстѣ, что и до начала войны; ибо гдѣ же было ручательство или даже вѣроятность, что императоръ, избавившись отъ своего затруднительнаго положенія, согласится дѣйствительно на желанія имперскихъ чиновъ Германіи и пожертвуетъ ради нихъ своими основными религіозными и политическими убѣжденіями, въ непоколебимости которыхъ какъ разъ только что они должны были убѣдиться. Не совсѣмъ несправедливо одинъ ехидный итальянецъ изъ духовенства въ отвѣтъ на похвалы, расточаемыя уму курфюрста Морица, напомнилъ событіе, когда онъ имѣлъ императора въ своей власти и все-таки не поймалъ его. Во всякомъ случаѣ не Морицъ остался въ выигрышѣ, когда онъ съ большимъ трудомъ уговорилъ своихъ союзниковъ подписать 1-го августа пассаускій договоръ. Маркграфъ Альбрехтъ объявилъ его, конечно, Іудой-предателемъ и отказался признать миръ. Морицъ приказалъ поджечь лагерь тѣхъ отрядовъ, которые упорно не желали снять осаду, чтобы принудить ихъ тровутся въ путь,

и большая часть его собственных войск повернула назадъ, когда узнала, что ихъ поведутъ въ Венгрію противъ турокъ. Маркграфъ охотно принялъ подъ свои знамена этихъ бунтовщиковъ; онъ той порой успѣлъ уже совершить набѣгъ на епископства Вормсъ и Шпейеръ и, простоявши еще нѣсколько дней безъ успѣха подъ Франкфуртомъ, двинулся на Майнцъ и Триръ. Всюду онъ принуждалъ города присягать французскому королю; онъ увѣрялъ, что желалъ будто бы доказать этимъ Генриху II, послѣ отпаденія всѣхъ остальныхъ союзниковъ, что среди нѣмцевъ есть еще вѣра и вѣрность. Генрихъ II выказалъ, однако, мало охоты заплатить ту сумму, за которую маркграфъ готовъ былъ перейти на французскую службу. Такимъ образомъ этотъ князь-кондотьеръ оказался въ довольно безпомощномъ положеніи въ Лотарингіи; на нѣмецкой почвѣ ему довольно жутко было оставаться, хотя онъ ушелъ съ угрозой, что за всякій разрушенный домъ, село или городъ въ его земляхъ онъ сожжетъ десять, а то и двадцать непріятельскихъ. Пока его завоеванія въ Германіи были повидимому почти что потеряны; Карлъ V, объявившій его вынужденные договоры съ Нюрибергомъ и епископами неимѣющими законной силы, уже приближался къ западнымъ предѣламъ имперіи.

Какъ однако измѣнилось положеніе дѣлъ въ Германіи въ нѣсколько мѣсяцевъ! Вопреки всякимъ ожиданіямъ, изгнанный императоръ вернулся непреклоннымъ, не исполнилъ важнѣйшихъ требованій своихъ противниковъ и строго распоряжался какъ хозяинъ въ швабскихъ городахъ, точно послѣ своей побѣды надъ шмалькальденцами, между тѣмъ какъ курфюрстъ Морицъ собирался согласно своему обѣщанію двинуться на венгерскій театръ войны, и изъ всѣхъ собранныхъ противъ императора войскъ воевавшихъ князей оставались только ненавистный всѣмъ маркграфъ да на сѣверѣ Фольрадъ, графъ мансфельдскій. Карлъ колебался одно время, долженъ ли онъ утвердить со своей стороны принятый уже противниками «непомѣрно невыгодный для него» договоръ, или ему лучше тотчасъ же отомстить; онъ уже издалъ приказъ повременить съ освобожденіемъ ландграфа. Морицъ былъ глубоко пораженъ этимъ возобновленіемъ прежнихъ «обманныхъ испанскихъ кривотолковъ», но король Фердинандъ, понимавшій, что всѣ его надежды на Венгрію снова грозятъ рушиться, такъ рѣшительно возсталъ противъ этого опаснаго и черезчуръ уже безчестнаго поворота императорской политики, что Карлъ хотя и очень даже противъ своей воли исполнилъ все-таки договоръ. Когда онъ черезъ Мюнхенъ прибылъ въ Аугсбургъ, тамъ «со страхомъ и трепетомъ» встрѣтили этого государя, который ѣхалъ между Іоганномъ Фридрихомъ и Альбою; положимъ, евангелическая проповѣдь не была уже запрещена, какъ передъ тѣмъ, но было восстановлено господство патриціанскихъ родовъ какъ

здѣсь, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ Швабіи. Ульмцы, напротивъ, приняли своего императора съ полнымъ восторгомъ; общее торжество неразъ вызывало въ Карлѣ V самый искренній смѣхъ, какъ его позабавили и шесть откормленныхъ быковъ, которыхъ городъ принесъ ему въ видѣ почетнаго дара въ качествѣ остатка отъ времени осады вмѣсто истребленной дичи. И Страсбургъ былъ обрадованъ милостивымъ посѣщеніемъ императора, который пожелалъ не обременять городъ проходомъ своихъ войскъ. Уже и то могло казаться большой уступкой, что по крайней мѣрѣ объ интеримѣ больше и рѣчи не было. Но кто же на основаніи этого могъ поручиться за будущее? Карлъ V въ то время снова вернулся къ своимъ проектамъ преобразованія имперіи въ монархическомъ духѣ, какъ будто ничего не случилось. Снова возникла мысль объ императорскомъ союзѣ (стр. 311), но въ особенности ревностнѣе прежняго онъ принялся снова работать надъ планомъ, какъ бы при помощи бранденбуржцевъ, которые желали обезпечить за собой архіепископства Магдебургъ и Гальберштадтъ, доставить испанскому инфанту императорскую корону, обходя вовсе на этотъ разъ Максимилиана. Маркграфъ кюстринскій Гансъ взялъ на себя сдѣлать пробные шаги сначала у своего брата Іоахима, между тѣмъ какъ Гранвела и королева Марія, которые были весьма невысокаго мнѣнія о наслѣдномъ принцѣ, считали возобновленіе этихъ происковъ совсѣмъ несвоевременнымъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ, какъ и раньше, было опасное недовольство австрійской линіи Габсбурговъ; здѣсь, конечно, предполагали, что «эти происки насчетъ принца» исходятъ отъ этого «плута-монаха» (Гранвелы). Въ то же время король Фердинандъ встрѣтилъ еще болѣе рѣшительный чѣмъ когда-либо раньше отказъ у брата на свои притязанія на Вюртембергъ, по крайней мѣрѣ относительно нѣсколькихъ крѣпостей вюртембергскихъ, а на его заподозриванія религіозныхъ взглядовъ герцога Христофора Карлъ отвѣтилъ указаніемъ на курфюрста Морица, котораго такъ горячо защищалъ Фердинандъ. Болѣе чѣмъ когда либо казалось, что такія отношенія принудятъ нѣмецкихъ Габсбурговъ вступить въ болѣе тѣсный союзъ съ этимъ смертельнымъ врагомъ императора.

Но какъ же изумился въ концѣ концовъ весь свѣтъ, когда въ октябрѣ и ноябрѣ 1552 года императоръ заключилъ миръ и союзъ съ «извергомъ» Альбрехтомъ, когда онъ вполне предоставилъ ему на жертву только что взятыхъ подъ свою защиту епископовъ и утвердилъ ихъ такъ называемые договоры съ маркграфомъ, которые еще недавно торжественно не призналъ законными. Это, какъ справедливо подчеркиваетъ Ранке, была самая большая уступка, какую императоръ сдѣлалъ подъ давленіемъ минутной крайности; главнымъ образомъ по совѣту и черезъ посредство гер-

цога Альбы онъ совершилъ шагъ, который долженъ быть разрушить всякую вѣру въ его императорское слово. Но страстное желаніе, какъ можно шире воспользоваться тогдашнимъ военнымъ и политическимъ положеніемъ заглушило въ немъ всѣ движенія совѣсти и чувства чести. «Нужда не знаетъ никакихъ заповѣдей», писалъ онъ сестрѣ своей. Онъ впрочемъ не забылъ, какъ всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ его покинули имперскіе князья, даже и духовные. Альбрехтъ, высланный изъ Франціи, едва могъ справиться со своими ландскнехтами, которымъ онъ не уплатилъ жалованья; теперь ему посчастливилось по пути къ своему новому хозяину разбить отрядъ французовъ и вождя ихъ, герцога Омальскаго, привести съ собою въ качествѣ плѣнника въ Диденгофенъ, гдѣ императоръ собственноручно вручилъ своему новому союзнику красную перевязь. А въ имперіи издѣвались надъ опозореннымъ двуглавымъ имперскимъ орломъ въ ѣдкихъ насмѣшливыхъ стихахъ: «Одна голова отмѣняетъ, другая утверждаетъ, одна говоритъ «да», другая говоритъ «нѣтъ». Боже мой, пусть изъ нихъ одна только останется. Онѣ обѣ варятся въ одномъ котлѣ, увы, отъ этого распространяется отвратительный смрадъ».

Политика тогда и съ той и съ другой стороны утратила всякое нравственное мѣрило. Карлъ V и Морицъ саксонскій были оба дѣйствительно достойные другъ друга противники. И освобожденіе плѣнныхъ шмалькальденцевъ, послѣдовавшее осенью 1552 года, носитъ все таки вполне характеръ мѣновой сдѣлки, при чемъ каждая изъ договаривающихся сторонъ до самой послѣдней минуты зорко слѣдитъ за своимъ противникомъ, потому что считаетъ его способнымъ на все. Нелюбо было молодому курфюрсту видѣть, что его кузенъ эрнестинской линіи возвращается въ свои земли; Юганнъ Фридрихъ долженъ былъ, положимъ, дать письменное увѣреніе, котораго требовалъ Морицъ, но то, что этотъ старый государь, котораго его вѣрные саксонцы привѣтствовали съ искреннимъ восторгомъ, принялъ принадлежащій ему по рожденію титулъ курфюрста и получилъ разрѣшеніе снова возстановить укрѣпленія Готы, дѣлало надежду на полнѣйшее улаженіе родственныхъ «недоразумѣній» не особенно твердой. Во всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ для главныхъ участниковъ это окончаніе тяжелаго времени испытанія имѣло что-то примиряющее, тогда какъ ландграфъ Филиппъ и послѣдніе томительные мѣсяцы ожиданія все еще долженъ былъ переживать подъ самыми мучительными впечатлѣніями. Мы знаемъ, что императоръ былъ близокъ къ тому, чтобы нарушить свое уже данное слово; ландграфъ Вильгельмъ все никакъ не могъ подавить въ себѣ опасенія, какъ бы отца его, когда его придется дѣйствительно освободить, не угостили напослѣдокъ «венеціанскимъ супомъ», такъ что онъ вернется домой умирающимъ. Дѣйствительно одинъ біографъ

Карла V ставить ему въ высокую заслугу, что онъ не воспользовался противъ своего несчастнаго плѣнника ядомъ, который доставленъ былъ ему изъ Милана. Но со времени неудавшейся попытки къ побѣгу (стр. 336) окна въ тюрьмѣ Филиппа были наглухо заколочены; ихъ открыли одинъ только разъ, когда подъ ними внизу прогоняли сквозь строй коней испанца, который взялся доставить ландграфу одно письмо. Мало того, полковникъ, которому тогда поручена была особа ландграфа, не только заставлялъ своихъ солдатъ каждую ночь мѣшать спать ландграфу, но доставлялъ себѣ еще удовольствіе тѣмъ, что угрожалъ своему сіятельному узнику смертью, кандалами, ударами. Письмо, въ которомъ Филиппъ передъ самымъ освобожденіемъ своимъ умоляетъ королеву Марію защитить его отъ такого жестокаго обращенія, заставляетъ насъ заглянуть поистинѣ въ бездну бѣдствій; онъ готовъ «лучше сидѣть въ самой высокой или въ самой глубокой тюрьмѣ, въ оковахъ желѣзныхъ, чѣмъ въ такой опасности». Дѣйствительно, только при его силѣ характера, къ которой нельзя относиться съ пренебреженіемъ, и возможно было выдержать подобныя испытанія. Ибо, хотя послѣ освобожденія въ немъ нельзя уже было замѣтить и слѣдовъ былой отваги, все таки нельзя сказать, что Филиппъ вернулся сломленнымъ человѣкомъ. Напротивъ, нельзя отрицать, что теперь у него произошло какое-то просвѣтленіе души и нашла кротость на этого когда-то бурнаго поборника нѣмецкаго протестантства. При прощаніи онъ одарилъ даже своего мучителя, вышеупомянутаго полковника, какъ онъ обѣщалъ ему. Можно, какъ угодно, судить о недостаткахъ и слабостяхъ этого князя, подвергшагося жестокимъ испытаніямъ, но образъ его безспорно выигрываетъ при сопоставленіи съ коварнымъ властелиномъ, который не устыдился унизиться до положенія непримиримаго тюремщика такого человѣка, какъ Филиппъ, а подалъ руку такому князю-живодеру, какъ Альбрехтъ.

Карлъ V вынесъ изъ своего послѣдняго похода одну безспорную славу: славу такого мужества и самообладанія у стараго хвораго человѣка, что они могли пристыдить многихъ изъ болѣе молодыхъ воителей. Княжеская революція, не говоря уже о легкихъ успѣхахъ Франціи, естественно оживила и поощрила борьбу противъ Габсбургскаго дома и въ другихъ мѣстахъ. Между тѣмъ какъ Юлій III заключилъ 29-го апрѣля перемиріе съ Франціей, чтобы всецѣло предаться своей склонности къ «пирамъ, садамъ и игрѣ», султанъ обратился письменно къ нѣмецкимъ воюющимъ князьямъ какъ къ своимъ истиннымъ друзьямъ и союзникамъ; въ Венгріи крѣпость Темесваръ не устояла противъ перевѣса въ силахъ турецкихъ войскъ, и неаполитанскому побережью грозило нападеніе соединенныхъ флотовъ Турціи и Франціи. Снова то тутъ, то тамъ въ Италіи возникали

движенія, враждебныя императору; въ Сіенѣ изгнали испанскій гарнизонъ при крикахъ: «Франція, побѣда, свобода!» ненавистный замокъ ихъ съ большимъ торжествомъ былъ разрушенъ гражданами, которые при этомъ украсили себя вѣнками. Уже и Корсика готовилась къ своей безуспѣшной шестилѣтней борьбѣ за освобожденіе противъ Генуи и императора. Еще весною король Фердинандъ имѣлъ нѣкоторое основаніе предупреждать брата, чтобы онъ какъ-нибудь не вздумалъ удалиться въ Испанію, иначе, кромѣ Германіи, онъ потеряетъ почти навѣрное и Италію и Нидерланды. Именно имѣя въ виду безопасность имперіи и Нидерландовъ, на южные предѣлы которыхъ совершилъ набѣгъ Генрихъ II на обратномъ пути изъ Лотарингіи, императоръ должно быть и утвердился въ своемъ рѣшеніи обратиться сначала противъ своего главнаго врага и по совѣту Альбы приступилъ еще поздней осенью къ осадѣ Меца. Внушительная ратная сила расположилась вокругъ этого сильно укрѣпленнаго города тремя лагерями, 20-го ноября прибылъ сюда самъ императоръ при громѣ орудій. Еще недавно ревматизмы не позволяли Карлу даже водить перомъ по бумагѣ, и онъ вынужденъ былъ путешествовать въ носилкахъ; а теперь при леденящемъ холодѣ онъ цѣлые дни не сходилъ съ сѣдла, и несмотря на то, что дурная погода и плохое продовольствіе вырывали тысячи изъ рядовъ его войска, что захворали оба его лейбъ-медика, онъ и слышать не хотѣлъ объ отступленіи. Но къ концу года и онъ долженъ былъ покориться необходимости; такъ какъ превосходно руководимыя оборонительныя работы гарнизона и постоянно все возрастающая слабость осаждающихъ лишали все болѣе и болѣе надежды на успѣхъ приступа, то онъ началъ 1-го января отступленіе. Когда побѣдоносный комендантъ крѣпости, герцогъ Гизъ, участливо позаботился о покинутыхъ непріателемъ больныхъ, это придавало еще больше блеска его славѣ, тогда какъ Альба, давно уже весьма строго осуждаемый своими собственными подчиненными, оказался легкомысленнымъ губителемъ превосходной арміи. А Карлъ V убѣдился подъ Мецемъ, что столь прославленная счастливая звѣзда его закатилась. Онъ, словно въ отчаяніи, цѣплялся еще за свой злосчастный проектъ возложить римскую корону на голову инфанта, который-де болѣе всякаго другого подходитъ для управленія имперіею. Онъ надѣялся, что при помощи бранденбургскаго дома, а въ особенности добраго меча авантюриста Альбрехта, ему можетъ быть все-таки удастся вынудить къ тому, что съ негодованіемъ отвергало значительное большинство имперскихъ чиновъ, семейство его брата, въ сущности весь свѣтъ.

А между тѣмъ Морицъ, стоявшій съ сентября лагеремъ въ Венгріи, не бездѣйствовалъ. Этотъ походъ противъ турокъ, повидимому, прямо былъ рассчитанъ на все болѣе и болѣе тѣсное сближеніе съ римскимъ королемъ,

но въ то же время въ лагерѣ курфюрста подъ Раабомъ шли переговоры и завязывались сношенія, которыя навѣрное не имѣли совсѣмъ никакого отношенія къ соглашенію между Австріей и Саксоніей. У короля Генриха II не было никакихъ существенныхъ основаній жаловаться на отпаденіе союзника, который помимо него заключилъ пассаускій договоръ. Еще при самомъ заключеніи договора курфюршество Саксонія и Гессенъ обратились съ предложеніемъ заключить новый союзъ съ Франціей; снова «Гильдебранду», какъ назывался французскій король въ секретной перепискѣ между этими князьями, предлагали императорскую корону, обѣщали весною выставить на Рейнѣ нѣмецкое войско. Фольрадъ мансфельдскій явился въ качествѣ агента курфюрста при французскомъ дворѣ. Гораздо страннѣе, понятно, были происки, начатые герцогомъ феррарскимъ; они клонились ни болѣе, ни менѣе, къ тѣсному союзу между Морицемъ и Портою; курфюрстъ при помощи турокъ долженъ разрушить и нѣмецко-австрійскую державу Габсбурговъ и самъ получить венгерскую корону подъ верховной властью султана. Такъ и возникаетъ искушеніе открыть въ этомъ смѣломъ и безсовѣстномъ веттинцѣ какую-нибудь черту величія, а такой черты не лишена, конечно, эта фантазія уничтожить разомъ и Карла и Фердинанда. Впрочемъ, какъ это подчеркиваетъ Друффель, вѣдь и далеко не столь дѣятельныя натуры, напр., курфюрстъ Іоахимъ и герцогъ баварскій, носились съ подобными мыслями. Во всякомъ случаѣ, Морицъ нимало не колебался предлагать въ то же время королю Фердинанду болѣе тѣсный союзъ для защиты главнымъ образомъ наслѣдственныхъ земель короля отъ турокъ; и императоръ, и другіе князья также должны были быть привлечены къ участію въ этомъ союзѣ. Фердинандъ съ большой живостью ухватился за это предложеніе, между тѣмъ какъ императоръ, который только что предпринялъ создать замѣну распавшагося Швабскаго союза въ южной Германіи, вполне справедливо отнесся въ высшей степени недоувѣрчиво къ этому саксонскому проекту союза. Снова рѣзко выступила противоположность интересовъ обоихъ братьевъ, Карлъ предпочиталъ все еще возлагать свое довѣріе скорѣе на курфюрста Іоганна Фридриха и на молодого герцога вюртембергскаго, тогда какъ Фердинандъ, далеко не дружелюбно относившійся къ обоимъ этимъ князьямъ, настаивалъ на необходимости заручиться прежде всего содѣйствіемъ курфюрста Морица. А въ глубинѣ стояла все еще опасная натянутость изъ-за выбора римскаго короля. Инфантъ, только что давшій отцу присылкою значительной суммы денегъ возможность предпринять походъ противъ Франціи, сгоралъ желаніемъ достигъ, наконецъ, цѣли своего честолюбія, между тѣмъ какъ Фердинандъ и Максимилианъ готовы были уже рѣшить этотъ вопросъ насиліемъ. Фердинандъ совершенно откровенно заявилъ, что, если вздумаютъ напустить

старого эрнестинца на Морица, онъ станетъ помогать курфюрсту. Императоръ воспользовался не этимъ орудіемъ, но нельзя его оправдать отъ тяжелой вины, что послѣ своего французскаго похода онъ отправился въ Нидерланды, вмѣсто того, чтобы употребить всѣ свои силы на поддержаніе мира въ Германіи. Достаточно рѣшительно предсталъ передъ нимъ долгъ исполнить свою обязанность по сану императора теперь, въ такую пору, когда снова въ имперіи разгоралась междоусобная война въ самомъ ужасномъ своемъ видѣ.

Маркграфъ вернулся обратно въ Германію и нашелъ, что его противники во Франконіи приготовились его встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ, а между тѣмъ онъ твердо рѣшился добиться «своего законнаго права»; его приближенный Вильгельмъ ф. Грумбахъ побуждалъ его начать войну противъ поповъ, занять вышеупомянутыя области епископа бамбергскаго, «если бы даже день и ночь съ неба дождемъ сыпались монахи, и съ деревьевъ, стоило имъ только потрясти, сыпались всадники и пѣхотинцы». Многозначительное презнаменованіе заключалось въ томъ, что при приближеніи опасности южно-нѣмецкіе князья предпочли сплотиться другъ съ другомъ въ союзъ для охраны земскаго мира, вмѣсто того, чтобы осуществить какъ можно скорѣе императорскій проектъ швабскаго союза. И здѣсь рѣшающимъ оказывается опасеніе передъ испанскимъ престолонаслѣдіемъ; ничто, кромѣ интерима, не поколебало такъ до основанія положенія Карла V въ Германіи, какъ этотъ упорно проводимый планъ, о которомъ, какъ пишетъ баварскому герцогу герцогъ Христофоръ, «говорили даже мужики на постоянныхъ дворахъ». Именно въ этихъ двухъ мысляхъ: какъ-бы возвратить протестантовъ въ лоно католической церкви и включить Германію въ составъ испанской всемірной монархіи, и заключалось, по мнѣнію Карла, завершеніе всего его жизненнаго труда; только благодаря политикѣ императора евангелическіе и католическіе имперскіе чины прониклись опять дѣятельнымъ сознаніемъ общности своихъ интересовъ. Въ такъ называемомъ гейдельбергскомъ союзѣ (29 марта 1553 года) сошлись такимъ образомъ рядомъ съ баварскимъ и вюртембергскимъ герцогами курфюрсты майнцскій, трирскій и пфальцскій, и герцогъ юлихскій, чтобы прежде всего обезпечить свои собственныя владѣнія отъ всякаго нападенія; товарищъ, котораго стали бы тѣснить, имѣлъ право тотчасъ же получить подкрѣпленіе въ шесть тысячъ человѣкъ, приблизительно половину того, сколько назначено было шмалькальденцами для скорой помощи (стр. 138). Со своей ближайшей задачей: уладить миромъ вышеупомянутый споръ между маркграфомъ и епископами, эта кучка нейтральныхъ князей не могла все-таки справиться; ни ихъ попытки посредничества, ни распоряженія имперскаго камеральнаго суда не помѣшали открытію воен-

ныхъ дѣйствій; хотя эти усобицы и не повели ко второй еще болѣе тяжелой крестьянской войнѣ, какъ предсказывалъ король Фердинандъ, но въ дѣйствительности по своей дикости онѣ превзошли еще и эту демократическую революцію. Послѣ побѣдоносной стычки съ вюрцбургскими войсками подъ Поммерсфельденомъ (11-го апрѣля) Альбрехтъ двинулся опять, какъ и въ прошломъ году, по Франконіи, произведя на пути своемъ рѣзню и пожары; да, онѣ смѣло могъ хвастаться, что нюрнбержцы не умѣютъ такъ жечь, какъ онѣ; гдѣ онѣ подложитъ огонь, тамъ легко можно потомъ остатки метлой смести. Списокъ обращенныхъ имъ въ пепелъ городовъ, замковъ, монастырей и селъ дѣйствительно можно было смѣло поставить рядомъ съ пожарами 1525 года; въ одной только вюрцбургской области насчитывали больше трехсотъ разрушенныхъ селеній. То, что было пощажено огнемъ, подверглось основательному «обшариванію». Мысли высокороднаго злодѣя заносились очень далеко; какъ-то во время попойки онѣ заговорилъ о чешской королевской коронѣ. Дѣльнѣе былъ задуманъ планъ его создать себѣ необходимую опору въ союзѣ сѣверо-германскихъ князей. Маркграфъ зналъ хорошо своего прежняго друга и самаго опаснаго противника. Курфюрста Морица нельзя было провести ни ложью, ни ласковыми словами, а онѣ находилъ болѣе выгоднымъ во время этой ужасной усобицы выступить въ руководящей роли поборника порядка противъ княжеской анархіи. Вся Германія грозила раздѣлиться на двѣ партіи. Въ то время какъ гейдельбергскій союзъ только неохотно и осмотрительно рѣшился на вооруженное вмѣшательство, Морицъ и римскій король съѣхались для личнаго свиданія въ Эгеръ, чтобы условиться, какія мѣры имъ предпринять сообща противъ маркграфа. Морицъ еще раньше послалъ своего брата въ Данію; онѣ поручилъ ему изобразить передъ королемъ Христіаномъ ближайшее будущее имперіи въ самомъ мрачномъ видѣ; послѣ недалекой во всякомъ случаѣ кончины императора произойдутъ «новый міръ и небывалыя перемѣны», но курфюрстъ заодно со своими союзниками не желаетъ «получить себѣ ни одной ничтожной пѣшки на доскѣ».

А что же императоръ? Съ давнихъ поръ поведеніе его въ это критическое время считалось въ высшей степени двусмысленнымъ. Онѣ сидѣлъ себѣ спокойно въ Брюсселѣ и довольствовался тѣмъ, что велъ борьбу бумажнымъ оружіемъ, письмами и порученіями, хотя онѣ давно уже долженъ былъ убѣдиться, какое ничтожное дѣйствіе производятъ подобныя проявленія власти. Онѣ ослаблялъ исподволь связи, которыя налагалъ на него договоръ съ Альбрехтомъ; онѣ далъ ясно понять маркграфу, что о понужденіи епископовъ со стороны императора не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ, 20-го марта послѣдовало новое подтвержденіе извѣстной уже кассации вынужденныхъ обѣщаній епископовъ въ договорахъ съ Альбрехтомъ

(стр. 336); по увѣренію Карла V, она не отмѣнялась будто бы и примиреніемъ императора съ маркграфомъ. А между тѣмъ его собственный договоръ, заключенный 24-го октября, ясно и прямо отмѣнялъ и уничтожалъ все, что было сдѣлано противъ этихъ обязательствъ епископовъ; «своимъ императорскимъ саномъ и честнымъ словомъ» онъ ручался тогда, что ни самъ лично, ни черезъ посредство другихъ онъ не будетъ ничего предпринимать противъ сдѣланныхъ имъ маркграфу уступокъ. Въ воззваніи ко всѣмъ имперскимъ чинамъ, которое онъ обнародовалъ теперь, чтобы они помогли епископамъ возвратить ихъ собственность, имя Альбрехта было, положимъ, пройдено молчаніемъ, а также и въ указѣ, который грозилъ тяжкимъ наказаніемъ за вербовку отъ имени императора безъ императорскаго повелѣнія, хотя и онъ точно такъ же былъ направленъ противъ маркграфа. Однако эта жалкая уловка послужила самое большое только подтвержденіемъ широко распространеннаго взгляда, что императоръ дѣйствуетъ заодно съ маркграфомъ и старается соблюсти только видимость, будто онъ заботится о земскомъ мирѣ. Карлъ, положимъ, постоянно повторялъ обѣимъ сторонамъ, что необходимо уладить дѣло миромъ, но при такомъ страстномъ возбужденіи умовъ и въ виду ужаснаго опустошенія Франконіи все это понятно не приносило никакой пользы. Императоръ, если бы онъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе охранять миръ въ имперіи, долженъ былъ говорить болѣе внушительнымъ тономъ, да мало того, онъ долженъ былъ и дѣйствовать. Испанцу, сидѣвшему на императорскомъ престолѣ, не могло быть, пожалуй, ничего пріятнѣе этого зрѣлища, какъ самые безпокойные среди нѣмецкихъ князей истекали кровью въ междоусобной борьбѣ, какъ пассаускій договоръ приходилъ въ забвеніе, а бѣдствія междоусобной войны дѣлали большинство имперскихъ чиновъ болѣе склонными къ его замысламъ политической реформы. А можетъ быть тутъ опять замѣшалась его столь часто порицаемая апатія? А что бы вышло, если бы его смертельный врагъ Морицъ остался побѣдителемъ? Переговоры съ французскимъ дворомъ, которые графъ мансфельдскій велъ тамъ по порученію курфюрста саксонскаго, подвинулись довольно далеко лѣтомъ 1553 года. Генрихъ II, имѣя въ виду расшатанное здоровье императора, совершенно искренно подумывалъ о коронѣ римскаго короля; онъ надѣялся, что Морицъ вскорѣ съ превосходной нѣмецкой арміей вторгнется въ Нидерланды. Относительно рѣшительности своего союзника онъ получилъ самыя лучшія вѣсти отъ графа мансфельдскаго послѣ его возвращенія въ Германію. Но пока что настоятельнѣе всего былъ нуженъ походъ противъ маркграфа. Во главѣ своихъ шаекъ этотъ ужасный чловѣкъ двинулся на сѣверъ, гдѣ шла открытая война Генриха, герцога вольфенбюттельскаго, съ цѣлымъ рядомъ дворянъ, помѣстья которыхъ

онъ захватилъ послѣ Шмалькальденской войны, а также и съ городомъ Брауншвейгомъ. Альбрехтъ все болѣе и болѣе рассчитывалъ опереться на симпатіи евангеликовъ; вѣдь кто же до сихъ поръ «проучилъ» такъ этихъ «жрецовъ Ваала», кто такъ немилосердно нападалъ на «царство сатаны», какъ онъ? Но и враждебное настроеніе Іоганна Фридриха противъ своего ненавистнаго кузена, и дружественное императору поведеніе бранденбургскихъ Гогенцоллерновъ могли его поощрять искать себѣ спасенія въ сѣверной Германіи. Получилось весьма замѣчательное перемѣщеніе партій, которое рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо прежде свидѣтельствовало о преобладаніи политическихъ интересовъ надъ религіозными. Уже во время княжеской революціи евангелическіе города дали весьма обильный послѣдствіями отпоръ своимъ высокороднымъ единовѣрцамъ, а теперь мы видимъ курфюрста Морица въ самомъ тѣсномъ союзѣ съ исконнымъ и самымъ отъявленнымъ противникомъ реформаціи, «негоднымъ Гейнцемъ» вольфенбюттельскимъ, и съ ярымъ католикомъ, королемъ Фердинандомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сношеніяхъ съ франконскими епископами, а вѣдь ближайшими союзниками и товарищами по несчастью послѣднихъ были протестанты Нюрнберга. Во главѣ гейдельбергскаго союза въ качествѣ военачальниковъ стояли: католикъ Альбрехтъ баварскій и лютеранинъ Христофоръ вюртембергскій. Съ другой стороны маркграфъ, не говоря уже объ его родственникахъ, среди которыхъ Елисавета, графиня геннебергская, бывшая герцогиня брауншвейгская, была самой ревностной и наиболѣе готовой на жертвы покровительницей его, имѣлъ на своей сторонѣ не только политическихъ противниковъ Генриха брауншвейгскаго, но также и католика Эриха каленбергскаго, сына вышеупомянутой Елисаветы; а что императоръ не предпринималъ ничего, по крайней мѣрѣ, противъ него, это не было ни для кого тайной. Ландграфъ Филиппъ, подобно Іоганну Альбрехту мекленбургскому весьма не одобрявшій присоединеніе курфюрста саксонскаго къ «безбожнымъ попамъ», только съ неохотой выставилъ въ помощь своему зятю отрядъ конницы. Да впрочемъ не одно только негодование протестанта, а и земельные споры отдѣляли тогда герцога мекленбургскаго отъ его прежняго союзника Морица, хотя онъ пытался даже въ послѣднюю минуту предлагать свое посредничество и отдѣлить курфюрста отъ его католическаго союзника Генриха. Но объявленіе войны маркграфу со стороны курфюрста саксонскаго было уже вручено ему въ лагерьъ подъ Петерсгагеномъ. Восемь дней спустя, 9-го іюля 1553 года, главные противники встрѣтились близъ Сиверсгаузена и Пейны, между Ганноверомъ и Брауншвейгомъ. У Альбрехта было то преимущество, что онъ занималъ лучшую позицію и былъ сильнѣе пѣхотой, но битва разыгралась почти исключительно въ видѣ кавалерійской стычки, при чемъ

по исконному рыцарскому обычаю князя-предводители бросились въ самую горячую схватку. Среди эскадроновъ маркграфа противники замѣтили будто бы два, три значка съ бургундскимъ (императорскимъ) крестомъ; въ войскѣ союзниковъ былъ чешскій отрядъ. Героемъ дня былъ курфюрстъ Морицъ, съ неукротимой отвагой котораго соперничала его саксонская знать, брауншвейгцы подъ предводительствомъ трехъ своихъ герцоговъ, гессенская конница. Но побѣда, къ вечеру черезъ нѣсколько часовъ склонившаяся на ихъ сторону, была куплена дорого. «Старый левъ» брауншвейгскій потерялъ обоихъ сыновей своихъ: Карла Виктора и Филиппа Магнуса; совсѣмъ юный Фридрихъ люнебургскій палъ въ званіи главнаго знаменщика курфюрста; мало того, самъ Морицъ заплатился жизнью за свою безумную отвагу наѣздника. Передъ послѣдней атакой онъ получилъ смертельную огнестрѣльную рану. Сначала онъ еще надѣялся выздоровѣть; онъ занимался еще извѣстіями о побѣдѣ, но взятыя въ добычу знамена, которыя числомъ болѣе шестидесяти принесли къ его палаткѣ, склонились уже передъ умирающимъ. Послѣ мучительной двухдневной борьбы со смертью, 11-го іюля тридцатидвухъ-лѣтній курфюрстъ скончался, сохраняя до конца полное сознаніе, вспоминая про свою супругу и дочь, въ полной христіанской покорности Провидѣнію. Послѣднія слова его, послѣ того какъ онъ отъ глубины души простилъ еще своимъ врагамъ, гласили: «Богъ прійдетъ». Генрихъ, герцогъ брауншвейгскій, готовъ былъ бы повѣсить маркграфа на первомъ деревѣ, если бы только онъ попалъ ему въ руки. Что Германія лишилась въ лицѣ Морица своей царственной главы, это высказывается въ акростихѣ одного стихотворнаго саксонскаго плача того времени: «Облекись во все черное, нѣмецкій народъ, кайся, плачь и скорби горько, героя твоего нѣтъ уже въ живыхъ» *).

Слишкомъ рано угасла эта богатая подвигами жизнь, чтобы мы могли составить себѣ неоспоримое сужденіе о послѣднихъ цѣляхъ этого высокодаровитаго и честолюбиваго человѣка. Во всякомъ случаѣ, мы не имѣемъ права на основаніи партикуляристическихъ взглядовъ, которые сильно выступаютъ въ его политикѣ, дѣлать выводъ, что Морицъ вообще былъ не способенъ къ болѣе возвышеннымъ взглядамъ. Положимъ, въ извѣстномъ смыслѣ онъ похожъ на то поколѣніе князей, которое въ XV вѣкѣ употребляло всю свою силу воли и безсовѣстность только для созданія территоріальнаго государства (т. I, стр. 54 сс.), какъ, напр., Альбрехтъ Ахиллесъ и подобные ему. Но болѣе обширныя отношенія реформаціон-

*) Mit schwarz thu dich bekleiden
O teutsche Nation,
Reu, klag und hab gross leiden,
Itz ist dein Held davon.

наго времени, борьба съ такимъ мощнымъ противникомъ, какъ Карлъ V, неизбежное вмѣшательство религіозныхъ противорѣчій,—все это должно было понуждать идти впередъ государя, который былъ еще въ полномъ расцвѣтѣ юныхъ силъ и успѣлъ уже стать первымъ человекомъ въ имперіи. Какъ ни осторожно онъ обыкновенно ограничивалъ себя даже въ достижимомъ, тѣмъ не менѣе королевская корона не была для него чѣмъ-то недосыгаемымъ. Французы, пожалуй, непрочъ были при случаѣ смотрѣть на него какъ на будущаго императора, который имъ былъ бы вполне по душѣ. Онъ самъ высказалъ, что онъ не намѣренъ выйти послѣднимъ изъ хаотической сумятицы княжеской революціи. Пусть въ продолженіе его бурной жизни нравственная сила реформаціи не имѣла въ его глазахъ большого значенія, но передъ лицомъ смерти онъ все таки выказалъ себя истымъ сыномъ лютеранской Германіи. И своимъ прочнымъ включеніемъ въ строй имперіи,—какъ оно впослѣдствіи осуществилось въ Аугсбургскомъ религіозномъ мирѣ, — протестантство въ Германіи обязано прежде всего этому веттинцу, который сумѣлъ одолѣть величайшаго мастера своего времени въ искусствѣ разсчитывать и понимать людей, благодаря вѣроломству, которое напоминаетъ древняго національнаго героя Германіи Арминія. Мы конечно не можемъ о такой личности, какъ Морицъ, отзываться, обозвавши его просто «мошенникомъ», какъ это позволилъ себѣ одинъ новѣйшій историкъ. Спаситель протестантства со всѣмъ своимъ княжескимъ себялюбіемъ и вѣроломствомъ найдетъ себѣ достойныхъ товарищей не только среди итальянцевъ эпохи Возрожденія, но и среди германскихъ императоровъ и великихъ людей давно минувшихъ вѣковъ. Но лучшимъ оправданіемъ для него служить его противникъ — императоръ, которому онъ такъ счастливо подражалъ: сперва извлекъ изъ него всю выгоду, а затѣмъ обманулъ его.

Несчастьемъ для нѣмецкихъ евангеликовъ было то, что великая борьба новаго ученія противъ католической церкви въ заключеніе воплотилась въ такомъ недостойномъ образѣ. Ибо маркграфъ Альбрехтъ послѣ смерти своего самаго великаго противника дѣйствительно рѣшительнѣе прежняго поднялъ знамя войны противъ поповъ. Большинство протестантскихъ князей и городовъ сѣверной Германіи или были съ нимъ въ добромъ согласіи, или стремились къ тому; ландграфъ Филиппъ поспѣшилъ вступить съ нимъ въ переговоры, такъ какъ онъ и раньше довольно неохотно принялъ участіе въ войнѣ, и даже новый курфюрстъ саксонскій Августъ только и думалъ, какъ бы ему поскорѣе отказаться отъ смѣлой политики своего брата, и наперекоръ всѣмъ отговариваніямъ римскаго короля заключилъ договоръ съ маркграфомъ. Предприняли было возстановить прежнее

соглашеніе о наслѣдственномъ союзѣ между домами бранденбургскимъ, саксонскимъ и гессенскимъ; долженъ былъ, повидимому, образоваться саксонскій союзъ, весьма отличный отъ извѣстнаго проекта римскаго короля; между тѣмъ въ то же время на югѣ гейдельбергскій союзъ, хотя Фердинандъ и вступилъ въ него ради интересовъ Тироля и передней Австріи, остался строго нейтральнымъ. Этотъ южно-германскій союзъ, въ которомъ епископа аррасскаго называли чернымъ Аріемъ, при своемъ враждебномъ Испаніи направленіи (стр. 372) долженъ былъ бы собственно тѣмъ рѣшительнѣе выступить противъ нарушителя земскаго мира, что въ Альбрехтѣ многіе предполагали орудіе императорскихъ замысловъ на престолонаслѣдіе. Но герцогъ баварскій имѣлъ полное право высказать, что не у всякаго явится охота сцѣпиться съ маркграфомъ. Христофоръ, герцогъ вюртембергскій, былъ ярымъ врагомъ враговъ Альбрехта, — короля Фердинанда и Генриха брауншвейгскаго. Альбрехтъ, къ которому между тѣмъ стекались все новые и новые солдаты, выразилъ свое самоувѣренное настроеніе со свойственнымъ ему циническимъ юморомъ: «Скажите вашимъ попамъ въ Вюрцбургъ и Бамбергъ», писалъ онъ одному изъ своихъ полковниковъ, «чтобы они отслужили побольше заупокойныхъ обѣдовъ за своихъ четырехъ поповскихъ князей, герцога Морица, герцога Карла, и герцога Филиппа Магнуса, а также за герцога люнебургскаго, вѣдь они застрѣлены за ихъ вѣру. — Я еще живъ и, если Богу будетъ угодно, гораздо дольше проживу, чѣмъ это желательно всѣмъ попамъ. Мессія ихъ, герцогъ Морицъ, взлетѣлъ на небеса». Въ грубыхъ виршахъ воспѣвалось предстоящее поджариваніе всѣхъ поповъ и торгашей; въ Нюрнбергѣ впредь лисицы будутъ имѣть свои логовища. Получалась такая видимость, какъ будто запуганные и покинутые императоромъ имперскіе чины должны позволить политическому искателю приключеній предписывать имъ законы. Одинъ и только одинъ старый Генрихъ брауншвейгскій, которому и самому приходилось отстаивать свое существованіе въ званіи князя, стоялъ за позорно притѣсняемыхъ франконскихъ епископовъ и нюрнбержцевъ; онъ сумѣлъ-таки переманить отъ маркграфа на свою сторону непостояннаго младшаго двоюроднаго брата своего Эриха. Онъ разбилъ 12-го сентября своего противника при Штетербургѣ, къ великому ужасу гражданъ Брауншвейга, которые со стѣнъ и башенъ города могли слѣдить за побѣдой враждебнаго имъ государя своего. Послѣдовавшая затѣмъ осада города привела къ заключенію договора между княземъ и его непокорными гражданами, когда Генрихъ отозванъ былъ на югъ настоятельными просьбами своихъ франконскихъ союзниковъ положить конецъ отчаянной борьбѣ маркграфа за свои владѣнія. Попутно старый Іоганнъ Фридрихъ долженъ былъ поплатиться почтенной суммой денегъ за свои симпатіи къ бран-

денбургцу. Необузданный прежнего проходилъ въ своихъ рѣчахъ и письмахъ травимый маркграфъ насчетъ вѣроломныхъ владѣтельныхъ поповъ и кровожадной черни въ Нюрнбергѣ, которая готова была бы истребить всю аристократію въ имперіи. Но тѣ протестантскіе князья, которые, быть можетъ, стали бы открыто на его сторону, одержи онъ рѣшительную побѣду, теперь пальцемъ не пошевелили для него, если не говорить объ ихъ попыткахъ къ посредничеству; императоръ окончательно отказался поддерживать его. Наконецъ 1-го декабря послѣдовало объявленіе надъ нимъ опалы камеральнаго суда. Получивъ извѣстіе, что округамъ разослано внушеніе привести приговоръ въ исполненіе, Альбрехтъ осушилъ свой стаканъ: «Пусть сыплется опала за опалой», воскликнулъ онъ, «мы ихъ съ радостью и въ мирѣ другъ съ другомъ пропьемъ!» ¹⁾ Еще разъ онъ отдалъ приказъ: развести поамъ такой костеръ на Рождество и на Новый годъ, «чтобы дѣти въ утробѣ матери засучили ножкой, а то такъ и обѣими». Во всякомъ случаѣ прошло болѣе полугода прежде, чѣмъ несчастная Франконія дѣйствительно избавилась отъ войны, въ которой въ концѣ концовъ обѣ стороны неистовствовали одинаково безпощадно. Альбрехтъ, бѣжавшій изъ окруженнаго со всѣхъ сторонъ Швейнфурта, былъ настигнутъ врагами 13-го іюня 1554 года подъ Шварцахомъ, близъ Кицингена и разбитъ совершенно. Послѣ продолжительной геройской обороны 22 іюня палъ Плассенбургъ, между тѣмъ какъ изгнанный князь, которому даже и его вюртембергскій другъ отказалъ въ просимомъ убѣжищѣ, бѣжалъ во Францію. Іоганнъ Альбрехтъ мекленбургскій, который только согласился въ свое время на пассаускій договоръ, но не подписалъ его, избѣгъ подобной же участи только своевременной уступкой части своей области брату своему Ульриху, который грозилъ ему насиліемъ. Нѣмецкіе князья почти безъ содѣйствія императора, а такъ, промежь себя, восстановили спокойствіе. Окончательный новый порядокъ въ имперіи и прочный миръ должны были сложиться не путемъ революціи, а черезъ имперскій сеймъ. Конечно, потребовалось немало времени и труда, чтобы этотъ имперскій сеймъ дѣйствительно собрался. Ибо среди князей все еще господствовало подозрѣніе, что императоръ задумываетъ не что иное, какъ «снова начать свою старую испанскую пѣсню и хлопотать о томъ, чтобы довести ее до давно желаннаго конца».

Но Карлъ V еще въ февралѣ 1554 года объяснилъ брату, почему онъ намѣренъ отказаться отъ этого своего излюбленнаго желанія. Со времени смерти молодого короля Англіи (6-го іюля 1553 года) и восшествія на престолъ старшей сестры его Маріи, права которой на престолъ братъ ея

¹⁾ Непереводаемая игра словъ: «Acht und Aberacht gibt sechzehn». *Перев.*

тщетно желалъ своимъ завѣщаніемъ передать своей теткѣ протестанткѣ Дженъ Грей, слѣдовало ожидать коренного возстановленія католичества въ этой уже потерянной для него островной державѣ. Вотъ на это-то и были направлены всѣ силы императорской политики; въ январѣ 1554 года заключенъ былъ брачный договоръ между гораздо болѣе старой по лѣтамъ королевой и молодымъ ея двоюроднымъ братомъ, овдовѣвшимъ инфантомъ; въ іюлѣ отпразднована свадьба, которой предшествовали уже одиночныя казни еретиковъ, и только потомъ послѣдовало совершаемое въ строгомъ порядкѣ подавленіе всѣхъ религіозныхъ новшествъ. На колѣняхъ, въ присутствіи царственной четы 30-го ноября 1554 года англійскій парламентъ выслушалъ папское разрѣшеніе отъ грѣха ереси и раскола и послѣдствій ихъ за себя и за все королевство. Кардиналу Полю суждено было совершить это торжественное возвращеніе въ лоно церкви своей родины, которая нѣкогда отвергла его (стр. 325). Этотъ новый поворотъ обстоятельствъ и далъ императору желанный поводъ отклонить свои мысли отъ положенія дѣлъ въ Германіи. Нельзя сказать, чтобы онъ шелъ по этому новому направленію съ бодростью и настойчивостью своихъ прежнихъ лѣтъ; слишкомъ ужъ сильно подѣйствовали на этого усталого человѣка разочарованія и огорченія послѣднихъ годовъ. Напротивъ, мы видимъ, что мало-помалу мысль объ отреченіи отъ престола принимаетъ все болѣе и болѣе осязаемую форму; при своемъ обрученіи съ англійской королевой Филиппъ получилъ испанскія владѣнія въ Италіи и титулъ короля неаполитанскаго. Какъ разъ личныя отношенія къ этому сыну, ради величія котораго императоръ трудился и заботился, носили далеко не сердечный характеръ. Среди испанскихъ приближенныхъ принца слышались голоса, которые открыто подвергали сомнѣнію способность къ управленію государствомъ больного подагрой властелина. Приходится-де жить въ домѣ, который грозитъ уже рухнуть, и только молодой государь способенъ предупредить крушеніе. Герцогъ Альба, сопровождавшій инфанта въ Англію, былъ самымъ пригоднымъ человѣкомъ для прославленія восходящаго солнца; Гранвела тоже старался обезпечить свое мѣсто на будущее время. Медленно, шагъ за шагомъ, Карлъ V отказывался отъ своей верховной власти, послѣ того какъ онъ увидѣлъ, что надежды его рушатся одна за другой, въ томъ числѣ и надежды, основанныя на этомъ англійскомъ бракѣ. Его довѣренный ванъ Мале сообщаетъ, какъ однажды императоръ безъ оглядки раскрылъ передъ нимъ безъ свидѣтелей свои задѣшевныя мысли и чувства, и какъ онъ безъ ужаса не можетъ вспомнить про эти часы. Королева Марія, побуждаемая глубокой антипатіей къ своему безсердечному и бездарному племяннику, заявила лѣтомъ 1555 года своему брату императору о своемъ твердомъ рѣшеніи отказаться отъ намѣстничества въ

Нидерландахъ. вмѣстѣ съ этимъ наступило время рѣшиться и для Карла. На собраніи рыцарей золотого руна въ Брюсселѣ 21-го октября онъ отказался отъ верховной власти въ орденѣ въ пользу своего сына. Четыре дня спустя въ присутствіи нидерландскихъ чиновъ онъ передалъ ему управленіе; глубокое волненіе овладѣло присутствующими, когда самъ императоръ началъ говорить; послѣ краткаго обзора своего полнаго трудовъ существованія въ санѣ властителя, онъ заявилъ, что онъ уже совершенно неспособенъ исполнять долге свою высокую должность и просить прощенія, если онъ причинилъ кому несправедливость. Слезы стояли у него на глазахъ, когда онъ совѣтовалъ сыну заботиться о благѣ странъ, которыми онъ будетъ отнынѣ править. Но онъ не позабылъ завѣщать самимъ чинамъ особенно принять къ сердцу искорененіе всякихъ ересей. Въ январѣ 1556 года послѣдовала по всей формѣ передача испанскихъ коронъ, но только въ сентябрѣ снялся съ якорей флотъ, который уносилъ отрекшагося отъ трона властелина въ его любимую Испанію. И въ блестящемъ уединеніи своемъ въ монастырѣ св. Юста старый властелинъ занимался еще великими европейскими войнами: онъ могъ разумѣется отречься отъ управленія, но не отъ своей природы, которая создана была исключительно для политики. Даже и тогда его все еще преслѣдовалъ страшный призракъ ереси; даже въ Испаніи, вблизи его самого открывались лютеране, и въ то время, какъ инквизиція воздвигала для нихъ костры, Карлъ V чувствовалъ скорбное раскаяніе въ томъ, что онъ нѣкогда упустилъ случай залить великое движеніе въ Германіи кровью его вождя. Мысль о Лютерѣ, съ которымъ онъ тщетно боролся, и мысль о Римѣ, который боролся съ нимъ самимъ и теперь снова подкапывался подъ его сына, нарушали покой послѣднихъ дней императора, которому сталъ противенъ весь міръ.

Никогда и ни за что Карлъ V не могъ признать окончательнаго вывода, съ необходимостью вытекавшаго изъ борьбы партій въ Германіи, которую съ такимъ трудомъ удалось успокоить. Лѣтомъ 1554 года онъ далъ своему брату полномочія установить окончательно условія съ имперскими чинами, но Фердинандъ долженъ былъ дѣйствовать не какъ уполномоченный императора и не отъ его имени, а только лично отъ себя, въ качествѣ римскаго короля. Карлъ сваливалъ на него отвѣтственность, которой не хотѣлъ ни за что взять на себя; какъ раньше, такъ и впослѣдствіи, какъ онъ писалъ брату, его не покидали сомнѣнія въ религіозномъ вопросѣ, о которыхъ они говорили въ Виллахъ, передъ заключеніемъ пассаускаго договора. Фердинандъ безспорно былъ не менѣе Карла искреннимъ католикомъ, но уже положеніе его земель, тѣсная связь ихъ съ Германіей, неотвратимая потребность въ нѣмецкой по-

мощи для него, какъ короля Венгріи, не позволяли ему послѣ всего, что произошло, продолжать сумасбродную попытку все еще оспаривать по-прежнему право на существованіе протестантства. И вотъ при его неохотномъ участіи состоялся такъ называемый религіозный миръ, который не то чтобы навсегда предотвратилъ рѣшительную борьбу между католиками и протестантами въ Германіи, а только отдалилъ ее на два поколѣнія. По аугсбургскому религіозному миру 1555 года замѣтно, что онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ только утомленію обѣихъ воюющихъ сторонъ, а не заключенъ между побѣдителями и побѣжденными. Такимъ образомъ онъ въ дѣйствительности оказался тѣмъ интеримомъ, который долженъ былъ принести нѣмецкому народу еще гораздо больше горя и вреда, чѣмъ императорская реформація 1548 года. Если мы вспомнимъ о первоначальныхъ цѣляхъ великаго нѣмецкаго движенія, такой результатъ покажется поистинѣ жалкимъ.

И все-таки это былъ самый рѣшительный разрывъ съ средневѣковой системой, какой только можно указать до сихъ поръ въ такомъ объемѣ, «первая успѣшная попытка прочно основать равноправность двухъ вѣроисповѣданій въ большомъ государствѣ римско-католическаго христіанства», какъ говоритъ Риттеръ. Понятно то упорное противодѣйствіе, которое оказывали католики предоставленію неограниченной свободы въ перемѣнѣ религіи для всѣхъ сословій и подданныхъ; вѣдь въ сущности уже самое признаніе равноправности было для нихъ пожертвованіемъ самыми задушевыми ихъ убѣжденіями, которое они передъ своей собственной совѣстью могли извинять только тѣмъ, что это—уступка передъ необходимостью. Въ дѣйствительности же перевѣсъ въ численности на имперскомъ сеймѣ былъ все еще на ихъ сторонѣ. Но и здѣсь, и въ области имперскаго государственнаго права, реформація, согласно со своими потребностями, разбила старыя оковы; вѣдь названіе протестантовъ произошло именно отъ борьбы съ принципомъ большинства. И вотъ, въ первоначальной формѣ пассаускаго договора, до измѣненій, сдѣланныхъ императоромъ (стр. 365), и католическіе, даже духовные имперскіе чины признали все таки безусловную необходимость религіознаго мира; ради противодѣйствія испанской политикѣ императора, ради защиты сообща княжескихъ вольностей снова сблизились другъ съ другомъ разлученные вѣроисповѣданіемъ члены имперіи. Все это случилось однако только подъ сильнымъ давленіемъ политическихъ, а именно военныхъ событій; какъ только давленіе это уменьшилось, опять прекратилось отчасти и слѣдствіе его.

Пока еще однако война съ маркграфомъ препятствовала собранію имперскаго сейма, которое было выговорено еще въ Пассау, и уже четыре раза тщетно назначались сроки, а когда наконецъ онъ былъ на-

значенъ на 13 ноября 1554 года, снова проявились прежнее равнодушіе имперскихъ чиновъ, черезчуръ даже обоснованное недовѣріе къ способности къ дѣлу своей собственной корпораціи, при чемъ оказало свое вліяніе и подозрѣніе противъ императора. Король Фердинандъ, не найдя имперскихъ чиновъ въ Аугсбургѣ въ концѣ года, могъ открыть имперскій сеймъ только 5-го февраля 1555 года; несмотря на всѣ настоянія никто изъ курфюрстовъ не явился лично, изъ духовныхъ князей явились только кардиналъ-епископъ аугсбургскій (Оттонъ Трухзесъ) и епископъ эйхштедтскій, изъ свѣтскихъ только герцоги баварскій, вюртембергскій, баденскій и молодой эрцгерцогъ Карлъ. Королевское предложеніе тотчасъ же показало, чего надо было ожидать со стороны католиковъ. Фердинандъ желалъ, чтобы вопросъ о земскомъ мирѣ обсуждался раньше религіознаго вопроса, и чтобы упорядоченіе послѣдняго было еще разъ предоставлено или собору, или собесѣдованію. Другими словами, надо было избѣжать установленія опаснаго религіознаго мира. Нѣкоторые изъ протестантскихъ князей въ самомъ дѣлѣ все еще вѣрили въ возможность религіознаго соглашенія; такъ, герцогъ Христофоръ благосклонно отнесся къ предложенію короля о собесѣдованіи, между тѣмъ какъ въ инструкціи курфюрста бранденбургскаго сказано было даже, что императорскій интеримъ представляетъ вполне подходящую почву, на которой могли бы сойтись евангелики съ католиками—да это-де такъ и было первоначально задумано (стр. 315). Въ то же время курфюрстъ Іоахимъ усердно хлопоталъ о томъ, чтобы добиться для своего сына Сигизмунда, котораго Римъ уже утвердилъ въ санѣ архіепископа магдебургскаго, папскаго утвержденія и въ санѣ епископа гальберштадтскаго. Нѣтъ ничего отвратительнѣе того полнаго макіавеллизма, съ которымъ въ то время евангелическіе князья или ихъ близкіе выставляли себя передъ папою добрыми католиками, чтобы заполучить съ соблюденіемъ всѣхъ правовыхъ формъ то или другое духовное владѣніе, и въ то же время въ этихъ самыхъ владѣніяхъ разрѣшали евангеликамъ отправленіе богослуженія по ихъ обрядамъ. Ту же самую комедію началъ продѣлывать во время имперскаго сейма и курфюрстъ саксонскій Августъ съ епископствомъ Мейсеномъ. Въ самомъ рѣзкомъ противорѣчій съ такими недостойными пріемами стояли постановленія, принятыя въ Наумбургѣ на съѣздѣ наиболѣе выдающихся протестантскихъ имперскихъ чиновъ. Собраніе это, на которое явились курфюрстъ Августъ и сыновья недавно (3-го марта 1554 года) скончавшагося Іоганна Фридриха, бранденбуржцы и гессенцы, въ общемъ шестнадцать князей и тридцать знатныхъ лицъ, представляло своего рода сеймъ несогласныхъ, съ той лишь разницей, что въ немъ участвовало больше князей, чѣмъ

на имперскомъ сеймѣ. Дѣйствительно здѣсь согласились относительно того, въ какомъ направленіи должны дѣйствовать евангелики; рѣшили (12-го марта) остаться при аугсбургскомъ исповѣданіи вѣры 1530 года и отклонить всякое рѣшеніе большинствомъ голосовъ религіозныхъ вопросовъ. Курфюрстъ Іоахимъ поспѣшилъ отмѣнить свое неудачное предложеніе насчетъ интерима. Такимъ образомъ съ протестантской стороны создано было прочное основаніе для переговоровъ въ Аугсбургѣ. А между тѣмъ и совѣтъ курфюрстовъ въ Аугсбургѣ рѣшилъ все-таки заняться сначала жгучимъ вопросомъ и при томъ въ смыслѣ установленія во что бы то ни стало прочнаго мира, противъ чего яро возставалъ совѣтъ князей, а кардиналъ аугсбургскій заявилъ даже протестъ по всей формѣ. Но гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ этотъ протестъ, произвело рѣшительное заявленіе князей наумбургскаго съѣзда, между тѣмъ какъ на самомъ имперскомъ сеймѣ Христофоръ вюртембергскій отстаивалъ въ качествѣ «руководителя партіи» требованія евангеликовъ противъ католическаго большинства въ совѣтѣ князей. Въ заключеніе дѣло кончилось тѣмъ, что даже всѣ духовные князья, за исключеніемъ кардинала, согласились на прочный религіозный миръ, даже и безъ предварительнаго соглашенія, и взяли назадъ даже единственную оговорку, которую они оставили было про запасъ, въ виду угрожающаго положенія евангеликовъ. Согласились на томъ, чтобы миръ этотъ былъ «постояннымъ, неизмѣннымъ, безусловнымъ и ненарушимымъ во вѣки вѣковъ». Послѣ того какъ согласились въ главномъ, прошли безъ особенныхъ затрудненій и совершенно необходимыя для протестантовъ условія для такого мира: обезпеченіе евангелическихъ владѣній и церковнаго управленія. Юрисдикція епископовъ была отмѣнена въ протестантскихъ областяхъ, санкціонировано упраздненіе духовныхъ владѣній, поскольку они не пользовались правомъ имперской непосредственности и ко времени заключенія пассаускаго договора находились уже въ рукахъ протестантовъ.

Только вопросъ о возможности въ будущемъ перемѣщенія существующихъ въ настоящее время отношеній силъ обоихъ вѣроисповѣданій пробудилъ опять сознаніе непримиримаго противорѣчія между ними. Протестанты должны были возбудить этотъ вопросъ, если только они не желали разъ навсегда отказаться отъ всякой возможности дальнѣйшаго развитія. Положеніе ихъ однако совсѣмъ не подходило къ этому, но и въ протестантскихъ имперскихъ чинахъ живо было нѣкоторое сознаніе, что при великихъ духовныхъ движеніяхъ остановка равносильна движенію вспять, хотя въ то время они думали не столько объ идеальномъ ядрѣ, сколько о практическихъ послѣдствіяхъ реформаціи, о матеріальномъ и правовомъ усиленіи своей собственной власти. Во всякомъ случаѣ, нельзя про нихъ сказать

что они совѣмъ скрывали свои самыя задушевные мысли. Само собой разумѣется, что, съ одной стороны, всѣ они не менѣе католиковъ считали свою религію единственно истинною, а слѣдовательно желательнымъ исключительно ея господство, но, съ другой стороны, въ отличіе отъ католиковъ, они смотрѣли на свободу совѣсти каждаго отдѣльнаго человѣка какъ на неприкосновенное право, которое должно быть охраняемо отъ системы гнета, которая примѣнялась католической церковью. Слѣдовательно, если евангелики на аугсбургскомъ сеймѣ старались устранить всякія правовыя препятствія на пути ожидаемаго распространенія ихъ ученія, это вытекало вовсе не изъ однихъ только своекорыстныхъ побужденій, а также и изъ основнаго характера реформаціи какъ борьбы за освобожденіе; они требовали для себя полной свободы развитія на счетъ католичества, которое, какъ предполагали, ограничится въ то время только оборонительной политикой; слѣдовательно, они требовали безусловнаго права реформаціи для всѣхъ, и для духовныхъ имперскихъ чиновъ и свободнаго исполненія религіозныхъ обрядовъ для евангелическихъ подданныхъ католическихъ имперскихъ чиновъ; между тѣмъ какъ католическимъ подданнымъ протестантовъ предоставлялась, наоборотъ, только свобода совѣсти. Это послѣднее неравенство пфальцграфъ Оттгейрихъ оправдывалъ совѣмъ ужъ просто-душно тѣмъ, что «наше вѣроисповѣданіе основано непосредственно на Іисусѣ Христѣ и словѣ Его, а потому оно совершенно неоспоримо и не подлежитъ сомнѣнію», а слѣдовательно всенародное служеніе идоламъ никакъ-де не можетъ быть допущено. Менѣе честно было, безплодное впрочемъ, стараніе евангеликовъ провести окольнымъ путемъ двухъмысленныхъ выраженій въ заключительныя постановленія сейма эту безусловную свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ приверженцевъ ихъ вѣры. Ибо само собой понятно было, что противная партія вовсе не согласна была удовлетворить вышеупомянутымъ обширнымъ требованіямъ; этимъ она со своей стороны открыла бы настежь двери для постепенной секуляризаціи духовныхъ территорій и обращенія въ евангеличество Германіи, сдѣлала бы сомнительнымъ само дальнѣйшее существованіе католической церкви. Для такого самоуничтоженія положеніе католиковъ было опять-таки не такъ уже плохо, не говоря вовсе о могуществѣ религіозныхъ сомнѣній. Положимъ, папскіе нунціи, которые послѣ отъѣзда на конклавъ кардиналовъ Мороне и Трухзеса явились поборниками принципіальнаго отрицанія всего этого дѣла мира, жаловались на страхъ бѣднаго римскаго короля и на «трясущіяся колѣни» духовныхъ князей. Но, хотя у Фердинанда и возникала мимолетная мысль распустить имперскій сеймъ и затянуть рѣшеніе, хотя католическіе чины и имѣли полное основаніе опасаться возобновленія междоусобной войны, все же не было и рѣчи о томъ, будто

евангелики достигли своей цѣли. Мало было пользы отъ того, что они увѣряли, будто духовныя княжества даже въ случаѣ перехода архіепископа или епископа въ аугсбургское вѣроисповѣданіе не теряютъ своего духовнаго характера и не могутъ быть сдѣланы наслѣдственными; противная партія естественно не вѣрила въ это. Послѣ препирательствъ, тянувшихся цѣлые мѣсяцы, король Фердинандъ, чтобы предупредить угрожавшій разрывъ, придумалъ такой странный выходъ: пусть протестанты предоставятъ ему, — такъ какъ у него совѣсти не меньше чѣмъ у нихъ, — упорядоченіе вопроса о переходѣ духовныхъ лицъ, т. е., пусть свалятъ на него отвѣтственность за ту часть окончательнаго постановленія сейма, которую сами они не могли взять на себя; имъ тоже слѣдуетъ «проглотить кое-что черезъ силу», какъ ему и брату его, императору, пришлось проглотить не мало горечи, соглашаясь на религіозный миръ. Курфюрстъ саксонскій Августъ стяжалъ сомнительную славу тѣмъ, что склонилъ къ уступчивости своихъ единовѣрцевъ, среди которыхъ особенно горячо противился курфюрстъ бранденбургскій. Это было рѣшеніе будущности Германіи на цѣлыя столѣтія впередъ. Эта оговорка насчетъ духовныхъ лицъ, которая вынуждала прелатовъ, обращающихся въ протестантство, терять вмѣстѣ съ своимъ іерархическимъ саномъ и свое свѣтское владычество, имперскій ленъ, сохранила Священной римской имперіи самые дурные признаки ея священности, духовныя государства, и этимъ отдалила наиболѣе необходимую операцію, которую слѣдовало совершить надъ больнымъ государствомъ. Судя по дальнѣйшему направленію, которое съ тѣхъ поръ приняла исторія нѣмецкаго народа, мы должны смотрѣть на эту неполную секуляризацию, пожалуй, какъ на самый тяжкій политическій грѣхъ упущенія эпохи реформациі.

Эта оговорка была включена въ условія религіознаго мира, хотя протестанты и объявили, что они не могутъ считать ее обязательной для себя. Но и на предложеніе герцога вюртембергскаго принять на себя защиту интересовъ прелатовъ, изверженныхъ изъ сана за переходъ въ евангеличество, они такъ же не рѣшились согласиться. Напротивъ, уступка, которой они въ свою очередь потребовали, чтобы евангелическимъ подданнымъ духовныхъ владѣтелей была предоставлена свобода въ исполненіи обрядовъ, не была помѣщена въ постановленіе сейма, а обезпечена имъ только отдѣльнымъ заявленіемъ римскаго короля, которое вовсе не было представлено камеральному суду и, слѣдовательно, считалось послѣднимъ какъ бы вовсе не существующимъ. Если эти постановленія относительно духовныхъ княжествъ содержали въ себѣ непримиримыя противорѣчія и должны были вызвать разногласія во мнѣніяхъ уже самой неясностью изложенія ихъ, то обязательность для протестантскихъ властей охранять до извѣстной степени духовныхъ лицъ, непользующихся правами имперской

непосредственности, если отобранные имѣнія ихъ предоставлены были тѣмъ не менѣе государству, такъ же сдѣлалось источникомъ недоразумѣній. Въ довершеніе всего неправдиво и нечестно было предложеніе, чтобы въ имперскихъ городахъ со смѣшаннымъ по религіи населеніемъ оба вѣроисповѣданія пользовались защитой соотвѣтственно распредѣленію послѣдователей въ настоящее время; цѣль этого была увѣковѣчить существующія отношенія, какъ они сложились подъ вліяніемъ интерима въ Страсбургѣ, Ульмѣ и другихъ городахъ въ пользу католическаго меньшинства и вполнѣ основательно казались возмутительными и невыносимыми для протестантскаго большинства горожанъ. Но и на этомъ сеймѣ обозначилось не разъ уже указанное явленіе, что политическая роль нѣмецкихъ городовъ почти что кончилась, и принадлежность ихъ къ составу управленія имперіей ограничивалась правомъ выслушивать и принимать постановленія высшихъ сословій.

Такимъ образомъ религіозный миръ, обнародованный одновременно съ окончательными постановленіями имперскаго сейма 25-го сентября 1555 года, содержалъ въ значительной мѣрѣ «исключительные законы, о смыслѣ и силѣ которыхъ обѣ стороны были противоположныхъ мнѣній», какъ говоритъ Риттеръ. Изъ всего, за что съ такой мощью и усиліями боролась реформація, къ чему она стремилась, прочную законную форму получило, во-первыхъ, начало равноправности, которое окончательно испровергло средневѣковый догматъ объ единствѣ вѣры и устранило, по крайней мѣрѣ въ Германіи, для католиковъ и протестантовъ варварство прежнихъ законовъ противъ еретиковъ, а затѣмъ еще болѣе чѣмъ скромный остатокъ свободы совѣсти для подданныхъ; они такъ же, какъ и ихъ власти, получили право избирать себѣ между аугсбургскимъ вѣроисповѣданіемъ и католической церковью, но, въ случаѣ если выборъ ихъ не совпадалъ съ выборомъ ихъ территоріальнаго государя, они должны были выселиться изъ страны. Ибо эта пора, полная борьбы, вѣкъ воинственныхъ богослововъ и богословствующихъ князей, была безконечно далека отъ того, чтобы хотъ только признавать—объ осуществленіи и говорить нечего,—тѣ идеалы религіознаго самоопредѣленія и свободнаго возвышенія надъ сковывающими словами и символами, которые носились передъ Лютеромъ, пока въ немъ еще только слагался будущій реформаторъ. Какъ религіозное развитіе протестантства и, прибавимъ, и католичества побуждало къ возможно рѣзкому и ясному выраженію церковнаго вѣроученія, стремилось разрабатывать противоположности, а не сглаживать ихъ, такъ и въ области политики княжеское государство распоряжалось какъ власть будущаго, замыкаясь въ самомъ себѣ и отграничиваясь отъ другихъ, борясь съ имперіей за свою свободу, а у себя дома, хотя бы это происхо-

дило на крошечномъ клочкѣ земли, добиваясь единовластія. Мы уже знаемъ, какого приращенія могущества достигло сословіе князей въ Германіи при помощи реформаціи; въ извѣстномъ положеніи: *Cuius regio, eius religio* точно такъ же воплощается окончательное послѣдствіе развитія, которое получило свою правовую санкцію именно вслѣдствіе религіознаго мира. Но въ то время въ Аугсбургѣ нашли себѣ разрѣшеніе и другіе великіе вопросы. Мы коснемся здѣсь лишь въ немногихъ словахъ того, какимъ образомъ новое распоряженіе относительно округовъ 1555 года, изданное для того, чтобы содѣйствовать болѣе скорому и рѣшительному приведенію въ исполненіе приговоровъ имперскаго камеральнаго суда, въ сущности прямо взяло изъ рукъ главы имперіи охраненіе земскаго мира и, мало того, послужило основаніемъ для новаго военнаго устройства на случай недоразумѣній съ иностранными державами. Чисто сословный строй округовъ долженъ былъ въ будущемъ завѣдывать военнымъ дѣломъ для надобностей какъ внутренней, такъ и внѣшней политики, вмѣсто верховной имперской власти. Замѣщеніе должностей и надзоръ за дѣятельностью имперскаго камеральнаго суда, который получилъ равнымъ образомъ въ 1555 свое окончательное устройство, тоже вполне предоставлены были преимущественно имперскимъ чинамъ. Итакъ, вотъ къ чему привели всѣ попытки реформъ въ монархическомъ духѣ, которымъ самый могущественный властелинъ въ Европѣ посвятилъ добрую долю своей силы. Въ концѣ его правленія имперія сдѣлала большой шагъ впередъ по давно намѣченному пути партикуляристическаго разъединенія и раздробленія. Вмѣсто носившейся передъ его воображеніемъ всемірной испанской монархіи, которая должна была поставить и Германію на путь своего деспотизма, австрійскій императорскій домъ стоялъ теперь скорѣе рядомъ съ республикою имперскихъ чиновъ, чѣмъ надъ нею; хотя онъ не былъ національнымъ въ полномъ смыслѣ слова, но все же его можно было предпочесть чисто иноземному владычеству, которое только что пережили, а главное то, что онъ глубоко обязанъ былъ передъ сословіемъ нѣмецкихъ князей. Протянулось еще почти два года, пока, вслѣдствіе нерѣшительности, свойственной Карлу V, и медленности переговоровъ съ нѣмцами, совершилось перенесеніе императорскаго сана на Фердинанда I; торжественный обрядъ совершенъ былъ 14 марта 1558 года въ церкви св. ап. Варѣоломея во Франкфуртѣ въ присутствіи католическихъ и протестантскихъ имперскихъ князей. Римъ не протестовалъ противъ религіознаго мира, протестъ его противъ новой полуеретической имперіи раздался, не произведя ни малѣйшаго впечатлѣнія. Спокойствіе во что бы то ни стало, казалось, было лозунгомъ Германіи 1555 года, какъ она сложилась на основаніи религіозной равноправности и съ аристократическимъ строемъ.

Религіозный миръ въ Германіи не привелъ Европу къ окончательному прекращенію тѣхъ великихъ потрясеній, которыя наполняютъ первую половину XVI вѣка. Шмалькальденская война была только первой въ длинномъ печальномъ рядѣ религіозныхъ войнъ; послѣдняя религіозная война постигла потомъ родину реформаціи съ поистинѣ истребительной яростью. Но сама реформація изжила въ нѣкоторомъ смыслѣ во время бурныхъ годовъ княжеской революціи, и для Германіи настало время покоя, только оно носитъ пожалуй гораздо болѣе отпечатокъ изнуренія, чѣмъ снова пріобрѣтеннаго равновѣсія силъ. Ибо все же черезчуръ ужъ внѣшнимъ образомъ властвующіе политическіе элементы положили конецъ этой мощной борьбѣ, между тѣмъ какъ въ душѣ большинства народа страсти революціонной поры, хетя и полу-укрошенные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и опошленные и пропитавшіяся мелочностью и грязью, продолжали свое разрушительное дѣло. Мы не должны забывать, что реформація была послѣднимъ великимъ подвигомъ народа, который клонился къ упадку; она содѣйствовала паденію средневѣковой имперіи нѣмецкой націи и полной побѣдѣ обособившихся княжескихъ государствъ надъ монархією, равно какъ и надъ демократическими силами. Самымъ яснымъ и яркимъ свидѣтельствомъ этого служить то поистинѣ жалкое положеніе, до котораго низведено было въ Германіи сословіе бюргеровъ къ концу описаннаго нами періода, несмотря на свое обильное послѣдствіями участіе въ религіозномъ движеніи. Продолжавшееся еще нѣкоторое время благосостояніе во все болѣе и болѣе застывавшихъ въ своей неподвижности маленькихъ республикахъ не могло вознаградить за крушеніе морского могущества Германіи; да и новое придворное и педантичное образованіе тоже не могло служить здоровой замѣной клонившейся къ упадку городской культуры и классицизма, который отнынѣ влчилъ жалкое существованіе подъ игомъ школы. Съ непреодолимой силой распространялось по Германіи политическое и духовное вліяніе романцевъ: французовъ, испанцевъ, итальянцевъ. Безспорно, исконная самобытная сила нѣмецкаго индивидуализма показывала въ нѣкоторыхъ внушительныхъ проявленіяхъ, что она еще не истощилась, но во всѣхъ областяхъ, въ государствѣ и въ церкви, въ искусствѣ и въ литературѣ, въ правѣ и обычаѣ все-таки преобладаетъ отчасти мелочно ограниченное мѣстными интересами, отчасти полукосмополитическое состояніе умовъ, которое выступаетъ въ такомъ смѣшеніи только у народовъ, клонящихся къ упадку. Самымъ глубокимъ униженіемъ Германіи мы считаемъ конечно переходъ отъ XVIII къ XIX вѣку. Но, между тѣмъ какъ эти десятилѣтія незабвеннаго политическаго позора скрашиваются вмѣстѣ съ тѣмъ духовнымъ расцвѣтомъ столь же незабвеннаго величія, между тѣмъ какъ тогда подъ гнетомъ чужеземнаго насилія подготавливалось почти

чудесное возрожденіе нѣмецкаго народа, — истекающій XVI вѣкъ велъ политически и духовно сломленное, нравственное одичалое, окостенѣлое въ догматикѣ поколѣніе навстрѣчу почти безпримѣрнаго крушенія.

И все же оба эти вѣка неразрывно связаны между собою. Поздно, но изобильно реформація принесла свой плодъ на своей родинѣ. Изъ нѣмецкаго протестантства, которое выдержало огненное испытаніе въ Тридцатилѣтней войнѣ, развились теперешняя культура и національное государство нѣмецкаго народа. Безъ Лютера не было бы Канта и Гёте, безъ протестантскаго и выросшаго изъ вражды къ императору прусскаго государства не было бы новой Германской имперіи. Не безъ печали, но и не безъ благодарнаго подъема духа можемъ мы, нѣмцы, озираться теперь на самый мощный переворотъ во всей исторіи нашего народа.

К О Н Е Ц Ъ.